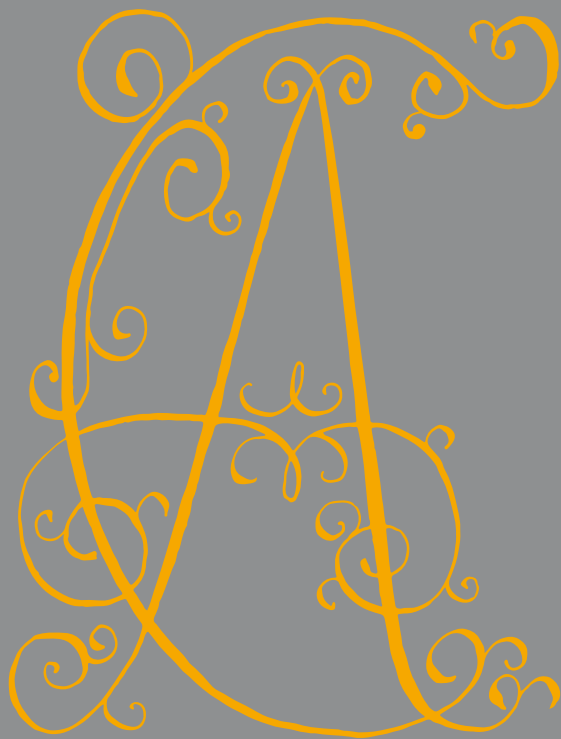

Славянский АЛЬМАНАХ

ISSN 2073-5731
e-ISSN 2782-4411

Slavic
ALMANAC

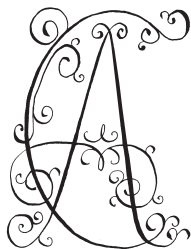
1-2·2024

Институт славяноведения РАН

Славянский АЛЬМАНАХ

1-2 · 2024

Slavic
ALMANAC

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2024

Slavic Almanac 2024. Issues 1–2 /

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief — Moscow: Indrik, 2024. — 528 p.

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731 (magazine)

e-ISSN 2782-4411

DOI 10.31168/2073-5731.2024.1-2 (issue)

This issue of “Slavic Almanac” (1–2, 2024) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on the history of Slavic peoples, linguistics, literary studies and history of science. The chronological span of the publications is from the Middle Ages to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

FOUNDER: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
PUBLISHING HOUSE “INDRIK”

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A.
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Phone: +7 (495) 938-17-80
Website: slavicalmanac.ru
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Frequency: 4 per year
Circulation: 500 copies
Published since 1997

© Insitute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2024
© Authors, 2024
© Publishing house “Indrik”, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Никифоров К. В., главный редактор,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Борисёнок Ю. А., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Вендина Т. И., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Влашич-Анич А., Институт старославянского языка, Загреб, Хорватия

Дзиффер Д., Университет Удине, Удине, Италия

Димич Л., Сербская академия наук и искусств, Белград, Сербия

Женюх П., Институт славистики САН, Братислава, Словакия

Запольская Н. Н., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Зуппан А., Австрийская академия наук, Вена, Австрия

Номати М., Славяно-евразийский исследовательский центр
Университета Хоккайдо, Саппоро, Япония

Плотникова А. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Радева В., Софийский университет, София, Болгария

Робинсон М. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Розман А., Университет Любляны, Любляна, Словения

Станков Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Старикова Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Узенёва Е. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

РЕДАКЦИЯ

Дронов М. Ю., ответственный секретарь,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Александрова А. К., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кирилина Л. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кочегаров К. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кучко В. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Трефилова О. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Шатько Е. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

EDITORIAL BOARD

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Borisyonok Yu. A., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Dimić L., Serbian Academy of Sciences and Arts, Belgrade, Serbia

Nomachi M., Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Plotnikova A. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Radeva V., University of Sofia, Sofia, Bulgaria

Robinson M. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Rozman A., Univeristy of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia

Stankov N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Starikova N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Suppan A., Austrian Academy of Sciences, Vienna, Austria

Uzeneva E. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vendina T. I., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vlašić-Anić A., Old Church Slavonic Institute, Zagreb, Croatia

Zapolskaya N. N., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ziffer G., Univeristy of Udine, Udine, Italy

Žeňuch P., Institute of Slavistics, Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia

EDITORIAL OFFICE

Dronov M. Yu., Executive Secretary, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexandrova A. K., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kirilina L. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kocheharov K. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kuchko V. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Shatko E. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Trefilova O. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Содержание

История

<i>Флоря Б. Н. (Москва)</i> . Отношения гетманства и России и заключение Бахчисарайского договора	12
<i>Ганин А. В. (Москва)</i> . «Многие... пытались говорить по-украински». Украина 1917–1919 гг. в воспоминаниях генерала В. В. Буняковского	29
<i>Зоитакис А. Г., Тимонина Е. С. (Москва)</i> . Миссионерская деятельность православных братств в Греции и Сербии в 1918–1941 гг.	55
<i>Серапионова Е. П. (Москва)</i> . Чехословацкие политики в донесениях советских дипломатов и вопрос установления официальных отношений между ЧСР и Россией / СССР (начало 1920-х гг.)	77
<i>Баринов И. И. (Москва), Коровченко Е. В. (Минск)</i> . «Никому не желаю зла!»: Евгений Ладнов и его жизненные траектории	103
<i>Кузьмичева А. Е. (Москва)</i> . Польские проекты морального разоружения в межвоенный период: тактика Ю. Пилсудского и Ю. Бека	120
<i>Борисёнок Е. Ю. (Москва)</i> . Непростая альтернатива украинизации: малоросийство в современном украинском историко-публицистическом дискурсе	135

Лингвистика и этнолингвистика

<i>Саенко М. Н. (Москва)</i> . Праслав. * <i>čerěнь</i> и * <i>čěrnь</i> . II. Рукоять и коренной зуб	154
<i>Изотов А. И. (Москва)</i> . «Остравский язык» в нарративе травелога ...	185
<i>Белова О. В. (Москва)</i> . Поверх барьеров: трансформация языковых стереотипов в поликультурной среде Западной области и соседних регионов в 1920–1930-е гг.	205
<i>Климова К. А. (Москва), Никитина И. О. (Санкт-Петербург)</i> . Язык и культура греков Северной Осетии – Алании (по материалам этнолингвистической экспедиции к грекам Владикавказу)	227

Литературоведение

<i>Чепелевская Т. И. (Москва). Код имени у И. Цанкара</i> (роман «Нина»)	241
<i>Кожина С. А. (Москва). «Proces cum figuris»: отражение</i> философско-эстетических концепций Д. Годровой в ее художественных произведениях	256
<i>Шешкен А. Г. (Москва). Македонский писатель Венко Андоновский</i> о подлинных и мнимых художественных ценностях	274
<i>Широкова Л. Ф. (Москва). «Хэппизэнды» Ярославы Блажковой</i> (Чехословакия – Канада – Словакия)	286
<i>Жирова-Лубневская М. О. (Калининград). Номадический принцип</i> в романе «Бегуны» Ольги Токарчук	298

История культуры

<i>Задорожник Э. Г. (Москва). Д. П. Святополк-Мирский о славянстве ...</i>	313
<i>Федюкина Е. В. (Москва). Он хотел быть «просто художником».</i> К 100-летию со дня рождения Ежи Новосельского	334

Публикации

<i>Кочегаров К. А. (Москва). К истории побега гетмана И. С. Мазепы</i> к шведам. Из архива походной канцелярии А. Д. Меншикова ..	345
<i>Дронов М. Ю. (Москва). Из истории карпаторусинского</i> русофильства: письма Юлия Ставровского Адольфу Добрянскому (1879 г.)	357
<i>Стыкалин А. С., Гусев Ю. П. (Москва). «Мы знаем, что</i> ты не родился негодяем...» Янош Кадар на допросе у Ласло Райка, 1949 год	373

Обзоры и рецензии

<i>Кретов В. А. (Санкт-Петербург). Польский вопрос</i> в Российской империи в последних изданиях серии Historia Rossica	427
<i>Борисёнок Ю. А. (Москва). Формирование территории</i> Российской империи на польском направлении, особенности и закономерности: дискуссионные вопросы в современной историографии	454

<i>Новосельцев Б. С. (Москва). Новая монография Любодрага Димича</i>	472
<i>Никифоров К. В. (Москва). От Тито до Милошевича:</i>	
от Брежнева до Горбачева	479
<i>Старикова Н. Н. (Москва). Писатели vs цензура:</i>	
словенский опыт в контексте XIX в.	487
<i>Куренная Н. М. (Москва). Тереза Станиславовна Голуб.</i>	
Текстология и текстологи	501
<i>Гаврилова П. Д. (Москва). Просто и строго – Конеский.</i>	
Классика в интерпретации молодых	507

Хроника

<i>Дронов М. Ю., Слоистов С. М. (Москва). Международная</i>	
научная конференция «XVI Чтения памяти митрополита	
Литовского и Виленского Иосифа (Семашко)»	512
<i>Шалаева Т. В. (Москва). XL Всероссийское диалектологическое</i>	
совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2024» ..	517

Юбилеи

<i>Степаненко Е. В. (Москва). К 90-летию со дня рождения</i>	
Р. П. Усиковой (1933–2018)	521

Contents

History

- Florya B. N. (Moscow)*. Relationships between Russia and the Left-Bank Cossak Hetmanate and the conclusion of the Treaty of Bakhchisarai 12
- Ganin A. V. (Moscow)*. “Many people... tried to speak Ukrainian”. Ukraine 1917–1919 in the memories of General V. V. Bunyakovsky 29
- Zoitakis A. G., Timonina E. S. (Moscow)*. Missionary activity of Orthodox brotherhoods in Greece and Serbia in 1918–1941 55
- Serapionova E. P. (Moscow)*. Czechoslovak politicians in Soviet diplomatic reports and the issue of establishing official relations between Czechoslovakia and Russia / USSR (early 1920s) 77
- Barinov I. I. (Moscow), Korovchenko E. V. (Minsk)*. “I don’t want to harm anyone!”: Evgeny Ladnov and his Life Paths 103
- Kuzmicheva A. Ye. (Moscow)*. Polish projects of moral disarmament in the interwar period: J. Pilsudski and J. Beck’s tactics 120
- Borisyonok E. Yu. (Moscow)*. Malorossianism in contemporary Ukrainian historical and journalistic discourse 135

Linguistics and ethnolinguistics

- Saenko M. N. (Moscow)*. Proto-Slavic *černъ and *čerěňъ. II. Handle and molar 154
- Izotov A. I. (Moscow)*. “The Ostrava Language” in the travelogue narrative 185
- Belova O. V. (Moscow)*. Over the barriers: the transformation of linguistic stereotypes in the multicultural environment of the Western Region and neighboring regions in the 1920s – 1930s 205
- Klimova K. A. (Moscow), Nikitina I. O. (Saint Petersburg)*. Language and culture of the Greeks of North Ossetia – Alania (based on materials from the ethnolinguistic expedition to the Greeks of Vladikavkaz) 227

 Studies of literature

<i>Chepelevskaya T. I. (Moscow)</i> . Cankar's name code (novel "Nina", 1906)	241
<i>Kozhina S. A. (Moscow)</i> . "Proces cum figuris": reflection of the philosophical and aesthetic concepts of D. Hodová's works ...	256
<i>Sheshken A. G. (Moscow)</i> . Macedonian writer Venko Andonovski upon true and imaginary artistic values	274
<i>Shirokova L. F. (Moscow)</i> . "Happiends" by Jaroslava Blažková (Czechoslovakia – Canada – Slovakia)	286
<i>Zhirova-Lubnevskaya M. O. (Kaliningrad)</i> . The nomadic principle in the novel "Flights" by Olga Tokarczuk	298

History of culture

<i>Zadorozhnyuk E. G. (Moscow)</i> . D. P. Svyatopolk-Mirsky on Slavs	313
<i>Fedyukina E. V. (Moscow)</i> . He wanted to be "just an artist". On the 100 th anniversary of Jerzy Nowosielski's birth	334

Publications

<i>Kochegarov K. A. (Moscow)</i> . On the hetman Ivan Mazepa's escape to Swedish camp: some new documents of the Field Chancery of Alexander Menshikov	345
<i>Dronov M. Yu. (Moscow)</i> . From the history of the Carpatho-Rusyn Russophilism: letters of Yuliy Stavrovsky to Adolf Dobryansky (1879)	357
<i>Stykalin A. S., Gusev Yu. P. (Moscow)</i> . "We know that you were not born a scoundrel...". János Kádár interrogating László Rajk, 1949	373

Reviews

<i>Kretov V. A. (Saint Petersburg)</i> . The Polish Question in the Russian Empire in the latest editions of the series <i>Historia Rossica</i>	427
<i>Borisyonok Yu. A. (Moscow)</i> . Formation of the territory of the Russian Empire in the Polish direction, features and patterns: controversial issues in modern historiography	454

<i>Novoseltsev B. S. (Moscow)</i> . New monograph by Lyubodrag Dimić	472
<i>Nikiforov K. V. (Moscow)</i> . From Tito to Milošević: from Brezhnev to Gorbachev	479
<i>Starikova N. N. (Moscow)</i> . Writers vs censorship: Slovenian experience in the context of the 19 th century	487
<i>Kurennaya N. M. (Moscow)</i> . T. S. Holub. Textual criticism and textualists	501
<i>Gavrilova P. D. (Moscow)</i> . Simple and strict – Koneski. About the interest of the young generation in the giant of Macedonian literature	507

Chronicles

<i>Dronov M. Yu., Sloistov S. M. (Moscow)</i> . International Scientific Conference “XVI Readings in Memory of Metropolitan Joseph of Lithuania and Vilna (Semashko)”	512
<i>Shalaeva T. V. (Moscow)</i> . XL All-Russian Dialectological Meeting “Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects – 2024”	517

Anniversaries

<i>Stepanenko E. V. (Moscow)</i> . To the 90 th anniversary of the birth of R. P. Usikova (1933–2018)	521
---	-----

УДК 94(47).04

Б. Н. Флоря

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.01

Отношения гетманства и России и заключение Бахчисарайского договора

Флоря Борис Николаевич

Член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, зав. отделом

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: sredveka_inslav@land.ru

ORCID: 0000-0003-0779-2488

Цитирование:

Флоря Б. Н. Отношения гетманства и России и заключение Бахчисарайского договора // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 12–28.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.01

Статья поступила в редакцию 17.09.2023.

Рецензирование завершено 30.01.2024.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

Мирные переговоры между Россией, с одной стороны, и Османской империей и Крымским ханством, с другой, в конце 1670-х – начале 1680-х гг. были достаточно долгими и проходили тяжело. В историографии до сих пор не выяснена роль гетмана Ивана Самойловича и представителей украинской элиты в формировании русской программы переговоров и тех требований, которые Москва предъявляла представителям Крыма и Турции в качестве условий заключения мира. Настоящая статья раскрывает степень участия украинской стороны в подготовке второго посольства в Крым – Ивана Сухотина осенью 1679 г., а также освещает те контакты между Москвой и ставкой гетмана Самойловича, которые происходили в период подготовки третьего посольства в Крым – стольника В. М. Тяпкина и дьяка Н. М. Зотова. К гетману для переговоров был отправлен стольник М. Головин, задачей которого было согласовать с И. Самойловичем границы возможных территориальных уступок на Правобережье в пользу Крыма и Турции. В результате этих консультаций было достигнуто соглашение о возможности полной уступки крымско-турецкой стороне Правобережья (за исключением Киева) при невозможности заключить мир на иных условиях. Решение

о территориальных условиях соглашения, заключенного в Бахчисарае в 1681 г., основывалось, таким образом, на согласованном мнении русского правительства и гетмана Ивана Самойловича.

Ключевые слова

Иван Самойлович, русско-крымские переговоры, Бахчисарайский договор, русско-украинские отношения, Левобережное гетманство, русско-турецкая война 1672–1681 гг.

В конце 70-х гг. XVII в. в политике гетманства и России важное место занимал вопрос об отношениях с Османской империей и Крымом, захватившими Правобережье. Военные действия сторон в 1679 г. не были такими значительными, как ранее, но состояние войны сохранялось. Осенью 1679 г. состоялось общее решение Москвы и гетманства отказаться от планов заключения союза против османов и искать заключения мира с Османской империей. Для ведения мирных переговоров в Крым было направлено посольство во главе с И. Сухотиным. Если решение о заключении мира было принято, то оставалось неясным, каковы могут быть его условия. Здесь важное значение имела позиция гетмана Ивана Самойловича. Он предлагал добиваться передачи по мирному договору России и гетманству целого ряда территорий Приднепровья с тем, чтобы Османская империя не раздвинула свои границы до Днепра. Предложения гетмана были одобрены, и И. Сухотину были даны инструкции добиваться этой цели¹. С ним был отправлен представитель гетмана И. Скоропадский. Сложность поставленной задачи состояла в том, что следовало добиваться передачи русско-украинской стороне целого ряда территорий, на которые распространялась власть ставленника османов Ю. Хмельницкого. При этом ни русское правительство, ни гетман не обладали такими средствами давления, которые могли бы заставить противную сторону пойти на уступки. Османская империя не имела в 1679–1680 гг. каких-либо других сильных противников.

¹ *Кочегаров К. А.* К истории русско-крымских мирных переговоров 1679–1680 гг. Неудачное посольство в Крым дьяка Василия Михайлова и дворянина Ивана Сухотина // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 642–643.

В обмен на территориальные уступки И. Сухотин должен был предлагать «ближним людям» крымского хана, с которыми предстояло вести переговоры, а также султану и хану крупные денежные суммы². В Москве не было уверенности в том, что таким путем удастся добиться намеченной цели. Врученный И. Сухотину наказ предусматривал, что, возможно, он не сможет добиться уступок и будет вынужден сообщать о сложившемся положении царю и даже вернуться в Москву, не заключив мирного договора³.

К концу весны 1680 г. гетману, а затем и Москве стали известны результаты переговоров, которые вел в Крыму И. Сухотин. Попытки добиться территориальных уступок на Правобережье закончились неудачей. Как сообщал в Москву И. Сухотин, «в межевом деле по последней статье упорно отказали». Граница к югу от Киева, по мнению крымских сановников, должна была пройти по Днепру⁴. В ханской грамоте, которую передал в мае в Москве его посол Халил-ага, с раздражением констатировалось, что в царских грамотах «ни одно годное слово не объявилось» и от посланцев «полезных слов не было». Хан соглашался на то, чтобы Киев «с уезды» находился под русской властью, но кроме этого «дале Днепра ни единой ступени к себе не просить вам»⁵.

Такие результаты переговоров обеспокоили Ив. Самойловича, что нашло отражение в его послании царю от 20 апреля. Как и ранее, гетман считал, что не следует допускать османов к Днепру, где они могли бы создать плацдарм для дальнейшего наступления. К этому добавились новые причины для беспокойства, связанные с изменениями политики османов на завоеванных территориях. Если в предшествующие годы гетманство усиливалось за счет миграции населения Правобережья, спасавшегося от репрессий османов, то теперь положение изменилось. На занятых землях, как, например, в Подолии, османы стали организовывать «слободы» – поселения, свободные от налогов, чтобы привлечь население. Гетман опасался, что османы станут так же поступать на землях Приднепровья. «Тогда, – писал он, – мало кто бы здесе остался»⁶.

В печальном итоге переговоров гетман винил И. Сухотина, который «не разумел о деле говорить так, как ему подобает», и предлагал послать в Крым «чеснейшаго и мудрейшаго человека», который сможет

2 Там же. С. 642–643.

3 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1679 г. № 15. Л. 140, 168, 177, 256–256 об.

4 Там же. 1680 г. № 4. Л. 48.

5 Там же. Л. 50.

6 Там же. Л. 26.

добиться лучших условий⁷. Внимание гетмана, по-видимому, привлекли сообщения посланцев, что «ближние люди» хана, добываясь границы по Днепру, обещали, что «по Днепру... вновь городов и мест в салтанову сторону ставить и заводить не учнут»⁸. Поэтому он предлагал новому русскому посланцу добиваться, чтобы «от турецкие стороны... не строено дале Бога реки»⁹.

Вместе с тем, добываясь новых усилий для борьбы за более благоприятные условия мира, И. Самойлович сообщал такие сведения и оценки международной ситуации, которые вряд ли могли побудить московских политиков к таким действиям. В своем послании он сообщал, что, как разузнал сопровождавший посольство И. Сухотина его представитель И. Скоропадский, польский король Ян Собеский через своего представителя в Крыму Я. Карвовского побуждал хана «на войну» с царем¹⁰. «По научению королевского величества» запорожцы «приклонились» к союзу с Крымом¹¹. В подтверждение существования такого союза был передан «лист» И. Серко ханскому везиру от 4 января о том, что соглашение Сечи с Крымом «никакими мерами никто розерванием одолети не может»¹². В конце послания И. Самойлович утверждал, что поляки хотят вместе с турками «воевати» против России и гетманства¹³.

Как представляется, сообщая такие сведения, И. Самойлович старался помешать русско-польскому сближению, но такие сведения вряд ли могли побудить московских политиков добиваться улучшения возможных условий мира в столь невыгодной ситуации.

6 мая Самойловичу была отправлена царская грамота, в которой сообщалось, что царь отправил в Крым нового посланца заключить мир «как написано в нынешнем твоем подданного нашего листу». Относительно границ гетмана просили прислать «чертеж», «как тому разграничению быть». Войска, которые пойдут для обороны Киева, собираются в Путивле¹⁴. Еще 3 марта боярская дума приняла решение

7 Там же. Л. 20, 25; *Кочегаров К. А.* К истории русско-крымских мирных переговоров... С. 644.

8 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. № 3. Л. 22.

9 Там же. № 4. Л. 4, 11, 27–28.

10 Там же. Л. 22.

11 Там же. Л. 26.

12 Там же. Л. 32–33.

13 Там же. Л. 30.

14 Там же. Л. 62–65.

вести чрезвычайный налог «по полтине с двора» на жалованье «ратным людям», которые пойдут во главе с В. В. Голицыным «против наступления турецкого салтана»¹⁵. 13 марта было принято и решение о сборе «десятой деньги» с посадских людей¹⁶. 14 марта помещикам предписывалось выставить «с дватцати пяти дворов по человеку конному... с ружьем»¹⁷. К концу весны начались сборы этой большой армии у Путивля¹⁸. Эти данные показывают, что в Москве серьезно опасались возобновления войны и предприняли серьезные усилия для защиты Левобережья. Характерно, что 10 июня крымских гонцов вызвали в Посольский приказ, потребовав от них объяснений в связи с распространением слухов о походе осmano-татарского войска на Киев¹⁹.

Крымские гонцы были задержаны в Москве. Предполагалось их отправить вместе с новым русским посольством в Крым.

Новая грамота гетмана поступила в Москву 20 июня²⁰. Гетман выражал готовность «случиться» с русскими воеводами, чтобы «малороссийских мест от наступления оборонить»²¹. Уделено было внимание и условиям мира. И. Самойлович прислал в Москву «чертеж» – «от Киева на низ аж до устья Черного моря»²². В послании гетман характеризовал возможные условия мирного сосуществования татар и казаков, по-видимому, на тех землях, которые в итоге договоренности останутся без постоянного населения. Татарам должно быть разрешено «по степям около речек кочевать и стада свои конские на траве пасти», но и казакам должно быть разрешено плавать по Днепру «к устью Черного моря» для ловли зверя и рыбы, и «в степь ходить для ловления всякого зверя»²³. Предложением таких условий гетман, по-видимому, рассчитывал добиться согласия крымских сановников на создание обширной незаселенной буферной зоны между государствами.

15 Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 2. 1676–1688. СПб., 1830. № 799. С. 235–236.

16 Там же. № 804. С. 239.

17 Там же. № 806. С. 240.

18 См.: Літопис Самовидця / видання підготував к. ф. н. Я. І. Дзира. Київ, 1971. С. 133–134.

19 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. № 4. Л. 100–102.

20 Там же. Л. 107.

21 Там же. Л. 110.

22 Там же. Л. 115.

23 Там же. Л. 116–117.

Одновременно, как и ранее, И. Самойлович посылал в Москву известия о политике Запорожья и Речи Посполитой. Он прислал свидетельства о сношениях Запорожья с Крымом и Польско-Литовским государством, которые снова говорили о враждебной позиции Речи Посполитой²⁴. Он сообщал также, что на сейме, а затем на совместной русско-польской комиссии будут говорить, чтобы царь запорожцев «до своей не привращал обороны»²⁵. Таким образом, гетман представлял все новые данные, характеризующие Речь Посполитую как враждебное России государство.

Этой же цели служили присланный И. Самойловичу «лист» литовского великого гетмана М. Паца и письма о королевском совете и переговорах сенаторов с приехавшими в Варшаву в начале 1680 г. русскими послами от «некоих людей из Литвы»²⁶. В письме М. Паца говорилось о поисках Яном Собеским союза с Османской империей и планах организации на Левобережье восстания против русской власти²⁷. С высокой степенью вероятности можно предполагать, что и письма принадлежали литовским противникам Яна Собеского и в них доказывалось, что переговоры о союзе против османов снова оказались безрезультатными из-за враждебности Яна Собеского к России²⁸.

Важной гранью в истории контактов гетманства и России стала поездка к гетману Мих. Головина в конце июня 1680 г.²⁹

Наказ М. Головину дает ясное представление о целях его миссии. Он должен был информировать гетмана о итогах русско-крымских переговоров. И. Сухотин добивался заключения мира на условиях, предложенных гетманом, но советники хана «не похотели»³⁰.

24 Там же. Л. 112. См. об этом: *Кочегаров К. А.* Запорожская Сечь и государства Восточной Европы в последние годы жизни кошевого атамана Ивана Серко // *Кочегаров К. А.* Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М., 2019. С. 115.

25 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. № 4. Л. 112.

26 Там же. Л. 117.

27 Там же. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1680 г. № 3. Л. 4; *Кочегаров К. А.* Запорожская Сечь... С. 114.

28 О таких высказываниях литовских политиков при переговорах с Россией см.: *Кочегаров К. А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 59–60.

29 Посольский наказ датирован 27 июня. См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. № 4. Л. 120.

30 Там же. Л. 128.

Гетману предлагалось посоветовать, «как тому разграничению быти инако, чтоб... хана и салтана от мирных договоров не отогнали»³¹. Гетман должен сообщить свое мнение о том, как заключить мир «по самой конечной мере» или «мирных договоров не чинить и в том отказать»³².

Вместе с тем в наказе большое место было уделено характеристике внешней политики Речи Посполитой. М. Головин должен был сообщить гетману, что от Речи Посполитой «добра никакова в стороне царского величества надеяться нечего». На переговорах о союзе против османов польско-литовская сторона предлагает такие условия, что с ней «никогда не толко наступательного, и оборонительного союзу чинить невозможно». В Варшаве «неотменно з бусурманы в том миру быти хотят»³³. В подтверждение правильности этих утверждений гетману были отправлены записи переговоров, которые вели русские послы в Варшаве в апреле – мае 1680 г.³⁴

Такие особенности наказа позволяют предполагать, что целью посольства М. Головина было добиться согласия гетмана и казацкой верхушки на заключение мира на условиях, предложенных крымским ханом. Гетману ясно давалось понять, что альтернативой заключения мирного договора станет война, в которой у Русского государства и гетманства не будет союзников.

В наказе затрагивался и другой вопрос, беспокоивший московских политиков. Гетмана просили выяснить, произойдет ли поход османов на Киев. Направленные на защиту Киева и Левобережья войска, «ожидая того неприятеля, в великих трудах и убытках пребывают», необходимо «ратным людем полготить»³⁵. В Москве хотели избавиться от расходов на войну, в которой было трудно добиться благоприятного итога.

Встреча М. Головина с гетманом состоялась 9 июля в военном лагере, где И. Самойлович стоял с войсками рядом с армией В. В. Голицына³⁶.

31 Там же. Л. 135.

32 Там же. Л. 141.

33 Там же. Л. 136.

34 Там же. Л. 142. О переговорах в Варшаве в апреле – мае 1680 г. см.: *Замысловский Е. Е.* Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Ч. 256. № 3. С. 163–175.

35 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. № 4. Л. 154.

36 Там же. Л. 172.

С гетманом находилась генеральная старшина, полковники нежинский и стародубский, а также командиры «охотных» полков³⁷.

Начавшиеся 10 июля переговоры продолжились в Глухове, куда 13-го уехал гетман. Уже в начале переговоров, 16 июля, гетман сообщил, что «войска турецкие под Киев и на поляков не будут»³⁸. Встречавшийся с М. Головиным ехавший в Москву посол молдавского господаря также сообщал, что турецких и татарских войск «в зборе нет»³⁹. Во врученных позднее посланцу «статьях» И. Самойлович выдвигал предложения о сроке роспуска мобилизованных сил. Так, армию В. В. Голицына предлагалось распустить «от Успеньева дни» – 15 августа⁴⁰. Что касается наиболее острого вопроса о будущих границах Османской империи и России, то ответ на него был дан на беседе М. Головина с гетманом 18 июля в устной форме, а 19-го в переданных ему «статьях». Прежде чем характеризовать эти решения, важно отметить, что в беседах с посланцем И. Самойлович большое место уделил характеристикам Польско-Литовского государства, содержащим немало общего с текстом наказа М. Головину.

И. Самойлович начал с того, что отрицал ценность Речи Посполитой как союзника. Когда началась война с османами, «все города и местечка здавались без боя, где ни один бусурманин не погиб, и впредь здаваться так ж будут»⁴¹. Речь Посполитую И. Самойлович характеризовал как враждебное России государство, которое толкает Османскую империю на войну с ней. Так, прошедшей зимой король призывал хана взять «через саблю у царского величества... его королевского величества города и Малороссийскую Украину»⁴². Переговоры о союзе Ян Собеский ведет только для того, чтобы «к миру не допустить» между Россией и Османской империей⁴³. Гетман поэтому предлагал внести в мирный договор условие, «чтоб наговоров ссор никаких со стороны королевского величества» султану и хану «не слушать»⁴⁴. Наконец, гетман прямо выразил опасение, что в случае возобновления войны «король польской на малороссийские краи наступит и бусурманину вспоможение чинить

37 Там же. Л. 175.

38 Там же. Л. 180.

39 Там же. Л. 190.

40 Там же. Л. 239.

41 Там же. Л. 185.

42 Там же. Л. 187.

43 Там же. Л. 186.

44 Там же. Л. 185, 228–229.

будет»⁴⁵. При такой оценке положения дел гетман и старшина не могли пойти на разрыв мирных переговоров и возобновление войны.

Разумеется, и гетман, и старшина хотели сохранить за собой какие-то позиции на Правобережье. На встрече с М. Головиным 18 июля гетман предлагал добиваться рубежа «по Рось, что бы было в обнадеживающие всей Малороссийской Украине». Но для того, чтобы добиться такой цели, он предлагал только то же, что и составители инструкций И. Сухотину, – выплату крупных денежных сумм «ближним людям» хана, хану и султану. Для этого он обещал от гетманства «вспоможенье... государственной казне»⁴⁶. Такое предложение зафиксировано в «статьях»⁴⁷. Вероятно, однако, гетману к этому времени было уже известно, что аналогичные попытки И. Сухотина были отвергнуты. Поэтому он не мог рассчитывать на успех своего предложения. Тогда оставался один выход – принять основное требование османов. Уже на встрече 18 июня М. Головину было сказано, что «по самой конечной мере... и он, гетман, и старшина уступят и по Днепр»⁴⁸. В «статьях» затем и письменно было зафиксировано, что если не удастся добиться от крымской стороны уступок, то «с ташкою и великою неутолимою жалостью придет сее стороны... уступить по Днепр»⁴⁹. Такое решение было очевидно болезненным, но другого решения на Левобережье явно не видели. Тогда же были приняты и другие шаги, чтобы облегчить заключение мира. В условиях мира, предложенных гетманом, большое место занимало обязательство османской стороны не строить и не заселять города на север от «Богу реки». В «статьях» предусматривалось, что решение этого вопроса, если бы этого предложения «не приняли», передавалось на усмотрение царя⁵⁰. Таким образом, ради заключения мира украинская сторона могла отказаться и от этого, очень существенного требования. Очевидно, ее серьезно беспокоила угроза османо-польского союза.

Таким образом, к августу 1680 г. было достигнуто согласие Москвы и Батурина добиваться мирного договора с Османской империей даже при условии, что Правобережная Украина останется под властью османов. Тем самым именно теперь открывалась реальная возможность заключения мирного договора при согласии гетманства.

45 Там же. Л. 202.

46 Там же. Л. 201.

47 Там же. Л. 219–220.

48 Там же. Л. 194.

49 Там же. Л. 224.

50 Там же. Л. 225.

Дав согласие на возможные условия мира, И. Самойлович торопил с началом мирных переговоров. 24 июля он предлагал думному дьяку Лариону Иванову скорее отправить в Крым «знатную некую из высокого чину особу»⁵¹. Пожелание гетмана, однако, выполнено не было. В начале августа к нему послали сообщение, что новым послом в Крым поедет В. М. Тяпкин, незнатный человек, но один из лучших русских дипломатов, недавно занимавший пост русского резидента в Варшаве. Гетману также сообщали, что его «статьи» использованы при составлении нового посольского наказа⁵².

Это общее сообщение получает подтверждение в целом ряде помет к черновым наброскам наказа В. М. Тяпкину. Так, в одной из помет упоминается о имевшем место 20 августа совещании царя, патриарха и «комнатных бояр», которые решили, что наказ должен быть «переправлен» в соответствии с гетманским «челобитьем»⁵³. Но этим дело не ограничилось. Среди предложений гетмана важное место занимало предложение обеспечить на южной незаселенной прилегающей к Черному морю территории возможность вести ловлю зверя и рыбы одновременно и татарам, и казакам. Текст этот сопровождался пометой: «а в шертной грамоте сю статью написать имянно так на чем с ним, Василием, гетман Иван Самойлович постановит, так и вписать»⁵⁴. Таким образом, предполагалось, что окончательный текст проекта мирного договора будет установлен в результате переговоров посланца и гетмана. Понятно, что В. М. Тяпкин получил указания до отъезда в Крым встретиться с гетманом и соответствующие инструкции. В инструкциях, правда, ничего не говорилось о совместной работе над текстом договора. В них рассматривался один, но наиболее важный вопрос о будущих границах между Россией и Османской империей. В. М. Тяпкин должен был сказать, что царь знает от М. Головина, что гетман согласен на «последнее розграничение по Днепр». Но царь, зная, что от такого договора гетману будет «немалая обида», а населению Украины – «оскорбление и убытки», в наказ этого «писати не указал». Далее указывалось, что В. Тяпкин должен узнать у гетмана, разрывать ли мирные переговоры или все же заключать мир с границей по Днепру. «Да и на чем он, гетман, то дело поставит, Василию так и учинить»⁵⁵.

51 Там же. Л. 281–282.

52 Там же. Л. 299–300.

53 Там же. Л. 32 об.

54 Там же. Л. 129 об.

55 Там же. Л. 134. На обороте листа 132 отмечено, что указания составлены на совещании 20 августа.

Как представляется, речь шла о знаках внимания по отношению к гетману, старшине, жителям гетманства, демонстрации пожеланий царя считаться с их мнением, но в Москве все же полагали, что гетман «поставит на том на всем, что почнет делать мир». Он должен был отпустить вместе с В. М. Тяпкиным своего представителя, чтобы «чинил во всяких делех помочь».

Встреча В. М. Тяпкина с гетманом состоялась 21 сентября в Батурине. Главный вопрос, беспокоивший царя и его советников, был сразу и успешно решен. Уже в этот день гетман не только сообщил о согласии на границу по Днепр, но и заверил его, что не следует в этом случае ждать каких-либо народных волнений: «с таким сильным неприятелем инако обойтита невозможно, то, де, они, посполитой народ, и сами видят, и розумеют»⁵⁶. На следующей встрече 22 сентября посланцу было сообщено, что таково же и мнение старшины, выражавшей убеждение, что «внутренней... неприятель и ядовитый сосед лях, видя... замирение, с своими б ссорными и злохитрыми замыслы... в посмех и посрамление обратился»⁵⁷. Заключение мирного договора устраняло самую страшную для Левобережья опасность – заключение польско-османского союза. О согласии, «чтоб была граница по Днепр», говорилось в грамоте гетмана царю от 23 сентября⁵⁸.

Кроме этого главного вопроса, на переговорах с В. М. Тяпкиным и в гетманской грамоте затрагивались только два сюжета. Во-первых, говорилось о необходимости запрета строить города и поселения на уступленной османам территории⁵⁹. Во-вторых, гетман добивался, чтобы было признано право татар и казаков ловить зверя и рыбу на территории вокруг нижнего течения Днепра и на побережье Черного моря. Гетман выражал убеждение, что «может изрядно государство крымское для взаимной своей корысти... приступить и поволить»⁶⁰. Условия эти уже ранее были внесены в проект мирного договора⁶¹. Украинская сторона так подчеркивала свою заинтересованность в том, чтобы эти условия обязательно вошли в текст мирного соглашения. Вместе с Тяпкиным гетман отправил своего представителя – писаря Семена Раковича⁶².

56 Там же. № 13. Л. 69–70.

57 Там же. Л. 79.

58 Там же. Л. 54.

59 Там же. Л. 54, 79.

60 Там же. Л. 58.

61 Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 2. М., 1946. С. 165.

62 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680. № 13. Л. 62.

С ним В. М. Тяпкин советовался, как действовать во время переговоров⁶³. Переговоры, как известно, шли тяжело и трудно. Послы упорно добивались уступок на Правобережье, которые категорически отказывались делать крымские сановники, требуя установления границы по Днепру. К ноябрю переговоры зашли в тупик, возникла перспектива их разрыва и возобновления войны. Тогда, как отметил В. М. Тяпкин в статейном списке, к нему обратился С. Ракович и другие бывшие с ним казаки с призывом: «чтоб мы вдаль того дела своего не откладывали и... в розграничение земель с бусурманы вступали немедленно». Они ссылались при этом на договоренность между В. М. Тяпкиным и гетманом. Сам Тяпкин отметил в своем статейном списке, что гетман советовал, если совсем не будет другого выхода, чтобы «поступали на Днепрскую между безстрашно»⁶⁴. В итоге в январе 1681 г. был, как известно, заключен договор, по которому кроме Киева с округой все Правобережье признавалось частью Османской империи. Когда на обратном пути, в апреле 1681 г., В. М. Тяпкин встретился с гетманом и старшиной, они, по его сообщению, «возрадовались зело и за труды наши нам по премногу благодарствовали»⁶⁵.

Таким образом, нет никаких сомнений, что заключение мира с границей по Днепру было результатом общего решения гетманства и России.

Несмотря на то, что такое решение было принято совместно, по общему согласию, оно стало важной гранью в истории отношений России и гетманства.

На долгий срок исчезла общая цель, объединявшая Россию и гетманство, борьба за Правобережье. В этой борьбе с таким опасным противником, как османы, русская центральная власть нуждалась в военнополитическом сотрудничестве с гетманством. Отсюда – внимательное отношение к предложениям и просьбам и гетмана, и жителей гетманства, стремление не допускать нарушений предоставленной гетманству автономии. С прекращением на длительный срок войны с османами такие стимулы отпадали, и центральная власть могла серьезно заняться укреплением своего протектората над гетманством, что привело бы к изменениям характера отношений между гетманством и Москвой.

63 Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова посольства в Крым в 1680 году для заключения Бахчисарайского договора. Издан с подлинника, хранящегося в библиотеке князя Михаила Семеновича Воронцова / [под ред. Н. Мурзакевича]. Одесса, 1850. С. 75.

64 Там же. С. 124–125.

65 Там же. С. 258.

Вместе с тем, когда обозначилась перспектива перехода Правобережья под власть османов, остроту приобрел вопрос о положении тех многочисленных переселенцев с Правобережья, которые ушли на Левобережье, рассчитывая вернуть с русской помощью свои «маетности», а теперь такая перспектива утрачивалась. Следовало решить, как поступать по отношению к переселенцам в сложившейся ситуации. Этот вопрос был поднят уже на переговорах с М. Головиным. На беседе 18 июля, соглашаясь на установление границы по Днепру, гетман говорил об ущербе, который такой договор нанесет переселенцам с Правобережья, спрашивал «о бедных людех, где им поселиться будет и какое милосердие за свои убытки примут»⁶⁶. В «статьях» также содержалась просьба о «призрении» для выходцев с Правобережья⁶⁷. Но этим дело не ограничилось. 19 июля М. Головина посетили генеральный есаул Л. Полуботок и И. Мазепа, которые пришли к нему якобы «от себя, а не от гетмана» и от имени выходцев с Правобережья, запрашивавших, как повлияют на их судьбу мирные договоры «и где впредь им будет жить»⁶⁸. Этим Л. Полуботок и И. Мазепа не ограничились. Они обратили внимание на то, что в Речи Посполитой шляхте неоднократно уплачивалось возмещение за утраченные «маетности». Так, когда при заключении Андрусовского договора Речи Посполитой было выплачено царем 100 тыс. ефимков, «а отдана та казна той шляхте, у которых отошли маетности»⁶⁹. При этом важно отметить, что речь шла не только о денежной компенсации, но и о выделении для этих жителей гетманства территорий, на которых они могли бы поселиться. В этом смысле в связи с последующим развитием событий приобретает значение, что в разговоре с М. Головиным И. Мазепа выражал неудовольствие тем, что Слобжанщину «от Малороссийских городов отмежевывают». Он подчеркивал, что здесь в «новосельных» городах и слободах поселились люди, которые пришли с Правобережья по «писмам» гетмана, и их «межевать и разделять не для чего»⁷⁰. Вопрос этот занял важное место и на переговорах гетмана и старшины в сентябре 1680 г. с В. М. Тяпкиным. Уже на встрече 21 сентября гетман говорил, что от переселенцев после заключения соглашения «будет стужание и докука великая».

66 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. № 4. Л. 199.

67 Там же. Л. 226.

68 Там же.

69 Там же. Л. 206–207.

70 Там же. Л. 208.

Следовало бы им у царя «призрения просить, чтоб их чем потешить и показать им путь милостивого спасения», чтобы они не попытались вернуться на Правобережье⁷¹. Обсуждение темы продолжилось на встрече 22 сентября. В. М. Тяпкину объясняли, что если задержать переселенцев на Левобережье, то «без них бусурманы своими поганскими народы... населить их городов и мест построить в таких пустых странах и дальних от своих краев не возмогут»⁷².

Что же следовало сделать, чтобы удержать переселенцев? Ответа на этот вопрос В. М. Тяпкину партнеры не давали. В грамоте гетмана от 23 сентября предлагалось относительно переселенцев «объявить милость такую, дабы есми могли их в свое время чем потешить»⁷³. Однако стоит отметить важную деталь высказываний на встрече 22 сентября, что, рассчитывая на возвращение утраченной собственности, переселенцы «по се время... на сей стороне нигде не селятца»⁷⁴. Очевидно, имелось в виду наделить их землями вместо тех, которые они теперь окончательно утратили.

План решения вопроса о переселенцах приобрел четкую форму весной 1681 г., когда послы гетмана И. Мазепа и гадяцкий полковник М. Васильев предложили поселить людей, пришедших с Правобережья, на землях слободских полков, которые были бы переданы под управление гетмана⁷⁵. Одновременно В. М. Тяпкин на пути в Москву встречался с гетманом 12 апреля. Самойлович снова просил передать царю просьбу позаботиться о нуждах переселенцев с Правобережья, которые не могли теперь туда вернуться. Новое состояло в том, что гетман указывал, в чем должна была проявиться эта забота. Он предлагал, чтобы переселенцы могли разместиться «в Сумских и Краснопольских и иных слободцких угодьях». Всех этих людей, которые теперь «обретаютца под Белогородским разрядом», царь пусть бы теперь пожаловал гетману «вместо заднепрские пустые стороны»⁷⁶. Таким образом, речь шла

71 Там же. № 13. Л. 70–71.

72 Там же. Л. 77.

73 Там же. Л. 62.

74 Там же. Л. 74.

75 Запись переговоров см.: Там же. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. № 156; *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Т. XV: Руина. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича; Т. XVI: Мазепа и мазепинцы. СПб., 1905. С. 322–325.

76 Статейный список... С. 261–262.

о том, чтобы в качестве возмещения за утраченное Правобережье к гетманству была присоединена часть Слобожанщины – территории, действительно заселенной выходцами с Украины, но входившей в состав Русского государства и прямо подчинявшейся его органам власти. Такие предложения не встретили положительной реакции в Москве. Таким образом, и по этой линии начались осложнения. После заключения Бахчисарайского договора отношения между Россией и гетманством должны были функционировать в иных условиях, нежели ранее.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Замысловский Е. Е. Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Ч. 256. № 3. С. 161–197.

Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Т. XV: Руина. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича; Т. XVI: Мазепа и мазепинцы. СПб.: Общество для пособия нуждающимся литератором и ученым («Литературный Фонд»), 1905. XV + 815 с.

Кочегаров К. А. Запорожская Сечь и государства Восточной Европы в последние годы жизни кошевого атамана Ивана Серко // Кочегаров К. А. Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М.: Квадрига, 2019. С. 54–149.

Кочегаров К. А. К истории русско-крымских мирных переговоров 1679–1680 гг. Неудачное посольство в Крым дьяка Василия Михайлова и дворянина Ивана Сухотина // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М.: Издательство Московского университета, 2019. С. 640–646.

Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М.: Индрик, 2008. 504 с.

Літопис Самовидця / видання підготував к. ф. н. Я. І. Дзира. Київ: Наукова думка, 1971. 208 с.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 2. 1676–1688. СПб.: Печатано в типографии II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. 974 + 3 с.

Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 2. М.: Московский государственный университет, 1946. 172 с.

Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова посольства в Крым в 1680 году для заключения Бахчисарайского договора. Издан с подлинника, хранящегося в библиотеке князя Михаила Семеновича Воронцова / [под ред. Н. Мурзакевича]. Одесса: В городской типографии, 1850. VI + 284 с.

References

Kochegarov, K. A. “K istorii russko-krymskikh mirnykh peregovorov 1679–1680 gg. Neudachnoe posol'stvo v Krym d'iaka Vasiliia Mikhailova i dvorianina Ivana Sukhotina.” *Rus', Rossiia: Srednevekov'e i Novoe vremia*, vol. 6. *Shestye chteniia pamiati akademika RAN L. V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 21–22 noiabria 2019 g.* Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2019, pp. 640–646.

Kochegarov, K. A. “Zaporozhskaia Sech' i gosudarstva Vostochnoi Evropy v poslednie gody zhizni kosheвого atamana Ivana Serko.” *Kochegarov, K. A. Ukraina i Rossiia vo vtoroi polovine XVII veka: politika, diplomatiia, kul'tura. Ocherki.* Moscow: Kvadriga, 2019, pp. 54–149.

Kochegarov, K. A. *Rech' Pospolitaia i Rossiia v 1680–1686 godakh. Zakliuchenie dogovora o Vechnom mire.* Moscow: Indrik, 2008, 504 p.

Kostomarov, N. I. *Sobranie sochinenii. Istoricheskie monografii i issledovaniia. Book 6. Vol. XV: Ruina. Getmanstva Bruhoveckogo, Mnogogreshnogo i Samoilovicha; Vol. XVI: Mazepa i mazepintsy.* St Petersburg: Obshchestvo dlia posobiia nuzhda-iushchimsia literatorom i uchenym (“Literaturnyi Fond”), 1905, XV + 815 p.

Litopys Samovydsia, ed. by Ia. I. Dzyra. Kyiv: Naukova dumka, 1971, 208 p.

Smirnov, N. A. *Rossiia i Turtsiia v XVI–XVII vv.*, vol. 2. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet, 1946, 172 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.01

B. N. Florya

Relationships between Russia and the Left-Bank Cossak Hetmanate and the conclusion of the Treaty of Bakhchisarai

Boris N. Florya

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
doctor of history, head of department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: sredveka_inslav@land.ru

ORCID: 0000-0003-0779-2488

Citation

Florya B. N. Relationships between Russia and the Left-Bank Cossak Hetmanate and the conclusion of the Treaty of Bakhchisarai // Slavic Almanac. 2024. No 1–2. P. 12–28 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.01

Received: 17.09.2023.

Revised: 30.01.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

Peace talks between Russia, the Ottoman Empire and the Crimean khanate in the late 1670s – early 1680s were long and troublesome. The role of the hetman Ivan Samojlovich in the formation of the Russian conditions of the future peace treaty and the political demands made of the Sublime Porte and Crimea during the negotiations still remains unclear. This article explores the level and scale of participation of the hetman Ivan Samojlovich in the preparation of the second Russian diplomatic mission to Crimea, headed by Ivan Sukhotin, in the Autumn of 1679, as well as the contacts between Moscow and the Ukrainian hetman connected with preparations for the third one, headed by stolnik Vasilij Tyapkin and djak Nikita Zotov. Mikhail Golovin, the tsar's stolnik was sent to Samojlovich to discuss and coordinate the limits of possible territory concessions in favor of the Porte and Crimea in the Right-Bank Ukraine. The result of the consultations was the Russian-Ukrainian agreement on the possible total concession of the Right-Bank Ukraine (excluding Kiev) if peace on other conditions would be impossible. Hence, the decision about territory conditions of the Russian-Crimean treaty, which was concluded in Bakhchisarai in 1681, was a result of common position of the Russian government and the hetman Ivan Samojlovich.

Keywords

Ivan Samojlovich, Russo-Crimean negotiations, Treaty of Bakhchisarai, Russo-Ukrainian relationships, The Left-Bank Cossak Hetmanate, Russo-Turkish war 1672–1681.

**«Многие... пытались говорить по-украински».
Украина 1917–1919 гг. в воспоминаниях
генерала В. В. Буняковского**

Ганин Андрей Владиславович
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: andrey_ganin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8602-1990

Цитирование

Ганин А. В. «Многие... пытались говорить по-украински». Украина 1917–1919 гг. в воспоминаниях генерала В. В. Буняковского // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 29–54. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.02

Статья поступила в редакцию: 11.12.2023.

Рецензирование завершено: 23.01.2024.

Статья принята к публикации: 12.03.2024.

Аннотация

Статья посвящена анализу неопубликованных воспоминаний генерал-майора В. В. Буняковского о его жизни в 1917–1919 гг. на Украине. Воспоминания Буняковского хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве и в Государственном архиве Российской Федерации, куда они попали из Русского заграничного исторического архива в Праге. Сохранившийся корпус мемуаров генерала охватывает период с Первой мировой войны до эмиграции, однако одна из самых интересных частей касается эпохи 1917–1919 гг. В 1917–1918 гг. Буняковский состоял в ликвидационной комиссии Николаевского военного училища в Киеве, которым руководил; в украинской армии гетмана П. П. Скоропадского в 1918 г. входил в состав комиссии по организации военных школ; в Красной армии в 1919 г. возглавлял управление военно-учебных заведений наркомата по военным и морским делам Украинской ССР. Генерал оказался очевидцем масштабных исторических событий, включая многократную смену власти в Киеве, встречался с рядом исторических деятелей того периода и подробно описал свои впечатления в мемуарах. Воспоминания были им написаны в период пребывания в эмиграции в Сербии в середине 1920-х гг.

Ключевые слова

Украина, Советская Россия, источники личного происхождения, РККА, В. В. Буняковский, Белое движение.

В коллекции Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) хранятся неопубликованные воспоминания генерал-майора Всеволода Викторовича Буняковского (05.04.1875 – после 1937)¹, охватывающие период Первой мировой и Гражданской войн. Речь идет о следующих текстах: «С 57-й пехотной дивизией на Восточно-Прусском фронте в 1914 году (воспоминания начальника штаба дивизии)»; «С 57-й пехотной дивизией в составе гарнизона крепости Осовец (в дополнение к печатному труду)» и «Воспоминания бывшего начальника военного училища в Киеве»². Еще один мемуарный текст Буняковского, относящийся к периоду эмиграции, хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) и озаглавлен «В эмиграции в Сербии»³. Воспоминания писались примерно в одно время и датированы 1926 г.

Рукописи Буняковского сначала находились в Русском заграничном историческом архиве в Праге (РЗИА), в составе которого они попали в СССР, где хранились в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ныне – ГА РФ), а в 1963 г. большинство текстов были переданы в военно-исторический архив, пополнив коллекцию документов «Воспоминания солдат и офицеров русской армии»⁴. Свидетельства осведомленного участника событий представляют несомненный научный и общественный интерес.

О своих воспоминаниях, посвященных эпохе Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, Буняковский 30 июля 1926 г. писал управляющему РЗИА:

1 В настоящее время РГВИА ведется работа по подготовке публикации этих воспоминаний. Выражаю благодарность к. и. н. О. В. Чистякову за предоставленные материалы.

2 РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4, 6, 7.

3 ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 780. Фрагменты этих воспоминаний публиковались в: Москва – Сербия. Белград – Россия. Сб. док. и мат. / сост. А. Ю. Тимофеев, Г. Милорадович, А. А. Силкин. М.; Белград, 2017. Т. 4. С. 168–178.

4 Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 423.

В. В. Буняковский.
Архив Ю. М. Строева.
Публикуется впервые.

Все пять отделов в отдельности представляют законченные периоды моих переживаний и наблюдений и являются по содержанию более или менее независимыми.

Поэтому они могут быть приобретены архивом и в отдельности... В предисловии к моим «Воспоминаниям» мною изложены причины, почему я считаю, что мои наблюдения являются ценными не только в качестве исторического материала, но и как материал, небесполезный для тех, кому придется строить новую великую Россию⁵.

При покупке рукописей Буняковского Пражским архивом в 1926–1927 гг. отзывы на них дали военный эксперт архива генерал-майор В. В. Чернавин и член Совета архива В. А. Мякотин. Мемуары, посвященные событиям революции и Гражданской войны, объемом десять печатных листов, были приобретены по 150 чешских крон

⁵ Archiv Slovanské knihovny (Архив Славянской библиотеки, Прага; далее – ASK). T-RZIA. 6-263.

за печатный лист, причем согласно постановлению хозяйственной комиссии РЗИА от 23 августа 1926 г. оплатить эту сумму должен был МИД Чехословакии из специального ассигнования⁶.

К сожалению, не все тексты генерала сохранились. Так, осенью 1926 г. Буняковский предложил архиву свои воспоминания о 20-летнем периоде до Первой мировой войны (1885–1914 гг.), в которых «старался касаться лишь вопросов, имеющих отношение к состоянию у нас военного дела в широком смысле слова в 20-летний период, предшествовавший войне; быт и состояние культурности сельского населения различных мест России и московское вооруженное восстание. Вкратце “воспоминания” касаются событий, сопутствовавших коронации. Лишь местами я отвлекался от прямой задачи, себе поставленной, касаясь фактов личных переживаний, но лишь таких, которые имеют научное значение»⁷. Но архив этот материал отклонил, так как текст относился к более раннему периоду по сравнению с эпохой Первой мировой и Гражданской войн, а также эмиграции. Рукопись, видимо, пропала – среди переписки Буняковского с архивом имеется открытка генерала, в которой он сообщал, что так и не получил свой материал обратно, хотя архив его выслал. Отклонена была и рукопись «Наш высший командный состав по опыту Великой войны и необходимые меры к подготовке его в будущем».

Генерал Буняковский был выпускником 1-го кадетского корпуса, Николаевского инженерного училища и Николаевской академии Генерального штаба (выпуск 1902 г.). Значительную часть службы он занимался военно-педагогической деятельностью – преподавал в Александровском военном училище в Москве и заведовал обучающимися в Императорской Николаевской военной академии (слушатели академии за глаза называли таких сотрудников «классными дамами»). В Первую мировую войну исполнял должность начальника штаба 57-й пехотной дивизии, с которой оборонял крепость Осовец, командовал 225-м пехотным Ливенским полком, вновь преподавал в Александровском военном училище, заведовал московскими школами подготовки прапорщиков пехоты и возглавлял Николаевское военное училище в Киеве. В 1915 г. был награжден Георгиевским оружием, а в генеральский чин произведен за боевые отличия в июле 1916 г. По мнению генерал-майора М. А. Иностранцева, «это был дельный и знающий офицер Генерального штаба, но солидного

6 Ibid. 1-6-91.

7 Ibid. 6-263.

преподавательского опыта в военных училищах не имевший, и потому в учебной части принужденный присматриваться к делу, но в то же время энергичный организатор и администратор»⁸.

В 1917 – феврале 1918 г. Буняковский состоял в ликвидационной комиссии Николаевского училища, которым руководил. В итоге генерал не избежал вовлечения в события Гражданской войны. По словам Буняковского, в училище в революционную эпоху он пользовался авторитетом: «Юнкера училища [...], молодежь с законченным средним образованием и студенты были обо мне очень высокого мнения, хотя это был период, когда люди солидных лет у молодежи большею частью были не в фаворе»⁹.

Еще в 1917 г. Буняковскому приходилось заниматься вопросами украинизации училища, хотя, насколько можно судить, он был непримиримым противником этого процесса. Характерен его диалог с инспектировавшим училище от Главного управления военно-учебных заведений (ГУВУЗ) генералом М. А. Иностранцевым, зафиксированный последним:

Когда я спросил Буняковского: на каком же языке будет вестись в училище преподавание, то он отвечал мне, что теоретически решено вести преподавание на украинском языке, но, по всей вероятности, его придется поневоле вести по-русски, так как, во-первых, нет преподавателей, владеющих этим языком, а во-вторых, он является языком или, точнее говоря, наречием настолько малокультурным и, до известной степени, примитивным, что массы научных терминов, а в особенности терминов военных, в нем совершенно нет.

– Один только и есть у меня преподаватель, знающий украинский язык, – сказал он, – это преподаватель этого самого языка. Он – из самостийных украинцев и ученик [М. С.] Грушевского, организатора, на австрийские деньги, самостийной пропаганды.

Горько и противно было слушать про всю эту нелепую и злостную затею в военно-учебном заведении, имевшую одну, но вполне определенную цель – расчленение России, но приходилось мириться с «текущим моментом»¹⁰.

8 *Иностранцев М. А.* Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А. В. Ганина. М., 2017. С. 505.

9 ASK. T-RZIA. 6-263.

10 *Иностранцев М. А.* Воспоминания. С. 506–507.

В 1918 г. Буняковский оставался в Киеве при большевиках, а затем и при немцах и поступил на службу в украинскую армию гетмана П. П. Скоропадского, куда был принят с чином генерально-го хорунжего (что соответствовало генерал-майору русской армии). Оставался в Киеве он и позднее. В результате в 1919 г. попал в Красную армию, где руководил управлением военно-учебных заведений наркомата по военным и морским делам Украинской ССР (УССР), а затем, при отступлении красных, перешел на сторону антибольшевистских Вооруженных сил на Юге России (ВСЮР). Белая разведка в 1919 г. аттестовала генерала как человека беспринципного, который «служил всем, кто платил деньги», при этом большевики считали его своим лучшим организатором военно-учебных заведений¹¹.

У белых генерала подвергли военно-полевому суду. В приказе главнокомандующего ВСЮР генерала А. И. Деникина № 2690 от 25 ноября (8 декабря) 1919 г. отмечалось:

Предаю военно-полевому суду Генерального штаба генерал-майора Буняковского по обвинению его в том, что, сознательно стремясь к упрочению основных задач советской власти, добровольно занял в городе Киеве, в марте 1919 г., в период господства там власти большевиков, ответственную должность начальника управления военно-учебных заведений, в ведении коего находились инструкторские курсы, выпускавшие офицеров для Красной армии, в каковой должности пробыл до середины августа 1919 года, занимая упомянутую выше должность начальника управления военно-учебных заведений составил и издал в советском журнале «Красный офицер» № 2 статью под названием «Поступайте на курсы», в которой призывал поступать в «советские командные курсы» для подготовки к командным должностям враждебной Добровольческой армии Красной армии «трудовые силы народа», исходя из положения, что Красная армия является резервуаром, в котором собираются «все лучшие живые силы страны», и объявляя службу на командных должностях в Красной армии «высоко ответственной, но зато почетной и дающей ни с чем не сравнимое нравственное удовлетворение», чем, способствуя и содействуя распространению и упрочению

¹¹ Ганин А. В. «Менял ориентацию в зависимости от политической обстановки». Деникинская разведка о генштабистах, служивших в украинских войсках. 1919 г. // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 416, 419, 421.

в Российском государстве советской власти, причинил существенный вред Вооруженным силам на Юге России¹².

26 ноября (9 декабря) состоялся суд, решением которого Буняковский был «признан виновным в несущественном содействии и благоприятствовании деятельности советской власти» и подлежал аресту на три недели, а уже 14 (27) декабря 1919 г. был прощен¹³. Впрочем, никакой должности у белых он не получил и уехал из России. Сначала – на остров Лемнос, а затем с осени 1920 г. – в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Там Буняковский поселился в небольшом придунайском городке Велико Градиште на северо-востоке Сербии, в ста с небольшим километрах от Белграда. В эмиграции он состоял в Обществе русских офицеров Генерального штаба. К сожалению, дата смерти генерала неизвестна.

Буняковский получил известность как автор ряда военно-исторических и военно-научных трудов. Среди них книги: «Сборник военно-исторических примеров из Русско-японской войны 1904–1905 гг.» (СПб., 1910; в соавторстве с С. П. Михеевым); «Борьба за укрепленные позиции по опыту текущей войны» (Пг., 1915); «Балканская война. Действия I и III Болгарских армий (критико-историческое исследование)» (Пг., 1917. Ч. 1); «Оборона крепости Осовец во время второй, 6 1/2 месячной осады ее» (Пг., 1917, в соавторстве с М. С. Свечниковым). В письме в РЗИА по поводу продажи рукописи «С 57-й пехотной дивизией на Восточно-Прусском фронте в 1914 году (воспоминания начальника штаба дивизии)» он отмечал в начале 1926 г.: «Эти воспоминания... заключают безусловно верный фактический материал¹⁴, за что я морально отвечаю. Имя мое известно в военной литературе, т. к. я имею более 20 печ[атных] трудов, и в том числе одобренную к защите на звание профессора академии диссертацию (Балканская война 1912 года. Действия I[-й] и 3[-й] Болгарских армий)»¹⁵. Буняковский признавался, что не имел финансовой возможности издать свой труд о Восточной Пруссии, почему и решил уступить его архиву за небольшое вознаграждение.

Мемуары Буняковского содержат обширный фактический материал, но, пожалуй, наибольший интерес для нас представляет та часть, которая носит название «Воспоминания бывшего начальника военного

12 РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 138. Л. 112.

13 Там же. Д. 177. Л. 11 об.

14 Подчеркнуто автором.

15 ASK. T-RZIA. 6-263.

училища в Киеве» и посвящена событиям 1917–1920 гг. Особенно ценные свидетельства относятся к периоду пребывания генерала на Украине при разных политических режимах – украинском национальном, красном и белом. Эта часть носит название «В Киеве при 8 правительствах» (завершена 5 июня 1926 г.) и продолжается разделом «На территории Вооруженных сил Юга России», законченным 30 июня 1926 г.

Буняковский писал, что в конце октября 1917 г., в период борьбы за Киев между большевиками, украинской Центральной Радой и штабом Киевского военного округа, украинские националисты могли рассчитывать на поддержку определенной части, как он писал, экзальтированной молодежи, чтобы захватить власть. Повествуя о своих действиях, генерал отмечал, что смог обеспечить порядок в училище, не допустив провокаций (процент украинцев в военно-учебных заведениях города он оценивал на уровне 25–30 %).

Тогда же у Буняковского произошел конфликт с командующим войсками Киевского военного округа генералом М. Ф. Квецинским и его начальником штаба полковником С. М. Трухачевым, так как Буняковский отказался приютить в училище чинов штаба¹⁶.

1 ноября 1917 г. украинская Центральная Рада провозгласила свою власть на территории Украины. Буняковский по-прежнему находился на посту начальника училища и препятствовал его украинизации. При этом он отмечал попытки искусственного разжигания вражды к «москалям», особенно по мере роста успехов большевиков.

О возможности служить в армии Украинской державы гетмана П. П. Скоропадского генерал рассуждал следующим образом: «Я хотя по предкам украинец, пожалуй, так как происхожу от запорожцев Буняко, но считаю себя русским, и могу служить лишь такому правительству, которое, во-первых, будет чуждо идеи самостийности, а во-вторых, будет вести политику общероссийскую, стремясь сохранить оккупированную немцами и австрийцами территорию как составную часть Российского государства... “украинской мовы” я не знаю, и, заняв должность, буду говорить по-русски»¹⁷. Генерал встречался с П. П. Скоропадским, заявившим, что «он никогда не забудет, что он свитский генерал русского царя»¹⁸. В ходе беседы Буняковский

16 Версию тех же событий глазами С. М. Трухачева см.: Первые начавшие: К столетию Первого Кубанского («Ледяного») похода / сост. Н. А. Кузнецов, Д. А. Тимохина. М., 2018. С. 65–67.

17 РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4. Л. 92.

18 Там же. Л. 92 об.

согласился помочь делу создания украинских военно-учебных заведений и затем вошел в состав комиссии по организации военных школ, которую возглавил генеральный значковый (чин гетманской армии, равный генерал-лейтенанту русской армии) Н. Л. Юнаков. Тем самым фактически поступил на украинскую военную службу.

Буняковскому также предлагали пост начальника штаб-офицерской школы (возможно, речь шла об Инструкторской школе старшин), на что он отвечал, что не присягал гетману и готов занять такую должность при условии отсутствия украинизации и если право поступления в школу будет предоставлено чинам Донской и Добровольческой армий. Разумеется, это было невозможно. Буняковский упоминал и то, что ему предлагали должность начальника украинской академии Генерального штаба (в известных документах он указан в качестве кандидата на профессорскую должность¹⁹). Несмотря на намеки начальника Генерального штаба А. В. Сливинского и генерала А. Г. Лигнау, что скоро курс власти изменится в более приемлемую для Буняковского сторону, последний отказался. В итоге ему предложили занять кафедру военной истории. Уже начали обставлять помещение в Алексеевском инженерном училище, но открытие академии так и не состоялось²⁰.

Генерал иронично описывал заседания комиссии Юнакова: «Мы, н[ачальни]ки училищ, являлись на заседание комиссии в штатском платье и говорили по-русски. Многие же, в том числе и председатель, носили украинскую форму, изменили в своих фамилиях букву “о” на “и” и пытались говорить по-украински, величая друг друга обращениями г[осподи]н генеральный хорунжий, генеральный бунчужный²¹ и пр. и пр. Заседания вел генерал Юнаков, тоже обратившийся в Юнаківа, серьезно и торжественно»²².

В воспоминаниях об этом подробно не говорится, но из текста можно понять, что в киевский период Буняковский контактировал с белыми организациями, в том числе действовавшими нелегально. Так, в 1919 г., при красных, он общался с неким бывшим

19 Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины). Ф. 1077. Оп. 3. Д. 47. Л. 893 об.

20 Подробнее см.: *Ганин А. В.* Подготовка кадров Генерального штаба в украинских воинских формированиях в 1917–1939 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2015. Т. XVIII. С. 488–561.

21 Чин гетманской армии, равный полному генералу русской армии. 22 РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4. Л. 95–95 об.

полковником, являвшимся агентом Антанты²³. Ранее подобные контакты также имели место. Мемуарист, в частности, свидетельствовал, что в Киеве после встречи гетмана П. П. Скоропадского с донским атаманом П. Н. Красновым, состоявшейся 3 ноября 1918 г., стал в открытую работать представитель Добровольческой армии генерал-лейтенант П. Н. Ломновский со штабом, который возглавлял полковник Н. З. Неймирок²⁴ (последний также встречался со Скоропадским в октябре 1918 г. на предмет возможного соглашения с Добровольческой армией²⁵). Представители белых работали в самом центре Киева – в здании Биржи (на углу Крещатика и Институтской улицы). «Скопление офицерства в нем (в здании Биржи. – А. Г.) стало значительным. Здесь можно было встретить людей, с которыми не виделся десятки лет. Я встретился здесь с полковником Л[ейб]-гв[ардии] Финляндского полка [А. А.] Лихошерстовым, полковником артиллерии [А. Ф.] Аноевым, бежавшим из германского плена, Ген[ерального] штаба [под]полковником [С. Н.] Жагун-Линником и многими другими»²⁶.

Буняковский дважды представлялся генералу Ломновскому и полковнику Неймироку и получил от них заверение о возможности выехать в Добровольческую армию, однако отправка туда до занятия Киева красными так и не состоялась (а после, видимо, оказалась невозможной), а звучали лишь одни обещания. Когда гетман П. П. Скоропадский 14 ноября 1918 г. издал федеративную грамоту о том, что будущая Украина войдет в состав России как федерации, а начальник украинского Генерального штаба А. В. Сливинский в тот же день призвал генштабистов работать для возрождения России²⁷, Буняковский предложил свои услуги украинским властям, но в войска не попал. Борьбу за Киев в конце 1918 г. он описывал как хаос и неразбериху. Войска Директории Украинской народной республики генерал за редким исключением считал «мало организованным

23 Там же. Л. 97.

24 Там же. Л. 102 об.

25 Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб., 2013. С. 163–164.

26 РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4. Л. 98 об.–99.

27 В Генеральном штабе // Армия (Киев). 1918. № 10. 15.11. С. 1; Ганин А. В. Начальник украинского Генерального штаба А. В. Сливинский // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 82–98; Ганин А. В. «Русский проект» гетмана П. П. Скоропадского: опыт Екатеринослава (ноябрь – декабрь 1918 года) // Славяноведение. 2019. № 1. С. 56–61.

сбродом»²⁸, а в противостоявших им силах гетмана и добровольцев господствовали партизанщина и отрядомания.

С приходом в конце 1918 г. к власти Директории начались репрессии в отношении оставшихся в Киеве офицеров. По словам Буняковского, расправы касались в основном служивших «в “самоупразднившихся” сердюцких»²⁹ и добровольческих частях, но не в такой мере, как при приходе большевиков. Расстрелов было сравнительно немного, но арестованных – масса. Впрочем, большинство последних отделались легко, так как были высланы за границу»³⁰. Неудивительно, что количество офицеров, желавших поступить в украинские войска, оказалось незначительным.

После того как Киев 5 февраля 1919 г. без боя заняли красные, жизнь генерала переменилась. Служить большевикам он не хотел и стал работать в ликвидационно-строительной комиссии, занимавшейся строительством зданий его прежнего училища (училище до осени 1917 г. находилось на Печерске, а новый достраивавшийся комплекс зданий располагался за городом, в Кадетской роще, по дороге на Васильков). Тем не менее избежать регистрации не удалось. При этом генерал считал, что если за два месяца красные с ним ничего не сделали, то и дальше не нужно никуда поступать на службу. Однако 20–21 марта 1919 г. к Буняковскому приехал «конный ординарец с пакетом и разносной книгой, в которой я должен был расписаться»³¹. В пакете было предписание первого помощника начальника штаба Народного комиссариата по военным и морским делам УССР Б. М. Шапошникова явиться к начальнику штаба бывшему генерал-лейтенанту М. А. Соковнину для переговоров о назначении. С Соковниным мемуарист был хорошо знаком еще по Первой мировой войне и рассчитывал по старому знакомству «или вовсе освободиться от необходимости служить на военной службе, или, во всяком случае, занять какую-нибудь скромную невидную должность»³². Однако ни то, ни другое не удалось.

28 РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4. Л. 100 об.–101.

29 Сердюки – гвардия украинских гетманов. Летом – осенью 1918 г. в армии Украинской державы была сформирована Отдельная Сердюцкая дивизия из семей зажиточных земледельцев. В конце 1918 г. сердюцкие части были переформированы в сечевые полки.

30 РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4. Л. 103 об.

31 Там же. Л. 107.

32 Там же. Л. 107 об.

Буняковский был поражен порядком в штабе, чистотой помещений и чинностью поведения работников. Секретарша начальника штаба Нарбут училась с племянницей Буняковского и заверила его, что тот должен быть доволен службой в штабе, где «все свои люди»³³. Затем состоялась встреча с Соковниным, принявшим Буняковского как старого знакомого. Убедившись, что в соседних комнатах нет коммунистов, Соковнин доверительно сказал: «Ну, батенька, делать нечего; попались, как и я; отказываться нельзя: лучше такие, как мы, будем служить, чем те, которые из готовности угождать будут делать другим гадости»³⁴. Буняковский назначался начальником управления военно-учебных заведений Украины с подчинением однокашнику по академии и соавтору, бывшему генерал-майору С. П. Михееву, занимавшему пост помощника начальника штаба народного комиссариата по военным и морским делам УССР. Мемуарист заявил, что его такой вариант не устраивает, на что Соковнин ему сообщил, что этот вопрос уже решен – комиссар военно-учебных заведений высокого мнения о Буняковском, а отказ от должности «будет иметь тяжелые последствия [...], т. к. поначалу власть не шутит»³⁵. Другие встреченные расстроеным Буняковским военспецы говорили, что «служат “постольку, поскольку” это нужно, чтобы не влипнуть в грязную историю»³⁶. В целом порядок в управлении установился «старорежимный» с незначительными особенностями. Как отмечал мемуарист, слово «товарищ» там не прижилось, и обращались друг к другу по имени-отчеству.

По новой должности Буняковскому приходилось редактировать приказы, составлять еженедельный краткий и ежемесячный подробный отчеты о состоянии военно-учебного ведомства, курировать вопрос подбора кадров для курсов административного и преподавательского состава, переработку их программы. Управление также разрабатывало штаты и инструкции.

Буняковский утверждал, что стремился уклониться от активной поддержки большевистского режима, но однажды из-за журнала «Красный офицер», выходившего в Киеве при управлении, произошел неприятный для военспеца инцидент. Его вынудили написать в журнал статью о том, какими должны быть армия и командный состав.

33 Там же. Л. 108.

34 Там же.

35 Там же. Л. 108 об.

36 Там же.

Когда номер вышел, в статье везде к слову «армия» приписали «Красная», добавив в конце призыв поступать на советские командные курсы³⁷. Буняковский, если верить воспоминаниям, якобы высказал комиссару управления А. А. Абрамову свое неудовольствие в связи с такой произвольной редактурой, но никаких последствий для военспеца это смелое заявление не имело.

Номера журнала «Красный офицер» сохранились в Санкт-Петербурге, в Российской национальной библиотеке. Однако знакомство с ними показало, что Буняковский лгал. Военспецом была написана не одна статья, а, по-видимому, не менее трех. Речь идет о небольшой заметке «Поступайте на курсы», которая подписана его фамилией. Две других статьи («Методы и приемы обучения», «Спорт и игры») подписаны псевдонимами «Ве-Бе» и В. Б., что также дает основания предполагать авторство Буняковского.

По-видимому, первая заметка и послужила основанием для последующих обвинений генерала белыми в добровольном сотрудничестве с красными. Она вышла в блоке материалов ко дню красного командира, причем перед ней были размещены короткие реплики председателя СНК УССР Х. Г. Раковского, видного большевистского деятеля Д. З. Мануильского и комиссара штаба Дашкевича. Из этого соседства ясно, что и Буняковский, указанный в конце вместе с должностью начальника управления военно-учебных заведений, выступал как официальное лицо и едва ли мог не знать о контексте размещения его материала.

Вполне однозначно трактуется и содержание заметки:

Красная армия является огромным резервуаром, в который собираются на время все лучшие живые силы страны, отвлекаясь от производительной и привычной для них работы у станка или за плугом.

Необходимо, чтобы в этом резервуаре производилась такая очистительная работа, при которой вливающиеся в него «железными» выходили бы, после обработки, «стальными».

Для этого Красная армия должна представлять собой огромный дом нравственного, умственного, политического, физического и гигиенического развития, оставаясь в то же время школой боевой подготовки, школой чести, доблести, революционной совести и дисциплины. Осуществление этого – дело красных командиров, обязанных быть не только военными руководителями красноармейцев, но их

37 Там же. Л. 112 об.

учителями, воспитателями и политическими вождями, являясь ответственными не только за материальное и физическое благосостояние, но и за души их³⁸.

Далее содержался призыв «сынам трудового народа» поступать на советские командные курсы. Резюмировал автор следующим образом: «Помните, что всякий культурный человек имеет свои личные обязанности, которые запрещают ему накапливать знания и ничего с ними не делать и возлагают на каждого роль обучающего, пропорционально культурности и количеству знаний. Помните о необходимости побороть эгоистические интересы на общее благо всех трудящихся и проникнуться горячей любовью к стоящим ниже себя по умственному развитию и культурности»³⁹. Возможно, подобный текст писался не самим Буняковским, однако это вовсе не абстрактная заметка о том, какой должна быть армия вообще, как позднее генерал утверждал в воспоминаниях.

Наиболее любопытна статья «Методы и приемы обучения», в которой говорилось о важности пробуждения интереса обучающихся бойцов к занятиям. Она была написана несколько отвлеченно от реалий РККА (Красная армия фигурировала лишь в одном предложении) и содержала предложения по организации подготовки войск вообще, а также пояснения насчет недочетов в этом деле⁴⁰.

Наконец, в третьей статье рассматривался вопрос о важности спорта и игр в подготовке войск, в том числе и потому, что некоторые виды спорта притупляли инстинкт самосохранения, что, по мысли автора, было полезно для армии⁴¹.

Вернемся к воспоминаниям Буняковского и к описанию в них советской действительности. Мемуарист высоко отзывался о работе ГУВУЗ Советской России. Судить об этом он мог со слов приезжавших из Москвы военспецов. Так, по данным одного из них, к марту 1919 г. советское ГУВУЗ было хорошо организованным учреждением, в котором служило много бывших офицеров, разрабатывавших

38 Буняковский В. В. Поступайте на курсы // Красный офицер (Киев). 1919. № 2. С. 3–4. Выражаю благодарность д. и. н. А. С. Пученкову, любезно скопировавшему материалы журнала.

39 Там же. С. 4.

40 *Ве-Бе*. Методы и приемы обучения // Красный офицер (Киев). 1919. № 2. С. 20–22.

41 В. Б. Спорт и игры // Красный офицер (Киев). 1919. № 3. С. 22.

программы, учебные пособия, методику обучения. Украинское советское управление военно-учебных заведений подчинялось центру, откуда приезжали инспектора и сотрудники, присылались инструкции. В то же время двойное подчинение местному военному руководству и Москве порождало трения.

Помощником начальника управления являлся бывший генерал-майор Д. Н. Промтов, а инспекторами по учебно-строевой части – бывший генерал-майор А. М. Заболотный и бывший полковник В. А. Сигарев. Отметим, что Промтов и Заболотный, как и Буняковский, ранее служили в гетманской армии, затем в РККА, а позднее у белых. Что касается Сигарева, то до сих пор считалось, что всю Гражданскую войну он прослужил в украинских формированиях, а в 1919 г. якобы жил в Каменце-Подольском как частное лицо и не служил у красных⁴². Воспоминания Буняковского дополняют эту картину новыми данными.

По отзыву Буняковского, комиссар управления А. А. Абрамов был настоящим трудолюбом, который приходил на службу первым, а уходил последним. Абрамов симпатизировал военспецам, был человеком образованным и доброжелательным. Таким же трудолюбом являлся главный комиссар ГУВУЗа И. Л. Дзевалтовский, он же – заместитель наркома по военным и морским делам УССР (в июне – августе 1919 г.), а позднее (в августе – октябре 1919 г.) – нарком. Комиссары Подвойский и Дзевалтовский одевались и держались очень просто.

Буняковский привел и некоторые общие оценки состояния Красной армии и советской власти на Украине. Например, он отмечал, что Украина обладала огромным мобилизационным потенциалом, который оставался слабо использованным, а для свержения советской власти достаточно было ничтожных усилий. От наблюдений Буняковского не укрылось и то, что чекисты забрали себе больше власти, чем хотелось большевикам, и последние даже побаивались ЧК. Противостоять чекистам не мог даже нарком по военным и морским делам УССР Н. И. Подвойский. Отношения Подвойского и Дзевалтовского, если верить воспоминаниям, складывались непросто. Однажды, когда начальник штаба наркомата М. А. Соковнин и первый помощник начальника штаба Б. М. Шапошников делали доклад Дзевалтовскому, в комнату вошел Подвойский со словами: «Какой дурак позволил Вам, н[ачальни]к штаба, делать доклад, составляющий военную тайну?»⁴³

⁴² Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ, 2007. Кн. 1. С. 400–401.

⁴³ РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4. Л. 114 об.

На это в том же тоне ответил Дзевалтовский: «Этот дурак – я... но не понимаю, от кого это тайна — от меня или военспецов, и без того лучше нас все знающих?»⁴⁴

Дзевалтовский вообще отличался эксцентричными выходками. Так, при выпуске эвакуированных в Киев Екатеринославских командных инженерных курсов один из курсантов произнес тост с ничего не значащими словами о том, что вино послужит спайке присутствующих. Председатель СНК УССР Х. Г. Раковский и Подвойский улыбнулись. Когда курсант подошел чокнуться с Дзевалтовским, тот швырнул свой бокал на пол со словами, что в новой России вино не может быть цементом для спайки людей⁴⁵. Выходка была неуместной и обидной. Воцарилось молчание, а после отъезда комиссаров выпускники и преподаватели весело отпраздновали окончание обучения, причем вели разговоры, не имевшие ничего общего с марксизмом⁴⁶.

Учебный процесс в украинских советских военно-учебных заведениях, как отмечал Буняковский, был организован хуже, чем даже в школах прапорщиков в Первую мировую войну. Тем не менее эти курсы были довольно многочисленны, а их личный состав активно использовался на фронтах.

Тревога военспецов усугублялась периодическими обысками и арестами. Репрессии нарастали по мере ухудшения положения большевиков. Только в училище были расстреляны четыре офицера, еще нескольких арестовала ЧК. В прессе появилась рубрика «черная доска», в которой печатали имена возможных контрреволюционеров, подлежащих удалению со службы. Положение Буняковского было щекотливым, так как к нему нередко обращались с просьбами кого-то устроить на службу или, наоборот, помочь уклониться. При этом назначенцы Буняковского иногда скрывались, не доезжая до пунктов назначения.

На контакт с высокопоставленным военспецом пытались выйти белые подпольщики. Один из таких эпизодов произошел в конце июля – начале августа 1919 г. Тогда к Буняковскому зашел бывший капитан старой армии (войсковой старшина гетманской армии и полковник ВСЮР) Н. П. Булюбаш, состоявший у красных по гражданской части. Буняковский предпринял много усилий, чтобы избавить Булюбаша от строевой службы на командных курсах. Мемуарист описал их беседу:

44 Там же.

45 Там же. Л. 115 об.

46 Там же.

Он сказал мне, что ему надо переговорить со мной секретно, и просил меня заехать к нему на квартиру. Я приехал после службы. Он под секретом сказал мне, что числится агентом контрразведки Добр[овольческой] армии, и сказал, что ими подыскивается лицо, могущее взять на себя должность н[ачальни]ка штаба ее. Я ответил, что не склонен к подобного рода деятельности. Тогда он предложил мне просто дать согласие на то, чтобы числиться агентом к[онтр]р[азведки]. Я ответил ему, что это обязывает к известного рода деятельности, которая по свойствам моего характера и нравственным убеждениям мне претит. Тогда он стал развивать мысль, что скоро придется давать отчет в своей деятельности перед командованием Добр[овольческой] армии, а состояние в агентах к[онтр]р[азведки] избавит от многих неприятностей. Я ответил ему, что во всей своей деятельности не вижу, за что я мог бы пострадать, и соглашаться на зачисление агентом к[онтр]р[азведки] из шкурных интересов не намерен.

Далее я его спросил, не знает ли он как агент к[онтр]р[азведки], каковы распоряжения командования Добр[овольческой] армии относительно нашего брата, служащего у большевиков. Он ответил, что желание командования, чтобы мы оставались на местах и не эвакуировались при отходе большевиков. Аналогичные сведения у меня имелись и из других источников⁴⁷.

Этот опыт подпольной работы Булюбашу позднее пригодился вновь, когда в годы Второй мировой войны он стал одним из командиров французского Сопротивления.

Часть военспецов была противниками красных. Так, командующего 12-й армией бывшего генерала Н. Г. Семенова Буняковский характеризовал как человека, настроенного «в душе антибольшевистски»⁴⁸. Отмечал мемуарист и то, что при оставлении красными Киева «почти все военспецы ее (12-й армии. – А. Г.) под конец скрылись не без его (Семенова. – А. Г.) ведома»⁴⁹, а сам командарм якобы был расстрелян (последнее не соответствовало действительности). В то же время военспецы не знали, чего ждать от подступавших к Киеву белых.

Буняковский делился бытовыми подробностями того, как ему с сослуживцами приходилось выживать в советских условиях. Жили

47 Там же. Л. 118 об.–119.

48 Там же. Л. 107.

49 Там же.

очень скромно. Продукты было сложно достать, мяса не видели порой по две недели. Едва получалось раздобыть черный хлеб и жиры. Про белый или сдобный хлеб забыли. Персонал Николаевского училища занимался огородничеством и выращивал овощи. Генерал вспоминал, что позднее, когда пришли белые, многие набросились на ранее дефицитные продукты, за что поплатились желудочными заболеваниями. При красных не было ни хорошей одежды, ни качественного табака, ни подходящих для сколько-нибудь взыскательного зрителя развлечений. Позднее же у белых получило распространение мнение, что военспецы были куплены большевиками, получали огромное содержание и хорошо жили, что не соответствовало действительности.

При обороне Киева летом 1919 г. от белых у красных оказалось недостаточно надежных сил. В этой связи было решено сформировать бригаду из подготовленных курсантов, а остальных вместе с администрацией и имуществом эвакуировать в тыл. Особую маневренную бригаду курсантов возглавил бывший штабс-капитан Ф. Г. Миронов, он же стал начальником группы войск обороны Киева. Начальником штаба бригады по предложению Буняковского стал бывший капитан И. А. Хрыпов. Он проживал на квартире оставшейся в Киеве супруги генерал-майора В. З. Савельева (сам Савельев тогда служил во ВСЮР). По официальным советским данным Хрыпов пропал без вести при оставлении красными Украины, но на самом деле, как о том пишет Буняковский, он перешел на сторону белых.

Буняковский вспоминал, что однажды генштабисты получили предписание эвакуироваться из Киева на пароходах. Военспец остался под предлогом болезни супруги. Он писал о дальнейшем выборе:

Наступили решительные минуты. Если бы я прельщался служебным положением у большевиков, то, конечно, самое выгодное было бы послушно исполнить приказание, т. к., явившись в Москву, я был бы оставлен или в академии для профессорства или причислен к ГУВУЗу, начальником коего был мой бывший сослуживец по Алекс[андровскому] воен[ному] училищу Ген[ерального] штаба генерал-майор Муратов.

Кроме того я имел шанс воспользоваться хоть частью моего ценного имущества, оставшегося в Великороссии, в то время, как в Киеве мы с женой жили «налегке».

Но надо было как-нибудь замести следы, решив остаться⁵⁰.

50 Там же. Л. 120 об.–121.

Для маскировки Буняковский показался ночью начальству одной из эвакуированных школ, побывал у них на пароходе, а затем незаметно сошел на берег и вернулся домой. Однако на следующий день его обнаружили остававшиеся курсанты и комиссары. Пришлось снова ехать на пристань, от которой должен был отходить пароход с артиллерийскими курсами. Пароход уже отчалил. Лишь убедившись в этом, Буняковский вместе со спутником – инспектором классов курсов бывшим полковником В. Р. Руппенейтом, также стремившимся остаться в Киеве и перейти к белым, – подъехал к пристани. Уже вечерело, а пропуска для проезда по городу после 21 часа не имелось. Между тем по Киеву рыскали курсанты бригады Миронова, вылавливавшие тех, кто не хотел эвакуироваться. Из-за повальных обысков, шедших по городу, знакомые к себе переночевать тоже не пускали, чтобы не рисковать и не подвести домовые комитеты. Было решено заночевать непосредственно в штабе армии, где начальником разведывательного отдела служил бывший генерал-майор А. А. Котельников. Ранее последний был арестован, но затем взят на поруки его товарищем командармом Н. Г. Семеновым и назначен для надежности в штаб. За несколько дней до эвакуации Котельников тайно отправил семью в глухую деревню под Киевом. Сам он собирался бежать ночью пешком к семье, поскольку до утра его искать бы не стали.

Планировалась эвакуация части штаба на пароходе «Могучий». Для прикрытия задержки в Киеве Буняковский и его единомышленники решили получить разрешение выехать на «Могучем». Начальник оперативного отдела 12-й армии бывший полковник А. И. Давыдов выслушал просьбу о пропуске с саркастической улыбкой, но, тем не менее, дал спасительное разрешение. Пароход отходил через пару дней, и до того Буняковский со спутниками могли не опасаться обыска и проверки документов, а также получили возможность легально вернуться домой.

Мемуарист писал о «растерянности большевиков и их властей, которая бросалась в глаза, особенно когда я побывал на пристани и видел, как красноармейцы силой занимали баржи для эвакуации, а красные курсанты с бросившим их командным составом, да еще при условии, что н[ачальни]ком штаба был назначен полковник⁵¹ Хрыпов, тоже не представляли серьезной силы»⁵². Этот намек Буняковского прояснился лишь далее по тексту. Как оказалось, Хрыпов «так распределил части,

51 Так в тексте. Правильно – капитан.

52 РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4. Л. 123.

что о серьезном сопротивлении не могло быть и речи. Затем под видом осмотра расположения он уехал из штаба и более не возвращался, укрываясь, и тотчас же явившись добровольцам по вступлении их в Киев с докладом о своей деятельности»⁵³. Позднее, если верить Буняковскому, Хрыпов был разжалован белыми в рядовые.

Нужно было на время найти новое жилье. Буняковский в итоге «засел в бест» (укрылся) в небольшой комнате при бакалейной лавке, которую под чужой фамилией содержал военный юрист, бывший капитан (позднее – полковник) К. В. Ялышев. В связи с учащением обысков генерал ложился спать за стойкой в самой лавке. Обед ему приносила жена, а на ночь лавку запирали на большие замки снаружи, чтобы исключить подозрения. Интересны описания способов скрыться, которые использовали некоторые товарищи Буняковского. Так, военный юрист, бывший полковник Тимофеев был вынужден прятаться в зарослях сада, благо позволяла погода, так как найденное им убежище оказалось беспокойным. Начальник Киевских инженерных командных курсов полковник И. В. Галушинский скрывался неделю в лесу у знакомого по охоте лесника, причем обстреливал из леса красные обозы, захватив более десятка пишущих машинок в качестве трофеев. Также остались в городе начальники командных курсов бывшие полковники Гаевский и Сергеев. Из 12 знакомых выпускников академии Генерального штаба, которые должны были эвакуироваться по предписанию, были увезены лишь четверо (генерал Н. Н. Десино, полковники Н. Е. Андрианов (у Буняковского указан в чине генерала) и А. М. Казачков, капитан И. А. Чернявский), «не проявив энергии, чтобы избежать этого»⁵⁴. Также почти в полном составе на сторону белых перешло управление военно-учебных заведений наркомата по военным и морским делам УССР.

30–31 августа 1919 г. в Киев вошли одновременно белые и украинские войска. По соглашению сторон украинские формирования затем были выведены из города⁵⁵. Буняковский отметил, что украинские силы, спешно оставлявшие город белым, были значительны, однако белые за счет решительных действий смогли произвести впечатление на украинцев.

Буняковский свидетельствовал, что люди ждали прихода белых с большими надеждами:

53 Там же. Л. 126 об.

54 Там же. Л. 126.

55 Подробнее см.: *Машкевич С.* Два дня из истории Киева. Киев, 2010.

Всем думалось и крепко хотелось верить, что Добровольческая армия несет с собой конец моральному и экономическому развалу, бесправию, беззаконию, несправедливости, разжиганию дурных инстинктов из шкурных соображений. Все надеялись, что не черную реакцию, не восстановление классовых привилегий, не жажду мщения и сугубой подозрительности несет с собой новая власть, а что идет новая, свободная «Россия»; идет власть в ореоле кристальной чистоты, с армией, одушевленной высокими порывами чувств любви к родине и ближнему, и что она как снежный ком, катящийся по снегу и все растущий в объеме, будет расти и расти, быстро впитывая в себя с занятием каждого города, местечка или села все честное, все не разложившееся за время большевизма, все любящее родину и готовое на подвиг после всего пережитого и выстраданного за время семикратной смены власти на Украине, сохранившее понятие о долге, чести, нравственной порядочности, и будет сметать на своем пути к Москве все препятствующее ее победному шествию к великому делу спасения и возвращения так низко павшей, больной, но все же всеми любимой Родины⁵⁶.

Однако эти надежды не оправдались. Белые не смогли ничего предложить населению. По мнению Буняковского, лозунг великой, единой и неделимой России годился лишь для интеллигенции и военных. Новых органов государственного управления не создавалось, а прежние были разогнаны. Начались преследования тех, кто сотрудничал с красными: облавы на «большевиков», попытки расправ. Квартиры бесцеремонно реквизировались у жильцов под нужды армии. Негативную реакцию вызвал запрет советских денег, притом что других не было. Снятие запрета на торговлю спиртным привело к массовым попойкам. В кутежах, порой сопровождавшихся стрельбой из револьверов как на улице, так и в ресторанах, были замечены чины ВСЮР. Дикое впечатление производили на местных жителей обозы белых, целый день шедшие через Киев: «Чего-чего только не было нагружено на повозки и роскошные экипажи, на коих восседали бедные крестьяне, подчас удаленных местностей, у коих были реквизированы лошади и телеги. Здесь можно было видеть и прекрасных заводных лошадей, и всякую другую живность, виднелись на повозках и ковры, и подушки, и граммофоны, и всякая домашняя утварь и пр[очее] и пр[очее]»⁵⁷.

56 РГВИА. Ф. 260. Оп. 1. Д. 4. Л. 127 об.–128.

57 Там же. Л. 129 об.

Буняковского как генерала императорского производства пора жало обилие у белых полковников – вчерашних подпоручиков Первой мировой войны. В то же время киевское офицерство столкнулось с недоброжелательным к себе отношением белого командования. Офицеры сутками ожидали очереди на регистрацию, причем многих вместо направления на фронт отправили в тыл проходить процедуру проверки в связи с пребыванием на советской территории. Унизительное отношение коснулось и тех, кто с риском для жизни бежал от красных. Ситуация усугублялась тем, что местным офицерам, оставшимся без жалования, в период проверок попросту не на что было жить. Белая контрразведка арестовывала и расстреливала невинных людей, тогда как активных коммунистов, которых выдавали белым их агенты, порой отпускала.

Мемуарист зафиксировал, как белые в пропагандистских целях преувеличивали масштабы красного террора. Так, не то сами белые, не то петлюровцы расстреляли в Кадетской роще, неподалеку от дома Буняковского, санитарный отряд из 12 человек. Позднее трупы белые выкопали и увезли в город, во двор ЧК, где собирались для документирования зверств большевиков трупы расстрелянных красными⁵⁸.

Генерал с семьей и другими офицерами Генерального штаба выехал в Таганрог для прохождения процедуры проверки и реабилитации в связи со службой у красных. Кто-то ехал один, кто-то вез семью и даже имущество, вплоть до пианино и роялей.

Бросалось в глаза продовольственное изобилие на белой территории (например, в Ростове-на-Дону и Таганроге по сравнению с красным Киевом). Кофейни, кондитерские и рестораны были переполнены посетителями.

При этом тыл белых находился в хаотическом состоянии. Сложными были взаимоотношения внутри командного состава. Например, когда в Таганрог приехал после отрешения от должности бывший командующий Добровольческой армией генерал В. З. Май-Маевский, охрана дома Деникина была усилена из опасений того, как бы Май-Маевский не арестовал главнокомандующего.

Генерал много писал о недальновидной политике белых по отношению к офицерам-перебежчикам. Об этом было известно и ранее⁵⁹,

58 Там же. Л. 125–125 об.

59 *Гагкуев Р. Г.* Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг.

но свидетельства Буняковского добавляют новые детали. Очевидна абсурдность принимавшихся решений. К примеру, полковник В. Р. Руппенейт, обладавший двумя высшими образованиями (окончил Технологический институт и академию) и имевший железнодорожную практику, был назначен номером к орудию, тогда как батареи командовал поручик. Подобных случаев было немало.

Процедура реабилитации самого Буняковского затянулась на три месяца. Следствие вели молодые гражданские юристы, а заключения о моральном облике подследственных давали молодые белые генштабисты. Заслуженному генералу такой состав следователей был не по душе.

Как оказалось, Буняковский подлежал военно-полевому суду, причем по статье, предусматривавшей смертную казнь, но оставался на свободе и имел возможность бежать. Подсудимому разрешалось вызвать необходимых свидетелей, и ряд лиц прислали письменные показания о его невинности. Судебное заседание длилось четыре часа, и не менее полутора часов суд совещался. Интересно, что, несмотря на указанный в приговоре трехнедельный арест, генералу разрешили свободно пойти домой и фактически освободили от наказания. Пока тянулось следствие, жить было не на что (числившиеся за следственной комиссией получали незначительное пособие), и Буняковскому пришлось продать свои ордена. Впрочем, через несколько дней его все же посадили под арест на гауптвахту, где он содержался вместе с уже упоминавшимся генерал-майором А. А. Котельниковым, а затем вывезли в Екатеринодар и поместили в плохих условиях. Вскоре Буняковский был помилован, но никакой должности белые ему не предложили. В итоге из Новороссийска с немалыми трудностями он смог уехать за границу. На этом Гражданская война для него завершилась.

Мемуары генерала В. В. Буняковского, краткий обзор которых мы представили вниманию читателей, – это сложный исторический источник, нуждающийся в проверке приводимых генералом сведений. В то же время это ценное свидетельство осведомленного современника и активного участника многих исторических событий, заслуживающее публикации в полном объеме. Тем более что стремился к этому и сам автор.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Российский государственный военный архив (РГВА).

Центральный державний архів вищих органів влади та управління України.

Archiv Slovanské knihovny (ASK).

Буняковский В. В. Поступайте на курсы // Красный офицер (Киев). 1919. № 2. С. 3–4.

В Генеральном штабе // Армия (Киев). 1918. № 10. 15.11. С. 1.

В. Б. Спорт и игры // Красный офицер (Киев). 1919. № 3. С. 22.

Ве-Бе. Методы и приемы обучения // Красный офицер (Киев). 1919. № 2. С. 20–22.

Гагкуев Р. Г. Белое движение на Юге России: Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М.: Посев, 2012. 703 с.

Ганин А. В. Кадры Генерального штаба в период Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М.: Кучково поле Музеон, 2023. Т. 2. 968 с. DOI: 10.31168/907589-29-2

Ганин А. В. «Менял ориентацию в зависимости от политической обстановки». Деникинская разведка о генштабистах, служивших в украинских войсках. 1919 г. // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 403–429. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.02

Ганин А. В. Начальник украинского Генерального штаба А. В. Сливинский // Славянский альманах. 2016. № 1–2. С. 82–98.

Ганин А. В. Подготовка кадров Генерального штаба в украинских воинских формированиях в 1917–1939 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2015. Т. XVIII. С. 488–561.

Ганин А. В. «Русский проект» гетмана П. П. Скоропадского: опыт Екатеринослава (ноябрь – декабрь 1918 года) // Славяноведение. 2019. № 1. С. 56–61. DOI: 10.31857/S0869544X0003672-2

Иностранцев М. А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма / под ред. А. В. Ганина. М.: Кучково поле, 2017. 923 с.

Машкевич С. Два дня из истории Киева. Киев: Варто, 2010. 160 с.

Москва – Сербия. Белград – Россия. Сб. док. и мат. / сост. А. Ю. Тимофеев, Г. Милорадович, А. А. Силкин. М.: Главное архивное управление города Москвы; Белград: Архив Србије, 2017. Т. 4. 1006 с.

Первые начавшие: К столетию Первого Кубанского («Ледяного») похода / сост. Н. А. Кузнецов, Д. А. Тимохина. М.: Посев, 2018. 452 с.

Пученков А. С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. Очерки политической истории. СПб.: Нестор-история, 2013. 352 с.

Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М.: РОССПЭН, 1999. 671 с.

Тинченко Я. Ю. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921). Київ: Темпора, 2007. Кн. 1. 536 с.

References

Fondy Russkogo zagranichnogo istoricheskogo arkhiva v Prage. Mezhharkivnyi putevoditel'. Moscow: ROSSPEN, 1999, 671 p.

Gagkuev, R. G. *Beloe dvizhenie na Iuge Rossii: Voennoe stroitel'stvo, istochniki komplektovaniia, social'nyi sostav. 1917–1920 gg.* Moscow: Posev, 2012, 703 p.

Ganin, A. V. *Kadry General'nogo shtaba v period Grazhdanskoï voiny v Rossii 1917–1922 gg.* Moscow: Kuchkovo pole Muzeon, 2023, vol. 2, 968 p. DOI: 10.31168/907589-29-2

Ganin, A. V. “«Menial orientatsiiu v zavisimosti ot politicheskoi obstanovki». Denikinskaia razvedka o genshtabistakh, sluzhivshikh v ukrainskikh voiskakh. 1919 g.” *Slavianskii al'manakh*, 2022, No 3–4, pp. 403–429. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.5.02

Ganin, A. V. “Nachal'nik ukrainskogo General'nogo shtaba A. V. Slivinskii.” *Slavianskii al'manakh*, 2016, No 1–2, pp. 82–98.

Ganin, A. V. “Training of the General Staff in Ukrainian military formations in 1917–1939.” *Russian collection: Studies on the history of Russia*. Moscow, 2015, No XVIII, pp. 488–561.

Ganin, A. V. “«Russkii proekt» getmana P. P. Skoropadskogo: opyt Ekaterinoslava (noiabr' – dekabr' 1918 goda).” *Slavianovedenie*, 2019, No 1, pp. 56–61. DOI: 10.31857/S0869544X0003672-2

Mashkevich, S. *Two days from the history of Kiev*. Kiev: Varto, 2010, 160 p.
Moskva – Serbiia. Belgrad – Rossiia. Sb. dok. i mat., comp. by A. Iu. Timofeev, G. Miloradovich, A. A. Silkin. Moscow: Glavnoe arkhivnoe upravlenie goroda Moskvyy; Belgrad: Arhiv Srbije, 2017, vol. 4, 1006 p.

Puchenkov, A. S. *Ukraine and Crimea in 1918 – early 1919. Essays on political history*. St Petersburg: Nestor-istoriia, 2013, 352 p.

Tinchenko, Ia. Iu. *Oficers'kii korpus Armii Ukrain's'koï Narodnoï Respubliki (1917–1921)*. Київ: Tempora, 2007, vol. 1., 536 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.02

A. V. Ganin

**“Many people... tried to speak Ukrainian”.
Ukraine 1917–1919 in the memories
of General V. V. Bunyakovsky**

Andrey V. Ganin

Doctor of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8602-1990

Citation

Ganin A. V. “Many people... tried to speak Ukrainian”. Ukraine 1917–1919 in the memories of General V. V. Bunyakovsky // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 29–54 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.02

Received: 11.12.2023.

Revised: 23.01.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

The article is devoted to the analysis of unpublished memories of Major General V. V. Bunyakovsky about his life in 1917–1919 in Ukraine. Bunyakovsky’s memories are kept in the Russian State Military Historical Archives and in the State Archives of the Russian Federation, and were originally kept in the Russian Foreign Historical Archives in Prague. The preserved body of the general’s memories covers the period from the First World War to emigration, but one of the most interesting parts concerns the 1917–1919 period. In 1917–1918 Bunyakovsky was a member of the liquidation commission of the Nicholas Military School in Kiev, which he led; in the Ukrainian army of Hetman P. P. Skoropadsky in 1918 he was a member of the commission for the organization of military schools; in the Red Army in 1919 he headed the department of military educational institutions of the People’s Commissariat for Military and Naval Affairs of the Ukrainian SSR. The general was an eyewitness to large-scale historical events, including multiple changes of power in Kiev, met with a number of historical figures of that period and described his impressions in detail. Memories were written during his stay in exile in Serbia in the mid-1920s.

Keywords

Ukraine, Soviet Russia, sources of personal origin, the Red Army, V. V. Bunyakovsky, the White Movement.

Миссионерская деятельность православных братств в Греции и Сербии в 1918–1941 гг.

Зоитакис Афанасий Георгиевич

Кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская
Федерация

E-mail: zoaf@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7198-644X

Тимонина Екатерина Сергеевна

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская
Федерация

E-mail: timonina202020@mail.ru

ORCID: 0009-0000-2553-9190

Цитирование

Зоитакис А. Г., Тимонина Е. С. Миссионерская деятельность православных братств в Греции и Сербии в 1918–1941 гг. // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 55–76. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.03

Статья поступила в редакцию 29.05.2023.

Рецензирование завершено 16.08.2023.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

Статья посвящена изучению ответной реакции греческого и сербского обществ на вызовы современности, с которыми столкнулась Православная церковь на Балканах. Несмотря на то, что причины ответной реакции в виде формирования в первой половине XX в. внецерковных религиозных движений, нацеленных на возрождение следования христианским нормам морали в обществе, имели под собой одинаковое основание, обе организации – греческое братство богословов «Зои» и сербское богомольческое движение – выбрали в чем-то похожие, но во многом и кардинально отличающиеся методы и средства миссионерской деятельности. Цель данной статьи состоит в проведении сравнительного анализа между этими

методами, выявлении различий в отношениях с официальной Церковью и характеристике последствий выбранного курса с исторической перспективой. Миссионерская деятельность обеих православных организаций («братств») постепенно угасла после Второй мировой войны по схожим причинам, но оставила после себя важный позитивный след в церковной истории двух балканских государств – Греции и Сербии. В отечественной историографии данная тема незаслуженно обойдена вниманием и мало изучена. Данная статья призвана пролить свет на основные вехи развития рассматриваемых движений в рамках исторического периода между мировыми войнами.

Ключевые слова

Греция, Сербия, Элладская православная церковь, Сербская православная церковь, общество «Зои», богомольческое движение, Православное народное христианское объединение, миссионерская деятельность.

В XVIII–XIX вв. во многих православных странах Церковь оказалась в подчинении у государства, которое стремилось сделать ее частью бюрократического аппарата. Приходские священники вынуждены были выполнять функции чиновников: вести регистрацию рождения и браков, помогать в переписи населения, предоставлять храмы для проведения выборов. Сербию и Грецию эти процессы затронули только в XIX столетии после освобождения из-под пяты Османской империи. Церковь сыграла огромную роль в борьбе за свободу и сохранение идентичности православных в годы турецкого владычества и пользовалась огромным авторитетом, подобное положение не устраивало власти, которые желали сделать Церковь управляемой и поставить на службу государственным интересам.

Обычной практикой стало требование от клира лояльности светским властям, вмешательство политиков в дела Церкви (в том числе выбор предстоятеля и поставление архиереев)¹, принятие антимонашеского законодательства.

В той или иной степени секуляризация затронула все православные народы Балкан: греков, сербов, румын, болгар. Государственная

¹ Αγγελόπουλος Α. Εκκλησιαστική ιστορία. Ιστορία των δομών διοικήσεως καί ζωής της Εκκλησίας της Ελλάδος (20 αιώνας). Θεσσαλονίκη, 1998. Σ. 29.

политика сковала Церкви руки и серьезно ограничила возможности миссионерского служения. По словам современника событий профессора богословия Парфения Полакиса, «Христианскую церковь сменила Церковь государственная»². Один из греческих иерархов не скупился на слова, описывая сложившееся положение: «Церковь корчится от боли под пятой государства [...] и даже чтобы чихнуть обязана попросить разрешения у министра!»³

Неканоничная система отношений Церкви и государства, подчинявшая все стороны религиозной жизни государственной опеке, способствовала утрате Церковью своего авторитета. Уровень приходского клира упал; монашество подверглось преследованиям и переживало кризис. Многие священники оказались вовлечены в политическое противостояние и открыто ассоциировали себя с различными партиями.

«Пастырская деятельность Церкви в этот период практически умерла»⁴, хотя нужда в ней была особенно острой: общество переживало натиск новейших атеистических философских течений и утверждалось в безверии. Безбожие находило сторонников даже в среде клира⁵.

Ответом на подобные вызовы стало создание православных братств – интересного феномена истории Православной церкви XX в. Христиане Балкан организовались в могущественные общества, которые в течение нескольких десятилетий влияли не только на Церковь, но и на государственные дела. Время расцвета греческих и сербских братств приходится на период между мировыми войнами. Крупнейшим греческим братством стало «Зои» (Ζωή, «Жизнь»), в Сербии ведущую роль играло Православное народное христианское объединение (ПНХО). Их миссионерская деятельность велась независимо, но с учетом опыта друг друга. Все эти обстоятельства позволяют рассмотреть их совместно.

2 Πολάκης Π. Κριτική της σχέσεως Εκκλησίας και Πολιτείας εν Ελλάδι. Αλεξάνδρεια, 1920. Σ. 33.

3 Μουσείο Μπενάκη. Αρχείο Νικολάου Πλαστήρα. Έγγραφο 82. Επιστολή του Μητροπολίτη Καρυστίας Παντελεήμονα προς τον Αρχηγό της Επανάστασης. Κύμη, 7 Σεπτεμβρίου 1923.

4 Πολάκης Π. Κριτική... Σ. 607.

5 Slijepcević D. Mihailo, arhiepiskop beogradski i mitropolit Srbije. Minhen, 1980. S. 61–89.

* * *

В начале XX в. в Греции активно проходил процесс секуляризации мировоззрения и образа жизни городских жителей. Массовое переселение из сельской местности в города привело к разрыву общинных связей и индивидуализации религиозного сознания. Для восполнения естественной потребности в коллективных формах существования и консолидации в массовом порядке возникали христианские организации, клубы и содружества, православные братства.

У истоков движения за церковное обновление в Греции стояли «народные богословы» – странствующие проповедники, как правило, миряне и монашествующие. Они собирали людей на площадях, рассказывая им о Боге и Церкви. Именно «народные богословы» создали первые греческие православные братства. Крупнейшим из них стало «Братство богословов “Зой”», основанное в 1907 г. учеником известного миссионера Игнатия Ламбропулоса иеромонахом Евсевием (Матфопулосом) (1849–1929). В число учредителей также вошли известные богословы и монахи. В 1911 г. совместными усилиями они начали издавать официальный журнал организации с одноименным названием «Жизнь» (в годы расцвета братства он достиг еженедельного тиража 185 тыс. экземпляров).

Значительной активизации «Зои» способствовал архимандрит Серафим (Папакостас), возглавлявший братство в 1927–1954 гг. Идеальный порядок и дисциплина в сочетании с безусловным подчинением начальству позволили открыть отделения «Жизни» не только в крупных городах, но и в небольших населенных пунктах и на островах.

По всей стране появилась сеть катехизаторских школ, вдохновленных аналогичными учебными заведениями в Западной Европе. Начав с семи школ в 1926 г., к 1940 г. «Жизнь» имела в своем распоряжении 494 школы с 60 000 подопечных, к 1958 г. 2 216 школ с 147 740 учениками в Греции и 139 школ с 7 747 учениками на Кипре. В период 1929–1950 гг. были также основаны особые гендерно, профессионально и социально ориентированные братства, сосредоточившиеся на миссионерской и издательской деятельности⁶. По всей Греции распространилась сеть типографий, библиотек и дешевых книжных магазинов⁷.

6 Maczewski C. Η Κίνηση της «Ζωής» στην Ελλάδα... Σ. 24; Μεταλληνός Γ. Το Ζήτημα της Μεταφράσεως της Αγίας Γραφής εις την Νεοελληνική κατά τον ΙΘ' αιώνα. Αθήνα, 1977. Σ. 192.

7 См. подробнее: Зоитакис А. Г. Протестантизм и православие на Балканах. Ч. II. Элладская Церковь и вызов протестантизма // Православие.Ru. URL: <https://pravoslavie.ru/55457.html> (дата обращения: 08.03.24).

Отдельные организации для женщин, школьников, студентов, ученых, трудящихся, педагогов, родителей, домохозяек и других категорий населения позволили «Жизни» охватить миссионерской деятельностью все социальные группы. Помимо нацеленных на конкретные слои населения «Зои» создавала и универсальные общества, вступить в которые могли представители разных полов, имущественного положения и социального происхождения – «Апостол Павел» (Απόστολος Παύλος), «Забота» (Πρόνοια), «Эвники» (Ευνίκη), «Лучи» (Ακτίνες)⁸.

«Жизнь» не предлагала никаких догматических и канонических нововведений, тем не менее некоторые аспекты православного предания подверглись ревизии со стороны организации, что не могло не сказаться на миссионерской практике.

В наибольшей степени отход «Жизни» от православного предания был заметен в ее отношении к монашеству⁹. В штабе Зои в центре Афин на улице Ипократа располагались квартиры иноков «современного типа»: они соблюдали все три монашеских обета (нестяжания, целомудрия и послушания), но не носили монашеского одеяния¹⁰. Послушания братьев не были похожи на обычные монастырские: они выполняли роль лекторов, катехизаторов, директоров школ и приютов. Живя по-монашески в полном подчинении организации, некоторые участники «братства богословов» оставались мирянами, не принимая монашеского пострига. Жизнь инока в представлении «Зои» должна была ориентироваться не на молитву, а на служение ближнему и миссионерскую деятельность¹¹.

«Жизнь» предлагала ряд изменений в области литургической практики, эти нововведения нельзя назвать полноценной богослужебной реформой, однако многие из них были нетипичны для Элладской Церкви:

- верующим предлагалось сидеть во время большей части богослужения ради концентрации внимания;
- священников призывали громко читать «тайные молитвы», а хор петь тише, чтобы прихожане могли их расслышать;
- на литургии в воскресные и праздничные дни во время возношения Св. Даров должно было совершаться коленопреклонение

8 Maczewski C. Η Κίνηση της «Ζωής» στην Ελλάδα... Σ. 151.

9 Αβραάμ Α. Ρωμακό οδοιπορικό: Το γένος σε νέα αιχμαλωσία. Αθήνα, 2007. Σ. 266.; Πρακτικά Συνελεύσεων Αδελφότητας Θεολόγων Η Ζωή. Έτος 1946. Σ. 176–177, 201–202; Έτος 1931. Σ. 282, 300.

10 Нонсенс для Греции, где даже представителей белого духовенства по сей день невозможно увидеть в общественном месте без рысы.

11 См. подробнее: Зоитакис А. Г. Протестантизм и православие...

(по западному образцу);

- перед Литургией верных богослужение прерывалась проповедью¹²;
- священники братства старались говорить на простом, понятном каждому слушателю языке, избегая близкого к древнегреческому официального языка Церкви.

Проповедь у «Зои» становится центральным элементом литургии. Из этого логичным образом вытекало требование сокращения богослужения, ведь богословы «Жизни» не признавали его духовно-воспитательного значения. Роль молитвы также де-факто обесценивалась. Проповедь и катехизация переносились из храмов в аудиторию и отрывались от литургической жизни, что также было в новинку для православия. Нонсенсом был и перенос евхаристии и исповеди в частные молельные дома или даже офисы.

В миссионерской практике «Зои» также использовала наработки западных христиан: организовывала летние детские и студенческие лагеря, отправляла миссионеров в частные дома и квартиры с целью распространения бесплатных брошюр и продажи издаваемой братством литературы.

Морализм и нравственное поведение ставились «Жизнью» во главу угла. Члены организации всегда должны были служить примером нравственных и добропорядочных личностей, что проявлялось прежде всего во внешнем облике: строгом дресс-коде, контроле за жестами и походкой, манерой говорить. «Не нужен пробор на голове. Галстук должен быть простым и серьезным, брюки не подвернутые и не современные... Во всем должен быть единый порядок и стандарт...»¹³. Членам «Зои» не позволялось «ходить в питейные заведения, а также принимать предлагаемый в качестве угощения алкоголь... Общий стандарт поведения демонстрирует ценности братства»¹⁴. В случае если кто-то из членов «Зои» вел себя недостаточно морально, организация оставляла за собой право вмешательства в его частную жизнь¹⁵.

Греческие православные братства часто называли «внецерковными организациями». Отчасти в этом виноваты представители самих братств: многие из них считали членов своих организаций избранными людьми, призвание которых – обновить Церковь, и дистанцировались

12 *Αβραάμ Α. Ρωμαϊκό οδοιπορικό...* Σ. 141.

13 *Πρακτικά Συνελεύσεων Αδελφότητας Θεολόγων Η Ζωή*. Έτος 1938. Σ. 43, 45, 55; έτος 1931. Σ. 284.

14 *Αυτόθι*. Σ. 401–402.

15 *Γιανναράς Χ. Καταφύγιο ιδεών*. Αθήνα, 1988. Σ. 130–131.

от духовенства. Кроме того, братья предпочитали находиться под контролем государства, а не Церкви, регистрируя свои объединения в качестве общественных организаций. Это позволяло избегать любых форм контроля со стороны высшего и приходского духовенства. Впоследствии обособленность переросла в своеобразную кастовость, в качестве «прогрессивных» и настоящих христиан в глазах многих участников «Зои» выступали только члены братства. Активный член «Жизни» Христос Яннарас, вспоминая свои детские годы, писал: «Сравнивая себя с остальными детьми, во дворе и школе, мы чувствовали себя по-настоящему благодетельствованными»¹⁶.

Парадоксальным образом богословы «Зои» называли себя православными традиционалистами, хотя на деле далеко отошли от Предания Церкви (прежде всего в своих методах и принципах деятельности). В «Жизни» и других греческих братствах витал западный миссионерский дух¹⁷, сочетавшийся с морализаторством и культом личного благочестия. В основу их идеологии легли этицизм и морализм. Кроме того, внецерковными обществами был усвоен протестантский принцип частной веры, вытеснивший православную идею соборности¹⁸. Одним из основных пунктов подобного подхода стал тезис о «священническом достоинстве» мирян¹⁹. Один из лидеров «Жизни» профессор богословия Панайотис Трембелас издал программный манифест организации «Миряне в Церкви. Царственное священство», где напрямую заявлял о «священстве мирян»²⁰.

Несмотря на позиционирование себя как защитников православной идентичности, родство «Зои» с протестантскими идеями косвенно подтверждает тот факт, что братство активно переиздавало труды английских и американских протестантских миссионеров, действовавших в Греции в XIX в.²¹ В воскресных школах и перерывах между службами активно использовались католические и протестантские песни. При этом члены «Зои» не позиционировали себя как прямых продолжателей англо-американских обществ, наводнивших Грецию

16 Αυτόθι. Σ. 65.

17 Πρακτικά Συνελεύσεων Αδελφότητος Θεολόγων Η Ζωή, Έτος 1936. Σ. 555–556, 567; έτος 1934. Σ. 430, 458; έτος 1935. Σ. 510–511.

18 См. подробнее: Ζουτακис Α. Γ. Протестантизм и православие...

19 Τρεμπέλα Π. Οι λαϊκοί έν τη Εκκλησία. Το βασίλειον Ιεράτευμα. Αδελφότητα Θεολόγων ο Σωτήρ, 1976. Σ. 6. 17–34.

20 Αυτόθι. Σ. 6.

21 Αβραάμ Α. Ρωμαικό οδοιπορικό... Σ. 260.

с момента освобождения от Османского владычества²². Активно пользуясь миссионерским инструментарием этих организаций, члены «Жизни» старались подчеркнуть свою самобытность и приверженность Православию.

На первый взгляд «Зои» отличало от протестантизма подчеркивание значения церковного Предания (хотя приоритет в миссионерской работе отдавался именно изучению и распространению Библии). Однако свв. Отцы рассматривались «братством богословов» лишь как эталоны для формирования «христианских личностей»²³. Акцент делался на их внешних добродетелях и великих человеческих достижениях, а их богословско-аскетические заслуги и роль в догматических спорах эпохи Вселенских соборов обходились вниманием²⁴.

В целом для «Зои» было характерно отсутствие интереса к догматическому богословию. Благодаря сети катехизаторских школ, христианских профсоюзов и обществ у «братства богословов» были все возможности для донесения своего взгляда на веру и догматы до максимально широкой аудитории. Однако руководители «Жизни» не поощряли интерес к серьезным богословским проблемам у рядовых членов организации²⁵, а притчи «о сладчайшем Иисусе» и академическое морализаторство не способствовали появлению глубокого чувства веры у рядовых участников движения. Отторжение вызывало и низведение Евангелия до уровня морально-этической системы, сочетавшейся с застывшим «повторительным» богословствованием идеологов «Зои». В свою очередь попытка организации найти общий язык с научным сообществом и даже завоевать благосклонность ученых на деле привела к превращению богословия в научно-образную апологетику²⁶.

Еще одной характерной особенностью миссионерской деятельности «Зои» стала политизация риторики организации и призыв к реформированию общества на христианских принципах.

22 Подробнее об их деятельности см.: Зоитакис А. Г. Протестантская миссия в Греции в XIX – первой половине XX вв.: успех или провал? // «Время молчания прошло!» Пять веков Реформации в меняющемся мире. Сборник научных статей. СПб., 2019 (Труды Исторического факультета МГУ (156). Сер. II. Исторические исследования (96)). С. 279–301.

23 Maczewski C. Η κίνηση της «Ζωής» στην Ελλάδα... Σ. 115.

24 См. подробнее: Зоитакис А. Г. Протестантизм и православие...

25 Γιανναράς Χ. Ορθοδοξία και Δύση... Σ. 352.

26 См. подробнее: Зоитакис А. Г. Протестантизм и православие...

Члены братства стали яркими противниками коммунизма, рассматриваемого как нравственная угроза²⁷.

Проводилась массированная антифеминистская и антисекулярная пропаганда, а на носителей социалистических идей обрушились моральные и нравственные обвинения. Подобную линию проводил ряд аффилированных с «Зои» изданий (газеты «Кирикс» (Κύρηξ), «Скрип» (Σκρίλ), журнал «Гермес» (Ερμής), несколько обществ и профессиональных содружеств (например, «Эллинизм» (Ελληνισμός)). Их аудиторией стало прежде всего население средних и малых греческих городов.

Братство богословов «Жизнь» посылало проповедников на фабрики и заводы, печатало специальную просветительскую литературу для рабочих. Параллельно проводились встречи рабочих в здании самой организации. На их основе был образован «Христианский союз рабочей молодежи» (Χ.Ε.Ε.Ν.)²⁸. Антикоммунистическая литература распространялась организацией по всей Греции, причем издаваемые брошюры были адресованы не только рабочим, но и другим категориям населения, в том числе детям²⁹.

Греческие социалисты с сожалением констатировали, что антикоммунистическая пропаганда «Жизни» имеет определенный эффект: «Каждое братство издает свой журнал, организывает экскурсии, проводит регулярные лекции и религиозные обряды – все в рамках программы контрреволюционной пропаганды, которая уводит значительную часть населения в контрреволюционные круги... На часть рабочих (причем из наиболее деятельных) религиозная пропаганда оказала столь значительный эффект, что они считают непреодолимым препятствием для своей полной солидаризации с программой Коммунистической партии Греции то обстоятельство, что коммунизм противостоит Церкви»³⁰.

27 “Κομμουνισμός και θρησκεία” Β’ (Ζωή). Τ. 600. 29.05.1923. Σ. 158; *Makrides V. “Orthodoxy in the Service of Anticommunism: The Religious Organization Zoe during the Greek Civil War” // The Greek Civil War: Essays on a Conflict of Exceptionalism and Silences. Aldershot, 2004. S. 159–174.*

28 *Κολιτσάρας Ι. Σεραφεΐμ Παπακώστας (1892–1945): βιογραφία. Αθήνα, 1980. Σ. 58, 66, 67.*

29 *Γιανναράς Χ. Καταφύγιο ιδεών... Σ. 86–91.*

30 *Απέκα Κ. Η ταξική πάλη του προλεταριάτου και η θρησκευτική αντίδραση // Νέοι Προπορείοι. τ. Α. 1932. Σ. 448. Подробнее о миссионерской работе «Зои» среди коммунистов см.: *Ζουτακис Α. Γ. Революционное движение и Православная церковь в Греции // Столетие Революции 1917 года в России.**

Совместно с популярным профессором богословия Панайоти-сом Братциотисом «Зои» основала Академический общественный союз. В нем особое внимание уделялось воспитанию студенческой молодежи, из среды которой выйдут будущие общественные лидеры³¹. Союз пытался распространить среди молодежи «социальные ценности Евангелия», противопоставив их индивидуалистическому сознанию. Также декларировалась задача «предохранить студенчество от материалистических и атеистических течений эпохи»³², в особенности теории эволюции³³.

Систематизация христианской апологетики в университетской среде против новых атеистических научных теорий была одной из главных целей «Жизни». Особое внимание уделялось миссионерской деятельности среди студентов богословских факультетов греческих университетов³⁴. Вступивших в «Зои» студентов готовили к противостоянию материализму с помощью аргументов, почерпнутых из естественнонаучных дисциплин.

В 1930-х гг. религиозные общества повернули свою деятельность от «морального» к «национальному преобразованию». Именно во внецерковных организациях родился лозунг «Родина, религия, семья» (в нем показателен приоритет отечества над религией), а христианство продолжало рассматриваться как социальный и моральный преобразователь. Политизация «Зои» стала главной причиной ее системного кризиса. Ассоциирование лидеров организации с радикальными правыми политиками (в том числе диктаторскими режимами И. Метакса и «черных полковников»³⁵) породило внутренние конфликты, расколы и разочарование в методах и идеологии братства. 31 июня 1959 г. в организации произошел раскол: из «Зои» ушли больше 60 из 135 членов братства, которые в 1960 г. образовали общество «Сотир» (Σωτήρ). Несмотря на внутренние проблемы, некоторое время «Жизнь» сохраняла общественное влияние. В 1967 г. члены общества и вовсе возглавили священноначалие Элладской Церкви: Афинским архиепископом стал

Научный сборник. М., 2018 (Труды Исторического факультета МГУ (108). Сер. II. Исторические исследования (60)). Ч. 1. С. 645–653.

31 *Μπρατσιώτου Π. Ατομισμός και Κοινωνισμός παρά τη Νεολαία. Αθήνα, 1938. Σ. 28, 36.*

32 *Κολιτσάρας Ι. Σεραφεΐμ Παπακόστας... Σ. 51.*

33 *Αυτόθι. Σ. 53.*

34 *Maczewski C. Η κίνηση της «Ζωής» στην Ελλάδα... Σ. 255.*

35 *Αυτόθι. Σ. 134–136.*

многолетний лидер «Зои» Иероним (Котсонис), а епископами – другие видные представители организации (также в Синод вошли члены братства «Сотир»). Стоит отметить, что поставление участников внецерковных организаций на кафедры проходило с грубым нарушением церковных канонов и под давлением политических властей. Началась реализация программы реформ, вдохновленных духом и идеалами «Зои», «Сотир» и других братств. Совместно с военной хунтой «черных полковников» иерархия проводила комплексную программу по улучшению «морального климата» Греции и формированию особого типа гражданина – «греко-христианина». Много говорят о духе проводимых мер особые карточки «духовного и физического здоровья», которые были введены на всех без исключения учеников греческих школ³⁶.

Падение диктаторского режима серьезно снизило общественное влияние «Зои». Братство существует и по сей день, но количество его участников и общественное влияние не идут ни в какое сравнение с временами расцвета организации.

* * *

В начале XX в. на территории Сербии постепенно начинает формироваться православное движение, самые яркие представители которого выделялись среди прочих своей активной прозелитической деятельностью, которая не была санкционирована вышестоящими церковными инстанциями. В основном это были обыкновенные крестьяне, которых не устраивало недостаточно крепкое, по их мнению, положение Церкви в сербском обществе той эпохи. Они проповедовали Евангелие преимущественно в сельской местности и отличались стремлением к индивидуальному благочестию. Крестьянские самодеятельные миссионеры не пропускали богослужений, регулярно исповедовались и причащались, любили посещать святые места, часто совершали крестные ходы и строго следили за своими поступками, словами, внешним видом и даже мыслями. Таких людей в народе стали называть «богомольцами», «набожными» или «евангелистами».

В отличие от греческого движения «Жизнь», возглавляемого представителями черного духовенства и монахами «светского типа», а также британского «Оксфордского движения», аккумулировавшего в своих рядах сплошь интеллигенцию, сербское богомольческое движение («богомольчки покрет») родилось в народной толще и вбирало в себя в основном простых крестьян.

36 См. подробнее: *Зоитакис А. Г.* Протестантизм и православие...

Зачатки богомольческого движения возникли еще во второй половине XIX в. Первоначально оно не было общесербским. Разные группы богомольцев спонтанно возникали в разных областях страны, никак не сообщаясь друг с другом и не согласуя свою деятельность. Они могли носить разные названия и отличаться друг от друга специфическими чертами.

Человеком, способствовавшим консолидации разрозненных групп в единую организацию – учрежденное в 1920 г. Православное народное христианское объединение («Православна народна хришћанска заједница») (ПНХО/ПНХЗ), стал выдающийся миссионер и писатель епископ Николай (Велимирович).

Стоит отметить, что не только богомольчество вызывало симпатию у владыки. Основание различных православных движений неразрывно связано с его именем. Он всегда поддерживал любые христианские организации независимо от того, кем и когда они были основаны, и выступал на их собраниях с проповедями. К примеру, он принимал участие в создании Христианского объединения молодых людей и Женского христианского движения³⁷.

Благодаря Велимировичу произошли значительные перемены во мнении архиереев и священников о богомольцах. Это случилось после публикации статьи владыки «Не отвергайте их: одно замечание священникам» в журнале Сербской патриархии. «Постарайтесь понять богомольцев. Воздержитесь от побивания их камнями, можете ненароком угодить камнем в Христа. Не отталкивайте их, и они вас не оттолкнут»³⁸, – писал владыка Николай.

В Греции фигуры, подобной Николаю Велимировичу, не нашлось, что во многом и обусловило дистанцирование «Зои» от официальной Церкви. С 30-х гг. XIX в. в Элладе на государственном уровне проводилась последовательная политика по поставлению на высшие посты в Церкви лиц плохо образованных, безынициативных, неспособных отстаивать церковные интересы перед лицом государства и тем более возглавить такую борьбу. В течение XIX в. и первой половины XX в. иерархия так и не нашла в себе сил что-либо противопоставить секулярному давлению власти. Естественно, в подобных условиях сотрудничество с православными братствами и их «воцерковление»

37 *Суботин Д.* Епископ Николај и православни богомольчки покрет: православна народна хришћанска заједница у Краљевини Југославији: 1920–1941. Београд, 1996. С. 34–35.

38 Там же. С. 36.

не представлялось возможным. Именно с этим связана внецерковность «Зои», в отличие от которой ПНХО действовало «под контролем и с благословения Церкви»³⁹. Епархиальные комитеты богомольцев находились под надзором правящих архиереев, тогда как центральный комитет – под надзором Священного синода. Движение пошло по этому пути, причем не благодаря деятельности Синода, а по воле самих членов ПНХО.

Богомольцы всегда поддерживали присоединение к движению клира, пользовались покровительством патриархов и некоторых авторитетных архиереев, которые признали образовавшуюся организацию и благословили «Основные правила» ПНХО. В 1928 г. Архиерейский собор СПЦ принял решение о принятии богомольческого движения «в лоно Церкви». Дальше официального признания дело не продвигалось, ни о какой материальной поддержке организации речь и вовсе не шла, однако деятельность ПНХО все равно протекала в благоприятных условиях, так как в отличие от «Зои» организация не дистанцировалась от Церкви, а действовала с ее благословения.

Современники констатировали главную отличительную черту богомольчества – «церковность». Его участники не хотели создавать обособленную секту. Выдающийся сербский духовный писатель Иустин Попович отмечал: «Это движение представляет собой подвижничество в массах. Это его делает исключительным явлением в истории нашей Церкви. У настоящих богомольцев все сводится к личному подвижничеству, особенно это касается молитвы и поста. И в этом, именно в этом, они специфично Христовы и специфично православны...»⁴⁰.

Члены богомольческого движения делали акцент на миссионерском и катехизаторском служении, но, в отличие от «богословов» греческого братства «Зои», придавали литургической жизни Церкви куда большее значение. Также они не были сторонниками реформы богослужения. Для членов ПНХО были по-прежнему актуальны молитва и другие составные части аскетического образа жизни. Важным элементом духовного просвещения мирянина богомольцы считали не только проповедь, но и богослужение. Не разделяя подход «Зои», согласно которому «священники не способны просветить народ. Они всего лишь совершают богослужения»⁴¹, богомольцы видели основную задачу

39 Там же. С. 41.

40 *Суботин Д.* Епископ Николај... С. 16.

41 *Πρακτικά Συνελεύσεων Αδελφότητος Θεολόγων Η Ζωή*. Έτος 1930. Σ. 234–235.

пастырей не в проповеднической деятельности, а в молитве и совершении таинств. Причем длинные богослужения рассматривались как одно из достоинств совершавших их пастырей⁴².

Об образе жизни богомольцев мы знаем благодаря многочисленным свидетельствам современников, печатавшимся в периодических изданиях. Богомольцы «просто наслаждаются пребыванием в церкви – никогда им не долго и всегда сладко»⁴³. «Когда они разговаривают между собой, это выглядит так, будто они говорят на священном ангельском языке, потому что беседуют только на святые темы, а о земном настолько, насколько это необходимо»⁴⁴. «Их жизнь в доме несет печать постоянной святости. С их уст никогда не вылетает ругань или проклятия, но только слово исправления или поучения»⁴⁵. «Богомольцы являются самым культурным элементом в народе, так как не курят, воздерживаются от алкоголя, являются вегетарианцами в большинстве своем, а из любви к Священному Писанию все они практически самостоятельно научились прочитывать Его хорошо и точно, и чтением они также дополняют свое образование»⁴⁶.

Богомольцы разительно отличались от других слоев населения не только своим образом жизни, но и своим внешним видом. Так, богомольческого миссионера часто описывают как старика в народной одежде с длинной бородой и волосами, который путешествовал босым. Обычным богомольцам также была чужда мода и любая другая одежда, кроме народного костюма. Все богомольцы носили нательные крестики, а женщины еще и платки, особенно при посещении храма, что в сербском обществе по причине пятисотлетнего господства османов не являлось традицией. Таким образом, как и у греческих братчиков, в богомольческом движении существовал единый дресс-код.

С созданием в 1920 г. официальной организации богомольцев стало легче их идентифицировать, так как теперь не всякий мог именоваться богомольцем, но только член ПНХО. Как и в случае «Зои», это привело к формализации служения и облика богомольцев. В отношении поведения братчиков выработались единые этические критерии и стандарты. Они были четко регламентированы в официальном

42 Богословски гласник. 1904. С. 278–289.

43 Гласник Српске Православне Патријаршије. 1921. № 21. С. 351–357.

44 Мисионар. 1940. № 12. С. 12–13.

45 Весник Српске Цркве. Април 1922. С. 40–44.

46 Там же. С. 40–44.

опубликованном документе⁴⁷. Было даже оговорено, какими душевными качествами должен обладать богомолец. Не имеющий оных не мог стать членом ПНХО, а следовательно, и не считался богомольцем.

Поведенческие стандарты богомольцев во многом напоминали этический кодекс «Жизни», предусматривая среди прочего: упражнение в добродетелях, чтение хорошей духовной литературы, культивирование в себе милосердия, уклонение от посещений мест для развлечений, и особенно питейных заведений.

Главной целью движения провозглашалось осуществление морального возрождения народа (что также совпадало с задачами братства богословов «Жизнь»). Кроме этого, предполагалась борьба с сектами и политическими течениями, «которые разрушают мораль и православие»⁴⁸.

В миссионерской практике между «Зои» и ПНХО также можно провести множество параллелей. Богомольцы открывали братства в больших и малых населенных пунктах по всей Сербии и даже за рубежом. В среднем братства состояли из 50–70 человек. Богомольцы славились издательской деятельностью и открытием бесплатных библиотек.

Как и греческие братства, сербские очень часто занимались благотворительностью. Организовывали миссионерские фонды для нищих, больных, сирот и вдов⁴⁹. Открывали курсы пчеловодов и ткачей, курсы сестер милосердия, а также рабочие школы. Богомольцы лично заботились о нуждающихся, ухаживали за больными, посещали заключенных.

Отличие от членов «Зои», богомольцам было свойственно положительное отношение к монастырям и монашеству, в том числе и подражание монашеской жизни.

Сербский патриарх Варнава, по просьбе самих богомольцев, дал указание устроить в штаб-квартире движения в Крагуеваце монастырские порядки и работать «по-монастырски». Также при ПНХО были организованы монашеско-миссионерские курсы. На них могли записаться как монахи, так и миряне-селяне, собиравшиеся принять постриг⁵⁰.

Именно богомольческое движение стало той организацией, благодаря которой пополнялось число сербских монахов на горе Афон.

47 Православна Хришћанска Заједница. 1926. № 6–7. С. 11–17.

48 *Суботић Д.* Епископ Николај... С. 31–32.

49 Там же. С. 100.

50 Там же. С. 108.

Причем желающие принять постриг отправлялись туда целенаправленно и организованно с разрешения патриарха и Архиерейского Синода.

Стоит отметить, что богомольцы во многом ориентировались на пример греческих братств (которые появились раньше и быстрее обрели народную популярность). К примеру, в труде официального лидера ПНХО иеромонаха Дионисия «Кое-что о православном движении в Греции» (1931) ясно высказывается идея об абсолютном слиянии сербского движения с Церковью на примере движения в Греции⁵¹. Дионисий (Миливоевич) утверждал, что богомольческое движение в Сербии является рассеянным и неорганизованным в сравнении с греческим и что нужно брать за образец именно греческую модель. Из публикации очевидно, что богомольцы были плохо информированы о греческих реалиях, в том числе о внецерковном характере «Зоии» и других православных обществ.

Подобно греческим братствам, богомольцы со временем стали ориентироваться на специализацию движения – создавались отделения ПНХО для взрослых и детей, мужчин и женщин («Невинность», «Характер» и т. д.).

В отличие от греческих, сербские братства в основном организовывались на базе прихода. Они не дистанцировались от духовенства, а активно с ним сотрудничали. Из 140 братств богомольческого движения в 1930 г. уже в более чем 100 братствах главное слово оставалось за священниками как руководителями, председателями или членами управ и надзорных комитетов.

Что касается деятельности отдельных братств, то она в основном сводилась к организации молитвенных собраний, а также к празднованию «слав» братств, ведь, так как братство выбирало себе небесного покровителя, оно должно было и отпраздновать день его памяти. Молитвенные собрания нужны были для того, чтобы позволить богомольцам удовлетворить их тягу к массовым собраниям ради совместной молитвы.

Отдельные братства рассматривались как разбросанный по разным местам единый союз. Они назывались преимущественно в честь кого-либо из святых или святителей (св. Саввы, св. Иоанна Крестителя, Покрова Пресвятой Богородицы и т. д.). Связь братств друг с другом обеспечивалась их представителями в центральных управляющих органах движения. В отличие от «Зоии», сербские братства были менее формализованы.

51 Там же. С. 100.

В 1935 г. количество богомольцев доросло уже до нескольких сотен тысяч человек. Доподлинно известно, что постоянных членов насчитывалось 200 000⁵². В 1939 г. в штаб-квартире ПНХО было зарегистрировано около 450 братств по всей стране, а тираж главного издания богомольцев, журнала «Миссионер» («Мисионар»), составил 150 000.

К сожалению, начавшаяся Вторая мировая война не дала движению закрепить и развить тот успех, который ему удалось достичь как раз к концу 1930-х – началу 1940-х гг. Одной из причин кризиса стала политизация части богомольческого движения: многие братчики занимали антикоммунистическую позицию и сотрудничали с радикальной профашистской организацией «Збор», основанной в 1935 г. Димитрием Лётичем⁵³.

* * *

Движение «Зои» и Православное народное христианское объединение оставили неизгладимый след в истории православной церкви первой половины XX в. Вмешательство в политику способствовало кризису организаций и их вытеснению на периферию общественной жизни, однако именно деятельность православных братств способствовала зарождению нового поколения людей, интересующихся церковной жизнью. Миссионерская деятельность обществ также принесла очевидные плоды.

Со второй половины XX в. в Элладской церкви наблюдается новый расцвет монашества. Приметой времени становится большое количество среди новых насельников монастырей юношей с высшим образованием и даже крупных ученых; именно разочаровавшиеся в идеалах протестански-ориентированных внецерковных организаций юноши вдохнули новую жизнь в греческое монашество. Члены «Зои» Василий Гондикакис и Григорий Хадзиэмануил, покинув организацию в 1966 г., отправились на Афон, где способствовали возрождению обителей Ставроникита и Ивирон. Много выходцев из «Зои» было в братиях под руководством архимандритов Эмилиана (Вафидиса) и Георгия (Капсаниса), возродивших опустевшие афонские монастыри Симонопетра и Григориат.

По итогам Второй мировой войны, когда православная церковь и вера в Сербии подверглись крупным испытаниям⁵⁴, именно богомольцы взяли на себя тяжелый труд по церковному возрождению. В первые

52 Там же. С. 181.

53 Там же. С. 185.

54 Puzović P. Kratka istorija Srpske pravoslavne crkve (1219–2000). Kragujevac, 2000. S. 104.

послевоенные годы все кандидаты в сербские духовные семинарии являлись потомками или родственниками членов этого религиозного движения. В частности, это касается вопроса возрождения монастырей, особенно женских, так как новые послушники тоже происходили из семей богомольцев. В условиях, когда государство наложило запрет на открытую миссионерскую деятельность, в монастырях нашли полнейшее выражение столь характерные для богомольцев дух общежительности, любовь к труду и пению, что, в свою очередь, оказывало плодотворное влияние на верующих, помогая им пережить непростые годы гонений.

Источники и литература

Μουσείο Μπενάκη. Αρχείο Νικολάου Πλαστήρα.

Богословски гласник. 1904. Књ. 6.

Весник Српске Цркве. Април 1922. С. 40–44.

Гласник Српске Православне Патријаршије. 1921. № 21.

Зоитакис А. Г. Протестантизм и православие на Балканах. Ч. II. Элладская Церковь и вызов протестантизма // Православие.Ru. URL: <https://pravoslavie.ru/55457.html> (дата обращения: 08.03.24).

Зоитакис А. Г. Протестантская миссия в Греции в XIX – первой половине XX вв.: успех или провал? // «Время молчания прошло!» Пять веков Реформации в меняющемся мире. Сборник научных статей. СПб., 2019 (Труды Исторического факультета МГУ (156). Сер. II. Исторические исследования (96)). С. 279–301.

Зоитакис А. Г. Революционное движение и Православная церковь в Греции // Столетие Революции 1917 года в России. Научный сборник. М.: Изд-во АО «РДП», 2018 (Труды Исторического факультета МГУ (108). Сер. II. Исторические исследования (60)). Ч. 1. С. 645–653.

Мисионар. 1940. № 12.

Православна Хришћанска Заједница. 1926. № 6–7.

Суботић Д. Епископ Николај и православни богомолчаки покрет: православна народна хришћанска заједница у Краљевини Југославији: 1920–1941. Београд: Нова Искра, 1996. 310 с.

Αβραάμ Α. Ρωμαϊκό οδοιπορικό: Το γένος σε νέα αιχμαλωσία. Αθήνα: Ο Ποιμενικός Αυλός, 2007. 588 σ.

Αγγελόπουλος Α. Εκκλησιαστική ιστορία. Ιστορία των δομών διοικήσεως καί ζωής της Εκκλησίας της Ελλάδος (20 αιώνας). Θεσσαλονίκη: Αφοί Κυριακίδη, 1998. 632 σ.

Ἀπέκα Κ. Ἡ ταξικὴ πάλη τοῦ προλεταριάτου καὶ ἡ θρησκευτικὴ ἀντίδραση // Νέοι Πρωτοπόροι. Τ. Α. 1932.

Γιανναράς Χ. Καταφύγιο ἰδεῶν. Αθήνα: Δομός, 1988. 392 σ.

Γιανναράς Χ. Ὀρδοδοξία καὶ Δύση στὴ Νεώτερη Ελλάδα. Αθήνα: Δομός, 1992. 512 σ.

Καβάρνός Κ. Συναντήσεις με τὸν Κόντογλου. Αθήνα: Παπαδημητρίου, 1985. 223 σ.

Κομμουνισμός καὶ θρησκεία // Β' (Ζωή). Τ. 600. 29.05.1923.

Κολιτσάρας Ι. Σεραφεῖμ Παπακώστας (1892–1945): βιογραφία. Αθήνα: Ζωή, 1980. 306 σ.

Μεταλληνός Γ. Τὸ Ζήτημα τῆς Μεταφράσεως τῆς Ἁγίας Γραφῆς εἰς τὴν Νεοελληνικὴν κατὰ τὸν ἸΘ' αἰῶνα. Αθήνα: [χ.ο.], 1977. 423 σ.

Maczewski C. Ἡ Κίνηση τῆς «Ζωῆς» στὴν Ελλάδα. Αθήνα: Ἀρμός, 2002. 320 σ.

Makrides V. Orthodoxy in the Service of Anticommunism: The Religious Organization Zoe during the Greek Civil War // The Greek Civil War: Essays on a Conflict of Exceptionalism and Silences. Aldershot: Routledge, 2004. P. 159–174.

Puzović P. Kratka istorija Srpske pravoslavne crkve (1219–2000). Kragujevac: Kalenić, 2000. 125 s.

Πολάκης Π. Κριτικὴ τῆς σχέσεως Ἐκκλησίας καὶ Πολιτείας ἐν Ἑλλάδι. Ἀλεξάνδρεια: Πατριαρχικὸ τυπογραφεῖο, 1920. 42 σ.

Πρακτικὰ Συνελεύσεων Ἀδελφότητος Θεολόγων Ἡ Ζωή, Ἔτος 1930.

Πρακτικὰ Συνελεύσεων Ἀδελφότητος Θεολόγων Ἡ Ζωή, Ἔτος 1931.

Πρακτικὰ Συνελεύσεων Ἀδελφότητος Θεολόγων Ἡ Ζωή, Ἔτος 1938.

Πρακτικὰ Συνελεύσεων Ἀδελφότητος Θεολόγων Ἡ Ζωή, Ἔτος 1946.

Šljepcević D. Mihailo, arhiepiskop beogradski i mitropolit Srbije. Minhen: Iskra, 1980. 626 s.

Τρεμπέλα Π. Οἱ λαικοὶ ἐν τῇ Ἐκκλησίᾳ. Το βασιλεῖον Ἱεράτευμα. Αθήνα: Ἀδελφότητα Θεολόγων ὁ Σωτήρ, 1976. 310 σ.

References

Agioreitēs, A. *Rōmaiko odoiporiko: To genos se nea aichmalōsia*. Athēna: O Poimenikos Aulos, 2007, 588 p.

Angelopoulos, A. *Ekklēsiastikē istoria. Istoría tōn domōn dioikēseōs kai zōēs tēs Ekklēsias tēs Ellados (20 aiōnas)*. Thessalonikē: Afoi Kyriakide, 1998, 632 p.

Ἀπέκα, Κ. “Ἐ ταξικὴ παλὴ τοῦ προλεταριάτου καὶ ἡ θρησκευτικὴ ἀντίδραση.” *Νέοι Πρωτοπόροι*. Τ. Α. 1932.

Bogoslovski glasnik, 1904.

Glasnik Srpske Pravoslavne Patrijaršije. 1921, No 21.

- Giannaras, X. *Kataphygio ideōn*. Athēna: Domos, 1988, 392 p.
- Giannaras, X. *Ordodoxia kai Dysē stē Neōterē Ellada*. Athēna: Domos, 1992, 512 p.
- Kavarnos, K. *Synantēseis me ton Kontoglou*. Athēna: Papadimitriou, 1985, 223 p.
- Kolitsaras, I. *Serapheim Papakōstas (1892–1945): Biographia*. Athēna: Zōē, 1980, 223 p.
- “Kommounismos kai Thrēskeia” B' (Zōē). Vol. 600, 29th of May, 1923.
- Maczewski, C. *Ē Kinēsē tēs «Zōēs» stēn Ellada*. Athēna: Armos, 2002, 320 p.
- Makrides, V. “Orthodoxy in the Service of Anticommunism: The Religious Organization Zoe during the Greek Civil War.” *The Greek Civil War: Essays on a Conflict of Exceptionalism and Silences*. Aldershot: Routledge, 2004, pp. 159–174.
- Metallēnos, G. *To Zētēma tēs Metaphraseōs tēs Agias Graphēs eis tēn Neoelēnikē kata ton ITh aiōna*. Athēna: [h.o.], 1977, 423 p.
- Misionar*. 1940, No 12.
- Polakēs, P. *Kritikē tēs scheseōs Ekklēσίας kai Politeias en Elladi*. Alexandria: Patriarhiko tupografeio, 1920, 42 p.
- Praktika Syneleuseōn Adelphotētos Theologōn Ē Zōē, Etos 1930.
- Praktika Syneleuseōn Adelphotētos Theologōn Ē Zōē, Etos 1931.
- Praktika Syneleuseōn Adelphotētos Theologōn Ē Zōē, Etos 1938.
- Praktika Syneleuseōn Adelphotētos Theologōn Ē Zōē, Etos 1946.
- Pravoslavna Hriščanska Zajednica*. 1926, No 6–7.
- Puzović, P. *Kratka istorija Srpske pravoslavne crkve (1219–2000)*. Kragujevac: Kalenić, 2000, 125 p.
- Slijepcević, D. Mihailo, arhiepiskop beogradski i mitropolit Srbije. Minhen: Iskra, 1980, 626 p.
- Subotić, D. Episkop Nikolaj i pravoslavni bogomoljački pokret: pravoslavna narodna hriščanska zajednica u Kraljevini Jugoslaviji 1920–1941. Beograd: Nova Iskra, 1996, 310 p.
- Trepela, P. Oi laikoi en tē Ekklēsia. To Vasileion Ierateuma. Athēna: Theologōn o Sōtēr, 1976, 310 p.
- Vesnik Srpske Crkve, april 1922.
- Zoitakis, A. G. “Protestantizm i pravoslavie na Balkanakh. Chast' II. Ellad-skaia tserkov' i vyzov protestantizma.” *Pravoslavie.Ru*. URL: <https://pravoslavie.ru/55457.html> (accessed: 08.03.24).
- Zoitakis, A. G. “Protestantskaia missiia v Gretsii v XIX – pervoi polovine XX vv.: uspekhi ili proval?” *“Vremia molchaniia proshlo!” Piat' vekov Reformatsii v meniaiushemsia mire. Sbornik nauchnykh statei*. St Petersburg, 2019, pp. 279–301.
- Zoitakis, A. G. “Revoliutsionnoe dvizhenie i pravoslavnaia tserkov' v Gretsii.” *Stoletie Revoliutsii 1917 goda v Rossii. Nauchnyi sbornik*. Vol. 1. Moscow: Izd-vo AO “RDP”, 2018, pp. 645–653.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.03

A. G. Zoitakis, E. S. Timonina

Missionary activity of Orthodox brotherhoods in Greece and Serbia in 1918–1941

Afanasy G. Zoitakis

Candidate of History, associate professor

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: zoaf@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7198-644X

Ekaterina S. Timonina

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: timonina202020@mail.ru

ORCID: 0009-0000-2553-9190

Citation

Zoitakis A. G., Timonina E. S. Missionary activity of Orthodox brotherhoods in Greece and Serbia in 1918–1941 // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 55–76 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.03

Received: 29.05.2023.

Revised: 16.08.2023.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

The article is devoted to the study of the response of Greek and Serbian societies to the challenges of modernity faced by the Orthodox Church in the Balkans. Despite the fact that the reasons for the response in the form of the formation of non-church religious movements in the first half of the twentieth century had the same basis, both organizations – the Greek brotherhood of theologians “Zoi” and the Serbian worshipper movement – chose different methods of missionary activity. Their activities were aimed at reviving the Christian norms of morality in society. The purpose of this article is to conduct a comparative analysis between these methods, identify differences in relations with the official Church and characterize the consequences of the chosen course from a historical perspective. The missionary activity of both Orthodox organizations (“brotherhoods”) gradually faded away after World War II for similar

reasons but left behind an important positive trace in the church history of the two Balkan states – Greece and Serbia.

In Russian historiography these themes have not been studied sufficiently. This article is intended to shed light on the main milestones in the development of the movements the World Wars.

Keywords

Greece, Serbia, the Greek Orthodox Church, the Serbian Orthodox Church, the brotherhood Zoi, the worshipper movement, the Orthodox People's Christian Association, missionary activity.

УДК 93/94

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.04

Е. П. Серапионова

**Чехословацкие политики в донесениях советских дипломатов
и вопрос установления официальных отношений
между ЧСР и Россией / СССР (начало 1920-х гг.)**

Серапионова Елена Павловна
Доктор исторических наук, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: serapionovae@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0269-140X

Цитирование

Серапионова Е. П. Чехословацкие политики в донесениях советских дипломатов и вопрос установления официальных отношений между ЧСР и Россией / СССР (начало 1920-х гг.) // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 77–102. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.04

Статья поступила в редакцию 28.11.2023.

Рецензирование завершено 23.01.2024.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

В статье анализируются донесения советских представителей в НКВД о политике и взглядах чехословацких государственных и политических деятелей в отношении России (СССР) в 1920-е гг. Стараясь добиться официального признания Советской России, а затем СССР, главы советского представительства в Чехословацкой республике С. И. Гиллерсон, П. Н. Мостовенко, К. К. Юрнев, В. А. Антонов-Овсенко, А. Я. Аросев в разные годы докладывали Г. В. Чичерину и М. М. Литвинову о позициях президента, министров, глав политических партий, дипломатов ЧСР по этому поводу. При этом они нередко давали развернутые характеристики чехословацким деятелям, указывали на внутренние факторы и внешние причины, мешавшие ратификации торгового советско-чехословацкого соглашения 1922 г. и установлению дипломатических отношений между двумя странами. К тому же фиксировались изменения позиций отдельных политиков по отношению к России в зависимости от внешних обстоятельств. Используемые автором и впервые вводимые в научный оборот документы Архива внешней

политики Российской Федерации и опубликованные материалы по истории советско-чехословацких отношений помогают лучше понять проблемный характер взаимоотношений двух стран и отношение различных политических сил в ЧСР к России.

Ключевые слова

Чехословацкие политики, признание СССР, советские представители в ЧСР.

Лавинообразные события 1917–1918 гг. кардинально изменили жизнь как чехов и словаков, так и народов России. Приход к власти большевиков, выход России из Первой мировой войны поставили вопрос об обмене военнопленными между ней и Центральными державами. После заключения перемирия, распада Австро-Венгрии и образования 28 октября 1918 г. Чехословацкой республики возникла необходимость установления контактов ЧСР с Советской Россией (в том числе и из-за нерешенной проблемы военнопленных), но вооруженный конфликт между чехословацкими легионерами в России и большевиками¹ отодвинул решение этой проблемы. Первые дипломатические связи между двумя странами были установлены после обмена миссиями Красного Креста летом 1920 г., когда удалось наконец в феврале 1920 г. урегулировать военный конфликт сторон².

Российскую миссию в Праге возглавил не профессиональный дипломат, а врач по профессии Соломон Исидорович Гиллерсон³,

1 См.: Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России 1918–1920 гг. М., 2018.

2 7 февраля 1920 г. на станции Куйтун были подписаны условия мирного соглашения между правительством РСФСР и командованием чехословацких войск в Сибири, а уже 25 февраля 1920 г. народный комиссар международных дел Г. В. Чичерин обратился с нотой к министру иностранных дел ЧСР Э. Бенешу с предложением начать переговоры об установлении мирных, дружеских отношений между двумя странами. См.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее – ДМИСЧО). Т. 1. М., 1973. С. 312–315; 322–323.

3 Сведения о С. И. Гиллерсоне весьма отрывочны и противоречивы. Некоторые авторы называют его историком-славистом. См.: *Пацнер К.* Как советские спецслужбы вели подрывную работу в Чехословакии // ИноСМИ. URL: <https://inosmi.ru> (дата обращения 17.04.2020).

чехословацкую – майор д-р Йозеф Скала⁴. В основном миссии должны были осуществлять репатриационные функции, в виду сохранявшегося достаточно большого числа военнопленных на территории обеих стран. Но с самого начала стороны преследовали и другие цели, отвечавшие их национально-государственным интересам. Задачей советских представителей стала ликвидация международной изоляции страны. Они старались добиться дипломатического признания Советской России, а затем СССР. Многие силы в ЧСР были заинтересованы в развитии торгово-экономических связей для получения из России необходимого молодой республике сырья и завоевания емкого российского рынка сбыта⁵. Советские представители входили в контакты с чехословацкими политиками и дипломатами, в основном рассматривая их и давая оценки их деятельности исходя из своей стратегической задачи – получения официального дипломатического признания.

Через год миссию Красного Креста сменила торговая делегация РСФСР в Чехословакии во главе с полномочным представителем России в Чехословакии Павлом Николаевичем Мостовенко⁶. Чехословацкую торгово-промышленную миссию возглавил Йозеф Гирса⁷. В марте 1923 г. Мостовенко заменил Константин Константинович Юренев, а уже в 1924 г. советским представителем в Праге стал Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, которого в 1929 г. сменил Александр Яковлевич Аросев, остававшийся на этом посту до 1933 г.

Сохранившиеся в архиве внешней политики России донесения из Праги в Народный комиссариат иностранных дел (НКИД) с характеристиками чехословацких политиков и дипломатов – весьма любопытные исследовательские материалы, которые, конечно, не дают полного представления об этих людях, но свидетельствуют о том, какими их видели советские представители.

Начнем с характеристик первых лиц ЧСР, которые присылались в Москву. НКИД очень интересовало отношение чехословацкого президента Томаша Гарриг Масарика к Советской России и возможности ее признания. В связи с этим К. К. Юренев 7 сентября 1923 г. подготовил для Г. В. Чичерина небольшой обзор изменений позиции Масарика

4 ДМИСЧО. Т. 1. С. 339.

5 Там же. Т. 2. М., 1977. С. 10–11, 18–19.

6 Там же. Т. 1. С. 422. О нем см.: *Станков Н. Н.* Советский представитель в Чехословакии П. Н. Мостовенко против эмиссаров Коминтерна (июнь 1921 года – февраль 1923 года) // *Славяноведение*. 2020. № 3. С. 24–32.

7 ДМИСЧО. Т. 1. С. 436.

по отношению к России. По его словам, с января 1923 г. Т. Г. Масарик не выступал ни по каким политическим вопросам, и его влияние на внешнюю политику ЧСР значительно ослабло. Президент ЧСР расценивался в то время многими в стране как очень почтенная и уважаемая фигура, но «уже сказавшая все, что она могла сказать»⁸. Тем не менее Масарик сохранял большой авторитет в некоторых кругах интеллигенции, среди крестьянства и отчасти у рабочих. Советский полпред подготовил для НКВД краткий анализ его высказываний о России, в котором показал изменение его позиции в зависимости от обстоятельств. В мае 1918 г. в телеграмме на имя Чичерина Масарик заявил: «Мы, чехословаки, любим Россию и желаем, чтобы она была сильной и свободной демократией»⁹. В речи 22 декабря 1918 г. он повторил: «Мы нуждаемся в сильной объединенной демократической федеративной России»¹⁰. 28 октября 1919 г. в речи, посвященной годовщине существования Чехословацкой Республики, ее президент крайне резко нападал на Советскую Россию, указывая, что хочет видеть «Россию могучей, но демократической»¹¹. Этот рефрен проходил красной нитью через все его речи и работы.

Летом 1920 г., в дни, когда Красная армия громила поляков и падение Варшавы ожидалось с часу на час, Масарик, правда не публично, а в беседе с Гиллерсоном, впервые высказался за необходимость сближения с Советской Россией. Президент ЧСР заявил, что «ЧСР тяготеет к французскому влиянию и хочет эмансипироваться от него. Он еще добавил, что Чешпра готово уступить [...] Прикарпатскую Русь»¹². «Я думаю, – продолжал Юрнев, – что заявление Масарика стало бы реальностью, если бы мы взяли Варшаву. Разгром Красной Армии, последовавший вскоре после этого, имел своими последствиями крутой перелом в отношении чешских политиков, а в том числе и Масарика, к нам»¹³. В новогодней статье в 1921 г. в газете *Čas* Масарик крайне резко выступил против России. По мнению Юрнева, он целиком освоил эсеровско-меньшевистскую аргументацию и заявил, что «большевистская диктатура – это аристократическая олигархия в полном смысле слова. Это не диктатура пролетариата, а диктатура над пролетариатом».

8 Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0138. Референтура по Чехословакии. Оп. 4. 1922–1923. Папка 102а. Д. 8. Л. 529.

9 Там же.

10 Там же. Л. 530.

11 Там же.

12 Там же.

13 Там же.

Но переход Советской России к НЭПу несколько изменил отношение Масарика. Он неоднократно, порой довольно сочувственно, говорил об эволюции Советов (весной и в декабре 1922 г.). Статья Масарика, написанная 1 января 1923 г., была выдержана в корректных, объективных по отношению к большевикам тонах¹⁴. Юренев отмечал, что конкретности в высказываниях Масарика о России до сих пор не было и нет, но президент более оптимистически расценивал советское будущее, нежели министр иностранных дел Э. Бенеш. В заключение Юренев отмечал, что Масарик не является активным поборником сближения Чехословакии с СССР, и сожалел, что ему пока не удалось с ним лично поговорить, так как согласно этикету в этом вопросе инициативу должен был проявить президент¹⁵.

Больше всего советским представителям приходилось иметь дело с бессменным в течение первых 17 лет министром иностранных дел, а с 1935 г. вторым президентом Чехословакии Э. Бенешем. Бенеш не без основания не раз упрекал Гиллерсона и Мостовенко в связях с Коминтерном и чехословацкими коммунистами, которые занимались антигосударственной деятельностью, в материальной поддержке КПЧ¹⁶. Обсуждая вопрос о возможном торговом соглашении между странами, он заявлял о необходимости прежде решить вопрос об освобождении арестованных в России чехов и словаков¹⁷. В свою очередь советские представители в ЧСР постоянно требовали прекращения субсидирования русских эмигрантов, в частности эсеровских организаций, считая эмигрантов врагами советской власти.

В частности, П. Н. Мостовенко в январе 1923 г. сообщал заместителю наркома иностранных дел М. М. Литвинову о том, что несмотря на то, что чехословацкое правительство уже дважды официально публиковало информацию, что в Праге только одна российская и одна украинская

14 Об этом же сообщал и Мостовенко в письме Литвинову от 10 января 1923 г., отмечая, что новогодняя статья Масарика была опубликована газетой коммунистов *Rudé Pravo*, так как в ней «даже выживший, по его словам, из ума Масарик» под напором общественного мнения был вынужден весьма благоприятно отзываться о Советской России и большевиках. – Там же. Папка 102. Д. 6. Л. 7.

15 Там же. Папка 102а. Д. 8. Л. 531.

16 См., напр., письмо П. Н. Мостовенко Г. В. Чичерину от 25 августа 1921 г.: Там же. Оп. 3. 1920–1922. Папка 102. Д. 4. Л. 242–243.

17 Письмо П. Н. Мостовенко Г. В. Чичерину от 4 августа 1921 г. – Там же. Д. 54. Л. 248–249.

миссия, тем не менее миссия Рафальского¹⁸ продолжает существовать и значится в списке дипломатических представительств. «Гирса и Бенеш уверяли меня, что она там не значится, – писал он, – тем не менее полицейский президиум продолжает давать всем справляющимся о нашей миссии адрес миссии Рафальского». Мостовенко особенно раздражало, что представители правительства ЧСР, в том числе Бенеш и Гирса, продолжали выступать с официальными речами и приветствиями на всякого рода эмигрантских съездах рядом с тем же Рафальским, презентовавшим себя в качестве российского посла. Он отмечал и активизацию деятельности Пражского Земгора¹⁹: «Большую роль в Земгоре играют только что высланные из России профессора, особенно Питирим Сорокин²⁰, являющийся здесь излюбленной персоной для всякого рода Масариков, Бенешей и прочих. Они то и дело принимают его и беседуют с ним, о чем затем торжественно в официальном порядке оповещаются газеты»²¹. Вопрос о русской эмиграции и отношении к ней чехословацкого правительства²² еще долго не сходил с повестки дня в сообщениях из Праги в Наркоминдел²³.

18 Российская миссия В. Рафальского была учреждена в Чехословакии в июле 1919 г., официально признана и финансировалась чехословацким правительством. См.: ДМИСЧО. Т. 1. С. 270–271.

19 Подробнее о Пражском Земгоре см.: *Серапионова Е. П.* Пражский Земгор и его деятельность // Записки русской академической группы в США. Т. XXXI. Русская Прага 1920–1945. Transaction of the Association of Russian-American scholars in the USA. New York, 2001. P. 186–195; *Серапионова Е. П.* Отношения Пражского и Парижского Земско-городских комитетов // Cahiers du Monde Russe. Russie. Empire russe. Union soviétique. États indépendants. L'invention d'une politique humanitaire. Les réfugiés russes et le Zemgor (1921–1930). 2005. 46/4 Octobre-décembre. P. 797–816; *Серапионова Е. П.* Деятели Пражского Земгора // Славяноведение. 2015. № 4. С. 32–41.

20 П. А. Сорокин (1889–1968) – социолог, культуролог, педагог. В 1922 г. выслан из Советской России. В ЧСР жил по приглашению Т. Г. Масарика в 1922–1923 гг. Затем переехал в США.

21 Письмо П. Н. Мостовенко М. М. Литвинову от 10 января 1923 г. – АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 4. Папка 102. Д. 6. Л. 6–7.

22 Подробнее о «русской акции помощи» чехословацкого правительства см.: Т. Г. Масарик и «Русская акция» чехословацкого правительства. К 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика. По материалам международной научной конференции. М., 2005; Русская акция помощи в Чехословакии. История, значение, наследие / сост.: Л. Бабка и И. Золотарев. Прага, 2012 и др.

23 См. подробнее: *Серапионова Е. П.* Проблема русской эмиграции в советско-чехословацких отношениях начала 1920-х гг. // Из истории

Мостовенко сообщал, что сам Рафальский вел себя очень скромно, а Земгор решительно наглед, и был отмечен ряд случаев визирования им советских паспортов. «Правительство усиленно и вполне откровенно облегчает юридическое положение здесь белогвардейцев»²⁴, – отмечал он.

Вероятно, первоначально неудачные попытки подписания торгового договора с Чехословакией повлияли на довольно резкую характеристику, которую Мостовенко дал Бенешу, даже в сравнении с его замом В. Гирсой²⁵, в письме заместителю наркома иностранных дел М. М. Литвинову от 17 января 1922 г. «Я очень недурно познакомился с Бенешем, – писал он. Это прежде всего очень неумный человек, очень маленького масштаба, без каких-либо принципов – без определенной линии поведения, тип мелкого приказчика, очень подходящий для теперешней чехо-словацкой внешней политики, – мелкого плутовства, поддакивания направо и налево, ловчения и т. д. – словом, весьма подходящий сюжет на роль граммофонной пластинки. Гирса – человек очень неглупый, ведущий определенную линию, знающий чего хочет. В здешней обстановке – сидеть на его месте и делать то, что он делает – можно только, интригуя направо и налево, чем он, конечно, и занимается. Во всяком случае, фактом остается то, что определенную линию он ведет, что вопрос о сближении с нами – его основная ставка, корень его карьеры. Можно принять во внимание только последнее и откинуть всякие идеологические надстройки – этого уже достаточно для правильной оценки его роли в наших делах»²⁶. Но уже через год отношение Мостовенко и к Гирсе изменилось в худшую сторону. В письме

изгнания. Эмиграция с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии. Прага, 2019. С. 38–44.

24 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 4. Папка 102. Д. 6. Л. 7–8.

25 Вацлав Гирса (1875–1954) – участник заграничного Сопrotивления в годы Первой мировой войны, дипломат. До Первой мировой войны работал в России врачом, хирургом, заведовал киевской земской больницей. В 1914 г. стал членом Чешского комитета, в 1917 г. – председателем Союза чехословацких обществ в России. В феврале 1918 г. вел переговоры с советским правительством о выводе Чехословацкого корпуса из России. С августа 1918 г. член Отделения ЧСНС в России, с ноября 1919 г. – представитель правительства ЧСР в Сибири. После возвращения в Чехословакию в 1921–1926 гг. был заместителем министра иностранных дел, в 1927–1935 гг. – послом в Польше, затем в Финляндии, в 1935–1937 гг. – послом в Югославии. Во время Второй мировой войны участвовал в антифашистском Сопrotивлении.

26 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. Папка 102. Д. 4. Л. 206.

Литвинову он подчеркивал: «Цель Гирсы – изолировать миссию и поставить ее в условия невозможности работать»²⁷.

При обсуждении условий подписания торгового соглашения чехословацкая сторона поднимала вопрос о возмещении убытков для пострадавших в результате национализации имущества «русских» чехов и словаков. Но это находило резкий отпор советских представителей. В письме Литвинову 21 февраля 1922 г. Мостовенко писал: «Чехпра мною еще с самого начала категорически было указано, что никакого вопроса о возмещении убытков не может быть даже поставлено»²⁸. Контраргументом против возмещения убытков стала ссылка на ущерб, понесенный из-за разорений, вызванных чехословацкими легионерами на советской территории²⁹. И позднее, уже в феврале 1925 г., на переговорах В. А. Антонова-Овсенко с Э. Бенешем об условиях установления нормальных дипломатических отношений именно пункт о компенсациях за национализированное имущество чехословацких граждан в России стал камнем преткновения сторон, и вопрос о признании был отложен³⁰.

Оживленный обмен мнениями относительно подписания торгового соглашения и возможности признания Советской России де-юре состоялся накануне Генуэзской конференции. Посол Чехословакии в Варшаве П. Макса заявил в беседе с сотрудником русспресса, что чехословацкое правительство и общество проникнуты горячим желанием помочь России и вывести ее из нынешнего тяжелого положения. ЧСР, по его словам, не преследовала по отношению к России никаких эгоистических целей и руководствовалась только «симпатией и сочувствием к братскому народу». Русский вопрос был, по мнению Максы, под влиянием различных политических групп умышленно искажен в представлении Европы, и европейская политика допустила много ошибок, в частности, не учла того факта, что возвращение к старым формам правления в России невозможно и что падение большевиков ввергло бы страну в состояние полной анархии. Европа, а следовательно и ЧСР, заявлял Макса, должны вступать в деловые сношения с большевиками. «Несомненно Макса, равно как и берлинский посол В. Гусар, занимают более благожелательную позицию в отношении Совроссии, чем

27 Письмо П. Н. Мостовенко М. М. Литвинову от 17 января 1923 г. – Там же. Оп. 4. Папка 102. Д. 6. Л. 25.

28 Там же. Оп. 3. Папка 102. Д. 4. Л. 209.

29 ДМИСЧО. Т. 2. С. 143.

30 Там же. С. 139.

пражские руководители внешней политики»³¹, – указывалось в сводке Отдела печати Торговой делегации РСФСР в Чехословакии, присланной в НКВД. В этом же документе говорилось о том, что социал-демократ Р. Бехине призывал к дружественному союзу с русской эмиграцией, а другой социал-демократический вождь, сенатор Ф. Соукуп, «певший панегирики Совроссии в дни наступления Красной Армии на Варшаву», заявил на митинге в ответ на вопрос об отношении партии к признанию советского правительства: «Мы за признание, но мы верим, что это признание вгонит Совпра в гроб»³². Позднее уже К. К. Юренев сообщал о социал-демократах: «В социал-демократии резко противосоветскую позицию занимают Бехине и Соукуп, но и в этой позиции мало принципиального». Он считал, что эта антисоветская позиция обусловлена партийной борьбой с коммунистами³³. А лидер национальных социалистов В. Клофач в меморандуме на имя Бенеша 18 марта 1922 г. от имени ЦК партии убедительно просил его «в кратчайший срок обратиться дипломатическим путем к московскому правительству, дабы оно прекратило массовые политические казни людей³⁴, боровшихся самоотверженно против царского правительства и ставших ныне кровавой жертвой новых деспотов России»³⁵. Сам Бенеш в речи в Национальном собрании 4 апреля 1922 г. по поводу Генуэзской конференции заявил: «Мы выступали и выступаем против военной интервенции в России и против какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела русских. Но мы требуем того же и в отношении себя. Мы за установление экономических и торговых связей с Россией, за оказание помощи России в борьбе с голодом и за помощь эмиграции за границей»³⁶.

Курс на установление торговых и экономических отношений с Россией, но не признание ее де-юре, поддерживал и президент Масарик, который в письме Э. Бенешу 24 апреля 1922 г. писал: «Признание де-юре было бы крупной ошибкой [...] Можно с русскими заключить договоры, а о признании де-юре вообще не вести переговоров [...] Это должен быть торговый договор, а не политический»³⁷.

31 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. Папка 102. Д. 15. Л. 2–3.

32 Там же. Л. 10.

33 Там же. Оп. 4. Папка 102а. Д. 8. Л. 617.

34 Имелся в виду судебный процесс над социалистами-революционерами, подготовка к которому началась с конца 1921 г.

35 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. Папка 102. Д. 15. Л. 10.

36 ДМИСЧО. Т. 1. С. 487.

37 Там же. С. 494–495.

5 июня 1922 г. в Праге П. Н. Мостовенко и представители МИД ЧСР В. Гирса и Я. Дворжачек подписали Временный договор между РСФСР и Чехословацкой республикой³⁸. На следующий день аналогичный договор был заключен между УССР и Чехословакией. Это означало признание чехословацким правительством Украинской и Российской республик де-факто. В первой статье договора с РСФСР указывалось на возможность представительств в случае необходимости иметь отделения в важных центрах государства при согласии на это правительства страны. Здесь же отмечалось, что вопрос о признании де-юре не предрешается данным договором. В примечании к статье содержалось обязательство сторон прекратить всякие официальные отношения и лицами и организациями, имеющими целью борьбу с правительством другой страны. В договоре указывалось, что представители обеих стран будут пользоваться всеми правами и преимуществами лиц дипломатического корпуса. Они наделялись правом выдачи виз, паспортов и официальных удостоверений. Обе стороны приняли на себя обязательства воздерживаться от пропаганды, направленной против правительства, государственных органов и общественных организаций, а также социально-политической системы другой стороны, и не принимать участия в политических и социальных конфликтах. В статье 10-й подчеркивалось, что Договор не предрешает вопроса о взаимных претензиях по уплате компенсаций и восстановлению в правах ее граждан. Правительство ЧСР обязывалось оказывать поддержку почину своих граждан, направленному на содействие восстановлению экономической жизни РСФСР, а, в свою очередь, правительство РСФСР гарантировало чехословацким гражданам, которые начнут экономическую деятельность на российской территории, полную юридическую защиту личности и имущества и всестороннюю поддержку.

Чехословацкая сторона не сразу ратифицировала этот договор, что вызывало недовольство и раздражение советских представителей, хотя принципиального значения это не имело: договор был опубликован и вступил в силу³⁹. Для нажима на чехословацкое правительство и министерство иностранных дел с тем, чтобы ускорить ратификацию временного договора и добиться признания СССР де-юре, советские

38 Там же. С. 507–511; *Станков Н. Н.* Первый советско-чехословацкий договор: от проекта до подписания (2 апреля 1921 – 5 июня 1922 года) // *Славяноведение*. 2022. № 3. С. 5–19.

39 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 4. Папка 102а. Д. 8. Л. 19–20.

представители использовали вопрос о консульствах ЧСР на советской территории. Чехословацкая сторона была заинтересована в сохранении своих представительств в Киеве и Владивостоке, так как репатриация чехов и словаков на родину была не закончена. Советская – считала их излишними. В ноте от 21 декабря 1922 г. МИД ЧСР требовал срочно сообщить о мотивах, по которым правительство РСФСР приостановило деятельность чехословацкого представителя во Владивостоке, в то время как американскому, английскому, итальянскому, германскому и австрийскому представительствам было разрешено дальнейшее продолжение работ⁴⁰. И позднее в разговоре с Юреневым 3 мая 1923 г. В. Гирса подчеркивал необходимость сохранения консульств, указывая, что на Черноморском побережье в районе Новороссийска и Одессы имелось изрядное количество чешских колонистов, кои нуждались в некоторой связи с ЧСР, а также иногда и в защите. То же им было сказано в отношении Томского и Владивостокского консульств⁴¹.

Объясняя задержку с ратификацией договора, П. Н. Мостовенко 28 декабря 1922 г. писал М. М. Литвинову, что она связана с принятой парламентской комиссией по иностранным делам резолюцией, предлагавшей правительству найти благоприятный момент для начала переговоров в Советской России и Украиной о взаимном признании де-юре. Мостовенко считал, что если бы предложенная национальным социалистом И. Грушовским резолюция попала на заседание парламента, то, вероятно, собрала бы большинство (за нее проголосовали бы «часть аграриев, клерикалов, эсдеков, все энесы, словаки, коммунисты и немцы»). «Но, – признавался Мостовенко, – поскольку вопрос о де-юре решается в антантовском масштабе, а Бенеш глашатай именно такого способа решения его, мы от этого де-юре, конечно, дальше, чем, скажем, год назад»⁴². Далее он подробно касался позиции Бенеша и его положения в стране: «Оторваться от Антантовского блока в таком важном вопросе для Бенеша значит перестать быть Бенешем. Вся основа его карьеры и источник его авторитета здесь в том, что он “хорошо принят Антантой”. Если бы не это обстоятельство, внутри Чехословакии он уже далеко не прежний именинник, им в большой степени утерян прежний авторитет. Из фигуры, чуть что не чтимой, он превратился в нечто, всем здесь очень надоевшее; в отзывах прессы о нем за последнее время поражает полное

40 Там же. Л. 3.

41 Там же. Л. 311.

42 Там же. Л. 5.

отсутствие хотя бы тени понимания и одобрения его. Газеты одних партий самое большое молчат о нем, все прочие изрыгают энергичную хулу. Словом, Бенеш, поссорившийся с Антантой, никому здесь не нужен, и сам Бенеш, конечно, хорошо это понимает»⁴³. Далее Мостовенко жаловался Литвинову, что представители чехословацкого МИДа посещают всевозможные мероприятия русских эмигрантов, но ни Гирса, ни Бенеш ни разу у него не были. И это при том, что, по мнению Мостовенко, настроение в пользу скорейшего окончательного улаживания отношений с Россией в Чехословакии очень сильно: «Общественные круги, даже из правительственной коалиции, плохо понимают, что именно мешает этому улаживанию... Весь вопрос в загранице – Бенеш не решится... Единственный выход для Бенеша – ждать и оттягивать»⁴⁴.

Отношения Мостовенко с Бенешем явно не сложились, он считал чехословацкого министра иностранных дел «крайне озлобленным», «затравленным», но при этом «наглым». По его мнению, Бенеш просто оправдывал свое нежелание признать официально Москву ссылками на негативную позицию лидера национальных демократов К. Крамаржа. Мостовенко был сторонником жестких «фотографических» мер в отношении чехословацкого правительства⁴⁵. О Бенеше в январе 1923 г. Мостовенко писал следующее: «Отношение к русскому вопросу Бенеша сейчас особенно неприязненно-неприязненное. Я думаю, что степень неприязненности пропорциональна трудности отстаивать его точку зрения в здешних партийных и общественных кругах... Сам Бенеш производит впечатление человека, совершенно потерявшего способность владеть собой»⁴⁶. Раздосадованный невыполненной задачей добиться установления дипотношений с ЧСР, в другом сообщении Мостовенко указывал: «Сейчас вполне определилось, что в лице окружающего Бенеша созвездия мы имеем вполне устоявшегося на своей определенной точке зрения противника, противника, так сказать, закореневшего в своем упорстве»⁴⁷. Наконец отношения Мостовен-

43 Там же.

44 Там же. Л. 7.

45 Письмо П. Н. Мостовенко М. М. Литвинову от 17 января 1923 г. Там же. Оп. 4. Папка 102. Д. 6. Л. 19–21.

46 Письмо П. Н. Мостовенко М. М. Литвинову от 21 января 1923 г. – Там же. Л. 30.

47 Письмо П. Н. Мостовенко М. М. Литвинову от 6 февраля 1923 г. – Там же. Л. 32–33.

ко с чехословацким МИД настолько обострились, что он дал резкое интервью в прессе, и это послужило поводом к его отзыву.

Сменивший в апреле 1923 г. П. Н. Мостовенко К. К. Юренев в донесениях в Москву старался не просто обвинять Бенеша, но объяснять его политику. В письме Г. В. Чичерину от 26 мая 1923 г. о Малой Антанте и международных отношениях в регионе Центральной Европы он указывал: «Говоря, в частности, о Чехословакии и ее политике, надо согласиться с Вами, что в ее основе лежат не одни мотивы лакейства перед Францией и Бенешевского честолюбия. По существу отношения между Чехословакией и Францией – это отношения между слабыми и сильными со всеми последствиями, из этого обстоятельства вытекающими. Политика Бенеша глубоко “национальна”. Красной нитью проходит через нее окончательно укрепить положение ЧСР в Европе. Так называемая “великодержавная” политика ЧСР на деле является не активным стремлением расширить свои пределы, а лишь активной обороной. Международное положение Чехословакии крайне тяжело. Она окружена явными и тайными врагами»⁴⁸.

Значительную угрозу для Чехословакии Юренев усматривал в крайне протяженной границе с Австрией и Германией, враждебном окружении Венгрии и Польши и наличии национальных противоречий внутри страны. Юренев обращал внимание на то, что с трех сторон территория Чехословакии «охвачена Германией и Австрией, тяготеющей к Германии», а «чехословацкий выступ в сторону последней является как раз той частью ЧСР, где особенно силен немецкий элемент, открыто заявляющий о своем нежелании признавать “де-юре” нынешнее Чехословацкое государство. Отсюда вполне очевидна опасность, рисуемая Бенешу со стороны Германо-Австрии. Конечно, эта опасность – не вопрос ближайших дней, однако считаться с нею и принимать меры к страховке от этой опасности Бенешу как руководителю внешней политики ЧСР несомненно приходится. Гарантию своей опасности со стороны Германо-Австрии Бенеш видит в крепкой чешско-французской дружбе»⁴⁹.

Что касается Венгрии, то советский полпред подчеркивал, что она «до сих пор не отказалась от надежды на возвращение аннексированной у нее Словакии и Прикарпатской Руси». По его словам, программным минимумом для Венгрии являлось «отчленение от Чехословакии

48 Письмо К. К. Юренева Г. В. Чичерину от 26 мая 1923 г. – Там же. Папка 102а. Д. 9. Л. 8–9.

49 Там же. Л. 9.

пограничной полосы с населением примерно в 200 тыс. венгров»⁵⁰, а неоднократные попытки Бенеша договориться с Будапештом неизменно оканчивались неудачей.

Юрнев считал, что Польша для Чехословакии не опасна, а территориальные споры между ними по существу незначительны. В основе их противоречий, по его мнению, лежал исторический антагонизм: «Польша дразнила Чехословакию своими заигрываниями с Венгрией, тайным покровительством так называемому временному правительству Словакии, возглавляемому Егличкой⁵¹ и спасаемому от преследований Чешпра в Польшу»⁵².

«Чехословакия, – отмечал Юрнев, – представляя из себя довольно пестрый конгломерат национальностей, недружелюбно настроенных по отношению к правящей нации, жизненно нуждается в сохранении нынешней политической географии Центральной Европы. Какие бы то ни было пересмотры мирных договоров рисуют в ее воображении грозные перспективы развала ЧСР. И так как самой ревностной хранительницей послевоенных мирных договоров [...] является Франция, то Чехословакия вынуждена держаться за нее изо всех сил», хотя дружба с Францией и не всегда для нее приятна. «Я бы даже сказал, что она очень даже неприятна им, но выхода для ЧСР другого пока нет, – продолжал он. – Вести независимую линию внешней политики она не может. Она для этого слишком неустойчива изнутри и имеет много врагов извне. Кроме того, она вообще не великая держава [здесь и далее подчеркнуто в тексте. – Е. С.]. Если твердо помнить эти обстоятельства и пользоваться ими как компасом уклонов внешней политики ЧСР, то много из того, что кажется загадочным

50 Там же.

51 Ф. Егличка – священник, первоначально деятель словацкого национального движения, депутат венгерского парламента. В 1919 г. ездил вместе с А. Глинкой на Парижскую мирную конференцию с меморандумом о необходимости автономии Словакии, затем платный агент польского и венгерского правительства, выступал за автономию Словакии в рамках Венгрии. См.: *Ferenčuhová B. Slovensko a Malá dohoda z hľadiska geopolitiky // Pekník M. a kol. Pohľady na slovenskú politiku. Bratislava, 2000. S. 141; Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vzťahy 1914–1945. Bratislava, 1997. S. 100–116; Krajčovičová N. Pôsobenie čechoslovakizmu v politickej praxi v prvých rokoch po vzniku ČSR // Pekník M. a kol. Pohľady na slovenskú politiku... S. 570–571.*

52 Там же. О Словакии в политике Венгрии и Польши см.: *Deák L. Trianon – ilúzie a skutočnosť. Bratislava, 1995.*

в ее действиях, объяснится весьма просто»⁵³. Из этого анализа внешне- и внутривластного положения Чехословакии Юренев делал вывод о причинах отрицательной позиции Бенеша в отношении признания СССР де-юре: «Бенеш со свойственной ему “трезвостью” учел силы Советской России, или, вернее, ее слабость. Он понял, что Россия не сможет в ближайшие годы вести активную европейскую политику и что, в частности, бессильна оказать помощь Чехословакии в случае, если та в ней будет нуждаться... Поскольку ориентация на Россию для Чехословакии означала бы разрыв с Францией и изоляцию, постольку Бенеш является поборником идеи неактуальности русского вопроса для ЧСР. Сближение с нами имело бы своими последствиями для ЧСР сильное охлаждение с Польшей и несомненное усиление словацкой ирреденты. Опасность со стороны Венгрии усилилась бы. Возможно, что сама Малая Антанта потерпела бы крах, ибо Румыния, связанная с Польшей гораздо сильнее, чем с Чехословакией, могла бы выйти из рядов нынешнего блока маленьких государств Центральной Европы»⁵⁴.

Задумываясь над условиями возможного изменения внешнеполитической ориентации ЧСР, Юренев в следующем сообщении из Праги писал: «Действенная ориентация ЧСР на нас возможна лишь в том случае, если мы территориально приблизимся к ней. До тех пор пока между нами и Чехословакией возвышается сомкнутый польско-румынский вал, надеяться на коренное изменение политики ЧСР в русском вопросе трудно. Конечно, в случае улучшения франко-русских отношений Чехословакия не замедлит проявить свои симпатии к “родственному народу”, возможно даже, что, учтя уклон Франции в нашу сторону, ЧСР предупредит своего патрона и постарается забежать вперед его, протягивая нам руку “дружбы”»⁵⁵. Советский полномочный представитель считал, что чем сильнее и стабильнее станет СССР, тем быстрее произойдет переориентация чехословацкой внешней политики.

В другом письме от начала июня 1923 г. К. К. Юренев писал Г. В. Чичерину: «Я совершенно согласен с Вами в том, что мы должны [...] ускорить “изжитие чехословацкими правящими кругами” ориентации на демократическую Россию, и я еще добавлю от себя – на Францию»⁵⁶. В заключение этого же сообщения он напоминал советскому наркому,

53 АВП РФ. Оп. 4. Папка 102а. Д. 9. Л. 10.

54 Там же.

55 Там же. Л. 12.

56 Там же. Л. 2.

что сближению ЧСР с СССР противодействуют не только Франция и «коллеги» ЧСР по Малой Антанте, но и ряд политических партий внутри самой страны. Среди них, называл клерикалов, национал-демократов, аграриев. «Их позиция по отношению к нам становится все более и более враждебной – отмечал он. – Если полгода тому назад нашим заклятым врагом была главным образом партия Крамаржа (национальных демократов), то теперь к ней присоединились клерикалы и аграрии. Чешские социал-демократы – тоже наши враги»⁵⁷. На конференции чехословацких легионеров в июне 1923 г. национальный социалист Патејдл заявил, что отношение ЧСР к Советской России не может отличаться от отношения к ней большинства европейских государств, в особенности Большой Антанты⁵⁸.

Часто советские представители не только сами характеризовали чехословацких политиков, но передавали в центр характеристики, услышанные от других. Юренив в октябре 1923 г. пересказывал слова бывшего редактора газеты *Ѓас Гловача*: «Гловач довольно подробно говорил о Бенеше, характеризовал его как талантливое дипломата, но никуда не годного руководителя министерством, говорил, что ЧСР имеет хорошую внешнюю политику, но лишена работающего аппарата Мининдела. Гирса, по словам собеседника, держится Бенешем специально на ампула козла отпущения. В случае срыва в Восточной политике Бенеш всю ответственность за это возложит на Гирсу. Так было уже не раз»⁵⁹.

Но вначале выдержанная и разумная позиция Юренива постепенно сменилась раздражением в отношении чехословацких политиков. В августе 1923 г. он писал в Москву: «До сих пор Чешпра ведет по отношению к нам лживую, лицемерно-нелояльную политику. Мало того, что оно не ратифицирует “временный договор” с нами, оно прямо нарушает его, финансируя антисоветские образования и явно контактируя с ними»⁶⁰. Любопытно, что, рассуждая о возможности правого переворота в Германии, он писал Чичерину: «Если в Германии произойдет монархический переворот, то Чехословакии, зажатой между Германией и германофильской реакционной Венгрией, грозит

57 Там же. Л. 3.

58 Информационный доклад С. С. Александровского М. М. Литвинову от 30 июня 1923 г. – Там же. Д. 8. Л. 433.

59 Там же. Л. 626.

60 Письмо К. К. Юренива Г. В. Чичерину от 16 августа 1923 г. – Там же. Папка 102а. Д. 9. Л. 16.

страшная опасность. Но чем Россия могла бы, если бы даже и хотела этого, помочь Чехословакии? Я отвечаю – ничем»⁶¹.

Выдержки из дневника секретаря полпредства С. С. Александровского свидетельствовали о том, что чехословацкое правительство продолжало держать курс на «будущую демократическую Россию», сотрудничало с русскими эмигрантами и поддерживало их. Бенеш избегал разговоров о признании. Отвечая на замечания наркома иностранных дел, Юренев оправдывался: «Сближение с ЧСР – в наших интересах. К этому мы и стремимся. Вся беда лишь в том, что наши средства воздействия на нее крайне незначительны. Наш “главный козырь” (в “малой игре”) – это заинтересованность ЧСР в организации ряда консульств на территории СССР»⁶². И в дальнейшем советские представители пытались использовать вопрос о чехословацких консульствах в СССР в своих интересах. Юренев докладывал Чичерину: «Что касается претензий Чешпра на открытие в СССР ряда консульств (Одесса, Новороссийск, Владивосток, Омск и т. д.), то я считаю возможным начать конкретные разговоры на эту тему лишь после 1) ратификации нашего договора парламентом ЧСР; 2) полного “истребления” миссии Рафальского; 3) отказа Чешпра от финансовой поддержки эмигрантских штабов (Земгор, Громадский комитет)»⁶³.

В 1923 г. в СССР побывал бывший личный секретарь Масарика, сотрудник отдела печати чехословацкого МИД Я. Папоушек, находившийся в близком окружении Бенеша и считавшийся экспертом по русским делам. По поводу него и его поездки в Москву секретарь полпредства С. С. Александровский сообщал заведующему отделом Запада Наркоминдела тов. Штанге: «Отношение Папоушека к нам чрезвычайно благожелательное, и его нужно расценивать весьма высоко с точки зрения его значения в Минделе. Я обещал ему всяческое содействие здесь и в Москве. На днях он едет в Москву под соусом осмотра с.-х. выставки, но его поездка имеет более серьезное значение. Он планирует беседу с Чичериным. Он специально интересуется и изучает историю чехословацкого движения во время войны, в частности в России. У него есть некоторые косвенные указания на то, что в 1916 г. чешское освободительное движение в России встретило решительное сопротивление царского правительства. Есть указания, что в этом смысле

61 Там же. Д. 8. Л. 485–486.

62 Там же. Д. 9. Л. 17.

63 Письмо К. К. Юренина Г. В. Чичерину от 28 сентября 1923 г. – Там же. Л. 70.

в чешские дела дважды впутывался Распутин, и т. д. Но у него нет документальных данных об этом периоде чешского движения, он надеется с нашей помощью достать необходимый материал из бывшего архива МИД, а может быть, и из других мест»⁶⁴.

Ему была предоставлена возможность работы в архивах по изучению политики царского правительства во время войны, в частности в отношении чехословацкого вопроса. В критике царизма задачи ЧСР и СССР полностью совпадали⁶⁵. Папоушек встречался с Г. В. Чичериным и имел с ним беседу, в которой настаивал на более активной деятельности по сближению двух стран. По этому поводу Юренив писал в советскую столицу: «Папоушек – это разведка Мининдела, высланная к нам в Россию... Папоушек не краснея разыгрывал из себя наивного дурачка и объяснял Земгор, Рафальского и т. д. так, как это не смеет делать ни Гирса, ни Бенеш»⁶⁶.

Юренив рассказал В. Гирсе об идеях, высказанных Папоушеком в Москве, на что не последовало ровно никакой реакции, после чего полпред СССР в Чехословакии записал в донесении в центр: «Отличительной особенностью чехословацких деятелей – в их отношениях к России, является то обстоятельство, что они на стороне, в нейтральных государствах или приезжая к нам, расточают ласковые речи, у себя же в стране отгораживаются от нас внушительной стеной... Повторяю то, что я говорил уже не раз, – строить свои расчеты на приятных разговорах чешских политиков – значит строить здание на песке»⁶⁷.

Интересно заметить, что советские представители совсем по-разному иногда оценивали одних и тех же чехословацких политических деятелей. Вышеприведенной достаточно позитивной характеристике В. Гирсы, данной Мостовенко, несколько противоречит оценка Гирсы Юренивым, который в письмах Чичерину называл его «мешковатым» и «недалеким»⁶⁸.

Иногда в поле внимания советских представителей в Праге попадали и другие политики. При том, что Мостовенко был невысокого

64 Там же. Д. 8. Л. 487 об.

65 Результатом этой работы стала изданная в 1927 г. книга Я. Папоушека «Царская Россия и наше освобождение» (*Papoušek J. Carské Rusko a naše osvobození. Praha, 1927*).

66 АВП РФ. Ф.0138. Оп. 4. Папка 102а. Д. 9. Л. 35.

67 Письмо К. К. Юренива Г. В. Чичерину от 21 сентября 1923 г. – Там же. Л. 50.

68 Письмо К. К. Юренива Г. В. Чичерину от 4 октября 1923 г. – Там же. Л. 77.

мнения о деятелях КПЧ, в письме Чичерину от 29 августа 1921 г. об организации помощи голодающей России Мостовенко высказался относительно лидера чехословацких коммунистов следующим образом: «Приходится признать, насколько действительно крупной, государственного масштаба фигурой является этот самый Шмераль»⁶⁹. К. К. Юренев в своем дневнике 12 апреля 1923 г. записал о Шмерале: «умный, хитрый, с большим резервом человек»⁷⁰.

Но не только в отношении соратников по идеологии иногда следовали благожелательные характеристики. В связи с покушением на министра финансов А. Рашина П. Н. Мостовенко в письме М. М. Литвинову от 10 января 1923 г. так характеризовал этого деятеля: «Рашин действительно был крупнейшим из здешних государственных людей и являлся не только автором, но и проводником весьма стройного плана внутренней политики здесь... Даже Рашина с его силой воли, уверенностью в себе и другими качествами, характерными для крупного государственного человека, было трудно проводить свой план в обстановке здешней напряженности и неразберихи...»⁷¹.

Подтверждением тезиса, что всех попадавших в поле внимания чехословацких деятелей советские представители рассматривали исключительно с точки зрения того, может ли он пригодиться для реализации собственных целей, являются замечания относительно писателя, бывшего легионера в России Я. Кратохвила. В дневнике Юренева от 27 мая 1923 г. находим запись: «Был у меня Кратохвил, известный легионер, автор крайне ценной для нас книжки “Пути революции”. Он стоит на Советской платформе, но к компартии не принадлежит. Сообщил, что собирается съездить в Москву. Что его тянет туда – на свежий воздух из душной мещанской атмосферы ЧСР»⁷². Вероятно, с Кратохвилем были установлены доверительные отношения, так как он информировал советских представителей о выступлении Бенеша на собрании легионеров 23 июня 1923 г. Бенеш, по его словам, высказался за признание России, но в согласии с другими странами, за торговые сношения, и признал, что исключение России из системы европейских государств неблагоприятно сказывается на всей европейской жизни⁷³.

69 Там же. Оп. 3. Папка 102. Д. 4. Л. 225.

70 Там же. Оп. 4. Папка 102а. Д. 8. Л. 241.

71 Там же. Папка 102. Д. 6. Л. 15.

72 Там же. Папка 102а. Д. 8. Л. 379.

73 Там же. Ф. 0198. Полпредство СССР в Чехословакии. Оп. 5. Папка 5. Д. 10. Л. 19.

Буквально через несколько дней Юренев записал в своем дневнике по поводу шефа прессбюро чехословацкого МИД Я. Гаека: «Это очень тертый, продувной господин, политически ничего из себя не представляет, но имеет вес, будучи крайне приближенным к Бенешу»⁷⁴. Он также передавал слова представителя посольства Королевства сербов, хорватов и словенцев в Праге Ключича о национальных социалистах Гаеке и И. Грушовском: «Первый [...] мелочный, трусливый, ненадежный человек. Второй – человек небольшой, но честный»⁷⁵.

В отношении брата В. Гирсы Йозефа Гирсы, являвшегося представителем Чехословакии в Москве, секретарь полпредства С. С. Александровский писал: «Московский Гирса в министерстве [имелся ввиду МИД ЧСР. – Е. С.] не пользуется репутацией умного человека»⁷⁶. Да и сам он называл Й. Гирсу «неостроумным»⁷⁷. Юренев в своем дневнике записал: «7 сентября был у меня на обеде московский Гирса “Иосиф Иосифович”. Это средней руки практик, мешковат, в политике разбирается не дюже блестяще; хитер. Мещанин до мозга костей. Разговор наш был весьма многогранен, говорили, конечно, о русско-чешских отношениях. Главную помеху в улучшении таковых Гирса усматривает в коминтерновской сути нашего правительства. Гирса не обнаруживает к нам чрезмерных симпатий и этим отличается от своего брата, который всегда и с большой “искренностью” объяснялся нам в любви... Много и сочно бранил поляков»⁷⁸.

Ища подходящие кандидатуры, чтобы осуществить свою стратегическую задачу – выйти из международной изоляции, советские представители обращали внимание и на словацких политиков. При этом они использовали самые разные источники. По словам Юренева, словацкий ирредентист профессор и священник Егличка «не имеет никакого влияния в Словакии, продается на все стороны»⁷⁹. Сотрудник советского представительства Р. Якобсон передавал слова Ключича об аграриях: «Из аграриев виднейшую роль во внешней

74 Дневник К. К. Юренева от 1 июня 1923 г. – Там же. Ф. 0138. Оп. 4. Папка 102а. Д. 8. Л. 384.

75 Дневник К. К. Юренева от 9 октября 1923 г. – Там же. Л. 633.

76 Дневник С. С. Александровского с 9 по 14 июля 1923 г. – Там же. Л. 447.

77 Там же. Л. 471.

78 Там же. Л. 521.

79 Там же. Л. 613.

политике играет министр Ходжа⁸⁰ (ословаченный серб!). Ходжа якобы – убежденный сторонник ориентации Чехословакии на славянский Восток – Югославию и Россию (безразлично какую). Он решительный противник западной концепции. Это человек высокой культурности и больших международных связей. Швевла⁸¹ готовит его на пост министра иностранных дел, и это наиболее серьезный конкурент Бенеша. (Ключич подтвердил то, что известно и нам, и Юреневу.) Поэтому югославянское посольство должно соблюдать в сношениях с ним большую сдержанность и осторожность, чтобы не испортить отношений с Бенешем»⁸². А передавая разговор с латвийским консулом в Праге Крастом, Юренев 13 декабря 1923 г. писал в Москву: «Против Бенеша большая закулисная кампания. Во главе нее стоят аграрии, проектирующие на пост министра иностранных дел одного из членов своей партии – г. Ходжу». Со ссылкой на Краста и другие источники Юренев давал ему следующую характеристику: «Очень хороший политик, умный человек и единственный серьезный соперник Бенеша. Соперничавший с последним чехословацкий посол в Париже – господин Оуский – величина гораздо менее значительная, чем Ходжа»⁸³.

Ключич называл еще одного агрария, к которому рекомендовал присмотреться советским представителям: «Близким к Ходже человеком и видным аграрным деятелем в вопросах внешней политики является Богдан Павлу. Это также человек определенно восточной концепции, его позиция по отношению к Советской России сильно изменилась за последнее время, из резкого врага ее он стал постепенно адептом сближения с ней». Ключич предлагает Якобсону устроить знакомство с Павлу, чехословацким послом в Софии⁸⁴. Вероятно, не случайно, что в 1935–1937 гг. именно Б. Павлу стал первым послом Чехословакии в СССР.

Кроме всего прочего существовал большой соблазн – неудачи в выполнении задачи получить дипломатическое признание списать за счет своих предшественников. Так, Юренев отмечал: «В чешско-русских отношениях еще не изжиты следы прежних недоразумений.

80 В исторической литературе устоялось написание его фамилии как Годжа.

81 А. Швевла (1873–1933) – лидер аграрной партии, в 1918–1920 – министр внутренних дел, в 1922–1929 – председатель правительства ЧСР.

82 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 4. Папка 102а. Д. 8. Л. 633.

83 Там же. Л. 912.

84 Там же. Л. 633.

Три представителя Советской России в Праге знаменуют три этапа в истории русско-чешских отношений. Относительно Гиллерсона правительство прекрасно знало, что он интенсивно вмешивается во внутренние дела Чехословакии и принимает активное участие в политике чешских коммунистов. Это не могло содействовать упорядочению отношений. Мостовенко приехал с наилучшими намерениями, но условия были неблагоприятны, Мостовенко затравили, и в результате отношения окончательно испортились. Апогеем было интервью в “Виртшафт”, после которого, конечно, уже не могло быть никакого взаимного доверия. Несомненно, психологически еще остались некоторые следы этого недоверия, несмотря на то, что третий этап, работа нынешнего представителя, знаменует собой установление гладких отношений. Все же тот факт, что создалась возможность спокойно разговаривать, является несомненным прогрессом». Стараясь объяснить позицию Бенеша, Юренев здесь же достаточно критически оценивал и советскую политику: «Бенеша особенно раздражал и заставлял быть сдержанным в политике по отношению к советской России тот факт, что советская внешняя политика была чрезвычайно непостоянна, и никогда нельзя было быть уверенным в ее завтрашнем дне. Она то ставила на германскую революцию, то отказывалась от этой ставки». Бенеш формулировал это так: «Я готов делать политику с Советами, но для того, чтобы делать политику, надо делать ее с кем-то, но я не знаю, с кем эту политику делать, ввиду крайней неопределенности и ненадежности тех факторов, с которыми имеешь дело, приходится строить на песке, а когда строишь на песке, то приходится ежеминутно заново зондировать условия, и это все чрезвычайно затрудняет работу»⁸⁵.

Вступивший в должность советского полпреда в Праге в июле 1924 г. В. А. Антонов-Овсеенко при вручении Бенешу верительных грамот также ссылался на существовавшие ранее «недоразумения» и «некоторый холодок» в отношениях между двумя странами и заверял в намерении всемерно содействовать сближению стран⁸⁶. Однако и Антонову-Овсеенко не удалось реализовать эту задачу. В конце октября 1924 г. Чичерин в телеграмме на его имя сообщал о своем выступлении на сессии ЦИК о Бенеше: «Его и Масарика отношение к нам не изменилось. Он рассчитывает на восстановление у нас буржуазного строя и готовит к этому моменту государственных людей

85 Там же. Л. 619.

86 ДМИСЧО. Т. 2. С. 110.

из белогвардейцев. Бенеш жертвует интересами чехословацкой промышленности ради любви к эсерам. Мы многократно пытались его убедить улучшить отношения, но тщетно. Он кормит и обучает государственных преступников, как бы содержит притон таковых»⁸⁷. Это выступление не осталось незамеченным чехословацкими дипломатами, о чем и сообщил М. М. Литвинову Й. Гирса в ответ на его упреки, что Чехословакия не хочет установления нормальных дипломатических отношений⁸⁸. В беседе с Антоновым-Овсеенко 8 апреля 1925 г. Бенеш ссылаясь на неуступчивость К. Крамаржа в вопросе признания и свое нежелание развалить из-за этого правительственную коалицию⁸⁹.

Не удалось достичь соглашения о признании де-юре и А. Я. Аросеву. По этому поводу Э. Бенеш в сентябре 1933 г. вновь указывал на «внутренние трудности», а также после подписания пакта о ненападении странами Малой Антанты решение о признании должно было приниматься уже всеми тремя государствами⁹⁰.

Дипломатическое признание СССР было получено лишь 9 июня 1934 г.⁹¹ Причем подписавший чехословацкую ноту о признании Э. Бенеш сослался на коллективное решение Малой Антанты установить дипломатические отношения с СССР.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (ДМИСЧО). Т. 1. М.: Наука, 1973. 552 с.; Т. 2. М.: Наука, 1977. 636 с.

Пацнер К. Как советские спецслужбы вели подрывную работу в Чехословакии // ИноСМИ. URL: inosmi.ru (дата обращения: 17.04.2020).

Русская акция помощи в Чехословакии. История, значение, наследие / сост.: Л. Бабка и И. Золотарев. Прага: Русская традиция, 2012. 360 с.

Серационова Е. П. Деятели Пражского Земгора // Славяноведение. 2015. № 4. С. 32–41.

87 Там же. С. 119.

88 Там же. С. 126–127.

89 Там же. С. 147.

90 Там же. С. 556.

91 Ноты об установлении дипломатических отношений см.: Там же. С. 593–594.

Серапионова Е. П. Отношения Пражского и Парижского Земско-городских комитетов // *Cahiers du Monde Russe. Russie. Empire russe. Union soviétique. États indépendants. L'invention d'une politique humanitaire. Les réfugiés russes et le Zemgor (1921–1930)*. 2005. 46/4 Octobre-décembre. P. 797–816.

Серапионова Е. П. Пражский Земгор и его деятельность // *Записки русской академической группы в США. Т. XXXI. Русская Прага 1920–1945. Transaction of the Association of Russian-American scholars in the USA. New York, 2001. P. 186–195.*

Станков Н. Н. Первый советско-чехословацкий договор: от проекта до подписания (2 апреля 1921 – 5 июня 1922 года) // *Славяноведение*. 2022. № 3. С. 5–19. DOI: 10.31857/S0869544X0019971-1.

Станков Н. Н. Советский представитель в Чехословакии П. Н. Мостовенко против эмиссаров Коминтерна (июнь 1921 года – февраль 1923 года) // *Славяноведение*. 2020. № 3. С. 24–32. DOI: 10.31857/S0869544X0009514-8.

Т. Г. Масарик и «Русская акция» чехословацкого правительства. К 150-летию со дня рождения Т. Г. Масарика. По материалам международной научной конференции. М.: Русский путь, 2005. 256 с.

Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России 1918–1920 гг. М.: Кучково поле, 2018. 1024 с.

Deák L. *Trianon – ilúzie a skutočnosť*. Bratislava: Kubko Goral, 1996. 32 s.

Ferenčuhová B. *Slovensko a Malá dohoda z hľadiska geopolitiky* // *Pekník M. a kol. Pohľady na slovenskú politiku*. Bratislava: Veda, 2000. S. 134–145.

Krajčovičová N. *Pôsobenie čechoslovakizmu v politickej praxi v prvých rokoch po vzniku ČSR* // *Pekník M. a kol. Pohľady na slovenskú politiku*. Bratislava: Veda, 2000. S. 569–584.

Papoušek J. *Carské Rusko a naše osvobození*. Praha: Orbis, 1927. 186 s.

Rychlík J. *Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1914–1945*. Bratislava: Academic Electronic Press; Praha: Ústav T. G. Masaryka, 1997. 363 s.

References

Deák, L. *Trianon – ilúzie a skutočnosť*. Bratislava: Kubko Goral, 1996, 32 p.
Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-chechoslovatskikh otnoshenii (DMISChO). Vol. 1. Moscow: Nauka, 1973, 552 p.; Vol. 2. Moscow: Nauka, 1977, 636 p.

Cheshsko-Slovatskii (Chechoslovatskii) korpus 1914–1920. Dokumenty i materialy. Vol. 2. Chechoslovatskie legiony i Grazhdanskaia voina v Rossii 1918–1920 gg. Moscow: Kuchkovo pole, 2018, 1024 p.

Ferenčuhová, B. "Slovensko a Malá dohoda z hľadiska geopolitiky." *Pekník M. a kol. Pohľady na slovenskú politiku*. Bratislava: Veda, 2000, pp. 134–145.

Krajčovičová, N. "Pôsobenie čechoslovakizmu v politickej praxi v prvých rokoch po vzniku ČSR." *Pekník M. a kol. Pohľady na slovenskú politiku*. Bratislava: Veda, 2000, pp. 569–584.

Papoušek, J. *Carské Rusko a naše osvobození*. Praha: Orbis, 1927, 186 p.

Patsner, K. *Kak sovetskie spetssluzhby veli podryvnuiu rabotu v Chekhoslovakii*. URL: inosmi.ru (accessed: 17.04.2020).

Russkaia aktsiia pomoshchi v Chekhoslovakii. Istoriia, znachenie, nasledie, compl. by L. Babka, I. Zolotarev. Prague: Russian tradition, 2012, 360 p.

Rychlík, J. *Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1914–1945*. Bratislava: Academic Electronic Press; Praha: Ústav T. G. Masaryka, 1997, 363 p.

Serapionova, E. P. "Deiateli Prazhskogo Zemgora." *Slavianovedenie*, 2015, No 4, pp. 32–41.

Serapionova, E. P. "Prazhskii Zemgor i ego deiatel'nost'." *Zapiski russkoi akademicheskoi gruppy v SShA. Vol. XXXI. Russkaia Praga 1920–1945. Transaction of the Association of Russian-American scholars in the USA*. New York, 2001, pp. 186–195.

Serapionova, E. P. "Otnosheniia Prazhskogo i Parizhskogo Zemsko-gorodskikh komitetov." *Cahiers du Monde Russe. Russie. Empire russe. Union soviétique. États indépendants. L'invention d'une politique humanitaire. Les réfugiés russes et le Zemgor (1921–1930)*. 2005. 46/4 Octobre-décembre, pp. 797–816.

Stankov, N. N. Pervyi sovetsko-chekhoslovatskii dogovor: ot proekta do podpisaniia (2 apreliia 1921 – 5 iiunia 1922 goda). *Slavianovedenie*, 2022, No 3, pp. 5–19. DOI: 10.31857/S0869544X0019971-1.

Stankov, N. N. "Sovetskii predstavitel' v Chekhoslovakii P. N. Mostovenko protiv emissarov Kominterna (iiun' 1921 goda – fevral' 1923 goda)." *Slavianovedenie*, 2020, No 3, pp. 24–32. DOI: 10.31857/S0869544X0009514-8.

T. G. Masarik i "Russkaia aktsiia" chekhoslovatskogo pravitel'stva. *K 150-letiiu so dnia rozhdeniia T. G. Masarika. Po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow: Russian way, 2005, 256 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.04

E. P. Serapionova

**Czechoslovak politicians in Soviet diplomatic reports
and the issue of establishing official relations
between Czechoslovakia and Russia / USSR (early 1920s)**

Elena P. Serapionova

Doctor of History, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: serapionovae@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0269-140X

Citation

Serapionova E. P. Czechoslovak politicians in Soviet diplomatic reports and the issue of establishing official relations between Czechoslovakia and Russia / USSR (early 1920s) // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 77–102 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.04

Received: 28.11.2023.

Revised: 23.01.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

The article analyzes the reports of Soviet representatives to the People's Commissariat for Foreign Affairs about the views and policies of Czechoslovak state and political figures regarding Russia (the USSR) in the 1920s. Trying to achieve official recognition of Soviet Russia, and then the USSR, the heads of the Soviet mission in the Czechoslovak Republic S.I. Gillerson, P. N. Mostovenko, K. K. Yurenev, V. A. Antonov-Ovseenko, A. Ya. Arosev reported to G. V. Chicherin and M. M. Litvinov about the positions of the president, ministers, heads of political parties, diplomats of Czechoslovak Republic on this issue. At the same time, they often gave detailed characteristics of Czechoslovak figures, pointed out the internal factors and external reasons that prevented the ratification of the temporary Soviet-Czechoslovak agreement of 1922 and the establishment of diplomatic relations between the two countries. In addition, in these reports were recorded changes in the positions of individual politicians towards Russia depending on external circumstances. The documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation and published materials on the history of Soviet-Czechoslovak relations, used by the author, help to understand better the problematic nature of the relations between the two countries.

Keywords

Czechoslovak politicians, recognition of the USSR, Soviet representatives in Czechoslovakia.

**«Никому не желаю зла!»:
Евгений Ладнов и его жизненные траектории**

Баринов Игорь Игоревич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: ingobarinov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Коровченко Елена Валерьевна

Независимый исследователь

Минск, Республика Беларусь

E-mail: poiskpredkov028@gmail.com

ORCID: 0009-0000-7796-974X

Цитирование

Баринов И. И., Коровченко Е. В. «Никому не желаю зла!»: Евгений Ладнов и его жизненные траектории // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 103–119. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.05

Статья поступила в редакцию 29.12.2023.

Рецензирование завершено 15.02.2024.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

Статья посвящена изучению биографии Евгения Ладнова, деятеля Белорусской народной республики (БНР), который занимал высокие посты в ее правительстве и возглавлял белорусскую делегацию на Парижской мирной конференции. Считается, что изменения, связанные с революцией 1917 г. в России, активно способствовали формированию новых жизненных траекторий, когда чиновники и военные низкого ранга становились министрами и генералами. В ряде случаев это сопровождалось формированием новых идентичностей (в частности, переходом от русского к белорусскому сознанию), однако порой подобные изменения носили сугубо инструментальный характер и были реакцией на меняющиеся обстоятельства. На примере семейной истории Ладнова можно проследить, что последний сценарий мог реализовываться задолго до революции, а события

1917 г. стали здесь лишь очередным этапом. Будучи этническим поляком и выходцем из западного пограничья империи, Ладнов прошел череду ситуативных изменений – от «польскости» через «русскость» к «белорусскости». При этом его энергичная натура всякий раз способствовала тому, что он искренне воспринимал смыслы и паттерны, свойственные каждой из названных идентичностей. При подготовке статьи были использованы ранее неизвестные документы, касающиеся Ладнова и его семьи.

Ключевые слова

Российская империя, русская революция 1917 г., Белорусская народная республика, белорусское национальное движение.

Евгений Михайлович Ладнов (1880 – после 1932), личность которого в наши дни известна разве что историкам, в свое время был в первых рядах тех, кто создавал «обновленную Россию». Выходец из простой семьи, попытавшийся сделать военную карьеру, в переломном 1917 г. он стал одним из руководителей Харьковской организации эсеров и участвовал в Государственном совещании в Москве. Когда политический климат после прихода к власти большевиков стал меняться, Ладнов, уроженец Витебской губернии, примкнул к белорусскому национальному движению. С 1918 по 1921 гг. он был заметным деятелем Белорусской народной республики (БНР), где занимал министерские посты, участвовал в выработке дипломатической стратегии и был близким соратником А. Луцкевича, одного из белорусских лидеров. Последовавший затем кризис белорусского движения и попытки Ладнова играть в нем самостоятельную роль привели к его обвинению в шпионаже в пользу Советской России и одномоментному уходу из политики. Последние сведения о жизни Ладнова относятся к началу 1930-х гг., после чего он исчезает из виду. Его точная дата и место смерти по-прежнему остаются неизвестными.

Стоит отметить, что жизнь и деятельность Ладнова уже становились объектом изучения¹. Вместе с тем нехватка первичных источников, особенно касающихся его ранних лет, приводила к тому, что историкам приходилось ориентироваться на его собственные высказывания. Открытие новых документов и глубокое изучение

¹ Чарнякевіч А. М. Міністр БНР: дзіўныя шляхі Яўгена Ладнова // Личность в истории: героическое и трагическое. Брест, 2012. С. 243–249.

семейной истории Ладнова позволили восполнить этот пробел, вписать его личность в контекст общих изменений, происходивших в Российской империи на заключительном этапе ее существования, а также рассмотреть, как менялись его жизненные траектории на постимперском пространстве.

Отмена крепостного права и либеральные реформы Александра II запустили в России сразу несколько процессов, которые способствовали заметным переменам в структуре общества. Прежде всего это касалось увеличения мобильности населения и упрощения доступа к образованию. Наряду с этим, военная реформа сделала армию всеобщевойсковой и превратила ее в социальный лифт, который, в противоположность прежней рекрутчине, быстро набрал популярность у «простого люда». Не менее важной составляющей для формирования новых идентичностей стала политика русификации, проводимая имперскими властями. Вопреки расхожему представлению, она включала достаточно широкий спектр вариаций и далеко не всегда обозначала навязывание определенных моделей самоидентификации сверху. В указанное время в обществе развернулась дискуссия о национальном (русском) характере империи и самих критериях «русскости». Среди прочего речь шла о русском языке и православном исповедании.

В этом отношении примечательно, что жители империи, так или иначе не относившие себя к великороссам, на удивление точно осознавали механизмы, которые были способны сделать из них «идеальных подданных» и, как следствие, улучшили бы их социальный статус. Особенно это касалось представителей тех сообществ, которые власть рассматривала как не вполне лояльные или даже подозрительные. Так, евреи в «черте оседлости» начинали говорить по-русски, и во многом именно они, а не представители государственных учреждений, стали проводниками этого языка на западе империи. Поляки формально переходили в протестантизм, чтобы обойти антикатолические настроения имперского центра. Немцы, особенно в годы Первой мировой войны, русифицировали свои фамилии или придумывали себе новые.

В полной мере эти тенденции воплотил в себе Михаил Томашевич Ладневский. Он родился в 1846 г. в Варшаве в католической семье крестьянского происхождения. По всей видимости, он был сыном Томаша и Марианны Ладно (Ładno), жителей деревни Глинянка из-под Варшавы². Переехав в столицу Царства Польского,

² Archiwum Państwowe w Warszawie. Oddział w Otwocku. 78/22/0/1/21. Ark. 14 v.

Ладно облагородили свою фамилию и стали писаться на шляхетский манер – «Ладневские», что в тот период могло дать определенные преимущества. Молодость Михаила пришлось на эпоху перемен. Когда ему исполнилось 17 лет, на территории бывшей Речи Посполитой разразилось восстание, в корне изменившее взаимоотношения власти и польского сообщества. В этой ситуации молодой Ладневский, как можно видеть, выбрал не национальное сознание, а социальный лифт. Согласно документам, он поступил на службу в армию и окончил полковую учебную команду, что позволило ему выйти в отставку в унтер-офицерском чине. Поселившись в Динабурге (совр. Даугавпилс), крестьянский сын Михаил Ладневский получил место кондуктора на Риго-Орловской железной дороге и в январе 1875 г. женился на местной уроженке, дворянке Донате Адамовне Лапинской³. Там же родились все их дети. Старшим из них был Евгений, который появился на свет 7 июля 1880 г.⁴ В семье также было еще три сына – Вацлав, Стефан и Сигизмунд, а также дочь Мария⁵.

Следует подчеркнуть, что в представлении российских властей Ладневские однозначно квалифицировались как поляки – согласно материалам переписи 1897 г., они были католиками с родным польским языком. При этом уже тогда они стали писаться под фамилией «Ладновы»⁶. Несомненно, такой резкий поворот в сторону «самообрусения» был связан с новой волной русификации в регионе, происходившей в конце 1880-х – 1890-х гг. Хотя Динабург формально не относился к Остзейскому краю – главному объекту русификаторской политики, – он оказался тоже затронут ею. В 1893 г., когда Дерпт стал Юрьевым, Динабург превратился в Двинск. Наличие в нем стратегического военного объекта – Двинской крепости – способствовало заметному усилению русского присутствия, в том числе в языковом отношении. В реальном училище, которое Евгений окончил в 1900 г., обучение уже велось по-русски. Незадолго до этого его собственная русификация совершила новый виток: по консисторскому

3 LVVA. F. 2706. Apr. 1. l. 61. lp. 1094 op.–1095; LVVA. F. 7085. Apr. 1. l. 224. lp. 50 op.

4 Ibid. Apr. 2. l. 13. lp. 22 op.–23.

5 Ibid. l. 15. lp. 22 op.–23; Apr. 3. l. 33. lp. 50 op.–51; Apr. 4. l. 189. lp. 37; l. 190. lp. 40–40 op. Могилы Михаила (умер 14 января 1904 г.) и Донаты (умерла 31 октября 1918 г.), а также их младшего сына Сигизмунда (1896–1984) сохранились на католическом кладбище Даугавпилса.

6 Ibid. F. 2706. Apr. 1. l. 61. lp. 1094 op.–1095.

указу в апреле 1899 г. фамилия отца Евгения в метрической записи о его рождении была переправлена на «Ладнов»⁷, чтобы юноша получил аттестат уже под ней.

Таким образом, «шляхетская» стратегия польских крестьян уступила место русской. Окончательной аккультурацией Евгения должен был стать переход из католичества в православие. Тем не менее вопрос о его вероисповедании остается спорным: в документах одного и того же периода он записан то католиком, то православным⁸. Очевидно, для самого Ладнова оно не имело принципиального значения. Его самоощущение, как это бывает у людей технического склада, вообще было достаточно прагматичным. Как покажут последующие события, куда больше национальных, религиозных и языковых вопросов Ладнова интересовали общественный статус и материальное благополучие.

Что касается образовательной стратегии, то ее выбор для Евгения был очевиден. Его отец работал на железной дороге, да и сама эпоха технологического подъема обусловила повышенный спрос на инженерные специальности. Но денег на продолжение обучения в семье не было. В результате Евгений, как и ранее его отец, пошел на военную службу – единственный из своего класса, тогда как его соученики по большей части поступили в Рижский политехнический институт, главную профильную высшую школу региона, и в аналогичные учебные заведения в Петербурге⁹. Как указано в послужном списке Ладнова, 30 августа 1900 г. он был принят в Московское военное училище «юнкером рядового звания»¹⁰. В декабре 1901 г. Ладнов был произведен в младшие, а через полгода – в старшие портупей-юнкера, то есть выполнял некоторые офицерские обязанности по отношению к своим соученикам. В августе 1902 г. он окончил курс по 1-му разряду с чином подпоручика, получив почти годичное старшинство. Все это говорит о высокой успеваемости и мотивации Ладнова как курсанта.

Получив право выбрать себе часть для несения службы, Ладнов остановился на 84-м пехотном Ширванском полку, куда прибыл 16 сентября 1902 г. и был «зачислен в списки». Очевидно, выбор региона (полк стоял в Хасав-Юрте Терской области, сейчас территория

7 Ibid. F. 7085. Apr. 2. l. 13. lp. 22 op.–23.

8 ЦДІАК. Ф. 127. Оп. 1080. Д. 133. Л. 158 об.–159; Д. 164. Л. 217 об.–218.

9 Князев А. Ф. Историческая записка Двинского реального училища, 1833–1903 гг. Витебск, 1904. С. 103–104.

10 Сведения о военной службе 1900–1906 гг. см.: РГВИА. Ф. 409. П/с 11-046. Л. 1–3 об.

Дагестана) был продиктован материальными и карьерными соображениями. Однако, насколько можно судить, на новом месте Ладнов не прижился. Уже в октябре того же года он взял трехнедельный отпуск, по возвращении из которого был командирован в штаб Кавказской саперной бригады в Тифлис «для держания экзамена на перевод в инженерные войска». После успешной сдачи экзамена в марте 1903 г. последовало повторное испытание при Николаевском инженерном училище в Петербурге «на право прикомандирования к инженерным войскам». В конечном итоге Ладнов получил назначение в 4-й понтонный батальон в Киев, куда прибыл в июне 1903 г. в качестве прикомандированного, а в январе 1904 г. был переведен сюда окончательно. С этого момента служба Ладнова будет связана с территорией будущей Украины.

На новом месте дела, казалось бы, пошли в гору. Уже в феврале 1904 г. Ладнов был назначен исполняющим должность казначея и квартирмейстера батальона, а также был введен в комиссию по заведыванию офицерским заемным капиталом и библиотекой. Спустя год, в феврале 1905 г., Ладнов был переведен в 11-й саперный батальон, где с мая по июль 1905 г. командовал ротой, а с июля по декабрь 1905 г. заведовал складом взрывчатки. 1 октября 1905 г. Ладнов был произведен в поручики с немалым (более года) старшинством. В том же месяце в Демевке, ближнем киевском предместье, 25-летний офицер заключил брак с 21-летней Марией Васильевной Григорович. Поручителем по невесте выступил ее отец, отставной поручик Василий Абрамович Григорович¹¹. Там же в октябре 1906 г. у супругов родилась дочь Вера¹².

Свои неожиданные коррективы в жизнь молодого офицера внесла революция 1905–1907 гг. В это время политика стала проникать в среду военных, традиционно далеких от идейных баталий. Это коснулось и Ладнова. В документах Департамента полиции он проходил по делу поручика 273-го пехотного Дунайского полка Ивана Яковлева. Последний, как следовало из донесений, имел «близкие сношения» с активистами Одесского комитета партии эсеров. Будучи в должности заведующего полковым лазаретом, Яковлев вел пропаганду и снабжал солдат своего полка революционной литературой, которая впоследствии была обнаружена у него на квартире. Во время еврейского погрома в Одессе 18–21 октября 1905 г. Яковлев под предлогом защиты лазарета затребовал из полка оружие, но вместо этого

11 ЦДИАК. Ф. 127. Оп. 1080. Д. 133. Л. 158 об.–159.

12 Там же. Д. 164. Л. 217 об.–218.

вооружил находившихся на излечении солдат, сформировал из них два взвода и вывел их на улицы, стреляя «не только в погромщиков, но и в казаков и полицию». Одним из взводов, по данным полиции, командовал близкий знакомый Яковлева, поручик Ладнов¹³.

Стоит отметить, что роль Ладнова в октябрьских событиях в Одессе так и не была прояснена следствием. Сам он высказался о своих связях с эсерами противоречиво. С одной стороны, Ладнов утверждал, что занялся «политической работой» еще в 1903 г.¹⁴ Однако в своем *opus magnum*, книге «Огнем и мечом, голодом и болезнями», он писал, что присоединился к военной организации одесских эсеров в 1905 г., а его политическая позиция и участие в борьбе с погромами стали причиной «преследований, придинок, ограничений по службе»¹⁵. Это утверждение едва ли соответствовало реальности. Ладнов продолжал служить в Одессе и только в октябре 1908 г. был переведен сперва в 7-й саперный батальон в Харьков, а затем в Киев – в 14-й саперный батальон. В октябре 1909 г. Ладнов был произведен в штабс-капитаны и, действительно, дальше в чинах не продвинулся. Тем не менее в 1912 г. он был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени и направлен в командировку в столицу – в недавно открытую Интендантскую академию. К лету 1914 г. Ладнов находился на должности обучающего в саперном классе своего батальона¹⁶.

В боях Первой мировой войны Ладнов непосредственного участия не принимал. Об этом свидетельствует то, что орден Св. Анны 3-й степени был получен им в апреле 1915 г. со стандартной формулировкой «за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий». Орден Св. Анны 2-й степени, пожалованный Ладнову в июне 1916 г., тоже не имел положенных в таком случае мечей. Эта награда застала его уже в госпитале: за месяц до этого Ладнов был эвакуирован в Харьков из-за язвы желудка. В конечном итоге в мае 1917 г. он был переведен в 1-й запасный саперный батальон, стоявший в городе. Также в это время Ладнов фигурировал как помощник начальника 4-й пехотной запасной бригады генерала Курилко¹⁷,

13 ГА РФ. Ф. 102. Оп. 235. Д. 237. Л. 3, 12 об.–13, 15.

14 Архіви БНР. Т. 1. Вільня, 1998. С. 912.

15 Ладнов Е. Огнем и мечом, голодом и болезнями. Варшава, 1922. С. 353.

16 РГВИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 8453. Л. 63 об.–64.

17 Кузьмина Т. Ф. Революционное движение солдатских масс Центра России накануне Октября (по материалам Московского военного округа). М., 1978. С. 273.

а в дни корниловского выступления в конце августа 1917 г. исполнял обязанности начальника харьковского гарнизона¹⁸.

С началом революционных событий весной 1917 г. Ладнов окупился в политику. По собственным словам, он участвовал в аресте харьковского губернатора, способствовал признанию власти Временного правительства и занял пост товарища (заместителя) председателя Харьковского губернского совета крестьянских депутатов¹⁹. Местные большевики отнеслись к этой инициативе враждебно, считая ее «контрреволюционной». Противоречия нарастали в условиях того, что Харьковская городская дума контролировалась эсерами и меньшевиками. В августе 1917 г. дума направила среди делегатов на Государственное совещание в Москве Владимира Карелина – своего бывшего председателя и будущего советского наркома – и Ладнова. Имя последнего вновь зазвучало в конце октября 1917 г., когда он попытался поднять юнкеров Чугуевского военного училища против большевистского ревкома в Харькове и арестовал прибывших к нему переговорщиков. Таким образом, для большевиков Ладнов стал символом ненавистного «офицерства» и «контрреволюции»²⁰.

Противоборство эсеров и большевиков в Харьковской думе продолжалось до конца ноября – начала декабря 1917 г. В это время Ладнов, выступая от эсеров-оборонцев, поддержал Центральную Раду, взявшую на себя «инициативу организации областной государственной власти, которая стремится вернуть страну на путь воссоздания государственного порядка и усиления и сохранения завоеваний революции»²¹. После обострения советско-украинского конфликта (Центральная Рада не признала Октябрьской революции) и начала вооруженных столкновений Ладнову пришлось покинуть Харьков и перебраться в Минск.

Как представляется, Минск был выбран Ладновым сразу по нескольким причинам. С одной стороны, все еще существовал Западный фронт, и на данный момент здесь для офицера было более безопасно, чем в близлежащих Киеве или Ростове (ситуация, впрочем, вскоре переменится). Кроме того, Ладнов мог знать о созыве Всебелорусского съезда и надеялся встретить там эсеров, знакомых ему по Государственному

18 Южный край. № 14207 (30.08.1917).

19 Ладнов Е. Огнем и мечом, голодом и болезнями. С. 353.

20 Эрдэ Д. И. Революция на Украине: от керенщины до немецкой оккупации. [Харьков], 1927. С. 77, 102, 126.

21 Чорний Д. М. Третій Універсал Української Центральної Ради і харківське міське суспільство // Дриновський збірник. Т. 10. Харків, 2019. С. 342.

совещанию, – таковым, в частности, был один из активистов белорусского движения Язеп Воронко. Какую роль сыграло то, что Ладнов был уроженцем Витебщины, судить сложно. Хотя он и вошел в секретариат президиума съезда, а позднее стал членом Рады Белорусской народной республики (БНР)²², его едва ли можно назвать белорусским политиком в полном смысле слова. Если предыдущие семейные стратегии («шляхетская» и «обрусительная») были долгосрочными, то с белорусскими реалиями Ладнов был знаком весьма поверхностно. Как представляется, он больше связывал себя с Украиной, где по долгу службы провел много лет. Так, уже весной 1918 г. Ладнов вернулся в Харьков и тогда же, как знаток украинских реалий, был привлечен в качестве консультанта делегацией БНР, которая вела переговоры с правительством Украинской народной республики (УНР) в Киеве²³.

Как можно видеть, Ладнов весьма чутко реагировал на изменения политической конъюнктуры, предвстая то защитником Временного правительства, то сторонником местных автономий. Очередную смену его жизненной траектории (но не идентичности!) стоит рассматривать скорее как отход от централизма, который теперь ассоциировался с большевиками, к регионализму – его в указанное время нередко демонстрировали эсеры и меньшевики на местах (Украина, Грузия). При этом любопытно, что прежняя профессиональная идентичность кадрового военного у Ладнова уступила место политике: впоследствии он не претендовал на руководство вооруженными силами, как его соратники по белорусскому движению К. Езовитов или К. Кондратович, и использовал свои старые навыки исключительно в политическом русле. В этом смысле неудивительно, что республиканец Ладнов, отрицательно относясь к монархическому строю Украинской державы, не присоединился к гетманской армии, подобно многим «бывшим» офицерам. Более того, по собственным словам, он организовал в Харькове некий «Военно-крестьянский союз», занимавшийся диверсиями против германских оккупационных войск²⁴. В этом отношении характеристика Ладнова как «убежденного монархиста и националиста», встречающаяся в советской литературе²⁵, не соответствует действительности.

22 Архівы БНР. С. 35, 117.

23 Там же. С. 118.

24 Ладнов Е. Огнем и мечом, голодом и болезнями. С. 354.

25 Старков Б. А. Наративные источники и их значение в изучении роли масонства во второй русской революции // Нарастание революционного кризиса в России в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917). Л., 1987. С. 116.

Вновь о белорусах Ладнов вспомнил в конце 1918 г., когда прибыл в Одессу, чтобы вручить «союзному командованию меморандум... о немецкой скрытой работе на юге России»²⁶. Белорусские организации существовали в Одессе еще с конца 1917 г., когда, во время распада «старой» армии, на Румынском фронте была предпринята попытка формирования белорусских частей. В начале 1919 г. там оформилось Временное краевое правительство Белоруссии во главе с Александром Бохановичем, которого остальные белорусские деятели признали самозванцем²⁷. Тем не менее в апреле 1919 г. Ладнов отправился в Париж как раз от имени одесских белорусов²⁸. Можно говорить, что к этому моменту он идейно оформился как региональный политик. Белорусское наполнение этого регионализма, видимо, было выбрано им по тому принципу, что в украинском уже существовала своя плеяда деятелей, и конкуренция там была выше.

В следующие несколько лет Ладнов будет менять вектор уже внутри белорусского движения. Очевидно, благодаря своему политическому и организационному опыту, он сумел произвести благоприятное впечатление на премьер-министра БНР – Антона Луцкевича. Уже в мае 1919 г. Ладнов был произведен правительством БНР в полковники, в том же месяце стал «руководителем» (министром) обороны²⁹, а затем фактически возглавил белорусскую делегацию на Парижской мирной конференции. В Париже Ладнов сразу развил бурную активность. Так, он быстро стал конфидендом Луцкевича, занимаясь его личными вопросами – от поддержания репутации до получения виз. Кроме того, Ладнов стремился установить контакты с максимально большим числом контрагентов из числа представителей Антанты, а также пытался заниматься всем и сразу – от представительских функций до заключения торговых соглашений. Учитывая важность мирной конференции для белорусского политикума, Ладнов как дипломат получил чрезвычайные полномочия. В конечном итоге в феврале 1920 г. Луцкевич даже передал ему свой пост министра иностранных дел, который занимал по совместительству. Поскольку Ладнов одновременно занимался вопросами обороны, рассматривалась возможность его производства в генерал-майоры³⁰.

26 Ладнов Е. Огнем и мечом, голодом и болезнями. С. 354.

27 Подробнее см.: Михалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка 1918–1920 гг.: ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці. Смаленск, 2015. С. 350–351.

28 Архівы БНР. С. 340.

29 Там же. С. 345, 349.

30 Там же. С. 593–594, 654–689.

Насколько можно судить, белорусская стратегия для Ладнова оказалась наиболее успешной – по крайней мере с точки зрения внешней атрибутики. С середины 1919 (прибытие на мирную конференцию в Париже) по осень 1920 (начало переговоров между Польшей и Советской Россией) он действительно был одной из центральных фигур белорусской дипломатии и обладателем сразу двух министерских портфелей в правительстве БНР. В какой-то момент Ладнов сжился со своей новой ролью. Если еще в начале 1920 г. он пользовался исключительно русским языком, то уже в августе того же года даже в личных письмах он пытался писать по-белорусски, а в декабре называл белорусский «родным языком» (sic!) и обещал выучить его на должном уровне³¹.

Впрочем, как и в случае со многими другими деятелями, примкнувшими к белорусскому движению на сломе эпохи, Ладнова не в меньшей степени интересовало личное финансовое благополучие. Очевидно, именно поиском денежных источников можно объяснить его крайне непоследовательную позицию. Так, Ладнов подтолкнул Луцкевича начать переговоры с польской стороной, в то время как сам высказывал антипольскую позицию и стремился к сближению с русской эмиграцией³². Это, однако, не мешало Ладнову при необходимости обвинять собственных соратников по «белорусскому делу» в создании «монархическо-патриотической русской организации»³³. По мнению историков, именно ухудшение финансового положения парижской миссии БНР, а также необходимость выбирать между новыми центрами силы – Литвой, куда переместилось правительство БНР во главе с В. Ластовским, и Польшей, где находились оппозиционные ему белорусские организации, – подтолкнули Ладнова в начале 1921 г. сделать выбор в пользу Варшавы. Примерно в это же время, как следует из документов, он стал агентом польской контрразведки (дефензивы)³⁴. В мае того же года Ладнов был формально исключен из правительства БНР на основании того, что стал «вести свою личную политику, часто не ставя в известность о своих действиях весь кабинет министров»³⁵.

Между 1921 и 1923 гг. Ладнов, вместе с другим активным участником белорусского движения, Леоном Дубейковским, возглавлял

31 Там же. С. 846–847, 992.

32 Чарнякевіч А. М. Міністр БНР. С. 245.

33 Архівы БНР. С. 768.

34 Чарнякевіч А. М. Міністр БНР. С. 246.

35 Архівы БНР. С. 1117.

Белорусский комитет в Варшаве. Создание данной организации было инспирировано польскими властями с очевидной целью – не допустить консолидации национальных меньшинств на выборах в Сейм осенью 1922 г. и склонить другие белорусские структуры к сотрудничеству. Подготовленная Ладновым от имени Комитета брошюра призывала к беспартийному «государственному единению на креслах», где «единственной опорой» стал бы «благородный вождь польского народа маршал Пилсудский». При этом любопытно, что в содержательной части излагалась классическая эсеровская программа: перераспределение земли, свобода совести, право на национальное самоопределение³⁶. В вышедшей тогда же под эгидой Комитета книге «Огнем и мечом, голодом и болезнями» Ладнов в конспирологическом ключе увещевал читателей, что причиной всех бед в российской и польской истории было «немецкое засилье». Очевидно, Ладнова не смущало, что его ближайший сотрудник, Дубейковский, был женат на немке. Поражение «государственного единения» и рост влияния Белорусского клуба в Сейме привели к прекращению денежных субсидий Комитета и его упадку. Ладнов, который в глазах белорусов Речи Посполитой окончательно превратился в «польского агента», быстро сошел с политической сцены и исчез³⁷.

Вероятно, неудачи Ладнова были не единственной причиной, по которой от него отстранились и поляки, и белорусы. Уже во Франции у Ладнова проявились те характерные черты, которые впоследствии составят картину его безумия. В своих письмах к Луцкевичу из Парижа в начале 1920 г. он просил тогдашнего главу белорусского правительства шифровать полученную информацию, использовать кодовые обозначения и никому не доверять³⁸. Среди бумаг Ладнова, сохранившихся в Государственном архиве Российской Федерации, есть папка, озаглавленная архивистами «Письма Ладнова разным лицам», относящаяся к началу 1930-х гг. На самом деле это не переписка в привычном смысле слова, а несвязные записки, нацарапанные на обрывках бумаги, зачастую не адресованные конкретному человеку. Из них следует, что Ладнова постоянно преследуют «провокаторы» и «франк-масонская полиция». Во всех окружающих людях – от новой горничной в пансионе до случайных пассажиров метро – он видел «агентов» тайных сил, присланных для организации

36 [Ладнов Е.] Против блока с немцами. Барановичи, 1922. С. 14–16.

37 Чарнякевіч А. М. Міністр БНР. С. 248.

38 Архівы БНР. С. 655–668.

«подлогов» и «ловушек»³⁹. В это время Ладнов отрекается от своей прежней германофобии и начинает считать, что в реальности все зло исходит от «масонов» и «жидов»⁴⁰. Стоит отметить, что антисемитизм Ладнова проявился уже в книге 1922 г., когда он утверждал, что «желает добра иудеям», однако тут же ссылаясь на «Протоколы сионских мудрецов» и зловещую роль Ротшильда⁴¹.

Вместе с тем благодаря этим «письмам» мы узнаем, что после семилетнего безвестного отсутствия Ладнов в июле 1930 г. «всплыл» в Брюсселе (по адресу Rue de President, дом 29), а уже в августе того же года оказался в Париже (в бумагах фигурируют улицы Maurice-Berteaux и Soufflot)⁴². Осень 1930 – зиму 1931 гг. Ладнов провел в парижском пригороде Исси-Ле-Мулино, где жил в пансионе на Rue Meudon, дом 7⁴³. В это время Ладнов влачил нищенское существование и, по собственному признанию, иногда не ел по три дня⁴⁴. Очевидно, тогда же у него возникло намерение вернуться в родной Двинск, на тот момент находившийся на территории Латвии⁴⁵. Тем не менее в декабре 1931 г. Ладнов неожиданно объявляется в немецком Эльберфельде (по адресу Teichstrasse, дом 16), где составляет черновик прошения на имя президента Пауля фон Гинденбурга о принятии в «гессен-дармштадтское подданство»⁴⁶. Как следует из дневниковой записи просителя от 10 января 1932 г., он бежал в Германию из Франции от очередной «провокации»⁴⁷.

Последний документ, связанный с Ладновым, – это его письмо в Русский научный институт в Берлине, написанное 4 февраля 1932 г. там же, по адресу Kastanienallee, дом 71. В нем бывший министр просил принять его в число сотрудников в виду того, что ему грозит высылка из Германии⁴⁸. Дальше следы Ладнова теряются. Как следует из инвентарных книг Русского заграничного исторического архива в Праге, его документы и письма попали туда в апреле 1933 г. при посредничестве

39 ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 777. Л. 45, 48 об.–49, 51 об.–52.

40 Там же. Д. 944. Л. 8 об.–12 об.

41 Ладнов Е. Огнем и мечом, голодом и болезнями. С. 355.

42 ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 944. Л. 3, 14, 27.

43 Там же. Л. 7, 24–25.

44 Там же. Д. 777. Л. 46.

45 Там же. Д. 944. Л. 11–12.

46 Там же. Л. 1.

47 Там же. Д. 777. Л. 13.

48 Там же. Д. 944. Л. 12.

берлинского представителя архива В. Кудрявцева⁴⁹. Это может говорить о том, что к указанному моменту Ладнов был уже мертв. Его жена Мария Васильевна умерла в Париже в 1967 г.⁵⁰ Там же, во Франции, осталась дочь Ладновых, Вера.

* * *

Как принято считать, революционные события 1917 г. в России сформировали такие обстоятельства, в которых привычные идентичности (национальные, языковые, профессиональные), ранее считавшиеся незыблемыми, подверглись заметной ревизии. Тем не менее более глубокое изучение проблематики показывает, что вопросы самоощущения и стратегии адаптации (вплоть до приспособленчества) не были связаны исключительно с проблемными периодами истории и даже друг с другом. Восприятие той или иной модели поведения при групповом взаимодействии всякий раз было индивидуальным и могло либо становиться идентичностью (сливаться с ней), либо использоваться инструментально и ситуативно. В этом отношении переходная эпоха от империи к новым политическим образованиям скорее сильно расширила «пространство допустимого», а связанный с ней хаос породил самые невероятные вариации и комбинации в области самоопределения и «встраивания» в новую реальность.

Случай Евгения Ладнова призван продемонстрировать, что, в условиях постоянной регламентации жизни со стороны государства, приспособление в рамках одной семьи могло происходить поколениями и достаточно быстро приводило к размыванию первоначальной идентичности. С другой стороны, подобная семейная стратегия позволяла использовать текущие реалии в собственных интересах. Как можно заметить, для прагматика Ладнова повседневный язык или национальная принадлежность не имели эмоционального значения – напротив, здесь первенствовали вопросы социального и материального характера. Так было и с переходом от «польскости» к «русскости», а затем и к «белорусскости». Вместе с тем проблемным моментом здесь становилось сочетание подобного прагматизма и личных устремлений. Где-то они совпадали с актуальным статусом человека, однако в других случаях они могли относиться к совершенно иной, порой противоречившей его положению сфере. В жизни Ладнова такое расхождение случалось не раз. Став офицером и добившись в этом качестве определенных предпочтений,

49 Там же. Ф. Р7030. Оп. 1. Д. 135. Л. 20 об.

50 Чарнякевич А. М. Міністр БНР. С. 248.

он разрывался между своим официальным статусом и не авторизованной властями политической деятельностью. Уже будучи участником белорусского движения, Ладнов пытался совмещать деятельность на благо своей «новой родины» и сомнительные с точки зрения белорусов контакты с польской стороной. Постоянное расхождение унаследованного из семьи узуса и личностного настроения в итоге стало для Ладнова фатальным и вылилось в душевную болезнь. Заключительные слова его главной книги – «Никому не желаю зла!» – стали своего рода оправданием его противоречивых жизненных устремлений.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
Центральный державний історичний архів в Києві (ЦДІАК).
Archiwum Państwowe w Warszawie. Oddział w Otwocku.
Latvijas Valsts vēstures arhīvs (LVVA).

Архіви Беларускай народнай рэспублікі. Т. 1. Вільня, 1998. 850 с.
Князев А. Ф. Историческая записка Двинского реального училища, 1833–1903 гг. Витебск: Губернская типолитография, 1904. 105 с.

Кузьмина Т. Ф. Революционное движение солдатских масс Центра России накануне Октября (по материалам Московского военного округа). М.: Наука, 1978. 310 с.

Ладнов Е. Огнем и мечом, голодом и болезнями. Варшава: Белорусский комитет, 1922. 355 с.

[*Ладнов Е.*] Против блока с немцами. Барановичи: Белорусский центральный избирательный комитет, 1922. 16 с.

Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка 1918–1920 гг.: ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці. Смаленск: Інбелкульт, 2015. 495 с.

Старков Б. А. Нарративные источники и их значение в изучении роли масонства во второй русской революции // Нарастание революционного кризиса в России в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917). Л.: ЛГПИ, 1987. С. 111–122.

Чарнякевіч А. М. Міністр БНР: дзіўныя шляхі Яўгена Ладнова // Личность в истории: героическое и трагическое. Брест: БрГУ, 2012. С. 243–249.

Чорний Д. М. Третій Універсал Української Центральної Ради і харківське міське суспільство // Дриновський збірник. Т. 10. Харків: ХНУ ім. Каразіна, 2019. С. 336–344.

Эрдэ Д. И. Революция на Украине: от керенщины до немецкой оккупации. [Харьков]: Пролетарий, 1927. 272 с.
Южный край. № 14207 (30.08.1917).

References

Arkhivy Belaruskai Narodnai Respubliki. Vol. 1. Vil'nia; Mensk: Nasha Niva, 1998, 850 p.

Charniakovich, A. M. “Ministr BNR: dziunyia shliakhi Iauhena Ladnova.” *Lichnost' v istorii: geroicheskoe i tragicheskoe*. Brest: BrGU, 2012, pp. 243–249.

Chorny, D. M. “Tretii Universal Ukraïns'koi Tsentral'noi Rady i kharkivs'ke mis'ke suspil'stvo.” *Drynovs'kyj zbirnyk*. Vol. 10. Kharkiv: KHNU im. Karazina, 2019, pp. 336–344.

Erde, D. I. *Revoliutsiia na Ukraine: ot kerenshchiny do nemetskoï okkupatsii*. [Khar'kov]: Proletarii, 1927, 272 p.

Kuz'mina, T. F. *Revoliutsionnoe dvizhenie soldatskikh mass Tsentra Rossii nakanune Oktiabria (po materialam Moskovskogo voennogo okruga)*. Moskva: Nauka, 1978, 310 p.

Ladnov, E. *Ogniom i mechom, golodom i bolezniami*. Varshava: Belorusskii komitet, 1922, 355 p.

[Ladnov, E.] *Protiv bloka s nemtsami*. Baranovichy: Belorusskii tsentral'nyi izbiratel'nyi komitet, 1922, 16 p.

Mihaliuk, D. *Belaruskaiia Narodnaia Respublika 1918–1920 hh.: lia vytokau belaruskaj dziarzhaunastsi*. Smalensk: Inbelkul't, 2015, 495 p.

Starkov, B. A. “Narrativnye istochniki i ikh znachenie v izuchenii roli masonstva vo vtoroi russkoi revoliutsii.” *Narastanie revoliutsionnogo krizisa v Rossii in gody pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917)*. Leningrad: LGPI, 1987, pp. 111–122.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.05

I. I. Barinov, E. V. Korovchenko

“I don’t want to harm anyone!”: Evgeny Ladnov and his Life Paths

Igor I. Barinov

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: ingobarinov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Elena V. Korovchenko
Independent Researcher
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: poiskpredkov028@gmail.com
ORCID: 0009-0000-7796-974X

Citation

Barinov I. I., Korovchenko E. V. “I don’t want to harm anyone!”: Evgeny Ladnov and his Life Paths // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 103–119 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.05

Received: 29.12.2023.

Revised: 15.02.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Annotation

The article studies the biography of Yevgeny Ladnov, one of the activists of the Belarusian People’s Republic (BNR), who held high positions in its government and headed the Belarusian delegation at the Paris Peace Conference. It is commonly believed that the changes brought by the 1917 revolution in Russia actively contributed to the formation of new life trajectories for low-ranking officials now occupying positions of authority, those of ministers and generals. In a number of cases, new identities emerged (in particular, the transition from Russian to Belarusian self-consciousness), but sometimes such changes were purely instrumental in nature and were merely a reaction to the times changing drastically. Using the case of Ladnov’s family history, it could be shown that the last scenario found its implementation long before the revolution, and the events of 1917 were just the next stage in the same process. Being an ethnic Pole and an inhabitant of the western borderlands of the Russian Empire, Ladnov, went through a series of situational changes from “Polishness” through “Russianness” to “Belarusianness”. At the same time, his personal energy contributed to the fact that he sincerely perceived the patterns inherent in each of the identities. The paper is based on previously unknown documents relating to Ladnov and his family.

Keywords

Russian Empire, Russian revolution, Belarusian People’s Republic, Belarusian national movement.

Польские проекты морального разоружения в межвоенный период: тактика Ю. Пилсудского и Ю. Бека

Кузьмичева Анастасия Евгеньевна
Кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация
E-mail: aekuzmicheva@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0304-5154

Цитирование

Кузьмичева А. Е. Польские проекты морального разоружения в межвоенный период: тактика Ю. Пилсудского и Ю. Бека // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 120–134. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.06

Финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 24-18-00461, <https://rscf.ru/project/24-18-00.461/>.

Статья поступила в редакцию 17.01.2024.

Рецензирование завершено 19.01.2024.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

В статье рассматривается сотрудничество Польши с Лигой наций в межвоенный период. Особое внимание уделяется роли польской дипломатии в разработке проекта морального разоружения. Под «моральным разоружением», которое противопоставлялось материальному, подразумевалось использование психологических, этических и идеологических аспектов для уменьшения агрессии, создание благоприятной обстановки для мира и поощрение разрешения конфликтов путем переговоров и дипломатии. Варшава регулярно подчеркивала приоритетность морального разоружения перед военным, доказывая, что разоружение само по себе не приведет к автоматическому прекращению военных конфликтов, если воля к борьбе сохранится. Эти идеи попали на благодатную почву дипломатии того времени и были восприняты как действенный механизм в борьбе за мир, так как он органично вписывался

в систему пакта Бриана-Келлога и Локарнские соглашения, представляя собой логическое продолжение и развитие этих идей. Однако, несмотря на их потенциальную действенность, этим проектам не было суждено реализоваться. Частично это было связано с тем, что уже в начале 1930-х гг. фактический руководитель внешней политики Польши Ю. Пилсудский пришел к выводу о неэффективности Лиги наций как таковой, а также системы коллективных договоров, отдав предпочтение выстраиванию отношений с соседями в двустороннем порядке.

Ключевые слова

Ю. Пилсудский, Ю. Бек, Лига наций, моральное разоружение, межвоенная дипломатия, международные отношения в 1920-е – 1930-е гг., II Речь Посполитая.

В условиях формирования основ независимой Польши факт создания 10 января 1920 г. Лиги наций в Варшаве рассматривали с интересом, но и со значительной долей сдержанности. Роман Дмовский в Комиссии Лиги наций во время работы мирной конференции в Париже не высказал никакой инициативы и фактически воздержался от участия в ней. Игнаций Падеревский был возмущен тем, что среди членов Лиги не было Соединенных Штатов, и в этой связи не верил в успех данной организации¹, а глава государства Юзеф Пилсудский относился к Лиге даже весьма критично. Основными слабостями этой организации он считал отсутствие собственных вооруженных сил², привилегированную позицию великих держав, а также право Лиги вмешиваться во внутренние дела Польши, прежде всего в вопрос соблюдения ею прав национальных меньшинств.

Сотрудничество Польши с Лигой наций условно можно разделить на несколько периодов:

- 1) 1920–1923 гг. – Польша рассматривала Лигу как важный элемент международной безопасности и основную защиту для средних и малых стран. Кроме того, Лига во многом помогала регулировать отношения с Гданьском и решать вопросы защиты прав национальных меньшинств;

1 *Michowicz W.* Ewolucja stanowiska Polski wobec Ligi Narodów w okresie międzywojennym // *Polska wobec idei integracji europejskiej w latach 1918–1945.* Zbiór studiów pod redakcją M. Wojciechowskiego. Toruń, 2000. S. 12.

2 *Ibid.*

- 2) 1924–1933 гг. – расцвет сотрудничества Польши с Лигой наций в сфере стабилизации постверсальской системы безопасности. Под эгидой Польши были подготовлены два важных проекта, целью которых было сохранение и поддержание мира, – резолюция ассамблеи Лиги о запрете агрессивной войны (1927) и проект конвенции о моральном разоружении (1931–1932);
- 3) 1934–1938 – постепенное отдаление Польши от Лиги наций – начиная с одностороннего снятия с себя в сентябре 1934 г. обязательств по статье 12 о нацменьшинствах договора с великими державами от 28 июня 1919 г. и заканчивая отзывом польской делегации из Женевы в ноябре 1938 г.

В рамках данной статьи будет рассмотрен второй период сотрудничества.

Важно подчеркнуть, что до 1933 г. Польша в Лиге наций являлась важным элементом стабилизации Версальской системы и инструментом защиты от ревизионистских устремлений Германии. Именно поэтому в 1920-х гг. польская дипломатия поддерживала все усилия Лиги, направленные на создание эффективной системы безопасности, а также разработку соответствующих гарантий в сфере региональных договоров, обеспечивающих помощь жертве агрессии (Резолюция XIV ассамблеи Лиги наций в 1922 г.³ и Женевский протокол от 1924 г.⁴). Польская дипломатия была категорически против принятия в Лигу наций Германии в качестве постоянного члена Совета Лиги, о чем стали говорить уже в 1924 г. Для Варшавы главным условием такого шага должны были стать гарантии безусловного исполнения международных обязательств, наложенных на Германию Версальским договором, а также предоставление Польше, наравне с Германией, места постоянного члена Совета Лиги. Тем не менее, несмотря на свои внешнеполитические устремления, в конечном итоге

3 Резолюция XIV Ассамблеи Лиги Наций от сентября 1922 г. одобрила рекомендацию комиссии по разоружению о заключении договора о коллективной безопасности.

4 Женевский протокол о мирном разрешении международных споров был предложением к Лиге Наций, представленным премьер-министром Великобритании Рамсеем Макдональдом и его французским коллегой Эдуардом Эррио. Он устанавливал обязательный арбитраж споров и создал метод определения агрессора в международных конфликтах. Все юридические споры между нациями передавались на рассмотрение Мирового суда. Он призывал создать конференцию по разоружению в 1925 г.

Польше пришлось довольствоваться местом полупостоянного члена, что не могло не стать еще одним кирпичом в стене отчуждения между Варшавой и Женевой⁵.

В Совет Лиги наций Польшу избирали четыре раза (в 1926, 1929, 1932 и 1935 гг.). Август Залеский, министр иностранных дел Польши в 1926–1932 гг., был апологетом сотрудничества с Лигой. Однако, как уже отмечалось выше, сам маршал Пилсудский иллюзий в отношении этой международной организации не питал, справедливо полагая, что чрезмерная вовлеченность Польши в неинтересные для нее проблемы (например, колониальные вопросы) пагубно сказывается на внешней политике страны, прибавляя случайных друзей и врагов. С течением времени скептицизм маршала лишь возрастал.

Для самой Польши положение «полупостоянного» члена стало скорее пирровой победой. С одной стороны, это придало ей больший вес в Женеве и дополнительный импульс ее стараниям обрести признаваемый другими государствами статус великой державы. И, что еще важнее, теперь она стала членом того органа Лиги, который постоянно занимался двумя «польскими проблемами» – Данцигом и немецким меньшинством⁶. Отныне Польше на заседаниях Совета не надо было ограничиваться ролью смиренного ответчика, оправдывавшегося за свои действия в Данциге и отношении к немецкому меньшинству в ее границах. С другой же стороны, осознание того факта, что данное положение Польша достигла лишь благодаря предоставлению Германии места постоянного члена, во многом снижало уровень эйфории польской дипломатии⁷. В действительности в период членства Германии в Лиге (1926–1933 гг.) Польша имела

5 Подробнее см.: *Korczyk H. Przyjęcie Niemiec i Polski do Rady Ligi Narodów w 1926 roku. Wrocław, 1986.*

6 Согласно Версальскому договору и договору о меньшинствах (получившему название Малого Версальского договора и подписанному 28 июня 1919 г. Польшей) Совет Лиги наций был наделен правом и обязанностью вмешиваться в вопрос о нацменьшинствах в случае получения от них петиции о нарушении гарантированных им прав. Подробнее см.: *Матвеев Г. Ф. Институт защиты национальных меньшинств Лиги наций и его место в становлении международной нормы самоопределения наций // Электронный научно-образовательный журнал История. 2016. № 5 (49); Stachura P. Poland, 1918–1945: an interpretive and documentary history of the Second Republic. London, 2004. P. 79–100.*

7 Подробнее см.: *Walters F. P. A History of the League of Nations. London; New York; Toronto, 1965. Chapters 24 and 27.*

скромный вес во всех сферах деятельности этой международной организации. Даже на заседаниях Конференции по разоружению роль Польши сводилась к поддержке просьб французской делегации о «безопасности до разоружения»⁸.

Планы, подчеркивающие роль и значение морального разоружения (*désarmement moral*)⁹, не являлись оригинальной идеей польской дипломатии. В историографии этот вопрос часто связывается именно с Польшей главным образом потому, что идея морального разоружения в польских проектах получила наиболее полное и широкое выражение.

Само понятие «морального разоружения» является достаточно обширным и пространным. Главным образом под ним понимается совокупность действий, направленных на исключение из сферы международных отношений любой ненависти и насилия. Позитивным аспектом является сближение между народами путем развития сотрудничества, включающего в себя самые разные, иногда очень обширные сферы, а также точное и неукоснительное соблюдение прав и обязанностей, которые предписывают международные договоры. Таким образом, моральное разоружение представляет собой нематериальную сторону общего процесса разоружения.

Александр Ледницкий, один из самых активных апологетов морального разоружения, следующим образом сформулировал цель данного проекта: «Хорошо отнять у людей материальное вооружение, но еще лучше убедить их, что они не должны сражаться, даже когда они не вооружены. Я называю это необходимостью искоренить в человеке военные инстинкты. [...] Материальное разоружение, политическое разоружение, экономическое разоружение и моральное разоружение должны осуществляться одновременно...»¹⁰.

Идеи морального разоружения попали на благодатную почву дипломатии того времени и были восприняты как действенный механизм в борьбе за мир и улучшение отношений между государствами. Своим рождением идея морального разоружения обязана Аристиду

8 Ibid. P. 221.

9 Подробнее о моральном разоружении см.: *Michowicz W.* Polskie plany rozbrojenia moralnego w okresie międzywojennym // *Kwartalnik Historyczny*. 1975. № 2. S. 321–346; *Kolasa J.* The International Intellectual Cooperation Organization of the League of Nations. Wrocław, 1962. S. 68 et al.; *Sierpowski S.* Polskie plany moralnego rozbrojenia w okresie międzywojennym // *Studia z dziejów najnowszych*. Wrocław, 1989. S. 121–132.

10 Цит. по: *Sierpowski S.* Polskie plany... S. 121.

Бриану. Бенефис состоялся во время Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. Во время третьего пленарного заседания 21 ноября 1921 г. Бриан заявил о готовности Франции «совершить величайшую жертву [...] сложить оружие и, делая это, сплотиться, помогая закладывать основы постоянного мира». Но на тот момент Франция находилась в такой сложной ситуации, что не могла согласиться ни с одним планом сухопутного разоружения, пока текущая политическая ситуация не исключает вероятности агрессии со стороны проигравших войну стран. Отсутствие в них морального разоружения французский министр иностранных дел выделил как один из ключевых элементов подобного положения. «Для создания мира необходимы двое: ты и твой сосед. [...] Нация также должна быть окружена тем, что я могу назвать мирной атмосферой; разоружение должно быть как моральным, так и материальным. И моральное разоружение должно происходить одновременно с материальным, и я имею право утверждать, что в Европе – такой, какая она есть сейчас – по-прежнему существуют серьезные элементы дестабилизации»¹¹. Под «элементами дестабилизации» Бриан, естественно, имел в виду проигравшие войну страны, в том числе Германию, которые, возможно, захотели бы реванша.

Выступление Бриана в Вашингтоне сыграло существенную роль в появлении вопроса морального разоружения на форуме Лиги наций. Эта проблема фигурировала в 14-й резолюции и рекомендациях, принятых III Ассамблеей Лиги наций 27 сентября 1922 г. Однако стоит отметить, что о моральном разоружении было упомянуто лишь в конце документа, в приложении. Ассамблея сочла, что при материальном разоружении необходимо также брать во внимание моральное, так как оно может происходить только в атмосфере полной безопасности и доверия¹².

Благодаря этой декларации идеи морального разоружения на какое-то время вошли в дипломатический дискурс. Уже вскоре, в декабре 1922 г., во время Московской конференции по сокращению вооружений глава польской делегации Я. Радзивилл поставил вопрос о необходимости морального разоружения для сохранения и поддержания мира. Он отметил, что эта цель может быть достигнута только в атмосфере безопасности и взаимного доверия. На практике речь шла о том,

¹¹ Wells H. G. Washington and the hope of peace. In an appendix are given verbatim reports of the speeches of Mr. Hughes and M. Briand. London, 1922. P. 233–257.

¹² Sierpowski S. Polskie plany... S. 123.

что конференция должна была сформировать две комиссии – техническую и политическую, при этом приоритет должен был быть отдан последней (решения политической комиссии должны были подготовить базу для работы технической)¹³. Работа этой комиссии над моральным разоружением должна была стать отправной точкой для работы военной комиссии. Советская сторона, заинтересованная в проведении конференции, открыто не противоречила польским предложениям, однако и не скрывала своего скептического отношения, справедливо полагая, что предложенное Москвой сокращение вооружения и другие цели «вполне конкретны, осуществимы и не могут быть заменены никакими разговорами о так называемом “моральном разоружении”, о котором так часто приходится слышать на международных конференциях, когда их участники желают под благовидным предлогом уйти от действительного осуществления популярного лозунга»¹⁴.

В 1925–1927 гг. во время работы Подготовительной комиссии к конференции по разоружению¹⁵ предпринятые польской дипломатией усилия по продвижению идеи морального разоружения опять не принесли ощутимых результатов, даже несмотря на поддержку Франции и ее союзников, а также на фоне развертывания очередной антипольской ревизионистской кампании в Германии¹⁶. Однако

13 Хайцман В. М. СССР и проблема разоружения: (между первой и второй мировыми войнами). М., 1959. С. 65.

14 Документы внешней политики СССР (далее – ДВП СССР). Т. VI. М., 1962. С. 27.

15 12 декабря 1925 г. Совет Лиги наций образовал Подготовительную комиссию к конференции по разоружению, на которую возлагалась подготовка к конференции по сокращению и ограничению вооружений. Было решено, что в комиссию войдут представители государств – членов Совета Лиги наций (в 1925–1926 гг. это Великобритания, Франция, Италия, Япония (постоянные члены) и Чехословакия, Бельгия, Швеция, Испания, Бразилия, Уругвай (временные члены)) и представители стран, находящихся в отношении проблемы разоружения в особых условиях вследствие их географического положения (ими были признаны Польша, Румыния, Югославия, Болгария, Финляндия, Голландия, позднее – Аргентина и Чили); также вошли и страны, не входящие в Лигу, – СССР, Германия и США.

16 Подробнее см.: Fiedor K. Formy antypolskiej działalności w Prusach Wschodnich w latach 1918–1939 // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1967. № 4. S. 485–517; Sobczak J. Propaganda zagraniczna Niemiec weimarskich wobec Polski. Poznań, 1973; Sobczak J. Propaganda zagraniczna Niemiec weimarskich wobec Polski. Poznań, 1973.

наряду с этим достаточно широко деятельность сторонников идеи морального разоружения распространилась на научную сферу, особенно на историю и право. Во время конференции в Женеве, созванной с целью унификации уголовного права, Польша представила свой проект, предлагающий включить в уголовные кодексы положение о наказании за пропаганду войны. Тот факт, что 113-я статья Уголовного кодекса Польши гласила: «Тот, кто публично призывает к наступательной войне, будет подвергнут тюремному заключению сроком до 5 лет»¹⁷, давал польской дипломатии все основания включить этот пункт в общую программу морального разоружения.

Во время работы Подготовительной комиссии польское правительство, с одной стороны, планировало препятствовать решениям, которые бы эвентуально снижали численность польских вооруженных сил ниже уровня, который Варшава считала для себя безопасным, с другой же стороны, оно намеревалось использовать площадку форума для презентации польских внешнеполитических концепций, создающих образ государства, стремящегося к стабилизации международных отношений.

Действительно, на сентябрьском 1927 г. заседании Лиги наций польская делегация внесла проект декларации о запрете любой наступательной войны, а также предложение о мирном решении споров между государствами. И даже несмотря на то, что в конечном счете эти проекты приняты не были, польский вариант декларации, по оценкам польской делегации, «привнес несомненно доброжелательное изменение мнения о Польше в Европе, где враждебная нам пропаганда постоянно подчеркивала якобы агрессивные намерения и неопределенное положение Польши»¹⁸.

В ходе заседаний Конференции по разоружению в Женеве (1932–1937 гг.) главная цель польской дипломатии заключалась в том, чтобы не допустить даже самого малейшего сокращения Войска Польского и сохранить статус-кво в области вооружения. Подобное поведение было прямым следствием основного канона польской внешней политики – абсолютная поддержка международных договоров, сдерживавших вооружения Германии до уровня, обозначенного в Версальском договоре. Другими словами, поляки были убеждены в том, что уровень разоружения должен быть прямо пропорционален уровню

17 Kodeks karny z komentarzem. Lwów, 1932. S. 195.

18 Archiwum Akt Nowych (далее – ААН). Delegacja RP przy Lidze Narodów w Genewie. 2/513/0/-/170. S. 60.

безопасности. Именно поэтому польская делегация в Женеве последовательно противодействовала принятию немецкого постулата о равенстве прав, продвигая идею морального разоружения как начального этапа перед материальным разоружением¹⁹.

О проблемах морального разоружения стали активно говорить в Лиге наций во время XI Ассамблеи в сентябре 1930 г., когда румынский министр иностранных дел Георге Миронеску в весьма категоричной форме заявил, что само по себе разоружение является лишь одной из функций морального разоружения. Однако польский министр Залеский в своем выступлении оставил румынские инициативы без внимания²⁰.

Новым началом активных действий польской дипломатии на пути к моральному разоружению стал меморандум, направленный польским правительством 14 сентября 1931 г. Генеральному секретарю Лиги наций сэру Эрику Драммонду. В нем поляки укоризненно замечали, что члены Лиги все еще вынуждены «в первую очередь полагаться на собственные силы в случае неспровоцированной агрессии [...] а некоторые государства навсегда останутся за рамками Лиги наций, и на них не распространяются договорные обязательства»²¹. Польская сторона также подчеркивала, что «несовершенство международных договоров и соглашений в сфере безопасности до сих пор вынуждает Польшу основывать свою безопасность преимущественно на вооруженных силах»²². Этот объемный документ содержал материалы о состоянии польских вооруженных сил и соображения польской дипломатии по вопросам разоружения, в том числе морального. В меморандуме говорилось, что конвенция о моральном разоружении должна включать в себя несколько направлений: уголовный кодекс, образование, СМИ, культура. В этой связи польская сторона предлагала: 1) кодификацию права в отдельных странах, чтобы оно осуждало войну как средство ведения международной политики и предусматривало наказание

19 См. подробнее: *Brzeziński A. M.* Warszawa–Paryż–Genewa: sojusz polsko-francuski a problem rozbrojenia w dwudziestoleciu międzywojennym, 1919–1937. Łódź, 1996; *Michowicz W.* Genewska Konferencja Rozbrojeniowa (1932–1937) a dyplomacja polska. Łódź, 1989.

20 В польской и румынской историографии существует спор о том, какой из стран принадлежит «право» на моральное разоружение. Подробнее см.: *Sierpowski S.* Polskie plany... S. 126. Сноска 11.

21 AAN. Delegacja RP przy Lidze Narodów w Genewie. 2/513/0/-/186. S. 107.

22 Ibid. S. 122.

за подстрекательство к войне или любую другую деятельность, нарушающую мир; 2) учреждение международного дисциплинарного трибунала для журналистов, который был бы наделен властью лишать их права на осуществление профессиональной деятельности, если она угрожала мирным отношениям между государствами; 3) создание системы воспитания молодежи в духе уважения и доверия к иностранцам; 4) проведение международной дискуссии по вопросу реализации морального разоружения. Помимо этого, польская сторона предлагала введение в школах обязательного предмета, посвященного целям и деятельности Лиги наций, а также создание в университетах специальных кафедр изучения Лиги (sic!)²³. Более того, польское правительство выражало опасения относительно эвентуальных военных действий, так как «из политической ситуации Польши следует, что это государство обязано считаться с вероятностью быть атакованным с нескольких сторон. Протяженность уязвимых границ, на которых могут вспыхнуть военные действия, составляет 3 986 км»²⁴. Именно поэтому, по утверждению польского правительства, жизненно необходимо учитывать состояние вооруженных сил военно-морского флота, военный потенциал страны и другие факторы. По мнению поляков, нынешнее состояние польской армии совершенно не отвечало потребностям, вытекающим из вышеизложенного положения. Более того, предлагаемые конференцией ограничения вооружения грозили Польше новой потерей независимости²⁵.

По просьбе польского правительства секретариат Лиги разослал этот меморандум всем странам, приглашенным на Конференцию по разоружению в Женеве в 1932 г.²⁶

К сожалению, данный текст имел слишком общий характер и ничего конкретного не предлагал. Идея кодификации права уже была выдвинута несколькими годами ранее, так что не являлась чем-то принципиально новым. Вероятно, общий характер документа объяснялся желанием польской дипломатии достичь повсеместного

23 См. *Brzeziński A.* Maria Skłodowska-Curie a polski projekt “rozbrojenia moralnego” w Lidze Narodów (1931–1933) // *Annales UMCS, Historia*. 2011. T. 1. № 66. S. 119–138; *Stawecki P.* Stanowisko polskiego Sztabu Generalnego wobec problemu rozbrojenia w latach 1921–1934 w świetle akt proweniencji wojskowej // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Historica*. 1986. T. 28. S. 77–79.

24 AAN. Delegacja RP przy Lidze Narodów w Genewie. 2/513/0-/186. S. 122.

25 Ibid. S. 123–124.

26 Ibid. S. 103.

принятия. Однако быстро выяснилось, что выпестованный поляками текст не произвел ожидаемого впечатления, мировую прессу он почти не заинтересовал, в некоторых странах, например в Германии, даже имели место иронические выпады против Польши.

Стоит отметить, что польский проект морального разоружения органично вписывался в систему пакта Бриана-Келлога и Локарнские соглашения, так как представлял собой логическое продолжение и развитие этих идей. Под чутким руководством польской стороны уже в марте 1932 г. был создан инициативный комитет²⁷, в задачи которого входили определение четкой разницы между материальным и моральным разоружением, а также разработка способов реализации последнего. Однако его работа так и не привела к каким-либо практическим результатам.

Компромиссный проект конвенции о моральном разоружении был представлен в декабре 1933 г., однако к тому моменту Польша уже начала сомневаться в возможностях Лиги наций быть гарантом стабильности и мира, и как следствие – утратила интерес к дальнейшей работе в Комиссии по разоружению. Влияние на это прежде всего оказали два фактора – во-первых, декларация от 11 декабря 1932 г. о признании принципа «равноправия» Германии в вопросе вооружения, и во-вторых, разрыв Германии с Конференцией по разоружению 14 декабря 1933 г. Для Пилсудского и Бека стало очевидным, что ключ к польской безопасности лежит отнюдь не в активном сотрудничестве с Лигой наций, а в двусторонних соглашениях с соседними государствами. Плодом этой внешнеполитической концепции явились прежде всего польско-советский (1932 г.) и польско-германский договоры (1934 г.)²⁸. Таким образом, данные договоры наряду со снятием с себя обязательств, которые накладывала статья 12 договора о нацменьшинствах, явили собой переломный момент в отношениях между Лигой наций и Варшавой. С точки зрения собственных интересов Польши Лига утратила свою необходимость. Как считал Ю. Бек, Лига никогда не приобрела характер универсальной организации, и со временем она «все больше становилась инструментом определенной группы государств, все менее многочисленной»²⁹.

27 Ibid. 2/513/0/-/192. S. 55.

28 См. подробнее: *Ken O. H.* Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930–1932 гг.). СПб., 2003; *Lapter K.* Pakt Piłsudski – Hitler: Polsko-niemiecka deklaracja o niestosowaniu przemocy z 26 stycznia 1934 roku. Warszawa, 1962.

29 *Beck J.* Ostatni raport. Warszawa, 2014. S. 48.

Источники и литература

Archiwum Akt Nowych (AAN).

Документы внешней политики СССР. Т. VI. М.: Госполитиздат, 1962. 646 с.

Кен О. Н. Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930–1932 гг.). СПб.: ПИЯФ РАН, 2003. 130 с.

Матвеев Г. Ф. Институт защиты национальных меньшинств Лиги наций и его место в становлении международной нормы самоопределения наций // Электронный научно-образовательный журнал История. 2016. № 5 (49).

Хайцман В. М. СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами). М.: Издательство АН СССР, 1959. 451 с.

Beck J. Ostatni raport. Warszawa: Liber Electronicus, 2014. 319 s.

Brzeziński A. M. Warszawa–Paryż–Genewa: sojusz polsko-francuski a problem rozbrojenia w dwudziestolecu międzywojennym, 1919–1937. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1996. 177 s.

Brzeziński A. Maria Skłodowska-Curie a polski projekt “rozbrojenia moralnego” w Lidze Narodów (1931–1933) // Annales UMCS. Historia. 2011. T. 1. № 66. S. 119–138.

Fiedor K. Formy antypolskiej działalności w Prusach Wschodnich w latach 1918–1939 // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1967. № 4. S. 485–517.

Кодекс карны з коментарзем. Львів: Заклад Народowy im. Ossolińskich, 1932. 470 s.

Kolasa J. The International Intellectual Cooperation Organization of the League of Nations. Wrocław: Ossolineum, 1962. 208 p.

Korczyk H. Przyjęcie Niemiec i Polski do Rady Ligi Narodów w 1926 roku. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986. 386 s.

Lapter K. Pakt Piłsudski – Hitler: Polsko-niemiecka deklaracja o niestosowaniu przemocy z 26 stycznia 1934 roku. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. 329 s.

Michowicz W. Ewolucja stanowiska Polski wobec Ligi Narodów w okresie międzywojennym // Polska wobec idei integracji europejskiej w latach 1918–1945. Zbiór studiów pod redakcją M. Wojciechowskiego. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2000. 296 s.

Michowicz W. Genewska Konferencja Rozbrojeniowa (1932–1937) a dyplomacja polska. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1989. 512 s.

Michowicz W. Polskie plany rozbrojenia moralnego w okresie międzywojennym // Kwartalnik Historyczny. 1975. № 2. S. 321–346.

Sierpowski S. Polskie plany moralnego rozbrojenia w okresie międzywojennym // *Studia z dziejów najnowszych*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1989. S. 121–132.

Sobczak J. Propaganda zagraniczna Niemiec weimarskich wobec Polski. Poznań: Instytut Zachodni, 1973. 355 s.

Stachura P. Poland, 1918–1945: an interpretive and documentary history of the Second Republic. London; New York: Routledge, 2004. 240 p.

Stawecki P. Stanowisko polskiego Sztabu Generalnego wobec problemu rozbrojenia w latach 1921–1934 w świetle akt proveniencji wojskowej // *Acta Universitatis Lodziensis. Folia Historica*. 1986. T. 28. S. 61–87.

Walters F. P. A History of the League of Nations. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1965. 833 p.

Wells H. G. Washington and the hope of peace. In an appendix are given verbatim reports of the speeches of Mr. Hughes and M. Briand. London: W. Collins Sons & Co. Ltd, 1922. 272 p.

References

Beck, J. *Ostatni raport*. Warszawa: Liber Electronicus, 2014, 319 p.

Brzeziński, A. M. *Warszawa–Paryż–Genewa: sojusz polsko-francuski a problem rozbrojenia w dwudziestoleciu międzywojennym, 1919–1937*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1996, 177 p.

Brzeziński, A. “Maria Skłodowska-Curie a polski projekt «rozbrojenia moralnego» w Lidze Narodów (1931–1933).” *Annales UMCS, Historia*, 2011, vol. 1, No 66, pp. 119–138.

Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. VI. Moscow: Gospolitizdat, 1962, 646 p.

Fiedor, K. “Formy antypolskiej działalności w Prusach Wschodnich w latach 1918–1939.” *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, 1967, No 4, pp. 485–517.

Hajcman, V. M. *SSSR i problema razoruzheniia: (mezhdru pervoi i vtoroi mirovymi vojnami)*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959, 451 p.

Ken, O. N. *Moskva i pakt o nenapadenii s Pol'shei (1930–1932 gg.)*. St Petersburg: PIYAF RAN, 2003, 130 p.

Kodeks karny z komentarzem. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1932, 470 p.

Kolasa, J. *The International Intellectual Cooperation Organization of the League of Nations*. Wrocław: Ossolineum, 1962, 208 p.

Korczyk, H. *Przyjęcie Niemiec i Polski do Rady Ligi Narodów w 1926 roku*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1986, 386 p.

Lapter, K. *Pakt Piłsudski – Hitler: Polsko-niemiecka deklaracja o niestosowaniu przemocy z 26 stycznia 1934 roku*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1962, 329 p.

Matveev, G. F. "Institut zashchity natsional'nykh men'shinstv Ligi natsii i ego mesto v stanovlenii mezhdunarodnoi normy samoopredeleniia natsii." *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal Istoriia*, 2016, No 5 (49).

Michowicz, W. "Ewolucja stanowiska Polski wobec Ligi Narodów w okresie międzywojennym." *Polska wobec idei integracji europejskiej w latach 1918–1945. Zbiór studiów pod redakcją M. Wojciechowskiego*. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2000, 296 p.

Michowicz, W. *Genewska Konferencja Rozbrojeniowa (1932–1937) a dyplomacja polska*. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1989, 512 p.

Michowicz, W. "Polskie plany rozbrojenia moralnego w okresie międzywojennym." *Kwartalnik Historyczny*, 1975, No 2, pp. 321–346.

Sierpowski, S. "Polskie plany moralnego rozbrojenia w okresie międzywojennym." *Studia z dziejów najnowszych*, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1989, pp. 121–132.

Sobczak, J. *Propaganda zagraniczna Niemiec weimarskich wobec Polski*. Poznań: Instytut Zachodni, 1973, 355 p.

Stachura, P. *Poland, 1918–1945: an interpretive and documentary history of the Second Republic*. London; New York: Routledge, 2004, 240 p.

Stawecki, P. "Stanowisko polskiego Sztabu Generalnego wobec problemu rozbrojenia w latach 1921–1934 w świetle akt proweniencji wojskowej." *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Historica*, 1986, vol. 28, pp. 61–87.

Walters, F. P. *A History of the League of Nations*. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1965, 833 p.

Wells, H. G. *Washington and the hope of peace. In an appendix are given verbatim reports of the speeches of Mr. Hughes and M. Briand*. London: W. Collins Sons & Co. Ltd, 1922, 272 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.06

A. Ye. Kuzmicheva

**Polish projects of moral disarmament in the interwar period:
J. Pilsudski and J. Beck's tactics**

Anastasiia Ye. Kuzmicheva

Candidate of History, associate professor

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: aekuzmicheva@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0304-5154

Citation

Kuzmicheva A. Ye. Polish projects of moral disarmament in the interwar period: J. Pilsudski and J. Beck's tactics // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 120–134 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.06

Acknowledgements

This research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation, project no: 24-18-00461, <https://rscf.ru/project/24-18-00.461/>.

Received: 17.01.2024.

Revised: 19.01.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

The article examines cooperation between Poland and the League of Nations in the interwar period. Specific attention is given to the role of Polish diplomacy in the development of the moral disarmament project. By “moral disarmament”, as opposed to material disarmament, implied the use of psychological, ethical, and ideological instruments to reduce aggression, create a favorable environment for peace, and encourage the resolution of conflicts through negotiation and diplomacy. Warsaw regularly emphasized the priority of moral disarmament over military disarmament, arguing that disarmament alone would not automatically end military conflicts if the will to fight persisted. These ideas fell on the fertile soil of diplomacy of the time and were perceived as an effective mechanism in the struggle for peace, as they organically fitted into the system of the Briand-Kellogg Pact and the Locarno agreements, representing a logical continuation and development of these ideas. However, despite their potential effectiveness, these projects were not destined to be implemented. This was partly due to the fact that already in the early 1930s, the actual head of Polish foreign policy, J. Piłsudski, came to the conclusion that the League of Nations as such, as well as the system of collective agreements, were ineffective. In that respect he preferred to build relations with neighbors bilaterally.

Keywords

J. Piłsudski, J. Beck, League of Nations, moral disarmament, interwar diplomacy, international relations in the 1920s–1930s, Second Polish Republic.

УДК 94(477)

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.07

Е. Ю. Борисёнок

**Непростая альтернатива украинизации:
малоросийство в современном украинском
историко-публицистическом дискурсе**

Борисёнок Елена Юрьевна

Доктор исторических наук, заведующая отделом

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: vostslav@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8642-0185

Цитирование:

Борисёнок Е. Ю. Непростая альтернатива украинизации: малоросийство в современном украинском историко-публицистическом дискурсе // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 135–153.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.07

Статья поступила в редакцию 25.12.2023.

Рецензирование завершено 06.02.2024.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

Статья посвящена анализу понятия «малоросийство» в современном украинском научном дискурсе. Рассуждения о малоросийстве как некоем негативном явлении, ментальном комплексе неполноценности, провинциализме были характерны для деятелей украинского национального движения в Российской империи. В период проведения большевиками политики украинизации на территории Советской Украины споры о легитимности наименования «малоросс» начали стихать: в качестве официального наименования населения советской республики большевики избрали термин «украинец». В период советской украинизации наименование «малоросс» стало синонимом угнетательской политики царского правительства. За пределами советской республики приверженцы украинской идеи продолжали писать о малороссах и малоросийстве в прежнем ключе. С распадом Советского Союза вопрос о малоросийстве вновь стал популярным на территории современной Украины. О негативном явлении малоросийства активно пишут современные украинские специалисты как в области литературоведения

и культурологии, так и других отраслей общественных наук. Понятие часто встречается в исторических, историко-политологических и историко-философских трудах, на что в отечественной литературе обращается недостаточно внимания. В настоящей статье представлена концепция малороссийства, сложившаяся в современной украинской науке и ставшая одной из составляющих украинского исторического гранд-нарратива.

Ключевые слова

УССР, украинизация, малороссийство, малоросс, современная украинская историография, Е. Маланюк.

В изучении восточнославянских народов особое место отведено различным номинациям в период становления и развития национальных движений на территории Российской империи. Наименование «малоросс/малорус» и производные от него являлись предметом пристального внимания на протяжении длительного времени. Начавшиеся в XIX в. в Российской империи дискуссии о малороссийском языке и малороссах стали утрачивать свою актуальность в результате политики советской украинизации, когда большевики избрали в качестве официального наименования населения термин «украинец»¹. Наименование «малоросс» стало синонимом угнетательской политики царизма, а в толковом словаре Д. Н. Ушакова появилась статья «малорос(с)» со следующим пояснением: «(дорев.). Шовинистическое название украинца»².

Если на территории Советской Украины споры постепенно стихали, то за ее пределами деятели украинского национального движения продолжали рассуждать о малороссах и малороссийстве. Более того, с распадом СССР «малороссийский вопрос» вновь появился на первом плане, причем не только в публицистике, но и в научном дискурсе. Современные украинские специалисты в области гуманитарной науки используют наименования и «малоросс», и «малороссийство», причем последнее обозначает не только вариант идентичности,

1 См. подробнее: *Борисёнок Е. Ю.* Споры о малороссах и Малороссии на Советской Украине в середине 1920-х гг. // *Славянский альманах. 2023. № 1–2.* С. 80–99.

2 Малорос(с) // *Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 2: Л–Ояловеть. М., 1938. Стб. 130.*

но и некий ментальный конструкт, негативное явление, проявляющееся в комплексе неполноценности, провинциализма. Иными словами, речь ведется о социокультурном феномене, позволяющем проанализировать ментальные структуры национального дискурса и поведенческие стереотипы, характерные не только для населения юго-западной части империи Романовых, но и Советской Украины.

О малороссийстве как негативном ментальном комплексе немало пишут не только литературоведы и культурологи, но и представители других отраслей общественных наук. Понятие часто встречается в историко-политологических и историко-философских трудах, на что в отечественной литературе обращается недостаточно внимания.

При рассмотрении комплекса малороссийства современные украинские специалисты апеллируют к критике этого явления лидерами украинского национального движения прошлого. По справедливому замечанию М. Гаухмана, «в украинской интеллектуальной традиции XX в. этнических украинцев, для которых главной идентичностью была имперская или русская, принято обозначать пейоративным термином “малоросс”. Соответствующая социальная группа и политическая позиция характеризуется как “малороссийство” (исторический вариант – “провансальство”)»³. «Комплекс неполноценности, униженности как неотъемлемый компонент национализации появился лишь с середины XIX в. в качестве инструмента легитимации претензий на эксклюзивность, – отмечают О. И. Журба и Т. Ф. Литвинова. – Народнические эмансипаторские устремления привели к конструированию образов гипертрофированных народных страданий, которые оформились в теориях безгосударственной, безэлитной, исключительно мужичьей нации и ее особенного исторического пути. На пьедестале национальной мифологии главного исторического героя предшествующего периода, воинственного казака, оттеснял глубоко несчастный гречкосей»⁴.

Действительно, слово «малороссийство» с отрицательным значением употребляли деятели украинского национального движения. Как заметил С. А. Наумов, «со стороны адептов “украинского проекта”, особенно радикально настроенных, “малороссийский проект” подвергался все более острой критике, выражение “малороссийство” в их

3 Гаухман М. Множественная идентичность как исследовательская проблема // *Ab Imperio*. 2018. № 2. С. 213.

4 Журба О. И., Литвинова Т. Ф. Нарративизация украинского прошлого в конце XIX – начале XXI века: возможно ли преодоление? // *Вестник Пермского университета. История*. 2020. Вып. 3 (50). С. 28.

словаре на рубеже XIX–XX вв. приобрело пренебрежительно-враждебную окраску, подобно “мазепинству” в лексиконе их оппонентов⁵. В то же время О. Р. Баган замечает, что Д. И. Донцов «анализировал проблему малороссийства больше в рамках политики, культурной и цивилизационной ориентации Украины, а не в плане ментальности ее жителей»⁶. Это замечание украинского исследователя вполне справедливо можно отнести ко многим лидерам украинского движения периода «борьбы украинца с малороссом». В украинской литературе принято считать, что этнопсихологические, культурологические и нациософские тезисы Донцова развил его идейный соратник, писатель, публицист, культуролог и литературный критик, сотник армии УНР Е. Ф. Маланюк (1897–1968), размышлявший о ментальных основах малороссийства на уровне культурных проявлений⁷.

Так, в 1935 г. в работе «Творчество и национальность» Маланюк рассуждал о понятии «россия» – он писал слово в кавычках со строчной буквы – как о психологическо-культурной категории⁸, под которой понимал «не страну, не народ и не государство», а «человеческий продукт», произведенный государственным аппаратом «из национально-дефективного, многоэтнического материала империи»⁹. Этот государственный аппарат не оставлял места для «национально творческой личности»¹⁰, вследствие чего и появился сложный и многогранный комплекс малороссийства, названный Маланюком «своеобразной формой национального гермафродитизма»¹¹.

Однако «классической» работой Маланюка по малороссийству, на которую так или иначе ссылаются все современные украинские исследователи проблемы, является более поздняя. Это эссе «Малороссийство», написанное и опубликованное в Нью-Йорке в 1959 г., а затем

5 *Наумов С.* «Малоросійський проект» XIX ст. vs «український проект» // *Известия на Института за исторически изследования.* София, 2017. Т. 34. С. 131.

6 *Баган О.* Ментальний комплекс малоросійства в українській культурі: дискурс Євгена Маланюка // *Слово і Час.* 2018. № 2. С. 25.

7 Там же.

8 *Маланюк Є.* Творчість і національність (До проблеми малоросизму в мистецтві) // *Маланюк Є.* Книга спостережень. У 2 т. Торонто, 1962–1966. Т. 2. С. 27.

9 Там же.

10 Там же. С. 28.

11 Там же. С. 30.

включенное в известный двухтомник Маланюка «Книга наблюдений», вышедший из печати в Торонто в 1960-е гг.¹²

Как писал Маланюк, каждое многонациональное государство создавало своеобразный тип рядового имперского человека, причем государственное устройство Российской империи и СССР «не знало, не знает и не хочет знать ни одной особенности: ни личной, ни общественной, ни национальной, ни даже региональной или классовой»¹³. «В условиях характерной мешанины понятий “нация-этнос” и “государство-империя” государственная машина на практике механически подгоняла старые национальные организмы под этнический уровень московской массы с целью, разумеется, создать едино-неделимый народ – русский, российский или советский...»¹⁴ – считал Маланюк.

В результате и появился малоросс – «тип национально-дефективный, искалеченный психически, духовно, а в результате порою – и расово»¹⁵ – и малороссийство. Что же такое малороссийство по Маланюку? С его точки зрения, «это не политика и даже не тактика, только всегда априорная и полная *капитуляция*», помрачение и даже исчезновение исторической памяти¹⁶. Питается малороссийство «систематическим впрыскиванием комплекса неполноценности (“никогда не имели государства”, “темное крестьянство”, “глупый хохол” и т. п.), насмешливым отношением к национальным ценностям и святыням». «Это – систематическое высмеивание, анекдоты и насмешки над обычаями, традициями, обрядами, национальной этикой, языком, литературой, с признаками национального *стиля*, реализации которого ставятся систематические, плановые и террором поддерживаемые препятствия»¹⁷, – негодовал Маланюк. Противоположностью малороссийства Маланюк считал мазепинство, которое было связано с сознанием и волей нации¹⁸. Следовательно, единственным «радикальным лекарством от болезни малороссийства является государственность»¹⁹.

12 Маланюк Є. Малоросійство. Нью Йорк, 1959; Маланюк Є. Малоросійство // Маланюк Є. Книга спостережень. Т. 2. С. 229–246.

13 Цит. по: Маланюк Є. Малоросійство // Маланюк Є. Книга спостережень. Т. 2. С. 230.

14 Там же.

15 Там же. С. 231.

16 Там же. С. 234–235.

17 Там же. С. 236.

18 Там же. С. 239.

19 Там же. С. 241.

Полемически заостренные, эмоционально насыщенные труды Маланюка оказались востребованы в зарубежной украинистике, и в 1962 г. в 4-м томе издаваемой диаспорными учеными энциклопедии украиноведения появилась статья «Малороссийство» за подписью Б. Н. Кравцова – украинского литературного деятеля, члена Научного общества им. Шевченко²⁰ и Украинской свободной академии наук²¹, активиста Организации украинских националистов. По определению, данному в статье, малороссийство – «обусловленный долгим порабощением Украины комплекс провинциализма в духовной сфере части украинского общества (большей частью интеллигентских кругов), проявляющийся в преданности делу русской великодержавности и в безразличном, а то и негативном отношении к украинским национально-государственным традициям и стремлениям»²². В статье был упомянут Маланюк и приведено его мнение о малороссийстве как отсутствии духовной суверенности, отсутствии элементарнейшего национального инстинкта и параличе политической воли, национальном пораженчестве²³.

После распада Советского Союза эссе «Малороссийство» Маланюка не раз переиздавалось, став весьма популярным на Украине²⁴, а в энциклопедических изданиях появились соответствующие статьи. В вышедшей в 1996 г. Малой энциклопедии этногосударствоведения²⁵ имелась статья «комплекс малороссийства», где он определялся как «условный термин, происходящий от слова “Малороссия”, официального названия Украины в Российской империи – для обозначения комплекса ущербности, неполноценности украинцев по сравнению с государственными нациями»²⁶. Комплекс малороссийства, по мнению

20 Наукове товариство імені Шевченка, НТШ.

21 Українська вільна академія наук, УВАН.

22 *Кравців Б.* Малоросійство // Енциклопедія українознавства: У 13 т. Мюнхен; Париж; Нью-Йорк, 1949–1985. Словникова частина. Т. 4: Крушельницький Іван – Місто. Париж; Нью-Йорк, 1962. С. 1451.

23 Там же.

24 Например, это эссе разбирается в учебнике по украинской литературе для 11 класса (профильного уровня): *Борзенко О. І., Лобусова О. В.* Українська література (профільний рівень). Підручник для 11 класу закладів загальної середньої освіти. Харків, 2019. С. 54–65.

25 Комплекс малоросійства // Мала енциклопедія етностудіології. Київ, 1996.

26 Стаття без підписи. Там же. С. 702.

составителей энциклопедии, был следствием колониального положения и давления на украинскую духовную сферу со стороны имперских структур, в том числе «ликвидаторских мер», применявшихся к украинской культуре, репрессий против украинских деятелей, обрусения национальной интеллигенции, лингвоцида в отношении украинского языка. «Невозможность украинского патриотизма» и породила комплекс малороссийства, «в котором любовь к Украине сочетается с боязнью ее проявления, с национальным стыдом». Подчеркивалось также, что комплекс малороссийства культивировался в СССР как массовая психология, и лишь диссидентство и эмиграция продолжали борьбу против этого комплекса. К числу борцов с малороссийством энциклопедия причисляла множество деятелей культуры, искусства и науки, начиная с Т. Г. Шевченко и заканчивая советскими диссидентами и И. М. Дзюбой. Среди них был упомянут и Е. Маланюк²⁷.

В энциклопедии истории Украины ни статьи «малороссийство», ни статьи «комплекс малороссийства» не появилось²⁸. Однако в другие энциклопедии соответствующая статья была включена. При этом если статья «малороссийство» в энциклопедии 1996 г. носила определенный отпечаток диаспорной энциклопедии украиноведения (ее 4-й том был переиздан во Львове в 1994 г.), то одноименная статья, вышедшая через полтора десятка лет, в 2011 г., в «Политической энциклопедии» под редакцией Ю. А. Левенца, являлась результатом развития современной украинской науки. Автор статьи, И. Б. Гирич, указал на два значения малороссийства. Во-первых, это «психологический комплекс неполноценности, в основе которого лежит негативное или пренебрежительное и безразличное отношение некоторых представителей украинского сообщества к своей национальной культуре, государству, историко-общественным традициям». Автор указывает на противопоставление своей «провинциальной», «отсталой», «недоразвитой» культуры «цивилизованным», «высшим», «развитым» имперским культурам (русской, австрийской, польской, венгерской и др.)²⁹. Во-вторых, это «идеология украинской по происхождению элиты (интеллектуалов, интеллигенции) на разных этапах истории (прежде всего в XVIII–XX вв.), которая признавала первенство русской

27 Там же.

28 См.: *Енциклопедія історії України: у 10 т. Київ: 2003–2013. Київ, 2007. Т. 4: Ка–Ком; Київ, 2009. Т. 6: Ла–Мі.*

29 *Гирич І. Малоросійство // Політична енциклопедія. Київ, 2011. С. 419.*

культуры, политики, историко-государственного интереса над задачами выработки и культивирования отдельной украинской культуры, самостоятельного политического государственного строительства, соблюдения собственного украинского государственного интереса»³⁰. С точки зрения автора статьи, малороссийство как историческое явление принадлежит прежде всего XIX веку, а пережитки его проявляются «и в наши дни». «Современное малороссийство имеет крепкие корни на Южной и Восточной Украине, где имеет наибольшее влияние русская культура»³¹, – заканчивает свою статью Гирич, рекомендовав обращаться за подробностями не только к неоднократно упомянутому Маланюку, но и к Н. Ю. Рябчуку, книга которого «От Малороссии до Украины: парадоксы запоздалого нациеобразования» вышла на Украине в 2000 г.³²

Как мы видим, энциклопедическая статья 2011 г. имеет существенные отличия от статьи с аналогичным названием 1996 г. Статья, написанная Гиричем, представляет интерес в связи с попыткой зафиксировать разные значения малороссийства, отделив психологические и эмоциональные ощущения человека от системы его взглядов и представлений. Эта попытка была тем более интересна, что, как заявил упомянутый Гиричем политолог, публицист, писатель, культуролог Н. Ю. Рябчук, «до сих пор так называемый комплекс малороссийства рассматривался, как правило, в контексте пропаганды, а не науки, в контексте... разоблачительной антиколониальной публицистики, а не, скажем, антропологии, социальной психологии или психоанализа»³³.

Рябчук указывает, что «“малороссийство” исторически развивалось не как идеология (или одна из идеологий) украинской нации, а фактически как ее имперское отрицание, точнее, как своеобразный компромисс между требованием имперской лояльности и определенным региональным патриотизмом»³⁴. Одновременно Рябчук настаивает: «Между тем перед нами типичный, описанный классиками культурной антропологии, пример усвоения аборигенами колониальной точки зрения на себя как недонарод с недоязыком, недокультурой,

30 Там же.

31 Там же. С. 420.

32 *Рябчук М.* Від Малоросії до України: парадокси запізнiлого націєтворення. Київ, 2000.

33 Там же. С. 224.

34 Там же. С. 127.

недорелигией и т. д. и т. п. Это – принятие фальшивого и самоуничтожительного *self-image* (представления о себе), навязанного колонизаторами, – в данном случае, представления о некой “поющей и танцующей Малороссии” (по Гоголю), которая если и имела какое-то самобытное прошлое, то будущее уже никак иметь не может»³⁵.

Статья «малороссийство» была включена и в Энциклопедию современной Украины: она появилась в 19-м томе, изданном в 2018 г.³⁶ Автор статьи, известный советский и российский литературовед Ю. Я. Барабаш, определяет малороссийство как «понятие, которое используют (часто в метафорическом смысле) для обозначения специфического социального, общественно-политического, духовного, этнопсихологического феномена в истории и современной жизни Украины, укоренившегося в ее длительном колониальном статусе в системе Российской империи, а впоследствии – СССР»³⁷. Автор подчеркивает, что «ученые стран Запада и России до недавнего времени практически не рассматривали м[алороссийство] (как явление и дефиницию), признаки определенного интереса к нему начали проявлять лишь в 1990-х гг.»³⁸.

Первым, как сообщается в энциклопедии, к постижению природы малороссийства подошел Т. Г. Шевченко, но в национальной мысли и публицистике XIX в. понятие «из-за непроработанности терминологии еще некоторое время употреблялось в нейтральном, а то и в позитивном смысле, как синоним украинства». Барабаш отмечает, что в историософских, культурологических и политических исследованиях на Украине и диаспоре малороссийство обычно рассматривали «опосредованно, как одну из составляющих “украинского нрава”» (Д. И. Чижевский и др.) в разных коннотативных вариантах: «украинофильство» (Н. И. Михновский), «гаркун-задунайщина» (В. К. Винниченко), «провансальство» и «тутейшность» (Д. И. Донцов), «писаризм» (Н. Г. Хвылевой), «чухранство» (Остап Вишня), «гоголевский человек» (Н. И. Шлемкевич), «блудные сыны Украины» (Е. А. Сверстюк). Далее подчеркивается, что «в последние годы понятие “м[алороссийство]” приобретает значение научного термина»³⁹.

35 Там же. С. 224.

36 Энциклопедія Сучасної України. Т. 19: «Малиш» – «Медицина». Київ, 2018.

37 Барабаш Ю. Я. Малоросійство // Енциклопедія Сучасної України. Київ, 2018. URL: <https://esu.com.ua/article-63163> (дата обращения: 06.09.2023).

38 Там же.

39 Там же.

Малороссийство названо в статье «историческим и ментальным феноменом», для которого характерна раздвоенность национального самосознания, ослабление чувства «почвы», психологическая настроенность на «послушание» и толерантность ко всему чужому, растворение в нем вплоть до потери национального «Я», языкового и поведенческого обрусения. Причем, по уже сложившейся традиции, было указано, что в условиях СССР малороссийство сохранило свою суть и генетическую природу. «В любом из своих проявлений м[алороссийство] означает потерю идентичности, паралич национального инстинкта и политической воли, неспособность или нежелание (часто агрессивное) брать на себя ответственность за судьбу нации и государства, что представляет серьезную опасность для их независимости и развития», – делает вывод автор статьи⁴⁰.

Перечисленные выше энциклопедические статьи о понятии «малороссийство» дают представление об общем направлении развития общественных наук на Украине после 1991 г. Противопоставление малоросса украинцу, присущее и украинскому национальному движению, и украинской эмиграции, и украинской диаспорной литературе, оказалось очень устойчивым.

Например, Л. П. Нагорная, изучая региональную идентичность в украинском контексте, указывает: «В элитарной политической культуре этой части Украины (Приднепровье. – Е. Б.) доминировали настроения приспособленчества, пассивности, преклонения перед силой, комплексы “неполноценности” и “малороссийства”. Ассимиляционные процессы развивались настолько быстро, что и само существование украинского этноса оказалось под угрозой»⁴¹. Нагорная насчитывает в «малороссийстве» несколько оттенков: «...кто-то рассматривал его как противодействие польско-католической угрозе, кто-то всерьез воспринимал концепцию уваровской триединой русской нации. Но в целом, по крайней мере в хронологических пределах XIX века, “малороссийство” представляло собой форму самосознания той части украинской элиты, которая пыталась соединить местный патриотизм с лояльностью к Российской монархии»⁴².

Проблема малороссийства в историко-политологических и историко-философских трудах продолжает сохранять популярность. Так,

40 Там же.

41 *Нагорна Л. П.* Регіональна ідентичність: український контекст. Київ, 2008. С. 159.

42 Там же. С. 160.

вышедшая в 2020 г. книга «Антропологический код украинской культуры и цивилизации»⁴³ призвана была дать ответ на вопрос, кто такой украинец. В разделе «Малороссийство и москвофильство: украинский человек пограничья» подчеркивается, что малороссийство является «крайне негативным явлением»⁴⁴, которое развивалось, «оппонируя политическому украинству»⁴⁵. «Итак, малороссийскость означает внутреннюю настроенность человека к постоянному бегству от собственного “Я”: малороссыяне демонстрируют ситуативно или большую политическую и культурную “русскость”, чем этнически определенные представители народа, или (прежде всего в периоды подъема собственно украинской культуры) демонстративную, показную, “героически-страдательную” украинскость»⁴⁶, – утверждают авторы. Вывод исследователей довольно категоричен: «Таким образом, этнографическое пограничье Украины, включенной в состав Российской империи, оказалось под прессом идеологии “общего отечества и единой народности”, вследствие чего сформировалось малороссийство со своеобразным этнокультурным сознанием национального пораженчества. Это сознание стало интертекстуально обусловленной дискурсивной практикой, а не утверждением автономности мыслящего субъекта»⁴⁷.

Критикой малороссийства пронизана вся работа украинских специалистов. Так, разбирая сложный период начала XX века – «период войн и революций», – авторы подчеркивают: «Наиболее распространенным и не менее вредным явлением в Украине революционной эпохи был унаследован постимперский и постколониальный синдром, остатки которого не преодолены и сегодня. Наиболее полно он проявлялся в малороссийстве как проявлении размытой идентичности и комплекса неполноценности»⁴⁸.

Впрочем, некоторые современные украинские историки призывают отойти от крайностей и резко отрицательных оценок малороссийской проблемы. Еще в 2010 г. Т. Ю. Горбань признавала, что малороссийство как общественно-политическое явление ограничивало потенциал украинского национального движения, однако было

43 Антропологічний код української культури і цивілізації: у 2 книгах. Київ, 2020. Кн. 2.

44 Там же. С. 53.

45 Там же. С. 54.

46 Там же. С. 55.

47 Там же. С. 61.

48 Там же. С. 271.

бы необъективно считать всех малороссов отступниками от украинского национального дела. Статус безгосударственного народа обрекал определенные круги украинского общества на своего рода балансировку между территориально-этническим патриотизмом и социально-политическим прагматизмом⁴⁹. И в одной из статей, опубликованных уже в 2022 г., Горбань отмечает, что в определении понятия «малороссийство», широкоупотребительного в украинской исторической науке и общественной практике, до сих пор остается много пробелов⁵⁰. Горбань считает, что, анализируя феномен «малороссийства» с точки зрения самоидентификации личности, необходимо рассматривать не столько этническое самоотождествление «малороссов» с другим этническим сообществом, сколько общественное самоопределение, личную самоидентификацию, осознание индивидуумом своей принадлежности к определенному государственному образованию, лояльность к общественно-политическим институтам государства, подданным (гражданином) которого он является⁵¹. Исследователь призывает к объективному анализу проблемы и ее дальнейшей разработке: «Следовательно, рассматривая причины перехода украинской интеллигенции в “русский лагерь”, следует избегать упрощенных и односторонних подходов, не сводить мотивацию к удовлетворению утилитарных интересов, а анализировать ее в широком диапазоне – от действительно корыстных соображений до идеалистической настроенности на построение справедливого общества»⁵².

В. А. Смолий и Я. В. Верменич также считают, что «излишняя эмоциональность, заданная публицистикой начала XX в., не пошла на пользу объективному освещению явления». С точки зрения ученых, «однозначные трактовки “малороссийства” как предательства и капитулянтства, по крайней мере что касается реалий XIX в., страдают идеологизированностью – ведь вплоть до перехода украинского движения в политическую стадию “украинскость” не была и не могла быть идентификационным маркером». «Даже интеллектуалы высочайшей

49 Горбань Т. Ю. Еволюція національного самовизначення в українській суспільно-політичній думці кінця XIX – першої чверті XX століть. Київ, 2010. С. 240–276.

50 Горбань Т. Ю. «Малоросійство»: формування ідентичності в умовах імперської держави // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія: Історичні науки. 2022. Т. 33 (72). № 40. С. 23.

51 Там же.

52 Там же. С. 27.

пробы, относясь с симпатией и пониманием к исторической судьбе украинского этноса, применяли понятие “русский” в равной степени и к русским, и к украинцам – по той простой причине, что до “украинства” додерной нации еще предстояло “дорасти”⁵³.

Однако приходится констатировать, что отрицательная оценка малороссийства, особенно характерная для трудов, написанных на стыке истории, философии и политологии, продолжает доминировать. В 2022 г. вышла обобщающая работа украинских ученых «Цивилизационная идентичность украинства: история и современность», один из разделов которой называется «Малороссийство как разрушение украинской идентичности». «Идентичности могут быть не только позитивными, но и негативными, – отмечают авторы. – К последним относим малороссийство как условное сообщество и общественно-политическое течение, которое складывалось на левобережных землях украинского казацкого государства начиная с рубежа XVII–XVIII вв. Оно базировалось на представлении о том, что украинцы, русские и другие народы (так в тексте. – Е. Б.) являются органичной частью единого славянского народа, имея равные национальные и социальные права и возможности»⁵⁴. Авторы дают определение понятия «малороссийство»: «Современная наука рассматривает малороссийство как комплекс редуцированного патриотизма и провинциализма части украинского общества, обусловленный долгим пребыванием земель Украины в составе Российской империи». Носителями малороссийства являются обрусевшие украинцы, «национальный характер которых сформировался под чужим давлением и влиянием». Как считают украинские ученые, малороссийство проявляется «в безразличном, а то и негативном отношении к украинским национально-государственным традициям и стремлениям, а часто и в активной поддержке русской культуры и великодержавной политики»⁵⁵.

Авторы книги солидаризируются с Рябчуком и предлагают рассматривать малороссийство как отношения между колонизаторами и колонизованными. Ученые активно ссылаются и на Маланюка, цитируя его слова о дефективности малоросса с присущим ему

53 *Смолий В. А., Верменич Я. В.* Ідеї націєтворення в українському інтелектуальному просторі XIX – початку XX ст. // Рукописна та книжкова спадщина України. 2021. Вип. 27. С. 148.

54 *Цивілізаційна ідентичність українства: історія і сучасність.* Київ, 2022. С. 211.

55 Там же. С. 212.

комплексом неполноценности. Более того, украинские специалисты полагают, что «признаки малороссийства имеют культурно-антропологическое измерение, они связаны с пребыванием украинца в мире не просто чужой, но и враждебной культурной доминации»⁵⁶. Авторы видят в малороссийстве оппонента политическому украинству, результат давления «государственной машины Российской империи»: «Это следствие отсутствия политических, культурных, общественных прав и свобод, соединенного с целенаправленным стремлением власти сделать из всех подданных империи “настоящих русских” – путем периодического уничтожения элиты, “выжигания” исторической памяти, постоянного принижения языка, культуры, обычаев “малокультурного народа”, а в случаях, когда что-то стоящее уничтожить или замолчать невозможно, – перевод его в ранг “общих достояний”»⁵⁷.

В книге сделана попытка рассмотреть малороссийство и с точки зрения влияния на идентичность пограничья/фронта, поскольку «включение Левобережья, а затем и Правобережья Украины в состав Российской империи и насаждение... малороссийского сознания» дает к этому основания⁵⁸. «Украинско-малороссийская» элита «видела свою сущность в двух измерениях: любви к своему отечеству – Малороссии и служении Российской империи». Налицо, считают авторы труда, «все признаки особой формы двойной ролевой социальной ситуации»⁵⁹. Авторы делают вывод: этнографическое пограничье включенных в состав Российской империи украинских территорий «оказалось под прессом идеологии “общего отечества, единой народности и православия”», вследствие чего и сформировалось малороссийство «со своеобразным этнокультурным сознанием»⁶⁰.

Таким образом, тезис о малороссийстве как отрицательном ментальном комплексе, сложившемся под влиянием государственной машины (и Российской империи, и Советского Союза), активно используется в украинской литературе. О малороссах и малороссийстве писали сторонники украинской идеи в начале XX века, пытавшиеся дистанцироваться от русскости и доказать самостоятельность украинцев как нации. Е. Ф. Маланюк стал активно рассуждать о комплексе малороссийства уже в период СССР, когда представители

56 Там же. С. 214.

57 Там же.

58 Там же. С. 219.

59 Там же. С. 221.

60 Там же. С. 224.

украинской диаспоры критиковали советскую власть и принципы построения союзного государства, рассуждая о фиктивной самостоятельности союзной республики и обозначая сторонников советской власти как предателей национальной идеи, малороссов.

После распада СССР в бывших союзных республиках процесс переосмысления событий прошлого сопровождался «национализацией» истории. Одновременно росла популярность междисциплинарных исследований, основанных на новых для постсоветского пространства подходах – регионалистике и постколониальной теории⁶¹. Кроме того, стали широко доступны сочинения диаспорных ученых, литераторов и публицистов, и многие постулаты их работ были восприняты современными украинскими исследователями. Не был обойден вниманием и Маланюк, в творчестве которого малороссийская проблематика играла немалую роль. Знакомство с рассуждениями Маланюка о малороссийстве и комплексе неполноценности способствовало активному распространению этого понятия в современной украинской гуманитарной науке. Проблема малороссийства как негативного ментального комплекса и альтернативы украинизации как однозначно позитивному ментальному комплексу стала весьма популярной и обсуждаемой, вышла за пределы литературоведческих трудов и активно поднимается в работах самой разной направленности, став, по сути, одной из составляющих украинского исторического гранд-нарратива.

Источники и литература

Антропологічний код української культури і цивілізації: у 2 книгах / О. О. Рафальський (керівник авторського колективу), Я. С. Калакура, В. П. Коцур, М. Ф. Юрій (науковий редактор). Київ: ІПіЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2020. Кн. 2. 536 с.

Баган О. Ментальний комплекс малоросійства в українській культурі: дискурс Євгена Маланюка // Слово і Час. 2018. № 2. С. 25–30.

Байдалова Е. В. О специфике постколониальных исследований в современном украинском литературоведении // Славянский альманах. 2019. № 1–2. С. 446–461. DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.6.05.

⁶¹ О постколониальных исследованиях в украинском литературоведении см.: Байдалова Е. В. О специфике постколониальных исследований в современном украинском литературоведении // Славянский альманах. 2019. № 1–2. С. 446–461.

Барабаш Ю. Я. Малоросійство // Енциклопедія Сучасної України [Електронний ресурс] / редкол.: І. М. Дзюба, А. І. Жуковський, М. Г. Железняк [та ін.]. Київ: Інститут енциклопедичних досліджень НАН України, 2018. URL: <https://esu.com.ua/article-63163> (дата обращения: 06.09.2023).

Борзенко О. І., Лобусова О. В. Українська література (профільний рівень). Підручник для 11 класу закладів загальної середньої освіти. Харків: Ранок, 2019.

Борисёнок Е. Ю. Споры о малороссах и Малороссии на Советской Украине в середине 1920-х гг. // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 80–99. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.05.

Гаухман М. Множественная идентичность как исследовательская проблема // *Ab Imperio*. 2018. № 2. С. 213–224.

Гирич І. Малоросійство // Політична енциклопедія / редкол.: Ю. Левенець (голова), Ю. Шаповал (заст. голови) та ін. Київ: Парламентське видавництво, 2011. 808 с.

Горбань Т. Ю. Еволюція національного самовизначення в українській суспільно-політичній думці кінця ХІХ – першої чверті ХХ століть. Київ: ППІЕНД, 2010. 380 с.

Горбань Т. Ю. «Малоросійство»: формування ідентичності в умовах імперської держави // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія: Історичні науки. 2022. Т. 33 (72). № 40. С. 23–28. DOI: 10.32782/2663-5984/2022/4.5.

Енциклопедія історії України: у 10 т. / редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін.; Інститут історії України НАН України. Київ: В-во «Наукова думка», 2003–2013. Київ, 2007. Т. 4: Ка–Ком. 528 с.; Київ, 2009. Т. 6: Ла–Мі. 790 с.

Журба О. І., Литвинова Т. Ф. Нарративизация украинского прошлого в конце ХІХ – начале ХХІ века: возможно ли преодоление? // Вестник Пермского университета. История. 2020. Вып. 3 (50). С. 27–41. DOI: 10.17072/2219-3111-2020-3-27-41.

Комплекс малоросійства // Мала енциклопедія етнодержавознавства / упорядник Ю. І. Римаренко [та ін.]. Київ: Генеза; Довіра, 1996. 942 с.

Кравців Б. Малоросійство // Енциклопедія українознавства: У 13 т. / головн. ред. В. Кубійович та ін. Мюнхен; Париж; Нью-Йорк: Молоде Життя, 1949–1985. Словникова частина. Т. 4: Крушельницький Іван – Місто. Париж; Нью-Йорк: Молоде життя, 1962. С. 1451.

Маланюк Є. Книга спостережень. У 2 т. Т. І. Торонто: Гомін України, 1962. 528 с.; Т. 2. Торонто: Гомін України, 1966. 480 с.

Маланюк Є. Малоросійство. Нью Йорк: Видання “ВІСНИКА” ООЧСУ, 1959. 31 с.

Малорос(с) // Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ, 1935–1940. Т. 2: Л–Ояловеть. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. Стб. 130.

Нагорна Л. П. Регіональна ідентичність: український контекст. Київ: ІПіЕНД імені І. Ф. Кураса НАН України, 2008. 405 с.

Наумов С. «Малоросійський проект» ХІХ ст. vs «український проект» // *Известия на Института за исторически изследованя*. Софія, 2017. Т. 34. С. 113–134.

Рябчук М. Від Малоросії до України: парадокси запізнілого націєтворення. Київ: Критика, 2000. 304 с.

Смолій В. А., Верменич Я. В. Ідеї націєтворення в українському інтелектуальному просторі ХІХ – початку ХХ ст. // *Рукописна та книжкова спадщина України*. 2021. Вип. 27. С. 140–155.

Цивілізаційна ідентичність українства: історія і сучасність / авт. кол.: О. Рафальський (керівник), Я. Калакура (науковий редактор), О. Калакура, М. Юрій. Київ: ІПіЕНД ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2022. 512 с.

References

Antropolohichnyĭ kod ukraїns'koї kul'tury i tsyvilizatsii, in 2 books, ed. by O. O. Rafal's'kyĭ, Ia. S. Kalakura, V. P. Kotsur, M. F. Iuriĭ. Kyiv: IPiEND im. I. F. Kurasa NAN Ukraїny, 2020. Book 2, 536 p.

Bahan, O. “Mental'nyĭ kompleks malorosiїstva v ukraїns'kiĭ kul'turi: dyskurs Ievhena Malaniuka”. *Slovo i Chas*, 2018, no. 2, pp. 25–30.

Baidalova, Je. V. “O spetsifike postkolonial'nykh issledovanii v sovremennom ukraїnskom literaturovedenii”. *Slavianskii al'manakh*, 2019, no. 1–2, pp. 446–461. DOI: 10.31168/2073-5731.2019.1-2.6.05.

Barabash, Iu. Ia. “Malorosiїstvo. *Entsyklopediia Suchasnoї Ukraїny*: online version”, ed. by I. M. Dziuba, A. I. Zhukovs'kyĭ, M. H. Zhelezniak et al. Kyiv: Instytut entsyklopedychnykh doslidzhen' NAN Ukraїny, 2018. URL: <https://esu.com.ua/article-63163> (accessed: 06.09.2023).

Borisenok, E. Iu. “Spory o malorossakh i Malorossii na Sovetskoї Ukraine v seredine 1920-kh gg”. *Slavianskii al'manakh*, 2023, no. 1–2, pp. 80–99. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.05/

Borzenko, O. I., Lobusova, O. V. *Ukraїns'ka literatura (profil'nyĭ riven')*. *Pidruchnyk dlia 11 klasu zakladiv zahal'noi sered'noi osvity*. Kharkiv: Ranok, 2019.

Entsyklopediia istorii Ukrany: in 10 volumes, ed. by V. A. Smolii et al.; Instytut istorii Ukraїny NAN Ukraїny. Kyiv: V-vo «Naukova dumka», 2003–2013. Kyiv, 2007. Vol. 4: Ka–Kom. 528 p.; Kyiv, 2009. Vol. 6: Ia–Mi, 790 p.

Gaukhman, M. “Mnozhestvennaia identichnost' kak issledovatel'skaia problema”. *Ab Imperio*, 2018, no. 2, pp. 213–224.

Horban', T. Iu. “«Malorosiїstvo»: formuvannia identychnosti v umovakh impers'koї derzhavy”. *Vcheni zapysky Tavriis'koho natsional'noho universytetu imeni V.I. Vernads'koho, Seriia: Istorychni nauky*, 2022, vol. 33 (72), no. 40, pp. 23–28. DOI: 10.32782/2663-5984/2022/4.5.

Horban, T. Iu. *Evolutsiia natsional'noho samovyznachennia v ukrains'kii suspil'no-politychnii dumtsi kintsia XIX – pershoi chverti XX stolit'*. Kyiv: IPIEND, 2010, 380 p.

Hyrych, I. “Malorosiiſtvo”. *Politychna entsyklopediia*, ed. by Iu. Levenets', Iu. Shapoval et al. Kyiv: Parlaments'ke vydavnytstvo, 2011, 808 p.

“Kompleks malorosiiſtva”. *Mala entsyklopediia etnoderzhavoznavstva*, ed. by Iu. I. Rymarenko et al. Kyiv: Heneza; Dovira, 1996, 942 p.

Kravtsiv, B. “Malorosiiſtvo”. *Entsyklopediia ukraïnoznavstva*: in 13 volumes, ed. by V. Kubiſiovych et al. Munich; Paris; New York: Molode Zhyttia, 1949–1985. Slovykova chastyna. Vol. 4: Krushel'nyts'kyi Ivan – Misto. Paris; New York: Molode zhyttia, 1962, p. 1451.

Malaniuk, Ie. *Malorosiiſtvo*. New York: Vydannia “VISNYKA” OChSU, 1959, 31 p.

Malaniuk, Ie. *Knyha sposterezhen'*: in 2 volumes. Vol. I. Toronto: Homin Ukraïny, 1962, 528 p.; Vol. 2. Toronto: Homin Ukraïny, 1966, 480 p.

«Maloros(s)». *Tolkovyï slovar' russkogo iazyka*: in 4 volumes, ed. by D. N. Ushakov. Moscow: Sov. entsykl.: OHYZ, 1935–1940. Vol. 2: L–Oialovet'. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1938, col. 130.

Nahorna, L. P. *Rehional'na identychnist': ukrains'kyi kontekst*. Kyiv: IPIEND imeni I. F. Kurasa NAN Ukraïny, 2008, 405 p.

Naumov, S. “«Malorosiiſ'kyi proekt» XIX st. vs «ukraïns'kyi proekt».” *Izvestiia na Instituta za istoricheski izsledovaniia*. Sofia, 2017, vol. 34, pp. 113–134.

Riabchuk, M. *Vid Malorosii do Ukraïny: paradoksy zapizniloho natsiietvorenna*. Kyiv: Krytyka, 2000, 304 p.

Smolii, V. A., Vermenych, Ia. V. “Ideï natsiietvorenna v ukrains'komu intelektual'nomu prostori XIX – pochatku XX st.” *Rukopysna ta knyzhkova spadshchyna Ukraïny*, 2021, iss. 27, pp. 140–155.

Tsyvilizatsiïna identychnist' ukraïnstva: istoriia i suchasnist', ed. by O. Rafal's'kyi, Ia. Kalakura, O. Kalakura, M. Iuriï. Kyiv: IPIEND im. I. F. Kurasa NAN Ukraïny, 2022, 512 p.

Zhurba, O. I., Litvinova, T. F. «Narrativizatsiia ukrainskogo proshlogo v kontse XIX – nachale XXI veka: vozmozhno li preodolenije?» *Vestnik Permskogo universiteta, Istoriiia*, 2020, iss. 3 (50), pp. 27–41. DOI: 10.17072/2219-3111-2020-3-27-41.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.07

E. Yu. Borisyonok

Malorossianism in contemporary Ukrainian historical and journalistic discourse

Elena Yu. Borisyonok

Doctor of History, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: vostslav@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8642-0185

Citation

Borisyonok E. Yu. Malorossianism in contemporary Ukrainian historical and journalistic discourse // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 135–153 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.07

Received: 25.12.2023

Revised: 06.02.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the concept of “Malorossianism” in the modern Ukrainian scientific discourse. Leaders of the Ukrainian national movement in the Russian Empire argued about Malorossianism. They considered it a negative phenomenon, a mental inferiority complex, provincialism. During the Bolsheviks’ policy of Ukrainianization in the territory of Soviet Ukraine, disputes about the legitimacy of the name “Malorossi” began to cease. The Bolsheviks chose the term “Ukrainian” as the official name of the population of the Soviet republic. During the period of Soviet Ukrainianization, the name “Maloross” became synonymous with the oppressive policies of the tsarist government. Outside the Soviet republic, proponents of the Ukrainian idea continued to write about the Malorossians and Malorossianism. After the collapse of the Soviet Union, the question of Malorossianism became popular again in modern Ukraine. Modern Ukrainian specialists actively write about Malorossianism and consider it a negative phenomenon. Specialists in the field of literary and cultural studies, as well as specialists in other branches of social sciences write about it. The concept is often found in historical and historical-politological and historical-philosophical works. In modern domestic literature it is not given enough attention. This article examines the concept of Malorossianism, which is characteristic of modern Ukrainian science and Ukrainian historical grand narrative.

Keywords

Ukrainian SSR, Ukrainianization, Malorossianism, Maloross, modern Ukrainian historiography, E. Malaniuk.

УДК 811.16

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.08

М. Н. Саенко

Праслав. **čerěň* и **černь*. II. Рукоять и коренной зуб

Саенко Михаил Николаевич

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: michail.sajenko@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5829-7527

Цитирование

Саенко М. Н. Праслав. **čerěň* и **černь*. II. Рукоять и коренной зуб // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 154–184. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.08

Статья поступила в редакцию 07.07.2023.

Рецензирование завершено 20.07.2023.

Статья принята к публикации 12.09.2023.

Аннотация

В первой части данной статьи был рассмотрен ряд гипотез, касающихся семантики праславянского слова **černь*. Анализ материала показывает, что для праславянского языка следует различать два слова: **černь* и **čerěň* / **čerěň* / **čerěny* / **čerěny* ‘свод очага’. В настоящей работе показано, что слово **černь* значило ‘рукоятка (инструмента)’, а его потомки в отдельных славянских языках развили ряд вторичных значений, включая ‘ножка гриба’ и ‘узкая часть листа (ножка, стебелек), соединяющая его с растением’. В этимологическом отношении **černь*, скорее всего, является дериватом от **čer-* < п.-и.-е. **k^wer-* ‘отрезать, вырезать’. Этимологическое значение – ‘отрезанный кусок дерева’. Нет оснований реконструировать **černь* как праславянский соматизм, однако, исходя из имеющихся данных, следует восстановить коллокацию **černowъ(jь) zqьbъ*, которая обозначала коренной зуб. Прилагательное **černowъ* образовано от **černь* ‘рукоятка (инструмента)’, а этимологическое значение **černowъ(jь) zqьbъ* – ‘основной зуб’. В качестве частичной типологической параллели для такой номинации могут служить рус. *коренной зуб*, а также удмуртское *йырпиль* ‘коренной зуб’, коми *юрпиль* ‘id’ (дословно – ‘главный зуб’).

Ключевые слова

Праславянский язык, семантика, соматическая лексика, этимология.

1. В первой части данной статьи (Саенко 2023а) мы разобрали ряд гипотез, касающихся семантики праславянского слова *čerнь. Проанализированный нами материал надежно указывает на то, что для праславянского следует разделять *čerнь и *čerěнь / *čerěнь / *čerenь / *čerenь, обозначавшее некоторую часть очага, скорее всего свод. Касательно семантики *čerнь в научной литературе нет единства, здесь видят от одного слова до трех. В последнем случае выделяют три омонима: ‘ручка, рукоять’, ‘черенок, обрубок’ и некий соматизм, относительно точного значения которого, опять же, существуют разные взгляды: одни исследователи видят в нем ‘челюсть’ или ‘нижнюю челюсть’, другие же ‘коренной зуб’.

2. *Čerнь как ‘рукоять’ и часть растения

2.1. Реконструкция *čerнь в значении ‘рукоятка (инструмента)’ для праславянского уровня не вызывает никакого сомнения. Континуанты этого слова широко отмечены «Общеславянским лингвистическим атласом» в славянских говорах (ОЛА ФГ 9/54). Это подтверждается также другими источниками, в которых мы находим болг. диал. *чирен, черен* ‘рукоятка ножа’ (РБЕ), мак. *црен* ‘роговая рукоятка ножа’ (ОДРМЈ), схр. *срѣп* ‘рукоять ножа, бурава и т. д.’ (RHiSJ 1: 821), схр. диал. *црѣп* ‘ручка серпа’ (Стојановић 2010: 1010), *čerějna* (f.) ‘рукоять ножа’ (Šatović, Kalinski 2012: 105–106), слвн. *črēp* ‘ручка (ножа, ложки и т. д.)’ (Pleteršnik 1: 110), чеш. *střenka* ‘ручка (ножа, ложки и т. д.)’ с многочисленными фонетическими и морфологическими вариантами в диалектах (Šimečková 2021: 59–60), слвц. диал. *črienka, črenka, strenka, šrianka* (f.), *črienky, črenke, šrenki* (f. pl.), *črienko, čerenko* (n.) ‘накладки на рукояти ножа, вилки и т. д.’ (SSN 1: 279), в.-луж. *črono*, н.-луж. *crjonk* ‘ручка ножа’ (Schuster-Šewc 3: 127), пол. *trzonek* ‘рукоять инструмента’, каш. *střón* ‘рукоятка’, *střónk, střónäk* ‘рукоятка; топорище; черенок вилки или вил; рукоять ножа; рукоять меча; стебель’, *střónka* (f.) ‘рукоять ножа’ (Lorentz 2: 392), *třonk* ‘черенок (вилки, вил)’, *třón* ‘рукоятка (вообще); топорище; черенок вилки или вил; валеk распашного весла’, *třónk* ‘черенок вилки или вил; топорище; рукоять цепа’ (Lorentz 3: 624), бел. диал. *чэрань* (m.) (Шаталава 1975: 197), *чэран* (Сцяшковіч 1972: 553; Сцяцко 2005: 138), *чаранок* (Сцяцко 2005: 136;

Зайка 2011: 247), *чаран* (m.), *чарэнь* (m.), *чэран* (m.), *чэрань* (m.), *чаранё* (n.), *чаранó* (n.), *чаранóк*, *чырыно́к* (СПЗБ 5: 405, 412, 447–448), *чэрэ́нкі* (m. pl.) (ТС 5: 314) ‘рукоять (инструмента)’, укр. диал. *czere'ep'a*, *czerink'yu* (pl.) (Janów 2001: 32), *черенка* (Горошак 1993: 241), *чере́нко* (Турчин 2011: 339), *чере́н* (m.), *чере́нка* (f.) (Піпаш, Галас 2005: 219), *черенкі*, *чарунк'і*, *чиринкі* (pl.) (Аркушин 2: 249) ‘рукоятка ножа’, *черени* (pl.) ‘ручка бритвы’ (Онишкевич 2: 367), *чэран* (Сцяшковіч 1972: 553; Сцяцко 2005: 138), *чаранóк* (Сцяцко 2005: 136; Зайка 2011: 247), *чаран* (m.), *чарэнь* (m.), *чэран* (m.), *чэрань* (m.), *чаранё* (n.), *чаранó* (n.), *чаранóк*, *чырыно́к* (СПЗБ 5: 405, 412, 447–448), *чэрэ́нкі* (m.pl.) (ТС 5: 314) ‘рукоять (инструмента)’, др.-рус. черень, чрънь ‘рукоятка’ (Срезневский 3: 1501, 1539), рус. лит. *чэрен*, *чэренóк* ‘рукоять (инструмента)’, рус. диал. *чэрен* (СРГС 5: 278), *чэрен*, *чэрень* (ЯОС 10: 53; СРГК 6: 774; СРГСУ 7: 24; СРГБ: 374; Малеча 4: 427–428), *чэрен*, *чэрень*, gen. sg. *черня* (m.) (СВГ 12: 30–31; СРГНП 2: 418–419), *чэрень* (СПГ 2: 527; СРГС 5: 278; Иванова 1969: 538), *черень*, gen. sg. *черня* (m.) (BC 7: 263), *č'er'in'* (m.) (Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1980: 48), *тэрень* (СРНГ 44: 72), *чэрен*, *чэрен* (АС 6: 175), *чэренёц* (СРГК 6: 774), *чере́но* (n.) (СОС 11: 104), *чере́нье* [чир'енjó] (Хонселаар 2001: 416) ‘рукоять (инструмента)’.

2.2. Континуанты **čerъnъ* также развили ряд вторичных значений. В сербохорватских говорах это ‘ножны ножа’ у *čerēne* (f. pl.) (Maresić, Miholek 2011: 106)¹ и ‘часть веретена водяной мельницы, которая при помощи железной втулки крепится к верхнему жернову’ – *црєнь* (Динић 2008: 881).

В современном литературном польском *trzon* значит ‘основная часть чего-либо’. В свою очередь *trzonek* – не только ‘рукоять инструмента’, но и ‘мужской половой орган’ (SJP).

В белорусских говорах находим *чаранóк* ‘пруток, на котором крутится мотовило с пряжей’ (Сцяцко 2005: 136), *чаранóк* ‘кочерга’ (МСММГ: 126) и *чэронкы́* (pl.) ‘удлиненные края берда, в которые вставляются пластинки из тростника или проволоки’ (Шпакоўскі 1977: 118).

Украинское бойковское *чэрен* глоссировано в словаре как ‘складовая частина бедра’ (Онишкевич 2: 367), вероятно, ошибочно. Ничто в прочем материале не подтверждает возможности существования такого значения. Зато с учетом вышепротитированного белорусского диалектного *чэронкы́* (pl.) ‘удлиненные края берда, в которые

¹ В данном говоре начальное *črě-* разбивалось вставным гласным, ср. *čerēp* ‘черепица’ (Maresić, Miholek 2011: 106).

вставляются пластинки из тростника или проволоки' можно предположить опечатку и прочесть определение как 'складовая часть берда', то есть 'составная часть берда'.

В русских говорах присутствуют производные от значения 'рукоять' *черено* (п.) 'ствол курительной трубки' (СОС 11: 104) и *чэрен*, *чэрень*, gen. sg. *чэря* (м.) 'половник' (СВГ 12: 30–31).

И. И. Срезневский выделял для ц.-сл. *чрѣнь* значение 'узел' на основе некоего контекста из Оглашений св. Кирилла Иерусалимского (Срезневский 3: 1539), однако поскольку это *чрѣнь* соответствует греческому *κόμβος* 'перевязь, пояс', можно предположить, что речь идет об описке, и в рукописи должно было стоять *чрѣкъ*, которое действительно могло обозначать пояс, ср. семантику потомков *čersъ (ЭССЯ 4: 76).

2.3. В части славянских языков континуанты *čerňь имеют «растительные» значения. В первую очередь можно назвать чеш. *třeň* (м.) 'ножка гриба' (SSJČ) и пол. *trzon* 'ножка гриба', *trzonek* 'вырост грибницы, на котором образуются конидии' (SJP). В белорусском диминутив *чаранок* значит 'черенок' (в двух значениях: (1) 'часть стебля, корня или листа, которая отделяется от растения для вегетативного размножения и в благоприятных условиях развивается в самостоятельное растение', (2) 'узкая часть листа, которая соединяет его со стеблем') (ТСБМ 5-2: 295). В украинских говорах также известны «растительные» значения: 'черенок (саженец) винограда' – *чэрэнка* (ф.) (СУГО: 208), 'грибница' – *чэр'ін*, *чэр'ін*, *чэр'ін*, *чэрэн*, *чэрэн*, *чир'ін*, *чэр'ун*, *чэрэник* (Аркушин 2: 249), 'место, где растет много черники' – *чар'ін*, *чар'ін*, *чэр'ін* (Аркушин 2: 249). Рус. лит. *чэрэнók* обладает значениями 'узкая часть листа (ножка, стебелек), соединяющая его с растением', 'отрезок корня, стебля или листа растения, используемый для вегетативного размножения' и 'сучок плодового дерева, предназначенный для прививки дичка'. В говорах мы находим близкие *чэрен*, *чэрень* 'стебель' (Малеча 4: 427–428), *чэрен* 'ствол молодого деревца' (СРГБ: 374), *чэрен*, *чэрень* 'отросток, ответвление', 'осколок, кусок, часть чего-либо' (СРГК 6: 774). Мы полагаем, что сюда же примыкает значение 'ножка гриба' – *чэрень* (СРГС 5: 278), *чэрен*, *чэрен* (АС 6: 175), *чэрен*, *чэрень* (СРГК 6: 774).

На наш взгляд, неправомерно отделять значения 'ножка гриба' и 'черенок листа' от значения 'рукоять инструмента', поскольку в этих случаях мы имеем дело с очевидной метафорой – лист и гриб «насажены» на черешок и ножку так же, как инструмент на рукоять. Возможность такого переноса в ту или другую сторону подтверждается

типологическими параллелями. Немецкое *Stiel*, заимствованное из латинского *stilus* ‘заостренный кол; стебель, черенок; стиль (палочка для письма)’, значит ‘рукоятка, ручка, черенок; топорище; косо-вище; стебель; корешок, ножка (гриба)’. Немецкое же *Schaft* – это ‘ручка, рукоятка (инструмента, оружия)’ и ‘стебель (растения)’. Древнегреческое *καυλός* совмещало значения ‘стебель (растения)’, ‘стержень (пера)’ и ‘древко’, ‘рукоять (меча)’. Португальское *haste*, потомок латинского *hasta* ‘копье’, значит ‘шест; древко; стебель; ствол; рог (животного)’. Финское *varsi* значит ‘стебель; стан (туловище); голенище; ручка, рукоятка, рукоять, черенок’. Турецкое *sap* означает ‘стебель, ножка; ручка, рукоятка; древко’. Наконец, в русских говорах слово *стебель* значит, помимо всего прочего, ‘рукоять весла, вставляемая в уключину’ (СРНГ 41: 106).

Вероятно, к значению ‘ножка гриба’ примыкает также бел. диал. *чэрэн* (m.) ‘множество грибов (на одной грибнице)’² (Кучук, Малюк 2000: 148) и *чэрань* (f.) ‘толпа’ (СПЗБ 5: 448), укр. диал. ‘группа людей, сидящих и отдыхающих’ – *черён* (Аркушин 2: 249) и ‘выводок птиц в гнезде’ – *черён* (Аркушин 2: 249). Схему дрейфа можно предложить следующую: ‘рукоятка (инструмента)’ > ‘ножка гриба’ > ‘грибница’ > ‘грибы на одной грибнице’ > ‘толпа’.

2.4. Для этимологии **černь* ‘рукоять (инструмента)’ ключевым, на наш взгляд, является то, что это слово, по всей видимости, следует признать дериватом на *-*nu-*, стоящим в одном ряду с **synь* ‘сын’, **stanь* ‘стоянка, лагерь’, **čelnь* ‘сустав’, **česнь* ‘чеснок’ и **činь* ‘действию’ (Саенко 2023б).

Если членить **černь* как **ker-nu-s*, то логично видеть здесь отглагольный дериват, так же, как и остальные слова из этого списка. В таком случае наилучшим кандидатом на роль производящей основы является **k^wer-* ‘отрезать, вырезать’ (LIV: 391–392). Этимологическое значение **černь* при этом – ‘отрезанный кусок дерева’, что в случае деревянной рукоятки инструмента кажется вполне возможным вариантом.

Хотя праславянский сохранил два древних деривата на *-*nu-* (**synь* и **stanь*), похоже, что **černь* является собственно славянским образованием. Все возможные внешние когнаты (см. Саенко 2023а: 247–249) могут быть подвергнуты критике.

² В словаре глоссируется абстрактно как ‘гурт, сукупнасць’, однако из контекстов становится понятно, что речь идет именно о грибах на одной грибнице.

Так, литовское *kriaūnos* (f. pl.) ‘деревянные или роговые накладки на рукояти складного ножа или бритвы; засохшая корка хлеба’ образовано от *kráuti* ‘обкладывать’ (Smoczyński 2007: 313) и не соотносится с *černь чисто фонетически.

Санскритское *kárṇah* ‘ухо; ручка’ следует сопоставлять в первую очередь с праиранским **karna-* ‘1) глухой, корноухий; с нездоровыми и дефектными ушами; дефектный (об ушах); 2) с телесными недостатками, ущербностью (обычно связанной с обрубленностью, обрезанностью)’ и далее с праслав. **kъrnъ(jь)* ‘обрезанный, изуродованный’ (ЭСИЯ 4: 293–294).

Наконец, вал. *carn* значит не только ‘ручка, рукоять’, но и ‘копыто’ (CSWD: 33) и, соответственно, продолжает пракеельтское **karno-* ‘рог’ из п.-и.-е. **krno-* ‘рог’ (Matasović 2009: 190).

3. *Černь как соматизм

Рассмотрим случаи употребления *černь и производных от него в соматических значениях.

3.1.1. В старославянских текстах фигурирует словосочетание чрѣновынъи (зѣвъ) как перевод греческого μύλη ‘жернов; коренной зуб’ в Пс 57:7. В соответствии с ὁ θεὸς συνέτριψεν τοὺς ὀδόντας αὐτῶν ἐν τῷ στόματι αὐτῶν, τὰς μύλας τῶν λεόντων συνέθλασεν κύριος в Синайской псалтыри (XI в.) мы находим следующее: бѣ съкроушитѣ зѣвы ихъ : въ оустѣхъ ихъ : чрѣновынъи лъвовы съкроушилъ естъ гѣ (71а) (Северьянов 1922: 71).

В дальнейшем это обозначение, по-видимому, начинает выходить из употребления в южнославянском ареале, о чем свидетельствуют искажения в более поздних списках псалтыри. Погодинская псалтырь (XII в., юж.-сл.) еще сохраняет верную форму: бѣ съкроушитѣ зѣвы ихъ въ оустѣхъ ѿ. Чрѣновынъи лъвови съкроушилъ естъ гѣ. Но уже в Болонской псалтыри (XIII в., юж.-сл.) обнаруживается ошибка, свидетельствующая о непонимании термина, Бог сокрушил не «коренные (зубы) у львов», а «коренных львов»: бѣ съкроушитѣ зѣвы ихъ въ оустѣхъ ихъ. Чрѣновынъи лъвы съкроушилъ естъ гѣ (Jagić 1907: 279–280).

Еще больше искажений в хорватской традиции. Псалтырь Лобковица (хорв.-глаг., XV в.): бѣ съкроушитѣ зовѣи ихъ въ оустѣхъ ихъ чрѣновини лавъ съкроушитѣ естъ гѣ. Парижская псалтырь (хорв.-глаг., XV в.): бѣ съкроушитѣ зовѣи ихъ в оустѣхъ ихъ; чрѣновленни лъвъ съкроушитѣ гѣ (Vajs 1916: 70).

На восточнославянской почве текст в некоторых рукописях также подвергся изменениям и порче. Не вполне понятно, как следует

расценивать форму *чрѣновъна* из Толстовской псалтыри (XI–XII вв., РНБ, Ф.п.І.23, л. 97³) – как искажение или же потенциальное отражение формы **чрѣновѣъ* из родного идиома писца (ср. пол. *trzonowu*). В дальнейшем мы наблюдаем замену темного *чрѣновѣвъна* на форму с более знакомым для писца корнем: *члѣновна* (Псалтырь, 2-я треть – 3-я четв. XV в., РГБ, МДА, ф. 173/І № 142, л. 49 об)⁴, *членовна* (Угличская псалтырь, РНБ, F.I.5, 1485 г., л. 125–125 об)⁵, *члѣновна* (Геннадиевская библия, 1499 г.), *члѣновѣна* (сборник *Boz. 86* из Библиотеки Ординации Замоиских, 1500–1501 гг.) (Szulc 2006: 95), *членовна* (Московская псалтырь, Ягеллонская библиотека в Кракове, *Verl. Ms. Slav Qu 6*, 1567 г.) (Szulc 1: 113), *члѣновѣна* (Острожская библия, 1581 г.).

В Толковой псалтыри (с толкованиями блаж. Феодорита и свт. Афанасия) интересующий нас термин поясняется. Причем если в греческом тексте говорится о «внутренних зубах» (*μύλας δὲ καλεῖ τοὺς ἐνδοτέρους ὀδόντας*), то славянский переводчик использует термин, по сей день широко представленный в южно- и восточнославянских языках, – *кѣтъныи зѣвъ* (**kǫtъnъ(jъ) zǫvъ*): *гъ сѣкрѣшитъ зѣвы ѿ въ оустѣхъ ѿ [...] чрѣновна лѣво сѣкрѣши ѣ [...] того дѣла и зѣвы чрѣновна поманюу • чрѣновна нарече кѣтъна зѣвы, или же вѣвичан ѣ тончити пады* (РГБ, ф. 256 № 334, л. 93 об)⁶. К сожалению, в более древней Чудовской толковой псалтыри данный контекст отсутствует.

Второй фрагмент, в котором появляется искомое слово, – книга Иоиля 1:6, где *οἱ ὀδόντες αὐτοῦ ὀδόντες λέοντος, καὶ αἱ μύλαι αὐτοῦ*

3 Электронная версия рукописи: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=5823ACCE-4A21-4279-A9E2-B26CCA09D826> (дата обращения: 01.07.2023).

4 Электронная версия рукописи: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/173-i/f-173i-142> (дата обращения: 01.07.2023).

5 Электронная версия рукописи: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=4D47373D-837D-41A0-9C42-CC051E205AB8> (дата обращения: 01.07.2023). Интересно, что в более ранней Киевской псалтыри, близкой к Угличской в отношении миниатюр, такой правки нет: *чрѣновна* (РНБ, ОЛДП F.6, 1397 г., л. 77 об). Электронная версия рукописи: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=44E98E44-F6A7-43BB-BD45-C56BC603E93D> (дата обращения: 01.07.2023).

6 Электронная версия рукописи: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/256/f-256-334> (дата обращения: 01.07.2023). Данный контекст вошел (без указания страницы и точных данных рукописи) в словарь Срезневского (Срезневский 3: 1539).

σκόμνου было переведено как зжвї его тако и зжви львови • и чрѣновитци его тако и львичицоу (Тырновская Библия, болгарская рукопись, РНБ, F.I.461, 70-е гг. XIV в., л. 185 об)⁷. То же в восточнославянских рукописях – чрѣновитъци (Книги 16 Пророков толковые, РГБ, ф. 304/1 № 90, 1489 г., л. 21)⁸, чрѣновитци (Ветхий Завет, РНБ Сол. 694/802, 1492 г., л. 23)⁹, чрѣновїци (Библия Матфея Десятого, 1507 г., л. 8) (БМД 1: 25), чрѣновитъць (Книги 16 Пророков толковые, РГБ, ф. 304/1 № 89, XVI в., л. 11)¹⁰. В хорватскоглаголическом бревиарии Вида Омишлянина находим будто бы прилагательное – чрѣновити, однако более широкий контекст – зоуѣи его зоуѣи лавови • и чрѣновити его ѣко скоумнови (Австрийская национальная библиотека в Вене, Cod. slav. 3, 1396 г., л. 451)¹¹ – говорит о том, что в протографе также должно было быть чрѣновитъци, поскольку сочетание прилагательного с притяжательным местоимением чрѣновити его аграмматично. Таким образом, выделение особой формы чрѣновитъ и глоссирование его как прилагательного (Gorazd) необоснованно.

Все три ветви церковнославянской традиции говорят о том, что в протографе стояла форма существительного во множественном числе чрѣновитъци.

Третий контекст представляет собой контекст из Книги Притч 30:14, где греческому ἔκγονον κακὸν μαχαίρας τοὺς ὀδόντας ἔχει καὶ τὰς μύλας τομιδα̅ς соответствует славянское чл̅ зло ножл̅ зжвы иматъ и чрѣновныж поущала (Тырновская Библия, РНБ, F.I.461, болгарская рукопись, 70-е гг. XIV в., л. 359). То же в более позднем списке – чрѣновныж поущала (ГИМ, Щукинское собрание № 507, болгарская рукопись, 1475 г., л. 359) (Бояджиев 2019: 48). То же мы находим в самых ранних восточнославянских списках – чреновныа поущала (РНБ, Погод. 78, конец XV в., л. 20), чреновныа поущала (РНБ, Погод.

7 Электронная версия рукописи: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=577670F3-7234-41AE-8F05-3DDE88A2329E> (дата обращения: 01.07.2023).

8 Электронная версия рукописи: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-90> (дата обращения: 01.07.2023).

9 Электронная версия рукописи: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/knigi-vevhogo-zaveta-2> (дата обращения: 01.07.2023).

10 Электронная версия рукописи: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-89> (дата обращения: 01.07.2023).

11 Электронная версия рукописи: <https://digital.onb.ac.at/rep/osd/?131B1AFE> (дата обращения: 01.07.2023).

81, конец XV в., л. 105), *чрѣновныя пѹщала* (Библия Матфея Десятого, 1507 г., л. 134) (БМД 1: 277).

В Геннадиевской Библии на этом месте обнаруживается непере-
веденное латинское *моларивѣсть сѣистъ*, однако на полях дана славян-
ская глосса: *зѣаними зѣбы своими. сирѣч чрѣновными своими*.

В Острожской Библии данный фрагмент подвергся порче, похо-
жей на вышеописанную: *Чѣдо сло мѣчѣ зѣбы свои имать, и членѣвы іако
сѣчиво*.

В вышеприведенном материале можно наблюдать, что греческое
μύλη в значении ‘коренной зуб’ в древнейшем славянском переводе
Библии было относительно последовательно передано однокоренны-
ми дериватами: *чрѣновныгыи* (зѣбѣ), *чрѣновнуюю* (пѹщало) и *чрѣновитьць*.

3.1.2. В древнечешском переводе Псалтыри фигурирует когнат
разобранных выше старославянских слов¹². Перевод фрагмента *Deus
conteret dentes in ore ipsorum, molas leonum confringet Dominus (57:7)*
разнится в зависимости от рукописи.

Таблица 1. Фрагмент 57:7 в древнечешских псалтырях

	датировка рукописи	перевод (по Киасу)	
Виттенбергская Псалтырь	2-я треть XIV в.	1	Boh zetrze zuby gich w uftech gich: <i>kly</i> lwowe <i>zlama</i> hofpodyn (Gebauer 1880: 74)
Дрезденская Библия	1370– 1380-е гг.	1	Buoh zetrze fi zuby gich w uftech gich <i>trzienownyky</i> lwuowe <i>zlama</i> hofpodin (Kvas 4: 210)
Подебрадская Псалтырь	1396 г.	компилят	Buoh zetrffe zuby gych w uftech gych, <i>trffienownyky</i> lwowe <i>zlake</i> hofpodyn (Patera 1899: 47)
Капитулярная Псалтырь	70-е гг. XIV в.	2	Buoh zetrze zuby gich w uftech gich, <i>czrzienownyky</i> lwowe <i>zlama</i> hofpodyn (Rippl 1928: 69)

¹² Здесь мы не учитываем поддельную глоссу *trenouci* ‘molares dentes’
в *Mater verborum* (Патера, Срезневский 1878: 75).

Клементинская Псалтырь	сер. XIV в.	2	Boh zetrfe zubi gich w uftech gich: <i>czeliuſti</i> lwowe <i>zetrfe</i> hofpodyn (Patera 1890: 100)
Кунштатская Библия	2-я четверть XV в.	2	Buoh zetře zuby gich w uftech gich <i>čelifty</i> lwowe <i>zetře</i> hofpo ⁿ (л. 199) ¹³
Литомержицко-Тршебоньская Библия	1409–1414 г.	компилят	Buoh zetrzie zubi gich w uftech gich. <i>Czeliſty</i> lwowe <i>zetrzie</i> hofspodyn (л. 46) ¹⁴
Оломоуцкая Библия	1417 г.	компилят	Bóh zetře zuby jich v ustech jich, <i>čelisti</i> lvové <i>zetře</i> hospodin (Kyas 4: 211)
Чешская глаголическая Библия	1416 г.	компилят	Bh zetrze zubi jix v ustěx jix, a <i>čelisti</i> lvové <i>zlama</i> ġđin (л. 218) ¹⁵
Падержова Библия	1432–1435 гг.	3	Boh zetře zuby gich w uftech gich, <i>czeliſti</i> lwowe <i>zetře</i> hofpodin (л. 203) ¹⁶
Босковицкая Библия	ок. 1415 г.	3	Buoh zetře zuby gich <i>zrnowy</i> lwow <i>zlama</i> hofpodin (л. 245) ¹⁷

Можно выделить несколько переводческих решений. Видимо, древнейшим является перевод *molas* как *kly* ‘клыки’. То же мы находим в библиях первой редакции во фрагменте Иоиль 1:6 (см. ниже).

¹³ Электронная версия рукописи: <https://www.digitalniknihovna.cz/mzk/view/uuid:25da3280-4537-46d0-a823-ddfff847bd4c?page=uuid:f527b217-4083-4e7a-8545-7c768ff7de67> (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁴ Электронная версия рукописи: <https://digi.ceskearchivy.cz/146/95/1285/847/31/0> (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁵ Электронная версия рукописи: https://www.manuscriptorium.com/apps/index.php?direct=record&pid=AIPDIG-NKCR__XVII_A_1___3636BJ9-cs (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁶ Электронная версия рукописи: https://digital.onb.ac.at/RepViewer/viewer.faces?doc=DTL_4540488 (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁷ Электронная версия рукописи: https://kramerius.kr-olomoucky.cz/search/i.jsp?pid=uuid:1ac5684c-78ff-475a-baad-fc4642231436&q=Bible%20boskovicka#manuscript-page_uuid:1b3d0f6b-03a0-407f-83cf-eaec9bb29490 (дата обращения: 01.07.2023).

Второй вариант – интересующее нас *čřěnovníky* / *třěnovníky*. Решение из большинства псалтырей второй редакции – *čelisti* ‘челюсти’, причем в этом переводе *confringet* передано как *zetře*, в отличие от *zlamá* / *zlamе* псалтырей первой редакции. Наконец, в псалтыри Босковицкой библии мы находим дословный перевод латинского *molae* – *žrno*-ву ‘жернова’.

Чешские исследовательницы К. Волекова и Г. Крейзингерова полагают, что *čřěnovníky* / *třěnovníky* можно считать церковнославянизмом, привнесенным во взаимодействие с хорватскими книжниками Эмаусского монастыря. Аргументами служат редкость этого слова, появляющегося только в одном месте, а также начальное *čř-* (Voleková, Kreisingerová 2021: 186).

Фонетический аргумент следует отвергнуть сразу: формы с *čř-*, отражающие стадию до перехода *čř-* > *(s)tř-*, хоть и редки, но встречаются в древнечешских рукописях, например, *czrziewiczie* / *čřěvicě* ‘башмаки’ (Легенда о святом Прокопе; Hradecký rukopis, 24v; 60-е гг. XIV в.) (Gebauer 1963: 523).

Нельзя не отметить, что для хорватских книжников XV в., как уже было сказано выше, слово *чрѣновънѣи* было непонятным, что отражено в искажениях вида *чр'новниѣ* (Псалтырь Лобковица) и *чр'нов'ление* (Парижская псалтирь).

Что касается редкости, то хотя дериват на *-ik* действительно, кажется, является окказионализмом, однокоренные ему прилагательные представлены куда шире. В различных латинско-чешских словариках (*dens*) *molaris* или *maxilaris* переводилось как *stranowny*, *stranowni*¹⁸, *trzenowny* и *třenownij* (SSL).

18 Было бы очень заманчиво видеть в *stranovný zub* конъектуру на месте *střěnovní zub* в свете того, что *stranovný zub* крайне редко встречается в памятниках и, кажется, не известен современным говорам. Кроме того, сама форма прилагательного явно вторична, поскольку обычные дериваты от (**storna* >) *strana* образуются при помощи суффикса **-ьн-*: *postranní* ‘боковой’, *nestranný* ‘беспристрастный’ и т. д. То же мы наблюдаем и в других славянских языках, например, пол. *bezstronny* ‘беспристрастный’, *ustronny* ‘укромный’, рус. *сторонний*, *посторонний*, ст.-сл. *страньнѣ* ‘чужой, иноземный; странный’, болг. *странен* ‘чужой; странный’. Однако *stranovní* известно в чешском и в других контекстах (Jungmann 4: 329), кроме того, есть примеры аналогично устроенных словацких (XVIII в.) *stranový* ‘боковой; чужой’ и (XVI–XVIII вв.) *stranovný* ‘чужой’ (HSSJ 5: 499) и кашубского *stronovi* (наряду с синонимичным *stronni*) ‘боковой, внешний’ (Sychta 5: 182).

В Падержовой библии (3-я редакция древнечешского перевода) *molaris* дважды переведено как *třenowní*.

Таблица 2. Перевод латинского *molaris* в древнечешских библиях

	Вульгата	Дрезден- ская	Оломоуцкая	Падержова
Суд. 15:19	<i>molarem dentem</i>	–	<i>stranovný zub</i>	<i>třenowní zub</i> (86v)
Прит. 30:14	<i>molaribus suis</i>	<i>řirannymy zuby</i>	<i>strannými zuby</i>	<i>stranownimi zuby</i> (224v)
Иоиль 1:6	<i>molares</i>	<i>klowee</i>	<i>klové</i>	<i>třenowní</i> (319v)

Появляется это прилагательное и в более поздних текстах, как переводных, так и оригинальных (LDHBC):

1) *protož máš toho hleděti, filozofe, aby zubuov strzenowních nenechal v kuoži* «поэтому следи за тем, философ, чтобы коренные зубы не оставить в коже» (лат. *genuinos*) (Рукописный сборник переводов Ржегоржа Грубого из Елени, 1513 г., Národní knihovna České republiky XVII D 38, 196b);

2) *přihodilo se mu na jednom noclehu ve spaní, že mu jeden zub střenovní bez bolesti vypadl p. jiný v brzkém čase zas na tom místě vyrostl* «приключилось с ним [императором Карлом IV] на одном ночлеге во сне, что один коренной зуб без боли выпал, а другой в скором времени на этом месте вырос» (Bartoloměj Paprocký z Hlohohol – Diadochos. Praha: u dědice Jana Šumana, 1602 г., с. 148);

3) *potrava zuby předními ukrojená a třenovními užvýkaná* «пища передними зубами режется, а коренными жуется» (Jan Amos Komenský Dvěře jazyků odevřené, 1633 г., 22, 267).

В современном литературном чешском *třenový / třenovní zub* – это премоляр (SSJČ) (моляр обозначается инновативным *stolička*).

В чешских говорах континуанты *čerňowъ сохранились, но нередко подверглись вторичным нефонетическим изменениям – *křenák, křenový zub* ‘коренной зуб’ (Hruška 1907: 45), *střelák* ‘id.’ (Bartoš 1906: 405), *čínovní zuby* ‘коренные зубы’ (Bartoš 1906: 49).

В словацком говоре населенного пункта Сотина (с 1960 г. – район г. Сеница) было записано слово *střeňák* ‘коренной зуб’. Значительно более широко распространены коллокации вида *čerenoví, čereňoví*,

šrianovi, *strenovi*, *trenovi zub* в том же значении (SSN 1: 277). Подтверждающие фиксации обнаруживаются также в материалах ОЛЯ – *črenovi*: (*zup*) (пункт 211), *čereňovi (zup)* (пункт 227), *čerenovi (zup)* (пункт 231–232) (ОЛЯ ФГ 9/54). «Словарь словацкого языка» дает *črenovec* ‘коренной зуб’ и *črenový (zub)* ‘id.’ с пометкой *ľud.* (= «народное») (SSJ 1: 222).

А. Бернолак приводил в своем словаре слово *čren* ‘челюсть’ (Bernolák 1: 315), а «Словарь словацкого языка» дает также диалектное слово *čereň* якобы в значении ‘нижняя челюсть’ (SSJ 1: 198), однако диалектным словарем эти данные не подтверждаются. Весьма возможно, что обе формы были искусственно вычленены лексикографами из прилагательного *črenový / čereňový*.

3.1.3. Словосочетание *czrzonowe ząbi* появляется уже в древнейшем польском маммотректе 1426 г. (Vocabula in s. scriptura rara per ordinem alphabeti). В дальнейшем слово (*ząb*) *trzonowy*, переводящее латинское (*dens*) *molaris*, регулярно фигурирует в древнепольских памятниках (SStp 9: 207–208).

Любопытна народная этимология в польском переводе средневекового трактата «Problemata Aristotelis», выполненном Анджеем Глябером и изданном в 1535 г. (КР XVI): «Czemu przednie zęby są ostre a trzonowe płaskie y zyrokie. Odpo. Iest to dla ich roznej sprawy, bowiem przednie wkęfuią karmiey a trzonowe łamią a iakoby miela, przeto ie połatinie zową Molares od melcia, po polfku trzonowe od trzenia albo fcierania» – «Почему передние зубы острые, а коренные – плоские и широкие? Ответ: причина в их разном назначении, поскольку передние вгрызаются в пищу, а коренные ломают и как бы мелют, поэтому по-латыни они называются *molares*, от размалывания, а по-польски *trzonowe* от трения или растирания».

Словосочетание *ząb trzonowy* является обозначением коренного зуба в современном литературном польском. Очень хорошо в том же значении оно засвидетельствовано в польских и кашубских говорах: *čřonove zęby* (Kucala 1957: 166), *trunowe zymby* (Greń, Krasowska 2008: 227), *řsonovy zop* (Домброва-Подуховна), *zymby řson^u ove* (Комборня), *čřonove zemby* (Серославице, Конечский повят), *čonovy zop* (Ксёнжнице-Вельке), *řřunobe ząby* (Сендовице, Рыцкий повят), *řsonoye zymby* (Челятыце), *střonovi ząbě* (Кентшино) и т. д. (Картотека SGP). В мазовецких говорах *trzonowe zęby* – основное обозначение коренных зубов. Реже встречается однокоренное *trzoniaki*¹⁹, единично также *trzanowe zęby* и *trzony* (AGM 8/385).

19 По-видимому, это следует рассматривать как деривацию с усечением основы, ср. конкурирующие обозначения коренных зубов в мазовецких

В кашубском записаны коллокации *strǒnni / strǒnovi zǒb* ‘коренной зуб’ (Lorentz 2: 392), *třónovǐ zǒb* ‘id’ (Lorentz 3: 624).

3.1.4. Лужицкие языки также хорошо сохраняют интересующий нас корень: в.-луж. *čronowc* ‘коренной зуб’, в.-луж. диал. *črona* (pl.) ‘коренные зубы’, н.-луж. *crjonak* ‘коренной зуб’, н.-луж. диал. *crjenak* ‘id’, *crjonaki, crjona* (pl.) ‘зубы (целиком)’, *crjono* ‘челюсть’ (Schuster-Šewc 3: 127).

3.1.5. Интересующее нас слово известно в украинских говорах. Кажется, впервые оно появляется в рукописном «славяно-латинском» словаре Арсения Корецкого-Сатановского и Епифания Славинецкого, где *зубы червѣвѣи* переведено латинскими *dentes maxillares* (вместо *maxillares*), *molaes, columellares* (Горбач 1968: 78). Оно также присутствует в рукописном и до сих пор не изданном словаре Иосифа Скоморовского (1815–1891), униатского священника, служившего в Великой Берёзовице (современная Тернопольская область). Словарь включает в себя преимущественно материал, относящийся к юго-западному наречию украинского языка. В нем мы находим коллокацию *червѣвнѣй зуб* ‘коренной зуб’ (Skurzevska 2020: 267). Это в точности соответствует гуцульскому *czeriwń'uj zub* (*czeriwń'i zuby z zadu, a drimni z pere-du*) (Janów 2001: 285). Близкие формы есть в поднестровских говорах – *черѣвнѣи зѣби* ‘коренные зубы’ (Верхратський 1912: 302), *čyr'ewnyj zub* ‘коренной зуб’ (AGB 7-2: 23). В иных гуцульских словарях, однако, отмечены дериваты с другим суффиксом – *черінній* ‘коренной (зуб)’ (Піпаш, Галас 2005: 219), *чирідний* ‘id’ (Лесюк 2008: 125).

У лемков записано *черѣвнѣй зуб* ‘коренной зуб’ (Дуда 2011: 151) и *черень* ‘коренной зуб’ (Горошак 1993: 241).

В бойковских говорах дериваты от *čerňь являются основными обозначениями коренных зубов – *čerivne, čerevne, čyryvny, čer'ečni, čerini, čereni, čerany, čyrańi, čerań'i, čerini, čereńni, čer'eńni, čeredni* (*zuby*) (AGB 7-1: 364; AGB 7-2: 23), *čeren'i* (субстантивированное прилагательное) ‘коренные зубы’ (Николаев, Толстая 2001: 68). В посанских говорах известны формы *čerenovy* (*z'uby*), *čeren'y, čerevnyji, čericy-ni, čerivn'ujji, čeryvnyji, čerevnyji, čericynyji* (AUGN 1: 74). Разнобой форм присутствует также в буковинских говорах – *черівній, чериній, чириній, чірівній* (зуб) (СБГ: 640).

Семантический дрейф обнаруживается в случае единичного бойковского *черин'а* ‘десны’ (Онишкевич 2: 367).

же говорах: *kątowe, kątne, kątne > kątniaki* (без усечения) и *kąciaki* (с усечением) (AGM 8/385).

В русских говорах засвидетельствовано слово *чѣрен* ‘коренной зуб’ (Венгерово, Новосибирская обл.), а также выражение *подвезти под чѣрен* ‘ударить в челюсть’ (Сузунский район, Новосибирская обл.) (СРГС 5: 278).

Еще один пример – карельское *цѣрен*, которое в словаре глоссировано как ‘корень зуба’ (СРГК 6: 774). Однако приведенный контекст заставляет сомневаться в точности такого определения – «Ни одного и цѣрена нет во рту». Фраза «Ни одного и корня зуба нет во рту» звучит как бессмыслица, в то время как «Ни одного коренного зуба нет во рту» вполне понятна. Скорее всего, мы имеем дело с вкравшейся в какой-то момент опиской – ‘корень зуба’ вместо ‘коренной зуб’.

3.2. Приведенный материал убедительно показывает, что коллокация **černowъ(jь) zorbъ* является одним из лучших кандидатов на роль праславянского обозначения коренных зубов (второе – **krotъnъ(jь) zorbъ*). Тем удивительнее, что эта коллокация отсутствует в списке праславянской соматической лексики В. Борыся (Boryś 2020).

Приписывание **černъ* также значения ‘челюсть’ (SP 2: 156; Аникин 1995: 79; Králik 2015: 107) или ‘нижняя челюсть’ (Lehr-Splawinski 1946: 46) выглядит совершенно неправомерным, сравнительно надежно это значение засвидетельствовано только в нижнелужицком, и то маргинально.

В свете этого совершенно неубедительно выглядят схемы семантических дрейфов, предложенные Х. Шустер-Шевцем и В. Борысем: ‘кость с острыми краями’ > ‘челюсть’ > ‘коренной зуб’ (‘scharfkantiger Knochen’ > ‘Kinnbacken’ > ‘Backenzahn’) (Schuster-Šewc 3: 127), ‘то, что служит для перемалывания, растирания’ > ‘челюсть’, вторично ‘коренной зуб’ (‘to, co służy do mielenia, rozcierania’ > ‘szczęka’, wtórnie ‘zab trzonowy’) (Boryś 2005: 651).

Нельзя не обратить внимания также на то, что чаще всего коренной зуб обозначает не существительное, а коллокация, продолжающая **černowъ(jь) zorbъ*. В чешском, кашубском и украинском материале представлены также дериваты с суффиксом **-ьн-* (см. выше), однако не вполне понятно, насколько древними они являются, но похожий параллелизм можно найти и у других **-u-*основ: **ledowъ(jь)* (ЭССЯ 14: 89–90] и **ledьnъ(jь)* (Там же: 94–95), **medowъ(jь)* (ЭССЯ 18: 58–59) и **medьnъ(jь)* (Там же: 73), **wъrchowъ(jь)* и **wъrxъhъ(jь)*. В отдельных случаях, когда мы имеем дело с существительным, а не прилагательным, весьма вероятным объяснением является вторичная бессуфиксальная универбация²⁰.

20 Ср. поздние русские примеры, в случае которых мы точно знаем направление и детали образования: *декретный отпуск* > *декрет*, *плацкартный вагон* > *плацкарт*.

3.3. Говоря об этимологии интересующего нас слова, следует сперва упомянуть о двух версиях о заимствованном его характере. Автором первой был А. Мейе, который считал славянское слово заимствованием из готского *qairnus*, засвидетельствованного как второй элемент сложения *asiluqairnus* ‘мельница, приводимая в движение ослом’ (Meillet 2: 267). Впоследствии Т. Лер-Сплавиньский выдвинул версию о заимствованности из пракельтского *kernā, давшего упоминавшиеся ранее валл. *cern* ‘челюсть’ и ирл. *cern* ‘угол’ (Lehr-Spławiński 1946: 46). При наличии убедительной славянской этимологии (см. ниже) обе версии просто избыточны.

Как уже было сказано, Цупица считал эти же кельтские лексемы, валл. *cern* (f.) ‘челюсть’, брет. *kern* (f.) ‘воронка; темя; тонзура’ и ирл. *cern* (f.) ‘угол’, когнатами славянского слова. Однако современная кельтология смотрит на них иначе – как на родственные праиндоевропейскому названию рога (Matasović 2009: 203), что автоматически делает сопоставление с праславянским *čerň невозможным.

Предложенное К. Бугой сравнение с лтш. *ceruōkslis* ‘клык’ (Буга 1912: 234) весьма сомнительно в силу того, что латышское *čeruoklis / čeruokslis / dzeruoklis / dzeruokslis / dzeruoksnis* ‘коренной зуб’²¹ сравнивается в первую очередь с литовским *geruokštas*, диал. *geránkštis* ‘коренной зуб’ (Mühlenbachs 1: 376, 547).

Еще одно сопоставление Буги с санскр. *cārvati* ‘жуёт’ (Буга 1912: 234) также маловероятно на фонетических основаниях.

Все славянские потенциальные когнаты также проблематичны в фонетическом отношении. Это указанное выше *skornь ‘висок’, предложенное Матценауэром, *dernь (Holub, Korečný 1952: 393), *kory ‘корень’ (в реконструкции Трубачева *korę) (ЭССЯ 4: 69), словн. *kŕnes* ‘виноградный нож’ (Bezlaž 1: 87), рус. *корнать* (КрЭС: 491).

На наш взгляд, ключевым для этимологии в данном случае является то, что для праславянского уверенно можно восстановить коллокацию *černowь(jь) zqьbь, а вот существительное *čerň в соматическом значении – вряд ли. В таком случае вряд ли осмысленно было бы разделять *-и-основное *čerň ‘рукоятка’ и *černowь ‘коренной’.

Й. Голуб и Ф. Копечный, придерживавшиеся мнения об этимологическом единстве этих двух слов, предложили семантическую

21 Отметим, что Буга и Мюленбах дают разную семантику этого слова.

параллель в виде русской коллокации *коренной зуб*, полагая, что дело в сходстве формы (Holub, Кореѣнŭ 1952: 393). О. Н. Трубачев поддержал эту идею и писал следующее: «Значения ‘коренной зуб, челюсть, десны’, конечно, вторично развились из ‘корень, ножка, стебель’, и их необходимо рассматривать только в комплексе» (ЭССЯ 4: 70).

Действительно, обозначения моляра как ‘зуба с корнями’ вполне можно себе представить, более того, мы располагаем хорошей параллелью в виде русского ярославского *корневатый* ‘имеющий толстый корень или много корней (о дереве)’ и *корневатик, корноватник* ‘коренной зуб’ (ЯОС 5: 67).

В то же время «растительные» значения вроде ‘черенок растения’ или ‘ножка гриба’ представлены в славянском материале уже, чем собственно ‘коренной зуб’, в частности, их, кажется, совсем нет в южнославянских языках. Более того, для моляров характерно наличие нескольких корней, так что вряд ли можно постулировать дрейф ‘ножка гриба’ > ‘коренной зуб’, а ведь в западнославянских языках из «растительных» значений мы находим именно ‘ножка гриба’. Наконец, русское слово *коренной* значит не ‘имеющий много корней’, но ‘основной, главный, важный’ (например, выражения *коренной перелом, коренной вопрос*), что видно не только в современном литературном русском, но и в письменных памятниках (СлРЯ XI–XVII 7: 308–309), а также в говорах (СРНГ 14: 318–320).

Мы полагаем, что этимологическим значением **černowъ* (*ǰь*) *zǝbъ* также было ‘основной зуб’, в пользу чего свидетельствует не только польское *trzon* ‘основная часть чего-либо’, но и сами дрейфы ‘рукоятка’ > ‘ножка гриба’ или ‘рукоятка’ > ‘черенок растения’, где **černъ* понимается как основа растения или гриба.

Определенную параллель для такой номинации моляров можно найти не только в русском *коренной зуб*, но и в удмуртском *йырпиль* ‘коренной зуб’ (УРС: 168) при *пиль* ‘зуб’ и *йыр* ‘голова’²², в сложениях также может выступать как ‘главный’, ср. *йырмурт* ‘атаман, главарь’ (*мурт* – ‘человек’). То же в коми, ближайшем родственнике удмуртского: *юрпиль* ‘коренной зуб’, ср. *юрбурлак* ‘верховод, первый парень’ (*бурлак* – ‘парень’) (Лыткин, Гуляев 1970: 335).

22 Интересно, что это слово может быть родственно финскому *juuri* ‘корень’, но К. Редей ставил под сомнение эту этимологию (Rédei 1988: 639), кроме того, вряд ли прозрачные пермские сложения могут сохранять некое более древнее значение.

4. Паронимическая аттракция

Нельзя не упомянуть о ряде случаев паронимической аттракции, при которых континуанты *černь смешивались с потомками *čelnь. В первую очередь это члѣновныа вместо чрѣновныа в восточнославянских псалтырях (см. пункт 3.1.1 выше). Однако книжностью такое смешение не ограничено. Так, в македонских говорах записаны формы чклен и член ‘ручка ножа’ (Шклифов 1977: 325). В материалах ОЛА находим прилагательное členovi: вместо *črenovi: (пункт 155) (ОЛА ФГ 9/54).

В чешских говорах смешиваются слова *střenka* и *střemcha*, причем в обе стороны: как (s)třencha, skřemcha, třemcha, střemcho, třencho, křemcho обозначают ручку ножа, так и *střenka* известно в роли названия черемухи (Šimečková 2021: 59).

Эти примеры достаточно показательны в том смысле, что могут объяснять многочисленные случаи вторичного смешения континуантов *černь и *čerěнь / *čerěнь / *čerenь / *čerenь, как, например, в случае польского материала, см. (Саенко 2023а: 252).

5. Выводы

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать ряд важных выводов.

1. Основным значением *černь в праславянском было, без сомнения, ‘рукоятка (инструмента)’. Потомки этого слова развили также ряд вторичных значений, в том числе ‘ножка гриба’, ‘узкая часть листа (ножка, стебелек), соединяющая его с растением’, ‘отрезок корня, стебля или листа растения, используемый для вегетативного размножения’ и т. д.

2. В этимологическом отношении *černь, скорее всего, является дериватом от *čer- < п.-и.-е. *k^wer- ‘отрезать, вырезать’. Этимологическое значение – ‘отрезанный кусок дерева’.

3. Мы полагаем, что нет оснований реконструировать существительное *černь как праславянский соматизм. Совокупность доступного материала указывает на то, что следует восстанавливать collocaцию *černowъ(jь) zqьbъ, которая обозначала коренной зуб. В этимологическом отношении *černowъ образовано от *černь ‘рукоятка (инструмента)’, а этимологическим значением *černowъ(jь) zqьbъ было ‘основной зуб’.

Источники и литература

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь: Пермский государственный университет, 1984–2011. Вып. 1–6.

Аникин А. Е. К изучению балто-славянских лексических связей // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М.: Индрик, 1995. С. 54–90.

Аркушин Г. Словник західнополіських говірок. Луцьк: Вежа, 2000. Т. 1–2.

БМД – Библия Матфея Десятого 1507 года. Из собрания Библиотеки Российской академии наук: в 2 т. Т. 1: Факсимильное воспроизведение рукописи БАН, собр. И. И. Срезневского, II. 75 (24.4.28). Т. 2: Исследования и материалы / отв. ред. А. А. Алексеев. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2020.

Бояджиев А. За средновековния јужнославјански текст на Притчи Соломонови. Издание на преписа от ръкопис Щукин 507 // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 2019. Т. 104. С. 5–58.

Буга К. Славяно-балтийские этимологии // Русский филологический вестник. 1912. Т. 67, № 1–2. С. 232–250.

Верхратський І. Говір батюків. У Львові: Накладом Наукового Товариства ім. Шевченка, 1912. 308 с.

ВС – Вершининский словарь / гл. ред. О. И. Блинова. Томск: Издательство Томского университета, 1998–2002. Т. 1–7.

Горбач О. Перший рукописний українсько-латинський словник Арсенія Корецького-Сатановського та Єпіфанія Славинецького. Рим: Український Католицький Університет ім. св. Климента папи, 1968. 335 с.

Горощак Я. Перший лемківсько-польській словник. Легніца: Стіваришня Лемків, 1993. 256 с.

Динић Ј. Тимочки дијалекатски речник. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2008. 921 с.

Дуда І. Лемківський словник. Тернопіль: Астон, 2011. 371 с.

Зайка А. Ф. Дыялектны слоўнік Косаўшчыны. Слонім: Слоні́мская друкарня, 2011. 272 с.

Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. М.: Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской, 1969. 598 с.

Картотека SGP – Картотека Słownika gwar polskich. Хранится в Научном архиве ПАН и ПАЗ в Кракове (Archiwum Nauki PAN i PAU).

КрЭС – *Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1975. 543 с.

Кучук І. М., Малюк А. К. Палескі слоўнік. Лельчыцкі раён. Мазыр: Мазырскі дзяржаўны педагагічны інстытут, 2000. 156 с.

Лесюк М. Мовний світ сучасного галицького села (Ковалівка Коломийського району). Івано-Франківськ: Нова Зоря, 2008. 328 с.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.

Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002–2003. Т. 1–4.

МСММГ – Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак / пад рэд. М. А. Жыдовіч. Мінск: Выдавецтва БДУ імя У. І. Леніна, 1977. 144 с.

Николаев С. Л., Толстая М. Н. Словарь карпатоукраинского торуньского говора. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. 232 с.

ОДРМЈ – Официјален дигитален речник на македонскиот јазик. URL: <https://makedonski.gov.mk> (дата обращения: 01.07.2023).

ОЈА ФГ – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Београд; Москва; Wrocław; Warszawa; Kraków; Zagreb; Скопје; Мінск; Praha; Bratislava; Санкт-Петербург, 1988–2020. Вып. 1–9.

Онишкевич М. Й. Словник бойківських говірок. Київ: Наукова думка, 1984. Т. 1–2.

Патера А., Срезневский И. И. Чешские глоссы в Mater verborum. СПб.: Тип. Имп. АН, 1878. 152 с.

Пінаш Ю. О., Галас Б. К. Матеріали до словника гуцульських говірок (Косівська Поляна і Росішка Рахівського району Закарпатської області). Ужгород: Ужгородський національний університет, 2005. 266 с.

РБЕ – Речник на българския език. URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/> (дата обращения: 01.07.2023).

Саенко М. Н. Праслав. *čerěть и *čerъ. I. Свод печи // Славянский альманах. 2023а. № 3–4. С. 246–268. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.12.

Саенко М. Н. Праславянское *čelъ: семантика и этимология // Slověne. 2023б. Т. 12, №1. С. 121–154. DOI: 10.31168/2305-6754.2023.1.04.

СБГ – Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуйванюк. Чернівці: Рута, 2005. 688 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред Т. Г. Паникаровской. Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т; Русь, 1983–2007. Вып. 1–12.

Северьянов С. Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века. Пг.: Отделение русского языка и словесности Российской академии наук, 1922. 214 с.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.; СПб.: Наука, Нестор-История, 1975–2019. Вып. 1–31.

СОС – Смоленский областной словарь / под ред. А. И. Ивановой, Л. З. Бояриновой. Смоленск: Смолен. пед. ин-т, 1974–2005. Вып. 1–11.

СПГ – Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2000, 2002. Вып. 1–2.

СПЗБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986. Т. 1–5.

СРГБ – Словарь русских говоров Башкирии / под ред. З. П. Здобновой. Уфа: Гилем, 2008. 406 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005. Т. 1–6.

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры / под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003, 2005. Т. 1–2.

СРГС – Словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1999–2006. Т. 1–5.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1964–1988. Т. 1–7.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Тип. Имп. АН, 1893–1912. Т. 1–3.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

Стојановић Р. Црнотравски речник. Београд: Чигоја штампа, 2010. 1060 с.

СУГО – Словник українських говорів Одещини / гол. ред. О. І. Бондар. Одеса: Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова, 2010. 222 с.

Сцяцко П. У. Слоўнік народнай мовы Зэльвеншчыны. Гродна: ГрДУ, 2005. 145 с.

Сцяшковіч Т. Ф. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск: Навука і тэхніка, 1972. 620 с.

ТС – Тураўскі слоўнік / пад. рэд. А. А. Крывіцкага. Мінск: Навука і тэхніка, 1982–1987. Т. 1–5.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. К. К. Атраховіча. Мінск: Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі, 1977–1984. Т. 1–5.

Турчин Є. Д. Словник села Тилич на Лемківщині. Львів: Українська академія друкарства, 2011. 384 с.

УРС – Удмуртско-русский словарь / под ред. В. М. Вахрушева. М.: Русский язык, 1983. 592 с.

Хонселаар З. Говор деревни Островцы Псковской области. Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 2001. 440 p.

Шаталава Л. Ф. Беларускія дыялектныя слова. Мінск: Навука і тэхніка, 1975. 208 с.

Шклифов Б. Речник на костурския говор // Българска диалектология. Проучвания и материали. София, 1977. Т. 8. С. 201–328.

Шнакоўскі І. С. 3 лексікі паўднёвай Піншчыны // Народная лексіка / пад рэд. А. А. Крывіцкага, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск: Навука і тэхніка, 1977. С. 104–119.

ЭСИЯ – Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М.: Восточная литература, 2000–2020. Т. 1–6.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубочева (вып. 1–32), А. Ф. Журавлева (вып. 31–40), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

ЯОС – Ярославский областной словарь / отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ин-т, 1981–1991. Вып. 1–10.

AGB – Atlas gwar bojkowskich / pod kierunkiem J. Riegera. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1980–1991. Т. 1–7.

AGM – Atlas gwar mazowieckich / red. naukowy W. Doroszewski. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1971–1987. Т. 1–8.

AUGN – Rieger J. Atlas ukraińskich gwar nadszańskich. Warszawa: Zakład Graficzny UW, 2017. Т. 1–2.

Bartoš F. Dialektický slovník moravský. V Praze: Nákladem České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1906. 566 s.

Bernolák A. Slowár Slowenský Češko-Laťínsko-Ňemecko-Uherský seu Lexicon Slavicum Bohemico-Latino-Germanico-Ungaricum. Budae: Typogr. Reg. Univers. Hungaricae, 1825. Т. 1–5.

Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1977–2005. Knj. 1–5.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. 863 s.

Boryś W. Warstwy chronologiczne leksyki prasłowiańskiej na przykładzie słownictwa anatomicznego // Rocznik Sławistyczny. 2020. Т. 67. S. 3–28.

CSWD – The Collins Spurrell Welsh Dictionary / A. Convery (ed.). Glasgow: Harper Collins Publishers, 1998. 372 p.

Gebauer J. Žaltář Wittenberský. V Praze: Nákladem Matice české, 1880. 274 s.

Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého. Díl I: Hlásokslaví. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1963. 765 s.

Gorazd – Gorazd: Digitální portál staroslověnštiny. Elektronický slovník jazyka staroslověnského. URL: <http://gorazd.org/gulliver/> (дата обращения: 01.07.2023).

Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I. Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1980. 406 s.

Greń Z., Krasowska H. Słownik górali polskich na Bukowinie. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2008. 260 s.

Holub J., Kopečný F. Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Státní nakladatelství učebnic v Praze, 1952. 576 s.

Hruška J. Dialektický slovník chodský. V Praze: Nákladem České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1907. 127 s.

HSSJ – Historický slovník slovenského jazyka / red. M. Majtán et al. Bratislava: Veda, 1991–2008. D. 1–7.

Jagić V. (ed.) Psalterium Bononiense. Vindobonae, Berolini, Petropoli: Gerold & Soc., apud Weidmannos, C. Ricker, 1907. 968 p.

Janów J. Słownik huculski. Kraków: Wydawnictwo Naukowe DWN, 2001. 295 s.

Jungmann J. Slovník česko-německý. Praha: Academia, 1989–1990. D. 1–5.

КР XVI – Korpus polszczyzny XVI wieku. URL: <https://spxvi.edu.pl/korpus/> (дата обращения: 01.07.2023).

Králik L. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: Veda, 2015. 704 s.

Kucala M. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1957. 408 s.

Кyas V. Staročeská bible Drážďanská a Olomoucká. Praha: Academia, 1981–2009. D. 1–5.

LDHBČ – *Nejedlý P. et al.* Lexikální databáze humanistické a barokní češtiny. URL: madla.ujc.cas.cz (дата обращения: 01.07.2023).

Lehr-Splawiński T. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań: Wydawnictwo Instytutu Zachodniego, 1946. 237 s.

LIV – Lexikon der indogermanischen Verben / unter Leitung von H. Rix. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001. 823 S.

Lorentz F. Pomoranisches Wörterbuch. Berlin: Akademie-Verlag, 1958–1983. Bd. 1–5.

Maresić J., Miholek V. Opis i rječnik đurđevčkoga govora. Đurđevac: Gradska knjižnica, 2011. 890 s.

Matasović R. Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden; Boston: Brill, 2009. 458 p.

Meillet A. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris: Bouillon, 1902, 1905. Parties 1–2.

Mühlenbachs K. Lettisch-deutsches Wörterbuch. Riga: Lettisches Bildungsministerium, 1923–1932. Bd. 1–4.

Patera A. Žaltář Klementinský. V Praze: Nákladem Matice české, 1890. 360 s.

Patera A. Žaltář Poděbradský. V Praze: Nákladem České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1899. 218 s.

Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. Ljubljana: Knezoškofijstvo, 1894, 1895. D. 1–2.

Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Budapest: Akadémia Kiadó, 1988. 905 S.

RHiSJ 1–23 – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / obr. Đ. Daničić et al. U Zagrebu: U knjižarnici Lavoslava Hartmana, 1880–1976. Knj. 1–23.

Rippl E. Der altschechische Kapitelsalter. Praha: Taussig & Taussig, 1928. 248 S.

Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen: Domowina-Verlag, 1978–1989. H. 1–24.

SJP – Słownik języka polskiego PWN. URL: <https://sjp.pwn.pl> (дата обращения: 01.07.2023).

Skurzevska A. Матеріялы до руского словаря – rękopiśmienny dziewiętnastowieczny słownik ukraińsko-polski Josyfa Skomorowskiego // *Linguistica Copernicana*. 2020. Nr 17. S. 259–270.

Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wilno: Uniwersytet Wileński, 2007. 798 s.

SP – Słownik prasłowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1974–2001. T. 1–8.

SSJ – Slovník slovenského jazyka. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1959–1968. D. 1–6.

SSJČ – Slovník spisovného jazyka českého. URL: <https://ssjc.ujc.cas.cz> (дата обращения: 01.07.2023).

SSL – Slovník středověké latiny v českých zemích: elektronická verze 2.0. URL: <http://lb.ics.cas.cz/> (дата обращения: 01.07.2023).

SSN – Slovník slovenských nářečí / ved. red. I. Ripka. Bratislava: Veda, 1994–2021. Zv. 1–3.

SStp – Słownik staropolski / red. nac. S. Urbańczyk. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1953–2002. T. 1–11.

Sychta B. Słownik gwar kaszubskich. Wrocław; Kraków; Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1967–1976. T. 1–7.

Szulc 1–2 – *Szulc A.* Leksykalne i słowotwórcze zróżnicowanie cerkiewnosłowiańskich psalterzy redakcji ruskiej z XI–XIX wieku. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2000, 2001. Cz. 1–2.

Szulc A. Psalterz warszawskiego zbornika Boz. 86 wobec cerkiewnosłowiańskiej tradycji rękopiśmiennej. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2006. 249 s.

Šatović F., Kalinski I. Rječnik hrvatskoga kajkavskoga prigorskoga govora zagrebečkoga Čerja. Zagreb: Tiskara Zelina d.d., 2012. 628 s.

Šimečková M. Co se nedostalo do Českého jazykového atlasu: nářeční pojmenování střenky // Naše řeč. 2021. Č. 1. S. 52–63.

Vajs 1916 – Psalterivm palaeoslovenicvm croatico-glagoliticvm / ed. J. Vajs. Pragae: Politika, 1916. 206 + 88 p.

Voleková K., Kreisingerová H. Palaeoslovenisms in the second translation of the Old Czech Psalter // Studia etymologica Brunensia 25. Praha: NLN, 2021. S. 179–191.

References

Anikin, A. E. “K izucheniiu balto-slavianskikh leksicheskikh sviazei.” *Etnoazykovaia i etnokul'turnaia istoriia Vostochnoi Evropy*. Moscow: Indrik, 1995, pp. 54–90.

Arkushyn, H. *Slovník zakhidnopolis'kykh hovirok*. Luts'k: Vezha, 2000. Vols. 1–2.

Atlas gwar bojkowskich, pod kierunkiem J. Riegera. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1980–1991. Vols. 1–7.

Atlas gwar mazowieckich, red. naukowy W. Doroszewski. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1971–1987. Vols. 1–8.

Bartoš, F. *Dialektický slovník moravský*. V Praze: Nákladem České akademie císaře Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1906, 566 p.

Bernolák, A. *Slowár Slowenski Česko-Lat'insko-Ňemecko-Uherski seu Lexicon Slavicum Bohemico-Latino-Germanico-Ungaricum*. Budae: Typogr. Reg. Univers. Hungaricae, 1825. Vols. 1–5.

Bezljaj, F. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1977–2005. Books 1–5.

Bibliia Matfeia Desiatogo 1507 goda. Iz sobraniia Biblioteki Rossiiskoi akademii nauk. Vol. 1: Faksimil'noe vosproizvedenie rukopisi BAN, sobr. I. I. Sreznevskogo, II. 75 (24.4.28). Vol. 2: Issledovaniia i materialy, ed. by A. A. Alekseev. St Petersburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, 2020.

Boiadzhiev, A. “Za srednovekovniia iuzhnoslavianski tekst na Pritchi Solomonovi. Izdanie na prepisa ot rukopis Shtukin 507.” *Godishnik na Sofiiskiiia universitet “Sv. Kliment Ohridski”*. Sofia: Univ. izd-vo «Sv. Kliment Ohridski», 2019, Vol. 104, pp. 5–58.

Boryś, W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005, 863 p.

Boryś, W. "Warstwy chronologiczne leksyki prasłowiańskiej na przykładzie słownictwa anatomicznego." *Rocznik Slawistyczny*, 2020, vol. 67, pp. 3–28.

Būga, K. "Slaviano-baltiiskie etimologii." *Russkii filologicheskii vestnik*, 1912, vol. 67, iss. 1–2, pp. 232–250.

Dinić, J. *Timočki dijalekatski rečnik*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU, 2008, 921 p.

Duda, I. *Lemkivs'kyi slovnyk*. Ternopil': Aston, 2011, 371 p.

Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheskii fond, ed. by O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot. Moscow: Nauka, 1974–. Vols. 1–.

Gebauer, J. *Historická mluvnice jazyka českého. Díl I: Hláskosloví*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1963, 765 p.

Gorazd: *Digitalní portál staroslověštiny. Elektronický slovník jazyka staroslověšského*. URL: <http://gorazd.org/gulliver/> (accessed: 01.07.2023).

Grek-Pabisowa, I., Maryniakowa, I. *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1980, 406 p.

Greń, Z., Krasowska, H. *Słownik górali polskich na Bukowinie*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2008, 260 p.

Historický slovník slovenského jazyka, ed. by M. Majtán et al. Bratislava: Veda, 1991–2008. Vols. 1–7.

Holub, J., Kopečný, F. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Státní nakladatelství učebnic v Praze, 1952, 576 p.

Honselaar, Z. *Govor derevni Ostrovtsy Pskovskoi oblasti*. Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 2001. 440 p.

Horbach, O. *Pershyi rukopysnyi ukrains'ko-latyns'kyi slovnyk Arseniia Korets'koho-Satanovs'koho ta Iepifaniia Slavynets'koho*. Rome: Ukrains'kyi Kato-lyts'kyi Universytet im. sv. Klymentiiia papy, 1968, 335 p.

Horoshchak, Ia. *Pershyi lemktivsko-pol'skiï slovnyk*. Legnica: Stovaryshynia Lemkiv, 1993, 256 p.

Iaroslavskii oblastnoi slovar', ed. by G. G. Mel'nichenko. Iaroslav': Iaroslav. gos. ped. in-t, 1981–1991. Vols. 1–10.

Ivanova, A. F. *Slovar' govorov Podmoskov'ia*. Moscow: Mosk. obl. ped. in-t im. N. K. Krupskoi, 1969, 598 p.

Janów, J. *Słownik huculski*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe DWN, 2001, 295 p.

Jungmann, J. *Slovník česko-německý*. Praha: Academia, 1989–1990. Vols. 1–5. *Kartoteka Słownika gwar polskich*. Archiwum Nauki PAN i PAU.

Korpus polszczyzny XVI wieku. URL: <https://spxvi.edu.pl/korpus/> (accessed: 01.07.2023).

- Králik, E. *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava: Veda, 2015, 704 p.
- Kucała, M. *Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1957, 408 p.
- Kuchuk, I. M., Maliuk, A. K. *Paleski sloŭnik. Leŭchytski rajen*. Mazyr: Mazyrski dziazhaŭny pedahahichny instrytut, 2000, 156 p.
- Kyas, V. *Staročeská bible Drážďanská a Olomoucká*. Praha: Academia, 1981–2009. D. 1–5.
- Lehr-Splawiński, T. *O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian*. Poznań: Wydawnictwo Instytutu Zachodniego, 1946, 237 p.
- Lesiuk, M. *Movnyĭ svit suchasnoho halyts'koho sela (Kovalivka Kolomyjs'koho raionu)*. Ivano-Frankivs'k: Nova Zoria, 2008, 328 p.
- Lexikon der indogermanischen Verben*, ed. by Leitung von H. Rix. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001, 823 p.
- Lorentz, F. *Pomoranisches Wörterbuch*. Berlin: Akademie-Verlag, 1958–1983. Bd. 1–5.
- Lytkin, V. I., Guliajev, Je. S. *Kratkii etimologičeskii slovar' komi iazyka*. Moscow: Nauka, 1970, 386 p.
- Malecha, N. M. *Slovar' govorov ural'skikh (iaitskikh) kazakov*. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002–2003. Vols. 1–4.
- Maresić, J., Miholek, V. *Opis i rječnik đurđevčkoga govora*. Đurđevac: Gradska knjižnica, 2011, 890 p.
- Matasović, R. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden; Boston: Brill, 2009, 458 p.
- Materyialy dlja sloŭnika minska-maladzechanskikh havorak*, ed. by M. A. Zhydovich. Minsk: Vydavetstva BDU imia U. I. Lenina, 1977, 144 p.
- Meillet, A. *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*. Paris: Bouillon, 1902, 1905. Parties 1–2.
- Mühlenbachs, K. *Lettisch-deutsches Wörterbuch*. Riga: Lettisches Bildungsministerium, 1923–1932. Bd. 1–4.
- Nejedlý, P. et al. *Lexikální databáze humanistické a barokní češtiny*. URL: madla.ujc.cas.cz (accessed: 01.07.2023).
- Nikolaev, S. L., Tolstaia, M. N. *Slovar' karpatoukrainskogo torun'skogo govora*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2001, 232 p.
- Oficijalen digitalen rečnik na makedonskiot jazik*. URL: https://makedonski.gov.mk (accessed: 01.07.2023).
- Obshchieslavianskii lingvističeskii atlas. Serii fonetiko-grammaticheskaia*. Beograd; Moscow; Wrocław; Warszawa; Kraków; Zagreb; Skopje; Minsk; Praha; Bratislava; St Petersburg, 1988–2020. Vols. 1–9.
- Onyshkevych, M. Ī. *Slovyk boŭkivs'kykh hovirok*. Kyiv: Naukova dumka, 1984. Vols. 1–2.

Pipash, Iu. O., Halas, B. K. *Materialy do slovnyka hutsul's'kykh hovirok (Kosivs'ka Poliana i Rosishka Rakhivs'koho raionu Zakarpats'koï oblasti)*. Uzhhorod: Uzhhorods'kyi natsional'nyi universytet, 2005, 266 p.

Rastorgueva, V. S., Edel'man, D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh iazykov*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2000–2020. Vols. 1–6.

Rechnik na bŭlgarskiiia ezik. URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/> (accessed: 01.07.2023).

Rédei, K. *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1. Budapest: Akadémia Kiadó, 1988, 905 p.

Rieger, J. *Atlas ukraińskich gwar nadsańskich*. Warszawa: Zakład Graficzny UW, 2017. Vols. 1–2.

Rippl, E. *Der altschechische Kapitelsalter*. Praha: Taussig & Taussig, 1928, 248 p.

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, ed. by Đ. Daničić et al. U Zagrebu: U knjižarnici Lavoslava Hartmana, 1880–1976. Books 1–23.

Saenko, M. N. “Praslav. *čerěнь i *černь. I. Svod pechi.” *Slavianskii al'manakh*, 2023, No 3–4, pp. 246–268.

Saenko, M. N. “Praslavianskoe *čelнь: semantika i etimologiiia.” *Slověne*, 2023, vol. 12, iss. 1, pp. 121–154.

Schuster-Šewc, H. *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und nidorsorbischen Sprache*. Bautzen: Domowina-Verlag, 1978–1989. Vols. 1–24.

Sever'ianov, S. *Sinajskaia psaltyr'. Glagolicheskii pamiatnik XI veka*. Petrograd: Otdelenie russkogo iazyka i slovesnosti Rossiiskoi akademii nauk, 1922, 214 p.

Shanskii, N. M., Ivanov, V. V., Shanskaia, T. V. *Kratkii etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*. Moscow: Prosveshchenie, 1975, 543 p.

Shatalava, L. F. *Belaruskaje dyialektņaje slova*. Minsk: Navuka i tēkhnika, 1975, 208 p.

Shklifov, B. “Rechnik na kosturskiiia govor.” *Bŭlgarska dialektologiiia. Prouchvaniia i materialy*, Sofiia, 1977, Vol. 8, pp. 201–328.

Shpakoŭski, I. S. “Z leksiki paŭdniovaï Pinshchyny.” *Narodnaia leksika*, ed. by A. A. Kryvitski, Iu. F. Matskevich. Minsk: Navuka i tēkhnika, 1977, pp. 104–119.

Skurzevska, A. “Materijaly do ruskogo słowaria – rękopiśmienny dziewiętnastowieczny słownik ukraińsko-polski Josyfa Skomorowskiego.” *Linguistica Copernicana*, 2020, No 17, pp. 259–270.

Sloŭnik belaruskikh havorak paŭnochna-zakhodniaï Belarusi i iaje pahraničcha. Minsk: Navuka i tēkhnika, 1979–1986. Vols. 1–5.

Slovar' govora d. Akhim Krasnovisherskogo raiona Permskoi oblasti (Akhimskii slovar'), ed. by F. L. Skitov. Perm: Permskii gosudarstvennyi universitet, 1984–2011. Vols. 1–6.

Slovar' permskikh govorov, ed. by A. N. Borisova, K. N. Prokosheva. Perm: Knizhnyi mir, 2000, 2002. Vols. 1–2.

Slovar' russkikh govorov Bashkirii, ed. by Z. P. Zdobnova. Ufa: Gilem, 2008, 406 p.

Slovar' russkikh govorov Nizovoi Pechory, ed. by L. A. Ivashko. St Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2003, 2005. Vols. 1–2.

Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei, ed. by A. S. Gerd. St Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1994–2005. Vols. 1–6.

Slovar' russkikh govorov Sibiri, ed. by A. I. Fedorov. Novosibirsk: Nauka, 1999–2006. Vols. 1–5.

Slovar' russkikh govorov Srednego Urala. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izd-vo, 1964–1988. Vols. 1–7.

Slovar' russkikh narodnykh govorov, ed. by F. P. Filin (vols. 1–22); F. P. Sorokoletov (vols. 23–42); S. A. Myznikov (vols. 43–). Moscow; Leningrad; St Petersburg: Nauka, 1965–. Vols. 1–.

Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. Moscow; St Petersburg: Nauka, Nestor-Istoriia, 1975–2019. Vols. 1–31.

Slovar' vologodskikh govorov, ed. by T. G. Panikarovskaia. Vologda: Vologod. gos. ped. in-t; Rus', 1983–2007. Vols. 1–12.

Slovník slovenského jazyka. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1959–1968. D. 1–6.

Slovník slovenských nářečí, ed. by I. Ripka. Bratislava: Veda, 1994–2021.

Slovník spisovného jazyka českého. URL: <https://sjc.ujc.cas.cz> (accessed: 01.07.2023).

Slovník středověké latiny v českých zemích: elektronická verze 2.0. URL: <http://lb.ics.cas.cz/> (accessed: 01.07.2023).

Slovyk bukovyns'kykh hovirok, ed. by N. V. Huřvaniuk. Chernivtsi: Ruta, 2005, 688 p.

Slovyk ukraïns'kykh hovoriv Odeshchyny, ed. by O. I. Bondar. Odesa: Odes'kyi natsional'nyi universytet im. I. I. Mechnykova, 2010, 222 p.

Słownik języka polskiego PWN. URL: <https://sjp.pwn.pl> (accessed: 01.07.2023).

Słownik prasłowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1974–2001. Vols. 1–8.

Słownik staropolski, ed. by S. Urbańczyk. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1953–2002. Vols. 1–11.

Smoczyński, W. *Słownik etymologiczny języka litewskiego*. Wilno: Uniwersytet Wileński, 2007. 798 p.

Smolenskii oblastnoi slovar', ed. by A. I. Ivanova, L. Z. Boiarinova. Smolensk: Smolen. ped. in-t, 1974–2005. Vols. 1–11.

Stojanović, R. *Crnotravski rečnik*. Beograd: Čigoja štampa, 2010, 1060 p.

Stsiashkovich, T. F. *Materyialy da sloŭnika Hrodzenskaï voblastsi*. Minsk: Navuka i tekhnika, 1972, 620 p.

Stsiatsko, P. U. *Sloŭnik narodnaï moyvy Zěl'vshchyny*. Hrodna: HrDU, 2005, 145 p.

Sychta, B. *Słownik gwar kaszubskich*. Wrocław; Kraków; Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1967–1976. T. 1–7.

Szulc, A. *Leksykalne i słowotwórcze zróżnicowanie cerkiewnosłowiańskich psalterzy redakcji ruskiej z XI–XIX wieku*. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2000, 2001. Cz. 1–2.

Szulc, A. *Psalterz warszawskiego zbiornika Boz. 86 wobec cerkiewnosłowiańskiej tradycji rękopiśmiennej*. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2006, 249 p.

Šatović, F., Kalinski, I. *Rječnik hrvatskoga kajkavskoga prigorskoga govora zagrebečkoga Čerja*. Zagreb: Tiskara Zelina d.d., 2012, 628 p.

Šimečková, M. «Co se nedostalo do Českého jazykového atlasu: nářeční pojmenování střenky» *Naše řeč*, 2021, Č. 1, pp. 52–63.

The Collins Spurrell Welsh Dictionary, ed. by A. Convery. Glasgow: Harper Collins Publishers, 1998, 372 p.

Tlumachal'ny sloŭnik belarускаï moyvy, ed. by K. K. Atrakhovich. Minsk: Haloŭnaia redaktsyia Belarускаï Savetskaï Entsyklapedyi, 1977–1984. Vols. 1–5.

Turaŭski sloŭnik, ed. by A. A. Kryvitski. Minsk: Navuka i tekhnika, 1982–1987. Vols. 1–5.

Turchyn, Ie. D. *Slovyk sela Tylych na Lemkivshchyni*. Lviv: Ukraïns'ka akademiia drukarstva, 2011, 384 p.

Udmurtsko-russkii slovar', ed. by V. M. Vakhrushev. Moscow: Russkii iazyk, 1983, 592 p.

Vershininskii slovar', ed. by O. I. Blinova. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1998–2002. Vols. 1–7.

Voleková, K., Kreisingerová, H. “Palaeoslovenisms in the second translation of the Old Czech Psalter.” *Studia etymologica Brunensia* 25, Praha: NLN, 2021, pp. 179–191.

Zaiĭka, A. F. *Dyialektny sloŭnik Kosaŭshchyny*. Slonim: Slonimskaia drukarnia, 2011, 272 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.08

M. N. Saenko

Proto-Slavic *černъ and *čerěнь. II. Handle and molar

Mikhail N. Saenko

Candidate of Letters, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: michail.sajenko@yandex.ru

ORCID 0000-0002-5829-7527

Citation

Saenko M. N. Proto-Slavic *černъ and *čerěнь. II. Handle and molar // Slavic Almanac. 2024. No 1–2. P. 154–184 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.08

Received: 07.07.2023.

Revised: 20.07.2023.

Accepted: 12.09.2023.

Abstract

The first part of this article examined a number of hypotheses related to the semantics of the Proto-Slavic word *černъ*. The analysis of the material indicates that for Proto-Slavic, it is important to distinguish between two words: *černъ* and *čerěнь* / *čerěнь* / *čerenъ* / *čerenъ* ‘hearth vault’. The author argues that the word **černъ* denoted a handle (of a tool), while its descendants in individual Slavic languages have developed a range of secondary meanings, including ‘mushroom stem’ and ‘narrow part of a leaf (stalk, petiole) connecting it to the plant’. In terms of etymology **černъ* is most probably a derivative of **čer-* < PIE **k^wer-* ‘cut off, cut out’. The etymological meaning is ‘a piece of wood which was cut from a tree’. There is no basis for reconstructing **černъ* as a Proto-Slavic somatism; however, the available data allow us to reconstruct the collocation **černowъ(jь) zobъ*, which denoted the molar. The adjective **černowъ* is derived from **černъ* ‘handle (of a tool)’, and the etymological meaning of **černowъ(jь) zobъ* is ‘main tooth’. It is possible to draw a partial typological parallel between **černъ* and Russian *коренной зуб*, as well as Udmurt *йырпиль* ‘molar’, Komi *юрпиль* ‘id’ (literally ‘main tooth’).

Keywords

Proto-Slavic language, semantics, somatic vocabulary, etymology.

УДК 811.162.3*271

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.09

А. И. Изотов

«Остравский язык» в нарративе травелога

Изотов Андрей Иванович

Доктор филологических наук, доцент, профессор

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская
Федерация

E-mail: a.i.izotov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6985-7000

Цитирование

Изотов А. И. «Остравский язык» в нарративе травелога // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 185–204. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.09

Статья поступила в редакцию 13.07.2023.

Рецензирование завершено 16.02.2024.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

Статья посвящена славянскому микроязыку, формируемому говорами жителей чешской Силезии и способному вступать на территории региона в отношения, близкие диглоссным, с литературным чешским языком (*spisovná čeština*), тогда как на большей части Чешской республики в подобные отношения с чешским литературным языком вступает идиом *obecná čeština*, обозначаемый в отечественной традиции как «обиходно-разговорный чешский язык». В результате анализа языка современного травелога Л. Ветвички “S Jarkem po sto rokach okolo Rakuska-Uherska” (2019), представляющего пример удачного симбиоза южных говоров чешской Силезии, литературного чешского языка и отчасти обиходно-разговорного чешского языка, делается вывод, что так называемый «остравский» (= ляшский = чешско-силезский) микроязык является динамично развивающимся образованием, функционирование которого отнюдь не ограничивается устной речью. Появление в печатном виде и онлайн подобных рассмотренному ярких художественных и художественно-публицистических текстов, с одной стороны, разрушает исторически сложившуюся на территории региона диглоссию, так как нелитературный идиом проникает в позицию

литературного, с другой – усиливает позиции «остравского» (= ляхского = чешско-силезского) микроязыка, который звучит в сознании читателя всякий раз, когда читаются тексты на нем.

Ключевые слова

Славянские микроязыки, чешская Силезия, ляхский язык, литературный чешский язык, обиходно-разговорный чешский язык, диглоссия.

1. Характерной особенностью современной чешской языковой ситуации является ее близость к описанной Ч. Фергюсоном¹ классической ситуации диглоссии как особого варианта двуязычия, при котором на одной и той же территории в одном и том же социуме сосуществуют два идиома («высокий» и «низкий»), применяемые их носителями в различных функциональных сферах².

На большей части современной Чешской республики (западные две трети ее территории) в качестве такого «высокого» идиома выступает литературный чешский язык (*spisovná čeština*), а в качестве «низкого» идиома – собственно чешское обиходно-разговорное койне, традиционно обозначаемое в чешской лингвистической традиции как *obecná čeština*, а в традиции отечественной – как обиходно-разговорный чешский язык.

Одной из причин того, что данная не очень нравящаяся многим чехам ситуация, при которой, как остроумно выразились авторы научного бестселлера «Чешский язык без прикрас» П. Сталл и И. Гронек, «у литературного чешского языка нет естественных носителей»³, а чешским школьникам приходится зубрить парадигмы вроде бы как своего родного литературного языка (как если бы у нас в России в качестве русского литературного языка функционировал церковнославянский), не может быть разрешена простой кодификацией «обиходно-разговорного чешского языка», является

¹ Ferguson Ch. Diglossia // Language and Social Structures. London, 1972. P. 232–251.

² Об отношении современной чешской языковой ситуации к классической диглоссии Ч. Фергюсона см., например: *Bermel N. O tzv. české diglosii* // Slovo a Slovesnost. 2010. No 1. S. 5–30.

³ Букв. *spisovná čeština nemá své rodilé mluvčí*, см.: *Sgall P., Hronek J. Čeština bez příkras*. Praha, 1992. S. 26.

то обстоятельство, что он не покрывает всей территории Чехии, хотя и проявляет определенную тенденцию к экспансии за пределы собственно чешских говоров. В Моравии и в чешской Силезии литературный чешский язык способен вступать в диглосные отношения с местными диалектными образованиями.

2. В частности, в чешской Силезии речь идет о нелитературном идиоме, который, бесспорно являясь частью чешского языкового континуума⁴, занимает пространство явного пересечения континуумов чешского, польского и моравско-словацкого (= «восточно моравского»). С польским ареалом его сближает (противопоставляя чешскому и моравско-словацкому ареалам), в частности, отсутствие фонологической долготы гласных и ударение на втором от конца (а не на первом от начала) слоге, с ареалом чешским – наличие <ř>, с ареалом моравско-словацким – неперегласованные окончания в словах с основой на мягкий согласный и т. д.

2.1. Этот идиом, не совпадающий с «силезским» микроязыком Силезии польской (чешск. *slezština*, пол. *język śląski*, нем. *Wasserpölnisch*), отражен во многих стихах номинанта на Нобелевскую премию по литературе 1970 г. Ондры Лысогорского⁵. На большей части Силезии этот идиом известен как «моравский язык» (*moravština*), в Моравии и в части чешской Силезии – как «силезский язык» (*slezština*) или «пруссский язык» (*prajžština / prajžština*; аннексированная в 1742 г. Фридрихом

4 Под языковым континуумом мы понимаем не красиво раскрашенные фрагменты учебной диалектной карты с четкими границами, а совокупность всех идиомов (включая идиолекты) того или иного языкового образования независимо от официального статуса этого образования (поэтому мы говорим не только о чешском или польском континуумах, но также и о континуумах ляшском или моравско-словацком = восточно-моравском). Подобно математическим множествам, языковые континуумы могут пересекаться или входить один в другой. В случае же графического представления данных континуумов следует учитывать и количественные параметры, поэтому «ляшский» пиксель переехавшего в Прагу уроженца Остравы (и носителя «ляшского» идиолекта) на такой карте будет незаметен среди миллиона пикселей (идиолектов) прочих жителей чешской столицы, тогда как в окрестностях Остравы эти «ляшские» пиксели будут в большинстве.

5 Подробнее см.: Дуличенко А. Д. Литературная лянштина Ондры Лысогорского в контексте западнославянских языков и в связи с литературными микроязыками современной Славии // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М., 1993. С. 151–161.

Великим северная часть Силезии получила у ее жителей и их соседей название «прусская», в отличие от оставшейся в составе Священной Римской империи «имперской» части), сами же носители данного идиома полагают, что они говорят просто «по-нашему»⁶.

2.2. В академической литературе в связи с данной территорией говорят о силезской (ляшской) группе чешских говоров, противопоставленной группе собственно чешских говоров, группе центрально-моравских (= ганацких) чешских говоров и группе восточноморавских (= моравско-словацких) чешских говоров⁷. Эти ляшские (= чешско-силезские) говоры распадаются, в свою очередь, на южную (моравскую), западную (опавскую) и восточную (остравскую) подгруппы⁸.

3. На последующих страницах мы попытаемся определить, как данные говоры чешской Силезии отразились в нарративе травелога “S Jarkem po sto rokach okolo Rakuska-Uherska”⁹.

Употребляемые автором травелога «остравские» слова, словосочетания и конструкции рассматривались нами на фоне литературного чешского языка, а также некоего общечешского дискурса, формируемого текстами Чешского национального корпуса и прежде всего текстами 5-миллиардного референтного репрезентативного корпуса современных чешских письменных текстов SYN_v.11¹⁰.

Автор травелога характеризует себя как «остравского парня, который родился в Фифейде [район города Острава] в Чехословакии» (*ostravsky cyp*¹¹, *se narodil na Fifejdach v Československu*), а язык,

6 Букв. *po našemu*, см.: *Skalička V. Opravština pro samouky. Štěbořice, 2017. S. 6.*

7 См.: *Bělič J. Nástin české dialektologie. Praha, 1972. S. 217–306.*

8 Подробнее см. *Изотов А. И. Чешская диалектология. М., 2022.*

9 Этот травелог, как и другие книги Л. Ветвички, можно заказать на сайте <https://eshop.knihuchran.cz/>.

10 См.: <https://korpus.cz/> (дата обращения: 04.03.2024). В чешской словесности представлена традиция использования диалектной речи в художественных и публицистических произведениях, включая текст повествователя, см.: *Изотов А. И. Диалект в чешском художественном тексте // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (15). С. 115–126.*

11 В «Словаре нелитературного чешского языка» слово **суп** приводится с пометой *ostrav.* ‘остравский регион’ и интерпретируется как **1.** *hlupák, někdy však bez podtextu v podobném postavení jako “týpek” apod. ‘Простофиля, иногда в значении тинаж, парень’ **2.** *vulg. mužské přirození. ‘вульг. Мужской половой орган’*. **3.** *jako суп nespécifické hodnocení**

на котором он пишет, как «остравский» (*Tuž ale řekněte mi, čemu by mi byl stoletý věk, když všeci okolo mě budu mrtví a ja bysem měl psat pro ty mlade, keři už ani nerozumi Ostravsky?* [Скажите, зачем мне жить сто лет, ведь тогда все вокруг меня умрут и мне придется писать для молодых, которые уже не понимают по-остравски?]).

3.1. Язык травелога близок говорам южной (моравской) подгруппы диалектов чешской Силезии, в которых, в частности, мягкие фонемы <ř>, <dʒ> реализуются в звуках без шипящего (как в западной подгруппе) или свистящего (как в восточной подгруппе) призвука.

charakteristické pro současný ostravský dialekt, analogie (dnes už nejen) brněnského “jak sviňa”. ‘**как Subj.** Неопределенная характеристика, используемая в остравском диалекте в тех же ситуациях, что и брненское (а теперь вышедшее за его пределы) «как свинья», см.: *Hugo J. Slovník nespisovné češtiny*. Praha, 2009. В рассматриваемом травелоге данная лексема встречается достаточно регулярно – в первом или третьем из приведенных значений, ср. *Kdybysem si byl byval ja **цуп** starý aspoň nechal nabit baterky do elektrokola!* [Ах если бы я, старый **дурень**, хотя бы зарядил электровелосипед!]; *Цуп z Ostravy bucha na dveře zapadleho maďarskeho penziona, v kerem nikdo dva roky nespal...* [Чудак из Остравы ломится в двери захолустного венгерского пансиона, в котором уже два года никто не ночевал...]; *Nevim, jestli si dokážete představit depresi **цупа**, kery je zpoceny, smradlavý, ma v nohach 188 kilaku...* [Не знаю, можете ли вы представить депрессию <не нашедшего обещанной гостиницы> **мужика** – потного, вонючего, проехавшего <в этот день на велосипеде> 188 км...]; *Fronta zpocených lidí čekajících ve čtyřcetistupňovém vedru, až bude do země vpuštěn jakýsík **цуп** z Ostravy, se posunula o jednu příčku...* [Очередь вспотевших на сорокаградусной жаре людей, ожидающих, пока через границу пропустят какого-то **чудака** из Остравы, продвинулась на одну позицию] // *Bylo jaro roku 2014, počasí fajne **jak цуп**, takže bylo jasné, že Vlastika najdu na terase* [Была весна 2014 года, погода чудная как сволочь, так что было ясно, что я найду Властика на терассе]; *Maly pokojíček nevadil, horší bylo, že v něm bylo horko **jak цуп*** [Маленькая комнатка <в пансионе> – это ничего, хуже было то, что там была жара как сволочь]; *Lahoda **jak цуп*** [Вкуснятина как сволочь]. Ко второму из приведенных в словаре значений отсылает нежелание повествователя ночевать в венгерском пансионе с неприлично для жителя Остравы звучащим названием: *Vlastik by určitě řekl: “Ladik, přece nebudeš spat v penzyjonu s nazvem **Цупкеš**? To je Ostravaka nedustojne!”* [Властик бы наверняка сказал: «Ладик, ты же не будешь ночевать в пансионе, который называется **Цупкеš**? Это недостойно жителя Остравы!»].

Это, а также отсутствие в данной подгруппе встречающихся в говорах западной и восточной подгрупп некоторых других звуков, например, мягких [sʲ], [zʲ], неслогового [ɟ] или назального [ɟ̃], вместо которых употребляются соответственно твердые [s], [z], [ɟ] и обычный (неназальный) [u], позволило автору использовать для записи его текста стандартный чешский алфавит без дополнительных значков. При этом потерялось различие твердого [ɟ] и мягкого [ɟʲ], актуальное для силезских говоров, но не для литературного чешского языка, в истории которого они совпали в одном альвеолярном [ɟ], однако эта потеря для смысла текстов травелога не катастрофична.

3.2. При первом же обращении к тексту травелога в глаза бросается отсутствие долгих гласных (этим говоры чешской Силезии отличаются от всех прочих чешских говоров), ср. начало книги, проясняющее историю ее замысла (слова / огласовки слов, не соответствующие требованиям чешского литературного языка, выделены полужирным):

Jak sem přišel na tu šalonu myšlenku obejit nebo objet země rakusko-uherske? Jednoduše. Četl sem knížku Jaroslava Haška “Dějiny strany mírneho pokroku v mezích zakona”, keru napsal v letech 1911–12. Je nadherna aji po sto rokach. Obsahuje hodně zajímavých míst, kde si člověk uvědomuje, že se toho na světě příliš mnoho nezměnilo [Как мне в голову пришла идея объехать земли Австро-Венгрии? Очень просто. Я читал книжку Ярослава Гашека «История партии умеренного прогресса в рамках закона», которую он написал в 1911–1912 гг. Она прекрасна и сто лет спустя. Там полно интересных мест, когда понимаешь, что за сто лет в мире немного изменилось].

Как мы видим, в абсолютном большинстве случаев речь идет об отсутствии долготы – актуальной (*knížku* вм. *knižku*) или исторической (*rakusko* вм. *Rakúsko* → *Rakousko*). Поэтому приведенный фрагмент, как и целый ряд дальнейших фрагментов травелога, может быть легко, в отличие от многих диалектных текстов, приведен в соответствие с правилами литературного чешского языка, ср.:

*Jak (sem >) jsem přišel na tu (šalonu >) šílenou myšlenku obejit nebo objet země (rakusko-uherske >) rakousko-uherské? Jednoduše. Četl (sem >) jsem (knížku >) knížku Jaroslava Haška “Dějiny strany (mírneho >) mírného pokroku v (mezích >) mezích (zakona >) zákona”, (keru >) kterou napsal v letech 1911–12. Je (nadherna >) nádherná (aji >) i po sto (rokach >) letech/rocích*¹². *Obsahuje hodně (zajímavých >) zajímavých*

12 Литературное употребление допускает оба варианта: как *po sto*

(*míst* >) *míst*, kde si člověk uvědomuje, že se toho na světě (*příliš* >) *příliš* mnoho nezměnilo.

Данное обстоятельство, по нашему мнению, делает травелога Л. Ветвички вполне понятным не только для профессионального диалектолога, но и для абсолютного большинства жителей Чехии, имеющих хотя бы самое общее представление о том, как говорят в Силезии. Поэтому потенциальная аудитория травелога – т. е. тех, кто, читая его, хотя бы пассивно осваивает «остравский» язык автора, – предельно широка.

3.3. Коль скоро речь идет о графике травелога, следует отметить непривычную для чешского литературного языка дистрибуцию букв *y* и *i*¹³, ср. *Tak to baby dneska nerobi, baby su sofistykovane* [В наше время женщины так не поступают, в наше время женщины умнее]; *Fčil byva v Tuzle, ma tam pry jakesik dyskoteky...* [Сейчас он живет в Тузле, говорят, у него там дискотека...]; *Tato slova na mě asi musela zapusobit silně depresyvně, bo sem si rezynovany sednul na betonovy rantel plotka...* [Видимо, эти слова вогнали меня в депрессию, так как я, отчаявшись, присел на бетонное ограждение]. В литературном чешском тексте эти выделенные полужирным слова выглядели бы как *sofistikované, diskotéky, depresivně, rezynovaný* соответственно.

Поскольку в говорах чешской Силезии *y* сохранилось либо в качестве самостоятельной фонемы <*y*>, не совпадающей с <*i*>, либо в качестве выразительного фонетического варианта [*y*] фонемы <*i*>, мы можем предполагать в подобных случаях отражение реального произношения этих и подобных слов.

3.4. Из десяти характерных особенностей, отмечаемых в исследовании Я. Белича¹⁴ для говоров южной (моравской) подгруппы чешской Силезии, в тексте травелога нами были отмечены следующие:

letech, так и *po sto rocích*. При этом, однако, первый вариант является основным: в SYN_v.11 сочетание *po sto letech* было нами обнаружено в 3 849 контекстах, сочетание *po sto rocích* – лишь в 5 контекстах.

13 Хотя в истории чешского литературного языка звук [*y*] совпал в произношении с [*i*], сама буква *y* (как и ее вариант для обозначения долгого гласного *ẏ*) в современной графике сохранилась, и ее употребление регулируется правилами, часть которых сводится к механическому запоминанию правописания так называемых «избранных слов» (*vyňatá / vybraná slovíčka*), ср. звучащие по-чешски одинаково слова *bít* ‘бить’ и *být* ‘быть’.

14 *Bělič J. Nástin... S. 291–294.*

3.4.1. Мягкие согласные [tʰ], [dʰ] произносятся без ассимиляции, во всяком случае, в тексте травелога эта ассимиляция не отражена, ср.: *Chvilu sem byl zticha, bo mě docela zklamal* [Минуту я молчал, совершенно им разочарованный]; *Bližil se večer, takže bylo na čase přemýšlat, kaj složit unavene tělo* [Близился вечер, так что пришло время подумать, куда поместить на отдых уставшее тело]; *Bylo nam to divne, bo u druhe kelnerky bylo pivo z te same bečky dobre* [Это было для нас странным, так как у второй официантки пиво из той же бочки было нормальное]; *V hupacim křesle seděl starý pan Madeja, kuřil viržinko a popíjal Nachmelenu opicu* [В кресле-качалке сидел старый пан Мадея, курил вирджинку и похлебывал «Захмелевшую обезьяну»¹⁵].

3.4.2. На месте исторического долгого [ē] мы находим краткий [e], ср.: *Mam rad pivko, rad poprobuju dobre vino, pokud je sladke* [Я люблю пиво, иногда с удовольствием попробую хорошего вина, если только оно сладкое]; *Haličská palenka, kyselá polevka Žurek a v ohně pečene kobzole* [Галицийская водка, кислая похлебка «журек» и запеченная в огне картошка]; *Pokud by tehdejší mocnosti musely vest valku s vlastních zdrojů a daňových prostředků, Velká válka by do pul roku skončila pro nedostatek financí* [Если бы тогдашним державам пришлось воевать за собственные средства, Большая война бы закончилась через полгода из-за нехватки денег].

3.4.3. В отличие от других силезских говоров отсутствуют рефлексы старого продления гласных в объеме большем, чем в говорах Чехии или Моравии, ср.: *V ostravské půjčovně elektrických kol sem si pořídil poslední výkřik moderní techniky, elektrické kolo* [В остравском прокате электровелосипедов я раздобыл последний писк техники – электровелосипед¹].

3.4.4. В местном падеже множественного числа всех типов склонения преобладает окончание *-ach*, ср.: *To je taka knajpa schovana v lesach*¹⁶ *za Porubu, kaj se žeru tvargle a zapijaju Radegastem* [Это такая пивная в лесах за Порубой¹⁷, где едят творожники и запивают «Радегастом»]; *Ale nic se z teho nerobte, ja pojedu s vama, a počkam vas na*

15 Название пивоварни в г. Крнов в Силезии, а также ее продукции, см. <https://www.nachmelenaopice.cz/en/> (дата обращения: 04.03.2024).

16 В соответствии с литературными вариантами в *lesích* / *v lesech*. В SYN_v.11 сочетание *v lesích* было нами обнаружено в 45 897 контекстах, сочетание *v lesech* – лишь в 110 контекстах. Сочетание *v lesach* в SYN_v.11 нами обнаружено не было.

17 Поруба – административный район города Острава.

*hranicach*¹⁸ v *jakesik fajne knajpě* [Да не переживайте, я поеду с вами и подожду вас на границе в какой-нибудь приличной пивной]; *A netušil sem, že se dostavam hlouběji do pasti vychodních zvyku, kere se mi měly v nasledujících rokach*¹⁹ *stat neodolatelny zvykem* [А я и не подозревал, что проваливаюсь в ловушку восточных обычаев, которые в следующие десять лет станут моей второй натурой]; *Naštěstí sem zjistil, že Rusini maju ve svojich malých venkovských zařízeňach*²⁰ *velice sympatycka zařízení, kere jim umožňovalo čepování piva a tak nebyl problém se v každé take zastavce příjemně občerstvit* [К счастью, я выяснил, что у русинов в их деревенских заведениях есть очень симпатичные устройства, позволяющие им наливать пиво, так что проблем освежиться на каждой остановке не было]; *Vylezl sem z teho přeplněného letadla, rozbalil kolo a po stopadesati metrach*²¹ *se ubytoval v prvním penzionu, kery byl na cestě* [Я выбрался из переполненного самолета, распаковал свой велосипед и через 150 метров заселился в первый же попавшийся мне по дороге пансион].

3.4.5. В склонении различающих род местоимений преобладают формы, окончания которых совпадают с окончаниями прилагательных, ср.:

*A tak, robice si poznamky, fotky a shromažďující materyjaly, pustil sem se do toho*²² [И так, записывая то, что пришло в голову, фото-

18 В соответствии с литературной формой *na hranicích*. В SYN_v.11 сочетание *na hranicích* было нами обнаружено в 39 148 контекстах, сочетание *na hranicach* – в одном контексте, а именно в газете “Regionální týdeník” («Региональный еженедельник»), воспроизводящей реплику пожилой женщины по поводу строгостей во время выборов: *Bóže, to je kontrola! Horší jak na hranicach* [Боже, вот это контроль! Хуже, чем у пограничников].

19 В соответствии с литературным *letech* или *rocích*. В SYN_v.11 сочетание *v následujících letech* было нами обнаружено в 24 795 контекстах, сочетание *v následujících rocích* – в 8 контекстах. Сочетание *v následujících rokach* в SYN_v.11 нами обнаружено не было.

20 В соответствии с литературной формой *v zařízeních*. В SYN_v.11 сочетание *v zařízeních* было нами обнаружено в 5 433 контекстах. Сочетание *v zařízeňach* в SYN_v.11 нами обнаружено не было.

21 В соответствии с литературной формой *metrech*. В SYN_v.11 сочетание *po stopadesáti metrech* было нами обнаружено в 7 контекстах. Сочетание *po stopadesati metrach* в SYN_v.11 нами обнаружено не было.

22 В соответствии с литературной огласовкой данного местоимения *do toho*, окончание которого не совпадает с литературным окончанием прилагательного, ср. *do hustého dýmu*.

графируя и собирая материалы, я принялся за дело]; *Pan Madeja se zamyslel, upil pivka, potahnul z viržinka, zahalil se do husteho dyma...* [Пан Мадея задумался, отпил пива, затянулся вирджинкой, закутался в густой дым...].

Rano sem se vzbudil, zežral vaječinu robenu na doma uzeneš špeku, pričkusnul k temu²³ trochu bileho chleba, sednul na kolo a valil do Tuzly [Утром я проснулся, съел яичницу на домашнем сале, добавил немного белого хлеба, сел на велосипед и покатил в Тузлу]; *Jak nas učí hystorija, je to počatek zločinu, protože dříve nebo později tento neprozřetelný postup povede k nove valce a k novému utrpení...* [Как нас учит история, это начало преступления, потому что рано или поздно этот непродуманный подход приведет к новой войне и новым страданиям].

Furt se mi to honilo hlavou, ale co ja s tym²⁴ narobim? [У меня это никак не выходило из головы, но что я могу с этим поделать?]; *Protočeny a zablaceny jak legionář před sto rokama sem dorazil do ubytování s romantickým názvem Apělsin* [Мокрый и грязный, как легионер сто лет назад, я добрался до гостиницы с романтическим названием «Апельсин»].

3.5. При этом по ряду параметров язык травелога отличается от говоров южной (моравской) подгруппы чешской Силезии в пользу собственно чешского «обычного» (= «обиходно-разговорного») и/или литературного языка.

3.5.1. Например, в то время как в говорах южной (моравской) подгруппы чешской Силезии форма инфинитива заканчивается на *t'*, например, *cyťit'*, *nosyt'*, *učyt'*²⁵, в тексте травелога, графика которого различает конечные *t* и *t'*, этот *t'* мы находим лишь в иноязычных вкраплениях, ср. русский (первый пример) и словацкий (второй пример): “*Kuda ty jeděš? Tu ně vazmožno jechat' na velocipědě!*” *vykřiknul na mě podivny muž v unyformě...* [«Ты куда поехал? Здесь нельзя на велосипеде», – крикнул мне странный человек в униформе...]; *Jediné, čo môžeme robiť, je bojkotovať ich peňažný systém, nevyužívať ho. Každý sa môže rozhodnúť, či a v akom rozsahu bude využívať služby bánk* [Единственное,

23 В соответствии с литературной огласовкой данного местоимения *k tomu*, окончание которого не совпадает с литературным окончанием прилагательного, ср. *k novému utrpení*.

24 В соответствии с литературной огласовкой данного местоимения *s tím*, окончание которого не совпадает с литературным окончанием прилагательного, ср. *s romantickým názvem*.

25 См. эти примеры в: *Bělič J. Nástin...* S. 292.

что мы можем делать, это бойкотировать их денежную систему, не использовать ее. Каждый из нас может решить, в каком объеме пользоваться услугами банка, и пользоваться ли ими вообще].

3.5.2. Далее, в говорах южной (моравской) подгруппы чешской Силезии гласный [у] заместил исторический [i] после свистящих и шипящих, а также после ř, ср.: *cytít', nosyt', zyma..., ucyt', šydlo, žyvot, pŕykopa*²⁶. В тексте же травелога в данной позиции, как и в литературном чешском языке (а также при записи «обычного» = «обиходно-разговорного» чешского языка), последовательно употребляется буква *i*, см. следующие примеры из текста травелога с названными или же однокоренными с ними словами: *Další vyhodu je fakt, že večer se sice citíte fyzicky příjemně unaveni, ale organizmus není zdevastovaný tak po sedmdesati kilometrech překonání terenních překážek* [Еще одной выгодой является обстоятельство, что хотя вечером вы и чувствуете себя приятно утомленным физически, ваш организм отнюдь не измотан семьюдесятью километрами преодоления дорожных препятствий]; *...Do svítání budete s mužikama diskutovat nad nejnovějším politickým převratem v Burkině Faso, zatímco vám jejich roby budu nosit dobroty...* [...До рассвета вы будете с мужиками обсуждать последний государственный переворот в Буркина-Фасо, а их жены будут носить вам вкусняшки...]; *Sarajevo zažilo svoju hvězdnou hodinu v roce 1984, kdy tu proběhly zimní olympijské hry* [Звездный час Сараева был в 1984 году, когда здесь проходили зимние Олимпийские игры]; *A učit se můžete od každého národa, ať to su Rusini, Rumuni, Maďaři nebo Němci* [А учиться вы можете у любых народов, будь это русины, румыны, венгры или немцы]; *V osobním životě František moc šťastný nebyl* [В личной жизни Франц был не особенно счастлив].

Приводимые Я. Беличем слова *šydlo* и *pŕykopa*, равно как и их дериваты, в тексте травелога отсутствуют, однако примеры, содержащие сочетания *ši* и *ři*, исчисляются сотнями. Примеров, содержащих сочетание *řu*, мы не обнаружили, а сочетание *šy* было обнаружено дважды в эпизоде, когда автор, только что пересекший на велосипеде венгерско-украинскую границу, на русском языке (с использованием повоерканной обцененной лексики) жалуется на проглотивший его карту банкомат: *“Mašyna p...las,” nahlasil sem poruchu uvnitř banky. “Á, vsjo normalno,” odpověděla šefova pobočky. Vyhodila pačku jističa a když ju zas nahodila, venku se rozblíkala obrazovka a mašyna mi vratila*

kartu [«Машина кирдык», – сообщил я о поломке внутри здания банка. «А, все нормально», – ответила заведующая филиалом. Она выключила предохранитель в электрическом распределительном щитке, а когда включила его опять, снаружи засветился экран и «машина» вернула мне карту].

3.5.3. В говорах южной (моравской) подгруппы чешской Силезии в позиции творительного падежа множественного числа у существительных всех типов склонения преобладает окончание *-mi* (*-ami*)²⁷. В тексте же травелога таким преобладающим окончанием для данной позиции является совпадающее с собственно чешским «обычным» (= «обиходно-разговорным») окончанием *-ma* (*-ama*), ср.: *Fčil už bylo jasne, že se ze **synkama**²⁸ v Tokaji neuvidim* [Мне стало ясно, что с парнями в Токае я не увижусь]; *Tak to bylo stanovene Daytonskyma mirovyma **dohodama**²⁹ z roku 1995* [Так это определили Дейтонские соглашения 1995 года]; *Stači pojezdít chvílu třeba stopem, bavít se s **řidičama**³⁰ a pochopíte, že další valka bude* [Достаточно поездить немного автостопом, и вы поймете, что следующая война неизбежна]; *Slunko, sklaňající se k západu, nadherna řeka, krutíci se mezi **polama** a **lesíkama**³¹ rychle rostících maďarských stromu, prostě pohoda* [Клонящееся к западу солнышко, чудесная речка, извивающаяся среди полей и лесков стремительно растущих венгерских деревьев, просто благодать]; *Totalně demoralizovaný sem se procházel tmavým **uličkama**³² maďarského maloměsta* [Совершенно деморализованный, я бродил улочками венгерского городка].

При этом у существительных мужского рода нами зафиксированы и соответствующие литературной норме огласовки на *-y*, ср.: *Kdysik to bylo slovanské město, osídlené **Bilymi Chorvaty**, keři na břehu řeky Už vybudovali pevnost a městské sídlo* [Когда-то это был славянский город белых хорватов, построивших на берегу реки Уж крепость и городище]; *A medijální sfera, podporovaná **stejnými parazity**, jede doko-la obehrány song...* [А медиа, поддерживаемые такими же паразитами, повторяют всю ту же песню...]; *Tyto snahy však nebyly respektovány ani českými, ani slovenskými politiky...* [Однако эти усилия не были

27 Ibid.

28 В соответствии с литературной нормой *se synky*.

29 В соответствии с литературной нормой *mirovými dohodami*.

30 В соответствии с литературной нормой *s řidiči*.

31 В соответствии с литературной нормой *mezi poli a lesíky*.

32 В соответствии с литературной нормой *tmavými uličkami*.

оценены ни чешскими, ни словацкими политиками...]; ...*Po dvou naročných knihach se autor spolu se svými spolupracovníky z male “kna-jpy Na rožku” vrací k humoru...* [...После двух потребовавших много труда книг автор вместе со своими коллегами из небольшой пивной «На углу» вернулся к юмору...].

Заметим, однако, что у В. Скалички окончание *-mi* (*-ami*) постулируется для восточной подгруппы говоров, а для остальной их части, т. е. и для говоров южной (моравской) подгруппы чешской Силезии, – окончание *-ma* (*-ama*)³³. Так что материалы В. Скалички и Л. Ветвички независимо друг от друга могут свидетельствовать об экспансии «обычного» (= «обиходно-разговорного») чешского языка в силезский регион.

4. Значительная часть особенностей языка травелога в области морфологии связана с особенностями развития фонетической системы чешско-силезских говоров по сравнению с развитием фонетической системы говоров собственно чешских.

4.1. Наиболее частыми, а значит и наиболее заметными являются количественные случаи расхождения результатов развития собственно чешских говоров и говоров чешско-силезских, с которыми могут быть связаны и расхождения качественные, ср. пример из самого начала травелога, в котором абсолютное большинство несовпадений с литературным узусом (восемь из девяти³⁴) связаны именно с этим: *To si dneska možu* (лит. *můžou*) *dovolit leda tak bohači* (лит. *boháci*), *ale ti su* (лит. *jsou*) *zase tak lenivi* (лит. *leniví*) *a zhyčkani* (лит. *zhyčkaní*), *anebo uplně* (лит. *úplně*) *hlupi* (лит. *hloupi*), *že by je cosik* (лит. *cosí / něco*) *takeho* (лит. *takového*) *nenapadlo* [Это сегодня могут себе позволить разве что богачи, однако они чересчур ленивы и избалованы или же абсолютно глупы, чтобы им нечто подобное пришло в голову].

33 *Skalička V.* Opavština... S. 173.

34 Девятое из девяти расхождение – огласовка местоимения *cosik*, отличающаяся от огласовки литературной (*cosi* ‘нечто’) финалью *-sik*. Подобная «остравизация» местоимения в травелоге используется регулярно – в следующих за цитируемым семи предложениях она была использована пять раз (*kdosik* ‘кто-то’ – 2 раза, *cosik* ‘что-то’, *jakesik* ‘какое-то’, *jakehosik* ‘какого-то’).

И еще в одном случае помимо отсутствия долготы использована чешско-силезская огласовка местоимения *taky* ‘такой’ вместо собственно чешской огласовки того же местоимения *takový*.

Например, в истории чешского литературного языка долгий [ō], представленный в корне первого выделенного в приведенном примере слова, перешел в долгий [ū], а долгий [ū] окончания данной формы – в дифтонг [ou]. В чешско-силезских же говорах оба долгих гласных просто сократились. В результате чешской литературной парадигме модального глагола *moci* ‘мочь’ (1sg – *můžu* / *mohu*, 2sg – *můžeš*, 3sg – *může*, 1pl – *můžeme*, 2pl – *můžete*, 3pl – *můžou* / *mohou*) в идиоме травелога соответствует следующая парадигма: 1sg – *možu*, 2sg – *možeš*, 3sg – *može*, 1pl – *možeme*, 2pl – *možete*, 3pl – *možu*, ср.: “*Kde si tu **možu** vytáhnout peníze z bankomata,*” *zeptal sem se te dobře ženy bezelstně* [«Где здесь я могу снять наличные в банкомате», – напрямую спросил я эту добрую женщину]; *Mam tu nahoře ve vesnici domek po ženě, jestli chceš, **možeš** tam přespát* [У меня тут наверху в деревне домик после жены, можешь там переночевать]; “*A odkdy **može** Ukrajinec robít v Česku policistu?*” *zajímalo mě* [«А с каких пор украинец может работать в Чехии полицейским?» – заинтересовался я]; *Jak asi byli naštvani Srbove, si **možeme** představit, ale nic se s tím v tomto okamžiku nedalo robít* [Мы можем себе представить, как были возмущены сербы, однако тогда ничего нельзя было поделать]; *No fakt, to mi **možete** věřit* [Факт, мне вы можете верить]; *Ja to kura nechapu, jak **možu** ty ajrolinky ekonomicky profinancovat let za 9,9 € na osobu* [Я, блин, не понимаю, как аэрокомпании могут финансировать полеты, получая с пассажиров по 9,9 € за место].

4.2. Следующим по значимости фактором, обусловившим сразу бросающееся в глаза отличие языка травелога от чешского литературного языка, является проявившееся практически во всей системе словоизменения отсутствие в истории чешско-силезских говоров результатов перегласовок гласных в положении после мягких согласных, имевших место в собственно чешских говорах и отраженных в чешском литературном языке: ср., например, *To třeba chcete postavit **dalnicu*** (лит. *dálnici*) *do Gdaňska...* [Например, вы хотите провести шоссе в Гданьск...]; *...Blba **dalnica*** (лит. *dálnice*) *se stane takým vražedným nástrojem* [...Дурацкое шоссе станет таким смертоносным инструментом]; *Byla tam. Přesně taka, jak sem si **ju*** (лит. *ji*) *představoval. Na **kraju*** (лит. *kraji*) *prašne cesty...* [Она там была. Именно такая, какой я себе ее представлял. На обочине пыльной дороги...]; *Polak moc dobře ví, že na **koncu*** (лит. *konci*) *ide enem o to, aby host byl spokojeny...* [Поляк очень хорошо понимает, что в конечном итоге важно то, чтобы посетитель был доволен].

Сравнив приводимые В. Скаличкой парадигмы склонения существительных «опавского» (= чешско-силезского) языка³⁵, мы увидим, что приводимые там отличия окончания «мягких» типов склонения от окончаний «твердых» типов минимальны, особенно у существительных среднего рода, и нередко в основном ограничиваются различиями, унаследованными из праславянского, как у существительных женского рода: ср., например, словоизменительные парадигмы твердого и мягкого типов склонения в «опавском языке» В. Скалички (соответственно *město* ‘город’ и *mořo* ‘море’, *roba* ‘жена, женщина’ и *ruža* ‘роза’) и чешском литературном языке (соответственно *město* ‘город’ и *moře* ‘море’, *žena* ‘жена, женщина’ и *ruža* ‘роза’), см. таблицу:

	«Опавский» язык	Чешский литературный язык	«Опавский» язык	Чешский литературный язык
Единственное число				
Им. падеж	město	město	mořo	moře
Род. падеж	města	města	mořa	moře
Дат. падеж	městu	městu	mořu	moři
Вин. падеж	město	město	mořo	moře
Зват. падеж	město	město	mořo	moře
Местн. падеж	městě	městě	mořu	moři
Творит. падеж	městem	městem	mořem	mořem
Множественное число				
Им. падеж	města	města	mořa	moře
Род. падеж	měst	měst	moři	moři
Дат. падеж	městam	městům	mořam	moři
Вин. падеж	města	města	mořa	moře
Зват. падеж	města	města	mořa	moře
Местн. падеж	městach	městech	mořach	mořich
Творит. падеж	městama	městy	mořama	moři

35 См.: *Skalička V. Opavština... S. 173.*

	«Опавский» язык	Чешский литературный язык	«Опавский» язык	Чешский литературный язык
Единственное число				
Им. падеж	roba	žena	ruža	růže
Род. падеж	roby	ženy	ruže	růže
Дат. падеж	robě	ženě	ruži	růži
Вин. падеж	robu	ženu	ružu	růži
Зват. падеж	robo	ženo	ružo	růže
Местн. падеж	robě	ženě	ruži	růži
Творит. падеж	robų	ženou	ružų	ruží
Множественное число				
Им. падеж	roby	ženy	ruže	růže
Род. падеж	rob	žen	ruži	růží
Дат. падеж	robam	ženám	ružam	růžím
Вин. падеж	roby	ženy	ruže	růže
Зват. падеж	roby	ženy	ruže	růže
Местн. падеж	robach	ženách	ružach	růžích
Творит. падеж	robama	ženami	ružama	růžemi

4.3. С другой стороны, в то время как и Я. Белич, и В. Скаличка говорят об абсолютном преобладании в говорах региона в глагольных формах 1 лица множественного числа индикатива и императива финали *-ту*³⁶, в тексте травелога такие формы, как и в литературном чешском языке, последовательно оканчиваются на *-me*, ср.: ...*Měli zme v planu, že aspoň na chvíli překročíme hranicu do tehdejší Terra incognita, dame se po pivku, prohovoříme s místním lidem o aktualni politycke situaci a podle potřeby se zase stahneme do bezpečí tehdejšího Maďarska* [...В наши планы входило на минутку пересечь границу тогдашней Терра инкогнита, выпить там пива, обсудить с местным народом актуальную политическую ситуацию, а в случае необходимости отступить в безопасную Венгрию].

5. Текст травелога насыщен характерной для региона лексикой, при этом речь может идти как о специфически силезской лексике (например, рассмотренное выше остравское *суп*), так и о лексике, общей с соседними регионами, ср. распространенное в Моравии в значении 'парень' слово *synek* (букв. «сынок»). В этом «моравском»

36 См.: *Bělič J. Nástin...* S. 278–291; *Skalička V. Opavština...* S. 174.

значении в травелоге данная лексема используется весьма активно (мы обнаружили 30 контекстов), ср., например: *Druhý den ráno zme se rozlučili, synci se vydali podél řeky Tisy na Tokaj a ja proti směru řeky Tisy na Beregovo* [На следующий день мы расстались: парни отправились по течению реки Тисы в Токай, а я – против течения реки Тисы в Берегово].

5.1. В тексте травелога мы обнаружили соответствия трем десяткам слов, приводимым в двенадцати поурочных словариках «Самоучителя опавского языка»³⁷, см. следующий список, в котором приводимое В. Скаличкой соответствие «слово “опавского” языка – чешский литературный эквивалент» мы снабдили переводом этого эквивалента на русский язык и числом найденных контекстов употребления этого слова в травелоге Л. Ветвички:

aji spoj.³⁸ – i ‘и’ – 52; **bečka, -y ž** – sud ‘бочка’ – 1; **buta, -ty m** – bota (vyšší) ‘ботинок’ – 4; **děprem přísl.** – teprve ‘только, лишь’ – 1; **děvu-cha, -y ž** – holka ‘девушка’ – 2; **dodóm přísl.** – domů ‘домой’ – 2; **dupa, -y ž** – zadek ‘задница’ – 4; **d’ura, -y ž** – díra ‘дыра’ – 2; **fajny příd.** – pěkný, bezvadný ‘чудесный, замечательный’ – 25; **gver, -u m** – flinta ‘винтовка’ – 1; **chalupa, -y ž** – dům, barák (obecně) ‘дом’ – 2; **chutny příd.** – pěkný, pohledný ‘красивый’ – 1; **kajsyk zajm.** – někde, někam ‘где-то, куда-то’ – 15; **kokot, -a m** – kohout ‘петух’³⁹ – 2; **koža, -e ž C** – kůže – 2; **kura, -y ž** – slepice ‘курица’⁴⁰ – 20; **kybel, -bla m C** – kbelík ‘ведро’ – 1; **kyvat,**

37 *Skalička V.* Opravština... S. 20, 32, 45, 57, 70, 83, 96, 109, 120, 135, 146–147, 161.

38 Приводимое В. Скаличкой слово «опавского» языка выделено полужирным, его же грамматические пометы к слову – курсивом. В. Скаличка использует следующие пометы (перевод на русский наш. – А. И.): *ž* – женский род; *m* – мужской род; *s* – средний род; *P* – «прусская» часть чешской Силезии; *C* – «имперская» часть чешской Силезии; *část.* – частица; *spoj.* – союз; *přísl.* – наречие; *příd.* – прилагательное; *zajm.* – местоимение; *dok.* – совершенный вид; *nedok.* – несовершенный вид; *pomn.* – pluralia tantum; *mn.* – множественное число; *expr.* – экспрессивное слово или выражение; *vulg.* – вульгаризм; *častěji* – чаще; *neskl.* – несклоняемый.

39 Слово *kokot* ‘петух’ в тексте травелога употребляется в значении ‘нехороший человек’ (через семантический сдвиг ‘петух’ → ‘мужской половой орган’, ср. англ. *cock*).

40 Слово *kura* ‘курица’ в тексте травелога употребляется 20 раз, каждый раз являясь эвфемистической звукоподражательной заменой для распостраненного в польском ареале и служащего для выражения сильных

-a/-e nedok. – mávat ‘махать’ – 2; **ogurka, -y ž** – okurka ‘огурец’ – 1; **partya, -je ž** – skupina, tým ‘группа’ – 1; **podřístat’, -a dok.** – pokecat ‘поболтать’ – 1; **pulka, -y ž** – panák (alkoholu) ‘рюмка, стопка (алкоголя)’ – 1; **pysk, -a/-u m** – ret ‘рот, губы’ – 6; **robit’, rob/rub! nedok.** – dělat, pracovat ‘делать; работать’ – 47; **švigna, -y ž** – sestra ‘сестра’ – 1; **trava, -y ž** – byliny, plevel ‘трава’ – 1; **včil přísl.** – teď ‘теперь’ – 19; **volat’, -a nedok. na keho** – volat, telefonovat (někomu) ‘звонить по телефону’ – 1; **zrobit’, -bi, zrub! dok.** – udělat – 20.

Приведенный список отнюдь не исчерпывает всей колоритной лексики, рассыпанной по тексту травелога⁴¹, описание которой представляет собой самостоятельную задачу, выходящую за рамки настоящей статьи.

6. Подводя итоги сказанному, следует отметить, что травелог Л. Ветвички “S Jarkem po sto rokach okolo Rakuska-Uherska” представляет пример удачного симбиоза южных говоров чешской Силезии, литературного чешского языка (*spisovná čeština*) и отчасти обиходно-разговорного чешского койне (*obecná čeština*). Получающийся в итоге «остравский», он же ляхский (чешско-силезский), микроязык приобретает черты динамично развивающегося образования, функционирование которого отнюдь не ограничивается устной речью. Появление в печатном виде и онлайн подобных рассмотренному ярких художественных и художественно-публицистических текстов, с одной стороны, разрушает исторически сложившуюся на территории региона диглоссию (нелитературный идиом проникает в позицию литературного), с другой – усиливает «остравский» = ляхский = чешско-силезский микроязык, который звучит в сознании читателя всякий раз, когда читаются или цитируются тексты / фрагменты текста на нем.

Источники и литература

Дуличенко А. Д. Литературная ляхтина Ондры Лысогорского в контексте западнославянских языков и в связи с литературными микроязыками современной Славии // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 151–161.

эмоций говорящего десубстантива *kurva* ‘падшая женщина’, ср. аналогичную замену в русском речепотреблении *бл...дь* → *блин*.

41 См.: Изотов А. И. Ляхский (чешско-силезский) микроязык в практическом учебнике и в авторском тексте травелога: лексика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 9. С. 2536–2543.

Изотов А. И. Диалект в чешском художественном тексте // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (15). С. 115–126.

Изотов А. И. Чешская диалектология. М.: МАКС Пресс, 2022. 184 с. DOI: 10.29003/m3011.978-5-317-06858-5.

Изотов А. И. Ляшский (чешско-силезский) микроязык в практическом учебнике и в авторском тексте травелога: лексика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 9. С. 2536–2543.

Bělič J. *Nástin české dialektologie*. Praha: SPN, 1972. 464 s.

Bermel N. O tzv. české diglosii // *Slovo a Slovesnost*. 2010. No 1. S. 5–30.

Ferguson Ch. Diglossia // *Language and Social Structures* / ed. by Giglioli P. P. London: Penguin, 1972. P. 232–251.

Hugo J. *Slovník nespisovné češtiny*. Praha: Maxdorf s.r.o., 2009. 501 s.

Sgall P., Hronek J. *Čeština bez příkras*. Praha: H&H, 1992. 182 s.

Skalička V. *Opavština pro samouky*. Štěbořice: Matica slezská, 2017. 192 s.

Větvička L. *S Jarkem po sto letech okolo Rakuska-Uherska*. [Poruba:] Literární & cestovatelský klub Ladislava Větvičky v edici Heitzmann Production, 2019. 209 s.

References

Bělič, J. *Nástin české dialektologie*. Praha: SPN, 1972, 464 p.

Bermel, N. “O tzv. české diglosii.” *Slovo a Slovesnost*, 2010, No 1, pp. 5–30.

Dulichenko, A. D. “Literaturniaia liashchina Ondry Lysogorskogo v kontekste zapadnoslavianskikh iazykov i v sviazi s literaturnymi mikroiazykami sovremennoi Slavii.” *Slavianskoe iazykoznanie. XI Mezhdunarodnyi s'iezd slavistov*. Moscow: Nauka, 1993, pp. 151–161.

Ferguson, Ch. “Diglossia.” *Language and Social Structures*, ed. by P. P. Giglioli. London: Penguin, 1972, pp. 232–251.

Hugo, J. *Slovník nespisovné češtiny*. Praha: Maxdorf s.r.o., 2009, 501 p.

Izotov, A. I. “Dialekt v cheshskom khudozhestvennom tekste.” *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, No 3 (15), pp. 115–126.

Izotov, A. I. *Cheshskaia dialektologiya*. Moscow: MAKS Press, 2022, 184 p. <https://doi.org/10.29003/m3011.978-5-317-06858-5>.

Izotov, A. I. “Liashskii (cheshsko-silezskii) mikroiazyk v prakticheskom uchebnike i v avtorskom tekste traveloga: leksika.” *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2023, Vol. 16, No 9, pp. 2536–2543.

Sgall, P., Hronek, J. *Čeština bez příkras*. Praha: H&H, 1992, 182 p.

Skalička, V. *Opavština pro samouky*. Štěbořice: Matica slezská, 2017, 192 p.

Větvička, L. *S Jarkem po sto letech okolo Rakuska-Uherska*. [Poruba:] Literární & cestovatelský klub Ladislava Větvičky v edici Heitzmann Production, 2019, 209 p.

“The Ostrava Language” in the travelogue narrative

Andrey I. Izotov

Doctor of Letters, associate professor, professor

Lomonosov Moscow State University

119991, 1-51 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation

E-mail: a.i.izotov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6985-7000

Citation

Izotov A. I. “The Ostrava Language” in the travelogue narrative // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 185–204 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.09

Received: 13.07.2023.

Revised: 16.02.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

The article considers the Slavic micro-language formed by the dialects of the inhabitants of Czech Silesia, which is able to form something like the diglossia with the Standard Czech language on the territory of the region. In most of the territory of the Czech Republic (the western two-thirds of its area), the Standard Czech language forms a diglossia-like relations with the so-called Common Czech language. The language of the works of the modern Ostrava blogger and writer L. Větvička represents a successful symbiosis of the southern dialects of Czech Silesia, the Standard Czech language and partly the Common Czech language. The analysis of the language of his travelogue published in 2019 led us to the conclusion, that the so-called Ostrava micro-language is a dynamically developing phenomenon, the functioning of which is by no means limited to oral speech. The appearance in print and on-line form of such literary texts destroys the diglossia that has historically developed in the region, since the non-literary idiom penetrates into the position of the literary one. On the other hand, such texts strengthen the position of the Ostrava micro-language, which sounds in the reader’s mind whenever the texts are read.

Keywords

Slavic microlanguages, Czech Silesia, Silesian language, Standard Czech, Common Czech, diglossia.

Поверх барьеров: трансформация языковых стереотипов в поликультурной среде Западной области и соседних регионов в 1920–1930-е гг.

Белова Ольга Владиславовна
Доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5221-9424

Цитирование

Белова О. В. Поверх барьеров: трансформация языковых стереотипов в поликультурной среде Западной области и соседних регионов в 1920–1930-е гг. // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 205–226.
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.10

Статья поступила в редакцию 14.02.2024.
Рецензирование завершено 15.02.2024.
Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

Статья посвящена анализу языковой ситуации на этнокультурном пограничье, каковым в 1920–1930-е гг. оказалась территория Смоленской губернии и (с 1929 г.) Западной области СССР, включавшая в свой состав территории, относившиеся ранее к Смоленской, Брянской, Калужской, Тверской губерниям. Этот регион, граничащий на западе с Белоруссией, всегда отличался многообразием этнических, конфессиональных и культурных традиций. В статье рассматриваются этноязыковые стереотипы, бытовавшие в русско-белорусско-польской среде, их трансформация под влиянием государственной политики (изменение административных границ, процессы русификации, белорусизации); отдельного внимания заслуживает ситуация с языком идиш, складывавшаяся в западных районах Смоленщины и в восточной Белоруссии. Для населения пограничных регионов язык является важнейшим этнокультурным маркером и способом (само)идентификации, что отражается в народных представлениях о разном статусе разных языков, в выборе языка общения и образования, в межъязыковом

взаимодействии (лексические заимствования). В рассматриваемый хронологический период рефлексия населения, выражавшаяся в форме высказываний и нарративов о своем и чужом языке, становилась объектом внимания партийных органов и органов государственной безопасности, что нашло отражение в секретных документах соответствующих структур. Статья основана на материалах из Государственного архива Смоленской области (ГАСО) и Государственного архива новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО), отражающих различные аспекты языкового, этнического и конфессионального взаимодействия представителей различных этнокультурных традиций на территории Смоленской губернии и Западной области СССР.

Ключевые слова

Этнологические стереотипы, русский язык, белорусский язык, польский язык, идиш, лингвистическая аккультурация, этнокультурное пограничье.

Состояние поликультурной среды регионов, находящихся на стыке нескольких культурных традиций, в ранний советский период представляет особый интерес для этнолингвистических и лингвоареальных исследований, поскольку эти годы явились переломными в географическом и социально-политическом отношении, что и отразилось на местной языковой ситуации.

Исторически в «пограничных» регионах основными маркерами самоидентификации населения являлись язык и конфессия; эти понятия становились базовыми при формировании представлений о «своем» и «чужом» языке, влияли на восприятие и освоение языка этнических соседей и были аксиологически значимыми в этнокультурном диалоге. Отражая опыт многовекового соседства, ментальность фронта языковыми средствами передавала традиционные стереотипы, относящиеся к сфере «своего» и «чужого»; таким образом, взаимодействие инокультурных традиций происходило через сферу освоения языкового пространства этнических соседей, а свой язык, как и язык соседей, выступал средством коммуникации и стереотипизации¹. При этом ментальные карты, сформированные массовым

1 См.: Белова О. В., Мороз А. Б., Ясинская М. В. Слово устное и слово письменное в языке этнокультурного пограничья. М., 2023. С. 5–14, 16–28.

сознанием разных этнических групп, разнились в пределах одного географического пространства².

В 1920–1930-е гг. таким географическим и ментальным пограничьем оказалась территория Смоленской губернии и (с 1929 г.) Западной области СССР, включавшая в свой состав территории, относившиеся ранее к Смоленской, Брянской, Калужской, Тверской губерниям. На фоне изменений политического строя и административных границ (образование советских республик и областей) происходило перекраивание исторически сложившегося культурного пространства, в котором сосуществовали разные этнические, конфессиональные и языковые традиции. В этом контексте особый интерес представляет отражение языковых процессов в массовом сознании, выражавшееся в том числе в нарративах, бытовавших в крестьянской и городской среде и зафиксированных в секретных документах политических структур и органов государственной безопасности.

В основу статьи положены материалы 1920–1930-х гг., отложившиеся в фондах Государственного архива Смоленской области (ГАСО) и Государственного архива новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО) и отражающие различные аспекты языкового, этнического и конфессионального взаимодействия представителей различных этнокультурных традиций на территории Смоленской губернии и Западной области СССР. Рассматриваются традиционные и новые этноязыковые стереотипы, механизм взаимодействия разных языковых традиций.

На перекрестке традиций

В рассматриваемый период регион претерпевал неоднократные административные преобразования. В начале 1920-х гг. шло определение границы между РСФСР и БССР. В 1922–1924 гг. часть районов Витебской и Могилевской губерний были переданы в Смоленскую губернию. В 1924 и 1926 г. части Витебской (с Витебском), Смоленской (с Оршей), Гомельской (с Гомелем) губерний были переданы от РСФСР в состав БССР.

Слухи об изменении границ активно циркулировали среди населения.

² См.: *Левин В.* Смоленщина: границы и пограничье // Евреи пограничья: Смоленщина / отв. ред. С. Амосова. М., 2018. С. 17, 21–22.

Согласно документам Рославльского уездного городского комитета РКП(б), в Епишевской волостной коммунистической ячейке в январе 1921 г. обсуждался слух, что есть намерение власти «присоединить Смоленскую губернию к Белоруссии»³; Жарнинская волостная коммунистическая ячейка в ноябре и декабре 1921 г. докладывала «о переходе Смоленской губернии Польше. [...] проданы Камчатка и рудники японцам и американцам»⁴.

15 января 1924 г. на заседании Мстиславского уездного комитета РКП(б) обсуждался вопрос о присоединении части Мстиславского уезда к Белоруссии, что вызвало протестное мнение: «По бытовым условиям и экономическому тяготению Мстиславский уезд не принадлежит к Белоруссии, хотя имеющий не большой % белоруссов, которые окончательно потеряли свой белорусский облик»⁵. Проблема разграничения «великорусских» и «белорусских» районов вставала и позднее.

В Отчете Смоленского губисполкома Отделу национальностей ВЦИКа о работе среди национальных меньшинств за 1928 г. сообщается:

В отношении белорусской национальности нужно сказать, что учет ее произведен далеко не точно, так как ряд районов, населенных ими и великорусами, во время проведения переписи механически был причислен к великорусским районам [...] сами белорусы безразлично относятся к своей национальности и многие из них окончательно обрусели и совершенно не знают родного языка⁶.

3 ГАНИСО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 310 (Рославльский угорком РКП(б), Информационные доклады о политическом настроении населения в волостях). Л. 49. Здесь и далее тексты архивных документов приводятся в соответствии с орфографией оригинала.

4 Там же. Л. 58–58 об.

5 ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1942 (Ежедневные сводки ЧОН, ГПУ и других органов о политическом положении в губернии). Л. 356.

6 Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине 1918–1938 годы. Документы и материалы / отв. ред. Д. И. Будаев. Смоленск, 1994. С. 145–146. Оригинал: ГАСО. Ф. Р-2360. Оп. 1. Д. 194. Л. 17–26. См. также заметку в газете «Рабочий путь» от 22 июня 1930 г. о необходимости создания в Смоленске белорусского клуба, поскольку «после каждой демобилизации многие из белорусов остаются здесь в Смоленске и постепенно забывают свой родной язык» (Судьбы национальных меньшинств... С. 178).

Какие это возымело последствия в этноязыковом аспекте, будет сказано далее. Начать же следует с отношений с ближайшим «несоветским» западным соседом, влиявшим на состояние умов населения пограничья, – Польшей.

Польская «экспансия»

Во второй половине 1920-х гг. обсуждались и территориальные уступки СССР Польше в связи с возможным военным конфликтом. В «Обзоре политического состояния СССР за июнь 1927 г. (по данным Объединенного государственного политического управления)» в качестве фактов активизации кулачества и других антисоветских элементов приводится следующая информация:

Белоруссия. 1 июня. В Оршанском округе бывший помещик агитирует: «При советской власти нет никакого порядка. Коммунисты – безбожники и скоро придет время, когда их уничтожат. Уже началась война Белоруссии с Польшей и поляками забран Минск. Поляки признают бога и не имеют никакой коммуны, и им живется много лучше, чем здесь». [...] В этом же округе бывший управляющий имением агитирует: «Война неминуема, так как империалисты окрепли и хотят большевиков задавить, потому что, чем дальше, тем больше распространяется большевистская зараза. С началом войны будет конец еврейскому господству над мужиком, советское правительство пойдет на уступки и отдаст Белоруссию и часть Украины Польше»⁷.

Годом позже в «Обзоре политического состояния СССР за май 1928 г. (по данным Объединенного государственного политического управления)» сообщалось о настроениях на территории пограничных с Польшей районов Белоруссии и Украины:

Среди польского кулачества Белоруссии и Украины довольно часты случаи проявления шовинистических настроений. Эти настроения выражаются преимущественно в разговорах о приходе «пана Пилсудского», о поражении Советского Союза в случае войны с Польшей и т. п. Характерны также следующие факты, наблюдавшиеся в Белоруссии. Группа зажиточных двух хуторов Запольского

⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. док. в 10 т. Т. 5. 1927 г. М., 2003. С. 456.

сельсовета Минского округа, высказываясь против белорусских школ, с целью изучения истории Польши, польского языка и закона божьего наняла специальную учительницу, которая ежедневно проводит занятия с их детьми; в этом же округе в одном из сел группа кулаков во время устроенной пьянки распевала польский гимн «Еще Польша не сгинэла». [...] Польское духовенство активно противодействует общественной и культурно-просветительной работе на селе, агитируя против комсомольских и женских организаций, изб-читален и т. п. В Полоцком округе ксендз отказывает в исповеди женщинам, состоящим делегатками, принуждая их этим сдавать делегатские карточки. Используя свое влияние на польское население, духовенство выступает за религиозное воспитание детей, и отмечены факты, когда под влиянием ксендзов организуются детские группы для изучения катехизиса (Бобруйский округ). Оно же распространяет слухи о «скором приходе Пилсудского». В Мархлевском районе Волинского округа среди польского населения в значительном количестве распространялся молитвенник религиозно-шовинистического содержания, призывающий «польский люд к освобождению Польши, поддержанию религии, королевства и развитию его мощи до границ 1772 года». В молитвеннике помещены польский герб, текст присяги для польских солдат, обращение к ним и молитва для них⁸.

Как видим, националистические призывы к свержению советской власти подкреплялись и «языковым фактором» – изучением польского языка в рамках негосударственного образования и распространением текстов на польском языке (гимн, молитвы).

В связи с текучестью административных границ, с одной стороны, и созданием на Смоленщине национальных коммун, колхозов, школ – с другой, языковой вопрос в многонациональной среде вставал довольно остро. Показательно отношение к родному языку разных этнических групп населения, зафиксированное в документе 1928 г.:

Евреи в городах, за исключением бедноты, относятся к школе на родном языке резко отрицательно, что не мешает им, конечно, содержать для своих детей древнееврейских учителей, меламедов и других.

8 «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 6. 1928 г. М., 2002. С. 277–278.

Отношение еврейского населения местечек к школе на родном языке хорошее, что показывает помощь со стороны комсодов⁹ школам. Белорусское население в большинстве случаев относится индифферентно. Бывают случаи активного противодействия организации школ на родном языке.

Польское население всячески скрывает свою национальность, что объясняется боязнью, чтобы их не выслали из пределов Смоленской губернии, как прифронтовой полосы. Это, однако им не мешает нанимать учителей своим детям для изучения польского языка. Учебники для нацменьшкол, во-первых, отсутствуют в достаточном количестве для всех национальностей, во-вторых, они в 1½–2 раза дороже русских учебников и, в-третьих, они не совсем соответствуют своему назначению. Не приспособлены к программам ГУСа¹⁰. Существуют множество орфографий среди еврейских учебников. Отсутствует краеведческий материал в них и прочее¹¹.

Русско-белорусское языковое пограничье

Как было отмечено выше, разделение на русские («великорусские») и белорусские районы Западной области было условным и в значительной мере формальным. Это порождало казусы, в которых не последнюю роль играл языковой фактор.

24 ноября 1929 г. в Рославльский окружной отдел народного образования (ОКРОНО) было направлено заявление жителей д. Полицкое Шумячского района о преподавании предметов на русском языке в местной школе за подписями 13 участников родительского собрания. В заявлении говорилось, что школа в деревне была организована усилиями местных жителей в 1926 г., но «со второго года существования школы преподавать в ней стали на белорусском языке, тогда как население деревни поголовно великорусы» и именно из-за белорусского языка ученики школу посещали неохотно. Далее следовал ультиматум:

9 Комсод – комиссия содействия кредиту и сберегательному делу.

10 Образовательные программы, созданные Государственным ученым советом и предполагавшие комплексное построение учебных программ для школ первой и второй ступени (1923–1925 гг.).

11 Судьбы национальных меньшинств... С. 142–143. Оригинал: ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4514. Л. 90 (Сведения Губоно о сети политпросветучреждений).

Усиленно просим окроно отменить преподавание в школе на белорусском языке, заменив его великорусским, в противном случае мы категорически заявляем, что в сем году не пошлем в школу ни одного ребенка¹².

В 1935 г. ситуация в Шумячском районе снова привлекла внимание. В пояснительной записке к сведениям о белорусских школах Шумячского района отмечалось, что преподаватели русских школ, прослушав в Минске одномесячные курсы по подготовке учителей для белорусских школ, вернулись в свои русские школы и

...начали переводить занятия на белорусский язык, насаждать белорусские школы. Проходило это при большом сопротивлении окружающего русского населения, но началось обучение детей белорусскому языку. В Шумячском районе белорусского населения нет, и разговорный язык чисто русский. В настоящее время белорусские школы фактически занятия проводят на русском языке. Не раз население, окружающее белорусские школы, возбуждало вопрос о закрытии занятий на белорусском языке, так как дети его совершенно не понимают, а это обстоятельство привело к низкой грамотности учащихся белорусских школ¹³.

С 1925 г. в западных районах Западной области, граничащих с Белоруссией, в частности в Руднянском, активно проводилась политика белорусизации школ. Однако, как следует из справки по обследованию белорусских школ Руднянского района (начало июня 1934 г.),

...к определению детского контингента, подлежащего обучению на белорусском языке, как на родном языке, отнеслись без должного изучения и учета требований населения. В результате были открыты белорусские школы в таких пунктах, где разговорный язык населения ничем не отличается от разговорного языка населения, живущего в окружении русских школ. [...] К белорусизации

12 Судьбы национальных меньшинств... С. 166. Оригинал: ГАСО. Ф. Р-2350. Оп. 2. Д. 46. Л. 115.

13 Судьбы национальных меньшинств... С. 291. Оригинал: ГАСО. Ф. Р-2350. Оп. 4. Д. 271. Л. 257.

школ часть населения отнеслась пассивно, а большинство хотело, чтобы их дети учились в русских школах¹⁴.

В этот же период в Белоруссии на фоне проводимой властью политики белорусизации (1924–1928 гг.)¹⁵, предполагавшей расширение употребления белорусского языка в общественно-политической и культурной жизни республики, разворачивались свои коллизии. Наиболее «русифицированными» в плане самоидентификации и языкового выбора жителей считались Витебский и Полоцкий округа, что порождало «языковые конфликты».

В Спецсправке Секретно-политического отдела ОГПУ о шовинистических и националистических проявлениях в БССР от 16 марта 1932 г. представлены следующие факты:

Профессор Витебского ветинститута Ламский говорит, что «не может перевести свой предмет на белорусский язык, т. к. нет соответствующей научной терминологии». Там же проф. Знаменский заявляет: «Будем белоруссифицироваться до второго пришествия», а проф. Зарецкий считает, что «для изучения им белорусского языка у него времени нет».

Витебск. Политехникум. Преподаватель Гришук требует от студентов перевода белорусских слов на русский язык, заявляя, что научную терминологию переводить на белорусский язык нельзя, т. к. теряется всякий смысл, что белорусский язык создан для крестьянства.

Руководитель Витебской теплотехнической лаборатории Политехникума по вопросу белоруссизации заявил: «Лучше пошлите в Соловки, но не буду изучать белорусского языка».

В Могилеве инженер Фрайман при проверке знаний белорусского языка в горсовете заявил: «Белорусского языка не знаю и знать его не хочу. Никто не заставит меня изучать белорусский язык, а если государство хочет, чтобы я его знал, то пусть наймет мне учителя в рабочее время».

Минск. 80 % студентов Промстройтехникума не знают белорусского языка, который не изучается ни на одном курсе. Записи ведутся на русском языке, вопросы, задаваемые на белорусском языке,

14 Судьбы национальных меньшинств... С. 273–274. Оригинал: ГАСО. Ф. Р-2350. Оп. 4. Д. 271. Л. 245–246.

15 См.: *Левин В.* Смоленщина... С. 27; *Зельцер А.* Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917–1941. М., 2006. С. 280–281.

просят переводить на русский. Белорусский язык считают «выдуманным», а отдельные студенты заявляют, что никакие репрессии не вынудят заниматься белорусским языком.

В Витебске имел место случай, когда городской доктор выдал справку школьнику, удостоверяющую, что, по состоянию своего здоровья, последний подходит только к русской школе и белорусскую школу посещать не может¹⁶.

В этом документе обращает на себя внимание определение более низкого по сравнению с русским языком статуса белорусского языка («выдуманный» язык), «создан для крестьянства»). Этот стереотип (русский язык – язык высокой письменной и книжной культуры; белорусский – язык недостаточно развитой крестьянской культуры) демонстрировал крайнюю устойчивость и впоследствии. Такое распределение статусов языков отразилось и в неславянской среде. Для части еврейского населения Белоруссии показателем лингвистической аккультурации при выборе между русским и белорусским как языком обучения становился выбор в пользу русского языка и русской школы, которая открывает лучшие перспективы для дальнейшего образования и социального продвижения. В 1927 г. один белорусский местечковый еврей высказал мнение: «Если бы была русская школа, я бы не послал своего сына в еврейскую школу, но так как нет, то лучше пусть идет в еврейскую, чем в белорусскую»¹⁷.

Между русским и белорусским: выбор для носителей идиша

Целый ряд особенностей отмечается для ситуации с бытованием еврейского языка. Идиш – разговорный язык еврейского населения местечек русско-белорусского пограничья – по-прежнему удерживал свои позиции (часть районов Западной области до 1917 г. входила в так называемую черту оседлости). В советское время активно (особенно в среде учащейся молодежи и работников партийных и государственных организаций) набирал обороты процесс русификации, что нашло отражение в партийных документах. При этом отмечалось,

16 «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 10. 1932–1934 гг. Ч. 1. М., 2017. С. 398–400.

17 *Зельцер А.* Евреи советской провинции... С. 288.

что еврейский язык в ряде случаев следует вернуть – например, в систему агитационной работы среди населения.

Протокол Первой городской конференции еврейских комсомольцев от 25 декабря 1927 г., проходившей в г. Рославле, зафиксировал следующие высказывания: «тов. Герман: Работу среди еврейской молодежи нужно вести на родном языке, но не на литературном еврейском языке, потому что последний не понятен нашей молодежи¹⁸. [...] тов. Рабинович: Необходимо каждому комсомольцу изучить еврейский язык. [...] тов. Хенох: ...заставить актив еврейских комсомольцев, чтобы они изучили еврейский язык, потому что они должны вести за собою всю остальную еврейскую молодежь»¹⁹.

Из документа следует, что выступающие ратуют за распространение именно идиша (как языка еврейского пролетариата), которым коммунистическая молодежь не всегда владела на должном уровне. Вопрос с ивритом (древнееврейским языком) – в документе он назван «литературным еврейском языком» – в этой дискуссии не стоит: язык религии должен быть отринут как чуждый «новой культуре».

Для сравнения обратимся к свидетельствам того же периода из Белоруссии, где языковая ситуация была принципиально иной. С 1927 по 1937 г. в БССР, согласно Конституции, была закреплена государственность четырех языков основных этнических групп населения, живших на территории республики: белорусского, русского, польского и идиша. В статье 21 Конституции БССР, принятой 11 апреля 1927 г., для граждан провозглашалось право «свободного

¹⁸ Дискуссия проходила в русле актуальной для 1920-х гг. полемики гебраистов и идишистов о соотношении литературного еврейского языка (иврита) и идиша. Гебраисты считали, что национальная культура и национальное образование могут существовать только на иврите (ср. распространявшееся с XIX в. изначально пейоративное обозначение идиша как еврейского «жаргона»). С точки зрения идишистов, идиш мог обрести статус общенационального еврейского языка. В первые годы существования СССР идиш как «язык еврейских пролетариев» получил поддержку советской власти (организация на местах наряду с другими национальными секциями Еврейских секций ВКП(б), образование, печать на идише). См. также: *Зельцер А.* Евреи советской провинции... С. 293–294.

¹⁹ ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 612. Л. 73, 74. О механизмах языкового выбора в культурной и образовательной сферах для еврейского населения русско-белорусского пограничья (идиш – русский – белорусский) см.: *Зельцер А.* Евреи советской провинции... С. 285–298.

пользования родным языком на с'ездах, в суде, управлении и общественной жизни», право обучения на родном языке, устанавливалось «полное равноправие белорусского, еврейского, русского и польского языков»; согласно статье 23, важнейшие законодательные акты публиковались на белорусском, еврейском, русском и польском языках²⁰.

Согласно архивным данным соседствующей со Смоленщиной Витебской области, среди местного славянского населения подобное «равноправие» языков вызывало противоречивую реакцию.

Введение идиша в работу учреждений могло усилить у окружающего населения общее негативное восприятие «чужого» языка. Раздражение вызывал сам разговор на идише: «Все они на своем языке лопочут»²¹. В письме в ЦК ВКП(б) о росте антисемитизма в Витебске секретарь евсекции²² Витебского окружкома комсомола указывал в 1927 г. на высказываемое недовольство использованием идиша в повседневной жизни: «Жиды, жиды, разговаривают все по-жидовски. По-русски надо говорить, а не по-жидовски»²³. В 1926 г. среди кустарей местечка Чашники возникли принципиальные разногласия: кустарь-нееврей, получив отказ на свое требование проводить собрание по-русски, в знак протеста покинул собрание. Наиболее радикально настроенная часть кустарей заявила, что ради нескольких неевреев они не намерены переходить на трудный для них русский: «Должны ли мы из-за них ломать себе язык?»²⁴ В 1930 г. на витебской фабрике «Профинтерн» во время выступления представителя газеты «Дер Эмес» семеро рабочих-белорусов

20 Канстытуцыя (Асноўны закон) Беларускае Сацыялістычнае Савецкае Рэспублікі. Менск, 1927. В тексте Конституции БССР, принятой 19 февраля 1937 г., статья о государственности четырех языков уже отсутствует, в статье 25 говорится лишь о том, что «законы, принятые Верховным Советом БССР, публикуются на белорусском, а также на русском, польском и еврейском языках» (Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. Минск, 1937).

21 *Зельцер А.* Евреи советской провинции... С. 215.

22 Евсекция, аббр. от Еврейская секция – название еврейских коммунистических секций ВКП(б), созданных в советское время наряду с другими национальными секциями при ВКП(б), а также при компартиях Украины (КП(б)У) и Белоруссии (КП(б)Б). Главной задачей этих национальных секций являлось распространение коммунистической идеологии в среде национальных меньшинств на их родном языке и вовлечение их в строительство социалистического общества.

23 *Зельцер А.* Евреи советской провинции... С. 215–216.

24 Там же. С. 216.

в знак протеста покинули собрание, несмотря на заверения о переводе выступления после завершения доклада²⁵.

Случаи, зафиксированные в источниках 1929 г., демонстрируют живое бытование взаимного стереотипа о «хитрости» этнических соседей, благодаря которой они получают материальные блага. Уборщица фармацевтической лаборатории просила евреев научить ее говорить на идише, полагая, что этим она облегчит себе проблемы с продовольствием: «Евреям дают больше хлеба, чем русским, и если бы я умела по-еврейски говорить, то меня приняли бы за еврейку и дали бы больше хлеба». У евреев существовала убежденность, что «гой за гою тянет» (т. е. неевреи всемерно способствуют успеху других неевреев исходя из их общей этнической принадлежности). Аналогичные высказывания можно было услышать в отношении евреев: «Жид за жида тянет, жидам все можно»²⁶.

По наблюдению А. Зельцера, в этот период в русско-белорусской среде на Витебщине бытовали этнические эвфемизмы, восходящие к лексике идиша: «Слова “жид”, “жидовская морда”²⁷, вместо которых иногда использовались эвфемизмы “пархандалы”²⁸, “гармидары” (разг. белорусс. – кавардак, ералаш)²⁹ и пр., получили распространение в городской среде и местечках среди взрослых, включая коммунистов и комсомольцев, подростков и детей»³⁰.

25 Там же.

26 Там же. С. 209.

27 В рассматриваемый период среди части населения было распространено мнение, что в условиях Белоруссии термин *жыд* не ассоциировался с оскорблением евреев (ср. укр. *жид*, пол. *żyd*), воспринимался как легитимный этноним. Вместе с тем Белорусский ЦК партии в середине 1920-х гг. издал специальную директиву о запрещении использования слова «жид», и любое появление этого термина (даже в русско-белорусском словаре) расценивалось евсекцией как грубое нарушение национальной политики, см.: *Зельцер А.* Евреи советской провинции... С. 389–390.

28 Ср. бел. диал. *пархаты* ‘паршивый’, бывш. Кузнецовский р-н Витебской обл. (*Касьяровіч М. І.* Віцебскі краёвы слоўнік (матар’ялы). Віцебск, 1927 (переиздание – Минск, 2011). С. 231); *парх, пархуцька* ‘паршивец’, Червенский р-н Минской обл., д. Старино (Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны / улажыў М. В. Шатэрнік. Минск, 1929. С. 204).

29 Ср. бел. диал. *гармідар* ‘шум, тревога, содом’, Сиротинский, Сенненский р-ны Витебской обл. (*Касьяровіч М. І.* Віцебскі краёвы слоўнік. С. 77); *гармідар* ‘шум, беспорядок’, Червенский р-н Минской обл., д. Старино (Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. С. 65).

30 *Зельцер А.* Евреи советской провинции... С. 217.

Еврейская сторона не оставалась безответной. Как отмечает А. Зельцер, евреи Витебска, полагавшие свой язык «закрытым» для этнических соседей, зачастую использовали по отношению к неевреям имевшие негативный оттенок слова типа «гой», «фоня»³¹ (нееврей), «шиксе» (молодая нееврейка), «шейгец» (молодой нееврей) несмотря на то, что неевреи, выросшие в еврейском окружении, неплохо понимали идиш и такие высказывания вызывали их недовольство³².

Аналогичная ситуация складывалась на Смоленщине. 14 февраля 1929 г. губернский комитет ВЛКСМ направил во все национальные ячейки ВЛКСМ Смоленской губернии обращение нацменинструктора ГК ВЛКСМ тов. Рабиновича с информацией о фактах антисемитизма и еврейского шовинизма. В документе содержался призыв «проводить усиленную борьбу с бытовым пренебрежительным отношением к не евреям, как клички “гой” и др., разоблачая их путем устройства товарищеских общественных судов и т. п.»³³.

Как показывают материалы ГАНИСО, партийная документация и переписка уездных (районных) евсекций со Смоленским губернским комитетом ВЛКСМ в 1920-х гг. велась в основном на идише³⁴. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. доминировать стал русский язык.

При этом маркером этноязыковой традиции в документах, составленных на русском языке, оказываются названия еврейских праздников и лексика из сферы религиозного культа. Эти названия представлены русской графикой с передачей особенностей произношения, что дает возможность не только зафиксировать наличие терминов на идише или иврите, но составить представление о локальных вариантах лексем.

31 Имя *Фоня* (*Афоня*) в еврейской среде использовалось в качестве собирательного обозначения русского (православного), имело и более узкое значение ‘русский солдат’. Наричательное *фонька* имело пренебрежительный оттенок. См.: *Амосова С. Н.* Как Копл стал Филаретом: шутки про смену имен в еврейской традиции // *Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия.* 2021: Смех и юмор в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М., 2021. С. 186.

32 *Зельцер А.* Евреи советской провинции... С. 217.

33 ГАНИСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 716. Л. 17.

34 См., например: ГАНИСО. Ф. 18. Д. 66 (Велижский р-н); Ф. 50. Д. 213 (обком ВЛКСМ Западной области); Ф. 140. Д. 507, 508, 601, 612, 716, 718 (Смоленский губернский комитет ВЛКСМ); Ф. 154. Д. 314 (Рославльский р-н).

В документах, касающихся проведения антирелигиозных кампаний, в идишской огласовке упоминаются осенние праздники «Судный день» («День искупления», «День всепрощения») – Йом-Кипур (иврит), «Праздник кущей» – Суккот (иврит), еврейский новый год – Рош-а-шана (Рош-ха-шана, иврит, букв. «голова года»).

В письме Смоленского губернского комитета Бохотскому волостному комитету ВКП(б) и ВЛКСМ от 16 сентября 1927 г. сообщается:

В начале октября наступают еврейские религиозные праздники «Рош-гашоно»³⁵, «Йом-Кипур» и «Сукес»³⁶. В эти праздники в синагоги приглашаются лучшие хористы – богослужители (хазоным³⁷), которые своим пением привлекают еврейскую массу. Праздничное время используется³⁸ также еврейскими агитаторами (магидым³⁹), которые нередко в своих выступлениях проводят контрреволюционные идеи. Как первые, так и вторые получают за свои выступления плату, от которой страдают карманы трудящихся еврейского населения⁴⁰.

Далее местному комитету предлагается принять меры и представить доклады о том, сколько получают «хазн» (т. е. хазан) и «Балтки»⁴¹ и сколько потрачено на водку.

Из протоколов заседаний евсекции Велижского уездного комитета ВКП(б):

В дни «Рош-Гашена» и «Йом Кипура» провести антирелигиозную кампанию. В дни «Сукеса» провести культнеделю по разработанному плану (протокол № 111 от 5 сентября 1922 г.)⁴².

35 Идиш.

36 Идиш.

37 *Хазан*, мн. ч. *хазаним* (иврит) – кантор в синагоге.

38 Так в документе.

39 *Магид*, мн. ч. *магидим* (иврит) – еврейский религиозный проповедник.

40 ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3688. Л. 1–1 об. Документ подписали зам. зав. АПО ГК ВКП(б) Рабинович, секретарь евсекции ГК ВКП(б) Прагер и секретарь ГК ВЛКСМ Жиц.

41 *Бааль ткия* (иврит) – тот, кто трубит в шофар на богослужении в синагоге в праздник Рош-а-шана (новый год). За разъяснение благодарю М. М. Каспину.

42 ГАНИСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 66. Л. 65.

В неделю «Сукеса» предполагается устроить культ-неделю по укреплению материальной и моральной базы еврейской школы (протокол № 112 от 13 сентября 1922 г.)⁴³.

В день «Иом-Кипура» организовать 1/Х юмористический вечер, а 3/Х научно-популярную лекцию на тему «Происхождение еврейских праздников» (протокол № 113 от 27 сентября 1922 г.)⁴⁴.

В отчете Еврейской секции Смоленского обкома ВКП(б) о проведенной антирелигиозной кампании среди трудящихся евреев (21 ноября 1929 г.) приводится такой факт:

В местечке Хиславичи имел место случай, когда одна работница одной артели сошла с ума после работы в «Иом-кипур», и верующие распространили слухи, что это случилось потому, что она работала в судный день и что это случится со всеми остальными⁴⁵.

Диалектные словоформы на идише встречаются и в документах ГАСО.

29–30 сентября 1933 г. в Смоленске работал I Общегородской Антирелигиозный слет евреев – «рабочих ударников промышленности, кустарно-промысловой и инвалидной кооперации». Слет был специально приурочен к празднику «Иом-кипера»⁴⁶.

В сентябре 1934 г. в г. Клинцы⁴⁷ в связи с наступлением осенних праздников разрабатывался план проведения антирелигиозной кампании «РОШ-ГАШОНО» и «ЕМКИПОР»⁴⁸.

43 Там же. Л. 56.

44 Там же. Л. 55.

45 ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 693. Л. 111. Документ был опубликован в отредактированном виде, в частности, интересующее нас название праздника передано (с ориентацией на книжную форму на иврите) как «Иом-киппур» (Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине... С. 168).

46 ГАСО. Ф. Р-2360. Оп. 1. Д. 2703. Л. 44. В этом же документе имеется и другая диалектная форма названия праздника: «...ко дню “Иом-Кипура”. Это самый страшный день, когда агентура классового врага – клерикализм использует эти дни для своей контрреволюционной деятельности» (л. 46).

47 Ныне в Брянской области.

48 ГАСО. Ф. Р-2360. Оп. 1. Д. 2703. Л. 57.

Согласно протоколу № 1 общего собрания трудящихся евреев г. Ярцево от 3 октября 1929 г. рабочие обязались «отработать в день РОШШОНА 6 октября в фонд постройки аероплана “Биробиджан”»⁴⁹.

Транслитерация названий еврейских праздников встречается и в местной печати. В газете «Коммунист» (печатный орган Рославльского горкома и райкома ВКП(б)) в 1923 г. упомянут праздник «ём-кипур»:

Еврейский рабочий клуб в Рославле имеет уже некоторые заслуги в борьбе с религиозными предрассудками еврейского населения. Уже в 1921 году, а затем 1922 году в «ём-кипур» (судный день), в самый «святой» еврейский праздник, Еврабклуб устроил удачные субботники по оборудованию клуба. Когда «набожные» прикидывающиеся или настоящие дурачки постились и возносили к потолку свои моления об удаче в «делах» своих, евреи коммунисты и сознательные беспартийные работали в поте лица над созданием культурного гнезда⁵⁰.

Еще два термина из области религиозных практик упоминаются в отчете Еврейской секции Смоленского обкома ВКП(б) о проведенной антирелигиозной кампании среди трудящихся евреев (21 ноября 1929 г.) в связи с еврейским новым годом, пришедшимся на 6 октября 1929 г.:

В гор. Рославле женщины – работницы одной артели (трикотажник), в числе 15, во время обеденного перерыва 6/Х – ушли с работы в синагогу на «изкор»⁵¹ и раввин в своем докладе использовал этот момент для своей агитации. В 3-х колхозах были устроены «миненым»⁵², участвовали, главным образом, старики и женщины⁵³.

49 ГАСО. Ф. Р-2360. Оп. 1. Д. 862. Л. 339.

50 Л. Р. Еврейская пасха на коммунистический лад // Коммунист. 1923. 31 марта, суббота, № 23 (443). С. 1.

51 Поминальная молитва.

52 *Миньян*, мн. ч. *миньяним* (иврит) – группа молящихся вместе взрослых евреев числом не менее десяти. В публикации документа название передано как «минены» (Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине... С. 168).

53 ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 693. Л. 111–111 об.

К сожалению, корпус таких текстов ограничен (но потому и ценен для исследователя межъязыковых контактов), поскольку в 1930 г. еврейские секции были распущены и их деятельность прекращена (прекратилась и соответствующая переписка в партийных инстанциях).

Представленный в статье материал является иллюстрацией принципов языковой и культурной коммуникации и механизмов освоения соседних языковых традиций в новых общественных условиях. Советская действительность, изменившая реальные и ментальные границы в русско-белорусском пограничном ареале, привела к трансформации языковых и ментальных стереотипов, отражающих опыт исторического соседства. Языковой фактор более не являлся главным маркером этнической само(идентификации) – в новом советском пространстве устанавливались новые правила взаимоотношения национальных языков.

Источники и литература

Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО).

Государственный архив Смоленской области (ГАСО).

Амосова С. Н. Как Копл стал Филаретом: шутки про смену имен в еврейской традиции // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2021: Смех и юмор в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О. В. Белова. М.: Институт славяноведения РАН; Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2021. С. 178–191. DOI: 10.31168/2658-3356.2021.11.

Белова О. В., Мороз А. Б., Ясинская М. В. Слово устное и слово письменное в языке этнокультурного пограничья. М.: Неолит, 2023. 440 с.

Зельцер А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки 1917–1941. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 478 с., ил.

Канстытуцыя (Асноўны закон) Беларускае Сацыялістычнае Савецкае Рэспублікі. Менск: Выданьне Цэнтральнага Выканаўчага Камітэту Б. С. С. Р. 1927. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda/> (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь) (дата обращения: 08.02.2024).

Каспяровіч М. І. Віцебскі краёвы слоўнік (матар’ялы). Віцебск: Заря Запада, 1927 (переиздание – Менск: АРХЕ, 2011). 372 с.

Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. Минск: БЕЛПАРТИЗДАТ ЦК КП(б)Б, 1937. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyuna-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1937-goda/index.php#1937> (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь) (дата обращения: 08.02.2024).

Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны / улажыў М. В. Шатэ́рнік. Менск: Выданьне Беларускае акадэміі навук, 1929. 317 с.

Левин В. Смоленщина: границы и пограничье // Евреи пограничья: Смоленщина / отв. ред. С. Амосова. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2018. С. 17–30.

Л. П. Еврейская пасха на коммунистический лад // Коммунист. 1923. 31 марта, суббота, № 23 (443). С. 1.

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. док. в 10 т. Т. 5. 1927 г. / Ин-т рос. истории РАН, Центр. архив ФСБ РФ, Комис. историков России и Финляндии, Ренвалл-институт (Хельсинский ун-т) АН Финляндии, Александровский ин-т (Финляндия), Калифорнийский ун-т (Лос-Анджелес, США), Центр исслед. и архивов сталинского периода ун-та Торонто (Канада); ред. В. С. Христофоров и др. М.: [Б. и.], 2003. 804 с.

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. док. в 10 т. Т. 6. 1928 г. / Ин-т рос. истории РАН, Центр. архив ФСБ РФ, Комис. историков России и Финляндии, Ренвалл-институт (Хельсинский ун-т) АН Финляндии, Александровский ин-т (Финляндия), Калифорнийский ун-т (Лос-Анджелес, США), Центр исслед. и архивов сталинского периода ун-та Торонто (Канада); ред. В. С. Христофоров и др. М.: [Б. и.], 2002. 804 с.

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. док. в 10 т. Т. 10 в 3 ч. 1932–1934 гг. Ч. 1 / Ин-т рос. истории РАН, Центр. архив ФСБ РФ, Науч. совет РАН «История международных отношений и внешней политики России», Науч. совет РАН по истории соц. реформ, движений и революций, Комис. историков России и Финляндии, АН Финляндии, Фонд Дом наук о человеке (Франция); отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М.: ИРИ РАН, 2017. 656 с.

Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине 1918–1938 годы. Документы и материалы / отв. ред. Д. И. Будаев. Смоленск: Смоленский государственный педагогический институт, 1994. 317 с.

References

Amosova, S. N. “Kak Kopl stal Filaretom: shutki pro smenu imen v evreiskoi traditsii.” *Kul'tura slavian i kul'tura evreev: dialog, skhodstva, razlichiiia*. 2021: *Smekh i umor v slavianskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii*, ed. by O. V. Belova. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN; Tsentr nauchnykh rabotnikov i prepodavatelei iudaiki v vuzakh “Sefer”, 2021, pp. 178–191. DOI: 10.31168/2658-3356.2021.11

Belova, O. V., Moroz, A. B., Yasinskaia, M. V. *Slovo ustnoe i slovo pis'mennoe v iazyke etnokul'turnogo pogranch'ia*. Moscow: Neolit, 2023, 440 p.

Kanstyutysyia (Asnouny zakon) Belaruskae Satsyialistychnae Savetskae Respubliki. Mensk: Vydan'ne Tsentral'naha Vykanauchaha Kamitetu B. S. S. R. 1927. URL: [https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstyutysyinae-prava-belarusi/kanstyutysi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda/\(Natsional'nyi pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus'\)](https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstyutysyinae-prava-belarusi/kanstyutysi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda/(Natsional'nyi pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus')) (accessed: 08.02.2024).

Kas'piarovich, M. I. *Vitsebski kraievy slounik (matar'ialy)*. Vitsebsk: Zaria Zapada, 1927 (Mensk: Arche, 2011), 372 p.

Konstitutsiia (Osnovnoi Zakon) Belorusskoi Sovetskoi Sotsialisticheskoi Respubliki. Minsk: BELPARTIZDAT TsK KP(b)B, 1937. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstyutysyinae-prava-belarusi/kanstyutysi-belarusi/konstitutsiya-1937-goda/index.php#1937> (Natsional'nyi pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus') (accessed: 08.02.2024).

Kraievy slounik Chervenshchyny, comp. by M. V. Shaternik. Mensk: Vydan'ne Belarускаie akademii navuk, 1929, 317 p.

Levin, V. “Smolenshchina: granitsy i pogranch'ie.” *Evrei pogranch'ia: Smolenshchina*, ed. by S. Amosova. Moscow: Tsentr nauchnykh rabotnikov i prepodavatelei iudaiki v vuzakh «Sefer»; Institut slavianovedeniia RAN, 2018, pp. 17–30.

L. R. “Evreiskaia paskha na kommunisticheskii lad.” *Kommunist*, 31 Mar. 1923, No 23(443), p. 1.

“*Sovershenno sekretno*”: *Lubianka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)*, in 10 vols., vol. 5 “1927”, ed. by V. S. Khristoforov et al. Moscow: [s. n.], 2003, 804 p.

“*Sovershenno sekretno*”: *Lubianka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)*, in 10 vols., vol. 6 “1928”, ed. by V. S. Khristoforov et al. Moscow: [s. n.], 2002, 804 p.

“*Sovershenno sekretno*”: *Lubianka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)*, in 10 vols., vol. 10 “1932–1934” (in 3 parts), part 1, ed. by A. N. Sakharov, V. S. Khristoforov. Moscow: IRI RAN, 2017, 656 p.

Sud'by natsional'nykh men'shinstv na Smolenshchine 1918–1938 gody. Dokumenty i materialy, ed. by D. I. Budajev. Smolensk: Smolenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1994, 317 p.

Zel'tser, A. *Evrei sovetkoi provintsii: Vitebsk i mestechki 1917–1941*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaja entsiklopediia, 2006, 478 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.10

O. V. Belova

**Over the barriers: the transformation of linguistic stereotypes
in the multicultural environment of the Western Region
and neighboring regions in the 1920s – 1930s**

Olga V. Belova

Doctor of Letters, chief research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5221-9424

Citation:

Belova O. V. Over the barriers: the transformation of linguistic stereotypes in the multicultural environment of the Western Region and neighboring regions in the 1920s – 1930s // *Slavic almanac*. 2024. No 1–2. P. 205–226 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.10

Received 14.02.2024.

Revised: 15.02.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the linguistic situation on the ethnocultural borderland, which in the 1920s and 1930s turned out to be the territory of the Smolensk Province and (since 1929) the Western Region of the USSR, which included territories that previously belonged to the Smolensk, Bryansk, Kaluga and Tver provinces. This region, bordering Belarus to the west, has always been distinguished by a variety of ethnic, confessional and cultural traditions. The article examines the ethnic and language stereotypes that existed in the Russian-Belarusian-Polish environment, their transformation under the influence of state policies (change of administrative borders, processes of Russification, Belarusization); the situation with the Yiddish language that developed in the western parts of Smolensk region and in eastern Belarus deserves special attention. For the population of the border regions, language is the most important ethnocultural marker and a way of (self)identification, which is reflected in popular ideas about the different status of different languages, in the choice of the language of communication and education, in interlanguage interaction (lexical borrowings). In the chronological period under consideration,

the self-reflection by various groups, expressed in the form of statements and narratives about their own and the “others” language, became the object of attention of Communist party and state security organizations, which was reflected in the secret documents of the relevant institutions and organizations. The article is based on materials from the State Archive of the Smolensk Region and the State Archive of the Modern History of the Smolensk Region, reflecting various aspects of linguistic, ethnic and confessional interaction between representatives of various ethnocultural traditions in the territory of the Smolensk Province and the Western region of the USSR.

Keywords

Ethnic and language stereotypes, Russian language, Belarusian language, Polish language, Yiddish, linguistic acculturation, ethnocultural borderland.

УДК 811.14

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.11

К. А. Климова, И. О. Никитина

**Язык и культура греков Северной Осетии – Алании
(по материалам этнолингвистической экспедиции
к грекам Владикавказа)**

Климова Ксения Анатольевна
Кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация
Научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: kaklimova@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0105-6543

Никитина Инна Олеговна
Аспирант
Европейский университет в Санкт-Петербурге
191187, ул. Гагаринская, д. 6/1 А, Санкт-Петербург, Российская Федерация
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: solreyne@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2696-8362

Цитирование

Климова К. А., Никитина И. О. Язык и культура греков Северной Осетии – Алании (по материалам этнолингвистической экспедиции к грекам Владикавказа) // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 227–240. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.11

Финансирование

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>.

Статья поступила в редакцию 02.02.2024.

Рецензирование завершено 02.03.2024.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

В статье дается краткий обзор этнолингвистической экспедиции к грекам Владикавказ, состоявшейся зимой 2024 г. История греческой общины в Северной Осетии начинается в XIX в., когда на Кавказ переселяются греки-строители из областей Трапезунда. Впоследствии сюда также прибывают греки из других мест – Краснодарского края, Казахстана, Грузии. Большинство греческого населения Владикавказ является носителями понтийского диалекта греческого языка. Главной целью экспедиции было исследование лексики понтийского диалекта в области похоронно-поминальной обрядности. Особый интерес представляют поминальные ритуалы греков Владикавказ, отличающиеся регламентированным порядком проведения. Информантами подчеркивается краткость греческих поминальных застолий, определенный набор блюд и способ украшения традиционного ритуального блюда «кокии» (разный до и после поминок 40-го дня). В статье описывается обычай навещать семью покойного с целью выражения соболезнований до 40-го дня после смерти, что на понтийском называется *to xatir* ‘уважение’.

Ключевые слова

Греки России, Северная Осетия – Алания, Владикавказ, греческая традиционная культура, этнолингвистика, понтийские греки, похоронно-поминальный обряд.

Продолжая серию полевых исследований греческой культуры и языков на территории России, с 25 января по 2 февраля 2024 г. научно-исследовательская группа из Института славяноведения РАН и ЕУСПб предприняла этнолингвистическое исследование греческой общины Владикавказ (Республика Северная Осетия – Алания). В экспедиции приняли участие Ксения Анатольевна Климова (доцент МГУ имени М. В. Ломоносова и научный сотрудник Института славяноведения РАН) и Инна Олеговна Никитина (аспирантка ЕУСПб)¹. Материал по традиционной культуре и языку

¹ Выражаем благодарность также студентке третьего курса бакалавриата отделения византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Марии Владимировне Пелевиновой за работу по сбору и расшифровке материалов по свадебной обрядности.

собирался по этнолингвистической программе МДАБЯ, составленной А. А. Плотниковой (Плотникова 2009), а также по специальным тематическим вопросам, разработанным для исследований греческой культуры на территории России. В ходе экспедиции были обследованы греческие общины г. Владикавказа и г. Беслана. Всего было опрошено 35 информантов в возрасте от 14 до 92 лет, собран архив интервью с носителями традиционной культуры объемом более 30 часов аудиозаписей и более 10 Гб фото- и видеоматериалов².

Греческая община Владикавказа начала формироваться в начале XIX в., когда группы греков – строителей и каменотесов из различных сел района Трапезунда³ стали прибывать на Кавказ в поисках работы. Так, группы строителей прибыли во Владикавказ для строительства Военно-Грузинской дороги (Шахбазов 1997: 182). Во второй половине XIX – начале XX в. численность греческого населения увеличилась за счет новых переселенцев из областей Трапезунда и Карса, прибывших на Кавказ после Русско-турецкой войны и отступления российской армии с территорий компактного проживания греков в Османской империи, а также после передачи Карсской области Турции. Подавляющее большинство переселенцев являлось носителями понтийского диалекта греческого языка⁴, которым в разной степени и по сей день владеют их потомки. Сейчас во Владикавказе проживает также несколько семей тюркоязычных греков, переселившихся из Грузии⁵.

До 1937 г. для греческой диаспоры во Владикавказе действовала школа, где детям преподавался новогреческий язык. В печально известном 1937 г. происходили аресты греков г. Орджоникидзе⁶ по обвинению

2 Все собранные материалы оцифрованы, каталогизированы и представлены в виде электронного архива, хранящегося в библиотеке кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

3 Трапезунд, как и другие города и регионы Малой Азии (Самсун, Карс), а также окрестные районы уже после завоевания османами, вплоть до начала XX в. и событий Малоазийской катастрофы сохраняли большой процент греческого населения.

4 Подробное лингвистическое описание диалекта см. в: (Елоева 1997).

5 Подробнее про язык и историю греков-тюркофонов из Грузии см. в статье по материалам экспедиции в регион Кавказских Минеральных Вод (Климова, Никитина 2023).

6 Город Владикавказ официально назывался Орджоникидзе в периоды с 1931 по 1944 и с 1954 по 1990 г. С 1944 по 1954 г. город носил осетинское название Дзауджикау.

в участии в «контрреволюционной фашистской националистической греческой организации»⁷ (Шахбазов 1997: 188). Такие постановления были частым предлогом для репрессий против этнических меньшинств⁸, в особенности против тех, кто имел иностранное гражданство, – многие греки же на тот момент обладали «белыми паспортами» Греческого королевства. В 1942 г. община пополнилась за счет греческих семей, депортированных с территорий Краснодарского края, также до конца 1953 г. в город прибывали греки из Средней Азии и Казахстана, находившиеся там в депортации (Там же: 189–190).

Греками Владикавказа было построено и передано в дар городу много зданий и церквей. В частности, один из знаменитых памятников архитектуры, расположенный в центре города, – гостиница «Имперал» – был построен известным греческим купцом Панайотом Марандовым, о чем до сих пор свидетельствуют инициалы «П. М.», расположенные на фасаде гостиницы. В настоящее время по разным оценкам во Владикавказе и других городах Республики Северная Осетия – Алания проживает 1 500 – 3 000 греков (по официальным данным переписи населения 2010 г. в г. Владикавказ зарегистрированы 1 717 греков, что составляет 0,52 % от общего населения). Помимо Владикавказа, несколько греческих семей живут в г. Беслан, г. Моздок, г. Ардон, однако местом наибольшей концентрации представителей греческой диаспоры является столица республики.

Греческое общество Владикавказа «Прометей» является старейшим обществом греков на территории России: оно было образовано еще до распада Советского Союза, в 1988 г. Здание, в котором оно располагается, было построено в 1901 г. В здании общества изначально располагалась греческая школа, а после ее закрытия в 1937–1990 гг. здесь находились различные учреждения. В 1990 г. здание было возвращено обществу. Сейчас в нем функционирует центр дополнительного образования, где преподают новогреческий язык и греческие и понтийские танцы.

Греческая община Владикавказа сформировалась за счет нескольких не связанных между собой волн миграций, и, что немаловажно, эти миграции были из разных мест. Надо отметить также, что численность греческого населения в Осетии никогда не была большой (если

7 В руководстве которой обвинили как раз директора греческой школы Феофилакта Левантидиса (Шахбазов 1997: 188).

8 Согласно историку В. Шахбазову, все репрессированные греки Орджоникидзе впоследствии были реабилитированы (Там же).

Традиционное
греческое
надгробие
на Мещанском
кладбище

сравнивать с другими местами расселения греков на территории России). При этом, пережив эпидемию тифа, конфискацию и муниципализацию жилья, репрессии и депортации, а также развал СССР, община сохранилась и осталась живой. Многие наши собеседники родились в Орджоникидзе, но их семейная история простирается за пределы этих мест – в Карс, Трапезунд, Новороссийск, Грузию, Казахстан, Краснодарский край, Абхазию... Из всех этих регионов греки приносили в Осетию свои локальные обычаи, и оттого разговор с каждой семьей становился уникальным. Тем не менее нельзя сказать, что у греков Владикавказа нет представления о «местной традиции». Так, зачастую информанты рассказывали нам несколько версий какого-либо элемента ритуала: как греки делали в других знакомых им местах и как делают здесь, в Осетии. Показательным в этом плане является

Надгробие 1883 г.
с надписью на греческом языке

и разнообразие записанной нами ритуальной лексики. Например, наши собеседники во Владикавказе могли употреблять любое из трех слов для обозначения гроба в понтийском диалекте – *каσέλα*, *κούπα* и *ταπούτ*, в то время как для других обследованных нами ранее регионов проживания греков на территории РФ было характерно доминирование какой-то одной из вышеуказанных лексем (в Сочи – преимущественно *каσέλα*, у греков Кавказских Минеральных вод – *κούπον* (*κούπα*) или *ταπούτ* и пр.).

Основной целью экспедиции было изучение похоронно-помина-

тельного ритуала и обрядовой лексики. Записанные нами лексемы на понтийском диалекте в целом не отличаются от ранее зафиксированных в Краснодарском и Ставропольском крае⁹. В Осетии нам удалось записать ранее не встречавшиеся выражения для эвфемистического обозначения смерти: *επήεν σο καλόνατ* ‘ушел в свой хороший (мир)’ и *επήεν сон καλόν και сон αέραστον* ‘ушел в лучший и в вечный (мир)’. Для обозначения покойного используются лексемы *το λείψανον* ‘покойник’¹⁰, *ο σχωρεμένος* ‘покойный’, *ο αποθαμένος* ‘умерший’. Основные элементы похоронного обряда во Владикавказе являются характерными для понтийских греков и в других регионах России: хоронят на третий день, до похорон тело стараются оставлять дома. Интересно, что отпевание и раньше, и сейчас стараются проводить не в церкви, а дома. Пока тело остается дома (до двух ночей), родственники, близкие и соседи приходят *να μονάζνε* ‘переночевать’ с покойным. Это означает, что рядом с умершим постоянно кто-то находится – рядом с ним сидят люди и общаются между собой: рассказывают истории, делятся воспоминаниями. Во Владикавказе

9 См. (Климова, Никитина 2022; 2023).

10 Выражение *πάγω σο λείψανον* может метонимически означать или ‘иду на соборознования’, или ‘иду на похороны’ (в таком случае оно синонимично выражению *πάγω σο θάνατον* ‘иду на похороны’).

Греческая школа г. Владикавказа, фотография 1929 г.

мы впервые зафиксировали существительное для обозначения этого элемента ритуала – *το μόναζμα(ν)* ‘бдение’.

Поминальные ритуалы греков Осетии представляют собой наиболее интересный и своего рода упорядоченный набор традиций. Было обнаружено много новых фрагментов в этой сфере семейной обрядности. Так, ярким примером особой традиции греков Осетии может послужить строгая регламентация тостов на поминках. Всего произносится три тоста: первый – «Царствие небесное» (*“Βασιλεία των Ουρανών”*) за покойного, второй – за здоровье всех живых, третий – за всех ушедших из фамилии, а также за всех ушедших вообще. Информанты говорили, что сейчас тосты в подавляющем большинстве случаев произносят на русском языке из-за того, что на поминках присутствуют не только греки, но и русские и осетины. Сами поминки, по свидетельствам наших информантов, проходят довольно быстро и длятся порядка 40–60 минут. Краткость поминального застолья осознается нашими собеседниками как чисто греческая традиция, которую «не всегда понимают здесь», ведь поминки (как и вообще застолья) осетин отличаются большой продолжительностью.

Осетинские поминки, включающие в себя пышные, богатые пиршества, не раз подвергались критике и попыткам реформирования со стороны государства и общественных деятелей как «вредный», «разорительный» обычай (Штырков 2007). При этом отметим, что избыточность осетинских поминок касается именно материальной стороны – затрат на их проведение. Несмотря на продолжительность осетинских поминок, количество тостов не является большим. По этнографическим материалам Б. Калоева, на осетинских поминках «полагалось произнести только три тоста: *хуцауы тыххæй* (в честь божества), *зианы тыххæй* (за покойного), *бинонты тыххæй* (за семью покойного)» [Калоев 1984: 92]. Как мы видим, некоторые поминальные тосты греков перекликаются с осетинскими, но сами информанты подчеркивают их различие:

Первый тост всегда... У нас никогда у греков не... Вот у осетин это распространено – <тост> за Бога, у нас никогда не произносят имя Бога, никогда не пьют за Бога [ж., 1958 г. р., Владикавказ].

Интересно также, что попытки регуляции традиции и увеличения времени греческих поминок не увенчались успехом:

Вот у нас в городе сохраняется эта традиция. [...] Первый тост – это за покойника, царство небесное. Второй тост – это пожелание всем здоровья. И третий тост – это всем ушедшим. [...] Даже был момент, когда немножко хотели видоизменить, и добавили там четвертый тост, или там пятый. И Юрий Максимович (председатель общества. – К. К., И. Н.) даже на одном из собраний, может быть, даже не раз он это говорил, в обществе, что давайте не менять свои традиции, давайте оставим это так, как у нас это было предками заведено [ж., 1950 г. р., Владикавказ].

Тосты одинаковы для каждого из поминальных дней – дня похорон (редко используется общая лексема *το ψαλμόν* ‘поминки’), девятого дня (*τα εννέα*), сорокового дня (*τα σεράντα*) и годовщины (*το χρονιακόν*)¹¹. При этом, по воспоминаниям информантов, раньше произнесение второго тоста на сороковинах могло сопровождаться призывом тех, кто *λύπην κρατεί* ‘держит траур’, снять его. После этого мужчины быстро посещали парикмахерскую, где им сбрасывали бороды

¹¹ Также некоторые информанты отмечали, что справляют поминки на полгода (понт. *εξμήνες* ‘шесть месяцев’).

(обязательный атрибут траура), либо приглашали парикмахера домой и третий бокал выпивали уже побритыми, «сняв траур»:

Второй когда бокал пьют – старший подзывает всех родственников близких, кто был в трауре, и дает разрешение им побриться. [...] Раньше было так, что приглашали цирюльника домой. На 40 дней цирюльник сидел дома. Только старший сказал – и за второй стол¹² когда уже приходили родственники, они уже побритые должны были зайти за второй стол [м., 1961 г. р., Владикавказ].

Как отмечали наши собеседники, на поминальном столе обычно присутствует определенный, «традиционный» набор блюд, который несколько различается в зависимости от дня поминок. В день похорон готовят плов¹³ и/или *соус* – тушеный картофель с мясом. Часто упоминалось, что на поминальном столе не должна присутствовать свинина – все мясные блюда готовились из говядины. Также на поминки готовят рыбу, пирожки и традиционное понтийское блюдо из отварной фасоли – «тиньяхта». Фрукты и сладкое могут присутствовать на ритуальной трапезе только с девятого дня. Сейчас во Владикавказе есть семейная пара, которая занимается подготовкой греческих поминальных столов на заказ. Собеседники отмечали, что некоторые греки также заказывают для поминок осетинские пироги.

Среди греков Осетии распространен особый способ украшать «кукию» («кокию»), то есть кутью – главное ритуальное блюдо понтийских греков. Во Владикавказе украшение кутьи различается в зависимости от дня поминок¹⁴. На круглую тарелку (*to σινί*) выкладывают

12 Сейчас поминки справляют чаще всего в кафе. Раньше они проходили дома или на улице – в шатрах или *хазарах*, особых постройках во дворах многоэтажных домов, которые как раз служат для проведения в них свадеб, поминок и других застолий, см. (Штырков 2022). Как вспоминают информанты, когда поминки справляли дома, их делали в несколько заходов, так как квартиры не могли вместить всех гостей. Сначала за столом сидела одна группа гостей и выпивала три тоста за умершего, потом другая садилась и также выпивала три тоста, и т. д. «Второй стол» здесь значит «стол со второй группой гостей».

13 Многие информанты отмечали, что этот плов готовится только из мяса и риса, без добавления дополнительных ингредиентов (например, моркови и лука).

14 Ранее мы сталкивались с похожим способом украшения кутьи только среди греков Красной Поляны Краснодарского края, подробнее см. (Климова, Никитина 2022: 172).

Гостиница «Империал»
с инициалами П. Марандова
на фасаде

отваренную пшеницу, перемешанную с остальными ингредиентами (это может быть молотый орех, изюм, жареная мука), сверху посыпают сахарной пудрой. По кругу блюда выкладывают изюм, а в центре – крест из цельных грецких орехов. При этом на кутье, приготовленной на поминки до сорокового дня, крест (или круг) не закрывается (дорожку не закрывают), то есть кайма из изюма не смыкается с крестом, символизируя незавершенность перехода души в иной мир (*η ψη να πάει* ‘чтобы был выход душе’).

Также до 40 дней после смерти (сейчас – желательно в первые несколько дней) к семье покойного могли приходиться выразить соболезнования люди, которые по какой-либо причине не смогли присутствовать в день похорон; про этот обычай говорили *πάω σο χατίρ* («пойти на хатир»). Сам обряд информанты называют просто словом «хатир» – *χατίρ*, что с понтийского переводится как ‘уважение’.

А вечером [...] накрывают, приходят *со хатир*. Кто-то не слышал, не мог прийти на похороны, не знал, не пришёл, он может до сорока дней спокойно в этот дом прийти и выразить свое соболезнование. [...] Приходили с бутылкой водки почему-то. И сейчас ходят с бутылкой водки [ж., 1958 г. р., Владикавказ].

Примерно в 15 минутах ходьбы от здания греческого общества находится старое Мещанское кладбище, уже не действующее и довольно заросшее. Сейчас тут стоит большая Ильинская церковь, перестроенная в 1948 г. из маленькой часовни 1888 года постройки. Наши информанты вспоминают, что греки обыкновенно своих покойных отпевали там, а хоронили на прилегающем кладбище. Здесь и сейчас можно обнаружить немало греческих могил: традиционные надгробия конца XIX – начала XX в. с надписями на греческом, советские железные кресты и бетонные плиты с характерными понтийскими фамилиями и именами (уже на русском) и, наконец, современные памятники из гранита,

пришедшие им на смену. На другом кладбище Владикавказа – Караван-Сарайном – тоже можно встретить много греческих могил, но уже более поздних, появившихся со второй половины XX в.

По предварительным данным нашего обследования, традиционная греческая культура сохраняется достаточно хорошо, особенно в сфере семейной обрядности: греки организуют традиционные крестины, свадьбы, похороны, придерживаются правил, регламентированных традиционной культурой, например, изготавливают особую поминальную кутью (*кокíа*), произносят три ритуальных тоста на поминальной трапезе и пр. Понтийский диалект греческого языка используется в семейно-бытовом общении людьми преимущественно старшего поколения, в то время как представители среднего возраста и молодежь демонстрируют пассивное знание языка, то есть могут понимать некоторые слова и выражения, но сами на языке не говорят. Большую роль в сохранении и продвижении греческой культуры на территории Северной Осетии играет старейшее в России греческое общество «Прометей», созданное в 1988 г. В греческом обществе преподается новогреческий язык, традиционные греческие, в том числе понтийские, танцы, благодаря работе председателя Ю. М. Асланиди и активистов общества организуются международные музыкальные и танцевальные фестивали, проводятся торжественные концерты, посвященные греческим праздникам и памятным датам греческой истории.

Источники и литература

Елоева Ф. А. Понтийский диалект: На материале греческих бесписьменных говоров Грузии и Краснодарского края: автореферат дис. ... доктора филологических наук (10.02.19). Санкт-Петербург, 1997. 30 с.

Калоев Б. А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII – начале XX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1984. Вып. VIII. С. 72–105.

Климова К. А., Никитина И. О. Похоронно-поминальный обряд понтийских греков г. Сочи (по полевым материалам 2022 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 160–178. DOI: 10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.09.

Климова К. А., Никитина И. О. Традиционная культура ромеев и урумов (по материалам этнолингвистической экспедиции к грекам Кавказских Минеральных Вод) // Славянский альманах. 2023. № 3–4. С. 302–319. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.15.

Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2009. 160 с.

Шахбазов В. Из истории греков Владикавказа // Понтийские греки. *Studia Pontoscausica*. III. Краснодар: [Б. и.], 1997. С. 182–192.

Штырков С. А. Ирон хадзар (*Ирон хæдзар*) как элемент социальной инфраструктуры в современном североосетинском городе // Антропологический форум. 2022. № 55. С. 195–220. DOI: 10.31250/1815-8870-2022-18-55-195-220.

Штырков С. А. Сельское сообщество. Обычай. Власти: историко-этнографические очерки осетинского общества периода модернизации // Северный Кавказ: Традиционное сельское сообщество – социальные роли, общественное мнение, властные отношения. СПб.: Наука, 2007. С. 237–292.

References

Eloeva, F. A. *Pontiiskii dialekt: Na materiale grecheskikh bespis'mennykh govorov Gruzii i Krasnodarskogo kraia: avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk (10.02.19)*. St Petersburg, 1997, 30 p.

Kaloev, B. A. “Pokhoronnye obychai i obriady osetin v XVIII – nachale XX v.” *Kavkazskii etnograficheskii sbornik*, 1984, vol. VIII, pp. 72–105.

Klimova, K. A., Nikitina, I. O. “Pokhoronno-pominal'nyi obriad pontiiskikh grekov g. Sochi (po polevym materialam 2022 g.)” *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*, 2022, vol. 17, No 3–4, pp. 160–178. DOI: 10.31168/2412-6446.2022.17.3-4.09.

Klimova, K. A., Nikitina, I. O. “Traditsionnaia kul'tura romeev i urumov (po materialam etnolingvisticheskoi ekspeditsii k grekam Kavkazskikh Mineralnykh Vod).” *Slavianskii al'manakh*, 2023, No 3–4, pp. 302–319. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.3-4.15.

Plotnikova, A. A. *Materialy dlia etnolingvisticheskogo izucheniia balkanoslavianskogo areala*. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 2009, 160 p.

Shakhbazov, V. “Iz istorii grekov Vladikavkaza.” *Pontiiskie greki. Studia Pontoscausica*. Krasnodar: [s.n.], 1997, No 3, pp. 182–192.

Shtyrkov, S. A. “Iron khadzhar (Iron khædzhar) kak element sotsial'noi infrastruktury v sovremennom severoosetinskom gorode.” *Antropologicheskii forum*, 2022, No 55, pp. 195–220. DOI: 10.31250/1815-8870-2022-18-55-195-220.

Shtyrkov, S. A. “Sel'skoe soobshchestvo. Obychai. Vlasi: istoriko-etnograficheskie ocherki osetinskogo obshchestva perioda modernizatsii.” *Severnyi Kavkaz: Traditsionnoe sel'skoe soobshchestvo – sotsial'nye roli, obshchestvennoe mnenie, vlastnye otnosheniia*. St Petersburg: Nauka, 2007, pp. 237–292.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.11

K. A. Klimova, I. O. Nikitina

**Language and culture of the Greeks of North Ossetia – Alania
(based on materials from the ethnolinguistic expedition
to the Greeks of Vladikavkaz)**

Ksenia A. Klimova

Candidate of Letters, associate professor

Lomonosov Moscow State University

119991, 1-51 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation

Research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: kaklimova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0105-6543

Inna O. Nikitina

Junior research fellow

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

PhD student

European University at St. Petersburg

191187, 6/1A Gagarinskaya st., St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: solreyne@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2696-8362

Klimova K. A., Nikitina I. O. Language and culture of the Greeks of North Ossetia – Alania (based on materials from the ethnolinguistic expedition to the Greeks of Vladikavkaz) // Slavic Almanac. 2023. No 3–4. P. 227–240 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.11

Acknowledgements

Work was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00484, <https://rscf.ru/project/22-18-00484/>.

Received: 02.02.2024.

Revised: 02.03.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

This paper presents an overview of the results of the ethnolinguistic expedition (held in winter 2024) to the Greeks of Vladikavkaz, North Ossetia-Alania. The history of the Greek community in North Ossetia begins in the 19th century, when Greek builders from Trebizond moved to the Caucasus. Subsequently, Greeks also resettled from other regions, such as Krasnodar Krai, Kazakhstan, Georgia. The majority of the Greek population of Vladikavkaz speaks the Pontic dialect of Greek language. The main goal of the expedition was to study the Pontic vocabulary related to funeral and memorial rituals. Of particular interest are the memorial rituals of the Greeks of Vladikavkaz, which are distinguished by a regulated procedure. For example, there is a special order for pronouncing three toasts at the wakes. The informants emphasize the brevity of Greek funeral feasts, a certain set of dishes and the way of decorating the traditional ritual dish *kokia* (the decoration varies depending on the day of the wake). There is also a custom of visiting the family of the deceased to express condolences until 40 days after death. In Pontic dialect the tradition is simply called *το χαιτίρ*, which means ‘respect’.

Keywords

Greeks of Russia, North Ossetia-Alania, Greek Traditional Culture, Ethnolinguistics, Pontic Greeks, Funeral and Memorial Rites.

УДК 821.16

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.12

Т. И. Чепелевская

Код имени у И. Цанкара (роман «Нина»)

Чепелевская Татьяна Ивановна

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
доцент

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: tatchep2014@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8474-7042

Цитирование

Чепелевская Т. И. Код имени у И. Цанкара (роман «Нина») // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 241–255. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.12

Статья поступила в редакцию 04.09.2023.

Рецензирование завершено 05.09.2023.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

В статье рассматривается роман крупнейшего словенского писателя Ивана Цанкара (1876–1918) «Нина» (1906), который исследователи и критики относят к самым необычным и сложным его сочинениям. Стараясь разгадать одну из загадок словенского классика и отталкиваясь от кода имени, ставшего названием произведения, предполагается показать, как в творческой лаборатории писателя шел процесс смены аксиологической парадигмы, который сопровождался и сменой ономастического кода. Этот процесс демонстрирует история создания драмы «Прекрасная Вида» (1911; первоначальное название «Хрепенень» – Нгерепенје), работа над которой шла одновременно с созданием текста романа «Нина». В задуманной драме Нина выступает в качестве персонажа, несущего в себе все нюансы, составляющие суть этого емкого термина: от мечтаний о любви и тоски по родине до чувства уносящей человека трансцендентной любви, устремленности ко всему прекрасному в жизни. Однако на завершающем этапе работы над пьесой И. Цанкар отходит от первоначального замысла и связывает символику *хрепененья* с именем Прекрасной Виды, знаковой для словенской культуры мифологемы, подчеркивая при этом в письмах друзьям и брату,

что «это будет нечто совершенно новое и – наше». Таким образом, происходит смена ценностной художественной парадигмы в творчестве писателя, который, живя в мультикультурной среде европейской столицы и создавая произведения на родном языке, отказывается от литературного и культурного европейского кода в пользу своего национального.

Ключевые слова

Иван Цанкар, роман «Нина» (1906), код имени, аксиологический аспект, словенская литература, XX век.

Имя героя, главного или второстепенного, часто выполняет у И. Цанкара (1876–1918) роль реминисцентного ключа к произведению. Так он задает ориентацию на осмысление своего текста, предлагая читателю сфокусировать внимание на определенной теме или идее; так он задает установку на реконструкцию авторского замысла с учетом не только языковых, культурных и символических значений и смыслов всех элементов текста, и в этом ряду также значений и смыслов, вложенных автором в имена его героев.

В центре исследования – роман словенского писателя «Нина» (1906), который исследователи и критики считают самым необычным и сложным его сочинением. Стараясь разгадать одну из загадок художественного поиска словенского классика и отталкиваясь от кода имени, ставшего названием произведения, делается попытка показать, как в творческой лаборатории писателя шел процесс смены аксиологической парадигмы, который сопровождался и сменой ономастического кода – введением в название его последней пьесы 1911 г. имени Прекрасной Виды (*Lepa Vida*), символизирующего словенское *хрепененье*¹.

Впервые имя «Нина» у Цанкара появляется как название одноименной новеллы. Созданная в 1899 г., она вошла в состав первого сборника его малой прозы, рассказов и новелл «Виньетки» («*Vinjete*», 1899). В нем были объединены самые разные тексты писателя: от рассказов, написанных в реалистической манере, и сатирических произведений до текстов, которые исследователи относят к декадентской прозе с выраженной импрессионистской манерой письма, с подробнейшим

¹ *Хрепененье* (слов. *hrepeneŋje*) – емкое словенское понятие, которое российские исследователи переводят как «тоска по прекрасному недостижимому счастью» (М. И. Рыжова), «тоска по недостижимому» (Н. Н. Старикова) или как «тоска страждущих» (Н. М. Вагапова).

воссозданием чувств и переживаний персонажей. При этом перед сдачей в печать шла активная работа автора над текстами (некоторые из которых уже были ранее напечатаны в разных словенских периодических изданиях). Она отражала стремление молодого автора представить в достаточном количестве произведения, написанные в новой для словенской литературы стилистике в русле новых литературных веяний европейской культуры. Возможно, поэтому некоторые из рассказов, созданных в реалистической манере, были им изъятые или переименованы и переставлены в окончательном варианте книги. Однако эта работа не затронула текста новеллы «Нина»².

В новелле именем Нина писатель награждает молодую девушку, которая становится скрытой любовью, предметом тайной страсти ее соседа, главного героя произведения. Мартин Градár, человек неопределенного возраста, студент медицины, за несколько лет учебы после усердного штудирования учебников и атласов так и не сдавший ни одного экзамена, отнесен автором к особому типу людей, что проживают жизнь без цели и смысла, и после смерти даже близкие люди забывают о них, «не успеет еще трава вырасти на их могилах»³. Автор сравнивает своего героя с засохшим стебельком в степи, но даже у этой души, казалось бы, «неживой» сущности, «дремлющей под слоем пыли и паутины»⁴, тоже существовала своя тайна. И это – скрываемое от всех чувство необычайной всепоглощающей любви к Нине. Кажется, что она стала единственным существом, еще связывающим героя Цанкара с жизнью. Когда Градар узнает о ее помолвке и переживает ее свадьбу, осознав, что она потеряна для него навсегда, это окончательно разрушает всякую связь героя с жизнью и ближайшим окружением. Писатель дает подробное описание этапов помутнения рассудка Мартина Градара: ночные видения, потеря памяти и, наконец, откровенная агрессия: «Нина! Нина!.. Что вы сделали с ней? Куда вы увели мою невесту?»⁵. Психологическое погружение в переживания героя Цанкара сродни описанию изменения состояния Ивана Ильича в знаменитой повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича».

2 *Cankar I. Zbrano delo. 7 knj. Ljubljana, 1969. S. 354.*

3 *Ibid. S. 64.*

4 Вот как автор характеризует своего героя: «Ему были незнакомы гордые мечтания, его мысли не уносились ни в прошлое, ни в будущее. Спокойно и размеренно двигались органы его души, словно части мертвого механизма». – *Ibid.*

5 *Ibid. S. 74.*

Итак, имея в арсенале множество словенских и славянских имен (Анка, Шпела, Францка, Малчи и т. п.), словенский автор выбирает именно имя Нина. Как пишет А. Б. Пеньковский, автор исследования, посвященного коду имени Нина в русской литературе конца XVIII – начала XIX в.⁶, это имя «входит в ряд условных поэтических имен, которые широко использовались в русской поэзии этого времени с полунарицательным значением “возлюбленная”, “милая”, “дева” и т. п.» По мнению российского исследователя, «антология поэтических текстов, содержащих имя *Нина*, могла бы составить достаточно объемный том»⁷.

У И. Цанкара образ Нины (облик и характер которой не раскрываются автором) оказывается недостижимым идеалом; выступает как уже намеченный символ безграничной и не требующей ответа любви, или как символ мечты о такой любви, или *хрепененья* в одном из своих значений. У Цанкара это и неумирающая, неизбывная жажда счастья, и устремленность к жизни и всему прекрасному в ней, устремленность, которую писатель считал главной творящей силой бытия⁸.

Позже имя Нина писатель использует в названии одного из своих самых неординарных и, на наш взгляд, интересных произведений – романа «Нина» 1906 г., где вновь вводит мотив *хрепененья*.

Роман «Нина» вышел из печати в августе 1906 г., однако этапы работы над ним отражены в обширной корреспонденции автора начиная с февраля 1905 г. Так, в письме от 6 февраля этого года к своему люблянскому издателю Лавославу Швентнеру И. Цанкар объясняет, что новое произведение объединит в единое целое несколько веселых и грустных историй, которые автор-повествователь будет рассказывать своей возлюбленной. «Это будет нечто особенное, изысканное. Вещь, которая, вероятно, заинтересует и порадует всех»⁹.

Как показали последующие события, писатель во многом оказался прав – роман сразу же привлек всеобщее внимание, которое, правда,

⁶ Пеньковский А. Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М., 2003. 2-е изд., испр. и доп.

⁷ Там же. С. 30.

⁸ Вот как он раскрывает его суть в романе «Нина»: «*Хрепененья* – художник: он не живет, но жизнь всего мира в нем. *Хрепененья* – творец: сам не творимый, создает жизнь – из грубого камня, из мертвого ила; в пустое слово вдыхает душу, в холодную краску – свет». – См.: *Cankar I. Zbrano delo*. 13 knj. Ljubljana, 1973. S. 172.

⁹ *Pisma Ivana Cankarja*. II. S. 163.

носило своеобразный характер. Ни один из многочисленных рецензентов не признался, что понял роман до конца, автора же вновь (как и после выхода в свет «Обители Марии-заступницы» в 1904 г.) обвинили в том, что его произведение чуждо словенскому читателю и окажет отрицательное влияние на молодежь и словенский народ в целом. Так, Иван Лах, автор статьи в ноябрьском номере газеты «Омладина» (Omladina – «Юношество»), отмечая художественные достоинства нового творения И. Цанкара, вместе с тем решительно выступает против заложенного в текст пессимистического взгляда на жизнь и свой разбор текста сопровождает решительным: «Это не для нас»¹⁰.

Действительно, «Нина» И. Цанкара резко отличается от принесших ему славу первого писателя Словении традиционных романов, с достаточно ясно прочитываемой символикой образов и мотивов («Чужие», «На крутой дороге», «Крест на горе», «Мартин Качур» и др.). Новое произведение требовало внимательного, а порой многократного прочтения. Только так, по убеждению самого автора, можно уловить ход его мысли. Об этом он пишет в письме двоюродному брату Изидору Цанкару от 8 января 1906 г.: «Работаю много, словно в головокружении. В этом месяце выйдет романа “Нина”¹¹. Читай его. Также уже летом выйдет трагедия “Нрепенење”¹². Это произведение, которое радует мое сердце, когда думаю о нем. Когда выйдут, читай дважды; тебе не будет скучно»¹². Так мы узнаем, что эти два произведения создавались примерно в одно и то же время, что, безусловно, не могло не отразиться на их идейном содержании.

Но вернемся к «Нине». Работа над текстом, хотя и продолжалась недолго (немногим более трех месяцев), шла не совсем гладко. И. Цанкар не выполнил обещания создать объемное произведение (видимо, данное в надежде на более солидный аванс): написал лишь 7 из 15 задуманных глав. На завершающей стадии он решительно

10 *Cankar I. Zbrano delo*. 13 knj. S. 290–292.

11 Книга вышла из печати только 11.07.1906 г. – см.: *Cankar I. Zbrano delo*. 13 knj. S. 173.

12 *Pisma Ivana Cankarja*. II. S. 472. А вот как об этом пишет современный исследователь творчества И. Цанкара: «Ни одно произведение Цанкара не имеет такого эллиптического синтаксиса (столько незавершенных синтаксических конструкций), столько размышлений и многоточий, и поэтому требует деятельного прочтения, вдумчивого, открытого к многостороннему сотрудничеству с текстом» (*Bernik F. Ivan Cankar*. Maribor, 2006. S. 174).

отказался от уже написанного и переделал две большие главы. Затем даже потребовал остановить печатание, поскольку хотел завершить роман небольшим эпилогом, чтобы, по мысли Ф. Берника, несколько смягчить вероятное негативное впечатление от него, предполагая неоднозначную реакцию на свое новое произведение у читателей и критиков¹³. Наряду с этим И. Цанкар старательно расставляет ориентиры, своеобразные путевые знаки для внимательного читателя на пути постижения смысла им задуманного. Это и отсылки к его предыдущим произведениям через сквозные образы и мотивы, это и мысли, высказываемые в публицистике и письмах того времени.

Структура романа предстает в виде переплетения передвижений героя в пространстве и времени. Реальное время – семь ночей и реальное пространство – комната, где каждую ночь повествователь беседует со своей возлюбленной Ниной – не покрывают всего пространственно-временного континуума произведения. Благодаря вставным историям-воспоминаниям он раздвигает границы реального пространства и времени и, продвигаясь от одного описания к другому, через множество промежуточных этапов, сводит воедино основные и побочные линии. Сам автор-повествователь при этом является не только описывающим происходящее, но и его участником. И именно он выбирает из множества совершенно определенных сюжеты, подчиняя их одному ему ведомой *логике постижения жизни*. Так постепенно выстраивается не только реальный жизненный путь, который прошел герой, но и путь его духовного, внутреннего развития, осмысления им тайн бытия.

Вместе с тем перед исследователем встает вопрос о выборе автором имени главной героини. Книга А. Б. Пеньковского и новое погружение в культурную жизнь столицы Австро-Венгрии рубежа XIX–XX вв. вывело на возможную причину, повлиявшую на этот выбор. «Так, в последней четверти XVIII века, – пишет А. Б. Пеньковский, – широкую популярность в Европе завоевала одноактная опера композитора Никола Д’алейрака (1753–1809) *«Nina, ou La folle per amour»* («Нина, или От любви сумасшедшая» – в современной транскрипции – «или Безумная от любви», 1786, либретто Б. Ж. Марсалье, премьера 1 мая 1786 г.)»¹⁴. Здесь же ученый добавляет, что на одном из представлений оперы в Париже присутствовал Н. М. Карамзин, который

13 См.: *Cankar I. Zbrano delo*. 13 knj. S. 272.

14 *Пеньковский А. Б.* Нина. Культурный миф золотого века русской литературы... С. 33.

упоминает об этом на страницах «Писем русского путешественника» как о вещи общеизвестной и не требующей никаких пояснений¹⁵. К его мнению об опере присоединяется и другой современник: «Кто этой оперы не знает? Кто не восхищался ею от самого Парижа до наших ледяных рек? Кто не певал из нее чего-нибудь?..»¹⁶

Раскрывая историю оперы, автор книги продолжает: «Текст этой оперы был вскоре переведен на английский и немецкий языки, и на его основе были созданы новые музыкальные версии «Нины»: в Германии это сделали совместно Naumann, Schuster und Hiller, а в России – на итальянский текст Дж. Б. Лоренци («*Nina, o sia La pazza per amore*»), русский перевод И. Дмитриевского) – придворный композитор Дж. Паизиелло (1731–1816). Обе оперные версии – Д’алейрака и Паизиелло – многократно и с успехом ставились при дворе и на частных сценах»¹⁷.

Итак, название, сюжет оперы (о трагическом по воле отца разрыве влюбленных – Нины и Линдоро и их счастливом воссоединении) были на слуху во многих европейских странах. Более того, сюжет использовали и как основу для новых музыкальных произведений. Например, австрийский композитор Йозеф Вейгль (1766–1846) начал свою карьеру в начале XIX в. с одноактного зингшпиля (т. е. одноактной оперы, в которой музыкальные арии чередуются с речитативными вставками) для театра под названием «Швейцарское семейство» (нем. «*Die Schweizer Familie*», 1809). В его основе лежал популярный оперный сюжет «Нина, или Безумная от любви»¹⁸.

15 Там же; см. также: Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Повести. М., 2007. С. 683.

16 Записки князя И. М. Долгорукого. 1764–1800. Пг., 1916. С. 163 – цит. по: Пеньковский А. Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы... С. 33.

17 Пеньковский А. Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы... С. 33. Одновременно с оперными «Нинами» начинают ставиться балеты на основе этого сюжета, постепенно вытесняя оперу со сцен московских и петербургских театров. – См.: там же. С. 34.

18 Как отмечают музыковеды, зингшпиль Й. Вайгля считается самой популярной немецкой оперой (написанной на немецкое либретто Игнаца Кастелли) между «Волшебной флейтой Моцарта (1791) и «Вольным стрелком» Вебера (1821). Он был весьма популярен и продержался в репертуаре европейских театров до начала XX в. – см.: Пилипенко Н. В. Неизвестные страницы австрийского музыкального театра начала XIX в.: Йозеф Вейгль и его опера «Швейцарское семейство» // Старинная музыка. 2012. № 152 (55–56). С. 28–32.

К этому следует добавить, что проведенная Иосифом II театральная реформа и объявленная им в 1776 г. «свобода представлений» послужили мощным толчком для образования множества пригородных театров, некоторые из которых (например, Леопольдштадтский) стали ведущими сценами для зингшпильных (подобных «Швейцарскому семейству» Вейгля) спектаклей в духе народного театра на протяжении длительного времени. И весьма вероятно, что И. Цанкар посещал подобные представления, когда жил в одном из пригородов Вены¹⁹.

Можно предположить, что имя «Нина» словенский писатель мог позаимствовать у А. П. Чехова после знакомства с переводом его пьесы «Чайка» на словенский язык. Так, в 2001 г. в журнале «Люблянски звон» (Ljubljanski zvon – «Люблянский колокол») в переводе Ивана Приятеля²⁰ был напечатан рассказ «Дама с собачкой», а также короткая заметка об авторе произведения. В том же году в издательстве Л. Швентнера вышел сборник «Моменты», в который вошли несколько рассказов Антона Павловича и его пьеса «Чайка», также в переводе И. Приятеля, который он сопроводил небольшим исследованием о творчестве уже хорошо известного на Западе русского автора²¹. О том, что И. Цанкар был знаком с этими публикациями, косвенно свидетельствуют его письма к Л. Швентнеру²². Однако, как отмечает словенский

19 О своих посещениях театров и выставок Вены И. Цанкар не раз упоминает в письмах О. Жупанчичу, А. Лушин и др.

20 Иван Приятель (Ivan Prijatelj, 1875–1937), известный словенский критик, эссеист, переводчик и историк литературы и культуры. Он был профессором славистики в Люблянском университете, а также читал лекции по истории русской литературы, написал ряд исследований и эссе о Л. Н. Толстом, Ф. М. Достоевском, А. П. Чехове, М. Горьком и др. Ему принадлежит первый перевод «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (1909), «Ревизора» Н. В. Гоголя, «Дворянского гнезда» И. С. Тургенева и др. – см. подробнее: *Крефт Б.* Иван Цанкар и русская литература // Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 1975. С. 284–302.

21 Там же. С. 299.

22 Так, в письме люблянскому издателю от 9 мая 1901 г. И. Цанкар, поднимая вопрос о гонораре за свой сборник «Книга для легкомысленных людей» (1902), сравнивает его объем с объемом сборника «Моменты», а в послании Л. Швентнеру от 20 октября 1901 г. просит использовать для печати своего сборника «хотя бы такую же бумагу, на какой были изданы “Моменты”». – См.: *Cankar I.* Zbrano delo. 27 knj. Pisma II. Ljubljana, 1971. S. 77, 88.

исследователь Братко Крефт, в сохранившихся письмах и эссе отсутствуют упоминания и развернутые высказывания Цанкара о творчестве А. П. Чехова²³. И это можно рассматривать как своеобразное подтверждение того, что именно название популярной в Европе оперы могло повлиять на выбор имени героини И. Цанкара.

Итак, писателю представляется весьма логичным дать имя Нина одной из главных героинь своего романа, наделив этот образ символической недостижимого идеала и одновременно придав этому образу ореол страдающей возлюбленной. Возможно, что это также могла быть попытка повлиять на более успешное продвижение своего произведения на европейский читательский рынок. В пользу этого предположения, на наш взгляд, говорит и следующий шаг писателя: он просит у издателя разрешения напечатать в австрийском журнале «Остеррайхше Рундшау» (Österreichische Rundschau – «Австрийское обозрение») перевод на немецкий язык одной из глав «Нины». И. Цанкар выбирает 4-ю ночь, где действие происходит в здании бывшей сахарной фабрики, в цукрарне²⁴, дав ей название «Дом смерти» (Ein Totenhaus), тем самым выделяет наиболее значимую из структурных единиц своего произведения, связанных с развитием мотива *хрепененья*.

Как уже отмечалось, помимо романа «Нина», писатель одновременно работает над текстом драмы «Хрепененье» (Hrepenenje). Сохранился рукописный текст первого действия драмы, которую он посылает издателю, обещая закончить всю пьесу к августу 1905 г. И в ней вновь появляется имя Нина, которым он наделяет главную героиню будущего произведения²⁵.

И персонажи драмы, и содержание первого действия во многом перекликаются с 4-й главой «Нины». В новом своем произведении И. Цанкар вновь обращается к теме *хрепененья*, ставшей, по мнению

23 Крефт Б. Иван Цанкар и русская литература. С. 299.

24 Цукрарна (слов. cukrarna) – здание бывшей сахарной фабрики, расположенное в восточной части Любляны вдоль Полянского холма; было построено торговцами из Триеста. Фабрика работала с 1828 г. вплоть до пожара 1858 г.; затем здание использовалось как казармы австрийской армии; затем стало использоваться как ночлежка для бедных слоев городского населения. После землетрясения 1895 г. сюда переселилась Полона Каланова, сдававшая комнаты учащимся, среди них были представители Словенской Модерны Д. Кетге, Й. Мурн, И. Цанкар и др. – см.: *Cankar I, Zbrano delo*. 13 knj, S. 173.

25 См.: *Cankar I. Zbrano delo*. 4 knj. Ljubljana, 1968. S. 389–395.

исследователей, одной из основных в его творчестве. Так, Ф. Берник в своей монографии «Иван Цанкар» (2006), подводящей итог его многолетних исследований творчества писателя, дает сравнительный анализ произведений Цанкара разных периодов, в которых эта тема становится центральной. Словенский ученый выделяет разные уровни и этапы освоения этой темы: от тоски по разлуке с родиной, мечтаний о любви до чувства уносящей человека трансцендентной любви, устремленности ко всему прекрасному в жизни²⁶.

В первоначальном варианте новой драмы Нина выступает в качестве персонажа, несущего в себе эти чувства в наивысшей степени. Но уже к концу 1906 г. Цанкар отходит от своего замысла и связывает символику *хрепененья* с именем Прекрасной Виды. Для понимания этого шага особенно значимо его письмо от 8 декабря 1905 г. Францу Збашнику, редактору «Люблянского звона», в котором молодой автор раскрывает важные составляющие своего творческого поиска: «После Нового года сразу же со всей силой примусь за драму, которую я уже задумал и начал писать. Я думаю, что это будет нечто совершенно новое и – *наше* [курсив оригинала. – Т. Ч.]. Почти все действие будет происходить в цуккарне; героями будут: Кетте, Мурн, Говекар, я конечно тоже, далее: Петер Новлян (герой моей новеллы для “Матицы”²⁷), Францка из романа “На крутой дороге” и, наконец, что само собой разумеется: “Lera Vida”! И эта Видя, украденная, естественно, из народной песни, – главная героиня. Она символ нашего *хрепененья* и поэтому трагически погибает»²⁸.

Итак, с одной стороны, Цанкар вновь обращается к имени Нина в своем новом драматическом произведении, с другой – готовит почву

26 См. подробнее: *Bernik F. Ivan Cankar. Maribor, 2006. S. 159–198.*

27 Матица Словенская (*Matica Slovenska*) – культурно-просветительская организация, была учреждена в 1864 г. в Любляне, ставила своей целью издание и распространение словенских книг; в ежегодном издании «Летопис Матице Словенске» (*Letopis Matice Slovenske*) публиковались сочинения словенских ученых по истории, языку, этнографии словенцев.

28 *Pisma Ivana Cankarja. II. S. 440–441.* Драма «Lera Vida» была завершена и напечатана только в 1911 г. В ней знаковый образ становится неким объединяющим всех героев произведения ключом, ибо она, Видя, – «символически персонифицированная мечта человека о чем-то прекрасном и светлом» – см.: *Рыжова М. И. Словенская литература на рубеже XIX–XX вв. (1890–1918) // История литератур западных и южных славян. Литература конца XIX – первой половины XX века (1890-е годы – 1945 год). Т. 3. М., 2001. С. 201.*

для нового, чисто словенского названия драмы. Думается, что именно мысль о возможности представить европейскому читателю и зрителю свое произведение стала главной в решении автора придать повествованию более понятное ему, этому читателю и зрителю, направление: сделать символом неукротимой тоски по счастью героиню с именем, знакомым широкой европейской публике, как у героини популярной оперы. Однако очень скоро в работе над драмой он отказывается от первоначального замысла и идет по пути смены избранного «европейского кода» имени (Нина) как романтического идеала вечной красоты и любви к принятию, как он пишет, «нашего» кода. Символом словенского *хрепененья* он избирает знакомый с детства каждому словенцу образ Прекрасной Виды. Отметим, что сюжет, связанный с этим образом, – один из наиболее распространенных в словенских народных песнях и балладах. В его основе – история о том, как чужак (обычно «черный заморец») обманом заманивает к себе на ладью Прекрасную Виду и увозит ее от мужа и маленького сына, чтобы сделать кормилицей испанского наследника²⁹. Поняв свою ошибку, Видя, страдающая в разлуке с родными, просит помощи у солнца и луны, но вернуться не может, оставаясь наедине со своей тоской и отчаянием³⁰.

О значимости и глубоком содержании этого образа писали уже современники писателя. Так, Изидор Цанкар называет «Прекрасную Виду» вечной драмой неизбежного *хрепененья*, которое ведет человека через все беды мира³¹.

Следует отметить, что мотив Прекрасной Виды получил достаточно широкое распространение в словенской литературе: начиная с эпохи романтизма и вплоть до наших дней он вдохновлял многих поэтов и писателей и, сочетаясь с мотивом искушения, испытания

29 Варианты этой песни включены в сборник словенских народных песен – см.: *Štrekelj K. Slovenske narodne pesmi. Zv. I. Ljubljana, 1895. S. 124–133 (št. 73–77).*

30 История распространения данного сюжета и примеры литературных обработок мотива о Прекрасной Виде начиная с Ф. Прешерна и до XX в. приводятся в обширной монографии Ирены Авсеник Набергой – см.: *Avsenuk Nabergoj I. Hrepenenje in skušnjava v svetu literature. Motiv Lepe Vide. Ljubljana, 2010; см. также: Чепелевская Т. И. Очерки словенской литературы в историко-культурном освещении. М.; СПб., 2013. С. 55–71.*

31 См.: *Cankar Iz. Uvod // Cankar I. Zbrani spisi. T. 9. Ljubljana, 1929. S. IX.*

и последующего наказания, был пронизан темой несбыточного счастья и устремленности к нему³². На его жизнестойкость не могло не повлиять и сопоставление личной судьбы героини и судьбы народа, что определило его постоянное присутствие в словенском пространстве.

Таким образом, происходит смена ценностной художественной парадигмы в творчестве писателя, который, живя в мультикультурной среде европейской столицы и создавая произведения на родном языке, постепенно отказывается от литературного и культурного европейского кода в пользу своего национального.

* * *

И. Цанкар справедливо считается одним из самых выдающихся словенских писателей конца XIX – начала XX вв., наделенных безграничной чисто художественной творческой силой. По мнению многих исследователей, его творчество, все его тексты, начиная со сборника «Виньетки» (1899) и особенно с «Книги для легкомысленных людей» (1901) и заканчивая последними произведениями военного периода, составляют единую метатекстовую цепочку, взаимно интегрируют и дешифруют друг друга. При этом в качестве организующего начала здесь выступает авторский поэтический комплекс.

Я обратилась лишь к одной частице, звену этой цепочки и попыталась рассмотреть ее через призму диалога и смены ценностных и художественных парадигм в условиях мультикультурной среды, в которой словенский писатель жил почти 11 лет – в венский период его творчества; постаралась проследить, как проходил этот процесс: от условно-поэтического имени *Нина* к принятию емкой мифологемы *Прекрасная Вида*, подхваченной и развитой следующими поколениями словенских писателей.

Источники и литература

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Повести. М.: Эксмо, 2007. 800 с.

Крефт Б. Иван Цанкар и русская литература // Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: Наука, 1975. С. 284–302.

³² См.: *Avsenik Nabergoj I.* Hrepenenje in skušnjava v svetu literature. Motiv Lepe Vide. Ljubljana, 2010. S. 12.

Пеньковский А. Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М.: Индрик, 2003. 640 с.

Пилипенко Н. В. Неизвестные страницы австрийского музыкального театра начала XIX в.: Йозеф Вейгель и его опера «Швейцарское семейство» // Старинная музыка. 2012. № 152 (55–56). С. 28–32.

Рыжова М. И. Словенская литература на рубеже XIX–XX вв. (1890–1918) // История литератур западных и южных славян. Литература конца XIX – первой половины XX века (1890-е годы – 1945 год). Т. 3. М., 2001. С. 281–309.

Чепелевская Т. И. Очерки словенской литературы в историко-культурном освещении. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. 304 с.

Avsenik Nabergoj I. Hrepenenje in skušnjava v svetu literature. Motiv Lepe Vide. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2010. 726 s.

Bernik F. Ivan Cankar. Maribor: Litera, 2006. 538 s.

Cankar Iz. Uvod // Cankar I. Zbrani spisi. T. 9. Ljubljana: Katoliško tiskovno društvo, 1929. S. V–XVI.

Cankar I. Zbrano delo. 4 knj. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1968. 410 s.

Cankar I. Zbrano delo. 7 knj. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1969. 414 s.

Cankar I. Zbrano delo. 13 knj. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1973. 301 s.

Cankar I. Zbrano delo. 27 knj. Pisma II. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1971. 505 s.

Pisma Ivana Cankarja / uredil Iz. Cankar. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1948. D. I–III.

Štrelkelj K. Slovenske narodne pesmi. Ljubljana: Slovenska matica, 1895. Zv. I. 814 s.

References

Avsenik Nabergoj, I. *Hrepenenje in skušnjava v svetu literature. Motiv Lepe Vide*. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2010, 726 p.

Bernik, F. *Ivan Cankar*. Maribor: Litera, 2006, 538 p.

Cankar, Iz. “Uvod.” *Cankar, I. Zbrani spisi*. Vol. 9. Ljubljana: Katoliško tiskovno društvo, 1929, pp. V–XVI.

Cankar, I. *Zbrano delo*. 4 knj. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1968, pp. 389–393.

Cankar, I. *Zbrano delo*. 7 knj. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1969, 414 p.

Cankar, I. *Zbrano delo*. 13 knj. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1973, 301 p.

Cankar, I. *Zbrano delo*. 27 knj. Pisma II. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1971, 505 p.

Chepelevskaia, T. I. *Ocherki slovenskoi literatury v istoriko-kul'turnom osveshchenii*. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2013, 304 p.

Karamzin, N. M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika. Povesti*. Moscow: Eksmo, 2007, 800 p.

Kreft, B. "Ivan Tsankar i russkaia literature." *Russko-iugoslavskie literaturnye sviazi. Vtoraia polovina XIX – nachalo XX veka*. Moscow: Nauka, 1975, pp. 284–302.

Pen'kovsky, A. B. *Nina. Kul'turnyi mif zolotogo veka russkoi literatury v lingvisticheskom osveshchenii*. Moscow: Indrik, 2003, 640 p.

Pilipenko, N. V. "Neizvestnye stranitsy avstriiskogo muzykal'nogo teatra nachala XIX v.: Iozef Veigl' i ego opera «Shveitsarskoe semeistvo»." *Starinnaia muzyka*, 2012, No 152 (55–56), pp. 28–32.

Pisma Ivana Cankarja, ed. by Iz. Cankar. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1948, vols. 1–3.

Ryzhova, M. I. "Slovenskaia literatura na rubezhe XIX–XX vv. (1890–1918)." *Istorii literatur zapadnykh i iuzhnykh slavian. Literatura kontsa XIX – pervoi poloviny XX veka (1890-e gody – 1945 god)*. Moscow, 2001, vol. 3, pp. 281–309.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.12

T. I. Chepelevskaya

Cankar's name code (novel "Nina")

Tatyana I. Chepelevskaya

Candidate of Letters, senior research fellow, associate professor

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: tatchep2014@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8474-7042

Citation

Chepelevskaya T. I. Cankar's name code (novel "Nina") // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 241–255 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.12

Received: 04.09.2023.

Revised: 05.09.2023.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

The article deals with the novel “Nina” (1906) by the prominent Slovenian writer Ivan Cankar (1876–1918), which researchers and critics refer to as the most unusual and complex of his works. Trying to unravel one of the mysteries of the Slovenian classic and starting from the code of the name that became the title of the work, the article aims to show how the process of changing the axiological paradigm was going on in the writer’s creative laboratory, which was accompanied by a change in the onomastic code. This process is demonstrated by the history of the creation of the drama “Beautiful Vida” (1911), originally titled “Hrepenenje” – “Hrepenenje”), the work on which was going on simultaneously with the creation of the text of “Nina”. In the conceived drama, Nina acts as a character who carries all the nuances that make up the essence of this capacious term: from dreams of love and homesickness to a feeling of transcendent love that takes a person away, aspirations for everything beautiful in life. However, at the final stage of work on the play, I. Cankar deviates from the original idea and connects the symbolism of hrepenenje with the name of Beautiful Vida, a mythologem that is significant for Slovenian culture, while emphasizing in letters to friends and brother that “it will be something completely new and ours.” Thus, there is a change in the value artistic paradigm in the work of the writer, who, living in the multicultural environment of the European capital, and creating works in his native language, refuses the literary and cultural European code in favor of his national one.

Keywords

Ivan Cankar, novel “Nina” (1906), name code, axiological aspect, Slovenian literature, 20th century.

**«Proces cum figuris»:
отражение философско-эстетических концепций Д. Годровой
в ее художественных произведениях**

Кожина Светлана Анатольевна
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: lana-0391@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6539-1941

Цитирование

Кожина С. А. «Proces cum figuris»: отражение философско-эстетических концепций Д. Годровой в ее художественных произведениях // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 256–273. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.13

Статья поступила в редакцию 12.09.2023.

Рецензирование завершено 25.01.2024.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

В статье рассматриваются основные философско-эстетические концепции теоретических работ Даниэлы Годровой (в первую очередь «Роман-посвящение» / *Román zasvěcení*), а также специфика их отражения в художественном творчестве автора. В первой части работы, основываясь на анализе завершающей главы труда «Роман-посвящение» – *Proces cum figuris*, – приводятся основные аспекты, на которые делает упор Д. Годрова: стиль, система персонажей (персонажи-архетипы), символическая структура (символы с архетипической семантикой). Во второй части работы данные аспекты рассматриваются в контексте художественных произведений автора, как 1990-х гг. (романная трилогия «Город мучений» / *Trýznivé město*), так и более современных произведений автора («Спиральные предложения» / *Točité věty* (2015), «Вызываю» / *Vyvolávání* (2010), «Эта близость» / *Ta blízkost* (2019)). Как теоретические, так и художественные тексты Д. Годровой отличаются гетерогенной структурой, сложной системой символов и аллюзий, уходящей в теорию генезиса романа и отдельных художественных приемов. Анализ специфики изложения материала в обеих

областях работы автора является важным для понимания не только своеобразия творчества Д. Годровой, но и характерных особенностей постмодернистского нарратива в чешской литературе.

Ключевые слова

Чешская литература, постмодернизм, Даниэла Годрова, роман-инициация, архетипы.

В своих работах мы неоднократно рассматривали эстетические принципы чешской писательницы и теоретика литературы Даниэлы Годровой¹. Открытым оставался вопрос о степени взаимовлияния позиции автора в художественной и теоретической областях литературы. Большая часть теоретических трудов Годровой отличается высокой объективностью и проработанностью тем, научным языком, аргументированностью и хорошей доказательной базой². Однако некоторую часть наследия автора составляют сложные, неоднозначные, написанные в постструктуралистском ключе тексты, которые нельзя назвать в чистом виде теоретическими или научными: это скорее смесь авторских художественных и теоретических интенций в области литературы и, шире, искусства. Наиболее интересными в этом отношении являются «Роман-посвящение» / *Román zasvěcení* (1993), «Места с тайной» /

1 См., напр., статьи: *Кожина С. А.* Движение как структурообразующий фактор романов Д. Годровой // *Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры.* М., 2020. С. 279–283; *Кожина С. А.* «Роман-посвящение» Д. Годровой как теоретико-философское исследование мифопоэтики текста // *Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (по материалам III Хоревских чтений).* М., 2021. С. 381–392; *Кожина С. А.* Специфика нарративных стратегий романа Д. Годровой *Točité věty: синтез своё / чужое, история / современность* // *Славянский мир: язык, литература, культура: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова А. Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета.* М., 2018. С. 138–141.

2 См., напр.: *Hodrová D.* ... na okraji chaosu ...: *Poetika literárního díla* 20. století. Praha, 2001; *Hodrová D.* Hledání románu. Praha, 1989; *Hodrová D.* Proměny subjektu / Ústav pro českou a světovou literaturu. Praha, 1993 и др.

Mista s tajemstvím (1994) и «Чувствительный город» / *Citlivé město* (2006). В своей статье мы выделим основные аспекты теории литературы, рассмотренные Годровой в наиболее раннем труде – «Роман-посвящение», а также соотнесем их с эстетическими особенностями непосредственно художественных произведений автора.

Текст «Романа-посвящения» относится к 1973 г., но его публикация стала возможной только спустя двадцать лет³. Он представляет собой сложный философско-эстетический трактат, в котором Годрова отображает свою концепцию генезиса романного жанра, исследуя его закономерности на протяжении многих веков развития – от «Золотого осла» Апулея до знаменитого романа «Имя розы» У. Эко. Исследовательница обнаруживает закономерности в произведениях, которые, по ее мнению, являются характерными признаками романа-инициации⁴, к ним относятся отличительные пространственные характеристики (например, лабиринт, гора, пещера и др.; действие, разворачивающееся в пространственных дихотомиях «верха» и «низа» и т. д.), специфика системы персонажей (адепт, проходящий лиминальную стадию, посвященный в таинство, дева – персонаж-помощник на пути адепта; Существо центра, наделенное мифическими функциями), которая может в той или иной степени отражать инициационный процесс, характерные символы с архетипической семантикой (смерть, голем, шем, старуха, ребенок и т. д.). Философские концепции, заложенные Годровой в изначальный текст труда, уже были рассмотрены⁵, однако

3 Первым вариантом труда должна была стать кандидатская диссертация Годровой (с одноименным названием), однако ее текст не был принят к рассмотрению комиссией.

4 Термин, введенный самой Годровой для характеристики романов, в которых центральный персонаж, проходя определенную лиминальную стадию, приобретает определенные новые функции и характеристики. Примечательно, что Годрова также указывает, что в XX в. создаются произведения-«анти-инициации», где персонажи оказываются по тем или иным причинам не способны пройти данный процесс, но характерные атрибуты, присущие текстам такого типа, остаются.

5 См. статью: Кожина С. А. «Роман-посвящение» Д. Годровой как теоретико-философское исследование мифопоэтики текста // Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (по материалам III Хоревских чтений) / Н. Н. Старикова, А. Н. Красовец, И. Е. Адельгейм [и др.], под общ. ред. И. Е. Адельгейм (отв. ред.), Н. А. Луньковой, Н. Н. Стариковой, Е. В. Шатко. М., 2021. С. 381–392.

в 2014 г. «Роман-посвящение» вышел снова, дополненный новой главой «Proces cum figuris», которая в некотором смысле обобщила выводы писательницы.

Центром главы становится анализ произведения К. Г. Юнга «Красная книга». Как замечает с первых строк главы Годрова, этот текст стал отображением *«совершенной художественной формы»*: «[...] акт письма, как и акт рисования, являлся процессом индивидуации⁶, а также процессом инициации⁷. Таким образом, специфику произведения Юнга Годрова характеризует как продиктованную актом самосознания автора, чем и объясняется сложность ее структуры, особенности стилизации и т. д.⁸: «В “Красной книге” разворачивается настоящая метафизическая драма, главной целью которой является слияние противоположностей, преодоление дуализма, соединение смысла с контр-смыслом, благодаря чему, согласно Юнгу, достигается над-смысл, приятие темного, даже дьявольского»⁹. По замечанию Годровой, стремление Юнга к самопознанию сродни поиску истоков всего сущего (или характерных черт всего сущего – универсалий), что трансформирует текст, превращая его язык из языка интимного дневникового откровения в язык универсального пророчества, чем обуславливается его метафизичность, образность и символизм.

Второй опорной точкой в «Красной книге» Юнга Годрова называет заложенные в нее **символы**. Это архетипические персонажи: анима

6 Одно из основных понятий аналитической психологии Карла Густава Юнга. Под ним подразумевается такое становление личности, при котором происходит развитие изначальных задатков и уникальных способностей личности (не путать с индивидуализацией, которая в рамках аналитической психологии основана на ложном постулате уникальности «я» в противовес коллективу). См. подробнее: *Юнг К. Г. Человек и его символы*. М., 1997.

7 *Hodrová D. Román zasvěcení*. Praha, 2014. S. 274 [здесь и далее, если не указано иное, перевод наш. – С. К.].

8 «Красная книга» Юнга представляет собой одновременно философский трактат, художественное произведение и своего рода форму аналитического дневника. В тексте присутствуют лейтмотивы, такие как фигура Илии или Соломеи, а также образы великого потопа, мотивы сна, предсказания, что делает его похожим на средневековые теологические трактаты и эсхатологические тексты. Произведение сопровождается иллюстрациями Юнга, усиливающие это впечатление.

9 *Hodrová D. Román zasvěcení*. S. 274.

и анимус¹⁰, тень, «сущее Я», а также мудрый старик, ребенок, мальчик. Однако здесь же Годрова отмечает, что в некоторых аспектах данные персонажи-символы могут перекликаться или же сливаться не только друг с другом, но и с формой, аллегорией, стилем и т. д.¹¹ Принципиально важным для Годровой является дифференциация персонажей «внутренних» и «внешних», причем данная дихотомия является опорной для исследовательницы и при анализе хронотопа произведений. Для наглядности следует объединить рассматриваемые аспекты в сводной таблице (в труде Годровой «Роман-посвящение» они представлены в виде нескольких таблиц):

Внешнее пространство	Граница	Внутреннее пространство
Внешнее время: неопределенное время в действительности	Момент смерти	Внутреннее время: определенное время (напр., великие праздники; начало и конец)
Смертность	In articula mortis	Бессмертие
Пространство: лес, Ад, инициационная комната (келья, пещера и т. д. – маленькое и закрытое пространство, отделенное от основного мира)	Пространство: река, мост, ворота, порог, пропасть	Пространство: лабиринт, Рай, замок (и другие социальные общественные пространства, характеризующиеся закрытостью, такие как монастырь, утопический остров), дикая природа

¹⁰ Анима и анимус – термины из аналитической психологии К. Г. Юнга, где первое олицетворяет собой женское начало, а второе – мужское. Принципиально важным этот аспект становится при характеристике так называемого «существа центра», божественной сущности: при женской инициации, согласно Годровой, здесь мы встретим Матерь Землю, Деву Марию и другую женоподобную богиню, тогда как в инициации мужского типа здесь будет Бог Отец, Христос, Дьявол, Люцифер. Стоит отметить, что существом центра Годрова также называет Божену Немцову, чешскую писательницу XIX в., так как она «стала персонажем нескольких литературных произведений» (*Hodrová D. Román zasvěcení. S. 289*).

¹¹ В контексте философских воззрений Годровой на текст и, уже, функционирование системы персонажей в нем, речь идет о слиянии дискурсов конкретных архетипических персонажей с инициационным дискурсом нарратора. Также Годрова отмечает, что все персонажи художественного текста являются своего рода аллегориями или проекциями, в связи с чем неразличимость персонажа и стиля при такой точке зрения на вопрос не представляется абсурдной.

Персонаж: непосвященный адепт	Персонаж: Посвящающий; дева	Персонаж: посвященный адепт («сущее Я»), существо центра (срединное существо; Бог / Дьявол; мистическое существо; Богиня)
Фаза инициации: смерть	Фаза инициации: переход	Фаза инициации: посвящение, воскрешение

Таким образом, все персонажи романа-инициации, согласно теории Годровой, выступают также как определенные символы с архетипической семантикой, благодаря которым инициационный процесс становится возможным. Причем речь идет даже не о конкретных субъектах, а в том числе об их образах: коллекции марионеток, картинках на картах таро, детских игрушках. Данную схему исследовательница отмечает не только в «Красной книге» и средневековых романах, под которые она стилизована, но и в произведениях современной литературы (называет и «Пиковую даму» А. С. Пушкина, и «Котика Летаева», «Москву» А. Белого, и свои произведения, в частности роман «Вызываю» / *Vyvolávání*, а также роман Яны Геффернановой «История пути на Север» / *Příběh cesty na Sever*, и многие другие). Примечательно, что Годрова отдельно не выделяет дихотомию «ребенок / старуха», которая, на наш взгляд, достаточно очевидна в предложенной исследовательницей характеристике системы персонажей: ребенок выступает в роли души «сущего Я», в то время как старуха выполняет роль стража пространства порога (согласно системе персонажей выше может выполнять роль либо девы, либо персонажа центра). Принципиально важной для Годровой здесь является гендерная специфика: старуха может выступать как существо центра только при женском типе инициации, в то время как в романах-инициациях мужского типа это может быть любое мужеподобное божественное создание (в «Красной книге» это, например, потоп)¹².

12 При том, что в романе «История пути на Север» Гоффернановой персонажем-посвятителем, существом центра, является Волшебник, однако весь роман построен как женская инициация, о чем пишет и сама Годрова (*Hodrová D. Román zasvěcení. S. 295*), что говорит о нечеткости данной схемы. Подтверждают это и дальнейшие рассуждения Годровой об «универсальных» персонажах подобного типа: Бабе Яге или Коще Бессмертном, которые могут выполнять данную функцию как в женских, так и в мужских романах-инициациях.

Однако все персонажи романа-инициации не представляют собой закрытые субъекты. В данном типе художественного произведения, как отмечает Годрова, они функционируют на нарративном уровне, который отличается гетерогенностью: для романа-инициации принципиально важным остается слияние, своего рода растворение дискурсов (особенно когда речь идет о персонажах – бинарных оппозициях, например, анима / анимус, ребенок / старуха, Бог / Дьявол, непосвященный адепт / посвященный адепт (носитель тайного знания) и т. д., что представляет собой иллюстрацию тезиса о том, что абсолюты являются отражением друг друга). «Каждый персонаж имеет в себе аспекты других, которые остаются латентными или развиваются только потом: анима – анима-тень, анима – анимус (гермафродит), анима – анимус-тень, анимы – существо центра, тень – тень-анима, тень – анимус, тень – существо центра и т. д.»¹³.

Систему персонажей и представленные ею символы в понимании Годровой нельзя отделить от **пространства** и **времени** художественного текста. Внешнее пространство характеризуется как обыденность, действительность, выход из которой возможен в момент смерти (причем смерти как физической, так и аллегорической – сон). Момент смерти характеризуется фактом пересечения границы¹⁴, нахождением персонажа на границе, а позднее – попаданием во внутренний мир, где и находятся основные персонажи-посвящения. Здесь Годрова отмечает тесную взаимосвязь инициационного процесса личности и коллектива, общества: «Можно предположить, что процессы индивидуации или инициации – процессы в основе своей похожие или даже аналогичные – протекают не только в сознании индивидуумов, их частной жизни, но происходят во всем обществе целом, в коллективном бессознательном»¹⁵. Некоторые процессы, такие как праздники (связанные с календарной обрядностью, например, Рождество), игры, являют собой проявление коллективного бессознательного: «В детских играх и поговорках встречаются как архетипические места и планы – кукла с небесами и адом, улитка-лабиринт, золотые

¹³ Hodrová D. Román zasvěcení. S. 308.

¹⁴ Стоит отметить, что характеристика пространственно-временных отношений романа-инициации у Годровой в целом соотносится с характеристикой понятия «событие» в трактовке Ю. М. Лотмана, где факт пересечения персонажем границы (семантического поля) часто маркирован именно пространственно-временными перемещениями.

¹⁵ Hodrová D. Román zasvěcení. S. 288.

ворота, – так и архетипические персонажи, среди которых встречается и тень, темный Иной»¹⁶. Пространства могут создавать персонажей, особенно – существа центра. Так, например, Голем является духом пражского еврейского гетто: «Можно сказать, что то, что в иной раз называют *genius loci*, проецируется на определенных персонажей, в которых отображается коллектив городских жителей»¹⁷.

Продолжая рассуждать о коллективном бессознательном, порождающем персонажи-символы, Годрова возвращается к проблеме дискурса, проблеме порождения текста-инициации. Опираясь на все вышесказанное, акт письма (обращение к персонажам, пространствам и времени с архетипической семантикой) становится актом призыва существа центра, тени, которая спровоцирует момент инициации. Подобный процесс можно наблюдать в текстах, связанных с магией, обрядами, заклинаниями, но также и, как было отмечено выше, в детских пословицах, поговорках. Данные тексты должны породить «сложные определенные предписанные процедуры и позволить наладить контакт с космическими силами и воспользоваться ими»¹⁸. Роман-инициация с его обращенностью к этим «процедурам» на уровне системы персонажей, пространства, времени, а также выстраивание нарратива-пророчества «“изображает” наше сознательное и бессознательное. Оно воплощается в магии, а также в текстах, построенных на архетипах, чтобы мы познали [их. – С. К.], до определенной меры поняли. Что еще остается опорой для человека, когда он опустится в глубины, как это происходит в “Красной книге” Юнга, может ли это быть знание, или, может, речь, слова? Может, ежедневный смех...»¹⁹. Годрова отмечает, что к подобному способу построения высказывания мы прибегаем тогда, когда все определенное (логика, структура, рациональные способы познания) отказывает и когда мы можем выразить наше представление о мире лишь на основе интуиции, словами, образами («то есть – инструментами весьма неопределенными»²⁰). Наше обращение к архетипам в этот момент носит характер обретения (или вспоминания) опыта предков, актуализации заложенных в подсознании экзистенциальных принципов. На этом месте Годрова анализирует примечания Витгенштейна к работе Юнга «Красная книга»,

16 Ibid. S. 313.

17 Ibid. S. 306.

18 Ibid. S. 317.

19 Ibid. S. 318.

20 Ibid.

в которых он сомневается в знании как таковом, так как оно не является объективным, а наследуется, то есть – является «наследственным прошлым». Однако представления Юнга и Витгенштейна, по мнению Годровой, имеют различия: Юнг говорит об определенных «образцах и схемах из коллективного бессознательного», в то время как у Витгенштейна речь идет о «наследуемом сознательном» – принципах, традициях, дуализмах и проч. При всех различиях Годрова обращает внимание и на принципиальное сходство, связанное с тем, что оба автора обращаются к прошлому, к основам миропорядка и, следовательно, к архетипическим представлениям человечества.

Далее исследовательница снова возвращается к **стилю** письма: «На обороте предыдущего листа, на котором я как раз писала, я увидела коллаж с силуэтом Градчан, Старомнестским орлоем²¹ и чудовищем неясного вида и рода. Чудовище отдыхало на голове Меланхолического ангела, фигуры из моих романов. Меня не должно было это удивить, ведь я пишу на оборотах рукописи диссертации Ф. Сантьяго Переса, посвященной моему роману “Город мучений”. На картине все указывает на то, что в следующий момент чудовище вместе с головой ангела обрушится на время человеческое и космическое, которое показывает знаменитый орлой, на коллаже выглядящий словно миниатюрная кулиса города из театра кукол. “Красная книга” Юнга, книга Витгенштейна “О достоверности”, Градчаны, орлой, незнакомое чудовище, персонаж романа очевидно слились воедино – Юнг бы это слияние назвал синхроничностью – и принимают участие в процессе моего чтения и письма, подсказывают, как сознательное помогает

21 Пражские куранты или Пражский орлой – средневековые башенные астрономические часы, расположенные на Старомнестской площади в Праге. Старейшие функционирующие астрономические часы в мире (1410). Примечательно, что раз в час часы устраивают «представление»: проходит процессия из 12 апостолов, Смерть звонит в колокольчик, Тщеславие смотрит в зеркало, Скупость трясет мешочком с деньгами, а Турок отрицательно качает головой. Фигура Смерти часто встречается в произведениях Годровой; Турок – образ наиболее сложный для трактования, связан скорее всего с изображением угрозы турецких вторжений в Центральную Европу, однако в произведениях Годровой пан Турок – еврей, скрывающийся во время Второй мировой войны на Ольшанском кладбище, где и погибает; в результате своей инициации становится «персонажем, посвященным в таинство», проводником между миром живых и мертвых.

бессознательному»²². В данной цитате Годрова, с одной стороны, словно делает полный круг в своих рассуждениях относительно «Красной книги» Юнга и специфики ее стиля, с другой же – фактически дает характеристику своему творчеству в целом. Произведения Годровой отличаются гетерогенностью: автор накладывает нарративные линии, сливает воедино дискурсы отдельных субъектов с целью создания нарратива-ткани – сложной нарративной структуры, которая разрастается сразу во множестве направлений.

Дискурс художественных произведений Годровой близок в этом отношении Юнгу. Во-первых, интимное повествование о личных переживаниях (индивидуальная инициация) перерастает в универсальное «пророчество». Так, в произведениях 1990-х гг. (романная трилогия «Город мучений» / *Trýznivé město*) присутствует центральная повествовательная линия, сосредоточенная вокруг главных героинь инициационных процессов – Софии Сысловой, Алице Давидовичовой и Элишки Беранковой. Несмотря на то, что в описаниях героинь присутствуют конкретные определяющие черты и каждая имеет свою историю, в целом они функционируют как собирательный образ – главный персонаж женского романа инициации. Так, например, о смерти Алице Давидовичовой мы узнаем практически на первых страницах романа «Под двумя видами» / *Podobojí*. Эта еврейская девушка выпрыгнула из окна квартиры у Ольшанского кладбища во время Второй мировой войны. Все повествование о ней – воскрешение воспоминаний о ее жизни и смерти, а также через ее образ – отражение травмы еврейского народа в ходе Холокоста: «Алице Давидовичова возвращается одна, проходит мимо Ольшанского пруда, мимо часовни святого Роха, идет, переставляя ноги, мимо Ольшанского кладбища. Скатерть на Шаббат она держит в руках так, словно в ней спал самый младший из рода Давидовичей. Временами она покачивает сверток, тихо напевая. Я – Вениамин Давидович – последний из рода Давидовичей, ягненок персидский, ягненок даже не зачатый. Я – жизнь дважды пожертвованная. Я жду своего воскрешения, ибо царствие мое – царствие ольшанское»²³. Ее трагедия, таким образом, уходит одновременно и вглубь истории XX века, и затрагивает будущее. Образ Софии Сысловой во многом обнаруживает параллели с образом Алице, однако ее нарратив затрагивает более широкие слои исторического прошлого: она может проникать в него, раскручиваясь на стуле в кабинете отца.

22 *Hodrová D.* Román zasvěcení. S. 319.

23 *Hodrová D.* *Podobojí*. Praha, 2017. S. 84.

Имя Софии, в переводе с греческого означающее «мудрость», отражает ее роль в произведении: она становится способом оживления воспоминаний о Праге, завершение инициации для нее – обретение памяти об истории города. Элишка Беранкова – мифическое сплетение двух этих героинь, подобно Софии Сысловой актуализирует воспоминания, проходя городскими кварталами, подобно Алице – является собирательным образом трагической смерти.

В начале произведений героини выступают в функции «непосвященных в таинство адептов», которых смерть толкает к началу процесса инициации (Алице погибает, падая из окна, София была зачата, когда ее родители чудом избежали смерти, а значит, она не должна была появиться на свет, Элишка ищет погибшего отца, ради чего проникает за порог смерти). На пути они встречаются разного рода персонажей границы: это, например, Шипков Юра, также персонаж-лейтмотив произведений Годровой, который становится косвенной причиной смерти Алице, Создание, которое водит с собой пан Хаун²⁴, и т. д., что свидетельствует о пересечении границы персонажами.

Еще одним маркером инициации является движение. Как правило, оно направлено вниз: София Сылова смотрит вниз из окна ольшанской квартиры, Алице Давидовичова падает из окна, спускается с холма к Ольшанскому кладбищу и т. д. Движение вниз – специфический маркер катабасиса в произведениях Годровой; также оно часто имеет спиралевидный характер. Преодоление границы между внешним и внутренним миром маркировано: ворота, окно, туннель, прохождение через которые становится символом перехода во внутренний мир.

Характерным пространством инициации, «внутренним миром», оказывается комнатка в квартире с видом на Ольшанское кладбище. В этом пространстве обитают мистические существа, птица Камердинер и крыса Камердинер, здесь актуализируются воспоминания о ранее живших, но умерших людях. В это «место с тайной»²⁵

24 Еще один персонаж-лейтмотив произведений Годровой. Впервые встречается в романе «Тета», ведя мистическое Существо на поводке. Утратив Существо (старт инициационного процесса), пан Хаун блуждает по Праге в попытках найти его. Существо олицетворяет собой душу пана Хауна. Инициация пана Хауна представляет собой тип анти-инициации, Существо пан Хаун так и не нашел, он продолжает блуждать по лабиринту Праги, превратившись в персонажа-тень.

25 См. подробнее *Кожина С. А.* Пространство Праги как архитектуртекст в произведениях Д. Годровой // Топос города в синхронии и

проникает лишь небольшой лучик солнца, оно отгорожено от внешнего мира. Подобную функцию несет в себе и Ольшанское кладбище, где действует особое время, где наслаиваются воспоминания о разных эпохах. Оказавшись в этом «внутреннем мире», героини сталкиваются с образами ушедшего прошлого, оказываются в сфере коллективной исторической памяти: «И в этом смысл Ольшанской консолидации, все должны быть такими, какими должны, остальное их интересоваться не должно. Лейтмотивом этого бесконечного процесса является то, что эта посмертная жизнь (Да какая же это жизнь, воскликнет Алице Давидовичова, если только существование, да и это слово не совсем то, – гробовщичество²⁶) выходит из берегов, постепенно переливается через стену кладбища, растекается по прилегающим улицам. И наоборот – то, что раньше жило снаружи, за стеной, постепенно умирает и переходит через стену. Это наивысший переход – Пасха – Песах. Мертвые словно оживали, а живые плетутся словно мертвые. И никто уже не разберет, где кончается жизнь, а где начинается смерть»²⁷. События истории наслаиваются друг на друга и проступают одно через другое: в первую очередь это, конечно, события XX века, но с ними тесно переплетаются более ранние факты прошлого и легенды (например, о воинах горы Бланик²⁸). В пространстве «безвременья» героини сталкиваются не только с прошлым, но и с будущим, что мы видим на примере цитаты о нерожденных поколениях потомков погибшей Алице. Пространство хтонического безвременья романов Годровой, таким образом, становится пространством существования (или сосуществования) всего времени вообще.

диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы. Коллективная монография / отв. ред. Н. Н. Старикова, под общ. ред. И. Е. Адельгейм, А. В. Усачёвой, Е. В. Шатько. М., 2023. С. 285.

26 Здесь и далее сохранены синтаксис и написание строчных и прописных букв оригинала.

27 *Hodrová D. Podobojí // Trýznivé město. Praha, 2017. S. 139.*

28 Гора Бланик (638) – важное место паломничества в Чешских землях. Легенда о спящих в горе воинах распространилась еще в период позднего Средневековья, однако широкое распространение она получила после издания книги В. К. Клицперы «Бланик» 1813 г. Согласно легенде, воинство под предводительством святого Вацлава, патрона Чешских земель, пробудится, когда для страны настанет самое темное время. В своих произведениях Годрова часто обращается к локусу Бланика, обыгрывая легенду о нем.

В произведениях Годровой 2000–2010-х гг. акцент смещен на рефлексивность процесса письма, порождения текста. В них усиливается автобиографический элемент. В связи с этим усложняется и структура текста: как таковое отсутствует центральное событие, нарративы наслаиваются друг на друга, отсутствуют четкие переходы между частями. Границы, пересекаемые персонажами, становятся менее очевидными и редко маркированы так явно, как в романах 1990-х гг. Однако Ольшанское кладбище, квартира на Жижкове, Старое еврейское кладбище остаются центрами эпического напряжения: вокруг них аккумулируются воспоминания. Более сильной становится линия Даниэлы – персонажа, который выступает своего рода авторским двойником в романе. Она не переживает смерть в прямом смысле слова, но ее аллегорическое путешествие-инициация начинается со столкновения со Смертью: «Я посадила маленькую Смерть, куклу с игрушками на Вацлавской площади [...]»²⁹. Примечательно, что первая глава романа «Спиральные предложения» / *Točité věty* носит название «В лесу» (лес в философской концепции Годровой является внешним пространством, отправной точкой катабасиса), вторая – «Пейзаж с мельницей и замком» (замок – пространство внутреннее, следовательно – пространство инициации), а заключительная – «Снова в лесу» (что говорит о «воскрешении» в обычном мире). Даниэла, таким образом, путешествуя по страницам романа, проходит весь путь непосвященного адепта к таинству. В процессе, как и София, Алице и Элишка, Даниэла встречает «мистических существ», например, Создание пана Хауна, женщину с лицом, поросшим шерстью (образ старухи характерен для существа центра при женском типе инициации). Сохраняется и собирательность ее образа: «Мне не оставалось ничего, кроме как произнести свое имя, оно прозвучало как чужое и с эхом так, что я усомнилась, а мое ли это на самом деле имя, я поняла, что в нем заключено множество имен, некоторые из них уже прозвучали и были облачены в историю [...]»³⁰.

Однако если в произведениях 1990-х гг. речь шла в первую очередь о рецепции коллективной исторической памяти в широком смысле, то в романах 2000–2010-х гг. травмирующие события прошлого рассматриваются сквозь призму более конкретной травмы Даниэлы – старение и умирание близких и друзей, утрата воспоминаний о них. Этот дополнительный тематический пласт, на наш взгляд, с одной

29 *Hodrová D. Točité věty. Praha, 2016. S. 6.*

30 *Ibid. S. 340.*

стороны, сужает инициационный процесс, делает его более личным, но сохраняет при этом широту обобщений: инициация Даниэлы является аллегорической инициацией человечества вообще и читателя в частности: «Знай, ты, этим путем идущий, что все, что случается с теми, кого ты встречаешь, случается и со мной, я – Богунька и Адриена, я – Милена и Хлоя, я – Гипатия³¹, которой обломки ракушек и глиняных кувшинов содрали кожу, а потом – брошенная толпе, которая ее растоптала, это ее, мое, лицо увидела однажды Ева Маркартова в трамвае номер 9, математик до сих пор бежит, я Б. Н.³², и эта пахнущая львом княжна на Вышеграде, я дворянка на коленях Кафки, во мне заключены философы и демоны, и то, кем все были и являются, ими была я, я была и я есть теми, кто будет, я буду, однажды, прямо как сейчас»³³ / «Вот этот путь человека является в то же время путем слова, которое к нему приходит, является путем письма, которое на бумаге выстраивается из колечек и петелек, прямо упивается ими, еще не подозревая, что колечки и петельки умирают, скоро, ох, скоро настанет судный день, и старое письмо будет исправлено [...]»³⁴.

Таким образом, произведения Гюдровой отражают в себе в той или иной мере философско-эстетические концепции автора, представленные, в частности, в работе «Роман-посвящение». Это помещение события в определенное инициационное **пространство** катабасиса, где персонаж проходит лиминальную стадию, контактирует со смертью в той или иной форме (Ольшанское кладбище, комната

31 Гипатия (Ипатия) Александрийская – женщина-философ и математик времен поздней Античности, последователь неоплатонизма. По сохранившимся заметкам современников, была широко известна и имела определенный вес в политике. Это привело к тому, что ее противники распространили слухи о ее занятиях магией. Беснующая толпа в 415 г. во время Великого поста напала на Гипатию и буквально разорвала ее, сдирая с нее кожу обломками глиняных кувшинов. Тело Гипатии таскали по городу привязанным к лошадям, а позже сожгли. Смерть Гипатии вызвала резонанс в обществе, а расследование дела привело к изменениям в политике города.

32 Под этой аббревиатурой скрывается Божена Немцова. Гюдрова часто проводит параллели между своим писательским путем и путем Немцовой. Немцова, согласно философским воззрениям самой Гюдровой, также выступает как символ с архетипической семантикой «женщина-писатель».

33 Ibid. S. 297.

34 Ibid. S. 11.

в квартире с окнами на Ольшанское кладбище, Старое еврейское кладбище и район Йозефов и т. д.); выстраивание **нарратива-безвременья**, где повествования о разных временных пластах истории наслаиваются друг на друга, создавая своего рода палимпсест, палимпсест города Праги, которая видела века человеческих жизней; создание **персонажей-символов**, становящихся своего рода масштабным обобщением, благодаря чему их инициация универсальна, является собирательной моделью инициации человека вообще. Для персонажей Годровой характерен женский тип инициации: женские героини, столкнувшиеся со смертью либо пережившие ее, стремящиеся к поиску утраченного (София – прошлого, Элишка – погибшего отца, Даниэла – воспоминаемый об умерших родных и близких и т. д.). Примечательно, что в романе «Спиральные предложения» в главе «Снова в лесу» героиня задается вопросом «Я снова в начале? В другом начале?»³⁵, переходя после этого к рассуждениям о письме: «Среди предложений как раз пробежало стадо козочек [...]. Будет все повторяться как театральная постановка или все в этот раз будет по-другому? Или просто последнее предложение или три вопросительных предложения, А как же королевство? будет? есть? обернулись змейкой вокруг начала, первого предложения, в котором я маленькую куклу Смерти, ту, которую я купила в магазине игрушек на Вацлавской площади и которая уже играла в моих предыдущих романах, посадила на сцену в кукольном театре, и это первое предложение зарылось в последних предложениях так сильно, что брызнула кровь, по счастью в платок с большим темно-синим узором, который у меня на всякий случай был в руке?»³⁶. Дальше все повествование сосредотачивается на процессе письма: воспоминания о родных и близких, которые были разбросаны по тексту романа, сгущаются, суггестируются вокруг символов, цифр и букв, складываются в имя БОГУМИЛА ГРЁГЕРОВА³⁷. Таким образом, письмо становится

35 Ibid. S. 344.

36 Ibid.

37 Богумила Грёгерова (1921–2012) – чешская писательница и поэтесса, переводчица. Известна своими экспериментальными произведениями, составившими сборник «Меандры» (1996), а также последними романами, в частности «Мой лабиринт» (2014). Близкая подруга Даниэлы Годровой. Их творчество обнаруживает множество философско-эстетических сходжений, что видно уже из названий: меандр – изгиб реки, а также напоминающий петли узор; лабиринт – традиционный символ инициации у Годровой. Роман «Мой лабиринт», во многом автобиографический, повествует

способом восстановления воспоминаний, в данном случае – воспоминаний о подруге. «Тайным знанием», к которому стремится персонаж на протяжении всего пути, является сам путь, оформленный в письмах и цифрах, символах, которые воспринимаются как единственный способ отразить бесконечно ускользающее время.

Источники и литература

Кожина С. А. Движение как структурообразующий фактор романов Д. Годровой // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 279–283. DOI: 10.31168/2619-0869.2020.3.08.

Кожина С. А. Пространство Праги как архитектекст в произведениях Д. Годровой // Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы. Коллективная монография / отв. ред. Н. Н. Старикова. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 275–303. DOI: 10.31168/7576-0481-7.5.

Кожина С. А. «Роман-посвящение» Д. Годровой как теоретико-философское исследование мифопоэтики текста // Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (по материалам III Хоревских чтений). М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 381–392. DOI: 10.31168/2618-8554.2021.23.

Кожина С. А. Специфика нарративных стратегий романа Д. Годровой *Točité věty*: синтез своё / чужое, история / современность // Славянский мир: язык, литература, культура: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова А. Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 138–141.

Юнг К. Г. Человек и его символы. М.: Медков, 1997. 368 с.

Hodrová D. Hledání románu. Praha: Československý spisovatel, 1989. 275 s.

Hodrová D. ... na okraji chaosu ...: Poetika literárního díla 20. století. Praha: Torst, 2001. 866 s.

жизни в поствоенной Чехословакии, где события объединены темой лабиринта. Цитаты из работ друг друга авторы «прячут» в своих текстах. Годрова также рассуждала о том, чтобы поменяться названиями произведений.

Hodrová D. Proměny subjektu / Ústav pro českou a světovou literaturu AV ČR. Praha: Ursus, 1993. 178 s.

Hodrová D. Román zasvěcení. Praha: Malvern, 2014. 336 s.

Hodrová D. Točité věty. Praha: Malvern, 2016. 376 s.

Hodrová D. Trýznivé mesto. Praha: Malvern, 2017. 660 s.

References

Jung, C. G. *Chelovek i ego simvol'y*. Moscow: Medkov, 1997, 368 p.

Kozhina, S. A. "Dvizhenie kak strukturoobrazuiushchii faktor romanov D. Godrovoi." *Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie. Tezisy konferentsii molodykh uchionykh v ramkakh Dnei slavianskoi pis'mennosti i kul'tury*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2020, pp. 279–283. DOI: 10.31168/2619-0869.2020.3.08.

Kozhina, S. A. "Prostranstvo Pragi kak arkhitektext v proizvedeniiax D. Godrovoi." *Topos goroda v sinkhronii i diakhronii literaturnaia paradigma Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy*, ed. by N. N. Starikova. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2023, pp. 275–303. DOI: 10.31168/7576-0481-7.5.

Kozhina, S. A. "«Roman-posviashchenie» D. Godrovoi kak teoretiko-filosofskoe issledovanie mifopoetiki teksta." *Literatura v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennoi Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy: aksiologicheskii diskurs. K 90-letiiu Galiny Iakovlevny Il'inoi (po materialam III Khorevskikh chtenii)*. Moscow, 2021, pp. 381–392. DOI: 10.31168/2618-8554.2021.23.

Kozhina, S. A. "Spetsifika narrativnykh strategii romana D. Godrovoi Točité věty: sintez svoio / chuzhoe, istoriia / sovremennost'." *Slavianskii mir: iazyk, literatura, kul'tura: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia zasluzhennogo professora MGU imeni M. V. Lomonosova A. G. Shirokovoii i 75-letiiu kafedry slavianskoi filologii filologicheskogo fakul'teta*. Moscow: MAKS Press, 2018, pp. 138–141.

Hodrová, D. *Hledání románu*. Praha: Československý spisovatel, 1989, 275 p.

Hodrová, D. ... *na okraji chaosu ...: Poetika literárního díla 20. století*. Praha: Torst, 2001, 866 p.

Hodrová, D. *Proměny subjektu, Ústav pro českou a světovou literaturu AV ČR*, Praha: Ursus, 1993, 178 p.

Hodrová, D. *Román zasvěcení*. Praha: Malvern, 2014, 336 p.

Hodrová, D. *Točité věty*. Praha: Malvern, 2016, 376 p.

Hodrová, D. *Trýznivé mesto*. Praha: Malvern, 2017, 660 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.13

S. A. Kozhina

“Proces cum figuris”: reflection of the philosophical and aesthetic concepts of D. Hodová’s works

Svetlana A. Kozhina

Junior research fellow

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: lana-0391@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6539-1941

Citation

Kozhina S. A. “Proces cum figuris”: reflection of the philosophical and aesthetic concepts of D. Hodová’s works // Slavic Almanac. 2024. No 1–2. P. 256–273 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.13

Received: 12.09.2023.

Revised: 25.01.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

The article discusses the main philosophical and aesthetic concepts of the Daniela Hodrová’s theoretical works (primarily the *Román zasvěcení*), as well as the specifics of their reflection in the author’s artistic work. In the first part of the work, based on the analysis of the final chapter of the “Dedication novel” – *Proces cum figuris* – the main aspects that D. Hodrová focuses on are outlined: style, system of characters (characters-archetypes), symbolic structure (symbols with archetypal semantics). In the second part of the work, these aspects are considered in the context of the author’s literary works, both from the 1990s. (the novel trilogy *Trýznivé město*), and later ones (*Točité větvy* (2015), *Vývolávání* (2010), *Ta blízkost* (2019)). Both the theoretical and literary texts of D. Hodrová are distinguished by a heterogeneous structure, a complex system of symbols and allusions, going back to the theory of the genesis of the novel and individual literary tropes. An analysis of the specifics of the presentation of material in both areas of the author’s work is important for understanding not only the originality of D. Hodrová’s work, but also the characteristic features of the postmodernist narrative in Czech literature.

Keywords

Czech literature, postmodernism, Daniela Hodrová, initiatory novel, archetypes.

**Македонский писатель Венко Андоновский
о подлинных и мнимых художественных ценностях**

Шешкен Алла Геннадьевна
Доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация
E-mail: asheshken@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9346-9814

Цитирование

Шешкен А. Г. Македонский писатель Венко Андоновский о подлинных и мнимых художественных ценностях // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 274–285. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.14

Статья поступила в редакцию 25.01.2024.

Рецензирование завершено 31.01.2024.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

Македонский писатель Венко Андоновский (1964) в прозе последних десятилетий (романах «Азбука для непослушных», «Пуп земли», «Пуп света» и др.) и эссеистике («Достоевский и Макдональдс») поднимает вопрос аксиологии современной литературы, интеграции ее ценностных смыслов в мировосприятие современников. Ценностные доминанты художественной литературы, их интерпретация в произведениях современных авторов стали важной проблемой в XXI в. для славянских стран, особенно остро — для авторов «малых литератур». На фоне крупных общественно-политических сдвигов в последние десятилетия приобрела интенсивный характер коммерциализация литературы, она серьезно затронула славянские литературы. Современный писатель часто должен выбирать между подлинным творчеством (серьезным и глубоким осмыслением судьбы своего народа, важных событий современности, совершенствованием языка и стиля и т. д.) и коммерческим успехом, который обеспечивает статус бестселлера. Размышляя об этом явлении, В. Андоновский видит в нем проявление глобализации в искусстве и называет его «литературным фастфудом». Выбор между подлинными и мнимыми художественными ценностями писатель образно называет

«выбором между Достоевским и “Макдональдсом”»). В эссе и романах В. Андоновский раскрывает идею важности сохранения национальной традиции и ориентацию на достижения мировой литературы, содержащие ценности высшего духовного порядка.

Ключевые слова

Македонская литература, бестселлер, аксиология современной литературы, Венко Андоновский, Ф. М. Достоевский, «Пуп земли», «Пуп света».

Популярный у себя на родине и в соседних балканских странах македонский писатель Венко Андоновский (1964)¹ стал в последние несколько лет и в нашей стране известным автором, лауреатом ряда престижных литературных премий. На II Международном Славянском литературном форуме (2022) ему была вручена статуэтка «Золотой витязь», затем за роман «Пуп света» (2023) была присуждена престижная премия «Ясная Поляна» (2023) в номинации «Иностранная литература». Он участвовал в Форуме объединенных культур (СПб., ноябрь 2023), где шла речь о необходимости сохранения мировой культуры в ее многообразии. Представитель самой молодой славянской литературы с древними корнями, народа, сохранившего свою идентичность вопреки суровым историческим испытаниям, В. Андоновский остро чувствует потребность в серьезном разговоре об аксиологии современного искусства слова. Ценностные доминанты, понимание ценностных смыслов художественной литературы, их интерпретации в произведениях современных авторов стали для славянских стран² (и не только) важной проблемой в XXI в.

1 В. Андоновский вошел в литературу на рубеже 1980–1990-х гг. как поэт («Нежное сердце варвара», 1986), прозаик («Фрески и гротески», 1993) и драматург («Адская машина», 1993; «Бунт в доме престарелых», 1994; «Славянский ковчег», 1998 и др.). На русский переведены его романы «Пуп земли» (2000, рус. пер. 2011), «Азбука для непослушных» (1994, рус. пер. 2016) и «Пуп света» (2023, рус. пер. 2023), драма «Славянский ковчег» (2010) и отдельные стихотворения.

2 В Институте славяноведения РАН в 2020 г. была проведена конференция «Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (III Хоревские чтения)», а в 2021 г. был издан сборник статей по материалам конференции.

по ряду причин. На фоне крупных общественно-политических сдвигов в последние десятилетия коммерциализация литературы приобрела интенсивный характер и серьезно затронула славянские литературы, которые в обстановке культурной глобализации оказались в весьма сложной ситуации. Парадоксальным образом вопрос сохранения ими самобытности возник и обострился параллельно с утверждением в 1990-е гг. в этих литературах постмодернизма с его установкой на широкое, свободное (даже вольное) обращение к мировой литературной традиции, ориентацию на тип «культурного» читателя, восприимчивого к глубинным смыслам многоуровневого текста, готового вступить в предложенную автором «игру». В силу универсальности постмодернистского сознания, его «непривязанности» к конкретной национальной культуре и известной «космополитичности» ряд исследователей считал, что национальное лицо в постмодернизме практически отсутствует³.

Постмодернизм в 1990-х – 2010-х гг. стал одним из основных течений македонской литературы. Среди ее авторов В. Андоновский занимает значительное место⁴. В то же время наряду с возможностями, которые открывал постмодернизм (наиболее привлекательно выглядела в начале 1990-х гг. идея отмены монополии на истину как протест против господства марксистской идеологии и культивирование особого типа иронии), писатель придает важное значение связи современников с национальным прошлым и культурой своего народа. Широко пользуясь характерными для постмодернизма приемами, В. Андоновский обращается к богатой традиции национальной культуры, фольклору и мифологии. Он создает свои произведения в расчете на образованного читателя, имеющего хорошее представление о литературных сюжетах, мотивах, образах, почерпнутых из мировой литературы, но и вместе с тем на такого читателя, который знает историю культуры своего народа. Это качество проявилось у писателя уже в первом романе «Азбука для непослушных» (1994), который принес автору известность, и не только у него на родине. В свойственной постмодернизму свободной манере писатель предлагает свою интерпретацию истории создания славянского письма, касается вопроса о замене глаголицы кириллицей, упоминает о св. Кирилле, вызывает ассоциации со

3 Ср.: Попов Д. А. Специфика национального постмодерна: миф и реальность // История и историческая память. 2015. № 11. С. 106.

4 См. подробнее: Шешкен А. Г. Македонские писатели в лабиринте постмодернизма // Славяноведение. 2019. № 4. С. 60–69.

«Сказанием о письменах» Черноризца Храбра, рассуждает о сакральном и истинном смысле букв. Убедительно звучит мысль о значительном вкладе славян в мировую культуру в пьесе «Славянский ковчег» (1998) и романе «Пуп земли» (2001).

Одна из сюжетных линий романа «Пуп земли», как и «Азбука для непослушных», строится с использованием мотивов деятельности первых славянских просветителей. Герой повествования Илларион Сказитель, живший во времена создания славянской азбуки, в IX в., пытается разгадать древнюю надпись, постичь смысл букв и силу слова, узнать, где находится Пуп земли, откуда берет начало древнее письмо. В. Андоновский погружает читателя в игру взаимодействий древних памятников, отсылая одновременно к таким космологическим понятиям, как центр мира, точка равновесия, смысл слова и его истинность. Писатель гордится историей своего народа, настойчиво напоминая о ней современникам. Он осознает духовный потенциал национальной культуры, выстраивая ценностные доминанты в своих произведениях. И тем острее встает проблема противостояния унификации культуры, необходимость серьезного анализа этого явления.

В. Андоновский заметил опасность глобализма, когда этот вопрос еще так широко не обсуждался, и высказал свое к нему отношение в своих произведениях. Он говорил о необходимости сохранения культурной идентичности, зачастую не пренебрегая открытой публицистичностью высказываний. В пьесе «Славянский ковчег» (1998), в центре которой мотив распада славянских государств и деградация общества, спасение от катастрофы видится ему в возвращении народу чувства самоуважения. Со сцены звучат слова, обращенные к тем, кто готов бездумно и как можно быстрее «европеизироваться»: «Если бы могли, вы бы изгадили гробы предков, лишь бы Запад сказал, что это искусство. А по сути вы создаете дешевку. Вместо того, чтобы рисовать фрески. Знаете ли, что бы сделал Запад, если бы имел ваши фрески? Наплевал бы на свои несчастные авангарды, трансавангарды и постмодерны»⁵.

Профессиональный филолог, В. Андоновский неоднократно критически высказывался по поводу состояния современной национальной и мировой литературы, оказавшейся перед непростым выбором между содержательностью, духовностью и коммерческим успехом. Этот выбор македонский писатель остроумно назвал дилеммой современного автора «между Достоевским и “Макдональдсом”».

5 Андоновски В. Пет драми. Скопје, 2001. С. 214.

В наиболее законченном виде его представления о феномене ценностей в художественном творчестве были сформулированы им в докладе на XVI Международном съезде славистов в Белграде (2018) и затем развиты в литературно-критическом эссе «Достоевский и Макдональдс» (2019), в котором с темпераментом полемиста он обрушился на такое распространенное явление современной культуры, как бестселлер, называя его «литературным фастфудом».

Казалось бы, что может быть плохого в бестселлере? Кто из современных писателей не мечтал стать автором популярной и успешно продаваемой книги? Ведь книга пишется для того, чтобы ее читали, а писатель, кроме желания прославиться, хочет своим профессиональным трудом зарабатывать, и, по возможности, хорошо. Издатели тоже заинтересованы в продаваемых авторах. Популярность и литературное качество и совпадают, и не совпадают. Случалось, что известность сразу приходила к произведениям гениальных писателей, которые сегодня назвали бы бестселлерами. Вспомним Гофмана с его «Мадемуазелью де Скюдери» (1820), за громкий успех которой счастливый издатель прислал автору ящик вина. Самым известным автором бестселлера в бывшей Югославии был Момо Капор с его героями-подростками, остроумными и наблюдательными, с максимализмом юности отрицающими лицемерие «мира взрослых». Яркость стиля и выпуклые зарисовки белградского быта 1970-х гг. сделали романы М. Капора важным явлением сербской литературы того времени, они и сегодня интересны читателю.

Путь к известности и коммерческому успеху может быть не таким тернистым, если автор ради популярности будет следовать некоторым несложным правилам. Они известны давно, о них писал еще Н. В. Гоголь в повести «Портрет». Так что же такое бестселлер, и чему должен (и должен ли) следовать автор, чтобы заветное слово «бестселлер» появилось на обложке его книги? В. Андоновский, романы которого нередко относили к разряду бестселлеров из-за их популярности и успешной продажи, высказывается в своем эссе об этом широко распространенном явлении одновременно и как писатель, и как ученый, анализируя его природу и место в современной культуре, предлагая его историко-литературный анализ. Он видит в бестселлере проявление социальных процессов времени, прежде всего усиливающейся глобализации, которая проникла буквально во все сферы человеческой жизни, не оставив в стороне и литературу. «Массовый читатель» под качественной литературой все чаще понимает именно бестселлеры, т. е. книги современных авторов, имеющие / имевшие самый

большой коммерческий успех. Нехитрая подмена понятий и критериев (коммерческий вместо художественный) — и «самая успешно продаваемая книга превращается в “лучшую книгу”»⁶. Бестселлеры стали частью торговли, а творчество превратилось в некий отлаженный производственный процесс: бестселлеры «производятся по точно утвержденному рецепту»⁷, как бы сходя с конвейера, штампуются один за другим. Таким образом, в эпоху глобализма литература как творчество, как индивидуальный акт подменяется ширпотребом. Глобализация стала новой формой колониализма, идеологией порабощения национальных культур, в которой «эстетике бестселлера» отведена важная роль: отказ от национальной литературной традиции и народной памяти, закрепленной в фольклоре, и утверждение вместо этого массовой культуры, лишенной национальной основы. Это особенно опасно для культуры и литературы славянского мира, прежде всего немногочисленных народов, которые «глобализация поглощает, превращая их в общемировую семиосферу»⁸.

Македонский писатель фиксирует агрессивное развитие этих процессов и задается вопросом, как могло случиться, что «всего за несколько десятилетий растворилось понятие “мировая литература”, которая практически свелась к понятию “литературы глобализации”»⁹, наиболее ярко воплощенной в современном бестселлере. Этот тип литературы хотя и претендует на всеобщее внимание, но в целом достаточно примитивен, приходит к выводу автор эссе, ибо бестселлер культивирует ограниченное число тем, «идеологически и вульгарно-политически предписанных», с наибольшей вероятностью гарантирующих автору шанс сделаться «писателем с мировым именем»¹⁰. Рецепт «мирового бестселлера» В. Андоновскому видится следующим. Во-первых, тематика (банальная и надоевшая, но практически обязательная): «похищение детей в торговых центрах и их спасение; торговля человеческими органами (следы мафиози ведут обязательно куда-то на “мрачные Балканы” или на “кровожадный Восток”), пресеченная, естественно, западными спецслужбами [...] мусульманский мир как источник постоянной опасности для цивилизации и поставщик самых кровожадных террористов,

6 Андоновски В. Достоевски и Мекдоналдс. Книжевни и културолошки студии. Скопје, 2019. С. 8.

7 Там же.

8 Там же.

9 Там же. С. 10.

10 Там же.

угоняющих самолеты, нападающих на детские сады и школы, угрожающих миру химическим оружием; всевозможные душеспипательные истории о запретной любви между представителями разных религиозных конфессий и враждующих народов. Востребованы сюжеты о правах ЛГБТ (лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров) с острой критикой традиционных представлений об отношениях между мужчиной и женщиной и наделением представителей нетрадиционной ориентации талантами и высоким уровнем интеллекта. В списке тем, которых нужно придерживаться, чтобы стать писателем “с мировым именем”, любимая тема – сатанизация русских и балканских православных славян, изображение их кровожадными чудовищами, агрессивными и склонными к криминалу: не случайно в новейших американских фильмах русский или серб (из Боснии) – главный отрицательный персонаж, жестокий преступник, вор и убийца. Желательны также сюжеты, связанные с биографией известных личностей из европейского прошлого»¹¹. Таким произведениям обеспечен «корпоративный маркетинг» – восторженные отзывы критики, являющейся частью системы. Цивилизованный мир ни в коем случае не может ассоциироваться со славянами. У славянского автора (поляка, болгарина или македонца) практически нет шансов на успех, если сюжеты и персонажи его произведений связаны с его собственной культурой. Македонский писатель обеспокоен тем, что так навязывается мода, пагубно влияющая на «малые» литературы. Любое «обращение к собственной традиции» начинает выглядеть «консервативным» и провинциальным¹².

Чтобы подчеркнуть все убожество современного бестселлера, этой «Макдональдс-литературы», В. Андоновский обращается к творчеству Ф. М. Достоевского. Подчеркивая духовный потенциал русской классики, содержание в ней ценностей высшего порядка, В. Андоновский видит в Достоевском символ настоящей литературы, раскрывший бесконечное богатство человеческой души. Его всемирно известные романы противостоят упрощенной и однолинейной «фастфуд-литературе». В отличие от философской наполненности и подлинного гуманизма Достоевского, «все современные бестселлеры, напротив, изображают одну-единственную “философию потребления”»¹³. Мир в них – это мир без Бога, да Бог и не нужен, так как «достаточно иметь сильное правительство, чтобы противостоять террористам, сильную полицию, способную остановить

11 Там же. С. 10–11.

12 Там же. С. 11.

13 Там же. С. 12.

похитителей детей, насильников и педофилов, мощную технику, чтобы обнаружить бомбу в супермаркете, развитую медицину и хорошую клинику, где можно сделать трансплантацию и продлить жизнь без помощи свыше. При этом все активнее внедряется изображение жестокости, она смакуется как в кино, так и в «Макдональдс-литературе»¹⁴.

Для современных писателей, особенно представляющих так называемые «малые» литературы, выбор непростой. Они должны решить, идти ли путем продолжения национальной традиции с обращением к вечным вопросам о добре и зле, смысле жизни, бессмертии души, любви, проблемам собственной истории и культуры, или пойти по более легкому пути «глобальной тематики», превратившись в «Макдональдс-писателя». Понятно, что этот вопрос очень тревожит македонского автора, представителя народа, который смог в крайне сложных условиях (многовековое османское господство, национальное и религиозное угнетение, попытки ассимиляции) не раствориться в истории, сберечь свой язык и свою идентичность.

Что касается формально-стилистического плана, то и здесь, по мнению македонского писателя, бестселлер «страшно однообразен, нормативен и предсказуем»¹⁵, невероятно поверхностен, банален и стереотипен. Образы героев не грешат психологической глубиной (она под запретом), как и текст в целом – философскими размышлениями (в этом свете становится понятнее недавняя попытка «запретить Достоевского»). Единственное, что может использовать автор для имитации интеллектуальной насыщенности повествования, – это «украшение текста» цитатами или вольным изложением мыслей и высказываний философов и писателей прошлого. Тем более что бестселлер не терпит длинных фраз и предложений. Привыкший к такому тексту читатель не сможет читать Л. Толстого. В итоге рождается китч, дешевка, подменяющая подлинное искусство слова.

Поскольку массового читателя нужно привлечь и задержать его внимание, мастера бестселлера используют законы мелодрамы, для которой характерны контрасты как основной принцип композиции, острота конфликтов, занимательность, насыщенность яркими эмоциями, присутствие противоположных по типу характера и социального положения персонажей, почеркнутая антитеза добра и зла, сюжетные клише, нагромождение ужасов, слезливость, сострадание к невинной жертве и пр. Однако в отличие от классической мелодрамы бестселлер

14 Там же. С. 12.

15 Там же. С. 14.

способствует насаждению ложных стереотипов и идеологием «фастфуд-литературы». Создается негативное представление, в частности, о разных народах¹⁶. Если по сюжету русский или серб – торговцы наркотиками или совершают еще какие-то грязные поступки, то у читателя формируется мысль (по законам мелодрамы), что все представители этих народов плохие. С другой стороны, «все представители “западных демократий”» – положительные герои, без малейших негативных качеств. «Таким образом, то, что мелодрама считала проявлением индивидуальной морали, бестселлер-мутант превратил в коллективную мораль и тем самым приблизился на опасное расстояние к разделению на расы, народы и вероисповедания». Именно от плохих «других» исходит главная опасность для западной демократии, которая, по сути, и создала эту «Макдональдс-литературу». Мораль становится не индивидуальной, а геополитической категорией. Современная «фастфуд-литература» широко пользуется «культурой страха». Читатель общества потребления становится потребителем страха и «лекарства» от него. Но это не связано с подлинным гуманизмом, а эксплуатируется как ресурс управления обществом, подчеркивает В. Андоновский.

Литература должна не отдаляться от собственной традиции, противопоставляя бестселлеру по-настоящему глубокое осмысление жизни и проблем современного человека. Популярность таких произведений сегодня показывает, что есть надежда противостоять банальности и китчу бестселлера, считает В. Андоновский. К этому его мнению можно присоединиться. Тем более что обстоятельства современной истории, трагические и судьбоносные для славянских народов, требуют осмысления в художественном слове. Писатели (не только македонские) не смогли укрыться «в библиотеке»¹⁷ от потрясений реальной жизни, отражение которых тоже придает национальную окраску их творчеству. Постмодернистский хаос, нестрашный в «тексте» и философии, где он «утверждал плюралистичность мировосприятия»¹⁸, в реальной жизни обернулся человеческими драмами и трагедиями, неизбежными спутниками эпохи социальной ломки и военных конфликтов. Из современных русских писателей В. Андоновский

16 Там же. С. 20.

17 Имеется в виду искусственное пространство, сотканное из свободного путешествия по произведениям мировой литературы, что характерно для постмодернизма.

18 *Скоропанова И. С.* Русская постмодернистская литература. М., 2001. С. 42.

выделяет Евгения Водолазкина, особенно его роман «Лавр», считая автора наследником традиции Достоевского.

Последний роман В. Андоновского «Пуп света» (2023), как говорит сам автор, «посвящается гениям русской литературы XIX века, таким как Толстой и Достоевский. Уроки, почерпнутые из их книг, я возвращаю как некий долг моему русскому читателю века XXI в надежде быть услышанным и понятым»¹⁹. Роман многослоен, в нем переплетаются несколько сюжетных линий, мотив переселения душ и перемещения во времени. С точки зрения поэтики – широко используются приемы, характерные для постмодернизма (роман в трех шрифтах и одной рукописи света), в частности интертекст. Причем интертекстуальная связь прослеживается как с произведениями мировой литературы (герой носит имя Ян Людвиг, заимствованное из романа чешского писателя М. Кундеры «Шутка»), так и с его собственными романами «Азбука для непослушных», «Пуп земли» и книгой литературно-критических эссе «Достоевский и Макдональдс». Это проявляется в основной сюжетной линии (герой пишет пьесы и романы, ссорится с немецким издателем, мастером создавать авторов бестселлеров). Мотив азбуки, буквы как знака, содержащего тайный смысл, который может раскрыть спасительный для человека путь, – сквозной в прозе В. Андоновского. Настойчиво повторяется мысль о постепенной утрате возможности проникнуть в истинное содержание букв и слов. Печатный станок и затем печатная машинка ослабили связь создателя текста с божественным светом, а компьютер почти ее уничтожил. Кажущаяся легкость создания книги обманчива и нередко ведет к измельчанию идейному и художественному. Духовное очищение и восхождение к «свету» стали результатом мучительных испытаний. Из монастыря, куда судьба приводит героя, он (он же автор Венко Андоновский и одновременно Ян Людвиг) выходит духовно просветленным с намерением строить жизнь на здоровых основах. Герой романа М. Кудеры Ян Людвиг, уже появившийся в романе «Пуп земли», в очередной раз пытается ответить на сложные вопросы жизни и творчества. Композиция романа построена на противопоставлении ценностей «низшего» и «высшего» порядка: денег, успеха, бездуховного западного мира и поиска смысла жизни и творчества, духовного просветления. В этом ключе следует трактовать и смысл названия романа «Пуп света». Это возможность покаяния и обретения высшего смысла жизни, построенной по законам искренней любви. «Все, что нужно сделать человеку, – это затеплить лампаду,

¹⁹ Андоновский В. Пуп света. М., 2023. С. 7.

взять свет от великого светильника и сохранить и поддерживать его в своем доме»²⁰, – так завершает свое повествование В. Андоновский, обнажая его главную ценностную установку.

Источники и литература

Андоновски В. Достоевски и Мекдоналдс. Книжевни и културолошки студии. Скопје: Три, 2019. 279 с.

Андоновский В. Пуп света. М.: Институт перевода, 2023. 414 с.

Попов Д. А. Специфика национального постмодерна: миф и реальность // История и историческая память. 2015. № 11. С. 100–107.

Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература. М.: Флинта; Наука, 2001. 608 с.

References

Andonovski, V. *Dostoevski i Mekdonalds. Knjževni i kulturološki studii*. Skopje: Tri, 2019, 279 p.

Andonovskii, V. *Pup sveta*. Moscow: Institut perevoda, 2023, 414 p.

Popov, D. A. "Spetsifika natsional'nogo postmoderna: mif i real'nost'." *Istoriia i istoricheskaia pamiat'*. 2015, No 11, pp. 100–107.

Skoropanova, I. S. *Russkaia postmodernistskaia literatura*. Moscow: Flinta; Nauka, 2001, 608 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.14

A. G. Sheshken

Macedonian writer Venko Andonovski upon true and imaginary artistic values

Alla G. Sheshken

Doctor of Letters, professor

Lomonosov Moscow State University

119991, 1-51 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation

E-mail: asheshken@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9346-9814

²⁰ *Андоновский В.* Пуп света. М., 2023. С. 414.

Citation

Sheshken A. G. Macedonian writer Venko Andonovski upon true and imaginary artistic values // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 274–285 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.14

Received: 25.01.2024.

Revised: 31.01.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

The Macedonian writer Venko Andonovski (1964) in his works of recent decades (novels “The ABC for the Naughty,” “The Navel of the Earth,” “The Navel of the World,” etc.) and essays (“Dostoevsky and McDonald’s”) raises the issues of the axiology of modern literature, the integration of its value meanings into the worldview of contemporaries. The value dominants of fiction and their interpretation in the works of modern authors have become an important problem in the 21st century for Slavic countries, especially acute for authors of “small literatures”. Against the backdrop of major socio-political changes in recent decades, the commercialization of literature has become intensive and has seriously affected Slavic literatures. A modern writer often must choose between genuine creativity (a serious and deep understanding of the fate of his people, important events of our time, improving language and style, etc.) and the commercial success that a bestseller provides. Reflecting on the phenomenon of the bestseller, V. Andonovski sees in it a manifestation of globalization in art and calls it literary fast food. The writer figuratively calls the choice between genuine and imaginary artistic values a choice between Dostoevsky and McDonald’s. In essays and novels, V. Andonovski explores the importance of preserving national tradition and orientation towards the achievements of world literature, containing values of the highest spiritual order.

Keywords

Macedonian literature, bestseller, axiology of modern literature, Venko Andonovski, F. M. Dostoevsky, “The Navel of the Earth”, “The Navel of the World”.

**«Хэппиэнды» Ярославы Блажковой
(Чехословакия – Канада – Словакия)**

Широкова Людмила Федоровна

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: shirocco@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9368-9086

Цитирование

Широкова Л. Ф. «Хэппиэнды» Ярославы Блажковой (Чехословакия – Канада – Словакия) // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 286–297. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.15

Статья поступила в редакцию 25.01.2024.

Рецензирование завершено 25.02.2024.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

Ярослава Блажкова (1933–2017) принадлежала к поколению словацких писателей, пришедших в литературу в конце 1950-х – начале 1960-х гг., к поколению бунтарей-«шестидесятников», собравшихся вокруг журнала «Млада творба». Первыми произведениями, сделавшими имя писательницы известным, стали новелла «Нейлоновый месяц» (1961) и сборник рассказов «Ягненок и гранды» (1964). В 1968 г. Блажкова с семьей была вынуждена покинуть страну и до конца жизни оставалась в Канаде. В 1970–1980-е гг. она занималась журналистской деятельностью, сотрудничала с чешскими писателями-эмигрантами Й. Шкворецким и З. Саливаровой. После «нежной революции» 1989 г. она получила возможность приезжать на родину, выступать в печати, публиковать книги. В Словакии вышли ее сборники «...Как на поздравительной открытке» (1997), «Свадьба в Кане Галилейской» (2001), в которые были включены и рассказы 1960-х гг., а затем написанный уже в начале 2000-х гг. роман в письмах «Хэппиэнды» (2005), основанный на собственном драматическом опыте писательницы ухода за тяжело больным мужем, на ее воспоминаниях и размышлениях, проникнутых иронией и оптимизмом. В 2000-е гг. в Словакии были изданы и стали успешными книги Блажковой для детей и юношества.

Ключевые слова

Словацкая литература, эмиграция, роман, повествователь, автобиографический герой.

Лишь немногие из словацких писателей, которые приобрели известность в 1950–1960-е гг., уехали из страны после августа 1968 г.; кроме Ярославы Блажковой (1933–2017), можно назвать еще Ладислава Мнячко (1919–1994), автора произведений о войне и публицистических рассказов о репрессиях 1950-х гг. Идеологический зажим, партийные чистки, исключение из Союза писателей, запрет на профессию коснулись многих писателей, переводчиков, журналистов, активно выступавших за реформы «Пражской весны». При этом большинство литераторов предпочло «внутреннюю эмиграцию» и работу «в стол» – временную, до середины 1970-х – начала 1980-х гг. (В. Шикла, Я. Йоганидес, Л. Баллек, Л. Тяжкий и др.) или вынужденно более длительную, вплоть до «нежной революции». Уникальным для словацкой литературы периода «нормализации» примером диссидента, оставшегося в стране и подвергшегося политическим репрессиям, стал один из крупнейших писателей 1940–1960-х гг. Д. Татарка (1913–1989).

Я. Блажкова родилась в чешском городе Вельке Мезиржичи, но в 9 лет переехала с родителями в Братиславу. Здесь она окончила женскую гимназию и, обладая литературными склонностями, поступила на философский факультет Университета Коменского. Параллельно работала в редакции молодежной газеты «Смена», в середине 1950-х гг. публиковала там заметки, репортажи и краткую прозу. За одно из таких произведений, а также за резкие политические высказывания ее уволили, и ей пришлось несколько лет работать на городском предприятии садоводства и благоустройства (как позднее А. Дубчеку в 1970-е гг.).

В литературу она вошла, или скорее – ворвалась, в 1961 г., опубликовав новеллу (микророман) «Нейлоновый месяц». На преобладающем фоне произведений тех лет, посвященных событиям войны и Словацкого национального восстания (В. Минач, Р. Яшик, Л. Тяжкий), камерное повествование о частной жизни молодых современников, горожан-интеллигентов с их творческими исканиями и эротическими порывами вызвало и огромный читательский интерес, и целую волну критики. Признавая присущую прозе Блажковой и ее поколению в целом способность «отражать аутентичные жизненные ситуации молодых людей и характерные черты их психики, выявлять

чувствительные точки их конфликтов с поколением отцов», критики упрекали ее в «мелкотемье, информативной бедности, заигрывании со вкусами читателя»¹.

Блажкова со своим свежим взглядом на мир, экспрессивной стилистикой и субъективностью художественного высказывания вошла в круг молодых словацких литераторов, так называемого «Поколения “Младой творбы”» (по названию журнала), во многом определивших лицо словацкой поэзии, прозы и критики на долгие годы. Успех ее первой книги был закреплен снятым в 1965 г. фильмом. В 1964 г. Блажкова опубликовала вторую книгу – сборник рассказов «Ягненок и гранды», в центре которых также молодые герои, бунтующие против косности и формализма, всего старого и отжившего.

Популярности добавили ей и несколько успешных книг для детей («Салют для дедушки», 1962; «Мой классный брат Робинзон», 1968 и др.). Последняя из написанных в Чехословакии детских книг, «Сказки из красного чулка», была изъята из продажи и уничтожена после того, как Блажкова с мужем, чешским философом и публицистом Душаном Покорным, и двумя сыновьями эмигрировала в Канаду. Августовские события 1968 г., подавление «Пражской весны» и угроза политических репрессий побудили мужа Блажковой принять приглашение в университет Торонто; затем семья переехала в г. Гуэлф в Онтарио, где писательница оставалась до конца жизни.

Причин для эмиграции было много: это и обоснованные опасения преследования и мужа, и самой писательницы, диссидентов, активно противостоявших партийным властям и выразивших громкий протест против ввода в Чехословакию войск Варшавского блока. Блажкову, по ее словам, заочно, «после отъезда приговорили к двум годам тюремного заключения. Уже и не знаю, за что, да меня это и не интересовало»², вскоре исключили из Союза писателей и наложили запрет на ее уже вышедшие книги и на публикацию новых. Беспокоило ее и будущее сыновей-подростков, которые не смогли бы поступить в вузы и были бы поражены в правах, как многие дети инакомыслящих в 1970-е гг.

1 Hvišč J., Marčok V., Bátorová M., Petrik V. Biele miesta v slovenskej literature. Bratislava, 1991. S. 85.

2 Opoldusová J. Jaroslava Blažková – originálna spisovateľka aj symbol odvahy. URL: <https://kultura.pravda.sk/kniha/clanok/420719-originalna-spisovatelka-jaroslava-blazkova-bola-symbolom-odvahy/> (дата обращения: 20.11.2023).

В Канаде Я. Блажкова провела почти 50 лет, весь остаток жизни: в 1968–1988 гг. она жила в Торонто, а с 1988 г. – в расположенном неподалеку от Гуронского озера университетском городке Гуэлфе, ставшем местом действия ее поздних произведений.

Начиная с 1989 г. она несколько раз приезжала на родину и в беседах с журналистами делилась своими мыслями о писательском труде и опыте выживания в эмиграции: «Это было тяжело. Я пыталась заниматься там разными делами, но все это не имело большого успеха, ведь мой английский язык был далек от совершенства. Мне приходилось постепенно вращаться в среду, знакомиться с ней»³. Блажкова использовала любые возможности, чтобы продолжать литературную работу, находила связи с единомышленниками: «Я, конечно, писала. Какие-то мои тексты играли в тамошнем “Черном театре”. [...] Кроме того, я работала на радио, в словацкой редакции СВС в Монреале. А когда в Канаду приехал Йозеф Шкворецкий со своей женой Зденой Саливаровой и они основали издательство “68 – Sixty eight Publishers”, я долгое время сотрудничала с ними»⁴ в качестве редактора издательства в 1978–1989 гг. До этого, в 1976–1978 гг., Блажкова выполняла обязанности главного редактора журнала землячества чехов и словаков в Торонто «Новая родина» и, по ее признанию, написала за это время тонны материалов на словацком и на чешском языке, освещая далекие от собственных творческих интересов, но волнующие читателей темы, от футбола до политики, и подписываясь под ними разными именами. Тем не менее она понимала ограниченность своих возможностей, обусловленную прежде всего языковым барьером и чуждым окружением, разрывом привычных человеческих и социальных связей. «Язык и близкая, знакомая среда – питательная среда для писателя. Поэтому эмиграция для нас и для артистов – наверно, самое страшное, что может случиться»⁵.

Блажкова утратила контакты и с прежним литературным кругом в Словакии, со своими сверстниками по писательскому поколению, которые в 1970–1980-е гг. продолжили создавать и публиковать свои произведения, тем самым включившись в сферу «официальной» литературы. Позднее она высказывалась об этом с горечью: «Я долго

3 Jaroslava Blažková: Emigrácia je pre spisovateľa hádam to najstrašnejšie. URL: www.sme.sk/c/2504055/jaroslava-blazkova-emigracia-je-pre-spisovateľa-hadam-to-najstrasnejšie.html (дата обращения: 21.11.2023).

4 Ibid.

5 Ibid.

не могла читать современных словацких авторов [...]. Я избегала этого не из враждебности, а из чувства самосохранения. Наверно, я утонула бы в слезах, если бы стала читать Винца Шикуну или Яна Йоганидеса, Виликовского или других своих приятелей»⁶.

Лишь спустя несколько лет после «нежной революции» и образования независимой Словакии Я. Блажкова смогла решиться на возвращение в словацкую литературу, согласившись на предложение женского феминистского писательского объединения «Аспект» опубликовать избранное из ее произведений 1960-х гг. В 1997 г. в издательстве «Аспект» вышла книга «...Как на поздравительной открытке», включившая в себя «Нейлоновый месяц» (в названии – одна из фраз этой новеллы) и рассказы из сборника «Ягненок и гранды».

Опыт сотрудничества оказался удачным, и в 2001 г. то же издательство опубликовало второй ее сборник, «Свадьба в Кане Галилейской», куда вошли одноименная большая новелла конца 1960-х гг., которую Блажкова не успела напечатать в ЧССР, и 7 рассказов, написанных ею уже в эмиграции.

Титульная новелла очень похожа по тональности и экспрессивной стилистике на другие произведения Блажковой 1960-х гг. Действие происходит в Словакии, однако, в отличие от предыдущих новелл, – не в столичной Братиславе, а в отдаленной деревне, во время сельской свадьбы. Две центральные героини, тридцатилетние женщины, бывшие школьные подруги, утратили прежнюю близость, самоощущение каждой соотносится с их средой. Они представляют, как это часто бывает в произведениях Блажковой, два противоположных типа: обыватель и интеллигент. Бойкая и самодовольная Маришка, художница-керамистка из старинного рода потомственных гончаров, шумно радуется предстоящему замужеству, не замечая косых взглядов деревенских сплетниц. Интеллигентная жительница Братиславы Нела, флейтистка из оркестра Национального театра, страдает от неразделенной любви и чувствует себя чужой среди общего веселья, в котором подмечает порой фальшивые нотки. Грандиозная свадьба разворачивается в соответствии с местными традициями, по строгому сценарию, несмотря на проливной дождь, напоминание о котором проходит рефреном через все повествование: «Она тридцать лет ждала этого дня, она и деревня. И пусть хоть гром гремит, она пойдет в белом платье, а две маленькие подружки невесты понесут за ней шлейф из тридцати метров тюля, шесть музыкантов выстелют

⁶ Ibid.

перед ней дорогу своими нотами и восемьдесят восемь гостей пойдут по лужам вслед за нею»⁷.

Рассказы, написанные Блажковой уже в Канаде, более камерны, сдержанны по стилистике, описываемые здесь реалии по преимуществу канадские. Герои, а это в основном словаки-эмигранты, вполне благополучны в материальном плане, но каждый из них по-своему переживает тяжелые жизненные ситуации. Сорокалетняя Кристина («История весталки») тщетно пытается спасти свой кажущийся успешным брак с инженером Зварой, уговорив его поехать в отпуск в романтическую рыбацкую деревушку на берегу океана: жилье оказывается тесной хижинкой, воды Атлантики – ледяными, а муж продолжает бурную переписку с давней возлюбленной. Невозможность вернуться на родину, чтобы проститься с умершей сестрой, тяготит Хельгу («Панихида по Жофинке») и вызывает в ее ностальгических беседах с подругой-повествовательницей массу светлых и тяжелых воспоминаний о доме: «Память Хельги напоминает ее сумочку. В разных кармашках и отделениях можно обнаружить то затерянное письмо, то выцветшую фотографию, то полузабытое имя, колечко, а то и яйцо веретенницы или зуб василиска»⁸. Жизнь словацкой семейной пары в Онтарио («Гурон») омрачает тяжелая болезнь мужа и растущее ощущение угрозы, которое испытывает его жена, замечая в окрестностях странного незнакомца в черном; рассказ заканчивается сообщением в местной газете о ее убийстве и поджоге дома. Эмиграция усугубляет давнишний разлад между матерью и сыном, замкнувшимися в себе после безуспешных духовных поисков в Тибете («Сад земных наслаждений»).

Следующая книга Блажковой, «Хэппиэнды» (2005), возникла также по инициативе объединения «Аспект», пригласившего писательницу поучаствовать в серии произведений о женских судьбах. Материалом для книги послужил ее собственный опыт ухода за тяжело больным мужем и жизни в замкнутом кругу обитателей маленького канадского поселка в предместье Гуэлфа. Однако содержание книги намного шире, оно включает в себя и размышления о безысходности настоящего и светлых моментах прошлого «у нас дома», и наблюдения за нравами местных жителей, за погодными аномалиями и за курьезами собственного сознания, склонного видеть во всем смешное и позитивное, в духе ее любимого девиза «В старости

⁷ *Blažková J.* Svadba v Káne Galilejskej. Bratislava, 2001. S. 11.

⁸ *Ibid.* S. 183.

человек нуждается в оптимизме, если хочет ее пережить»⁹. «Это проза, обращенная “вовнутрь”, хотя и говорит о вещах (людях, историях) из внешнего мира, это прежде всего субъективное, даже интимное высказывание»¹⁰, – замечает в рецензии Э. Фаркашова.

По жанру это роман в письмах, адресат которых – старинная подруга повествовательницы Э. (Эва Лиманова). В одном из интервью Блаžкова объясняет свой замысел построения книги тем, что в эмиграции она долгие годы вела активную переписку с самыми разными людьми: «Я привыкла с массой подробностей писать обо всем, что пережила, что происходит вокруг, при этом даже не подозревая, что это была некая замещающая форма моей литературы, [...] некий акт самосохранения»¹¹.

Каждая из 13 небольших главок-писем посвящена какому-то конкретному эпизоду из жизни Ярославы (или Джары, как ее на английский манер называют соседи); тему задает краткое, часто иронически-иносказательное название, а завершает письмо столь же шутливая подпись. Круг персонажей романа весьма узок: это сама автобиографическая рассказчица; ее муж, в недавнем прошлом «строгий господин профессор», «могучий дуб, который в гневе мог превратиться в разъяренного дракона», а после инсульта ставший «тихим ягненок, с кроткой голубиной улыбкой»¹², и жена называет его Душечка, Дитя, Бедняжка, Птенчик. Кроме того, к ближайшему окружению относятся пожилые обитатели двух других коттеджей по соседству (главка «Бермудский треугольник»), которых рассказчица описывает весьма саркастически. Один «угол треугольника» – это супружеская пара из Голландии: бывший школьный сторож болен лейкемией и с воодушевлением готовится к собственным похоронам, начищая ботинки, в то время как его жена изучает красочные проспекты морских круизов, куда каждое лето вывозит безропотного мужа. Второй его «угол» – пожилые супруги из Британии со схожими проблемами: бывший школьный сторож, которого время от времени отвозят

⁹ *Blažková J.* Happyendy. Bratislava, 2005. S. 198.

¹⁰ *Farkašová E.* Happyendy – Jaroslava Blažková – Múdrost' nažitého. URL: <https://www.litcentrum.sk/recenzia/happyendy-jaroslava-blazkova-mudrost-naziteho> (дата обращения: 10.02.2024).

¹¹ *Jurík L.* Jaroslava Blažková: Prečo mám takú ostrú pamäť? URL: <https://noveslovo.eu/archiv/jaroslava-blazkova-preco-mam-taku-ostru-pamat/> (дата обращения: 19.11.2023).

¹² *Blažková J.* Happyendy. S. 133.

в хоспис, а потом возвращают домой, а его жена негодует, что приходится то привозить, то увозить его халат и тапочки. Вторая «сторожиха» – агрессивная пессимистка и «идейный оппонент» Ярославы, для которой оптимизм, юмор – не только основа ее характера, но и способ выжить в тяжелой ситуации. Свое семейное гнездо рассказчица обозначает как «нижний угол треугольника», «наш славянский домик», в котором она самоотверженно опекает своего «великолепного мужа, который после удара превратился в птичку, беспомощного бедняжку»¹³.

Главка «Цианид» посвящена отношениям с выросшими детьми, но начинается с переживаний рассказчицы по поводу необычного события – масштабного блэкаута, охватившего территории Канады и США, когда в полной темноте и тишине, без привычных звуков телевизоров, пылесосов, громкой музыки вдруг стали слышны голоса природы, щебет птиц и звон цикад. Ее больному мужу стало от всего этого плохо, но младший сын не почувствовал ее тревоги и стал давать ей по телефону советы по здоровому образу жизни, продиктовал рецепт чудодейственного питья из органических компонентов с лимоном и особым «цианидовым перцем», очищающим зашлакованные сосуды и способствующим похудению. Рассказчица с самоиронией замечает: «Через неделю я-таки купила лимон и не “цианидовый”, а простой черный перец, развела все это водой из-под крана и теперь пью по утрам. Но никакого воздействия на лишний вес не заметила. И подпись под этим письмом: «Твоя верная, хоть и не органическая, зато изрядно посыпанная цианидом, Я»¹⁴.

В главке «Азарты» Блажкова затрагивает тему ограничений и рисков, связанных с преклонным возрастом, иронизируя над слоганом из местной газеты – призывом «Жить нужно с азартом». Как вариант сильного риска она предлагает участие в близящемся Хэллоуине или ночную вылазку в парк, где продают наркотики вьетнамские гангстеры. И здесь в повествовании всплывает аллюзия на словацкую литературную тусовку начала 1960-х гг.: «Я могла бы купить чудодейственные белые колесики и снова начать продуцировать свежие, полные энергии тексты. Как когда-то мы, подающие большие надежды молодые мастера словацкой литературы, поедали дексферметразин»¹⁵

13 Ibid. S. 12.

14 Ibid. S. 23.

15 Распространенные в 1960-е гг. таблетки-стимуляторы, разновидность амфетамина.

и писали так, что в ушах свистело!»¹⁶; а затем подробно описывает личный рецепт прозаика Яна Йоганидеса. Теперь же единственное, что можно себе позволить, – «остаться дома, в тепле, охранять своего Бедняжечку, и как максимум – читать торонтскую “SUN”, целиком посвященную ужасам в Онтарио»¹⁷.

Невеселые воспоминания о жизни в ЧССР всплывают у Блажковой в разгар канадской зимы со снежными заносами и ледяными панцирями на тропинках возле дома. Главка с названием «Сварим себе шодо» отсылает к фразе из «прежней жизни», когда небогатая молодежь хотела порадовать себя чем-то изысканным, что сводилось в конце концов к кофе по-турецки. С горькой иронией Блажкова пишет: «Это были чудесные дни на Клеменсовой улице, где мы весело проводили время, пока наши братья не освободили нас от жизней, которые нам было суждено прожить»¹⁸. Драматический финал окрасил воспоминания о молодости в Чехословакии в мрачные тона: «Все фотографии, включая свадебные, были черно-белые, и только в жизни после “трансплантации” появились цветные»¹⁹. Однако письмо Блажкова заканчивает на шуточной ноте, обращаясь к Э. с приветом «из метелей, сугробов и не занесенных снегом воспоминаний, подсахаренных ностальгией – хотя сахар, конечно, – белый яд»²⁰.

В главке «Мышь» Блажкова рассказывает о личной «творческой лаборатории» – тетради, куда она записывает свои впечатления, мимолетные наблюдения, обрывки мыслей и идей, в шутку называя тетрадку «Идейником» по аналогии с «Дневником». «Это такая ментальная кладовка», – уточняет она и предлагает своему адресату Эве (и читателям) «несколько сухариков с полки»²¹. Например, «Из письма моей бабушки, которое она написала мне уже в эмиграции»: «Ах, какое у тебя БЫЛО прекрасное будущее!»²², или «Название для еще не написанной книги: “Удушение и другие акты любви”»²³. И признается: «В глубине души я, наверно, надеюсь использовать все это, замесив в тесто какого-нибудь подходящего рассказа»²⁴.

16 *Blažková J.* Happyendy. S. 33.

17 *Ibid.* S. 34.

18 *Ibid.* S. 80.

19 *Ibid.* S. 83.

20 *Ibid.* S. 93.

21 *Ibid.* S. 61.

22 *Ibid.* S. 65.

23 *Ibid.* S. 68.

24 *Ibid.* S. 71.

Последней публикацией Я. Блажковой в Словакии стала книга о ее раннем довоенном детстве «Этот ребенок ненормальный. Из воспоминаний избалованной доченьки» (2013). В ней писательница рисует яркие образы моравской природы, восстанавливает черты близких людей, с неизменной самоиронией пишет о своем восприятии мира взрослых. По словам рецензента, книга «отражает детский взгляд на окружающее, не искаженный ни более поздней переоценкой, ни нравоучительными нотками. Это чрезвычайно органичный синтез видения тогдашнего ребенка и сегодняшней взрослой женщины»²⁵.

В одном из интервью на вопрос журналистки, ощущает ли она себя в большей степени канадской или словацкой писательницей, Блажкова ответила: «Больше всего я ощущаю себя человеком, который лучшую половину жизни прожил в Словакии, а вторую – в Канаде. Есть здесь и биологический момент – у каждого человека только одно детство и одна молодость с первыми влюбленностями, а уже дальше он хоть и живет, но без столь сильного эмоционального резонанса»²⁶. На вопрос, вышла ли уже книга «Хэппиэнды» по-английски, Блажкова отвечала: «Еще нет, но должна выйти в Канаде. “Нейлоновый месяц” вышел в Британии в серии рассказов. Но в последних книжках я уже представляюсь как словацкая писательница с Гуронского озера»²⁷.

После 1989 г. имя Ярославы Блажковой в полной мере вернулось в контекст словацкой литературы, а ее произведения даже вошли в школьную программу.

Источники и литература

Blažková J. Happyendy. Bratislava: Aspekt. 2005. 198 s.

Blažková J. Svadba v Káne Galilejskej. Bratislava: Aspekt. 2001. 278 s.

Farkašová E. Happyendy – Jaroslava Blažková – Múdrosť nažitého. URL: <https://www.litcentrum.sk/recenzia/happyendy-jaroslava-blazkova-mudrost-naziteho> (дата обращения: 10.02.2024).

²⁵ *Moravčíková M.* To decko je blázon – Jaroslava Blažková. URL: <https://www.litcentrum.sk/recenzia/decko-je-blazon-jaroslava-blazkova> (дата обращения: 10.02.2024).

²⁶ Jaroslava Blažková: Emigrácia je...

²⁷ Ibid.

Hvišč J., Marčok V., Bátorová M., Petrik V. *Biele miesta v slovenskej literature*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1991. 261 s.

Jaroslava Blažková: *Emigrácia je pre spisovateľa hádam to najstrašnejšie*. URL: www.sme.sk/c/2504055/jaroslava-blazkova-emigracia-je-pre-spisovateľa-hadam-to-najstrasnejsie.html (дата обращения: 21.11.2023).

Jurík E. Jaroslava Blažková: *Prečo mám takú ostrú pamäť?* URL: <https://noveslovo.eu/archiv/jaroslava-blazkova-preco-mam-taku-ostru-pamat/> (дата обращения: 19.11.2023).

Moravčíková M. *To decko je blázon – Jaroslava Blažková*. URL: <https://www.litcentrum.sk/recenzia/decko-je-blazon-jaroslava-blazkova> (дата обращения: 10.02.2024).

Opoldusová J. *Jaroslava Blažková – originálna spisovateľka aj symbol odvahy*. URL: <https://kultura.pravda.sk/kniha/clanok/420719-originalna-spisovatelka-jaroslava-blazkova-bola-symbolom-odvahy/> (дата обращения: 20.11.2023).

References

Blažková, J. *Happyendy*. Bratislava: Aspekt. 2005, 198 p.

Blažková, J. *Svadba v Káne Galilejskej*. Bratislava: Aspekt. 2001, 278 p.

Farkašová, E. *Happyendy – Jaroslava Blažková – Múdrosť nažitého*. URL: <https://www.litcentrum.sk/recenzia/happyendy-jaroslava-blazkova-mudrost-naziteho> (accessed: 10.02.2024).

Hvišč, J., Marčok, V., Bátorová, M., Petrik, V. *Biele miesta v slovenskej literature*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo. 1991, 261 p.

Jaroslava Blažková: *Emigrácia je pre spisovateľa hádam to najstrašnejšie*. URL: www.sme.sk/c/2504055/jaroslava-blazkova-emigracia-je-pre-spisovateľa-hadam-to-najstrasnejsie.html (accessed: 21.11.2023).

Jurík, E. *Jaroslava Blažková: Prečo mám takú ostrú pamäť?* URL: <https://noveslovo.eu/archiv/jaroslava-blazkova-preco-mam-taku-ostru-pamat/> (accessed: 19.11.2023).

Moravčíková, M. *To decko je blázon – Jaroslava Blažková*. URL: <https://www.litcentrum.sk/recenzia/decko-je-blazon-jaroslava-blazkova> (accessed: 10.02.2024).

Opoldusová, J. *Jaroslava Blažková – originálna spisovateľka aj symbol odvahy*. URL: <https://kultura.pravda.sk/kniha/clanok/420719-originalna-spisovatelka-jaroslava-blazkova-bola-symbolom-odvahy/> (accessed: 20.11.2023).

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.15

L. F. Shirokova

**“Happyends” by Jaroslava Blažková
(Czechoslovakia-Canada-Slovakia)**

Liudmila F. Shirokova

Candidate of Letters, senior research fellow

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: shirocco@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9368-9086

Citation

Shirokova L. F. “Happyends” by Jaroslava Blažková (Czechoslovakia-Canada-Slovakia) // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 286–297 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.15

Received: 25.01.2024.

Revised: 25.02.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

Jaroslava Blažková (1933–2017) belonged to the generation of Slovak writers who came to literature in the late 1950s and early 1960s, to the generation of rebels of the “sixties” who gathered around the magazine *Mladá Tvorba*. The first works that made the writer’s name famous were the short story “Nylonový mesiac” (1961) and the collection of short stories “Jahniatko a grandí” (1964). In 1968, Blažková and her family were forced to leave the country and remained in Canada for the rest of her life. In the 1970s–1980s, she was engaged in journalistic activities and collaborated with Czech emigrant writers J. Škvorecki and Z. Salivarová. After the “gentle revolution of 1989” she got the opportunity to come to her homeland, appear in print, and publish books. In Slovakia, her collections “...ako z gratulačnej karty” (1997), “Svadba v Káne Galilejskej” (2001) were published, which included stories from the 1960s, and then written in the early 2000s. a novel in letters “Happyendy” (2005), based on the writer’s own dramatic experience of caring for her seriously ill husband, on her memories and reflections, imbued with irony and optimism. In the 2000s. In Slovakia, Blažková’s books for children and youth were published and became successful.

Keywords

Slovak literature, emigration, novel, narrator, autobiographical hero.

Номадический принцип в романе «Бегуны» Ольги Токарчук

Жирова-Лубневская Мария Олеговна

Аспирант

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта
236041, ул. Александра Невского, д. 14, Калининград, Российская
Федерация

E-mail: mashazi11@mail.ru

ORCID: 0009-0005-1361-249X

Цитирование

Жирова-Лубневская М. О. Номадический принцип в романе «Бегуны»

Ольги Токарчук // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 298–312.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.16

Статья поступила в редакцию 25.01.2024.

Рецензирование завершено 25.02.2024.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

Рассматривается творчество польской писательницы, лауреата Нобелевской премии по литературе Ольги Токарчук в контексте номадологической теории постмодернизма. Теоретическую основу статьи составили постструктуралистские исследования Ж. Делеза и Ф. Гваттари, в которых предлагается новый подход к концепции существования современного человека, включающий в себя понятия «номад» и «ризом». Анализируется роман Токарчук «Бегуны», номадологическая основа которого определяется композиционными принципами децентрализации, динамичности и вариативности художественной формы и содержания текста. Концептуальные основы как романа «Бегуны», так и всего литературного творчества Токарчук изложены в ее книге «Чуткий повествователь» («Czuły narrator»), в которой она обосновывает введение в прозу нового типа повествователя – нарратора от «четвертого лица», способного включить в себя точку зрения каждого персонажа, видеть больше и шире, существовать вне времени. В романе «Бегуны» Токарчук содержатся аллюзии на русскую культуру, в частности на мировоззрение «бегунов», старообрядцев, которые считали

движение единственным путем к спасению. Экзистенциальный статус героев романа определяется подвижной природой личности и объясняется нарратором констатацией нестабильности человеческой идентичности. Темы миграции, ухода от традиций и стереотипов, психологические и социальные аспекты кочевого образа жизни определяют художественную специфику не только проанализированного романа, но и всего творчества Токарчук.

Ключевые слова

Ольга Токарчук, постмодернизм, номадология, ризома, «Бегуны», роман-«созвездие».

Постмодернизм как особая форма философского и художественно-эстетического видения мира продолжает влиять на ситуацию в культуре и процессы, происходящие в ней. Основными чертами постмодернистской мысли являются фрагментация, неопределенность и неприятие всех универсальных детализирующих дискурсов¹. Связанный с постмодернизмом постструктурализм, развивая идеи структуралистской методологии, основанной на синхронии, позволяющей выявить ряд бинарных оппозиций в различных областях человеческой деятельности («господство / подчинение», означающее / означаемое, «центр / периферия»), заменяет их на концепцию множественности. Образно это выражено в термине «ризома», который был введен французскими философами Ж. Делезом и Ф. Гваттари. В их понимании «ризома» – это соединение нескольких частей, элементов, которые могут существовать отдельно друг от друга и соединяться, превращаясь в сеть. Для «ризомы» характерны гетерогенность, отсутствие центра; противопоставление себя той иерархии, которая создает древовидное корневище, как генеральной фигуре. Ж. Делез и Ф. Гваттари также определяли «ризому» как метафору современной культуры. Так, в конце XX в. появляется номадизм как одна из форм человеческого бытия.

В постмодернистском дискурсе латинскому термину «nomad» (в переводе с англ. «кочевник») изначально был придан достаточно широкий статус, выходящий за пределы исключительно

¹ Новейший философский словарь. Постмодернизм / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. Минск, 2007. С. 425.

«географического» значения этого термина². Сегодня номадизм трактуется двояко. С одной стороны, это исторически сложившаяся кочевая форма ведения хозяйственной деятельности и связанный с ней образ жизни народов (скифы, кочевники Азии, цыгане). С другой стороны, термин используется философами в качестве особой концепции понимания мира, основываясь на представлении о кочевнике – человеке, который в первую очередь ассоциирует себя и свой «дом» с таким местом, которое не закреплено в пространстве. Делез и Гваттари как авторы «Mille plateaux» («Тысяча плато: Капитализм и шизофрения», 1980) предложили своеобразное философское обоснование теории кочевого и оседлого, определив «ядро» номадизма, его понятийный статус и онтологический смысл³. Номадизм, с социальной точки зрения, отрицает принадлежность к определенному месту, являющемуся условием формирования идентичности. В свою очередь, проблема идентичности возникает тогда, когда утрачены вера в свою принадлежность определенной общности, место в мире, система ценностей. Как пишет английский социолог Зигмунт Бауман в исследовании «От паломника к туристу», идентичность – это «критическая проекция того, что требуется, и/или того, чем хотят видеть то, что есть...»⁴. Другими словами, идентичность – это есть не что иное, как констатация неполноты личности, субъекта.

В творчестве Ольги Навои Токарчук (р. 1962), польской писательницы, присутствует номадический принцип рассказывания историй. Токарчук – первая среди польских писателей обладательница Международной Букеровской премии и лауреат Нобелевской премии по литературе 2018 г., которой она была удостоена с формулировкой

² Усовская Э. А. Установки номадизма в культуре постмодерна // Вести Института современных знаний имени А. М. Широкова. 2017. № 2. С. 98.

³ Номадизм можно понимать не только с социальной точки зрения, как кризис идентичности, но и как реакцию личности на рост скоростей, приводящий к новому переживанию пространства и времени. Об этом подробнее см.: Шляков А. В. Номадизм постмодерна в свете краха идентичности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 255.

⁴ Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 134. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/upload/journals/1/articles/218/submission/original/218-411-1-SM.pdf> (дата обращения: 15.11.2023).

«За воображение, которое с энциклопедической страстью изображает пересечение границ как форму жизни» (The Nobel Prize, 2018)⁵.

Роман «Бегуны»⁶ (2007) принес Токарчук самую престижную в Польше литературную премию «Нике», а после перевода романа на английский язык Дженнифер Крофт (2017) продолжает и по сей день считаться одним из самых обсуждаемых романов в мире.

Исследователи ее творчества в отечественной и зарубежной науке (И. Е. Адельгейм⁷, Ю. Н. Серго⁸, А. Ларента⁹, А. Ханус и П. Остин¹⁰, Й. Буршта¹¹) определяют ключевые понятия в прозе Токарчук: путе-

5 The Nobel Prize in Literature 2018. The Nobel Foundation 2019. Olga Tokarczuk Nobel Lecture. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2018/tokarczuk/lecture/> (дата обращения: 07.11.2023).

6 Впервые роман «Бегуны» (польск. *Bieguni*) вышел в свет в 2007 г. в г. Краков в издательстве «Wydawnictwo Literackie». На русском языке роман был опубликован в переводе с польского И. Адельгейм в 2010 г.

7 Адельгейм И. Е. «Человек — это душа, тело и повествователь»: нарративная стратегия Ольги Токарчук // Женщина в сердце Европы: неочевидные аспекты гендерной проблематики в истории и культуре Центральной Европы и сопредельных регионов. Тез. докл. 1–2 ноября 2022 г. М., 2022. С. 3. URL: <https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2022zhenshchina.pdf> (дата обращения: 14.11.2023); Адельгейм И. Е. «Бесконечно хрупкие, недолговечные, легкоуязвимые...»: Мотивы брэнности мира и сопротивления ей в прозе Ольги Токарчук // Stephanos. 2023. № 1 (57). С. 165–192. URL: <http://www.stephanos.ru/izd/2023/2023-57-15.pdf> (дата обращения: 14.11.2023).

8 Серго Ю. Н. Мотивы путешествия и бегства в прозе современных женщин-писательниц (О. Токарчук, Л. Улицкая, Л. Петрушевская) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2020. Т. 30. № 5. С. 892–897. URL: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/5541/5112/> (дата обращения: 16.11.2023).

9 Larenta A. Labirynt jako przestrzeń mityczna w Biegunach Olgi Tokarczuk // Białostockie Studia Literaturoznawcze. 2014. № 5. S. 341–356. URL: <https://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/bitstream/11320/3300/1/22-Larenta.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).

10 Hanus A., Austin P. Olga Tokarczuk's Flights as an example of genre transformation in the contemporary novel: a linguistic and literary view // Tekst i Dyskurs. 2022. Т. 16. S. 53–74. URL: <https://tekst-dyskurs.eu/resources/html/article/details?id=233997/> (дата обращения: 16.11.2023).

11 Burszta W. J. Nomadyzm Olgi Tokarczuk // Czas Kultury. 2019. № 3. S. 116–120. URL: <http://czaskultury.pl/czytanki/nomadyzm-olgi-tokarczuk/> (дата обращения: 2.11.2023).

шествие и бегство, лабиринт, пространство, время, бренность мира, миф, карта и территория, категория телесности / материальности и, конечно, европейская идентичность.

Анализируя роман Токарчук «Бегуны» через призму философии номадизма, мы полагаем, что в структуре романа определяющую роль играет понятие ризомы. «Ризома» в прозе Токарчук противопоставлена неизменным линейным структурам (как бытия, так и мышления), она не имеет центра и потенциально бесконечна. Демонстрируя широту пространственных границ и собственных переживаний, Токарчук предлагает читателю полиморфный роман, включающий в себя, наряду с повествованием о событиях, эссеистические элементы. Роман состоит из заметок, писем, размышлений о философских и психологических аспектах человеческой экзистенции.

В романе также присутствует необычный повествователь, рассказчик «от четвертого лица»¹², или, как называет его сама О. Токарчук, – «паноптический рассказчик» («narrator panoptyczny»). Как объясняет Токарчук в своей книге «Czuły narrator» («Чуткий повествователь»)¹³, «...это такая определенная разновидность нарратора от третьего лица и личного [personalnego. – М. Ж.-Л.] нарратора, который, хотя иногда и хорошо укоренен в тексте, тем не менее становится безличной повествовательной инстанцией с практически неограниченной перспективой и знаниями»¹⁴.

Токарчук говорит об особом виде нарратора как о подобном огромному телескопу или наблюдательному механизму опосредующем субъекте между автором и космосом повествования. Такой нарратор способен видеть все одновременно, «соединять множество данных и улавливать всю их сложную суть в едином порыве мысли. [...] Сам он [нарратор. – М. Ж.-Л.] не имеет ни формы, ни личности, но может принимать любой облик и любую форму, тогда его чувства усиливаются, появляется лицо, а иногда даже имя и фамилия. Я пишу “его”, но это же очевидно – у рассказчика нет пола»¹⁵. Нарратор видит все, будучи невидимым: «Иногда он притворяется персонажем рассказываемой им истории, а потом вдруг бросает ее и убегает вверх, рисуя карты

12 Подробно см: *Tokarczuk O. Czuły narrator* (в разных переводах ее Нобелевской лекции встречается как «Чуткий повествователь» либо «Нежный рассказчик»).

13 Здесь и далее – перевод наш. – М. Ж.-Л.

14 *Tokarczuk O. Czuły narrator*. Kraków, 2020. E-book. S. 92.

15 Ibid.

и предвкушая далекие события или заглядывая в далекое прошлое»¹⁶. В романе «Бегуны» нарратор предлагает нам истории, делая их псевдодокументальными – представляя свидетелей событий, формулируя свои комментарии и цитируя ученых. Иногда он создает повествование в форме хроники, указывает даты, имена, ссылки на документы, а иногда рассказывает о событиях текущего момента. Неоднородность повествования приводит к сознательному нарушению причинно-следственной последовательности. Линейный порядок Ольга Токарчук заменяет сетью аллюзий и ссылок. Это и формирует корневище-ризому, которая выходит далеко за пределы художественного мира, представленного в романе «Бегуны». Повествование часто относится не к реальности, а к текстам, создавая поле интертекстуальности, которое с точки зрения теории постмодерна практически бесконечно.

«Бегуны» отличаются весьма специфической композиционной структурой. Композиция романа напоминает лоскутное одеяло или карту звездного неба¹⁷. Сама Токарчук называет роман «Бегуны» «созвездием» («*rowieścią konstelacyjną*»). Впервые она употребила этот термин в контексте своего предыдущего романа «Дом дневной, дом ночной» (1998). Она объясняет: «Линейное повествование кажется мне искажением реальности [...] Чтобы описать нашу реальность, мы должны найти способ передать ее полифонию, шум, множество запутанных повествований. [...] Сегодня мир многослоен. Реальное смешивается с нереальным»¹⁸. Писать роман-«созвездие», по словам Токарчук, значит находить удовольствие во фрагменте и верить в то, что роман будет собран как некая модель реципиентом, но не автором. Именно фрагменты, по мнению писательницы, образуют «созвездия». В интервью польской журналистке Май Гавроньской Токарчук говорит о том, что «целое, к которому мы стремимся, находится между деталями. По-другому нельзя было описать хаотичные движения путешественников. У каждого, кто путешествует, создается впечатление, что реальности пересекаются и мы теряемся

¹⁶ Ibid. S. 93.

¹⁷ Белов И. По нобелевскому счету. Десять лучших книг Ольги Токарчук. 2022. URL: <https://culture.pl/ru/article/po-nobelevskomu-schetu-desyat-luchshikh-knig-olgi-tokarchuk/> (дата обращения: 30.10.2023).

¹⁸ Интервью с О. Токарчук. *Gawrońska M.* Ciało to pojazd doskonały, rozmowa z O. Tokarczuk // *Dziennik*. 25.10.2007. URL: <http://kultura.dziennik.pl/ksiazki/artykuly/62076,cialo-to-pojazd-doskonaly.html/> (дата обращения: 07.11.2023).

во времени. Во время путешествий время скачет или внезапно перестает существовать»¹⁹.

В «Бегунах» экзистенциальный статус героя как *homo viator* является квинтэссенцией состояния современного человека. В каком-то смысле это рассказ о сегодняшней форме номадической жизни, одержимости движением. Как пишет культуролог Юзеф Буршта, Ольга Токарчук разделяет довольно распространенную среди интеллектуалов точку зрения, что современный человек, независимо от его финансового положения и классовой принадлежности, не может жить в каком-то определенном постоянном месте²⁰. Он находится где-то между, в промежуточном мире.

Размышления Токарчук о ее литературных произведениях наталкивают нас на мысль, что по принципу их построения они являются ризоматичными. Вот что она пишет в своем сборнике эссе и лекций «Чуткий повествователь» (*Czuły narrator*): «Образ, который я выстраиваю, является по своей сути растительным. Он напоминает лес, который мы воспринимаем как группу отдельных деревьев, растущих в некоем пространстве, а на самом деле это огромный, мощный организм, сообщество сущностей, связанных между собой комитетами и союзами, сообщество, взаимодействующее друг с другом более эффективно и гораздо лучше, чем мы предполагали»²¹.

Понятие ризомы как формы изображения углубляется еще и введением в текст мотива карты. Токарчук в «Бегунах» проводит аналогию между созданием карты мира и карты тела. По мнению польского филолога Анны Ларенты, теория мироустройства Николая Коперника в художественном видении Токарчук имеет такое же значение, что и работы Андреаса Везалия, основателя современной анатомии. Открытие ахиллова сухожилия — событие, сравнимое с открытием Новой Зеландии²². В романе несколько раз встречается фраза «Цель паломничества — другой паломник». Каждый раз она открывает главу об анатомии, т. е. о «путешествии» вглубь тела. Так мы можем увидеть, как работает «механизм» под названием человек. Токарчук объясняет: «Эти фрагменты относятся к древней идее симметрии между микрокосмом и макрокосмом»²³. Тело же, по ее мнению, — это «еще

19 Там же.

20 *Burszta W. J. Nomadyzm Olgi Tokarczuk. S. 118.*

21 *Tokarczuk O. Czuły narrator... S. 138.*

22 *Larenta A. Labirynt jako przestrzeń mityczna... S. 349.*

23 Интервью с О. Токарчук. *Gawrońska M. Ciało to pojazd doskonały...*

один континент», «открытый очень поздно», поэтому на нем достаточно много «белых пятен». Карта отвечает на потребность человека в самоидентификации. В романе знание своего местоположения на карте дает путешественникам ощущение спокойствия: они начинают задавать друг другу три вопроса: «Откуда ты родом? Откуда приехал? Куда едешь?» и «Создав таким образом своеобразную систему координат, они размещают друг друга на этой карте и спокойно засыпают»²⁴. Так белые пятна на карте, где нет координат, рожают непрерывность движения. Поэтому персонажей Токарчук мучает внутренний императив постоянного побега. Они бродят по улицам, коридорам, ездят в метро, вверх-вниз на эскалаторах – причем всегда туда и обратно.

Несмотря на то, что «Бегуны» – структурно сложный роман, затрагивающий различные антропологические, культурологические, философские, психологические проблемы в контексте глобальной мобильности, тем не менее он несет в себе удивительно простую «идеологию». Если мы обратимся к названию романа, мы увидим тесную связь с нашей страной, и особенно примечательно, что один из важных фрагментов романа также «озаглавлен» «Бегунами». В России бегуны – это секта старообрядцев, которые считали, что мир пронизан злом и единственный способ спастись – двигаться, путешествовать.

Слово «бегуны» неразрывно связано с русской культурой и литературой в целом. Александр Эткинд в своей книге «Толкование путешествий» выдвигает интересную гипотезу, связанную с «бегунами», и проводит параллель с романом «Доктор Живаго» Б. Пастернака: «Бегуны отказывались от семьи, дома и всяких связей с государством – от паспортов, денег и даже от собственного имени. Они верили в спасение в дороге и считали грехом дважды ночевать в одном месте»²⁵. Н. А. Бердяев в своей книге «Судьба России», в которой обобщил свои размышления о судьбе русского народа, писал: «Тип странника так характерен для России и так прекрасен. [...] Величие русского народа [...] в типе странника»²⁶. В новом контексте «бегунами» называют себя писатели-эмигранты, но метафора

²⁴ Токарчук О. Бегуны. М., 2010. С. 65.

²⁵ Эткинд А. М. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2022. С. 446.

²⁶ Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 12.

здесь имеет уже совсем иное значение. «Но и Живаго, – продолжает А. М. Эткинд, – которому не удалось уехать, живет и умирает как бегун»²⁷. А если транслитерировать «имя Живаго с французского “Je vague”, то по-русски получится как раз “бегун”»²⁸.

Однако роман «Бегуны» не фокусируется на секте XVIII в. Токарчук интересуют современные «бегуны», которые, несмотря на разные социально-экономические условия, по-прежнему ощущают потребность искать спасение в постоянном движении. Токарчук предполагает, что, возможно, последние представители этой секты находятся в Москве. Это жители станций метро, которые живут по тем же принципам, что и «бегуны». В важном эпизоде романа Аннушка присоединяется к «бегунам» только на время, чтобы освободиться от своей несчастной, нереализованной жизни. Она знакомится с Галиной – «закутанной» бездомной женщиной, которая произносит Аннушке следующие слова: «Двигайся, двигайся! Благословен идущий»²⁹.

В одной из глав романа рассказывается о человеке, который берет с собой в путешествие сборник с короткими текстами французского и румынского философа Эмиля Чорана. Герой цитирует его: «[...] мне показалось очевидным, что наше предназначение состоит в том, чтобы топтаться в пыли в поисках некой тайны, лишенной всякого серьезного значения»³⁰. Этот фрагмент из романа отражает экзистенциальную идею «Бегунов» с центральными мотивами движения, бренности тела и смысла дома. Фрагментарность в романе не намекает на технику потока сознания и не задерживается в сознании одного персонажа. Фрагменты, составляющие книгу, можно также понимать как нечто похожее на «линии ускользания» или «линии полета» (*lignes de fuite*), терминов-метафор, которые Делез и Гваттари используют, размышляя о трансформации и адаптивности «ризомы». Причем «ризома» здесь охватывает не только акт бегства или ускользания, но также течение и исчезновение³¹.

27 Эткинд А. М. Толкование путешествий... С. 446.

28 Там же.

29 Токарчук О. Бегуны... С. 263.

30 Там же. С. 32.

31 Идея Делеза и Гваттари о линиях ускользания – это теория, которая одновременно подчеркивает сложную изменчивость отношений между «частями» и «целым» и дестабилизирует наше ощущение того, что в первую очередь отличает часть от целого.

В заключение необходимо указать на метафору человеческой экзистенции, которую вводит Ольга Токарчук. В коротком разделе под дарвиновским названием «О происхождении видов» (O powstawaniu gatunków) нарратор рассуждает об уникальном, ветроопыляемом существе, которое порхает по всем уголкам мира. Это существо – полиэтиленовый пакет: «они мобильны и невесомы, цепкие уши позволяют им хвататься за предметы или органы других существ и таким образом расширять свой ареал»³². Через образ пакета (он описан как «агрессивная форма бытия») проводится параллель с человеком: «Она направлена на завоевание мира, захват всех континентов [...] форма, которой моментально приедается любое содержание, заставляя вновь и вновь пускаться в полет»³³.

И хотя это описание так называемого «нового вида» бытия иронично, здесь прочитывается мысль об уникальном способе существования пакета. Написанное можно интерпретировать как тревожное предвидение того, во что может превратиться или уже превращается человек в своем постоянном стремлении сохранить свое социальное положение и экологическое доминирование. Описанная здесь «агрессивная форма бытия» – это отражение положения человека в мире.

Возникающий к концу романа фрагмент о таком существовании в виде пластикового пакета предлагает нам странную модель индивидуальности, ставшую возможной благодаря литературной форме, которая приспосабливается к личности человека XXI в. Вынесенное в название фрагмента романа «Бегуны» слово *gatunek* (пол.) многозначно: оно означает не только «вид», но и «жанр». Учитывая то, что номадологический принцип Токарчук основывается на размывании классически устойчивых жанровых систем, на их гетерогенности и полиморфизме текста, на динамичности жанра «Бегунов», его склонности к разным метаморфозам, передаваемым с помощью метафорических номинаций (роман-«ризом», роман-«созвездие»), логично назвать «полиэтиленовый пакет» еще одной жанровой номинацией той парадоксальной формы, которую воплощает в жизнь автор романа «Бегуны».

Таким образом, написанный в 2007 г. роман О. Токарчук особенно интересно анализировать в наши дни, когда проблемы идентичности, национальности, «внутренней эмиграции» становятся все

³² Токарчук О. Бегуны... С. 396.

³³ Там же. С. 397.

более распространенными. Мотивы бегства от традиций, стереотипов в творчестве Токарчук представляют собой своего рода программу построения критического дискурса о реальности, скрывающегося за литературным произведением для того, чтобы объяснить экзистенциальное состояние современного человека.

Источники и литература

Адельгейм И. Е. «Бесконечно хрупкие, недолговечные, легкоуязвимые...»: Мотивы брэнности мира и сопротивления ей в прозе Ольги Токарчук // *Stephanos*. 2023. № 1 (57). С. 165–192. DOI: 10.24249/2309-9917-2023-57-1-165-192. URL: <http://www.stephanos.ru/izd/2023/2023-57-15.pdf> (дата обращения: 14.11.2023).

Адельгейм И. Е. «Человек – это душа, тело и повествователь»: нарративная стратегия Ольги Токарчук // *Женщина в сердце Европы: неочевидные аспекты гендерной проблематики в истории и культуре Центральной Европы и сопредельных регионов*. Тез. докл., 1–2 ноября 2022 г. М.: Институт славяноведения РАН. 2022. С. 3. DOI: 10.31168/0475-6.01. URL: <https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2022zhenshchina.pdf> (дата обращения: 14.11.2023).

Бауман З. От паломника к туристу // *Социологический журнал*. 1995. № 4. С. 133–154. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/upload/journals/1/articles/218/submission/original/218-411-1-SM.pdf> (дата обращения: 15.11.2023).

Белов И. По нобелевскому счету. Десять лучших книг Ольги Токарчук. 2022. URL: <https://culture.pl/ru/article/po-nobelevskomu-schetu-desyat-luchshikh-knig-olgi-tokarchuk/> (дата обращения: 30.10.2023).

Бердяев Н. А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Репринтное воспроизведение издания 1918 г. М.: Философское общество СССР, 1990. 240 с.

Всемирная энциклопедия: Философия, XX век / [глав. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов, науч. ред.: М. А. Можейко и др.]. Минск: АСТ, 2002. С. 975.

Головнёв А. В. Кочевье, путешествие и нео-номадизм // *Уральский исторический вестник*. 2014. № 4 (45). С. 133–138.

Ж. Делез, Ф. Гваттари. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. Свирский Я. И.; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

Можейко М. А. Номадология // *Постмодернизм: энциклопедия*. Минск: Книжный дом, 2001. С. 524–526.

Новейший философский словарь. Постмодернизм / главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. Минск: Современный литератор, 2007. 817 с.

Серго Ю. Н. Мотивы путешествия и бегства в прозе современных женщин-писательниц (О. Токарчук, Л. Улицкая, Л. Петрушевская) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2020. Т. 30. № 5. С. 892–897. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-892-897. URL: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/5541/5112/> (дата обращения: 16.11.2023).

Токарчук О. Бегуны: Роман / предисл. Э. Худобы. Пер. с польского И. Адельгейм. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 404 с.

Усовская Э. А. Установки номадизма в культуре постмодерна // Вести Института современных знаний имени А. М. Широкова. 2017. № 2. С. 98–101.

Шляков А. В. Номадизм постмодерна в свете краха идентичности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 255–257.

Эткунд А. М. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 496 с.

Burszta W. J. Nomadyzm Olgi Tokarczuk // Czas Kultury. 2019. № 3. S. 116–120. URL: <http://czaskultury.pl/czytanki/nomadyzm-olgi-tokarczuk/> (дата обращения: 2.11.2023).

Gawrońska M. Ciało to pojazd doskonały, rozmowa z O. Tokarczuk // Dziennik, 25.10.2007. URL: <http://kultura.dziennik.pl/ksiazki/artykuly/62076, ciało-to-pojazd-doskonaly.html> (интервью с О. Токарчук М. Гавроньской) (дата обращения: 07.11.2023).

Hanus A., Austin P. Olga Tokarczuk's Flights as an example of genre transformation in the contemporary novel: a linguistic and literary view // Tekst i Dyskurs. 2022. Т. 16. S. 53–74. URL: <https://tekst-dyskurs.eu/resources/html/article/details?id=233997> (дата обращения: 16.11.2023).

Larenta A. Labirynt jako przestrzeń mityczna w Biegunach Olgi Tokarczuk // Białostockie Studia Literaturoznawcze. 2014. № 5. S. 341–356. URL: <https://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/bitstream/11320/3300/1/22-Larenta.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).

The Nobel Prize in Literature 2018. The Nobel Foundation 2019. Olga Tokarczuk Nobel Lecture. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2018/tokarczuk/lecture/> (дата обращения: 07.11.2023).

Tokarczuk O. Bieguni. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2007. 458 s.

Tokarczuk O. Czuły narrator. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2020. E-book. 158 s.

References

Adel'geim, I. E. "Chelovek – eto dusha, telo i povestvovatel'": narrativaia strategiia Ol'gi Tokarczuk." *Zhenshchina v serdtse Evropy: neochevidnye aspekty gendernoi problematiki v istorii i kul'ture Tsentral'noi Evropy i sopedel'nykh regionov. Tezisy i materialy*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2022, p. 3. DOI: 10.31168/0475-6.01. URL: <https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2022zhenshchina.pdf> (accessed: 14.11.2023).

Adel'geim, I. E. "«Beskonechno khрупkie, nedolgovrechnye, legkouiazvimye...»: Motivy brennosti mira i soprotivleniia ei v proze Ol'gi Tokarczuk." *Stephanos*, No 1 (57), Moscow, 2023, pp. 165–192. DOI: 10.24249/2309-9917-2023-57-1-165-192. URL: <http://www.stephanos.ru/izd/2023/2023-57-15.pdf> (accessed: 14.11.2023).

Bauman, Z. "From Pilgrim to Tourist – or a Short History of Identity." *Questions of Cultural Identity*. London, 2000, pp. 18–35.

Belov, I. *Po nobelevskomu shetu. Desiat' luchshikh knig Ol'gi Tokarczuk*. 2022. URL: <https://culture.pl/en/article/10-need-to-know-books-by-olga-tokarczuk/> (accessed: 30.10.2023).

Berdiaev, N. A. *Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii voiny i natsional'nosti*. Moscow: Filosofskoe obshchestvo SSSR, 1990, 240 p.

Burszta, W. J. "Nomadyzm Olgi Tokarczuk." *Instytut Nauk Humanistycznych. Czas Kultury*, No 3, 2019, pp. 116–120. URL: <http://czaskultury.pl/czytanka/nomadyzm-olgi-tokarczuk/> (accessed: 2.11.2023).

Deleuze, G., Guattari, F. *Tysiacha plato: Kapitalizm i shizofrenia*. Ekaterinburg: Izd. U-Faktoriia; Moscow: Izd. Astrel', 2010, 895 p.

Etkind, A. M. *Tolkovanie puteshestvii. Rossiia i Amerika v travelogakh i intertekstakh*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001, 496 p.

Gawrońska, M. *Cialo to pojazd doskonaly, rozmowa z O. Tokarczuk*. Dziennik, 25.10.2007. URL: <http://kultura.dziennik.pl/ksiazki/artykuly/62076,cialo-to-pojazd-doskonaly.html> (accessed: 07.11.2023).

Golovnev, A. V. "Kochev'e, puteshestvie i neo-nomadism." *Uralskii istoricheskii vestnik*, 2014, No 4 (45), pp. 133–138.

Hanus, A., Austin, P. "Olga Tokarczuk's Flights as an example of genre transformation in the contemporary novel: a linguistic and literary view." *Tekst i Diskurs*, 2022, vol. 16, pp. 53–74. URL: <https://tekst-dyskurs.eu/resources/html/article/details?id=233997/> (accessed: 16.11.2023).

Larenta, A. "Labirynt jako przestrzeń mityczna w Biegunach Olgi Tokarczuk." *Bialostockie Studia Literaturoznawcze*, 2014, No 5, pp. 341–356. URL: <https://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/bitstream/11320/3300/1/22-Larenta.pdf> (accessed: 10.10.2023).

Mozhejko, M. A. "Nomadologia." *Postmodernizm: entsiklopediia*. Minsk: Izd. Knizhnyi dom, 2001, pp. 524–526.

Noveishii filosofskii slovar'. Postmodernizm. Minsk: Izd. Sovremennyi literator, 2007, 817 p.

Sergo, Iu. N. “Motivy puteshestviia i begstva v proze sovremennykh zhenshchin-pisatel'nits (O. Tokarchuk, L. Uliczkaia, L. Petrushevskaiia).” *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriia “Istoriia i filologiia”*, 2020, vol. 30, No 5, pp. 892–897. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-892-897. URL: <https://journals.udsu.ru/history-philology/article/view/5541/5112/> (accessed: 16.11.2023).

Shliakov, A. V. “Nomadizm postmoderna v svete krakha identichnosti.” *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, 2015, No 20, pp. 255–257.

The Nobel Prize in Literature 2018. The Nobel Foundation 2019. Olga Tokarczuk Nobel Lecture. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2018/tokarczuk/lecture/> (accessed: 07.11.2023).

Tokarczuk, O. *Bieguni*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2007, 458 p.

Tokarczuk, O. *Bieguni*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 404 p.

Tokarczuk, O. *Czuly narrator*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2020, 158 p.

Usovskaiia, E. A. “Ustanovki nomadizma v kul'ture postmoderna.” *Vesti Instituta sovremennykh znanii imeni A. M. Shirokova*, 2017, No 2, pp. 98–101.

Vsemirnaia entsiklopediia: Filosofii, XX vek. Minsk: AST, 2002, 975 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.16

M. O. Zhirova-Lubnevskaya

The nomadic principle in the novel “Flights” by Olga Tokarczuk

Maria O. Zhirova-Lubnevskaya

PhD student

Immanuel Kant Baltic Federal University,

236041, Alexander Nevsky Street 14, Kaliningrad, Russian Federation

E-mail: mashazi11@mail.ru

ORCID: 0009-0005-1361-249X

Citation

Zhirova-Lubnevskaya M. O. The nomadic principle in the novel “Flights” by Olga Tokarczuk // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 298–312 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.16

Received: 25.01.2024.

Revised: 25.02.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

The article deals with the novel “Flights” by Olga Tokarczuk, Polish writer, awarded the 2018 Nobel Prize in Literature, in the context of nomadological theory of postmodernism. The article’s theoretical basis draws from poststructuralist studies by J. Deleuze and F. Guattari. Their work proposes a new approach to the concept of modern human existence, introducing the concepts of “nomad” and “rhizome”. The analysis of Tokarczuk’s novel “Flights” reveals its nomadological basis, which is determined by the compositional principles of decentralisation, dynamism, and variation of the artistic form and content of the text. The conceptual foundations of both the novel “Flights” and Tokarczuk’s entire literary work are set out in her book “Czuły narrator”, in which she argues for the introduction of a new type of narrator into prose - the fourth-person narrator, who is able to incorporate the point of view of each character, to see more and further, and to exist outside of time. The “Flights” contains allusions to Russian culture, specifically to the worldview of the “runners” (beguny) (or “wanderers”), Old Believers who believed that movement was the only way to salvation. The existential status of the novel’s characters is determined by the fluid nature of personality and explained by the narrator’s statement of the instability of human identity. The artistic specificity of not only the analysed novel but also of Tokarczuk’s entire oeuvre is determined by themes such as migration, escape from traditions and stereotypes, the psychological and social aspects of the nomadic way of life.

Keywords

Olga Tokarczuk, postmodernism, nomadology, rhizome, “Flights”, novel-“constellation”.

УДК 821.162.3; 821.161.1
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.17

Э. Г. Задорожнюк

Д. П. Святополк-Мирский о славянстве

Задорожнюк Элла Григорьевна
Доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: elzador46@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2328-810X

Цитирование

Задорожнюк Э. Г. Д. П. Святополк-Мирский о славянстве // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 313–333. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.17

Статья поступила в редакцию 13.05.2023.
Рецензирование завершено 30.08.2023.
Статья принята к публикации: 12.03.2024.

Аннотация

Освещается место славянства в творчестве Д. П. Святополк-Мирского, сначала евразийца, а затем марксиста. Отмечена ключевая роль русистики в его славистических исследованиях и утверждается, что подавляющая часть мыслей и оценок Святополк-Мирского относительно истории русской литературы до сих пор полноценно не изучена. Весомые результаты по украинистике были представлены в его статьях 1920-х гг. и в статье в «Британской энциклопедии»; он одним из первых осветил там же проблемы белорусистики. Рассмотрено и оценено его наследие как (гео)политического мыслителя и исследователя культуры и литературы других славянских народов, представленных неравномерно: о поляках им написано много, а о южных славянах почти ничего, но все-таки при их рассмотрении можно обнаружить не только меткие наблюдения и оценки, но и оригинальные идеи.

Ключевые слова

Д. П. Святополк-Мирский, русистика, славянский вопрос, история русской литературы, украинистика, белорусистика, западнославянские народы, южные славяне, западничество, «общесоветская культура», славянофильство.

Немногим более 100 лет тому назад князь, гвардейский офицер, участник Первой мировой и Гражданской войн, а ранее студент, изучавший восточные языки, поэт-символист Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890–1939) стал одним из высокопродуктивных сотрудников появившейся в 1915 г. при Лондонском университете Школы славянских и восточноевропейских исследований. В числе его близких предков были русские и грузины, поляки и немцы. Мать князя, графиня Е. Бобринская, как известно, была правнучкой Екатерины II. А в число семейных имений входил замок Мир в Белоруссии, откуда и приставка к известной фамилии, сближавшая князей с рюриковичами, хотя принадлежность к таковым документально не подтверждена. Семья отца князя П. Святополк-Мирского, бывшего одно время премьер-министром Российской империи, проживала в имении Гиевка недалеко от Харькова.

Эти сведения приводились в ответ на приглашение уникальному специалисту преподавать в указанной Школе специалиста, который, кроме того, знал несколько европейских языков, а на английском писал труды, до сих пор востребованные славистами и просто читателями. Еще часть упомянутой рекомендации – наличие дипломов, а точнее, замещавших их документов об изучении филологических дисциплин в Петербургском и Харьковском университетах.

Школу организовал уже тогда видный славист Р. Сетон-Уотсон (1879–1951) под влиянием пребывавшего там профессора Т. Г. Масарика, будущего президента Чехословакии, который при открытии Школы 19 октября 1915 г. выступил с речью в присутствии британских политиков самого высокого ранга¹. С 1919 г. Школа получила новый импульс к развитию, когда ее возглавил Б. Пэрс (1867–1949), который учредил в 1922 г. журнал «Славянское обозрение» (с 1928 г. – «Славянское восточноевропейское обозрение»), до сих пор считающийся авторитетным славистическим изданием. Именно он по рекомендации слависта М. Беринга (1874–1945) и пригласил в Школу Святополк-Мирского – сравнительно мало известного эмигранта, побывавшего в концентрационном лагере для интернированных войск генерала Н. Бредова в Польше, краткое время жившего в Болгарии, а затем перебравшегося вместе с матерью в Афины. Вскоре

¹ *Абрамов М. А., Лаврик Э. Г., Малевич О. М.* Томаш Гарриг Масарик: жизнь, дело, учение // Масарик Т. Г. Россия и Европа. СПб., 2004. Т. 2. С. 603. В 2005 г. президент Чехии В. Клаус приезжал на открытие нового здания Школы и тоже выступил там с речью.

Святополк-Мирский стал одним из ведущих русистов и славистов в англосаксонском мире, так что его поручители и руководство Школы не прогадали.

Несколько слов о них. Публицист, историк, пропагандист и разведчик Р. У. Сетон-Уотсон тщательно изучал славянские народы, входившие в состав Австро-Венгерской империи, он особо защищал от мадьяризации словаков, за что позднее удостоился памятника в г. Ружемберок. Пэрс еще в 1898 г. слушал лекции В. Ключевского в Москве, но считался лишь военным корреспондентом в воевавшей в двух войнах России – Первой мировой и Гражданской. Он любил позировать в казацких сапогах и папахе; был в 1919 г., правда, недолго, консультантом адмирала А. Колчака. Со Святополк-Мирским он окончательно разошелся в 1931 г., когда князь стал членом Коммунистической партии Великобритании, в а 1932 г. переехал в СССР.

Пэрс в 1907 г. посетил Гиевку, а в 1934 г. побывал в СССР. Беринг тоже был корреспондентом и также гостил в имении Святополк-Мирских в Харьковской губернии. Он постоянно говорил и писал о своей любви к России, чему не мешали его интересы профессионала-разведчика.

Новый преподаватель Школы стал одним из ее ведущих сотрудников, а также постоянным автором «Славянского обозрения»; статьи князя появлялись там даже после его перехода на позиции марксизма. Авторитет его был весомым в аристократически кругах из-за принадлежности к княжескому роду, а в кругах интеллектуальных – вследствие поражавшей всех эрудиции и остроты мысли. Этот авторитет укрепился после выхода двух англоязычных книг в 1926 и 1927 г. В 1942 г. они вышли единым изданием, а лишь в 1992 г. впервые были переведены на русский язык под названием «История русской литературы с древнейших времен до 1925 года»². Она-то и стала фундаментальным трудом в англоязычной русистике, не утратив

2 Перевод на русский язык двух книг: *Mirsky D. S. Contemporary Russian Literature, 1881–1925*. London, 1926 и *Mirsky D. S. A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)*. London, 1927 издан в одном томе: *Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года* / пер. с англ. Р. Зерновой. London, 1992. В статье приводятся цитаты по переизданию перевода: *Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен до 1925 год* / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск, 2005.

своего значения до наших дней. В освещении проблем украинистики он конкурентов практически не имел; что же касается белорусистики, то князь первым представил ее проблематику для западноевропейского научного мира. Касался Святополк-Мирский также вопросов истории и культуры западно- и югославянских народов, высказываясь о них немногословно, однако ярко, убедительно, хотя зачастую и ультрапарадоксально.

Славистическое наследие Святополк-Мирского до сих пор полностью не изучено, несмотря на множество посвященных ему работ на разных языках. Они в основном касаются его классических трудов по истории русской литературы, которые выходили изначально на английском языке и служили всего лишь пособием для слушателей Школы. Хотя для всесторонней оценки его вклада в русистику потребовалось бы объемное исследование, превышающее формат не только статьи, но и добротного монографического исследования.

Славянский вопрос не находился в центре его научного внимания, проблемы других стран и культур Европы Святополк-Мирский рассматривал лишь в ракурсе их отношений с Россией. Еще в 1925 г., в одном из интервью, он заявил: «Меня не интересует Европа, с ней покончено. Меня интересует Россия»³.

Но все же вклад в зарубежную украинистику Святополк-Мирского можно считать весомым с учетом того, что англоязычные слависты стали изучать ее позже. Те же Беринг и Пэрс, посещая Гиевку, считали, что они были в Российской империи, а не на Украине. Ею углубленно интересовались скорее немецкоязычные слависты; за теми из них, кто жил и творил в Австро-Венгрии, даже тянулась слава создателей украинской нации. Германские же слависты подключились к ее глубокому изучению как своей потенциальной колонии после Брестского мира, хотя уже Ноябрьская революция 1918 г. в Германии притушила их интерес.

Данные соображения следует учитывать при рассмотрении (гео-)политических разработок Святополк-Мирского, касавшихся проблемы Украины в ее постреволюционном статусе. Эти проблемы Украины в их соотносительности с проблемами России затрагивались в статьях в англо-, франко- и германоязычных журналах, в монографических

³ Цит. по: *Святополк-Мирский Д.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск, 2005. С. 335.

трудах «Россия: социальная история» (1926) и «Ленин» (1931), а также в публикациях газеты «Евразия». Размышляя на ее страницах о культурном сожительстве двух народов, Святополк-Мирский предполагал, что национальные проблемы будут исчезать при усилении «объединяющих моментов общесоветской культуры»⁴, при этом он подчеркивал, что украинский язык никак не может стать языком межнационального общения.

К этим мыслям Святополк-Мирский пришел не сразу. Нельзя выделить ключевого тезиса (гео)политического характера из его очерка об Украине, напечатанного в 1923 г.: «Итоговый результат революционных лет для украинской идеи можно суммировать следующим образом. Народ Украины привык к тому, что одни назовут анархией, а другие – свободой. Но эта свобода – исключительно местная. Крупнейшей территориальной единицей “независимости” во многих случаях была деревня, иногда – уезд. Это устраняет возможность когда-либо восстановить централистское правительство, которое бы не воспринималось как враждебная и чуждая власть. В этом смысле Украина доказала свое право на самоопределение. Но она не смогла доказать свое право как национальное и единственно возможное единство. Идея единой и антирусской Украины рухнула. И будущее украинской политической мысли может лежать единственно в развитии идеи местного самоуправления в пределах большой (и возможно свободной) федерации. Что же до большевиков, то, сколько бы ни продлилась их власть, они не смогут быть ничем иным, кроме как тонкими (хоть и хорошо сплетенными) сетями военного деспотизма»⁵.

Эти мысли были высказаны в ходе политики «коренизации», объявленной в апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б) официальным курсом партии в национальном вопросе, – полунасильственного введения украинского языка в качестве обязательного для русско- и иноязычных граждан. Святополк-Мирский признавал бесперспективность такого рода усилий, а его приведенное выше утверждение относительно безальтернативного доминирования языка русского в «общесоветской культуре» прозвучало за три-четыре года до сворачивания политики коренизации в 1933–1934 гг.

4 Цит. по: *Ефимов М., Смит Дж.* Святополк-Мирский. М., 2021. С. 474.

5 Д. П. Святополк-Мирский: историк и исторический публицист // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2014–2015. М., 2015. С. 370.

На таком фоне суждения о конструктивном воздействии южно-русского начала на литературу и культуру Московского царства и начальных периодов становления Российской империи могут показаться политически не взвешенными и культурологически некорректными. И не в меньшей мере – рассуждения о траектории развития самостоятельной украинской литературы. Апологет идеи Великой России все же излагает их в чем-то с преувеличенным вниманием, прослеживая моменты рецепции лучшего из указанных культуры и литературы и оценивая их в позитивном ключе – без какого-либо ущерба для авторитета русской литературы и общероссийской культуры. Разговаривало же русское дворянство на французском, а бюрократия и ученые (вплоть до Ломоносова) – на немецком.

О том, что юг Древней Руси был местом рождения начал общерусской литературы, Святополк-Мирский писал в начальных разделах «Истории русской литературы». Важнее другое: он утверждает, что там же, на юге России, возник новый импульс развития литературы, ознаменовав конец древнего периода ее истории. Он завершился принятием Люблинской унии в 1569 г. и вытекавшей из нее унии Брестской в 1596 г.⁶

Идеолог православных братств Иван Вышенский (1586–1614) представлял простых монахов, но в таком же направлении трудился Петр Могила, митрополит, основавший в 1632 г. Киево-Могилянскую академию. Как раз ее выпускники переносили западные влияния на Москву еще до Петра. Через Академию в конце первой четверти XVII в. происходило усвоение польско-латинских форм эпической поэзии и драмы, а параллельно – образцов полемической литературы; ее учениками был освоен «метод борьбы с противником его же оружием»⁷. А таковым всегда оставалась Польша, и победа над нею, по словам Святополк-Мирского, сопровождалась перемещением центра влияния западничества из Киева в Московию.

⁶ Следует заметить, что по не совсем понятным причинам Святополк-Мирский отнес вторую дату к первому событию – одна из немногочисленных его фактических ошибок. В целом смещение дат не мешает его изложению; так, И. Вышенского, жившего до Аввакума, Святополк-Мирский аттестует как «нечто вроде смягченного украинского Аввакума» (*Святополк-Мирский Д. История русской литературы... С. 79*). Это немалая похвала: для Святополка-Мирского указанный русский писатель был одной из наиболее ярких фигур, пожалуй, всей допушкинской эпохи.

⁷ *Святополк-Мирский Д. История русской литературы... С. 79.*

Обсуждение путей этого влияния и сегодня читается с немалым интересом, особенно пункты сочетания польскости и украинства в процессах европеизации. Как резюмирует Святополк-Мирский в своей англоязычной социальной истории России, «польское влияние, которое играло столь значительную роль в европеизации России, почти полностью исчезло после 1700 г. и никогда не возродилось. Но и русское влияние никак не могло укрепиться в Польше»⁸.

Из Польши через Украину вместе с учениками Киево-Могилянской академии пришли, как отмечает Святополк-Мирский, стихи – сначала панегирические и дидактические, а затем сатирические и даже любовные. Подобным же образом появилась и драма – сначала школьная, затем переводная и комическая. Поначалу на них осуществлялась опора в развитии культуры, но оказалось, что вводимые ее формы и образцы отставали от темпов реформ Петра. Все же и после введения голландского, немецкого и французского начал в культуре эти влияния сохранялись. Так, «три архиерея украинского происхождения, выращенные в латинских методах Киевской академии»⁹ – Дмитрий Туптало (1651–1709), Стефан Яворский (1658–1736) и Феофан Прокопович (1681–1736) – вписаны в «Историю русской литературы» как апологеты самодержавия, причем последний «первым обратился к Италии», а не к Польше, как источнику культурных влияний. Указанные малороссы становились более чем великорусскими духовными водителями.

Указанный же итальянский след не исчез: сначала в русской литературе появилось переложение «Энеиды» Вергилия в 1791 г. Осиповым, и лишь после этого за нее взялся И. Котляревский, что ознаменовало в 1798 г. «начало новой украинской литературы». Так что, согласно Святополк-Мирскому, в Полтаве перелицовывали римскую поэму, уже перелицованную в Москве.

Среди литераторов середины XIX в. Святополк-Мирский выделяет группу «сентиментальных гуманистов»; в их числе этнический украинец, но русский писатель Д. Григорович, этническая русская, но украинская писательница Марко Вовчок. Она вышла замуж за «украинского националиста» А. Марковича и «овладела украинским языком с такой степенью совершенства, что стала признанным украинским классиком»¹⁰, что определило ее творческий путь.

8 *Mirsky D. S. Russia: A Social History. London, 1926. P. 240.*

9 *Святополк-Мирский Д. История русской литературы... С. 82.*

10 Там же. С. 347.

Рассказы ее переводились самим И. Тургеневым, а русскоязычная проза оказалась не столь интересной. Линия Котляревский – Г. Квитка – Вовчок держится Святополк-Мирским в поле зрения, но вот Шевченко в «Истории русской литературы» он упоминает всего один раз, несмотря на то, что тот писал русскоязычные повести и вел на русском языке свой «Дневник».

В статье об Украине Святополк-Мирский больше говорит о художественном творчестве поэта и его политических инспирациях. «Шевченко, – пишет он, – был поэтом с ограниченным кругозором, и когда в поздние годы он пытался обратиться к более широким и не столь узконациональным темам, результат оказался достойным сожаления. Но его ранняя патриотическая поэзия драгоценна, и вполне естественно, что все, кто любит Украину и украинское, преувеличивали значение Шевченко и превратили его в символ национальной независимости и собственной правоты. Шевченко – это призывный клич для всех украинских националистов, и первое, что делают украинцы, когда приходят к власти, это развешивают портреты Шевченко во всех школах, почтовых отделениях, сберегательных кассах, железнодорожных станциях, до которых могут добраться»¹¹. Беда в том, считает критик, что в российской части Украины у Шевченко, по сути, не было преемников, все богатство его речи утратилось к концу XIX в., а литература мало делала для утверждения украинской идеи и любви к ней народа. И к началу века XX известный украинский писатель В. Винниченко – всего лишь второразрядный ученик школы Горького, Андреева и Арцыбашева, а поэты вроде Г. Чупринки (1879–1921, расстрелян большевиками) или П. Тычины (1891–1967, одно время председатель Верховной Рады советской Украины) – немногим больше, чем провинциальные парафразы Бальмонта, Блока и Есенина¹².

К несчастью, констатирует Святополк-Мирский, после Шевченко находившая прибежище на нероссийской части Украины литература

11 Д. П. Мирский: историк... С. 363. На наш взгляд, вряд ли стоило бы столь сильно преуменьшать значение обращения Шевченко к более широким темам с учетом и того, что его творчество постоянно находилось в поле зрения самых взыскательных русских писателей – Н. Некрасова и И. Тургенева, Л. Толстого и А. Чехова, И. Бунина и Л. Пастернака.

12 Святополк-Мирский узнавал тогдашнюю украинскую литературу из первых рук, когда обучался в Харьковском университете на филологическом отделении перед переездом в Крым и призывом в денкинскую армию.

подверглась многим деформациям. Уже с 1860-х гг. в Восточной Галиции возникло движение, привлекавшее и элементы, позже ставшие тараном антироссийского украинизма – не без воздействия Австро-Венгрии. «В течение столетий литературным языком объединенных русинов Галиции был макаронический церковнославянский Киевля и Львова. В 19 в. он обнаружил тенденцию к сближению с нормативным русским литературным языком, однако это было не в интересах ни Габсбургской монархии, ни польского большинства Галицкого сейма, ни проримского духовенства греческого обряда. Движение против языкового единства началось в 1860-х гг. и быстро сделало успехи», – констатирует Святополк-Мирский¹³.

М. Грушевский и местные писатели создавали язык, дистанцировавшийся и от нормативного русского, и от устоявшегося украинского. Он был пронизан полонизмами, создавалась научная и культурная лексика, непонятная для воспитанных на русском языке украинцев. «Этот язык был принят австрийским правительством как один из *Landessprachen* (земельный язык) империи. Его преподавали в школах и в Львовском университете, где этот язык стал языком высшего образования, были даже учреждены соответствующие профессуры. В России украинцы-радикалы, чтобы сохранять связь со своим “Пьемонтом”, тоже изучали новый язык»¹⁴.

Крайне интересна статья Святополк-Мирского об украинской литературе для «Британской энциклопедии», которая начинается с утверждения о том, что поскольку украинцы происходят от южных русов, то в Киевский период есть основания утверждать: «русская литература XI–XIII вв. есть в той же мере и украинская»¹⁵. С XIII по XVI в., однако, в ней зияет некий провал, но все же в XVI–XVII вв. в украинской литературе начинают доминировать мотивы «национальной и религиозной борьбы против Рима и Польши». Центр этой борьбы находился в Галиции и на Волыни, она породила полемический гений Вышенского; затем он переместился в Киев и был связан с именем Петра Могилы, который воспринял латинские способы борьбы с латинством. В XVII–XVIII вв. лучшие интеллектуальные силы перебрались в Московию, поставляя ей церковных иерархов и писателей; с этого же времени начало быстро русифицироваться украинское дворянство.

13 Д. П. Мирский: историк...С. 363.

14 Там же.

15 *Encyclopedia Britannica*. London; New York, 1932. Vol. 22. P. 671.

Литература на украинских землях вплоть до начала XIX в. знаменуется известными именами, например, Г. Сковороды, но язык, на котором она создавалась, был смешением украинских, церковнославянских, польских и великорусских элементов. «Энеида» (1798) и «Наталка-Полтавка» (1816) Котляревского хотя и вытекают из уже устоявшейся русской литературной традиции, но фактически вводят новый язык. Импульсы к дальнейшему его развитию дают собрания украинского фольклора, осуществленные Н. Церетелевым и М. Максимовичем, «скорее элегические, чем нарративные», думы и песни собирали впоследствии В. Антонович и М. Драгоманов. Все эти собрания «являются важной вехой первых стадий современного украинского возрождения»¹⁶. Все же после Котляревского украинская литература не превышала уровня «провинциальной домашности» – пока не появился Шевченко. Он придал ей романтический и сельский колорит и вызвал к украинской литературе всеобщий интерес. «Будучи романтическим националистом вначале и революционным интернационалистом в дальнейшем, он стал символом украинской национальности»¹⁷, – утверждал Святополк-Мирский. Русская Марко Вовчок продолжила эту линию.

Преследования украинского движения на российской Украине перенесли его центр после 1876 г. в Галицию, особенно во Львов. Именно там трудились наиболее известные деятели М. Грушевский и И. Франко, Святополк-Мирский упоминает также имена Леси Украинки и М. Коцюбинского. О послереволюционной литературе в статье сказано мало, хотя упоминалось о его встречах с теми же Тычиной и Чупрынкой, равно как и с будущим академиком А. Белецким.

Следует отметить, что если «История русской литературы», а тем более статьи Святополк-Мирского по Украине были предназначены для довольно узкого круга специалистов и студентов-славистов, то статья в «Британнике» адресовалась намного большему кругу читателей. И то, что в ней скомпонованы фрагменты «Истории русской литературы», не отменяет примечательного факта: статья манифестировала украинскую литературу как некую целостность. Она сохранялась в нескольких переизданиях, несмотря на то, что репутация князя-марксиста, казалось бы, должна была привести к ее изъятию.

16 Ibid.

17 Ibid.

Если об украинской литературе и культуре хотя бы частично упоминалось в английской славистике, то обращение Святополк-Мирского к истории литературы белорусской в чем-то уникально для того времени¹⁸.

В статье об Украине Святополк-Мирский выделяет три ветви русской языковой группы: великорусскую, белорусскую и малороссийскую, при этом белорусская мало отличается от великорусской. Адресуя к исследованиям Н. Трубецкого, он пишет: «Фонетическая разница между речью в Минске и Рязани меньше, чем между речью в Рязани и в Архангельске. Однако, с другой точки зрения, если мы исследуем различные культурные влияния на эти две ветви, разница окажется весьма велика. Сильное польское влияние, явно ощутимое в белорусской лексике, отсутствует в лексике великорусской. И именно это, а не просто различие в произношении, столь резко очерчивает границу белорусской ветви; она совпадает с границей Польши до эпохи разделов»¹⁹. Указанное влияние было и на Украине, но национальное возрождение по ряду причин появилось в Белоруссии значительно позже: земля, давшая свой язык государству Великое княжество Литовское, испытала мощное культурное воздействие польского, а затем великорусского начал, в меньшей мере будучи способной противостоять им, чем Украина.

Подробно Святополк-Мирский рассматривает литературу и культуру белорусов в книге «Социальная история России», в которой отмечалось, что слово «белорусы» столь же искусственно, как и «великороссы» и вошло в употребление лишь в XIX в. «До этого белорусы считали себя литвинами – и на фоне реального литовского возрождения это самоназвание выглядит абсурдным»²⁰. Да и в целом, подчеркивает Святополк-Мирский, народы близ Балтии, получившие независимость лишь в XX в., с некой чрезмерностью подчеркивают свою культурную самобытность без достаточных оснований.

Но ранее было не так: даже титульное название страны «*Magnus Ducatus Lituaniae et Russiae*» – свидетельство существования белорусов как государствообразующего народа. После Люблинской унии белорусская шляхта во многом ополячилась, было забыто,

18 На землях Белоруссии размещался замок Мир – не родовое, а приобретенное имение этого княжеского рода; именно его обитатели выручили Дмитрия Петровича из польского концлагеря.

19 Д. П. Мирский: историк... С. 359.

20 *Mirsky D. S. Russia...* P. 60.

что старобелорусский являлся государственным и что написанный на нем Литовский статут являлся действующим законом с 1529 по 1588 г. «Он – наиболее высокое достижение такого рода, появившееся на русской земле, и, конечно же, наиболее важный белорусский документ», – пишет Святополк-Мирский²¹. Этого никак не стремятся признать нынешние литовцы, в те времена народ с более низким уровнем развития культуры, чем белорусы, правоммерно утверждает он.

В первую очередь Святополк-Мирский упоминает фигуру Ф. Скорины (1490–1551), внесившего культуру книгопечатания через Прагу и Вильно, а также Симеона Полоцкого (1629–1680), который стал «наиболее известным западнорусским ученым в Москве»²². Беда белорусов сводилась к тому, что в ходе постоянных столкновений поляков и русских на их спорной земле полонизация сменялась русификацией, особенно форсированной после 1831 г. И только в конце XIX в. наметились признаки культурного возрождения, связанного с именами М. Богдановича и Янки Купалы. Но только после революции началось формирование национального сознания: в отличие от Украины, «белорусская нация являет собой практически безоговорочный дар русской революции»²³.

Заметка о белорусской литературе дается в «Британской энциклопедии» в статье Святополк-Мирского о литературе русской – ее издатели в 1930-х гг. культуру этого восточнославянского народа не замечали. Ее корни обнаруживаются еще в XIV в., когда старобелорусский язык наряду с латинским стал государственным, но в дальнейшем белорусская литература «не поднималась выше уровня провинциального любительства»²⁴. Белорусский фольклор беднее русского и украинского, в частности, в нем труднее обнаруживаются следы нарративной поэзии, однако в нем полнее сохранились архаические черты, ценимые славистами-этнографами. Святополк-Мирский особо подчеркивает, что в настоящее время и литература, и фольклор интенсивно изучаются в советском Минске, будучи связанными с именем Янки Купалы, который, в свою очередь, воспринял все лучшее от М. Богдановича; перспективы же строительства белорусской государственности оцениваются им позитивно.

21 Ibid.

22 Ibid. P. 85.

23 Ibid. P. 238.

24 Encyclopedia Britannica. London; New York, 1932. Vol. 17. P. 738.

Итак, именно в русле русистики Святополк-Мирский затрагивает проблемы украинистики и – что весьма уникально для англоязычной славистики – белорусистики. При этом внимание к украинской литературе на фоне его анализа политической ситуации на Украине предполагает учет некоторых извивов и перегибов в национальном вопросе относительно Украины. «Перегибом», к примеру, трактовалось предоставление Украине статуса советской республики в союзе с иными республиками, причем так считали не только эмигранты, но и ряд советских политиков. Святополк-Мирский доказательно аргументирует, что именно Ленин настаивал на таком статусе, что считалось шагом правильным. Однако был сделан и следующий «перегиб» – украинизация и белорусизация как наиболее весомые шаги политики коренизации, которая оформлялась с начала 1920-х гг., сворачивалась с 1932 г. и завершилась репрессиями против ее проводников в конце 1930-х гг. Святополк-Мирский описывал коренизацию как раз в те времена, когда соответствующий курс начал сворачиваться. Все же в течение всех 1930-х гг. он придерживался установки на доминирование русского языка и культуры в том, что он назвал «общесоветской» культурой.

Польский вопрос по многим причинам рассматривался Святополк-Мирским гораздо пристальнее. Причинами служили не только его этнические корни, не только «гостеприимство» в концлагерях и даже не только антисоветизм польской элиты как маска ее русофобства, но то, что он именовал «исконной враждой» двух народов и присутим полякам «комплексом превосходства»²⁵. Не проходившие мимо его внимания как (гео)политического мыслителя многие извивы антироссийской политики восстановившейся Польши Святополк-Мирский

25 *Mirsky D. S. Russia...* P. 239. Примечательно, однако, что Святополк-Мирский пришел к евразийству через тоже своего единокровника П. Сувчинского, польского графа со своим гербом. Его жена Вера Гучкова-Сувчинская-Трейл происходила из родовитых старообрядцев, третий муж ее был шотландским коммунистом. Святополк-Мирский, любивший ее, был одновременно князем с польскими этническими корнями и коммунистом с партийным билетом, но на предложение выйти замуж Вера ответила Святополк-Мирскому отрицательно. Сувчинский устремлялся в СССР в 1932 г., но не получил визы, а посетил страну только в 1937 г. Связь Сувчинской-Трейл с советской разведкой доказана, что же касается Святополк-Мирского, то его служение разведке английской не подтверждается.

отыскивал и в далеком прошлом, и в новой истории. Особенно пристально им рассматривались польские влияния в России с начала XVII в. и до конца XVIII в., в частности, влияния через Украину, не завершившиеся и ко времени написания князем-марксистом «Истории русской литературы».

Польский вопрос пунктирно проходит через всю книгу о социальной истории России. В целом «Польша занимает особое место в отношениях России с Западом. Поляки были нашими исконными врагами. Однако присутствие многочисленных по происхождению западнорусских элементов в правящих классах Польши, постоянные (даже являясь враждебными) контакты, некое подобие языков отличают Польшу от остальных латинизированных наций... Все же латинский католицизм воздвигает непреодолимый барьер между двумя народами»²⁶.

Так было до Петра, когда наблюдались некие зародыши того, что именовалось польской партией; упоминается и наиболее яркая ее фигура начала XVII в. – М. Салтыков. «Смещение Софии юным Петром повлекло за собой православную реакцию. Она сдержала волну украинского и католического влияния, но тем самым только открыла двери немцам и протестантам. Волна европеизации продолжилась, и ничто не могло ее остановить»²⁷. Правда, трудно совместить это утверждение с констатацией в «Истории русской литературы» о доминировании украинских священников в церковной иерархии, но следует помнить, что они были «русско-православнее» самих русских.

Поляки еще в XVIII в. рассматривали русских завоевателей как азиатских варваров, а себя – как авангард европейской цивилизации на Востоке. «После 1831 г., – читаем у Святополк-Мирского, – ненависть к России стала первой добродетелью хорошего поляка, а интеллигенция жила в нереальном мире романтических мечтаний о жертве и возрождении. Все же аристократия продолжала занимать почетные должности в ведомствах, а большое число поляков, особенно в провинциях Украины и Литвы, служило в армии и гражданских ведомствах»²⁸. После 1863 г. такого рода противоречивые неопределенности лишь усугубились.

Новый виток польско-русских отношений Святополк-Мирский рассматривает, анализируя принцип самоопределения наций

26 Д. П. Мирский: историк... С. 159–160.

27 Там же. С. 178.

28 *Mirsky D. S. Russia...* P. 239–240.

и утверждая, что именно Ленин положил конец всем колебаниям, не поддержав «восстановления имперского шовинизма на советской основе»²⁹. Несмотря на все колебания, он поддержал «местных националистов» на Украине и в Белоруссии, тем самым оттолкнул их от Ю. Пилсудского. Тому же удалось захватить ряд местностей, не особо заботясь в дальнейшем относительно национальных устремлений их жителей. Что касается самой Польши, то «агрессия Пилсудского подняла большую волну национализма, которая охватила солдат и даже большое число членов компартии»³⁰. При этом как раз польские олигархи сделали войну национальной, предотвратив тем самым попытки рабочих совершить интернациональный переворот, заключает Святополк-Мирский. И Польша оставалась «исконным врагом» России уже в облинии СССР.

Изложение польского вопроса в его трудах и письмах носит здесь фрагментарный характер; он нуждается в дальнейшем рассмотрении, в первую очередь, в ракурсе осмысляемого Святополк-Мирским противостояния двух цивилизационных начал: православного Востока и католического Запада.

Что касается чехов и словаков, то Святополк-Мирский, в чем-то следуя установкам уважаемого им К. Леонтьева, едва ли не принципиально не обращал на них внимания. Он встречал эмиссаров Масарика в Лондоне, где в Школе славянских исследований на чехословацкие средства создавались исследовательские и образовательные структуры, но возглавляемую им страну и историю ее культуры князь-марксист практически игнорировал. Невозможно найти у него ссылок на труды чешских основателей славянофильства и деятелей чешского национального возрождения. Поразительно отсутствие упоминания труда Масарика «*Душа России*» – фактически первых двух томов «*России и Европы*» на английском языке, выпущенных в Лондоне в 1919 г. (впервые в мире третий том книги появился здесь же в 1967 г., лишь в 1995 г. он вышел на чешском, а в 2003 г. на русском языках). Если учесть, что сам Масарик открывал Школу, что чехословацкое правительство частично финансировало ее работу, что он непосредственно встречался с преподавателями-чехами в ней, то это тем более удивительно. Не отслежено и его отношение к Русской акции, а ведь в ее ходе поддержку получал цвет эмигрантской интеллектуальной элиты России, включая друзей Святополк-Мирского.

29 *Mirsky D. S. Lenin: Makers of the Modern Age. London, 1931. P. 169.*

30 *Ibid. P. 170.*

А по прочтении его книги о социальной истории России создается впечатление, что он так и не «простил» чехам того, что они отвергли попытки христианизации страны в духе Кирилла и Мефодия и поддались немецким влияниям. Так, в ней словаки упоминаются дважды, а чехи лишь один раз. Правда, Святополк-Мирский упоминает моравян, замечая, что они сначала затребовали перевод Библии на свой язык, но по требованию короля затем оказались от него³¹. Но более существенным оказалось следующее: «Чехи, поляки и другие северославянские племена были латинизированы под влиянием немецких соседей»³². Что касается языка этих племен, то, по его мнению, лишь в словацком сохранились многие элементы, похожие на древнерусский, да и в настоящее время в наибольшей мере близок к языку русскому язык словаков³³.

Связи с Прагой у Святополк-Мирского, конечно же, были, следил он и за чешской литературой, следы чего обнаруживаются в его литературно-критических статьях и рецензиях, а также в письмах. Так, он вел переписку с находившимися в Праге евразийцами, особо подчеркивая опору в своих работах на труды по языкознанию Трубецкого и по географии Савицкого; рецензировал изданные в Праге работы при участии П. Богатырева, А. Кондакова и Н. Мельниковой-Папоушек (переводчицы ряда работ Масарика на русский)³⁴; обзирал такие выходившие в Праге журналы и альманахи, как «Воля России», «Русская мысль», «Записки наблюдателя»³⁵ и др. Из числа писателей прошлого и настоящего его внимания удостоился лишь Я. Гашек – «знаменитый чешский юморист»³⁶; но ни великие славянофилы, ни будители, ни австрослависты им не упоминаются.

В целом, выражая свое отношение к западнославянским влияниям в новейшей истории, Святополк-Мирский еще в 1923 г. писал: «Имя чехов вызывает исключительную ненависть от Волги до Тихого океана... Во время войны с Польшей в армии произошел подлинный национальный переворот, и отношение Врангеля к Польше не сделало его более популярным»³⁷. Еще в одной статье уже 1927 г. он как бы повторил

31 *Mirsky D. S. Russia...* P. 51.

32 *Ibid.* P. 25.

33 *Ibid.* P. 27.

34 Д. П. Мирский: историк...С. 353, 532 и др.

35 Там же. С. 534.

36 Там же. С. 221.

37 Там же. С. 377.

данное утверждение, правда, не упоминая чехов: «Глубокое культурное различие между Россией и Польшей нельзя приуменьшать (и во все времена поляки были последними, кто это делал)»³⁸. При этом ключевую роль в его сохранении играл религиозный фактор.

Таким образом, при рассмотрении мыслей Святополк-Мирского относительно культуры и судеб западнославянских народов весьма красноречивым предстают постоянные упоминания поляков-католиков – при почти полном игнорировании атеистов-чехов. Конечно, в Польше он побывал, ее культуру знал, с некоторыми поляками дружил, но это не объясняет того, почему он совершенно не замечал Чехии, а затем Чехословакии.

Южные славяне также не удостоились в его трудах большого внимания. В поствизантийские времена, констатирует Святополк-Мирский, «южные славяне вместе с греками, албанцами и румынами создали культурную провинцию, частично византийскую, частично латинизированную»³⁹. При этом если церковнославянский язык, коренящийся в языке македонских славян, выступил орудием некоего культурного порыва практически для всех славян в раннем средневековье, то языки литературные у южных славян формировались позже и с большими трудностями из-за давления ислама. Так, «многие южнославянские земли без какой-либо литературной поэзии оставались до XIX в.»⁴⁰. Что касается югославянских социальных институтов, то они скорее балканские, а не славянские. И все же «христианство на Русь шло через южных славян»⁴¹, а это значит, что влияние письменности, в первую очередь сербов и болгар, отслеживается в домонгольский и начальный послемонгольский периоды постоянно. Столь же постоянно прибывавшие оттуда духовные лица предупреждали, чтобы Русь не повторяла судьбу «испытавшей поражение Болгарии»⁴².

Болгар он характеризует в наибольшей мере в связи с тем, какое влияние они оказывали на историю и культуру России. При этом он внимательно отслеживает их этногенез, напоминая, что болгары стали точкой кристаллизации славянских племен после того, как прибыли на приграничные земли Византии из Волжской Булгарии.

38 Там же. С. 377.

39 *Mirsky D. S. Russia...* P. 25.

40 *Ibid.* P. 86.

41 *Ibid.* P. 51.

42 *Ibid.* P. 38.

Святополк-Мирский следил за судьбой Г. Димитрова, подчеркивая, что этот «герой нового мира непосредственно сведен с монстрами старого – Герингом и Геббельсом»⁴³.

Из других югославян примечательно упоминание о македонском происхождении Кирилла и Мефодия, которые первыми начали христианизировать славянские народы, включая моравян – предков нынешних чехов, попавших позже под католическое влияние. Внедренный ими церковнославянский язык стал первым литературным для многих народов и сохранял свое присутствие в их литературе вплоть до настоящего времени, считал Святополк-Мирский. «Они изобрели славянский алфавит, который французский филолог А. Мейе признавал истинным шедевром фонетической точности и адаптации»⁴⁴. Это обстоятельство и способствовало тому, что данный язык стал в чем-то общеславянским и пребывал таковым до усиления немецких и латинских влияний на ряд народов, в первую очередь западнославянских, а также двух южнославянских – хорватского и словенского.

В монографии о социальной истории России редко упоминались сербы, однако подчеркивалось, что с XIV в. началась миграция в Россию сербского духовенства – наряду с болгарским: «Их влияние на русскую культуру было глубоко и повсеместно»⁴⁵. Высоты эта волна достигла при сербе Киприане, ставшем митрополитом Московским (1390–1406). Он во многом ответствен за введение той части церковной риторики, которая именовалась «плетением словес»⁴⁶. Отмечалось, что южные славяне прибывали в Россию через Молдову и Украину. Особо подчеркивается, что как раз через Украину шли болгары и сербы, укреплявшие православие, а затем этот поток сместился в обратном направлении.

Эту реплику следует помнить при рассмотрении его работ, которые могут выглядеть едва ли не как апологетический анализ польских и украинских культурных влияний, за что Святополк-Мирский подвергся нападкам, в частности, со стороны П. Струве, обвинявшего его едва ли не в полоно- и украинофильстве. Особенно это касается знаменитой и вызывавшей всеобщий гнев эмигрантов таблицы⁴⁷ в книге о социальной истории России, где выделены колонки под названием

43 *Mirsky D. S. Lenin...* P. 329.

44 *Ibid.* P. 85.

45 *Ibid.* P. 114.

46 *Ibid.* P. 95.

47 *Ibid.* P. 289–295.

«Великороссия» и «Украина». Все же приведенные во второй колонке события и лица берутся в ракурсе или культурного сближения Украины с Россией, или подчинения первой началам общерусскости – вплоть до «общесоветскости». Культурные влияния были, но вот религиозные встречали сопротивление не только в России, но также на Украине и в Белоруссии – их население так и не приняло целиком Брестскую унию.

В целом славянский вопрос в творчестве Святополк-Мирского не занимает первые места; в этом плане он следует отмеченной нами традиции попадания его в некое «слепое пятно», что было свойственно всем евразийцам. Отсюда большой удельный вес русистики в его славистике, что особо характерно для его варианта истории русской литературы, научный потенциал которой до сих пор полноценно не востребован.

Взгляды его как (гео)политического мыслителя и исследователя культуры и литературы других славянских народов представлены неравномерно: так, о поляках говорится очень много, а о южных славянах почти ничего, но все же при их изучении обнаруживаются не только меткие наблюдения, но и оригинальные мысли. Поэтому далеко не лишне рассмотреть и оценить его наследие как (гео)политического мыслителя и исследователя культуры и литературы других славянских народов.

Источники и литература

Абрамов М. А., Лаврик Э. Г., Малевич О. М. Томаш Гарриг Масарик: жизнь, дело, учение // Масарик Т. Г. Россия и Европа. СПб.: РХГИ, 2004. Т. 2. 720 с.

Д. П. Святополк-Мирский: историк и исторический публицист // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. Вып. 5. 2014–2015. М., 2015. 837 с.

Ефимов М., Смит Дж. Святополк-Мирский. М.: Молодая гвардия, 2021. 704 с.

Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / пер. с англ. Р. Зерновой. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992. 882 с.

Святополк-Мирский Д. П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: Изд-во «Свиныйн и сыновья», 2005. 964 с.

Encyclopedia Britannica. London; New York, 1932. Vol. 17. 1223 p.

Encyclopedia Britannica. London; New York, 1932. Vol. 22. 1112 p.

Mirsky D. S. Russia: A Social History. London: The Cresset Press. 1931. 363 p.

Mirsky D. S. Contemporary Russian Literature, 1881–1925. London:

George Routledge & sons, Ltd., 1926.

Mirsky D. S. A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky. (1881). London: George Routledge & sons, Ltd., 1927. 388 p.

Mirsky D. S. Lenin: Makers of the Modern Age. London: Holme Press, 1931. 236 p.

References

Abramov, M. A., Lavrik, E. G., Malevich, O. M. “Tomash Garrigh Masaryk: zhizn', delo, uchenie.” Masaryk T. G. *Rossiiia i Evropa*. Vol. 2. St Petersburg: RHGI, 2004, 720 p.

“D. P. Sviatopolk-Mirskii: istorik i istoricheskii publitsist.” *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia im. Aleksandra Solzhenitsyna*. 2014–2015. Moscow, 2015, 837 p.

Efimov, M., Smit, Dzh. *Sviatopolk-Mirskij*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2021, 704 p.

Encyclopedia Britannica. Vol. 17. London; New York, 1932, 1223 p.

Encyclopedia Britannica. Vol. 22. London; New York, 1932, 1112 p.

Mirsky, D. S. *Russia: A Social History*. London: The Cresset Press, 1931, 363 p.

Mirsky, D. S. *Contemporary Russian Literature, 1881–1925*. London: George Routledge & sons, Ltd., 1926, 372 p.

Mirsky, D. S. *A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky*. (1881). London: George Routledge & sons, Ltd., 1927, 388 p.

Mirsky, D. S. *Lenin: Makers of the Modern Age*. London: Holme Press, 1931, 236 p.

Sviatopolk-Mirskij, D. S. *Istoriia russkoi literatury s drevnejshikh vremen do 1925 goda*, translated by R. Zernova. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992, 882 p.

Sviatopolk-Mirskij, D. S. *Istoriia russkoi literatury s drevnejshikh vremen po 1925 god*, translated by R. Zernova. Novosibirsk: Izdatel'stvo “Svin'in i synov'ia”, 2005, 964 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.17

E. G. Zadorozhnyuk

D. P. Svyatopolk-Mirsky on Slavs

Ella G. Zadorozhnyuk

Doctor of History, chief research fellow, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: elzador46@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2328-810X

Citation

Zadorozhnyuk E. G. D. P. Svyatopolk-Mirsky on Slavs // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 313–333 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.17

Received: 13.05.2023.

Revised: 30.08.2023.

Accepted: 12.03.2024.

Annotation

The article highlights the place of the Slavs in the work of D. P. Svyatopolk-Mirsky, first a Eurasianist and then a Marxist. The key role of Russian studies in his Slavic studies is noted. It is argued that the vast majority of Svyatopolk-Mirsky's thoughts and assessments regarding the history of Russian literature have not yet been fully studied. Significant results on Ukrainian studies were presented in his articles of the 1920s and in an article in the *Encyclopedia Britannica*; Svyatopolk-Mirsky was one of the first to highlight the problems of Belarusian studies there. His legacy as a (geo)political thinker and researcher of culture and literature of other Slavic peoples, though unevenly represented throughout his body of work, is considered and evaluated: for example, a lot has been written by Svyatopolk-Mirsky about the Poles, and almost nothing about the southern Slavs, but still, when considering them, one can find not only accurate observations and assessments, but also original ideas.

Keywords

D. P. Svyatopolk-Mirsky, Russian studies, Slavic question, history of Russian literature, Ukrainian studies, Belarusian studies, West Slavic peoples, South Slavs, Westernism, "all-Soviet culture", Slavophilism.

**Он хотел быть «просто художником».
К 100-летию со дня рождения Ежи Новосельского**

Федюкина Елена Владимировна
Кандидат культурологии, доцент
Государственный университет им. А. Н. Косыгина
129337, Хибинский проезд, д. 6, Москва, Российская Федерация
Email: ladperezvon@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5034-7473

Цитирование

Федюкина Е. В. Он хотел быть «просто художником» // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 334–344. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.18

Статья поступила в редакцию 03.07.2023.

Рецензирование завершено 01.02.2024.

Статья принята к публикации 12.03.2024.

Аннотация

Раскрывая в статье основные вехи творческой биографии польского художника-иконописца Ежи Новосельского (1923–2011), столетие со дня рождения которого отмечалось в прошлом году, мы ищем ключей к пониманию его творчества как порыва к духовной реальности, преображающей мир. Предметом нашего анализа стали мысли Новосельского о православии и искусстве, современной живописи и задачах художника, проблемах иконы и ее перспективах, а также о назначении иконописи, изложенные им как в форме эссе и очерков, так и в многочисленных интервью. Творчество Новосельского рассматривается как реализация миссии продолжения иконописной традиции и создания современной иконы в согласии с существующими канонами. Взгляды художника на иконопись во многом объясняют оригинальность его творчества, в котором *sacrum* и *profanum* выступают в единстве, благодаря чему в его работах стирается грань между картиной и иконой. В статье поднимается также проблема рецепции творчества художника в современном обществе, и в частности проблема непонимания со стороны единомышленников, которая, впрочем, не останавливала Новосельского в реализации его творческих планов.

Ключевые слова

Новосельский, икона, религия, лексическая экспрессия, фило-софская эссеистика, современная иконопись.

Польский художник, иконописец, автор философской эссеистики Ежи Новосельский (1923–2011) – личность значительная не только для православия в Польше, но и в целом для польской, и более того, мировой культуры. Талантливый представитель этнокультурного межграницья, увлеченный своей особой миссией поиска новых путей в искусстве в опоре на древнюю иконопись, Новосельский при жизни не всегда находил понимание у соотечественников и до сих пор вызывает споры. Ныне живописные работы Новосельского можно увидеть в храмах разных христианских конфессий Польши, в Президентском дворце в Варшаве, в паломническом центре г. Лурд во Франции. В связи со 100-летним юбилеем художника 2023 год был провозглашен Сеймом Республики Польша Годом Новосельского; юбилейные же даты, как известно, склоняют к особой рефлексии о личности и наследии творца.

В Польше существует довольно богатая литература, посвященная Новосельскому, в творчестве которого искусствоведы находят элементы как авангарда, так и византийского искусства, а также народных лемковских традиций. Среди исследователей выделяется краковская искусствовед Кристина Черни, хорошо знавшая художника при жизни и выпустившая ряд художественных альбомов, отражающих различные грани наследия художника. Последнее из изданий, альбом «Новосельский в Варшаве и на Мазовше»¹, увидело свет в уже прошлом юбилейном году. Она же автор подробной, богато документированной биографии художника «Летучая мышь в храме», ставшей бестселлером и отмеченной в Польше престижной премией им. Казимежа Выки². Новосельский как личность со своим неповторимым взглядом на мир, искусство и роль творца в нем запечатлен в книге другого автора – знатока русской культуры, журналиста и переводчика Збигнева Подгурца (о ней речь пойдет дальше). Приковывает внимание и собственная книга художника «Инакость православия», представляющая ряд интереснейших эссе, объединенных проблематикой православия, иконы и творчества³. Опираясь на данные издания,

1 Czerni K. Nowosielski w Warszawie i na Mazowszu. Kraków, 2023.

2 Czerni K. Nietoperz w świątyni. Kraków, 2018.

3 Nowosielski J. Inność Prawosławia. Białystok, 1998.

мы попробуем воссоздать в общих чертах облик художника, которого А. Щепаняк в предисловии к английскому изданию о Новосельском назвал «одним из самых увлекательных персонажей на современной культурной сцене Польши двадцатого века»⁴, и обозначить его место в культуре Польши и шире – православия – в XX в.

Новосельский прошел богатый событиями и свершениями жизненный и творческий путь. С определенными оговорками можно утверждать, что судьба Новосельского как художника поднималась по восходящей линии. Органичный и бескомпромиссный в своем творчестве, он дорожил иконописью как богатейшим наследием прошлого и вектором для своего собственного пути. Обозначим основные вехи жизненного пути художника. Краковянин по рождению, сын лемка-униата и католички, он с детства очень чутко реагировал на красоту церковной службы с ее таинствами, пением и живописью. В юношеском возрасте Новосельский путешествовал по монастырям в окрестностях Львова, входившего тогда в состав Польши, в одном из которых даже пробыл полгода послушником. Хотя путь монашества не был им принят, пребывание в монастыре дало богатый материал для изучения образцов древней иконописи. Живописные, а особенно иконописные собрания Львовского художественного музея вдохновили юношу и во многом задали дальнейшее направление его творческой жизни. Неизгладимый след оставило на нем посещение Почаевской лавры, где он побывал дважды: в довоенное и военное время⁵. В 1941 г. Новосельский начал профессионально учиться живописи в ремесленном училище родного Кракова, существовавшего с позволения оккупационных властей, но представлявшего, по сути, тайную школу художеств. В первые послевоенные годы Новосельский продолжил учебу в Краковской академии изящных искусств, где сблизился с кругом молодых художников-новаторов, так наз. Краковской группой П. Тенденции абстракционизма в живописи, развиваемые единомышленниками, стали органичной канвой для собственного творчества начинающего художника. Они же стали и своеобразным помостом для перехода к иконописи, в которой он усматривал основные черты абстракционизма. Промежуточный этап его жизни связан с расположенным в центральной Польше городом Лодзь, где первое время, а это были сложные в общественно-политическом отношении 50-е гг., он оставался в тени, не принимая

4 *Szczepaniak A.* Jerzy Nowosielski. Milano, 2022. 232 s.

5 *Nowosielski J.* Inność Prawosławia. S. 110–118.

участие ни в каких выставочных официальных мероприятиях. Однако в период начавшейся после 1956 г. оттепели он уже преподает в Высшей школе пластических искусств г. Лодзи, а через несколько лет возвращается в Краков, где продолжает заниматься преподавательской деятельностью и неумолимо работает в сфере иконописи, фресковой живописи и храмостроительства. Более ста персональных выставок и двухсот пятидесяти коллективных в Польше и за рубежом – вот общий итог его творческой деятельности, за которую он удостоился общественного признания: ордена Св. Марии Магдалины – высшей награды Польской православной церкви, а также Большого креста Возрождения Польши. Новосельскому, достигшему творческой зрелости, стала присуща своего рода лексическая экспрессия: он пытался осмыслить задачи художественного творчества с религиозно-философских позиций в форме очерков и эссе, комментировал не только свои произведения, но и свои сокровенные мысли о православии и его неповторимости, о своем назначении в живописи, давал множество интервью. Эти интервью и собрал выше упомянутый деятель польской культуры Подгужец, собрав их в три раздела («Вокруг иконы», «Мой Христос», «Мой Иуда») и опубликовав в книге «Разговоры с Ежи Новосельским»⁶.

После кончины художника в 2011 г. в сетях появились высказывания о нем как о «польском Андрее Рублеве». Пусть даже эта оценка и завышена, однако она, несомненно, не случайна. Библия сопутствовала Новосельскому на протяжении всей жизни и была, по существу, «источником его художественного дерзновения»⁷. Христианство он воспринимал как нечто цельное и неделимое, хотя в то же время сам перешел из униатства в православие, которое притягивало его с юности и воспринималось им как нечто более универсальное, чем локально и исторически ограниченная униатская вера. В то же время Новосельский в своем творчестве не терял связь и с религией отца. Свидетельством тому может послужить, в частности, его участие в оформлении униатских храмов. Самым ярким произведением Новосельского в этой сфере стало проектирование архитектурного облика и интерьера греко-католической церкви Рождества Божьей Матери на севере Польши в местечке Бялы Бор, признанной жемчужиной современной сакральной архитектуры. Знание реалий и проблем

6 Podgórzec Z. Wokół ikony. Rozmowy z Jerzym Nowosielskim. Kraków, 2014.

7 Czerni K. Sztuka po końcu świata. Kraków, 2012. S. 197–198.

униатства и сочувствие к этой конфессии отразилось в одном из его очерков, названном «Двойное мученичество униатов». В то же время Новосельскому были не по душе попытки современников докопаться до его этнической принадлежности. «Я не знаю, что значит быть поляком и что значит быть украинцем, – цитирует его высказывание Черни. – Зато я хорошо знаю, что значит быть человеком»⁸.

В размышлениях художника о Почаевской лавре (очерк «Почаевская лавра»)⁹ православие и униатство переплетаются; униатский период лавры воспринимается как исторический этап ее православной принадлежности. Для него важно, в первую очередь, единство «художественной, архитектурной и духовной культуры»¹⁰, сливающихся в ансамбле лавры в некую гармонию. Нельзя забывать, что именно Почаевская лавра стала для Новосельского поворотным моментом в его обращении к православию. Как впечатлительная художественная натура, ищущая красоты и правды, он воспринял Лавру на эстетическо-духовном уровне. Еще при приближении к лавре он почувствовал, что находится в какой-то иной реальности, как бы извлеченной из общего «культурно-политически-географического контекста»¹¹. Какие-то подмеченные им архитектурные недостатки в виде не вяжущегося с обликом лавры барочного интерьера Успенского собора показались ему незначительными, так как их заслонили собой неизменные атрибуты богослужения: кадильный дым, изумительное хоровое пение, возгласы диакона, золотистые стихари алтарников... Но главное, что его поразило, это была молитва православного люда, заполнявшего собор. В «Почаевской лавре» он признается, что именно здесь понял, что «православие – это молитва»¹². Именно в Почаеве душа художника обрела понимание молитвы как личного и соборного «славословия Творцу»¹³, совершаемого людьми, и, очевидно, сама ощутила в себе истоки такой молитвы. Иначе бы ему не сделаться иконописцем от Бога.

Собственно, и все дальнейшее его творчество стало реализацией миссии, которую он в себе ощутил, миссии продолжения иконописной традиции и создания современной иконы в согласии

8 Czerni K. Nietoperz w świątyni. S. 16.

9 Nowosielski J. Inność Prawosławia. S. 110–118.

10 Ibid. S. 114–115.

11 Ibid. S. 116.

12 Ibid. S. 115.

13 Ibid.

с существующими канонами. При этом икону Новосельский считал не просто иллюстрацией церковных догматов, но мостом, соединяющим микрокосм человека с макрокосмом бытия Христа, являющегося «глубинной основой нашей индивидуальной субъектности»¹⁴. А далее – непрекращающийся творческий поиск, выход в метафизику, которая помогала ему исследовать с помощью живописных средств духовную реальность, где для него стирались грани между картиной и иконой. В этом угадывается и творческий парадокс Новосельского, автора множества икон, но принципиально не считающего себя иконописцем, и основное устремление его как творца, сознательно затушевывавшего грань между художником и иконописцем как искусственную и спутывающую художника.

Такой взгляд Новосельского на искусство вообще и задачи художника в частности отражает природу его религиозного сознания. Он пытался нащупать и определить контуры православной мистики, присутствующей во время общения с иконой, и сформулировать свой взгляд на проблему иконы и перспективы иконописи. В своих пластических работах Новосельский искал способы выразить невыразимое. Он несомненно мистичен в своем творчестве. Для него мистицизм – это точка опоры в его вере, которая помогла ему найти свое место в мире художественного творчества. Мистика восточного православия, согласно которой тайны небесного царства недоступны для мира дискурсивных понятий, глубоко укоренилась в сердце художника, отразившись на его зрелом творчестве. Новосельский был уверен, что художнику в его творческом поиске необходимо мистическое знание, к которому стремился и сам. Подгужец отмечает, что он рано почувствовал органическую связь между сакральным и профанным¹⁵. Более того, у художника появилась убежденность в том, что их единство всегда отличает настоящее искусство. В качестве доказательства он ссылается на византийскую культуру, являющуюся для него как бы средоточием всей храмовой живописи, которая не знала двойственности сакрального и светского в искусстве¹⁶. Один из исследователей творчества польского художника, православный священник и богослов Генрих Папроцки, считает, что Новосельский все свое творчество целиком относит сфере «сакрум», будучи убежденным, что и вся культура исходит из области сакрального, а не профанного. В предисловии

14 Ibid. S.172.

15 *Podgórzec Z. Wokół ikony.* S. 184.

16 *Nowosielski J. Inność Prawosławia.* S. 135.

к «Инакости православия» Папроцки пишет, что искусство для Новосельского – это прямая связь с космосом, который врывается в повседневную действительность, дабы ее преобразить¹⁷.

Нежелание художника разделять сферы сакрум и профанум иногда выводят из идейного родства его взглядов с восточнохристианским мировидением, и в частности с софиологией В. С. Соловьева. Действительно, задачи, которые ставил перед творчеством замечательный мыслитель, давший начало символическому направлению в русской культуре, были идейно близки польскому художнику, так же, впрочем, как и взгляды титанов религиозно-философской мысли Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова, которых он неоднократно цитирует. Новосельский, в частности, вдохновлялся их взглядами на художника как на творца, созидающего новое бытие. Он мог бы подписаться под словами Бердяева о том, что человек как образ и подобие Творца «сам есть творец» и «призван к творческому соучастию в деле Творца»¹⁸.

Проблема иконы в современном мире чрезвычайно волновала Новосельского. Художнику казалось, что икона лишь формально сохраняет важное место в православном храме, в действительности же она все более опускается до уровня «археологического реликта», от чего много теряет Церковь, а редкие исключения лишь подтверждают правило¹⁹. Современная иконопись, как считает художник, не может быть такой, как много веков назад, когда авторами икон были христианские подвижники и святые. Не может она быть и такой, какой стала в постренессансный период, превратившись в светский образ и лишившись духовной наполненности. В то же время она должна продолжать традиции. Какой в таком случае она должна быть? Это проблема и для самого Новосельского. Во всяком случае, он был уверен, что художник должен дерзать, проявлять творческую смелость, в противном случае ему не удастся перешагнуть границы археологии и актуализировать явление иконы²⁰. В утверждении мистической тайны, рождающейся при контакте с иконой, нам видится основной пафос творческих устремлений Новосельского.

Творческие люди, как отмечает Новосельский, чувствуют потребность позитивного благодатного творчества, которое могло бы противопоставить внешнему хаосу святой образ человека – икону.

17 Ibid. S. 10.

18 Бердяев Н. А. *Философия свободы. Смысл творчества*. М., 1989. С. 375.

19 Nowosielski J. *Inność Prawosławia*. S. 158.

20 Ibid. S. 151.

Лейтмотивом его рассуждений в связи с этим становится убежденность в том, что икона нужна не только церкви, но и миру с его «все более нервным, бесформенным и непрестанно эволюционирующим искусством»²¹. Такое состояние современного искусства художнику представляется шансом для иконы, возможным для реализации именно в православии, ввиду его эсхатологической обращенности к таинству будущего века. Этот шанс для иконы Новосельский воспринимает и как шанс для собственного творчества, которое, как отмечает польская исследовательница Мария Монгини, пройдя разные стадии художественного поиска через абстракционизм и «бегство от телесности», пришло именно к иконографическим изображениям²². Он признавался, что опыт общения с иконой вывел его из творческого кризиса. Пусть он не был «духовидцем», каким были, по меткому выражению Трубецкого, талантливые древнерусские живописцы²³, но он не был и ремесленником, копистом – он был творцом. Поиск Новосельского шел по пути противопоставления внешнему хаосу мира образа сакральной реальности. Его собственные работы в церкви, в частности, фрески и иконы в православном Успенском храме г. Кракова, могут быть показателем новой ступени в развитии православного искусства. Однако до их адекватного понимания надо дорасти.

Действительно, большой проблемой для Новосельского было непонимание, а то и неприятие его живописи, в частности, среди православных. Эта стена непонимания не была преодолена до самой кончины художника. Церковь Вознесения Господня в Ожешкове от заказанного Новосельскому иконостаса просто-напросто отказалась (этот иконостас и оказался позже в краковской церкви). Кто-то из прихожан жаловался, что не может молиться на такие иконы. Действительно, иконы Новосельского с их напряженными линиями и интенсивной цветовой гаммой расходились с привычными для глаз иконописными изображениями. Это, конечно, было новаторство, но новаторство не ради новаторства, а скорее ради идеи преобразующего искусства. Новосельский, конечно, страдал от непонимания единоверцев, тем более что художник хотел более всего своим творчеством послужить именно православию, но смирялся и от своего пути в искусстве не отступал.

21 Ibid. S. 159.

22 *Mongini M.* Dlaczego Jerzy Nowosielski? Kilka refleksji o współczesnej sztuce // *Roczniki teologiczne*. T. LIII–LIV. Zeszyt 7. 2006–2007. S. 184.

23 *Трубецкой Е. Н.* Три очерка о русской иконе. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М., 2000. С. 25.

Последнее эссе в книге Новосельского названо «Не знаю». Здесь он пытается определить статус своей живописи, которую не может причислить ни к современной, ни к сакральной. Является ли она иконой, автор не знает. Художник бережет свою свободу, боясь оказаться в одном каком-то жанре как в осажденной крепости. Он желает быть художником, «просто художником»²⁴. Если его работы находят место и в церкви, и в костеле, так в этом, по его мнению, их достоинство. Для художника это был критерий правильности избранного им творческого пути. Заслуга Новосельского – в постановке важных для современной культуры проблем и талантливых попытках их творческого решения. Художнику важно было показать мир преображенным, он и пытался это сделать с помощью абстракции, но такой абстракции, которая не уничтожает образ, но созидает его. У нас нет окончательного ответа на вопрос, насколько ему это удалось. Это может составить тему отдельного исследования.

Источники и литература

Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.

Мухомина Н. А. Философия в красках // Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее и будущее. Материалы V научно-практической конференции. Иркутск: ИГЛУ, 2013. С. 88–99.

Трубецкой Е. Н. Три очерка о русской иконе. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М.: Лепта, 2000. 320 с.

Czerni K. Nietoperz w świątyni. Biografia Jerzy Nowosielskiego. Kraków: WAM, 2018. 512 s.

Czerni K. Nowosielski w Warszawie i na Mazowszu. Kraków: Sztuka sakralna, 2023. 328 s.

Czerni K. Sztuka po końcu świata. Kraków: Znak, 2012. 448 s.

Mongini M. Dłaczego Jerzy Nowosielski? Kilka refleksji o współczesnej sztuce // Roczniki teologiczne. T. LIII–LIV. Zeszyt 7. 2006–2007. S. 191–202.

Nowosielski J. Inność Prawosławia. Białystok: Orthdruk, 1998. 188 s.

Podgórzec Z. Wokół ikony. Rozmowy z Jerzym Nowosielskim. Kraków: Znak, 2014. 443 s.

Szczepaniak A. Jerzy Nowosielski. Milano: Skira Editore, 2022. 232 s.

²⁴ *Nowosielski J.* Inność Prawosławia. S. 187.

References

- Berdiaev, N. A. *Filosofia svobody. Smysl tvorchestva*. Moscow: Pravda, 1989, 608 p.
- Czerni, K. *Nietoperz w świątyni. Biografia Jerzy Nowosielskiego*. Kraków: WAM, 2018, 512 p.
- Czerni, K. *Nowosielski w Warszawie i na Mazowszu*. Kraków: Sztuka sakralna, 2023, 328 p.
- Czerni, K. *Sztuka po końcu świata*. Kraków: Znak, 2012, 448 p.
- Mongini, M. “Dlaczego Jerzy Nowosielski? Kilka refleksji o współczesnej sztuce.” *Roczniki teologiczne*, 2006–2007, vols. LIII–LIV, zeszyt 7, pp. 191–202.
- Mukhotina, N. A. “Filosofia v kraskakh.” *Slavianskie iazyki i kultury: proshloe, nastoiashchee i budushchee. Materialy V nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Irkutsk: IGLU, 2013, pp. 88–99.
- Nowosielski, J. *Inność Prawosławia*. Białystok: Orthdruk, 1998, 188 p.
- Podgórzec, Z. *Wokół ikony. Rozmowy z Jerzym Nowosielskim*. Kraków: Znak, 2014, 443 p.
- Szcepaniak, A. *Jerzy Nowosielski*. Milano: Skira Editore, 2022, 232 p.
- Trubetskoi, E. N. *Tri ocherka o russkoi ikone. “Inoe tsarstvo” i ego iskateli v russkoi narodnoi skazke*. Moscow: Lepta, 2000, 320 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.18

E. V. Fedyukina

He wanted to be “just an artist”. On the 100th anniversary of Jerzy Nowosielski’s birth

Elena V. Fedyukina
Candidate of Cultural Studies, associate professor
The Kosygin State University of Russia
129337, Hibinsky proezd 6, Moscow, Russian Federation
E-mail: ladperezvon@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5034-7473

Citation

Fedyukina E. V. He wanted to be “just an artist”. On the 100th anniversary of Jerzy Nowosielski’s birth // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 334–344 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.18

Received: 03.07.2023.

Revised: 01.02.2024.

Accepted: 12.03.2024.

Abstract

The article reveals the main milestones of the creative biography of the Polish icon painter Jerzy Nowosielski, whose centenary of birth is celebrated this year, and the explicit keys are supposed to be acquired with the purpose of clearly understanding his work as an impulse towards spiritual reality that transforms the world. The subject of the analysis has become predominantly the artist's thoughts about Orthodoxy, art, and his main objectives, the essential issues of the modern icon, the prospects and purpose of icon painting, which have been represented both in the form of essays and sketches, and in numerous interviews. Novoselski's work is considered as the realization of the mission of the icon-painting tradition and creating a modern icon in accordance with existing canons. Owing to the artist's views on icon painting, the originality of his work and creativity are disclosed in many respects, in which the boundaries between painting and icon are blurred. At the same time, Novoselski's work was caused by a misunderstanding of his coreligionists, which, however, would not prevent the artist from realizing his creative plans.

Keywords

Jerzy Nowosielski, icon, religion, lexical expression, philosophical essays, modern icon painting.

УДК 94(47).05

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.19

К. А. Кочегаров

**К истории побега гетмана И. С. Мазепы к шведам.
Из архива походной канцелярии А. Д. Меншикова**

Кочегаров Кирилл Александрович

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9877-7381

Цитирование

Кочегаров К. А. К истории побега гетмана И. С. Мазепы к шведам. Из архива походной канцелярии А. Д. Меншикова // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 345–356. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.19

Публикация поступила в редакцию 21.10.2023.

Аннотация

Побег гетмана Ивана Мазепы в шведский лагерь стал неожиданностью для русского правительства и радикально изменил политическую обстановку на Украине, где осенью 1708 – в первой половине 1709 г. разворачивалось основное русско-шведское противоборство в ходе Северной войны 1700–1721 гг. Русское правительство должно было срочно предпринимать меры по стабилизации ситуации, а гетман Мазепа всеми силами пытался обеспечить поддержку своих действий со стороны малороссийского казачества. В связи с этим хронология первых недель пребывания Мазепы в шведском лагере вызывает повышенное внимание исследователей, детально изучающих этот один из переломных моментов русско-украинских отношений в раннее Новое время. Немалое значение для реконструкции указанных событий играют свидетельства пленных и перебежчиков. Публикация представляет четыре таких документа, извлеченных из архива походной канцелярии А. Д. Меншикова. Среди них есть свидетельства пленных из шведской армии, но главным образом это показания беглых казаков из лагеря гетмана Мазепы. Среди последних сердюки из пехотного полка Я. Покотило, а также лубенский казак С. И. Романчук. Наиболее ценное свидетельство, подробно описывающее действия Мазепы в первые

недели после измены, принадлежит сотнику прилуцкого полка Корнею Савину. Все документы публикуются впервые.

Ключевые слова

И. С. Мазепа, А. Д. Меньшиков, русско-украинские отношения, Северная война 1700–1721 гг.

Побег гетмана И. С. Мазепы в шведский лагерь короля Карла XII – один из поворотных моментов русско-украинских отношений эпохи раннего Нового времени, имевший значительные последствия как для политики царского правительства в отношении Малой России, так и с точки зрения судьбы самой гетманской автономии. Историки неоднократно обращались к детальной реконструкции первых недель пребывания И. С. Мазепы в ставке шведского короля, исследуя настроения ушедших с гетманом казаков, обстоятельства штурма русскими войсками гетманской ставки – Батурина, отношения беглого гетмана с Карлом XII и другие сюжеты. Немалую роль в указанных реконструкциях играли показания пленных и различных беглецов из шведского войска и из рядов ушедших с Мазепой казаков. Если еще Н. И. Костомаров в своей известной монографии «Мазепа» использовал их весьма ограниченно¹, то со временем, по мере накопления массива документальных публикаций, включая документы соответствующего тома «Писем и бумаг императора Петра Великого» (т. 8, вып. 2), указанный вид источников стал играть более существенную роль в описании событий. Активно использовал показания выходцев из мазепинско-шведского лагеря, как архивные, так и опубликованные, советский историк В. Е. Шутой². Однако, как представляется, подобные источники, касающиеся связанных с фигурой Мазепы событий конца октября – первой половины ноября 1708 г., еще не введены в научный оборот в достаточной мере.

Настоящая публикация призвана частично заполнить указанную лакуну, представляя заинтересованным исследователям

¹ *Костомаров Н. И. Мазепа* // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Т. 16. СПб., 1885. С. 405–486.

² *Шутой В. Е. Измена Мазепы* // Исторические записки. Т. 31 / отв. ред. Б. Д. Греков. М., 1950. С. 154–190; *Шутой В. Е. Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII*. М., 1958. С. 247–343.

документы четырех дел из архива походной канцелярии А. Д. Меншикова. Они не только сообщают ряд подробностей касательно первых дней пребывания Мазепы в ставке Карла XII, но и наряду с другими подобными документами дают представление об общем уровне осведомленности русского военного руководства о происходящем в лагере противника в тревожные дни гетманской измены и шведского наступления. Документ № 1 не слишком информативен, он лишь подтверждает известные из других источников сведения о марше шведов и Мазепы к Батурину и появление при гетмане «почетного караула» из войск Карла XII. В противоположность ему, материалы допроса сотника Прилуцкого полка Корнея Савина содержат детальную летопись действий Мазепы после побега из Батурина. Этот замечательный источник, единственный из публикуемых, уже привлекал внимание историков и частично был введен в научный оборот. Еще Н. Г. Устрялов планировал издать его в приложении к пятому тому своей «Истории царствования Петра Великого», но текст так и остался в рукописной копии³. На основе нее небольшая цитата из показаний Савина была сделана в известном труде Е. В. Тарле⁴. К данному тексту на основе архивного оригинала обращался и В. Е. Шутой, приведя из него два небольших фрагмента⁵. Однако текст своим подробным описанием мытарств беглого гетмана в первые недели после побега несомненно заслуживает полной публикации и более широкого введения в научный оборот. Документ № 3 помимо сообщаемой фактической информации дает в распоряжение исследователя также любопытный материал социального характера. В частности, гадячский казак Стефан Романчук сообщил, что уже давно не служит в войске, а нанимает вместо себя челядника, что является важным свидетельством кризиса системы

3 Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 5: Баталлия при Полтаве (рукопись, 1873). Приложение II. № 133 // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1442. Л. 7 об.—8 об. (по авторской пагинации: л. 427 об.—428 об.). Окончание документа (после слова «поклонитца») в рукописи отсутствует. Приношу благодарность П. А. Авакову за предоставленную информацию.

4 Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию // Тарле Е. В. Сочинения в двенадцати томах. Т. 10. М., 1959. С. 599.

5 Шутой В. Е. Измена Мазепы // Исторические записки. Т. 31 / отв. ред. Б. Д. Греков. М., 1950. С. 175, 182. См. также: Шутой В. Е. Борьба народных масс... С. 287, 294.

казачьего ополчения Малой России⁶. Документ № 4 содержит примеры бегства казаков из ушедшего с Мазепой наемного полка Якова Покотило. Более того, сердюк Максим, фамилии которого источник из-за повреждений не сохранил, сбежал из оставленного гетманом Мазепой гарнизона в Батуристине в момент, когда к нему подошли русские войска. Это характеризует моральное состояние защитников гетманской столицы не самым лучшим образом.

В комментариях разъяснены отдельные имена и топонимы, идентификация которых может вызвать у исследователей затруднения и значение которых публикатору удалось прояснить. Публикация осуществлена в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (М., 1990).

№ 1

1708 г. ноября 6. Допрос Ю. Тербу, Д. Фрибера, И. Букара, Л. Езерского

(Л. 1) 1708 ноября 6 дня взятые от нашего волоцкого подъезду 3 человека шведов да полской хлопец роспрашиваны.

1 сказал: зовут ево Юнас Тербу, родом латыш вески Нерки, которая от Стеколя^а в 20 милях. Служил в полку генерала маёра Руса^б за салдата и был для хворости при обозе, и на дороге государевы люди отсюды милях в 3-х взяли. А вчерашняго дня корол швецкой и все войско, конница и пехота, такж сего числа обозы швецкие чрез Дисну перешли, и слышал (л. 1 об.) он, что корол швецкой и гетман Мазепа со всем войском идут к Батуристину, а что при них всего войска, конницы и пехоты, того не ведает.

2 сказал: зовут ево Даниил Фрибер, родом латыш Вермянской земли, веска Гарнес, того ж полку⁷ салдат и за хворостью был при обозе, и на дороге отсюд[ы] милях в 3 государевы люди ево взяли, и сказал те ж речи.

3 сказал: зовут ево Индрик Букара (л. 2), родом латыш вески Бирнбори, служил он в полку полковника Врангеля за салдата и за болезнью был при обозе и на дороге взят и сказал теж речи.

4 сказал: зовут ево Людвик Езерский⁸, служил он швецко-го войска при порутчике Гаствере драгунского полку генерала

6 См. об этом подробнее: *Дядиченко В. А.* Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII – початку XVIII ст. Київ, 1959. С. 413–423.

7 Во втором списке: «пехотного полку» (л. 3 об.).

8 Во втором списке далее добавляется: «родом поляк» (3 об.).

Мадерфелта^{9с} за хлопца¹⁰, и сего ноября 6 дня как перебрались чрез Десну и он, увидя волохов с стороны царского величества, и хотел итти до них для того, что в швецком войске правянтном скудно, (л. 2 об.) и как пошел, и на дороге оные волоша ево взяли. А что при короле войска такж и при гетмане Мазепе, того не ведает, а про короля и про гетмана слышал он, что правятца к Батурину. И при гетмане приставлены швецкие афицеры и волохи, и ездит за караулом¹¹.

НИИ СПБНИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2629. Л. 1–2 об. Подлинник. В деле есть еще один список допросных речей, отличающийся от первого незначительными деталями, наиболее важные из которых указаны в примечаниях. См.: Там же. Л. 3–4.

№ 2

1708 г. ноября 19. Допрос К. Савина

(Л. 1) 1708 ноября 19 дня присланной от господина подполковника Кронсфелта села Красного Коледина^д казацкой сотник роспрашиван.

А в роспросе сказал: зовут ево Карней Савин, Прилуцкого конного полку сотник, назад тому недель с 5 Мазепа был в Барзне, и при нем ево полки, Дубенской¹², Миргородцкой, Прилуцкой и кумпанщиков 3, и стрелецкой полк, да сердюков 1000 человек, и тех полков полковники и сотники. И он в то число был же в Барзне. Постояв, он, Мазепа, 4 дни, и пошел оттул до Батурина. И пришед в Батурин, побыв до полудни, оставя в Батурине сердюков полк да Лубенского, Миргородцкого, Прилуцкого полков¹³ несколько человек, сказал им, ежели придут государевы люди, и им чтоб не здаватца. И того ж дня из Батурина пошел за Десну с 3 полки кумпанщики, и их Прилуцкого полку сотников 9 человек, а у каждого сотника по 9 человек казаков и других полков сотники и казаки были ж, (л. 1 об.) а сколько человек, не ведает. И как он, Мазепа, пошел из Батурина и им сказал, что корол швецкой с войском своим идет к Десне и чтоб ево чрез Десну не перепустити. И как они с ним, Мазепою, на судах Десну перебрались под Оболонею^е, и стрелецкой полк и многие казаки, не перебравшись Десны, отъехали

9 В рукописи «Мадерфелт».

10 Во втором списке «за челядника» (л. 3 об.).

11 Во втором списке: «А оной гетман ездит за караулом, приставлены при нем швецкие афицеры и поляки» (л. 4).

12 Так в рукописи, должно быть «Лубенской».

13 Слово вписано над строкой.

прочь. А он, Мазепа, приехал до села Дехтерева^f, до своего Мазепина двора, которой от Дехтеревки в версте. А в то число корол швецкой стоял в оном дворе. А кумпанщиков и их с казаками заставил в Дехтеревке. И на другой день все были у короля. И ему поклонились, и обедали Мазепа с королем, а они, полковники и сотники, в другой хоромине, и потом всегда с ним Мазепою при нем, короле, были ж. И как корол и Мазепа пришли к Батуруну и стали над Сеймом, и начевали по разным хатам, и Мазепа, видя, что Батурин разорен, зело плакал. И на другой ден перешли с королем в Батурин и обедали. И потом их, сотников, рпустили по дамам своим и приказал Мазепа, чтоб (л. 2) они со всем борошнем в готовности к походу к Москве были по празнике Рожестве Христове, и назад тому 4 ден Мазепа начевал в Красном^g и при нем ево кумпанщики и он, сотник, у него был. И он, Мазепа, полковником своим и сотником говорил, что не бойтесь, и ежели придут люди его царского величества, и кого в домех застанут, и велел поклонитца. А корол в то число стоял в Галинке^h и слышал, что уже пошел до Рамна, и третеводнишного дня и Мазепа пошел до Рамна ж. И по отъезде Мазепа не того ж дни лубенские сотники 4 человека с казаками своими в Красное привели 4 человек драгун Киевского полку с писмами, и сказали, что оных драгун взяли они в селе Галцеⁱ от Красного в 2 милях и повезли до Рамна. Да слышал он, что которые люди есть в Гадиче, и до оных посыланы были от Мазепа кумпанщики, и в город оных куманщиков не пустили и сказали (л. 2 об.), что де вы будите рабовать. И ежели придут до них хто наперед, гетман Скурапацкий^j или Мазепа и их пустить хотели. Для того Мазепа до Гадича и поехал. А сей noci в селех Дмитровке^k и Рябухе^l начевала швецкая пехота, а что полков, не ведает. И сего дня рано рушились и пошли до Рамна. А от Самбура^m до Дмитровки и Рябухи по миле и до Красного миля ж, а до Рамна 5 миль.

НИА СПБНИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2696. Л. 1–2. Подлинник.

№ 3

1708 г. ноября 19. Допрос С.И. Романчука

(Л. 1) 1708 ноября 19 дня присланной казак от капитана Изгокова допрашиван.

Сказал, зовут ево Стефан Игнатов Романчук, жител он места Смелова, служит в полку Лубенском полковника Зеленскогоⁿ. А ныне называют, что тот полковник заперса в Рамне, а он при войску не служит, а наймует вместо себя челядника, толко брат ево служил в войску. И не ходя за Десну, из Батурина ушел до дому своего, а московския

люди стоят в Смелом в городе, а шведы стоят на другой стороне речки Кишкинь¹⁴, которая под самым местом, а много л шведов, того не знает. И сего дня была у шведов с московскими людьми битва, и хто кого (л. 1 об.) побил, того не знает, толко видел одного драгуна порублена и двух их казаков смелских жителей шведы убили. Так ж слышал, выбран у них другой полковник новой Савенко^о лубенским и по указу государеву, сказывают, послан до Сечи.

НИИ СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2698. Л. 1–1 об. Подлинник.

№ 4

[1709 г., после 25 ноября^р.]

Допрос А. Семененко, И. Кутенко и Максима

(Л. 1) [...] ¹⁵ Ингермоландской полк [...] ¹⁶ [при]водные сердюки Покутиленкова^а [полку] [...] ¹⁷ [че]ловека расспрашиваны, а в роспросе [сказали].

Артемей Семененко, а [служи]л де он в Покутиленкове полку года [...] ¹⁸ и с месяц тому назад, а в котором числе, про то он подлинно сказать не упомнит, был он в том полку с Мазепою в Борзне три дни. И из Борзны приехав в Батурин, начевали, а переначев[ав], по утру рано он, Мазепа, пошел наскоро п[од] Оболюнь и перебрался Десну, во весь д[ень] ехали с великим поспешением. А с н[им], Мазепою, в то время были полковники прилуцкой, миргороцкой, любенской с пол[ками], да три полка компанейских, в том числе [...] ¹⁹ Покутиленков полк. И того ж де дня [...] при]ехали они к шведу в полночь, в село [Орловка]^г, которая от Батурина будет ми[ль в ...] ²⁰, а в то время в том селе Орловке ц[...] ²¹ (л. 1 об.) е[...] ²² [...]ли [...] ²³ они[...] ²⁴

14 Так в рукописи. Должно быть Бишкинь, речка возле Смелого (ныне в Сумской обл.).

15 Текст с начала строки (три-четыре слова) не сохранился.

16 Пропуск в два-три слова.

17 Пропуск в одно слово (здесь должно быть число захваченных сердюков).

18 Пропуск примерно в одно слово (здесь должно быть указано количество лет).

19 Пропуск примерно в одно слово.

20 Пропуск примерно в одно слово (здесь должно быть числительное, указывающее количество миль).

21 Пропуск примерно в одно-два слова.

22 Далее утрачен текст всей строки (примерно четыре-пять слов).

23 Далее пропуск в три-четыре слова.

24 Пропуск примерно в два-три слова.

тах[...]²⁵ а с ними ходил [...] ²⁶мно[г...] [...] ²⁷и по деревням для до[вол]-ства [...] ²⁸и в фураже, а в которы[х] мес[тах] [...] ²⁹, про то сказать не у[помнит]. И в н[ынешн]ых д[е] числех пришли они с Мазепо[ю] в Гад[яч и] в то время были с ним, Мазепо[ю], и шв[едов] тысячи з две, да с ним же, Мазепою, п[о]мянутых полков и компанейцов, которы[х] [...] ³⁰за подлинно числяет, толко з две тысячи человек, и многие де из них бегут непрестанно, и тому де ныне пятой день сам третей с сердюками своего полку из Гадича ушед, пришли в Веприк и жили три дни у своих родственников, и прослышав де про него вепринской сотник^s, что при швецком войске был, взял за караул, а как они с ним, Мазепою, к шведом пошли, про то никто не знали, по то время, как всех их кругом обошли и никуда ни для каких нужд без их караулу отойти было не мочно. А уйти им, хотя которые и хотели, тако ж было не мочно для того, что завсегда они и в походе были в среди войска швецкого (л. 2) [...]х [...] ³¹ [...]в и конской корм [...]вили и м[...] ³²они шведы идут [...] ³³и где намерены зимовать, про т[о он не знает] и не от кого не слышал, а при гетм[ане] [...] ³⁴[пол]-ков и компанейцов толко около дву [тысяч] и ис тех многие бегут.

И Иван Кутенко сказал, родиною он Черкас[...], жил в деревне Загруне, которая от Лебедина с полмили, в казаках, и тому з два года, как он взят был з другими казаками того полку в Польшу с Мазепою, и был он при войску з год, а ис походу пришед, жил в доме своем без[о]т[лу]чно, и с месец де тому назад, а в которм ч[исле], того подлинно сказать не упомнит, и[з] д[ому] своего ездил он в Борзну к дяде своему, [который] там живет, для свидания, а в тож в[ремя] при ево туда приезде приезжал Маз[епа с тре]мя полками компанейцов и их полку [...] ³⁵ (л. 2 об.) п[...] ³⁶ [...]вилеко[...]

25 Пропуск примерно в три-четыре слова.

26 Пропуск примерно в одно слово.

27 Пропуск примерно в одно-два слова.

28 Пропуск примерно в одно-два слова.

29 Пропуск примерно в одно слово.

30 Пропуск примерно в одно-два слова.

31 Пропуск примерно в два-три слова.

32 Пропуск примерно в два-три слова.

33 Пропуск примерно в два-три слова.

34 Пропуск примерно в одно слово.

35 Попуск примерно в одно слово.

36 Пропуск примерно в два-три слова.

[...]³⁷ в пол[...]³⁸ [...]том месте [...] три[...]³⁹ с того места Борзны [...] ⁴¹ пошел [до Батур]ина, а из Батурина до села О[рловка] обмачи[...] [...] ⁴² от Батурина миля и он в [том] селе [за] болезнью остался и мешкал [...] ⁴³, а как в[ыздо]ровел, пошел он до своего дому, и во 2 [день] сего месяца как шел он чрез Гадич в полдни, и в то де время в Гадиче был Мазепа с тремя полками швецкими да с тремя полками, которые с ним к шведу пошли, а имянно с Прилуцким, с Миргороцким, с Лубенским, да в то ж де время слышал он от тутошних жителей, что миргороцкой полковник с челядью своею отъехал в Сорочинец без ведома гетманского, и как в вечеру помянутого ж дня из Гадича он вышел, и отшел с милю, пришел в Веприк, и жил в том месте у бабушки своей. А нынешняго де 25 дня ноября взял ево помянутой вепринский сотник, а для чего, про то он не знает. А в швецком де войску он никогда не был и ничего о намерении неприятелском не знает.

(Л. 3) [...] ⁴⁴ [М]аксим [...] ⁴⁵ государевы люди [п]ришли до Ба[турина] [...]о в то время был он в замку [...] ⁴⁶ [...]дь из замку ушел и пришед в Вепри[к] [...]м своем, а для чего ево вепринско[й] сотник] взял за караул, про то он не веда[ет] [...] ⁴⁷ [при] швецком войску он не был и ничего [п]ро швецкое намерение не знает, также и во время батуринского штюргу¹ в замку он не был.

НИИ СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2732. Л. 1–3. Подлинник. Верхние и боковые края листов сильно повреждены, имеются значительные утраты текста.

37 Пропуск примерно в два-три слова.

38 Пропуск примерно в два-три слова.

39 Пропуск примерно в два-три слова.

40 Пропуск примерно в два-три слова.

41 Пропуск примерно в одно слово.

42 Пропуск примерно в одно слово.

43 Пропуск примерно в одно слово.

44 Пропуск примерно в одно-два слова.

45 Пропуск примерно в одно-два слова.

46 Пропуск примерно в одно слово.

47 Пропуск примерно в одно слово.

Комментарии

- a Речь идет о Стокгольме.
- b Карл Густав Руус, генерал-майор шведской армии.
- c Арвид Аксель Мардефельт, генерал шведской армии.
- d Ныне село Красный Колядин Прилуцкого района Черниговской обл. (Украина).
- e Ныне село в Новгород-Северском районе Черниговской обл. (Украина).
- f Ныне село Дегтяровка Новгород-Северского района Черниговской обл. (Украина). В 2008 г. там установлен памятник в честь встречи И. С. Мазепы и Карла XII.
- g Ныне село Бахмачского района Черниговской обл. (Украина).
- h Ныне село Голенка Бахмачского района Черниговской обл. (Украина).
- i По-видимому, ныне село Галка в Роменском районе Сумской обл. (Украина).
- j Стародубский полковник И. И. Скоропадский сохранил верность русскому правительству и был избран гетманом 6 ноября 1708 г.
- k Ныне село в Нежинском районе Черниговской обл. (Украина).
- l Ныне село Рябухи в Прилуцком районе Черниговской обл. (Украина).
- m Видимо, современное село Малый Самбор или село Великий Самбор. Оба – в Конотопском районе Сумской обл. (Украина).
- n Дмитрий Зеленский, лубенский полковник в 1701–1708 гг., сторонник И. С. Мазепы, сдался в русский плен после Полтавской битвы.
- o По-видимому, Василий Савич, лубенский наказной полковник после измены Д. Зеленского. Стал полковником с ноября 1709 г.
- p Датировано по содержанию документа.
- q Яков Покотило, полковник сердюцкого (пехотного) наемного полка в 1699–1709 гг. Сдался в русский плен после Полтавской битвы 1709 г., сослан в Архангельск.
- r Ныне село Новгород-Северского района Черниговской обл. (Украина).
- s Сотником Веприка был Федор Иванович Масюк. Попал в плен после взятия города шведами в 7 января 1709 г. В конце января освобожден и вскоре восстановлен в должности.
- t Штурм Батурина войсками А. Д. Меншикова произошел 2 ноября 1708 г.

Источники и литература

Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН.
Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

Дядиченко В. А. Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII – початку XVIII ст. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1959. 532 с.

Костомаров Н. И. Мазепа // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Т. 16. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1885. С. 1–591.

Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию // Тарле Е. В. Сочинения в двенадцати томах. Т. 10. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. С. 363–876.

Шутой В. Е. Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. 448 с.

Шутой В. Е. Измена Мазепы // Исторические записки. Т. 31 / отв. ред. Б. Д. Греков. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 154–190.

References

Diadychenko, V. A. *Narysy suspil'no-politychnoho ustroiu Livoberezhnoi Ukraïny kintsia XVII – pochatku XVIII st.* Kyïv: Vydavnytstvo Akademii nauk Ukraïns'koï RSR, 1959, 532 p.

Kostomarov, N. I. “Mazepa.” *Kostomarov, N. I. Istoricheskie monografii i issledovaniia*, vol. 16. St Petersburg: Tipografia M. M. Stasiulevicha, 1885, pp. 1–591.

Shutoi, V. E. *Bor'ba narodnykh mass protiv nashestviia armii Karla XII.* Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1958, 448 p.

Shutoi, V. E. “Izmena Mazepy.” *Istoricheskie zapiski*, vol. 31, ed. by B. D. Grekov. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950, pp. 154–190.

Tarle, E. V. “Severnaia voina i shvedskoe nashestvie na Rossiïu.” *Tarle, E. V. Sochineniia v dvenadsati tomakh*, vol. 10. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959, pp. 363–876.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.19

K. A. Kochegarov

**On the hetman Ivan Mazepa's escape to Swedish camp:
some new documents of the Field Chancery of Alexander Menshikov**

Kirill A. Kochegarov

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9877-7381

Citation

Kochegarov K. A. On the hetman Ivan Mazepa's escape to Swedish camp: some new documents of the Field Chancery of Alexander Menshikov // *Slavic Almanac*. 2024. No. 1–2. P. 345–356 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.19

Received: 21.10.2023.

Abstract

The escape of hetman Ivan Mazepa to the Swedish camp was totally unexpected for the Russian government and thus changed radically the political situation in Ukraine, which was, in Autumn of 1708 – the first half of 1709, the site of one of the most important stages of the Russian-Swedish struggle during the Great Northern War 1700–1721. The Russian authorities did their best to stabilize the situation, and Mazepa tried to win support of the Ukrainian Cossacks by any means possible. The first weeks of the hetman's stay in the Swedish camp have always been the focus of attention for scholars who study this decisive point in Russian-Ukrainian relationships in the Early Modern period. Testimonies of prisoners of war and deserters play an important role in the reconstruction of those events. This publication presents four such documents, extracted from the archives of the field chancery of Alexander Menshikov. There are testimonies of prisoners of war from the Swedish army, but the most important ones are protocols of interrogation of Cossack-deserters from the camp of Ivan Mazepa, including mercenaries from the infantry regiment of the colonel Jakov Pokotilo and Stefan Romanchuk, the Cossack of Gadiach regiment. The most detailed description of Mazepa's steps and actions during first weeks after his treason was made by Kornej Savin, the sotnik of Priluky regiment. All documents are published for the first time.

Keywords

Ivan Mazepa, Alexander Menshikov, Russian-Ukrainian relationships, the Great Northern War 1700–1721.

**Из истории карпаторусинского русофильства:
письма Юлия Ставровского
Адольфу Добрянскому (1879 г.)**

Дронов Михаил Юрьевич
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Цитирование

Дронов М. Ю. Из истории карпаторусинского русофильства: письма Юлия Ставровского Адольфу Добрянскому (1879 г.) // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 357–372. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.20

Публикация поступила в редакцию 20.02.2023.

Аннотация

Как известно, в карпаторусинской среде не прекращаются дискуссии о собственной идентичности и литературном языке – в первую очередь между русинофилами и украинофилами. При этом вплоть до начала XX столетия среди карпаторусинов практически отсутствовали сторонники украинской национальной идеи. Заметную роль играли русофилы. Влиятельный политик Адольф Добрянский (1817–1901) и грекокатолический священник, талантливый литератор Юлий Ставровский (1850–1899) принадлежат к пантеону карпаторусинских «будителей» (просветителей) XIX столетия, которые считали всех русинов Габсбургской монархии частью единого русского (общевосточнославянского, а не великорусского или «русько-українського») народа. Публикуемые письма, хранящиеся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва), относятся к 1879 г., когда решался вопрос о назначении Ставровского настоятелем храма в селе Чертеж – имени Добрянского.

Ключевые слова

Карпаторусины, русофильство, Адольф Добрянский, Юлий Ставровский, Чертеж, НИОР РГБ.

Самобытность языка, духовной и материальной культуры карпатских русинов, сочетающая архаику древнерусского происхождения с многочисленными заимствованиями у различных соседей, обусловила две разнонаправленные тенденции их развития и, как следствие, самопрезентации, а именно: тенденцию отождествления себя с не имевшим четких очертаний огромным восточнославянским этническим массивом по другую сторону Карпат, и тенденцию подчеркивания своих локальных отличий, не имеющих аналогов вне Карпатского региона. Хотя в наши дни в карпаторусинской среде не прекращаются дискуссии о собственной идентичности и литературном языке, в первую очередь между русинофилами и украинофилами, до Первой мировой войны среди русинов Венгерского королевства полностью отсутствовали носители украинской идентичности. Вместе с этим длительное время присутствовали сторонники принадлежности русинов к единому русскому (не великорусскому, а общевосточнославянскому) народу. Несомненно, этому способствовало и то, что в карпаторусинской среде однозначно доминировали этнонимы с корнем *-рус* (*руснак*, *русняк*, *русин* и др.), который этноконфессионально связывал русинов со всем восточным славянством, и в том числе – с населением России.

Включение большинства южнокарпатских русинских территорий в состав нового славянского государства, Чехословацкой республики (основной части в виде отдельной единицы – Подкарпатской Руси, и меньшей части – в составе Словакии), способствовало укреплению национального самосознания русинов в славянском духе, что было крайне важно после длительной мадьяризации. Вместе с этим определенный плюрализм первой ЧСР сделал возможной поливариантность национально-культурной жизни русинского населения. В значительной степени под влиянием эмигрантов-украинцев из соседней Восточной Галиции и бывшей Российской империи, поддерживаемых чешской администрацией, в Подкарпатской Руси постепенно начала укореняться украинская национально-языковая ориентация. Важную роль в популяризации украинской идеи в Карпатском регионе сыграла официальная позиция коммунистической партии, рассматривавшей начиная с середины 1920-х гг. всех русинов вне зависимости от конкретных форм их идентичности в качестве украинцев и навязывавшей распространение украинского языка.

После уступки в 1945 г. Чехословакией Советскому Союзу Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси) национально-культурная жизнь в только что созданной Закарпатской области УССР

продолжилась в исключительно украинских формах. Несмотря на параллельное укрепление позиций русского языка как языка межнационального общения, общерусская идентичность значительной части местного населения практически оказалась под запретом. В русинских округах, оставшихся в Чехословакии (в Словакии), с переходом власти в Чехословакии к компартии в феврале 1948 г. также началась административная украинизация местных русинов.

Таким образом, в течение первой половины XX столетия в идентификации автохтонного восточнославянского населения Карпатского региона произошли кардинальные изменения инструментального происхождения. Конъюнктурные интересы чешских политиков, приток в ЧСР украинских эмигрантов вкупе с последовательной поддержкой украинской национально-языковой ориентации международным коммунистическим движением способствовали развитию не укорененного в регионе украинофильства. Административные машины Советского Союза, а затем Чехословакии, несмотря на сильную региональную специфику и на имевшие место протесты, осуществили полномасштабную административную украинизацию карпатских русинов.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. о себе вновь громко заявили русинофилы – сторонники самостоятельного, четвертого восточнославянского народа (после русских, украинцев и белорусов), составившие конкуренцию украинофилам, наследие же карпаторусинского русофильства осталось почти не у дел. Вместе с этим данный мощный пласт истории и культуры карпатских русинов, несомненно, нуждается в углубленном научном изучении. В настоящей публикации мы коснемся двух видных русофильских фигур – Адольфа Добрянского и Юлия Ставровского.

* * *

Адольф Иванович Добрянский (1817–1901) и о. Юлий Иванович Ставровский (1850–1899) вместе принадлежат к пантеону «будителей» (просветителей) карпаторусинов XIX столетия, которые были адептами этнонационального русофильства, считая себя представителями единого русского народа. При этом А. Добрянский безоговорочно считается ведущим карпаторус(ин)ским политическим деятелем, уступая по своему значению разве что литератору, автору стихотворения-кредо «Я Русинъ былъ, есмь и буду...» («Вручаніе») о. Александру Васильевичу Духновичу (1803–1865). На их фоне Ю. Ставровский, несомненно, – фигура несколько меньшего масштаба, однако все равно значимая.

А. Добрянский, сын униатского священника, потомок старинного дворянского рода, получил серьезное разностороннее образование (философия, право, горное дело). Хорошо владел многими языками, в том числе немецким, венгерским, английским, французским, итальянским и греческим, не говоря о русинской и словацкой разговорной речи и русском литературном языке. В 1849 г. Добрянский был назначен гражданским комиссаром при армии Паскевича, пришедшей в Австрийскую империю для подавления Венгерского восстания (революции). Как политик неоднократно избирался в парламент. Добрянский последовательно выступал за объединение земель Габсбургской монархии, населенных русинами, в единое административно-политическое целое, что, однако, не приветствовалось Веней. На культурном фронте Добрянский стоял у истоков русинского Общества св. Василия Великого и Матицы словацкой – общенациональной организации словаков, существующей до настоящего времени. В 1882 г. в рамках судебного процесса против него и еще ряда лиц, проходившего во Львове, обвинявшийся в государственной измене Добрянский был оправдан. Кроме политической публицистики перу Добрянского принадлежит ряд исторических и религиоведческих публикаций¹.

Юлий Ставровский, потомственный грекокатолический священнослужитель, во время учебы в Пеште сблизился с российским священником и дипломатом о. Константином Кустодиевым (1838–1875), который способствовал его знакомству с русской литературой. Многие произведения Ставровского подписаны псевдонимом Попрадов. Прежде всего Ставровский известен своей поэзией. Также он оставил ряд этнографических очерков и фольклорных записей².

1 См. об А. Добрянском: *Будилович А. С.* Об основных воззрениях А. И. Добрянского. СПб., 1901; *Аристов Ф. Ф.* Карпато-русские писатели. Исследование по неизданным источникам. В 3-х тт. 2-е доп. изд. М., 1916. Т. I. С. 145–233; *Федоръ П.* Краткій очеркъ деятельности А. И. Добрянскаго: Лекція, читанная 19 марта 1926 года. Ужгородъ, 1926; *Добош С.* Адольф Иванович Добрянский. Очерки жизни и деятельности. Братислава; Пряшев, 1956.

2 См. о Ю. Ставровском: *Бескидь Н. А.* Юлій І. Ставровській Попрадов / приложєніє к «Карпатскому свѣту». Ужгородъ, 1929; *Добош С.* Юлий Иванович Ставровский-Попрадов. Братіслава; Пряшів, 1975; *Рудловчак О.* Ю. Ставровський-Попрадов. Життя, творчість, твори. Переклади і переспіви поезій Ю. Шкробинця та В. Фединишинця. Пряшів, 1984 (Науково-популярна бібліотека ЦК КСУТ, № 17).

Показательно, что русскоязычное творчество Ю. Ставровского достаточно высоко оценил такой строгий критик, как писатель Владимир Набоков (1899–1977). В рецензии на издание «Поэзія Попрадова», подготовленное о. Николаем Бескидом (1883–1947), Набоков писал на страницах известной эмигрантской газеты «Руль»: «Книга издана бедно, но с большой любовью, и в самом ее появлении есть что-то глубоко трогательное, как и вообще трогателен этот образ карпатского поэта, пронзительно чувствующего свое родство с Россией и стремящегося в продолжение всей жизни это родство утвердить, выразить, защитить его от вражеских веяний, противных “русскости” его края. И в некотором смысле судьба поэта Попрадова трагична. Язык его края, язык, на котором он писал, является как бы своеобразной излучиной русской речи. Русский слух не может им насладиться, нас смущают странные обороты и ударения, недостаточно резкая тонировка стиха, неожиданные архаизмы, диковинные эпитеты. Но часто, благодаря своему таланту, Попрадому удается достигнуть русской звучности, и чтобы вполне оценить это, надо поставить себя на место карпатского читателя. С такой точки зрения – и в данном случае это самая правильная точка, – иной стих Попрадова и вправду – поэтическое чудо. Почти державинским громом звучат некоторые его строфы: “На небе безмрачномъ струятся богато лучи светозарны, и весь небосклонъ распылался алмазомъ, оделся во злато, блистаетъ красами монаршихъ коронъ. Вдали раздается и гуль водопада, шипенье, пруженье вспенившихся водъ, купаются тамо проворны наяды, играя в пучине шальной хороводъ. И ель вѣковечна, и букъ закаленный, и клень благородный, и толпы грабинь, качая главами, стоятъ изумленны и внемлютъ живому плесканью богинь”»³.

* * *

Чертеж (Чертижное, Чертежное) – старинный населенный пункт Земплинского комитата (ныне – в Медзилаборецком округе Прешовского края Словацкой Республики), возник не позже середины XVI в. До Добрянских село принадлежало семьям Другетов, Чаки, Сирмай. Сам А. Добрянский проживал здесь с перерывами в 1868–1881 гг.⁴ О порядках, царивших в Чертеже, оставил воспоминания русский художник и историк искусства Игорь Грабарь (1871–1960) – внук

³ Набоков В. Собрание сочинений русского периода. В 5 тт. СПб., 1999. Т. 2. С. 661–662.

⁴ Краєзнавчий словник русинів-українців. Пряшівщина / головний редактор Ф. Ковач. Пряшів, 1999. С. 489–490.

Добрянского (сын его дочери Ольги Адольфовны (1843–1930))⁵: «Дед заводил у себя в имении, где я рос и воспитывался в детские годы, всяческие русские навыки и обычаи, вывезенные из Москвы и подмосковных имений. Он носил русскую бороду и презирал австрийские бакенбарды. Все – от манеры говорить и обращения с дворней до халатов и курительных трубок включительно – было подражанием русскому помещичьему быту»⁶. Как утверждал другой внук русинского политика, лингвист Георгий Геровский (1886–1959) (сын Алексии Адольфовны), А. Добрянский «в своих произведениях, написанных на русском языке, в разговоре даже с селянами в своем имении Чертежном в Межилаборецком районе [...] использовал только литературный язык»⁷. Добрянский лично исправлял своим внукам русинский говор, считавшийся им простонародной русской речью, настаивая на овладении детьми русским литературным языком⁸.

В Чертеже часто гостили российские друзья и знакомые А. Добрянского, которые способствовали лучшему усвоению местными карпаторусинами русской лексики – во многом изначально им понятной, но все-таки требовавшей определенных усилий для овладения ею. Оппонент русинов-русофилов львовский этнограф-украинофил Владимир Гнатюк (1871–1926), комментируя язык Ю. Ставровского, был вынужден констатировать, «как далеко подвинулись в знании языка люди, встречающиеся нераз с настоящими русскими, которые или приезжали часто к А. Добрянскому, или даже принадлежали к его семье (напр[имер] проф. А. Будилович)»⁹. Несомненно, что в течение

5 См. о потомках А. Добрянского: *Клопова М. Э. Портрет семьи на фоне эпохи (А. И. Добрянский, Грабари, Геровские) // Восточнославянские исследования. Вып. 1. М.; СПб., 2022. С. 85–100.*

6 *Грабарь И. Э. Моя жизнь: Автобиография. Этюды о художниках / сост., вступит. ст. и коммент. В. М. Володарского. М., 2001. С. 17.*

7 *Геровский Г. Язык Подкарпатской Руси / пер. с чешского. М., 1995. С. 68.*

8 См.: *Грабарь И. Э. Моя жизнь... С. 16.*

9 *Дзєндзелівський Й. О. Ю. Ставровський (Попрадов) як дослідник говорів та етнографії Пряшівщини // Studia Slavica. Budapest, 1971. T. XVII. Fasc. 1–2. С. 53.* Следует отметить, что один из зятьев А. Добрянского, известный славист Антон Семенович Будилович (1846–1908), хотя и обладал ярко выраженным русским национальным самосознанием, будучи сыном православного священника из Гродненской губернии, в системе координат В. Гнатюка должен был бы фигурировать как белорус. Будилович подобно Добрянскому решительно разделял концепцию восточнославянского национально-языкового единства.

своего двадцатилетнего служения в Чертеже Ставровский еще более преуспел во владении русским литературным языком.

Публикуемые ниже письма, касающиеся истории замещения Ю. Ставровским прихода в селе Чертеж, сохранившиеся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве (фонд 40 – Архив А. С. и Б. А. Будиловичей и А. И. Добрянского), являются отчетливым свидетельством былых потенциалов общерусской национально-языковой ориентации у карпаторусинов.

Письма публикуются в оригинальном виде, т. е. с сохранением традиционного этимологического правописания, являвшегося визитной карточкой консервативных русинов-русофилов и теоретически предусматривавшего поливариантное прочтение одного и того же текста великорусами и карпаторус(ин)ами.

№ 1

Ваше Высокородіе, Милостивѣйшій Государь мой!

Съ большимъ сожалѣніемъ узналъ я отъ Михаила Михайловича Бескида, здѣшняго соборного пѣвца, что дражайшій отецъ его и любимый мною старикъ О. Михайль, чертижскій приходникъ¹⁰, заключилъ свою трудолюбивую жизнь и преставился вѣчность, и что такимъ образомъ мѣсто приходскаго священника въ Чертижномъ упразднилось. Хотя я никогда не имѣлъ въ умѣ, искать приходскаго помѣщенія на Лаборцѣ¹¹, ибо меня всегда болѣе тягло на стороны Попрада¹² или Торисы¹³, гдѣ я родился и выросъ: однакожь на прошеніе мое-

10 Михаил Демьянович Бескид (1796–1879) – грекокатолический священник в Чертеже в 1830–1879 гг., публицист, этнограф, сторонник русофильской национально-языковой ориентации. См. о нем: *Бескид Г.* Этнограф, публіциста, сполупрацовник А. Духновича і А. Добрянського (Михал Бескид, ст., 20.5.1796–1879) // Николай Бескид як субект і обект історіографії (Вибір із творчости і оцініня діятельства русиньского історіка) / Г. Бескид (зост.). Пряшів, 2009. С. 160–161.

11 Здесь: река в границах современных Прешовского и Кошицкого краев Словацкой Республики.

12 Здесь: река в границах современных Прешовского края Словакии и Малопольского воеводства Польши. Именно от названия данной реки и образован псевдоним Ю. Ставровского.

13 Река в границах современных Прешовского и Кошицкого краев Словацкой Республики.

го друга, помянутаго Михаила Михайловича, и съ позволенія Преосвященнаго Архіерея¹⁴, убѣдившагося о томъ, что я какъ человѣкъ женатый не могу остаться постоянно въ Пряшевѣ и именно въ епархіальной Канцелларіи, – то я наконецъ рѣшилъ оставить Пряшевъ и епархіальное чиновство и хлопотать за упраздненнымъ приходомъ чертижскимъ, тѣмъ паче, ибо знаю, что тамъ, въ непосредственной близости и подъ благотворнымъ вліяніемъ Вашего Высокородія, я найду того душевнаго удовольствія, въ Которомъ я здѣсь въ городѣ постоянно нуждался и Котораго только въ русской деревнѣ найти можно. По той причинѣ, и на основаніи той для меня незабвенной благосклонности, Которую Вы мне незаслуженному милостиво оказать изволили уже при упраздненіи прихода Дричнянскаго¹⁵, я осмѣливаюсь подойти къ Вашему Высокородію съ тѣмъ смиреннѣйшимъ прошеніемъ: чтобы Вы при заполненіи упраздненнаго прихода чертижскаго во свое время на мое лице милостиво взглянуть, и если Вамъ будетъ угодно, это приходское помѣщеніе мнѣ подарить благоизволили. Правда, что я будучи четырехъ-лѣтнимъ молодымъ священникомъ, не могъ себѣ приобрѣсти никакихъ особливыхъ заслугъ, но я дерзаю подпирать свое прошеніе тѣмъ, что я уже четыре лѣтъ тому назадъ живу съ моимъ семействомъ здѣсь въ городѣ изъ небольшого жалованія, и хотя мнѣ уже и больше разъ вручался удобный случай, пойти на приходъ, я предпочиталъ удовлетворить желанію Преосв. Архіерея и остаться здѣсь даже до сихъ поръ и въ буквальномъ смыслѣ слова жертвовать-ся дѣламъ епархіи, и что теперь Преосв. Архіерей рѣшилъ, взять себѣ въ Канцелларію человѣка безъ жены, именно же вдоваго священника Алексѣя Товта¹⁶, и приобѣщаль мнѣ такожде, что онъ предложитъ меня Вашему Высокородію какъ патрону чертижскаго прихода.

Изь-за тѣхъ причинъ я смиренно прошу Ваше Высокородіе, благоизвольте мое прошеніе удостоить Вашего высокаго вниманія, и принять его до тѣхъ поръ, пока мнѣ занятія мои позволяютъ и лично

14 Прешовский грекокатолический епископ Николай Товт (1833–1882).

15 Дреница (Шома) – село в Спишском комитате Венгерского королевства, ныне в Сабиновском округе Прешовского края Словацкой Республики.

16 Алексей Товт (1854–1909) – родной племянник епископа Н. Товта. Незадолго до написания писем Ю. Ставровского, в 1878 г., А. Товт был рукоположен во священника. Именно поэтому для него понадобилось место в Прешове, рядом с дадей. В 1889 г. А. Товт был отправлен в США для духовного окормления грекокатолических иммигрантов. Именно он возглавил в Новом свете стихийное движение по переходу русинских униатов в лоно

предложить его Вашему Высокородію, и устно выразить Вамъ глубочайшее мое почитаніе.

Впрочемъ при повтореніи моей покорнѣйшей просьбы пишу съ при изъявленіи изряднѣйшаго моего почтенія

Въ Пряшевѣ дня 5/17. Апрѣля 1879.

Вашего Высокородія

покорнѣйшимъ слугою
Юлій Ив. Ставровскій,
Капелланъ пряшевскій и
Консистор. нотарій.

№ 2

Ваше Высокородіе,
Милостивѣйшій Государь мой!

Хотя я уже имѣлъ честь, предложить Вамъ мое покорное прошеніе касательно прихода чертижскаго, однакожь, такъ какъ Вы еще не получили мое прошеніе сами изволили благосклонно почтить меня съ письмомъ съ дня 5. Апрѣля с. г., то я должностію считаю настоящимъ еще разъ съ глубочайшимъ почтеніемъ просить отъ Вашего Высокородія, чтобы упороженное приходское помѣщеніе мнѣ подати ласкаво благоизволили, Конкурсъ на это помѣщеніе публикованъ до послѣдняго лат. Мая с. г., и я подамъ мое прошеніе Преосвященному, Который, какъ надѣюсь и какъ онъ мнѣ обещалъ, предложить и меня Вашему Высокородію для презентованія. Изъ этого повода я не могу воздержаться, чтобы за оказываемое мнѣ Вами уже второй разъ благоволеніе не изъявить Вамъ уже и теперь чувство моей искреннѣйшей благодарности, котороре я къ Вашему Высокородію всегда питать буду; и хотя я отъ Васъ такого благодѣянія никогда не заслужилъ, но я буду стремиться, чтобы теченіемъ времени показаться достойнымъ того драгоценнаго для меня благоволенія Вашего. Ибо я долженъ признаться и въ томъ, что если я теперь при упороженіи прихода чертижскаго не былъ

Российской православной церкви. В 1994 г. Православная церковь в Америке канонизировала Товта как святого праведного Алексія Уилкс-Баррейского [*Saint Alexis of Wilkes-Barre*]. См.: *Магочій П. Р.* Тот Олексій (Товт Алексій; Toth Alexis) // *Енциклопедія історії та культури карпатських русинів / укладачі П. Р. Магочій, І. Поп; загальна редакція П. Р. Магочій; переклад з англійської мови Н. Кушко. Ужгород, 2010. С. 745–746.*

бы удостоился Вашей милости, я остался бы совсѣмъ безъ прихода, такъ какъ епископъ именовавъ на мое мѣсто Алексѣя Товта, сказалъ мнѣ, чтобъ я постарался о какомъ нибудь приходскомъ помѣщеніи, что онъ меня будетъ рекомендовать и проч. Слѣдовательно, если теперъ приходъ чертижскій не упорожнится, тогда я послѣ сдѣланнаго Архіереемъ именованія Алексѣя Товта, поставленъ былъ бы на льду, какъ говоритъ нашъ народъ. Я ожидалъ отъ Его Преосвященства; что онъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ помѣщенія не найдетъ, не будетъ на мое здѣшнее мѣсто никого именовать, тѣмъ паче, что онъ прошедшаго года, когда я хлопоталъ за приходомъ моего покойнаго отца в Сулинѣ¹⁷, меня отъ того намѣренія отклонилъ и просилъ, чтобъ я остался въ его чиновствѣ еще за одинъ годъ, и что тогда онъ мнѣ дастъ приходъ лучшей. – Но всё равно, если Ваше Высокородіе удостоите меня презенты на чертижскій приходъ, я тогда буду только Вамъ одолженъ благодарностію, и буду счастливымъ, что буду имѣти случай по слабымъ моимъ силамъ къ удовольствію Вашему исполнять священническія обязанности и жить среди русскихъ людей на русской деревнѣ.

Вручаяся и на далѣе сильному покровительству Вашего Высокородія, и с глубочайшимъ почтеніемъ оставаюся

Въ Пряшевѣ дня 9. Апрѣля 1879

Вашему Высокородію

покорнѣйшимъ слугою
Юлій Ив. Ставровскій

№ 3

Его Высокородію Адольфу Ив. Добрянскому Его К. и ап. Ц. Величества надворному Совѣтнику, Орденовъ желѣзной Короной, Св. Владимира и Анны императр. Кавалеру и проч. покорное прошеніе Юлія Ив. Ставровскаго Капеллана пряшевскаго и консист. письмоводителя в дѣлѣ получения законно упорожненнаго прихода въ Чертижномъ.

Ваше Высокородіе,
Милостивѣйшій Государь!

На приходское помѣщеніе въ Чертижномъ, вслѣдствіе смерти блаженной памяти О. Михаила Бескида бывшаго чертижскаго приходника

¹⁷ Сулин – село в Спишском комитате Венгерского королевства, ныне в Старолюбовнянском округе Прешовского края Словацкой Республики.

законно упороженное, Высокопреподобнымъ Правительствомъ епархіальнымъ объявленъ конкурсъ. Вслѣдствіе сего и я подписавшійся осмѣливаюсь подойти къ Вашему Высокородію, какъ великодушному покровителю Церкви чертижской, съ тѣмъ покорнѣйшимъ прошеніемъ, чтобы Вы по принадлежащему Вамъ праву, чертижское приходское помѣщеніе мнѣ милостиво подати и меня Преосвященному Архіерею нашему какъ чертижскаго приходника представить благоизволили. Въ подкрѣпленіе покорнаго моего прошенія имѣю честь упомянуть, что я уже четыре лѣтъ тому назадъ рукоположенъ въ священники, и съ тѣхъ поръ опредѣленъ былъ Капелланомъ при приходяхъ Орябинскомъ¹⁸, Торискомъ¹⁹ и Пряшевскомъ, при которомъ послѣднемъ я уже отъ трехъ лѣтъ дѣйствую, и гдѣ я кромѣ приходскихъ и капелланскихъ обязанностей еще и въ епархіальномъ чиновствѣ изъ части в качествѣ конциписта, изъ части же консисторіальнаго письмоводителя работалъ; но на сколько я будучи человѣкомъ семейнымъ, на постоянное помѣщеніе въ центрѣ епархіи рассчитывать не могу, для меня очень желательно и потребно, чтобы я гдѣ то на деревнѣ въ качествѣ приходскаго священника жилъ.

Изъ этого поводу благоизвольте принять благосклонно мое покорное прошеніе и выразъ изряднѣйшаго моего почитанія, съ которыми имѣю честь останися

В Пряшевѣ дня 24. Апрѣля / 6. Мая 1879.

Вашему Высокородію

покорнѣйшимъ слугою
Юлій И. Ставровскій
Капелланъ пряшевскій и
нотарій консисторіальный

№ 4

Пряшевѣ дня 9/21. Мая 1879.

Ваше Высокородіе!
Милостивѣйшій Государь!

¹⁸ Яробина (*русин.* Орябина) – село в Спишском комитате Венгерского королевства, ныне в Старолюбовнянском округе Прешовского края Словацкой Республики.

¹⁹ Ториски – село в Спишском комитате Венгерского королевства, ныне в Старолюбовнянском округе Прешовского края Словацкой Республики.

Имѣю честь съ почтеніемъ увѣдомить Ваше Высокородіе, что я уже подалъ прошеніе къ Его Преосвященству въ дѣлѣ получения чертижскаго прихода. Его Преосвященство, хотя терминъ для поданія прошеній назначенъ до 31. лат. Мая, намѣряетъ мое прошеніе на дняхъ послать Вашему Высокородію, тѣмъ паче, что на сей приходъ больше никто не подалъ прошеніе кромѣ меня. Итакъ если Вы благоизволите меня обдарить этимъ приходомъ, я тотчасъ послѣ сошествія Св. Духа, или можетъ быть и скорѣе, переселюся въ Чертижное, тѣмъ паче, что я отъ чиновства Канцелларіи уже уволенъ и въ Пряшевѣ, такъ сказать, уже не имѣю мѣста.

Впрочемъ примите выразъ моей искреннѣйшей благодарности и почтенія, съ которымъ оставаюся

Вашего Высокородія

покорнѣйшимъ слугою
Юлій Ив. Ставровскій

№ 5

Ваше Высокородіе!

Милостивѣйшій Государь мой!

На основаніи представительной грамоты, изданной Вашимъ Высокородіемъ съ дня 12/24. Мая 1879. Преосвященный Архіерей именовалъ меня приходскимъ священникомъ въ Чертижное и вмѣстѣ переслалъ лаборскому²⁰ благочинному мою каноническую инвестиру. Поелику я полученіемъ сего прихода исключительно только Вашему Высокородію одолженъ, я душевною радостію воспользуясь случаемъ, покорнѣйше выразить Вамъ мою и вмѣстѣ и семейства моего горячую благодарность за оказанную мнѣ милость, которой я отъ Вашего Высокородія вовсе не заслужилъ, и которая мнѣ тѣмъ дороже, что она происходитъ отъ мужа, всякимъ русскимъ челоуѣкомъ высокопочитаемаго и общелюбимаго. Я увѣряю Ваше Высокородіе, что буду стараться, чтобы стался достойнымъ Вашего благоволенія, и соотвѣтно моимъ силамъ буду работать въ благо Церкви Святой и народа нашего, и никогда не изглажу изъ памяти моея объявленной къ мнѣ благосклонности Вашей.

20 Здесь: дериват отъ Лаборца – села Медзилаборце (*русин.* Лаборец), в наши дни – одного изъ окружныхъ центровъ Прешовскаго края Словацкой Республики.

Вмѣстѣ имѣю честь донести до ласковаго свѣдѣнія Вашего, что я сего дня дружески попросилъ тамошняго администратора О. Николая Петрашовича, чтобы онъ въ дѣлѣ моего перевезенія имѣлъ переговоры съ прихожанами, и такъ я надѣюсь, что послѣ Сошествія Св. Духа я уже переселюсь въ Чертежъ и буду имѣти случай лично изъяснити Вамъ мою благодарность.

Примите выразъ глубочайшаго моего почитанія, с которымъ пишуъ

В Пряшевѣ дня 17/29. Мая 1879.

Вашего Высокогодія

покорнѣйшимъ слугою
Юлій Ив. Ставровскій

НИОР РГБ. Ф. 40/II. Карт. 13. Ед. хр. 21. Л. 1–8 об. Рукопись.

Источники и литература

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ).

Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели. Исследование по неизданным источникам. В 3 т. 2-е доп. изд. М.: Издание Галицко-русского общества в Петрограде, 1916. Т. 1. 304 с.

Бескид Г. Етнограф, публіциста, сполупрацownik А. Духновича і А. Добрянського (Михал Бескид, ст., 20.5.1796–1879) // Николай Бескид як субект і обект історіографії (Вибір із творчости і оцінїня діяльства русиньского історіка) / Г. Бескид (зост.). Пряшів: Русиньске культурно-освітне общество А. Духновича в Пряшові, 2009. С. 160–161.

Бескидъ Н. А. Поэзия Попрадова / съ фотографіей стихотворца. Въ Пряшевѣ: Книгопечатня «Св. Николая», 1928. 96 с.

Бескидъ Н. А. Юлій І. Ставровскій Попрадов / приложєніє к «Карпатскому свѣту». Ужгородъ, 1929. 83 с.

Будилович А. С. Об основных воззрениях А. И. Добрянского. СПб.: С.-Петербург. электро-печ., 1901. 17 с.

Грабарь И. Э. Моя жизнь: Автомонография. Этюды о художниках / сост., вступит. ст. и коммент. В. М. Володарского. М.: Республика, 2001. 495 с.

Дзєндзелівський Й. О. Ю. Ставровський (Попрадов) як дослідник говорів та етнографії Пряшівщини // *Studia Slavica*. Budapest: Académiai kiadó, 1971. Т. XVII. Fasc. 1–2. С. 45–90.

Добош С. Адольф Иванович Добрянский. Очерки жизни и деятельности. Братислава; Пряшев: Словацкое издательство художественной литературы, 1956. 168 с.

Добош С. Юлий Иванович Ставровский-Попрадов. Братислава; Пряшів: Словацьке педагогічне видавництво; Відділ української літератури, 1975. 168 с.

Клопова М. Э. Портрет семьи на фоне эпохи (А. И. Добрянский, Грабари, Геровские) // Восточнославянские исследования. Вып. 1. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 85–100. DOI: 10.31168/2782-473X.2022.1.05.

Краєзнавчий словник русинів-українців. Пряшівщина / головний редактор Ф. Ковач. Пряшів: Союз русинів-українців Словацької Республіки, 1999. 501 с.

Магочій П. Р. Тот Олексій (Товт Алексій; Toth Alexis) // Енциклопедія історії та культури карпатських русинів / укладачі П. Р. Магочій, І. Поп; загальна редакція П. Р. Магочій; переклад з англійської мови Н. Кушко. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2010. С. 745–746.

Набоков В. Собрание сочинений русского периода / сост. Н. Артеменко-Толстой. В 5 т. СПб.: Симпозиум, 1999. Т. 2. 780 с.

Рудловчак О. Ю. Ставровський-Попрадов. Життя, творчість, твори. Переклади і переспіви поезій Ю. Шкробинця та В. Фединишинця. Пряшів, 1984 (Науково-популярна бібліотека ЦК КСУТ, № 17). 208 с.

Федорь П. Краткий очерк деятельности А. И. Добрянского: Лекция, читанная 19 марта 1926 года. Ужгородъ: Школьная помощь, 1926. 19 с.

References

Aristov, F. F. *Karpato-russkie pisateli. Issledovanie po neizdannym istochnikam*. In 3 Vols. 2nd ed. Moscow: Izdanie Galitsko-russkogo obshchestva v Petrograde, 1916. Vol. 1, 304 p.

Beskid, N. A. *Poeziia Popradova / s fotografiei stikhotvortsya*. Prešov: Knigopечатnia «Sv. Nikolaia», 1928, 96 p.

Beskid, N. A. *Iulii I. Stavrovskii Popradov / prilozhenie k «Karpatskomu svetu»*. Uzhgorod: Tipografiia «Shkol'noi pomoshhi», 1929, 83 p.

Beskyd, G. “Etnog'raf, publicista, spolupracovnyk A. Duhnovycha i A. Dobrjanskogo (Myhal Beskyd, st., 20.5.1796–1879).” *Nykolaj Beskyd jak subjekt i objekt istoriog'rafii' (Vybir iz tvorchosty i oci'ni'nja di'jatel'stva rusyn'skogo istorika)*, ed. by G. Beskyd. Prešov: Rusyn'ske kul'turno-osvitne obshhestvo A. Duhnovycha v Prjashovi, 2009, pp. 160–161.

Budilovich, A. S. *Ob osnovnykh vozzreniiakh A. I. Dobrianskogo*. St Petersburg: S.-Peterb. elektro-pech., 1901, 17 p.

Grabar', I. E. *Moia zhizn': Avtomonografiia. Etiudy o khudozhnikakh*, ed. by V. M. Volodarskii. Moscow: Respublika, 2001, 495 p.

Dobosh, S. *Adolf Ivanovich Dobrianskii. Oчерki zhizni i deiatel'nosti*. Bratislava; Prešov: Slovatskoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1956, 168 p.

Dobosh, S. *Iulii Ivanovich Stavrovskii-Popradov*. Bratislava; Prešov: Slovats'ke pedagogichne vidavnistvo; Viddil ukraïns'koï literaturi, 1975, 168 p.

Dzdzzelivs'kyj, J. O. "Ju. Stavrov's'kyj (Popradov) jak doslidnyk hovoriv ta etnografii' Prjashivshhyny." *Studia Slavica*. Budapest: Académiai kiadó, 1971, vol. XVII, fasc. 1–2, pp. 45–90.

Fedor, P. *Kratkii oчерk deiatel'nosti A. I. Dobrianskogo: Lektsiia, chitannaia 19 marta 1926 goda*. Uzhgorod: Shkol'naia pomoshch', 1926, 19 p.

Klopova, M. E. "Portret sem'i na fone epokhi (A. I. Dobrianskii, Grabari, Gerovskie)." *Vostochnoslavianskie issledovaniia*. Vyp. 1. Moscow: Institut slaviano-vedeniia RAN; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2022, pp. 85–100. DOI: 10.31168/2782-473X.2022.1.05.

Krajeznavchyy slovnyk rusyniv-ukrai'nciv. Prjashivshhyna, ed. by F. Kovach. Prešov: Sojuz rusyniv-ukrai'nciv Slovac'koï Respublyky, 1999, 501 p.

Magocsi, P. R. "Tot Oleksij (Tovt Aleksij; Toth Alexis)." *Enciklopedija istorii' ta kul'tury karpats'kyh rusyniv*, ed. by P. R. Magocsi, I. Pop. Uzhgorod: Vydavnytvo V. Padjaka, 2010, pp. 745–746.

Nabokov, V. *Sobranie sochinenii russkogo perioda*, ed. by N. Artemenko-Tolstoi. In 5 Vols. St Petersburg: Simpozium, 1999, vol. 2, 780 p.

Rudlovchak, O. *Ju. Stavrov's'kyj-Popradov. Zhyttja, tvorchist', tvory*. Pereklady i perespivy poezij Ju. Shkrobyncja ta V. Fedynshyncja. Prešov, 1984 (Naukovo-populjarna biblioteka CK KSUT, № 17), 208 p.

**From the history of the Carpatho-Rusyn Russophilism:
letters of Yuliy Stavrovsky to Adolf Dobryansky (1879)**

Mikhail Yu. Dronov

Candidate of History, research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3284-4924

Citation

Dronov M. Yu. From the history of the Carpatho-Rusyn Russophilism: letters of Yuliy Stavrovsky to Adolf Dobryansky (1879) // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 357–372 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.20

Received: 20.02.2023.

Abstract

As you know, discussions about one’s own identity and literary language do not stop in the Carpatho–Rusyn society – first of all, between Rusynophiles and Ukrainophiles. At the same time, until the beginning of the twentieth century, there were practically no supporters of the Ukrainian national idea among the Carpatho-Rusyns. Russophiles played a significant role. The influential politician Adolf Dobryansky (1817–1901) and the Greek Catholic priest, the talented writer Yuliy Stavrovsky (1850–1899) belong to the pantheon of Carpatho-Rusyn “awakeners” (enlighteners) of 20th century, who considered all the Rusyns of the Habsburg monarchy to be part of a single Russian (East Slavic, not Great Russian or “Rus’-Ukrainian”) people. Published letters stored in the Scientific Research Department of Manuscripts of the Russian State Library (Moscow), date back to 1879, when the issue of appointing Stavrovsky dean of the church in the village Chertezh – estate of Dobryansky was being decided.

Keywords

Carpatho-Rusyns, Russophilism, Adolf Dobryansky, Yuliy Stavrovsky, Chertezh, the Scientific Research Department of Manuscripts of the Russian State Library.

**«Мы знаем, что ты не родился негодяем...»
Янош Кадар на допросе у Ласло Райка, 1949 год**

Стыкалин Александр Сергеевич
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Гусев Юрий Павлович
Доктор филологических наук, независимый исследователь¹
Москва, Российская Федерация
E-mail: gusev.yury@gmail.com

Стыкалин А. С., Гусев Ю. П. «Мы знаем, что ты не родился негодяем...» Янош Кадар на допросе у Ласло Райка, 1949 год // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 373–426. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.21

Публикация поступила в редакцию 30.04.2023.

Аннотация

В условиях развязанного по инициативе Сталина в 1948 г. конфликта с титовской Югославией Советский Союз предпринял меры по сплочению на антиюгославской платформе всех стран формирующегося восточного блока. Особую активность в антиюгославской кампании проявлял лидер венгерских коммунистов Матяш Ракоши, опасавшийся, что в Москве не простят ему прежней близости с руководством югославской компартии. Для того, чтобы доказать Сталину свою лояльность, а заодно же избавиться от самого сильного внутривосточного конкурента, Ракоши организовал громкий показательный процесс по делу Ласло Райка, подготовленный при участии советников из СССР по образцу больших московских процессов 1930-х гг. Суд над Райком, состоявшийся в сентябре 1949 г., способствовал дальнейшей эскалации кампании против режима Тито, в ходе

¹ Ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН в 1994–2019 гг.

которой в соответствии с новой резолюцией Коминформа, принятой в ноябре 1949 г., Югославия была объявлена страной, находившейся во власти уже не просто националистов и ревизионистов, а шпионов и убийц. Вниманию читателя предлагается протокол допроса Ласло Райка с участием будущего лидера Венгрии Яноша Кадара, который сам через два года был подвергнут жестким репрессиям режима Ракоши по схожим обвинениям. Для коммуниста-реформатора Яноша Кадара причастность к делу Райка стала таким же несмываемым пятном в политической карьере, как и подавление народного восстания 1956 г.

Ключевые слова

И. В. Сталин, Иосип Броз-Тито, Матяш Ракоши, Ласло Райк, Янош Кадар, советизация Восточной Европы, советско-югославский конфликт 1948 г., Венгрия, показательные судебные процессы.

Вниманию читателя предлагается ранее никогда не публиковавшийся в переводе на русский язык венгерский документ, относящийся к началу июня 1949 г. Прошла всего неделя после ареста органами госбезопасности Венгрии видного деятеля правящей Венгерской партии трудящихся (ВПТ) Ласло Райка, и началась интенсивная подготовка показательного судебного процесса по его делу, возмевшего широкий международный резонанс на фоне острого советско-югославского конфликта, разыгравшегося в 1948 г. Известно, что именно вследствие состоявшегося в сентябре 1949 г. суда над Райком и рядом других венгерских коммунистов инициированная Сталиным антиюгославская кампания взошла на новый виток. По итогам «дела Райка» титовская Югославия, до 1948 г. быстрее других стран народной демократии продвигавшаяся по пути приближения к сталинской модели социализма, была объявлена в соответствии с резолюцией третьего совещания Коминформа (ноябрь 1949 г.) страной, находящейся во власти не просто националистов и правоуклонистов, но шпионов и убийц. Публикуемый ниже документ интересен не только тем, что раскрывает методы «дознания», практиковавшиеся в ходе подготовки основанного на фальсифицированных обвинениях судебного процесса в сталинских традициях. И не только тем, что передает атмосферу подозрений и доносительства, царившую в условиях установления в странах Восточной Европы тоталитарных коммунистических режимов. Публикуемая фонограмма одного из допросов Райка показывает

непосредственную роль в тех событиях тогдашнего министра внутренних дел Яноша Кадара (1912–1989), который и сам через неполные два года, в мае 1951 г., оказался за решеткой на основании схожих сфабрикованных обвинений, а позже, после своего освобождения в 1954 г., сыграл огромную роль в новейшей истории собственной страны, оставив в ней не столь уж однозначный след.

Процесс Райка был неотделим, таким образом, от конфликта СССР и его сателлитов с титовской Югославией. Имея с этой страной 400-километровую границу, Венгрия уже в силу геополитического фактора оказалась на переднем крае, на самом острие этого конфликта.

Как это ни покажется парадоксальным в свете последующего развития событий, к началу 1947 г. югославо-венгерские отношения вступили в полосу настоящего подъема. Конечно, тяжелое наследие войны сохранялось в исторической памяти соседних народов, его нельзя было бы до конца изжить и за куда более долгий период. Военные столкновения весны 1941 г., жестокие расправы хортистской жандармерии над сербскими партизанами в оккупированной Воеводине и ответные (не менее кровавые) карательные акции югославских партизан против мирного венгерского населения – всё это живо помнилось многими тысячами людей, питая взаимные предубеждения. Вместе с тем маршал Тито и его окружение были заинтересованы в укреплении позиций левых, прокоммунистических сил в соседней Венгрии, своих потенциальных союзников в деле осуществления планов далеко идущих социальных реформ. В свою очередь, для Венгрии налаживание взаимопонимания с Югославией, относившейся к лагерю победителей и завоевавшей определенный международный авторитет своим смелым сопротивлением нацистским оккупантам, имело особое значение, поскольку способствовало выходу побежденной страны из политико-дипломатической изоляции. Ситуация, правда, осложнялась тем, что Югославией были заявлены в 1945 г. претензии на некоторые территории, принадлежавшие до войны Венгрии (как, впрочем, и ряду других соседних государств)². Однако руководство

2 См. работы Л. Я. Гибианского: *Gibianskii L. The Hungarian-Yugoslav Territorial Problem in Soviet-Yugoslav Political Contacts 1945–1946 // History & Politics. III. Bratislava, 1993; Gibianskii L. The Soviet Union and the Emergence of Yugoslav Communist Territorial Claims against Italy and Austria, 1941–1945 // The Alps-Adriatic Region, 1945–1955: International and Transnational Perspectives on a Conflicted European Region / ed. W. Mueller, K. Ruzicic-Kessler, Ph. Greilinger. Wien, 2018.*

СССР не было склонно всецело потакать амбициям И. Броза-Тито, применительно к Венгрии оно резонно полагало, что это подорвало бы позиции прокоммунистических сил в стране.

Даже в условиях еще не решенных территориальных споров между Венгрией и Югославией расширялось многостороннее сотрудничество. Ему способствовало то, что Югославия первой из стран, в которых проживало венгерское национальное меньшинство, приняла конкретные меры в целях обеспечения его прав на получение образования на родном языке и полноценное культурное развитие. Таким образом, и контролируемые Москвой коалиционные левоцентристские правительства послевоенной Венгрии, и правительство Югославии проявили склонность к тому, чтобы по возможности начать политику «с чистого листа», не мусируя старых взаимных обид³. Особенно активно развивались культурные связи⁴. Венцом проделанной работы по нормализации двусторонних отношений явились приезд И. Броза-Тито в Будапешт в декабре 1947 г. и подписание между странами договора о всестороннем сотрудничестве. Как бы то ни было, активизация неблагоприятных внешних факторов могла, возродив старые обиды, привести к значительному откату в двусторонних отношениях. Именно это произошло весной 1948 г.

В Москве знали не только о многосторонних связях Венгрии и Югославии, но и о близости партийных элит двух компартий. 29 апреля 1947 г. в беседе с В. М. Молотовым в Москве лидер венгерских коммунистов М. Ракоши (кстати, уроженец Воеводины, владевший сербским языком) признал значимость для венгерских коммунистов югославского примера⁵. Как отмечалось в более позднем

3 В венгерской прессе в 1946–1947 гг. широко обсуждались перспективы более тесного сотрудничества с Югославией, в том числе в рамках предполагаемого экономического союза Дунайских государств. В новых условиях, в сравнении с прежними венгерскими проектами (см.: *Стыкалин А. С.* Дунайские проекты Оскара Яси // *Вопросы национализма.* 2014. № 19. С. 189–204), более очевидной была важная роль Югославии в проектируемом союзе.

4 См.: *Кимура К.* Под знаком дунайского содружества. Венгерско-югославские культурные связи в 1945–1948 гг. // *Славяноведение.* 2010. № 5. С. 53–64.

5 Югославия у нас, заметил он, «даже популярнее, чем Советский Союз. Дело в том, что венгерский народ не боится югославо́в, а вот традиционную боязнь к русским не удалось еще изжить». См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 1151. Л. 81.

документе, «до резолюции Информбюро (с осуждением компартии Югославии, июнь 1948 г. – А. С.) у венгров с югославами была трогательная дружба, настолько трогательная, что министр внутренних дел Венгрии Л. Райк “ухитрился” утвердить явно в угоду югославам устав Демократического союза южных славян Венгрии, в котором был пункт, что этот союз является объединением по национальному признаку и членство в нем ставится выше партийной принадлежности. По сути говоря, национальные интересы тут были поставлены над интересами партии»⁶. Сталин всегда с подозрением относился к горизонтальным, плохо контролируемым из Москвы и расширяющим поле самостоятельных внешнеполитических маневров связям между странами, в той или иной мере относившимися к советской сфере влияния, не говоря уже о проектах единения дунайских стран под эгидой амбициозного, стремившегося к региональному лидерству Тито. С началом весной 1948 г. советско-югославского конфликта Ракоши, осознавая, что рассерженный на югославов советский вождь может нанести удар и по руководству венгерской компартии, принял кардинальный поворот в своей политике.

В марте 1948 г. в Будапеште под знаком содружества дунайских народов прошли масштабные торжества по случаю столетия венгерской революции 1848 г.⁷ Как культивирование венгерских патриотических традиций, так и актуализация идей позднего Л. Кошута о Дунайской федерации вызвали неудовольствие в Москве, дав повод для новых подозрений⁸. В этих условиях Ракоши, желая вывести себя из-под удара, предпринял жест лояльности Сталину, быстро присоединившись к начавшейся антиюгославской кампании. 27 марта 1948 г.

6 Запись совещания в МИД СССР 11 июня 1949 г. Цит. по: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 2. М.; Новосибирск, 1998. С. 150.

7 См.: *Стыкалин А. С.* Столетний юбилей начала венгерской революции 1848 г. в контексте советско-югославского конфликта // *Центральноевропейские исследования*. 2018. Выпуск 1 (10). День в календаре. Праздники и памятные даты как инструмент национальной консолидации в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XIX–XXI вв. / гл. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб., 2019. С. 67–89.

8 См. написанную по свежим следам юбилея справку от 24 марта 1948 г. «О националистических ошибках руководства Венгерской компартии и буржуазном влиянии в венгерской коммунистической печати», подготовленную в аппарате ЦК ВКП(б): *Восточная Европа...* Т. 1. М.; Новосибирск, 1997. С. 802–806.

в адрес руководства компартии Югославии (КПЮ) было отправлено письмо от ЦК ВКП(б) за подписями Сталина и Молотова с суровыми обвинениями по целому ряду принципиальных вопросов двусторонних отношений⁹. Спустя четыре дня, 31 марта 1948 г., это письмо было направлено также лидерам всех партий – членам Коминформа для информации¹⁰. Из всех партий, уведомленных о серьезных межпартийных разногласиях, венгерская отреагировала быстрее и жестче других, первой подключившись к антиюгославской кампании. Уже 8 апреля М. Ракоши отправил Тито письмо от имени своего политбюро, не только всецело поддержав позицию Москвы, но и выразив недоверие руководству КПЮ. Несколько позже венгерские коммунисты также первыми вслед за ВКП(б) приняли решение не посылать своих представителей на съезд КПЮ, запланированный на июль.

Всего этого было, однако, недостаточно, чтобы развеять недоверие Сталина к руководству венгерской компартии в условиях все углублявшегося советско-югославского конфликта. В структурах ВКП(б) составлялись записки о националистических тенденциях в деятельности венгерской компартии (с лета 1948 г., после объединения с левыми социал-демократами, Венгерской партией трудящихся, ВПТ)¹¹. Они вполне могли быть востребованы в случае, если бы Сталин навел на резкость вопрос о замене руководства венгерской партии. Мы не знаем, насколько об этом был информирован Ракоши. Во всяком случае, он с первых месяцев стремился отвести любые обвинения Кремля в недостаточной лояльности, скрытых проюгославских симпатиях, попытках уклониться от магистрального советского пути к социализму и общей линии «народно-демократических режимов» Восточной Европы в югославском вопросе.

9 18 марта 1948 г. отдел внешней политики ЦК ВКП(б) представил секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Сулову пространный материал под названием «Об антимарксистских установках руководителей компартии Югославии в вопросах внешней и внутренней политики». См.: Восточная Европа... Т. 1. С. 787–800. Он лег в основу письма Сталина и Молотова югославскому руководству. См.: Секретная советско-югославская переписка 1948 года / вступительная статья и примечания Л. Я. Гибанского // Вопросы истории. 1992. № 4/5. С. 119–136; № 6/7. С. 158–172; № 10. С. 141–160.

10 *Кимура К.* «Дело Райка» в контексте венгерско-югославских отношений // Славяноведение. 2012. № 1. С. 3–15.

11 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 188. Л. 25.

Общий климат в двусторонних венгерско-югославских отношениях быстро менялся. Поступательное их ухудшение привело к развертыванию в Венгрии мощной антиюгославской медиакампании. Если до опубликования в конце июня 1948 г. резолюции второго совещания Коминформа с осуждением КПЮ венгерские газеты и журналы регулярно писали о дружбе с Югославией, о важности дунайского сотрудничества и т. д., то через считанные недели тон публикаций резко изменился. Чувствительным для Белграда недружественным шагом официального Будапешта стала приостановка венграми уплаты Югославии предусмотренных мирным договором 1947 г. репараций в объеме 70 млн долл. США.

Антиюгославская кампания в Венгрии развивалась по нарастающей и достигла своего апогея к середине 1949 г. В это время Ракоши, стремясь завоевать расположение Сталина, в угоду официальной Москве взялся за организацию при помощи советских «экспертов»-силовиков наиболее громкого в Восточной Европе показательного судебного процесса антиюгославской направленности.

В докладе А. А. Жданова на втором совещании Коминформа (21 июня 1948 г.) была подчеркнута необходимость «чистки» компартий стран народной демократии от чужеродных и враждебных элементов. Развернувшаяся кампания приобрела антиюгославскую окраску. Начались усиленные поиски «титовистов» в собственных рядах. В 1949 г. были организованы судебные процессы по делам видных представителей компартий на основании действительных или мнимых югославских связей – К. Дзодзе (Албания), Т. Костова (Болгария), Л. Райка (Венгрия) и т. д.

Будапештский суд над Ласло Райком представлял собой наиболее резонансный пример открытого суда, призванного осудить руководство КПЮ. Видный деятель венгерской компартии стал главным действующим лицом грандиозного политического спектакля, срежиссированного в угоду Сталину и призванного послужить компрометации его заклятого политического врага, не покрившегося диктату Москвы. При всем вопиющем несовершенстве режиссуры, на которое обратили внимание многие наблюдатели¹², суд в общем выполнил поставленную перед ним задачу, послужив

¹² Представляет интерес, в частности, отклик ведущего венгероязычного писателя Югославии Эрвина Шинко: *Стыкалин А., Кимура К., Якименко О.* Дело Райка 1949 г.: взгляд из Югославии // *Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории.* Ставрополь, 2016. Вып. II. С. 243–273.

толчком к эскалации обвинений против «клики Тито». Организацией этого процесса Ракоши заявил о себе на весь мир как предельно лояльный Москве и приверженный сталинской линии (и более того, зачастую идущий впереди всех по пути ее осуществления) коммунистический политик.

Чем был мотивирован выбор Ласло Райка в качестве центральной фигуры показательного процесса и какова была при этом роль Москвы?

В августе 1948 г. во время беседы посла СССР в Венгрии Г. М. Пушкина с членом руководства ВПТ Э. Герё речь шла об освобождении Л. Райка от обязанностей министра внутренних дел из-за присущих ему «бонапартистских тенденций» в политической практике и «недружелюбного отношения к Советскому Союзу»¹³. В те же дни, 16 августа, теперь уже М. Ракоши снова акцентировал внимание советского посла на недружелюбном отношении Л. Райка к СССР как главной причине его освобождения от должности. Г. М. Пушкин, судя по его донесению, не хотел, чтобы у Л. Райка создалось представление, что его удалили с поста министра внутренних дел по требованию руководства СССР, поскольку это могло негативно сказаться на общении посла с Л. Райком теперь уже в новом его амплуа – министра иностранных дел¹⁴.

В советских партийных документах, где содержалась характеристика положения в венгерской компартии, не столько на Райка, сколько на самого Ракоши возлагалась ответственность за «националистические ошибки», недооценку советского опыта и т. д. Но складывается впечатление, что Ракоши, который в свете своей прежней близости с Тито и его окружением не вызывал доверия в Москве и, очевидно, мог опасаться за свое будущее, сумел в течение нескольких

13 Последнее Райк всячески отрицал. См.: *Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Советское руководство и политические процессы Т. Костова и Л. Райка // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М., 1999. С. 28.

14 Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 077. Оп. 28. П. 125. Д. 6. Л. 83. Пост министра иностранных дел, который вскоре получил Райк, в тех условиях был гораздо менее влиятелен, чем пост министра внутренних дел, в силу очень ограниченных возможностей внешнеполитических маневров для Венгрии, недавнего сателлита нацистской Германии, с которым только в 1947 г. был подписан мирный договор державами-победительницами.

месяцев «перевести стрелку» на своего политического конкурента Л. Райка как на главного «титои́ста» и югославского агента в Венгрии. Дело облегчалось тем, что у Райка не было тесной связи с Москвой, и он едва ли мог рассчитывать на заступничество ВКП(б) или советских спецслужб. Однако если попытаться выявить роль советского фактора (во всех его разносторонних проявлениях) в подготовке процесса, важно заметить, что недоверие к Л. Райку в Москве постепенно углублялось.

В биографии Ласло Райка (1909–1949), выходца из трансильванских немцев, с 1931 г. активного участника коммунистического движения в Венгрии, Чехословакии и других странах, было немало темных моментов, дававших повод заподозрить его в «двойной игре»¹⁵. В самом деле, еще в 1931 г., во время первого своего ареста в хортистской Венгрии, 22-летний Л. Райк, для того чтобы оказаться на свободе, давал подписку, что не будет заниматься политикой, хотя вскоре нарушил это обязательство. Позже, после поражения республиканцев в гражданской войне в Испании, Л. Райк в числе других коммунистов-интернационалистов, участвовавших в войне, оказался в лагере для интернированных во Франции, где различные спецслужбы активно вербовали своих агентов. Имелся в биографии Райка и эпизод, связанный с его временным исключением из подпольной компартии по обвинению в принадлежности к троцкистам¹⁶. Покрыты мраком неизвестности были также обстоятельства возвращения Л. Райка в Венгрию в годы Второй мировой войны, неясной оставалась его роль в самороспуске подпольной венгерской компартии в 1943 г., начавшей вскоре функционировать под другим названием («Партия мира»)¹⁷. Арестованный крайне

15 Впоследствии и Ракоши, пытавшийся снять с себя ответственность за «дело Райка» и переложить ее на Л. Берию и его людей (а также на соратников по своей партии М. Фаркаша и Г. Петера), признал в мемуарах, что личность Райка была «удобна для провокаций». См.: «Людьми свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1997. № 3. С. 112–113.

16 В троцкистских связях подозревалась и жена Райка Юлия Райк, что, впрочем, благодаря влиянию мужа не помешало ей после 1945 г. делать карьеру в женском прокоммунистическом движении.

17 Впрочем, к этому эпизоду в истории венгерского коммунистического движения был напрямую причастен и Кадар, против которого Ракоши через два года разыграл ту же карту, обвинив его в связях с хортистской охранкой и ликвидаторстве. Эти обвинения послужили основой при фабрикации «дела» и подготовке закрытого судебного

правым, нилашистским правительством в декабре 1944 г. и оказавшийся затем в концлагере на западе Германии, Л. Райк не только выжил и сохранил здоровье (что, впрочем, вызывает гораздо меньше вопросов в силу его «арийского» происхождения), но и был в числе первых освобожден оккупационными войсками США, посодействовавшими ему к тому же в возвращении на родину уже в мае 1945 г. Это могло вызвать подозрения в том, что его забросили в Венгрию в качестве американского агента. Между тем большое влияние харизматичного Л. Райка в среде венгерских коммунистов-подпольщиков сохранялось вопреки любым подозрениям и способствовало его скорому избранию не только в ЦК, но даже в политбюро венгерской компартии. Вдобавок ко всему старший брат Л. Райка был видным членом нилашистской партии, бежавшим в начале 1945 г. на Запад (согласно распространенной версии, именно он в конце 1944 г. сумел спасти брата от расстрела нилашистами).

Компрометирующие Л. Райка факты биографии были известны в аппарате ЦК ВКП(б) от унаследованных от распущенного в 1943 г. Коминтерна структур, ведавших кадровыми вопросами мирового коммунистического движения (так называемые НИИ № 100 и 205). Существовало к тому же стойкое предубеждение, что «движение Сопrotивления в Венгрии руководилось английской разведкой»¹⁸, что, разумеется, бросало тень на Райка, одну из видных фигур в этом движении в 1943–1944 гг. Таким образом, Ласло Райк явно не был «человеком Москвы», а его деятельность с марта 1946 г. по август 1948 г. в должности министра внутренних дел Венгрии давала поводы для недовольства со стороны советских спецслужб. В частности,

процесса, по итогам которого Кадар в 1952 г. был приговорен к пожизненному тюремному заключению, суровые приговоры получил и ряд других коммунистов. Эта тема нашла отражение и в первой продолжительной беседе с Я. Кадаром А. И. Микояна 14 июля 1956 г. во время посещения им Будапешта для участия в работе партийного пленума, освободившего Ракоши от высшего поста в ВПТ. А. И. Микоян считал своей целью ближе познакомиться с человеком, которому предстояло играть (как уже тогда было очевидно) одну из ключевых ролей в венгерской политике на новом этапе. См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. С. 160–168.

18 См. справку канцелярии Секретариата Информбюро о члене Политбюро и Оргбюро ЦК ВПТ Л. Райке. Март – апрель 1949 г.: Восточная Европа... Т. 2. С. 65 (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 99–102).

уже в 1946 г. он попытался несколько отодвинуть от руководящих должностей в политической полиции тех венгерских коммунистов, которые находились в эмиграции в СССР, воевали в советских партизанских отрядах, и это привело его к конфликту с Союзной контрольной комиссией по Венгрии (СКК), всецело контролируемой Москвой (ее возглавлял член Политбюро маршал К. Е. Ворошилов). Райк отказался также от создания института советских советников при министре внутренних дел, а в 1947 г., при ликвидации СКК, потребовал передачи венгерскому МВД списков советской агентуры, работавшей в Венгрии (это было воспринято как неслыханная дерзость). Москва терпела слишком самостоятельного и амбициозного Л. Райка в роли министра внутренних дел побежденной и ждавшей определения своего послевоенного статуса Венгрии только в силу его активности в деле устранения из политической жизни противников компартии. Роль этого не слишком разборчивого в средствах политика в установлении коммунистической диктатуры в Венгрии была весьма велика, а его реальный облик мало походил на тот мифологизированный образ борца со сталинизмом, который возник в 1956 г., после реабилитации Л. Райка, на реформ-коммунистической волне, порожденной XX съездом КПСС.

Будучи сторонником жестких мер в борьбе с противниками компартии, Л. Райк вместе с тем, как это ни парадоксально, давал повод упрекать себя в недооценке влияния коммунистов в органах МВД. Так, в начале ноября 1947 г., во время пребывания Ракоши в СССР, он издал приказ о роспуске всех парторганизаций в полиции. Поскольку там уже с 1945 г. преобладали коммунисты, это коснулось прежде всего их. Тем самым министр внутренних дел, стремившийся ко все большей независимости, вступил в конфликт с руководством своей партии. Ракоши опасался слишком амбициозного Райка, пытавшегося не только всецело подчинить себе политическую полицию (а значит, сделать ее потенциальным орудием в собственных политических играх), но и установить непосредственные связи с Москвой по линии спецслужб. В августе 1948 г., когда в Венгрии уже существовала монополия ВПТ на власть, он добился его перевода на менее влиятельный в тех условиях пост. В должности министра внутренних дел Райка сменил считавшийся в то время менее самостоятельным коммунистическим политиком Я. Кадар.

В аппарате ЦК ВКП(б) воспринимали Л. Райка и как активного сторонника сближения Венгрии с титовской Югославией, правда, в этом отношении он не слишком выделялся на фоне других деятелей

венгерской компартии. Позже, в самый канун венгерской революции октября 1956 г., в венгерской прессе были опубликованы, став сенсацией¹⁹, свидетельства социал-демократа П. Юстуса, проходившего с Л. Райком по одному судебному делу, но не получившего смертного приговора и позже амнистированного. Согласно П. Юстусу, весной 1948 г. Л. Райк якобы выступил вопреки позиции ВКП(б) и Ракоши за сохранение близких отношений с Югославией и за венгерское посредничество в разрешении советско-югославского конфликта. Однако эти свидетельства не подтверждаются другими известными нам источниками. Нам представляется, что верность Л. Райка своим прежним проюгославским симпатиям делала невозможным его назначение на пост министра иностранных дел в августе 1948 г., в условиях, когда внешнеполитические ориентации страны следовало резко изменить именно на югославском направлении.

Впрочем, независимо от позиции Л. Райка в югославском вопросе, компрометирующих фактов в его биографии было вполне достаточно для искусственной фабрикации судебного дела, на которую дал добро Ракоши, решив в интересах укрепления своих внутривластных позиций и доверия Москвы проявить особую активность в антиюгославской кампании, попутно избавившись от наиболее опасного конкурента в рядах собственной партии. При конструировании судебного дела охотно использовалось все, что подтверждало концепцию, согласно которой Л. Райк с 1931 г. был агентом венгерской охраны, а с 1943 г. – англо-американским шпионом, работавшим совместно с югославскими агентами тех же разведок. Таким образом, существовавшее в Москве недоверие к Л. Райку, равно как и стоявшая за ним репутация последовательного приверженца венгерско-югославского сближения, делали его удобной фигурой для выдвижения на роль главного подсудимого, причем именно на процессе антиюгославской направленности.

Несомненно, Ракоши задумал проведение суда по делу Райка, в определенной мере играя на опережение. Ведь он прекрасно понимал, что и над ним могут сгуститься тучи. И дело не только в том, что он был ранее не меньшим, чем Л. Райк, протагонистом венгеро-югославской дружбы. Посол СССР Г. Пушкин в мае 1949 г. выражал недовольство также стремлением Ракоши создать ручную политическую полицию, не имеющую связей с СССР, «или, в крайнем случае, связь должна проходить только через него»; по словам Пушкина,

19 Советский Союз и венгерский кризис... С. 310–314.

Ракоши внимательно следил за тем, чтобы в Москву не проникала нежелательная для него информация о положении в Венгрии – в той мере, в какой это было возможно²⁰.

Главной целью показательного судебного процесса, по замыслу Ракоши, было подтвердить подозрения Москвы относительно существования в ВПТ мощной югославской агентуры, выведя вместе с тем из-под удара самого себя. Проведение, причем именно в «засоренной» «титоистами» Венгрии, такого процесса соответствовало и ожиданиям Сталина, жаждавшего новых громких разоблачений Тито и его окружения. В условиях, когда от «проштрафившихся» близостью к Тито венгерских коммунистов требовались все новые и новые свидетельства лояльности генеральной линии мирового коммунистического движения, организация такого суда выглядела совершенно своевременной и с точки зрения интересов самосохранения венгерской коммунистической элиты.

Конкретные обстоятельства ареста Л. Райка и подготовки судебного дела неоднократно становились предметом исследований²¹. Здесь стоит лишь заметить, что на первых допросах Райк, арестованный 30 мая 1949 г., несмотря на жестокость обращения с ним, категорически отрицал какие-либо свои шпионские связи, отвергал все обвинения (это хорошо видно и из публикуемого ниже источника). Дело сдвинулось с мертвой точки лишь с приездом в Будапешт из Москвы советников во главе с генерал-лейтенантом госбезопасности М. И. Белкиным, хорошо знавших технологию фабрикации показательных процессов. По версии «следствия», Л. Райк впервые встретился с Тито в Париже, когда тот занимался комплектацией интербригад для помощи республиканской Испании, а вместе с будущим шефом югославской госбезопасности А. Ранковичем находился в лагере для испанских беженцев во Франции уже после победы генерала Франко

20 РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 92.

21 Из исторической литературы, в которой нашли отражение обстоятельства подготовки и проведения процесса по делу Райка, см.: Желицки Б. Й. Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 125–138; № 3. С. 166–186; Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). М., 2002; Петров Н. В. По сценарию Сталина: роль органов НКВД–МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. М., 2011.

в гражданской войне. Используя имевшиеся данные о реальных контактах Райка с югославскими коммунистами и прибегая во многих случаях к домыслу, организаторы дела разработали версию, согласно которой он еще в 1930-е годы установил прямые связи с югославскими агентами иностранных разведок, а позже сам был завербован для шпионажа в пользу разведок – сначала английской, затем американской, а к 1945 г. и югославской. Стремление к криминализации своих политических оппонентов Ракоши унаследовал от устроителей больших московских процессов 1930-х годов (несмотря на то, что сам в то время находился в хортистской тюрьме): ему важно было показать, что его противники являлись не людьми идеи, а заурядными провокаторами, орудием в руках Тито и Ранковича (другой вопрос, насколько убедительно это было сделано на самом судебном процессе). В соответствии с поставленными задачами и разрабатывалась вся концепция обвинения. Ракоши был осведомлен о начавшемся в Болгарии процессе по «делу Трайчо Костова», оба разоблачительных процесса готовились параллельно и под контролем советников из СССР, перед которыми стояла задача доказать, что Тито и Ранкович «хотели сделать в Болгарии на базе личности Т. Костова то же, что сделали на базе личности Райка в Венгрии»²².

В момент приезда в Будапешт Белкина и его команды недоверие к Ракоши в Москве сохранялось, советские «эксперты» имели определенное предубеждение против венгерского лидера, в ходе совместной работы возникали конфликты. Однако всем было очевидно, что такого рода процесс был нужен Сталину для эскалации обвинений против Тито в интересах консолидации сателлитов на антиюгославской платформе. Поэтому инициатива Ракоши по проведению суда над Райком получила одобрение в Москве, за его подготовкой внимательно следили в Кремле, конкретные детали обсуждались в переписке Сталина и Ракоши²³, а также во время приема Ракоши советским вождем²⁴. Судя по имеющимся документам, у венгерского лидера

22 Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т. 2. М., 2002. С. 177.

23 См. публикацию, подготовленную на основании венгерских архивов: *Rainer M. J. Távirat "Filippov" elvtársnak. Rákosi Mátyás üzenetei Sztálin titkárságának, 1949–1952 // 1956-os Intézet Évkönyv. VI. Budapest, 1998. 103–118 о.*

24 Венгерский коммунистический лидер отразил это в своих воспоминаниях. См.: «Людям свойственно ошибаться»... С. 131. Встречи

не было доверительных отношений с советским послом Г. М. Пушкиным, отзыв которого в конце июня совпал с активизацией работы по фабрикации дела²⁵.

В венгерской коммунистической верхушке не только Ракоши процессом по делу Райка стремился убить сразу двух «зайцев» – избавиться от опасного конкурента и выслужиться перед Сталиным, развеяв его недоверие. Не меньшую активность в устранении Райка проявил давно соперничавший с ним влиятельный министр обороны и заместитель генерального секретаря Центрального руководства ВПТ М. Фаркаш (он участвовал вместе с Кадаром в допросе 7 июня 1949 г., фонограмма которого публикуется ниже). Не исключено, что именно ему первому пришла в голову идея сделать Райка главным фигурантом большого показательного процесса. Это дало возможность Ракоши уже после XX съезда КПСС, весной 1956 г., в условиях активизировавшихся нападков со стороны внутривластной оппозиции, попытаться переложить главную ответственность за суд над Райком с себя на Фаркаша, который был в 1956 г. арестован, осужден и провел ряд лет в заключении по обвинениям в нарушении законности.

Внушавшие подозрение эпизоды были и в биографии партийного работника Тибора Сёни, приобщенного к делу Л. Райка. Живя во время войны в эмиграции в Швейцарии, он, как и некоторые другие коммунисты, работавшие в пользу антифашистской коалиции, получал деньги от благотворительной организации, контролировавшейся шефом американской разведки в Европе Алленом Даллесом (будущим директором ЦРУ и родным братом будущего госсекретаря в администрации Д. Эйзенхауэра Джона Фостера Даллеса). Полученный весной 1949 г.

Ракоши со Сталиным в Кремле нашли отражение в дневнике посетителей кремлевского кабинета вождя. К периоду подготовки суда над Райком относится продолжавшаяся более 2 часов встреча от 20 августа. См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). М., 2008.

25 О начале разработки дела Пушкин не был информирован. Так, в середине мая 1949 г. он жаловался эмиссару Информбюро С. Заволжскому на то, что Ракоши по сути запретил политической полиции заниматься выявлением троцкистов и других «враждебных лиц» в партии и что слишком большое доверие оказывается коммунистам, вернувшимся в Венгрию с Запада, тогда как в аппарате МИДа до сих пор остаются неразоблаченными явные шпионы (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 94. Л. 92–95). На самом деле в эти дни уже началась волна арестов, захватившая среди прочих и коммунистов, приехавших с Запада, и работников МИДа.

новый компромат на Т. Сёни, касавшийся его связей времен войны, стал отправной точкой в фабрикации дела Райка.

Усилиями генерала Белкина и его сподручных концепция будущего процесса, совсем не ясно проступавшая из публикуемого ниже источника (одного из первых допросов), постепенно обретала свои очертания, и антиюгославская составляющая в ней усиливалась. Приданию делу Л. Райка антититовской направленности способствовало подключение к нему югославского коминформовца, одно время дипломата в Будапеште Лазара Бранкова, доставленного из Москвы. Согласно разработанной версии, Бранков не только активно вербовал агентуру в Венгрии для подрывной работы в пользу Югославии, именно через него как посредника осуществлялась связь Райка и ряда его сообщников в высших органах власти Венгрии с Тито и Ранковичем в целях свержения действующего правительства и установления другого, проюгославского.

Наряду с антиюгославской сохраняла, впрочем, актуальность и антиамериканская составляющая следственно-судебной конструкции, которую обеспечивал арестованный в мае 1949 г. в Праге и доставленный по настоянию Ракоши в Будапешт левый американский журналист Н. Филд, одно время сотрудничавший с советской разведкой. Именно руководимая Филдом в годы войны благотворительная структура, находившаяся в Швейцарии, с санкции ЦРУ перечисляла средства восточноевропейским коммунистам, боровшимся с нацизмом. Согласно разработанной схеме, Райк якобы был завербован американскими спецслужбами в лице Филда и после освобождения из концлагеря получил задание вернуться на родину, с тем чтобы сразу же приступить к дезорганизации коммунистического движения. Его связи как с американцами, так и с югославами были, по замыслу, звеньями единой разведывательной сети. При отборе конкретных персонажей для участия в показательном процессе учитывались любые биографические детали, подтверждавшие связи с Югославией. Так, уже упомянутый Т. Сёни вернулся в Венгрию в 1945 г. из Швейцарии через Югославию, имел определенные связи в этой стране, которым была дана соответствующая интерпретация, подтверждавшая сконструированную версию о шпионской деятельности. Широко использовались против Райка показания бывшего при нем руководителем пресс-службы МВД Ш. Череснеша, которому в 1945 г. разведка югославских партизан действительно предлагала заняться в Венгрии агентурной работой; сам Череснеш, вернувшись на родину, уведомил компартию о своих югославских контактах. Что касается Л. Райка, то его,

по всей вероятности, единственная рабочая встреча в декабре 1947 г. в роли министра внутренних дел с шефом югославской госбезопасности А. Ранковичем, получив криминальную окраску, интерпретировалась как важнейший этап в подготовке заговора.

С конца мая в Венгрии предпринимались многочисленные аресты. В ходе фабрикации дела Л. Райка всего через допросы прошло около 200 человек, в том числе группа генералов и офицеров (параллельно велась подготовка дела о военном заговоре во главе с генералом Д. Палфи). В соответствии с задуманной концепцией действия проюгославски настроенных генералов при прямой военной поддержке маршала Тито и усилия партийно-государственных функционеров во главе с Л. Райком рассматривались как звенья одной цепи в процессе достижения общей цели – захвата власти, устранения правящей верхушки во главе с Ракоши, отрыва Венгрии от СССР, установления проюгославского режима, а затем и реставрации капиталистических порядков.

Политический спектакль по «делу Райка» открылся 16 сентября 1949 г. во Дворце профсоюза металлистов в Будапеште в присутствии многочисленных журналистов коммунистической и левой печати из разных стран. Югославские журналисты не были допущены в зал заседаний²⁶. В опубликованном еще 10 сентября обвинительном заключении подсудимым инкриминировалось руководство организацией, ставившей своей целью свержение народно-демократического строя, ликвидацию независимости Венгрии при вооруженной поддержке «банды Тито», отрыв страны от СССР. Дело Райка было представлено как заговор международного масштаба, все обвиняемые признали себя виновными, выступив в соответствии со сценарием с четко прописанными, заученными ролями. В признаниях акцент делался на югославские связи, выступавшие ссылались на якобы имевшие место непосредственные указания Тито и Ранковича, которые в свою очередь согласовывали свои планы с США. Югославские связи «банды Райка» персонифицировала на процессе очень удобная фигура Бранкова (тоже сидевшего на скамье подсудимых и приговоренного к пожизненному заключению – его, как и Череснеша, решено было «приберечь» для новых разоблачений югославских деяний), который, как «выяснилось», завербовал в 1945 г. Л. Райка в югославскую разведку, зная

²⁶ В качестве корреспондента газеты «Правда» присутствовал и в «нужном» духе освещал события лауреат сталинской премии Борис Полевой.

о его симпатиях к Тито. С каждым днем, по мере выступлений подсудимых, всплывали все новые и новые «коварные замыслы» югославских лидеров – причем в отношении не только Венгрии, но и других стран. Тесные связи Венгрии с Югославией в 1945–1947 гг., планы дунайского и балканского сотрудничества с участием Венгрии – все это подавалось как результаты сознательной подрывной работы Райка и его приспешников, завербованных Белградом.

Вынесение окончательных судебных приговоров было согласовано со Сталиным, который в письме от 22 сентября в свете прозвучавших на показательном процессе признаний обозначил свое мнение: «Считаю, что Л. Райка надо казнить, так как любой другой приговор в отношении Л. Райка не будет понят народом»²⁷. По сути дела именно Сталин решил судьбу Л. Райка, хотя иногда, разыгрывая свой собственный спектакль, он давал понять Ракоши, что предоставляет венгерской стороне самостоятельность в ведении следствия и выборе меры наказания. Детали действительно определялись Ракоши и его советниками из советских спецслужб. Это касалось и подбора «актеров» на определенные роли (в том числе судей и адвокатов). Источники свидетельствуют о многочисленных указаниях Ракоши, подобных указанию подобрать на роль адвоката «еврея неприятной наружности», не способного вызвать симпатий у большинства присутствующих в зале суда. Об этом хорошо известно, в частности, из относящихся к 1956 г. показаний Г. Петера, шефа венгерской политической полиции, впоследствии арестованного.

Ласло Райк до самого конца процесса послушно играл роль, отведенную ему по сценарию. В своем последнем слове он осудил Тито и его «американских хозяев». Главный обвиняемый временами проявлял слишком большую готовность признать собственные преступления и, более того, выступить в качестве рупора для изложения коминформовской версии событий, что вызвало недоумение даже присутствовавших на процессе советских эмиссаров²⁸ и заставило многих западных

27 Документ приводится и анализируется в послесловии В. Середы к книге: *Сас Б.* Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса. М., 2003. С. 270.

28 Так, функционер внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б), курировавший Венгрию, С. Г. Заволжский, констатировав решение задачи по разоблачению Тито, вместе с тем отметил нелепость отдельных сцен показательного процесса, заставляющих усомниться в справедливости обвинений и достоверности всей конструкции. Ему не понравилось,

(не говоря уже про югославских) наблюдателей на страницах прессы решительно усомниться в достоверности показаний, проводя при этом параллели с большими московскими процессами 1936–1938 гг., выполненными менее «топорно»²⁹. Сомнений в инсценированности процесса не было и у многих восточноевропейских коммунистов. Так, в документе от 30 сентября 1949 г. зафиксировано, что чехословацкие дипломаты в частных беседах со своими румынскими коллегами рассматривали процесс по делу Л. Райка как инсценировку, очень плохо подготовленную: в ней не сходятся концы с концами, приводится много фактов не только не задокументированных, но и абсолютно неправдоподобных: большие московские процессы предлагали своим зрителям пусть тоже сфабрикованные, но всё же более убедительные конструкции³⁰. Наибольший «прокол» в ходе сентябрьского процесса 1949 г. произошел, когда в ходе выступлений обвиняемых, в том числе самого Райка, был назван ряд деятелей КПЮ, которые якобы воевали вместе с Райком в Испании, хотя на самом деле их там не было³¹. Все это давало

в частности, что некоторым подсудимым, и в первую очередь самому Л. Райку, «удалось разыграть из себя на процессе политических деятелей, идейных людей. Часто Л. Райк выступал на процессе не как свидетель, а как лектор, дающий марксистский анализ прошедших событий. Вряд ли целесообразно было давать подсудимым политически разглагольствовать, а тем более, когда преступники начали в своих выступлениях агитировать за Советский Союз, за вождя трудящихся М. Ракоши и т. д. Средний человек, слушая такое выступление, мог подумать, что это инсценировка» (Докладная записка в Секретариат Информбюро от 29 сентября 1949 г. См.: Восточная Европа... Т. 2. С. 231–232).

29 Пресс-атташе венгерского посольства Ференц Фейтё (позже получивший известность как ведущий эксперт французской социалистической партии по восточноевропейским делам Франсуа Фейто), лично знакомый с Л. Райком еще по 1930-м гг., порвал со своим правительством и в ноябре 1949 г. выступил в газете французских социалистов «Эспри» со статьей под заголовком «Дело Райка: международное дело Дрейфуса», в которой на примерах показал сконструированность обвинений на процессе, призванном довести до сознания масс идею о том, что «вне советской модели нет благодати».

30 Из дневника советника посольства СССР в Югославии Г. П. Шнюкова. См.: Советский фактор в Восточной Европе... Т. 2. С. 176.

31 Один из этих людей, С. Вукманович (известный также по партийной кличке Темпо), впоследствии, в 1955 г., в условиях советско-югославского примирения напомнил об этом Н. С. Хрущеву во время первого

югославскому правительству поводы для громких протестов, в которых указывалось на явную надуманность обвинений, заведомо направленных на то, чтобы подлить масла в огонь антиюгославской истерии³². В невиновность Райка, довольно популярного среди ветеранов венгерского коммунистического движения, продолжали верить многие активисты венгерской компартии. В свою очередь люди, далекие от компартии, зачастую оставались безразличны к процессу, считая его внутренней разборкой в среде коммунистов.

Вопрос о том, что заставляло людей оговаривать себя, не раз поднимался в литературе. В этом пытался разобраться один из оставшихся в живых подсудимых, публицист Бела Сас, в известной книге «Без всякого принуждения», написанной в эмиграции³³. Несомненно, наря-

его посещения Югославии. В докладе Хрущева на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г. по итогам поездки в Белград приводится следующий эпизод: «Между прочим, когда мы ехали в машине вместе с т. Вукманович-Темпо (это очень непосредственный человек), он нам сказал: “Я, по утверждению вашей печати, шпион и убийца и завербован, как это писали, во время пребывания в Испании. Но ведь в Испании я никогда не был...”» (см.: Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума ЦК КПСС 1955 г. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 42).

32 Уже упомянутый Заволжский так комментирует этот «прокол»: «Суд прошел мимо таких фактов, когда Райк, может быть с провокаторской целью, назвал ряд югославских государственных деятелей как лиц, якобы бывших с ним в Испании и в лагерях во Франции, когда на самом деле они никогда там не находились. Венгерские товарищи, не уточнив этого факта, опубликовали сказанное Райком в печати. Это дало в руки клике Тито единственный козырь заявлять, что судебный процесс в Будапеште – инсценировка, направленная на клевету югославского правительства» (Записка от 29 сентября 1949 г. См.: Восточная Европа... Т. 2. С. 232).

33 Сас Б. Без всякого принуждения... Журналист и редактор Бела Сас (1910–1999), участник нелегального коммунистического движения в Венгрии 1930-х годов, в 1937–1946 гг. находился в эмиграции во Франции и Аргентине. Позже возглавлял отдел печати МИД Венгрии. Арестован в мае 1949 г., освобожден по амнистии в 1954 г. 6 октября 1956 г. выступил с яркой речью на торжественной церемонии перезахоронения останков Ласло Райка, реабилитированного еще в ноябре 1955 г. После подавления венгерской революции 1956 г. эмигрировал, работал в эмигрантской прессе и на BBC. Книга «Без всякого принуждения», анализирующая механизмы судебного процесса 1949 г., была опубликована в 1963 г. Переведена на целый ряд языков.

ду с угрозами применялись и другие средства – стремление сыграть на коммунистической убежденности Л. Райка и других, заставить их поверить в то, что своими признаниями они окажут неоценимую услугу движению. Процесс нужен был для свержения власти Тито, и ради этого убежденных коммунистов просили взять вину на себя ввиду сложностей международной обстановки (мотив этот нашел отражение и в публикуемой ниже фонограмме допроса, хорошо передающей при этом эмоциональное состояние Райка). При этом нельзя исключать, что организаторы процесса обещали сохранить подсудимым жизнь (и применительно к некоторым, кстати сказать, выполнили свое обещание).

Смертные приговоры Л. Райку, Т. Сёни, А. Салаи, вынесенные 24 сентября, были приведены в исполнение 15 октября³⁴. Более кровавый Фаркаш предлагал такую меру для всех подсудимых, но предусмотрительный Ракоши с этим не согласился исходя из сугубо прагматических соображений: он строил планы проведения новых процессов. Если Л. Бранкову стоило сохранить жизнь для дальнейшего разоблачения «клики Тито» (эта задача отнюдь не считалась исчерпанной), то деятелю социал-демократии П. Юстусу – для разоблачения некоторых бывших социал-демократов. Не мифический, как Л. Райк, а вполне реальный враг венгерского коммунистического режима кардинал Миндсенти, за полгода до этого поносившийся министром иностранных дел Л. Райком на пресс-конференции в связи с судом, целью которого было разоблачение происков Ватикана, мог теперь наблюдать за его казнью из окна своей тюремной камеры, что отразил впоследствии в воспоминаниях³⁵.

В дни процесса по делу Райка югославская пресса и агентство ТАНЮГ выступили с опровержением звучавших на нем обвинений в адрес белградского руководства. Так, еще накануне первого заседания суда, 15 сентября, газета «Борба» опубликовала протест 100 ветеранов югославской компартии, находившихся во время гражданской войны в Испании в рядах республиканских войск, по поводу предъявленных в предварительно опубликованном судебном заключении обвинений в адрес югославских лидеров³⁶.

34 Смертные приговоры были вынесены также на проходившем параллельно процессе по делу о заговоре военных.

35 *Mindszenty J. Emlékirataim.* Budapest, 1989.

36 Среди подписантов был и участник событий Венгерской советской республики 1919 г. хорват К. Мразович, действующий посол

То, что М. Ракоши взял на себя инициативу в организации большого судебного процесса, видимо, прибавило ему самоуверенности: амбициозный политик стал претендовать на главную роль в проведении антиюгославской кампании в масштабе всей Восточной Европы, по крайней мере на роль первой скрипки в дирижируемом Сталиным оркестре. С этим связаны и направленные им в Прагу и Варшаву «для информации» лидерам соответствующих партий показания на некоторых видных деятелей этих партий, выбитые из Райка и других подсудимых³⁷. Хотя некоторые из этих показаний были действительно впоследствии востребованы в острой и подчас кровавой внутривнутрипартийной борьбе, вмешательство Ракоши во внутренние дела «братских партий» вызвало в них крайнее раздражение, что заставило венгерского лидера снизить активность.

Вынесение смертных приговоров по делу Райка 24 сентября 1949 г. привело к дальнейшей эскалации напряженности в отношениях между Югославией и странами формирующегося советского блока. Уже 27 сентября Будапешт потребовал от Белграда отзыва 10 членов югославской миссии в течение 24 часов. В конце сентября сначала СССР, а затем и Венгрия, а также другие страны народной демократии расторгли в одностороннем порядке договоры о дружбе и сотрудничестве с Югославией. Белград сразу же выступил с жесткими антисоветскими заявлениями. Международный резонанс имело, например, заявление видного деятеля КПЮ М. Пьяде о том, что нельзя считать свободной страну, экспортирующую виселицы.

В свете процесса по делу Райка прежние обвинения в адрес югославов уже казались Сталину недостаточными. 16–19 ноября 1949 г. в Будапеште состоялось третье (последнее) совещание Коминформа,

Югославии в СССР (а до этого в Венгрии), находившийся в это время в Белграде. В обвинительном акте по «делу Райка» было указано, что он занимался «шпионской провокационной деятельностью в Испании и затем в концлагере», был тесно связан с Райком и позже, организовав (уже в роли посла в Венгрии) тайную встречу Райка с Ранковичем в октябре 1948 г., на которой будто бы обсуждался план вооруженной оккупации Югославией части венгерской территории и «физического уничтожения» отдельных членов венгерского правительства. После этой публикации Мразович был объявлен в СССР персоной нон грата, ему было запрещено возвращение в Москву.

³⁷ В этом списке фигурировал даже временно попавший в опалу виднейший деятель польского коммунистического движения В. Гомулка.

принявшее резолюцию «Компартия Югославии во власти убийц и шпионов». В ней утверждалось, что руководство Югославии установило в стране фашистскую диктатуру и является «наймитом империалистической реакции». Борьба против него была объявлена одной из важнейших задач коммунистических партий и всех «прогрессивных сил» в мире. Ставился даже вопрос о целесообразности создания в Югославии новой, подпольной компартии, которая была бы «революционной и интернационалистической», способной на «решительную борьбу» за освобождение «от ига узурпаторов». После третьего совещания Информбюро в странах советского блока поднялась волна преследований, в каждой из них искали своих «райков». Репрессивные акции против сторонников Коминформа развертывались, в свою очередь, в титовской Югославии.

Вследствие процесса по делу Райка резко возросла напряженность на венгерско-югославской границе, участились инциденты³⁸. Югославы, опасаясь провокаций, пододвинули к границе с Венгрией дополнительные воинские соединения. Венгерское правительство, в свою очередь, попросило СССР увеличить советский воинский контингент, находившийся на территории Венгрии в соответствии с Парижским мирным договором 1947 г. для поддержания коммуникаций с советской зоной оккупации в Австрии, и эта просьба была выполнена. Численность венгерской армии также увеличилась вопреки положениям мирного договора.

Процесс по делу Райка проходил в самый разгар холодной войны, в условиях, когда господствовал принцип «кто не с нами – тот против нас», и западные интеллектуалы были поставлены перед выбором – быть другом (а значит апологетом) или врагом сталинского СССР. Многие симпатизанты коммунистического движения предпочитали закрывать глаза на явные изъяны судебной конструкции, неубедительность организованного политического спектакля, объяснять политическую целесообразность проведенного действия необходимостью разоблачения главного сталинского врага – маршала Тито. Альтернативой такой позиции было – открыто порвать с компартиями, просоветскими движениями, а значит быть объявленным ренегатом. Такой выбор сделал, например, известный венгерский леволиберальный политик граф Михай Каройи, первый премьер-министр

38 См. подробнее: *Кимура К., Стыкалин А. С.* Венгерско-югославские отношения: от «дела Райка» до смерти Сталина (1949–1953 гг.) // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2018. Вып. 13. № 1–2. С. 98–120.

и президент Венгерской республики в 1918–1919 гг., а с 1947 г. посол новой Венгрии в Париже³⁹.

Таким образом, интенсивное многостороннее сотрудничество с Югославией, наладившееся к весне 1948 г., в течение считанных месяцев уступило место масштабным идеологическим акциям разоблачительной направленности, осуществлявшимся в соответствии с актуальным политическим заказом. Нанесенные при этом югославской стороне психологические травмы оказались настолько тяжелыми, что весьма затруднили процесс взаимного сближения двух коммунистических режимов, начавшийся после смерти Сталина.

Только весной 1953 г. появились реальные предпосылки для поворота в советской политике на югославском направлении, что должно было неминуемо привести и к пересмотру дела Райка. Стремление к смене власти в Белграде продемонстрировало еще при жизни Сталина свою полную несостоятельность. Не удалось также внести раскол в очень проблемное многонациональное югославское общество. Напротив, чем ожесточеннее становилась антиюгославская кампания, тем оно сильнее консолидировалось на основе поддержки власти Тито и его команды, как бы «забыв» на время об острейших межэтнических распрях, происходивших в годы совсем недавно закончившейся Второй мировой войны⁴⁰. Очевидно, и сам Сталин успел при жизни потерять интерес к новому инструменту своей

39 Каройи настойчиво пытался убедить свое правительство в том, что открытый процесс по делу Райка сильно ударит по репутации Венгрии в мире, а когда убедился в бесперспективности своих усилий, подал в отставку с должности посла. В конце августа он еще раз приехал в Будапешт, но услышал лишь циничное предложение Ракоши понаблюдать за процессом с галерки. Второй по своему влиянию человек в ВПТ, Герё, приняв Каройи, не менее цинично ему заявил, что дело, собственно говоря, не в виновности или невиновности Райка, а в том, что югославская схизма представляет угрозу для мирового коммунистического движения и для ее искоренения все средства хороши. Выехав, теперь уже навсегда, во Францию, Каройи 13 октября отправил в Будапешт телеграмму с предложением о повторном слушании дела, но она даже не удостоилась ответа, и леволиберальный по своим убеждениям граф предал ее гласности, после чего режим Ракоши объявил его своим заклятым врагом (Райка же поспешили казнить).

40 Сыграло, несомненно, свою роль и произошедшее на фоне конфликта с СССР ужесточение внутренней политики в отношении реальных и мнимых оппонентов югославского коммунистического режима.

внешней политики, Коминформу, осознав его неэффективность в деле достижения главной цели – искоренения югославского вызова, чреватого опасной для Москвы децентрализацией мирового коммунистического движения⁴¹. Преемники же Сталина уже летом 1953 г. перешли к смене тактики⁴², а к весне 1955 г. усилиями прежде всего Н. С. Хрущева и А. И. Микояна в Москве возобладала линия на более решительное сближение с Югославией в интересах возвращения ее в единый лагерь стран, строящих социализм (на этом пути, оставшемся в дальнейшем неизменным, Москву ждали как видимые успехи, так и серьезные разочарования). Незавидной оказалась судьба коминформовской политэмиграции в СССР и странах народной демократии, включая Венгрию, оказавшейся совершенно не у дел уже к осени 1954 г. Таким образом, вся антититовская кампания, включая процесс по делу Райка, явилась в конечном итоге поражением Сталина, продемонстрировав всему миру его неспособность решить поставленную задачу, важную для сохранения Москвы в качестве единственного центра мирового коммунистического движения.

Процесс пересмотра дела Райка может стать предметом другого исследования. Скажем лишь, что под давлением Москвы, взявшей курс на сближение с Белградом, режим Ракоши уже осенью 1955 г. сначала признал несправедливость прозвучавших на процессе по делу Л. Райка антиюгославских обвинений, а весной 1956 г. реабилитировал самого Райка. На волне XX съезда КПСС его мифологизированный образ стал одним из символов венгерской десталинизации, а торжественное

41 После ноября 1949 г. большие совещания Коминформа не созывались, а после ноября 1950 г. не заседал и его секретариат. Деятельность аппарата Информбюро чем далее, тем более сводилась к выполнению функций второстепенного механизма обеспечения Москвы информацией и к изданию все менее влиятельной газеты «За прочный мир, за народную демократию», вяло пережевывавшей прежние стереотипные обвинения в адрес «предательской клики» Тито.

42 Даже самый последовательный в руководстве страны сторонник сохранения преемственности прежнему курсу, В. М. Молотов, прямо признал на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г., что лобовая атака на Югославию потерпела крах: югославское руководство устояло перед напором, а потому необходимо отказываться от прежней, не оправдавшей себя тактики и восстанавливать нормальные отношения с Югославией на уровне стандартных контактов с «буржуазным государством». См. подробно: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008. Глава I.

перезахоронение останков Л. Райка и казненных вместе с ним коммунистов 6 октября (когда многие тысячи людей вышли на улицы, почувствовав в себе достаточно сил для открытого сопротивления диктатуре) по сути явилось прологом венгерской революции, потрясшей сами основы коммунистической власти.

Для Яноша Кадара, в 1954 г. вышедшего на свободу после 3-летнего пребывания в заключении по сходному ложному обвинению, а в ноябре 1956 г. поставленного волею Москвы во главе Венгрии после подавления антитоталитарной национальной революции, причастность к делу Райка до конца жизни оставалась несмываемым черным пятном в биографии. И это несмотря на то, что его реальная роль в организации процесса (хотя он занимал недолго пост министра внутренних дел) не была велика: Ракоши вообще предпочел отправить Кадара в отпуск в самые ответственные недели выстраивания всей обвинительной конструкции, поскольку Кадар слишком хорошо знал Райка по коммунистическому подполью (куда лучше, нежели находившиеся в годы Второй мировой войны в Москве венгерские политэмигранты-коминтерновцы), и при всей лояльности Кадара это могло только «подрезать крылья» устроителям процесса, осложнить фабрикацию громкого дела, основанного на массе совершенно неправдоподобных обвинений. С обращением Кадара в 1960-е гг. к экономическим реформам, амнистией участников революции 1956 г., некоторой либерализацией культурной жизни, а также поворотом к более открытой политике в отношении Запада любое напоминание о причастности венгерского лидера к делу Райка (не только официально реабилитированного, но и занявшего свое место в пантеоне уважаемых властями деятелей венгерского коммунистического движения) способно было ослабить растущую общественную поддержку проводимого курса и повредить складывавшейся в мире репутации Кадара как жесткого, но склонного к некоторым реформам коммунистического политика. Магнитофонная запись суда по делу Райка была уничтожена еще в 1961 г., а публикуемая ниже фонограмма допроса от 7 июня 1949 г. с участием Кадара хранилась «за семью печатями». Правда, 21 июля 1956 г., когда на партийном пленуме, отстранившем Ракоши от власти, обсуждался отчет комиссии по расследованию деятельности Фаркаша, Кадар был вынужден самокритично признать свою роль в организации процесса по делу Райка: «Что касается нарушений законности, то в этом я был не только жертвой, но и орудием. Я никогда не отказывался, не отказываюсь и впредь не намерен

отказываться от вины, которая лежит на мне в связи с делом Райка. Когда дело готовилось, я был членом всех органов партии, ведавших вопросами госбезопасности, к тому же я был тогда министром внутренних дел, и, хотя только на начальной стадии, не слишком долго, но все же, пока товарищ Ракоши полностью доверял мне, делом Райка я занимался. Вместе с Михаем Фаркашем я также участвовал в одном из допросов Райка и также способствовал тому, чтобы остальные члены Комиссии по госбезопасности [...] укрепились в своих подозрениях о виновности Райка»⁴³.

Биографы Яноша Кадара, скончавшегося в июле 1989 г., в самый разгар коренных внутривластных перемен в его стране, ознаменовавших собой не просто бескровное падение коммунистического режима, а скорее плавное перерастание его в иное качество (ставшее возможным во многом благодаря Кадару), знают, что его до последних дней терзали мучительные воспоминания о самых темных страницах истории своей жизни, о наименее благовидных эпизодах в собственной политической карьере, включая «дело Ласло Райка» 1949 г. и «дело Имре Надя» 1958 г. Достаточно вспомнить его крайне сумбурную и эмоциональную последнюю публичную речь, произнесенную за 3 месяца до кончины, 12 апреля 1989 г., когда находившийся уже на грани безумия 77-летний политик, управлявший страной в разное время разными методами более 30 лет, пытался объяснить молодым соратникам, в каком жестоком и полном противоречий мире ему приходилось жить, действовать и принимать те или иные важные для страны решения, не застраховываясь от ошибок и неверных шагов⁴⁴. При этом он ни на йоту не изменил своим коммунистическим убеждениям: как и в 1949 г. во время допроса Райка, в 1989 г., через 40 лет, в совсем других политических условиях, Партия являлась для него единственной святыней, источником и носителем конечной истины, а соблюдение ее интересов – главной ценностью для любого, кто связал себя с движением, которому была отдана жизнь. Это оставалось стержнем мировоззрения Яноша Кадара, без которого теряло бы смысл все сделанное им на длинном жизненном пути. Судя по фонограмме допроса, таковой же ценностью Партия была и для Ласло Райка – по сути даже в момент, когда петля уже затягивалась на его шее.

43 Советский Союз и венгерский кризис... С. 166–167.

44 См.: Последняя речь Яноша Кадара / публ. О. Якименко // Неприкосновенный запас. 2015. № 4. С. 141–159.

Перевод документа, предлагаемого вниманию русскоязычного читателя, выполнен Ю. П. Гусевым по венгерской журнальной публикации расшифровки магнитофонной записи (журнал *História*, 1995, № 7). Вступительная статья, публикация и примечания А. С. Стыкалина.

Фонограмма допроса Ласло Райка с участием Яноша Кадара и Михая Фаркаша⁴⁵

7 июня 1949 г.

К. (Янош Кадар): У тебя есть что сказать?

Р.: (Ласло Райк): Есть. Я хотел бы прояснить, какова точка зрения, потому что...

К.: Для нас у тебя есть что сказать?

Р.: У меня – у меня есть что сказать.

К.: Мы пришли сюда для того, чтобы дать тебе возможность последний раз в твоей жизни поговорить с Партией. У меня для тебя мало времени, учти это, а теперь говори, что хотел.

Р.: Я коротко одно только могу сказать: что я всегда твердо, незыблемо верил и верю Партии. Те показания, которые тут прозвучали против меня, с которыми меня четверть часа назад ознакомили, от начала и до конца отборная клевета. В них ничего не соответствует действительности, ничего не соответствует.

К.: Какие показания?

Р.: Показания Череснеша, Боарова и Сёни⁴⁶. Что я – шеф американского информационного агентства, что Сёни получил приказ связаться со мной и в дальнейшем получать от меня указания...

⁴⁵ Янош Кадар (1912–1989) занимал в это время пост министра внутренних дел, а Михай Фаркаш (1904–1965) – министра обороны Венгрии. Оба входили в политбюро центрального руководства ВПТ, Фаркаш входил и в узкое (неформальное) руководство страны и партии, будучи третьим по своему реальному влиянию человеком после М. Ракоши и Э. Герё. В отличие от Я. Кадара, активиста коммунистического подполья в хортистской Венгрии, Фаркаш относился к венгерской политэмиграции в Москве, жил долгое время в СССР, работал в структурах Коминтерна, вернулся на родину в ноябре 1944 г. вместе с наступавшей Красной армией.

⁴⁶ Как отмечалось выше, против Л. Райка в ходе судебного процесса были использованы показания венгерских партийных функционеров Т. Сёни и Ш. Череснеша, также осужденных по делу Райка. Был использован и реально произошедший инцидент с югославским дипломатом

Ф. (Михай Фаркаш): Ты это хочешь сказать Партии?

Р.: Нет, но Янош тут спрашивал, про какие я говорю показания.

Ф.: Ты это хочешь сказать Партии?

Р.: Я хочу сказать Партии, что был честным партийцем, преданным ей. Что у меня не было никаких тайных связей ни с какими чуждыми силами. И если мне надо вытерпеть до конца эту процедуру, и все, что в показаниях говорится, и мне вынесут приговор, то все равно, какой это будет приговор, потому что его вынесут преданному Партии, невиновному человеку. Другого сказать не могу. Само собой, я все взвешиваю, я знаю, у этого дела есть и международный отклик. Это единственная дилемма, перед которой я стою.

Ф.: Какой еще международный отклик?

Р.: Ну, я думаю, международная печать писала, во всяком случае мне так говорят, что я под арестом, и всякое такое. Это единственная дилемма, потому что если это попало в международную прессу, что я арестован по подозрению в шпионаже, тогда, конечно, налицо определенная ситуация, и я должен взвешивать, в чем интересы Партии, чтобы Партия не оказалась в трудном положении, как она фигурирует в этом деле. Я одно могу сказать: это не в интересах Партии, чтобы я предпринимал какие-нибудь шаги, и не думаю, что это было бы в ее интересах, если человек примет мучения из-за всякого вранья, ведь тогда, значит, все, что здесь происходит, происходит с невиновным и преданным Партии человеком. Потому что в том, что я с кем-то когда-то поддерживал какие-то связи, ни слова правды нет, и я очень удивляюсь этому, ведь и здесь, в Госбезопасности, в конце концов работают ответственные партийные товарищи. Они и должны рассудить, насколько по доброй воле Сёни и прочие дали те показания; или они их дали не по доброй воле.

Ф.: Ты это хочешь сказать Партии?

К.: Теперь давай я скажу тебе кое-что. Во-первых: Партия всю твою жизнь, с той минуты, когда ты сделал первый шаг в рабочем движении, и до вот этого самого часа, когда мы тут с тобой разговариваем, знает точно (sic!). Это первое. Во-вторых: Партия знает твою деятельность, все твои поступки, какими бы они ни были. Это второе. В-третьих: мы внимательно следим за сказками, которые ты все время, пока ты здесь, рассказываешь. Это третье. В-четвертых: ты хорошо знаешь руководство нашей Партии.

Ж. Боаровым, который 10 июля 1948 г. в ходе конфликта застрелил активиста Демократического союза южных славян Венгрии, поддержавшего антиюгославскую резолюцию Информбюро.

Р.: Знаю, да.

К.: Знаешь и действия нашего партийного руководства.

Р.: Хорошо знаю, да.

К.: Знаешь. Тебе известно, из кого и из чего состоит наше руководство.

Р.: Известно.

К.: И ты можешь допустить, что руководство нашей Партии поверит тому, что ты тут целую неделю сочиняешь? Можешь допустить?

Р.: Но я же пока...

К.: Можешь допустить?

Р.: Я одно только могу сказать...

К.: Ответь на вопрос. Можешь допустить?

Р.: Я верил и верю Партии.

К.: И что она проглотит, что ты тут мелешь целую неделю?

Р.: Я верил партии и сейчас верю. Я никакого отношения не имею к этим обвинениям...

К.: Постой. Так ты допускаешь, что руководство Партии всерьез поверит твоим сказкам?

Р.: Прошу прощения, то, что я говорю, не сказки.

К.: Допускаешь или не допускаешь?

Р.: Должен допустить, потому что я говорю правду.

К.: Что руководство Партии примет всерьез сказки, которые ты рассказываешь.

Р.: Должно принять всерьез, потому что я говорю чистую правду.

К.: Ты говоришь, что ты честный партиец. Как ты думаешь, почему в августе прошлого года Партия приняла решение отстранить тебя от внутренних дел? Потому что ты был честным партийцем?

Р.: Я думаю, потому, что...

К.: Потому, что ты был честным партийцем?

Р.: Я совершил в Министерстве внутренних дел такие ошибки, из-за которых меня нельзя было там больше оставлять.

К.: Скажи-ка, тебе известно, что в августе прошлого года руководство нашей Партии предоставило тебе последнюю возможность показать, что ты можешь быть и честным человеком? Известно тебе это?

Р.: Известно, да.

К.: Тогда чего ты мне тут твердишь, что ты честный человек?

Р.: Я не сделал против Партии ничего такого, что можно считать предательством Партии, сознательным предательством...

Ф.: Что это такое? Это достойное коммуниста поведение?

Р.: Это не достойное коммуниста поведение, мне приходится расплачиваться за то, что я проявил такую политическую слепоту,

но насчет того, что я все делал сознательно, что я провокатор, империалистический агент, это не получается.

К.: Ладно. Послушай меня! Я уже сказал, у нас времени мало, так что я одно скажу. Ты – не наш человек, ты – враг. Это заруби себе на носу!

Р.: Я вас очень прошу...

К.: Только брось эту улыбочку, тут тебе...

Р.: Я не улыбаюсь, я вас только прошу, не делайте трагической ошибки.

К.: Постой! Заруби себе на носу: ты не наш человек, ты враг. Вот это заруби себе на носу! Во-вторых: чтоб у тебя не было никаких иллюзий, руководство нашей Партии абсолютно едино в этом вопросе. Ты понял меня?

Р.: Понял.

К.: Здесь вопрос для нас в следующем: ты всего лишь несчастный недотепа, который стал жертвой врага, или с той самой минуты, как ты сделал первый шаг в рабочем движении, ты сознательный, упрямый, закоренелый враг нашего движения? Это – единственный вопрос, и на него ты должен ответить своим поведением. Ты понял это?

Р.: Я понял, что это позиция партийного руководства, и я только одно могу сказать, я могу сказать, что из двух способов предательства, из двух предположений ни одно не отвечает истине. Я никогда не был закоренелым врагом партии и не попадал в сети неприятеля, чтобы он использовал меня против Партии, для предательства Партии, для нападения на Партию из-за угла.

Ф.: Послушай, Райк! Когда ты пришел в рабочее движение, тебе сколько лет было?

Р.: Двадцать один год исполнился.

Ф.: Опыта у тебя не было?

Р.: Не было.

Ф.: Ты был молодой парень, студент⁴⁷. В том кругу студентов, где ты вращался, это был националистический круг.

Р.: ...тоже был один коммунист.

Ф.: Это была группа националистически настроенных студентов. Уже тогда известна была твоя националистическая позиция. Можно

47 С 1929 г. Райк учился на филолога в будапештском Католическом университете имени Петера Пазманя, сблизившись в это время с коммунистическим движением.

предположить, что тебя, человека неопытного, почти мальчишку, полиция завербовала через Штольте⁴⁸, и это сопровождало тебя всю жизнь. Ты врос в эту роль. Изредка, время от времени ты пытался вырваться. Порвать с ними. Когда увидел потом, во что ты вляпался по молодости. Но тебе это не удалось, силенок не хватило. Полиция, потом американцы все крепче держали тебя в руках. Одним словом, ты был или таким агентом врага, или с самого начала – сознательным врагом.

Р.: Видите ли, я одно могу сказать...

Ф.: Слушай меня! Мы пришли сюда. Ты ведь сам об этом просил, ты говорил, что хотел бы, если найдется такая возможность, поговорить с руководством Партии.

Р.: Да. Просил.

Ф.: Вот мы и пришли. Ты начал с того, что ты – честный человек. И первое же твое слово – ложь.

Р.: Те первые слова не были ложью.

Ф.: Вспомни, что ты писал в первом письме товарищу Ракоши. Ты нас обвинял в том...

Р.: Вовсе не вас.

Ф.: Обвинял нас в том, что против тебя ополчились проникшие в Партию американские агенты. Эти свои слова ты уже взял обратно. Каждое твое письмо опровергает другое. В каждом письме ты лжешь от начала до конца. Здесь тебя уже поймали не на одной лжи. Не на одной лжи.

Р.: На двух.

Ф.: И когда петля уже затягивается на твоей шее, тогда ты [...] там, от чего уже нельзя отказаться, это и есть ты. Но ты и тут лжешь. В сущности, из того, что ты уже сказал, ясно: ты троцкист, ясно, что ты националист, и теперь остается вопрос, который надо прояснить... Берегись, Райк, ты ведь хочешь заставить нас ловить в темной комнате черную кошку, которой там вовсе и нет! Берегись,

⁴⁸ Речь идет о друге юности Ласло Райка Иштване Штольте (1910–1991), участнике венгерского коммунистического движения начала 1930-х гг., в дальнейшем отошедшем от движения и сблизившемся с правыми политическими силами. В 1949 г., арестованный советскими спецслужбами в Вене, Штольте был доставлен в Будапешт, его свидетельские показания были использованы на процессе по делу Райка. В 1950 г. осужден венгерским судом, после освобождения из заключения в дни революции осенью 1956 г. эмигрировал.

не заставляй нас ловить черную кошку в темной комнате... Теперь речь о том, что в молодости, когда ты еще был неопытным, тебя завербовали и использовали, и ты не знал, куда это заведет. Или ты с самого начала был сознательным врагом Партии. Ни о чем другом спорить нет необходимости.

Р.: Видите ли, меня все-таки поражает такая позиция. Ведь очевидно, что если такая позиция в партийном руководстве сложилась единогласно [...] или другой вариант, значит, у меня нет другой возможности, кроме как закончить жизнь. И еще вы говорите, у вас мало времени. Я знаю, у вас огромное количество работы, вы люди занятые, но здесь ведь о человеческой жизни идет речь, и я опять с поднятой головой могу лишь сказать, что спокойно посмотрю в глаза кому угодно, что все это строится на ложной теории, будто меня завербовал Штольте и я с тех пор не могу вырваться. Моя партийная преданность Партии, товарищи, такая кристально чистая, сколько бы я ошибок ни допустил. Скажем, кое-где я впадал в идеологические заблуждения или путаницу...

Ф.: Оставим идеологию в покое. Ты троцкист, и поддерживал троцкистов, поддерживал провокаторов. Это что, коммунистическое поведение?

Р.: Нет.

Ф.: Тогда зачем говорить, что ты коммунист?

Р.: Правда, иногда это случалось, но откуда мне было знать, что я поддерживаю троцкистов?

Ф.: Ты не знал?

Р.: Откуда я мог знать?

К.: Райк, послушай-ка...

Р.: Но мне никто никаких указаний не давал...

К.: Райк, ты ошибаешься <...> Для нас тут стоит гораздо более важный вопрос. Гораздо более важный. Вопрос стоит о нашей Партии.

Р.: Для меня тоже.

К.: И вопрос стоит о рабочем классе, о венгерском народе. Это первое. И второе, Райк. Тот вред, который ты в своей жизни причинил венгерскому рабочему движению, не искупить, даже если бы у тебя было десять жизней.

Р.: Чем же я причинил вред?

К.: И ты еще после этого говоришь, что ты честный человек?

Р.: Чем причинил? Чем я причинил этот вред?

К.: Я еще одно хочу тебе сказать. Не считай нас круглыми идиотами!

Р.: Я просто абсолютно...

К.: Скажи, Райк, с того момента, как ты навязал Штольте Карою Олту⁴⁹, бедняге, везде, где бы ты ни был в своей жизни, в Партии начиналась неразбериха, ты везде вносил в Партию дезорганизацию. И так шло до освобождения⁵⁰. А после освобождения ты внедрял врагов в Министерство внутренних дел, которое наша Партия отвоевала в кровопролитной борьбе⁵¹. Ты спровоцировал борьбу между Министерством внутренних дел и Госбезопасностью⁵², ты обострял эту борьбу, ты и в НЕКОС⁵³ пролез, ты повернул НЕКОС против Партии. Куда бы ты ни ступал в своей жизни, для Партии это всегда оборачивалось проклятием и позором. И у тебя еще есть совесть, у тебя хватает совести говорить, что ты честный человек? Я мог бы долго перечислять людей, которых ты внедрил в Партию.

49 Карой Олт (1904–1985) – участник подпольного коммунистического движения в хортистской Венгрии. В 1947–1956 гг. занимал ответственные государственные должности в послевоенной Венгрии, не подвергаясь в это время арестам и обвинениям.

50 Речь идет об освобождении Венгрии от нацистской оккупации и собственного крайне правого режима зимой 1944–1945 гг.

51 Для компартии, проигравшей парламентские выборы ноября 1945 г. Партии мелких хозяев, ключевым вопросом было удержание своего представителя на посту министра внутренних дел, дававшем наибольшие возможности использования государственных административных ресурсов для влияния в своих интересах на внутривластную жизнь.

52 Речь по сути идет о столкновении амбиций двух деятелей компартии, стоявших во главе силовых структур в послевоенной Венгрии, – министра внутренних дел Ласло Райка и шефа политической полиции (АВН) Габора Петера (1906–1993), арестованного в начале 1953 г. в ходе подготовки так и не состоявшегося судебного процесса антисоциалистской направленности (его показания 1954–1956 гг. сыграли впоследствии немалую роль в прояснении непосредственного участия Ракоши в подготовке дела Райка). Организатор массовых репрессий Г. Петер, освобожденный из заключения по амнистии в 1959 г., так и не был реабилитирован, в отличие от Л. Райка.

53 НЕКОС (Движение народных коллегий) – очень заметное в Венгрии второй половины 1940-х гг. левое движение студенчества и молодой интеллигенции, за влияние на которое конкурировали как коммунисты, так и народники, выступавшие под лозунгами особого пути Венгрии к социализму. Распущено в конце 1940-х гг. Л. Райк действительно на определенном этапе пытался сделать НЕКОС одной из опор своего влияния на молодую левую интеллигенцию.

Всегда, и в подполье, и в период освобождения, это были провокаторы, международные шпионы. Назови мне хоть одного человека, которого бы ты ввел в коммунистическое движение и который принес бы нашему движению славу. И после этого скажи, был ли ты честным человеком.

Р.: Забастовка строительных рабочих⁵⁴, я думаю, не была...

К.: Назови хоть одного, кого ты привел в Партию и кто был честным человеком.

Ф.: О забастовке строителей мы еще поговорим.

К.: Назови же! Потому что я могу назвать тебе 20 провокаторов, которых ты протащил в Партию. А ты назови одного честного человека.

Ф.: Это показывает, какой ты закоренелый враг Партии.

К.: Скажи, что ты душевнобольной. Скажи, что не мог выбраться из вражеских лап, скажи что-нибудь разумное, что мы могли бы повторить, придя домой, и нам бы поверили и не засмеялись в глаза. В Испании ты развалил парторганизацию. В 32-м распалось студенческое движение, вы его уничтожили. Где бы ты ни оказывался, везде было одно и то же. А вспомни того мошенника, того провокатора, который уже сюда вернулся провокатором откуда-то из Южной Америки и подключил сюда испанцев⁵⁵. Ты передал его Партии, сам уехал в провинцию, а через испанцев были разгромлены все профсоюзные группы. И так было везде, где ты появлялся. И после этого ты говоришь, что ты честный человек.

Р.: Я серьезно говорю, такое...

К.: Так было или не так?

Р.: Но прошу прощения...

Ф.: Отвечай на вопрос! Нечего тут прощения просить! У тебя сил не хватает? За девятнадцать лет не накопил честности, чтобы сказать, мол, видите ли, да, я ошибался, не знал, что за всем этим стоит, меня завербовали, я тысячу, сто раз пожалел об этом, я не знал [...] признайся хоть в чем-нибудь перед Партией. Но ты же ну ничего на свете не желаешь за собой признать! Даже того, что уже занесено в протокол. Даже этого не хочешь признать. И начинаешь все с начала.

54 Речь идет об одной из протестных акций, организованных коммунистами в условиях режима Хорти.

55 Имеются в виду венгры, участвовавшие в гражданской войне в Испании в составе интербригад.

К.: Положи руку на сердце! Разве Партия не на руках тебя носила? Скажи, не на руках она тебя носила?

Р.: На руках.

К.: Скажи, о чем-нибудь мог ты еще мечтать, чего еще не достиг? И что тебе дала Партия. Ты был заместитель генерального секретаря Партии. Членом Секретариата. Был одним из первых людей государства. Партия же тебя на руках носила! Была тебе защитой в воде и в огне. Ошибки твои защищала. Неужто у тебя не хватает совести искренне признать перед Партией все, что ты делал? Неужели у тебя не хватает на это совести?

Р.: Видите ли, я здесь в такой ситуации, что просто потому не могу отвечать, потому онемел, что таким...

К.: Так говори же! Ты привел Штольте на квартиру Олта, когда Олт еще не был знаком с Штольте? Ты привел?

Р.: Ну, скажем, я привел.

К.: Никаких «ну скажем»! Привел или не привел?

Р.: Ну если Олт говорит, что привел, значит...

К.: Не Олт, а ты что скажешь?

Р.: Ну, привел.

К.: Гейера ты связал с Партией⁵⁶?

Р.: Я связал.

К.: А на другой день уехал?

Р.: Уехал по указанию Партии.

К.: Уехал на другой день?

Р.: По указанию Партии.

К.: Кто дал тебе такое указание?

Р.: Гач.

К.: А кто дал указание ввести в Партию Гейера?

Р.: На это было партийное решение.

К.: Где было партийное решение?

Р.: Так ведь он был нашим партуполномоченным в этом, в Верне⁵⁷.

Я имею в виду, Гач.

К.: И он решил, чтобы ты ввел Гейера?

Р.: ...

К.: А зачем ты Саса хотел навязать Партии и Госбезопасности?

56 Здесь и далее упомянуты участники коммунистического движения, позже заподозренные в том, что были провокаторами. Некоторые из них стали жертвами репрессий режима Ракоши.

57 Смысл слова, прозвучавшего в магнитофонной записи, не ясен.

Зачем навязал Партии Майерхоффера? Зачем навязал ей Череснеша?.. Я долго мог бы еще продолжать. Объясни, зачем? Зачем распустил наши партийные ячейки в полиции? Ну зачем?

Ф.: Видишь ли, Райк, бывает, конечно, что ошибешься с одним человеком. Бывает. Но ты регулярно приводишь в партию одних провокаторов и троцкистов, ты себя окружаешь ими, и это уже не случайность. Это уже сознательная политика.

Р.: Я вас вот о чем прошу...

К.: А кто покровительствовал НЕКОСу, не имея на то поручения Партии? Скажи! Кто покровительствовал НЕКОСу?

Р.: Я.

К.: Было у тебя на это поручение Партии?

Р.: Не было.

К.: И какой был результат твоей работы? Ты поддерживал НЕКОС без партийного поручения. Какой был результат?

Р.: Я не поддерживал НЕКОС без поручения Партии.

К.: Какой был...

Ф.: Ты поддерживал его без партийного поручения.

Р.: Я только помогал ему в хозяйственном плане.

К.: А кто беседовал с некосистами целыми ночами?

Р.: Я...

К.: Кто инструктировал некосистов?

Р.: Я беседовал с ними ночами?

Ф.: Почему в НЕКОСе были антипартийные настроения? Почему НЕКОС был настроен против Ракоши? Почему? Антирабочие настроения. Народнические, экономистские настроения. Кто был [...] руководителем НЕКОСа? Ты был, Райк. Ты насаждал в НЕКОСе антирабочие, антипартийные, антиракошистские, националистические настроения. Видишь, какой ты закоренелый враг Партии?

К.: А кто в МВД раздувал настроения против Партии и Госбезопасности? Кто вел борьбу против Партии и Госбезопасности? Ты честный человек. Скажи, кто вел эту борьбу?

Р.: Я против Партии никогда никакой борьбы не вел. А того, что у меня с Госбезопасностью были серьезные разногласия, я ни минуты не отрицаю.

К.: Не сужай вопрос, Райк, не сужай! В МВД под твоим руководством обосновалась шайка авантюристов, вражеская организация. Сначала они хотели захватить Госбезопасность, а потом, когда из этого ничего не вышло, попытались ее парализовать. Об этом ты ничего не знаешь?

Ф.: Саса ты зачем хотел внедрить в... Кто был этот Сас⁵⁸?

Р.: Про Саса могу сказать, что в самом деле рекомендовал его Ковачу⁵⁹. Ковач посмотрел на него и сказал, что...

Ф.: Зачем ты его рекомендовал?

Р.: Дай договорить.

Ф.: Зачем ты его рекомендовал?

Р.: Дай мне...

Ф.: Все-таки – зачем ты его рекомендовал?

Р.: Потому что думал, он человек порядочный, подходящий.

Ф.: Почему ты так думал? Ты его проверял?

Р.: Я для того и передал его Ковачу, чтобы тот проверил.

Ф.: Ты рекомендовал его Ковачу?

Р.: Я рекомендовал его Ковачу, чтобы он посмотрел, подходит он или нет. А Ковач сказал, что, по его мнению, не подходит, что хорошо бы послать его под наблюдение в МИД. Оттуда, может, мы бы его за границу устроили. Так он попал в МИД, я его сам выставил.

Ф.: Выставил, потому что Реваи потребовал⁶⁰.

Р.: Прошу прощения, Реваи не требовал. Реваи вообще ничего не требовал. Он удивился, почему я прошу, чтобы его убрали оттуда.

К.: Скажи, Райк, почему ты любишь ссылаться на умерших⁶¹?

Р.: Я не на умерших ссылаюсь, этот факт в Отделе госбезопасности многим известен, кто работал с Ковачем.

К.: Известен, но не так, как ты рассказал. Ты несколько недель добивался, чтобы Сас туда попал.

Р.: Хочу сказать несколько слов, если разрешите.

К.: Пожалуйста!

Р.: Жаль, что у вас нет времени, во всяком случае мне нужно иметь в виду, что у вас нет времени. Я, разумеется, за такое короткое время не могу объяснить, почему не соответствует фактам та точка зрения, которую вы мне сообщили, и нет нужды объяснять, что факт, из которого вы исходите, это недоразумение, будто я проник в Партию как замаскированный агент враждебной империалистической

58 Имеется в виду упоминавшийся выше Бела Сас, автор известной книги «Без всякого принуждения».

59 Речь идет о полковнике Яноше Коваче, заместителе Габора Петера по руководству политической полицией.

60 Йозеф Реваи (1898–1959) был главным идеологом венгерской компартии, членом ее узкого руководства.

61 Я. Ковача к этому времени уже не было в живых.

державы. Сейчас все равно, в том или ином варианте. Очевидно, вы основательно изучили мою партийную биографию. Очевидно и то, что прежде чем руководство нашей Партии приняло такое серьезное решение – подвергнуть меня аресту, то изучило не только мою партийную биографию, но посмотрело и другие вопросы. Каждый отдельный факт, который вы тут упоминали, это, действительно, сам по себе факт реальный. Действительно соответствует правде то, что в рабочее движение меня привел Штольте, и что Штольте был полицейский агент. То, что произошло в Испании, и о чем вы знаете, тоже реальный факт⁶². Но почему Райк развалил, почему не Хааш?..

К.: Потому что инициатива исходила от тебя.

Р.: Да, но нужно еще посмотреть, почему она исходила от меня.

К.: У тебя не было никаких причин проявлять такую инициативу.

Р.: Ну да, причин, конечно...

К.: Никаких причин не было.

Р.: Испания слишком далеко.

К.: Была слишком далеко. Причина у тебя имелаась. Тебе не нравилось, что в парторганизации нет склок и раздоров, а ты привык, что они всегда разгораются вокруг тебя. Поэтому ты и повел дело к развалу.

Р.: Ну а перед Испанией была вся эта забастовка строительных рабочих. И если я тайный вражеский агент, то, не хочу перечислять все подряд, зачем понадобилось врагу интернировать меня в 41-м, в самый критический момент?

К.: Да, это тоже интересно...

Р.: И до самого конца держать в лагере...

К.: Затем, чтобы сохранить тебя на будущее.

Р.: А если бы я...

Ф.: Нам методы империалистов известны.

Р.: Я в самом деле вижу, что сложилась сильная, единая точка зрения, будто я был агентом империалистов...

К.: Райк, объясни нам свою жизнь! В этом твоя задача. Объясни нам свою жизнь, а не нашу точку зрения, мы ее и так знаем. Объясни сам!

Р.: Такая единая точка зрения сложилась против меня...

К.: Послушай, Райк! Мне бы очень хотелось, чтобы ты понял, что тебе, Партии [...] Вторая вещь, хорошо это пойми, что у тебя сейчас последняя возможность, не для того, чтобы ты нам тут байки

⁶² Речь идет о проникновении агентов различных спецслужб в сражавшиеся в Испании интербригады, где было много венгров.

рассказывал, байки твои мы слушать не будем, а чтобы ты, положи руку на сердце, прошел бы по своей жизни ступень за ступенью, почему было так, как было. Понимаешь? Потому что в этом случае и для нас, и для тебя останется маленький шанс считать, что тебя загнали в угол в безвыходном положении, или играя на твоём непомерном честолюбии, или на тщеславии, или я уж не знаю на чем. Понимаешь? Мы знаем, что ты не родился негодяем. Мы это знаем. И я знаю и еще раз говорю тебе, что Партия наша носила тебя на руках.

Р.: Вы даже на минуту не можете предположить, что меня никто не загонял в угол и никто мной не управлял?

К.: Мы это предполагаем, что ты не был загнан в угол. Но это значит, что ты 18-летним парнишкой добровольно вступил в армию врага. Для тебя это еще хуже.

Р.: Тогда, значит, остается, что меня или загнали в угол, или я сознательно нахожусь во вражеском лагере.

Ф.: Именно. Другого не дано. Ты прав.

Р.: Другого не дано?

Ф.: Нет.

Р.: А вы не можете допустить, чтобы человек не относился ни к первому лагерю, ни к другой категории, а просто допускал ошибки?

Ф.: Это мы уже прошли. Это уже позади, Райк.

К.: В прошлом году, в начале августа⁶³, мы предполагали именно этот, третий вариант. Партия тогда приняла такое решение именно потому, что мы предполагали третье. Что ты просто допустил ошибки. Тяжелые ошибки, но ошибки. Это было в августе прошлого года. Теперь у нас нет никаких причин держаться за этот третий вариант.

Р.: А вы не думаете, что с августа прошлого года... Замечу, что я этого не знал, этого вы мне не сказали...

К.: С тех пор мы стали умнее.

Р.: Вы не сообщили мне, какое мнение сложилось в отношении меня.

К.: Вспомни: когда мы были на квартире у товарища Ракоши и разговаривали с ним...

Р.: Я помню.

Ф.: Я тоже, и, думаю, товарищ Ракоши тоже сказал, что твоя отставка из МВД – в этом секретарь Партии стоит выше тебя.

Р.: Это я знаю, это я принял буквально и проанализировал про себя.

Ф.: И мы тогда еще сказали, и товарищ Ракоши тогда об этом говорил, и Герё об этом говорил, и я об этом говорил, и, кажется,

63 При освобождении Райка от поста министра внутренних дел.

Кадар тоже, мы все говорили, что у тебя имеет место антисоветская позиция.

К.: И сказали, что враг находится в МВД (?).

Ф.: И мы тебе уже тогда сказали заранее, товарищ Ракоши тебе достаточно говорил, во всем, что ты создаешь между МВД и Госбезопасностью, кроется вражеская рука.

Р.: Значит, значит...

Ф.: Все это мы тебе тогда сказали.

Р.: С тех пор около года прошло. Около года. 10 месяцев. За эти десять месяцев во всем Министерстве иностранных дел, именно исходя из опыта МВД, с честью и... (*говорит тихо, неразборчиво*).

Ф.: Еще бы, ты сразу же захотел организовать под крышей МИДа шпионскую сеть, иностранную разведку.

К.: Это было твое первое предложение, когда ты пришел в себя. Твоим первым предложением был план, чтобы и Госбезопасность, и Военно-политический отдел остановили свою деятельность за рубежом. И чтобы ты руководил ею из МИДа. Знаешь, чей это был план, чья это была система? Это у нас есть в письменном виде – только с более ранней датой. Более ранней. Знаешь, чья это была система? Ну-ка, попробуй вспомнить!

Р.: Не знаю, чья это была система, но о том, чтобы...

К.: Но ты все-таки подумай, постарайся угадать!

Р.: О том, чтобы я ей руководил, и речи не было. Речь шла только о том... да ведь там был Фаркаш...

К.: Тогда кому ты толковал все время, мол, зачем отдельный человек в Госбезопасности, да зачем отдельный человек в Военполите, зачем МИДу действовать по своей отдельной линии? Давайте объединим все три линии вместе. Кому ты это объяснял?

Р.: Ревесу⁶⁴, Фаркашу один раз...

Ф.: Ну хватит уже! Хватит, хватит!

К.: Это и было твое первое предложение, когда ты немного очухался в МИДе, и ничего больше. Разве это главная задача министра иностранных дел?!

Ф.: Разработал этот план кто-нибудь (sic!)? Разработал кто-нибудь? Да или нет?

Р.: Знаете ли, я одно могу сказать...

⁶⁴ Речь идет о генерале Г. Ревесе, в то время курировавшем военно-политическую работу в министерстве обороны. В 1960–1963 гг. он был послом в Москве.

К.: Мы сами тебе скажем: это ты тогда придумал сам.

Р.: То, что я тогда говорил, я, конечно, придумал сам.

К.: Мы тебе скажем, кому ты дал указание разработать этот план.

Р.: Кому я дал указание?

К.: Гораздо раньше.

Р.: Кому я дал указание?

К.: Вот подумай и скажи!

Р.: Никому я никакого указания не давал. Только это я и могу сказать.

Ф.: Одним словом, у Райка такая точка зрения, что это мы допустили ошибку, что это Партия допустила ошибку, когда дала указание, чтобы [...] (непонятно). Это его точка зрения.

Р.: Нет, моя точка зрения – что...

Ф.: Правильно, что [...] (*слишком громко, ничего невозможно понять*).

Р.: Правильно.

Ф.: Почему правильно?

Р.: Потому правильно, что задним числом насчет всех этих внутренних дел выясняются такие вещи, которыми я наносил вред классу, наносил вред Партии. И еще потому...

Ф.: Всего десять минут назад ты спрашивал у товарища Кадара, в чем заключался нанесенный тобой вред. Теперь ты сам говоришь, что наносил вред.

Р.: Я не так...

Ф.: Очень даже так!

Р.: Я не так поставил вопрос. Я наносил вред Партии той политикой, которую проводил в МВД. А о том, честно говоря, я даже думать не смел, что нахожусь под арестом потому, что меня подозревают в сотрудничестве с империализмом, в том, что я империалистический шпион. Я даже думать не смел, что в отношении меня существует такой кризис доверия. Даже не кризис, а такое сложившееся и твердое мнение в руководстве Партии...

К.: Послушай, ты ведь не глупый человек.

Р.: Никогда не считал себя глупым.

К.: Ведь в прошлом году, когда было это рабочее совещание... (очень тихо) ты тогда очень много на эту тему говорил. Ты человек не глупый. Ты тогда очень хорошо знал, что был такой кризис доверия.

Р.: Хорошо, но есть кризис доверия и кризис доверия...

К.: Так знал?

Р.: О том, что существует кризис доверия, знал.

К.: И как ты считал, почему?

Р.: Если это в интересах моей работы, пусть даже по политическим причинам, ради того, чтобы более эффективно вести работу... Но кризис доверия в том смысле, что я вражеский агент, – о таком я даже не смел подумать. Я и теперь с чистой совестью... в такие минуты у тебя... значение слова... прекрасно понимаю, что...

Ф.: Берегись, мертвые ведь еще могут воскреснуть.

Р.: Мертвые не воскресают...

Ф.: Берегись, берегись!

Р.: Я скажу кое-что. Я теперь в таком положении, что если бы я сейчас сказал, что, признавая свой долг перед Партией и так далее... дескать, я действительно агент империалистов, – так ведь я бы ни слова не смог выдать, что бы со мной ни делали, насчет того, если бы меня спросили, скажи, с кем ты связан. Как бы я мог это сказать, если я никогда ни с кем не был связан?.. Здесь вот три признания. Одно – какого-то Боарова, который якобы приносил мне от Бранкова запечатанные письма, второе – какого-то проходимца – это вместе с тем критика и в мой адрес – Череснеша.

Ф.: Самый доверенный твой сотрудник...

Р.: Потому я и говорю, что это критика и в мой адрес, раз я о нем отозвался критически. Третье – признание Сёни. Признание Сёни о том, сколько недель назад он получил указание вступить со мной в контакт, и я стану его старшим связным. Я же всего-навсего человек, и если вы дадите мне возможность, тогда я сделаю вот что: опишу свою жизнь, и каждую маленькую деталь своего пути в рабочем движении разберу на мельчайшие подробности, покажу, с кем я был в контакте и т. д., чтобы можно было проверить каждый отдельный шаг на моем пути. И если у человека есть еще запас доверия со стороны Партии, и если у моих слов есть еще... если есть хоть малейшая возможность, чтобы руководство Партии занялось моим делом, тогда я прошу, пусть руководство позволит мне описать свою жизнь, как можно подробнее, с именами, чтобы была возможность проверить... потому что я не могу требовать, чтобы мне просто так поверили, потому что... Я одно могу утверждать, одно утверждаю: что бы со мной ни произошло, я ни на суде, ни где-либо еще никогда не буду заниматься подрывной деятельностью по отношению к Партии, не займу вредную для Партии позицию, но все то...

К.: И до сих пор не занимался?

Р.: И до сих пор не занимался.

К.: Никакой деятельностью, подрывающей авторитет Партии?

Р.: Сознательно – нет.

К.: Занимался или не занимался?

Р.: Занимался, но занимался не сознательно, то есть в том смысле, что занимался не с враждебными намерениями. Сознательно занимался, потому что, когда издавал то или иное распоряжение, был в здравом уме. Но не с враждебными намерениями. Но не с целью подорвать авторитет Партии.

К.: Послушай, если ты собираешься продолжать то, что начал, а ты четыре дня врал, плел что в голову придет вокруг того вопроса, кто [...] (*непонятно*). И так с каждым вопросом, от первого до последнего. Ничего хорошего из этого не получится.

Р.: Не врал я четыре дня, кто меня завербовал. Чушь это, не думайте, что...

К.: Но ты так поступаешь с каждым вопросом.

Р.: Не сердитесь, но...

К.: А зачем ты врал, что список Б⁶⁵ забрал сначала для себя, потом отнес товарищу Ракоши?

Ф.: Ракоши его никогда не видел.

Р.: Я только могу сказать, что когда однажды вечером получил список Б, то поехал с ним на квартиру товарища Ракоши. Товарищ Ракоши особо посмотрел в нем агентов в церкви, в католической церкви...

К.: Людей из списка Б?

Р.: Людей из списка Б. Особо посмотрел, кто те, кого он не одобрил бы...

К.: Вот что я тебе скажу! Ракоши никогда не видел список Б. И если бы он услышал, что ты просишь этот список для себя, он запретил бы тебе его выдавать. Понятно?

Р.: Я во всяком случае сам был свидетелем... (*непонятно*).

Ф.: Послушай меня, Райк! Ты просил товарища Петера⁶⁶, чтобы он предоставил тебе возможность поговорить с представителями Партии, искренне рассказать им о своих ошибках. Мы пришли. И находимся здесь уже целых полдня. Мы думали, наконец-то ты поумнел и в самом деле искренне откроешь Партии все, о чем до сих пор молчал, что утаивал от нее. Мы пришли сюда, а ты даже самокритикой не занимался в нашем присутствии, хотя с этого надо было начать.

65 Можно предположить, что речь идет об одном из списков тайной агентуры, работавшей в Венгрии под крышей Союзной контрольной комиссии, в деятельности которой принимала участие и югославская сторона.

66 Шефа политической полиции Г. Петера.

Если ты честный человек, ты сказал бы, мол, товарищи, я допустил серьезные ошибки, хуже того, вел антипартийную деятельность, потому-то и потому-то. Но ты не продемонстрировал такую позицию, а принялся нам доказывать, что ты – честный человек. Уже на основе тех показаний, которые ты давал до сих пор, выясняется, и ты подтвердил это собственными словами, что ты троцкист, националист, антисоветский и антипартийный элемент. У тебя нет сил, нет смелости признать это, что доказывает, что ты закоренелый враг Партии. А мы пришли, чтобы сказать тебе: Райк, вот тебе шанс, в последний раз воспользуйся им, перед тобой стоит Партия, мы представляем перед тобой Партию. Но ты только оправдываешься, пытаешься отмыться здесь добела, и это показывает, что [...] (*непонятно*).

Р.: Если меня даже исключат из Партии, я все равно могу говорить как коммунист.

Ф.: Нет.

Р.: Этого мне никто не запретит.

К.: У тебя нет морального права произносить, говоря о себе, это слово – коммунист.

Р.: Ладно, я одно могу сказать: надеюсь, когда-нибудь, может быть, уже не при моей жизни, трагическое заблуждение прояснится, все это поймут. Потому что насчет того, что я допустил тяжкие ошибки, я сегодня все написал, я все написал.

Ф.: Это один процент того, что ты сделал.

Р.: Я все написал. Но насчет подозрения, будто я был чуждым элементом в Партии, орудием в руках чужих сил, сознательно подрывал авторитет Партии и так далее, это останется нашим делом, но это трагическое заблуждение руководства Партии. Это я смею утверждать со спокойной совестью. И если есть возможность и нет какой-то особой срочности, то я просил бы дать мне спокойные сорок восемь часов, чтобы я мог все это написать.

К.: Ты одно пойми! Здесь только у тебя есть срочность, чтобы объяснить, что ты совершил против Партии и идеи. Это только тебе срочно.

Р.: И я это сделаю самым тщательным образом.

К.: Правильно. И второе: во втором письме, которое ты нам написал, в последних строках ты сам говоришь, что, в противоречие с первым письмом, когда ты писал, что в Партии и в Госбезопасности сидят американские агенты, – ты утверждаешь, что ты и есть враг внутри Партии. Ты писал это?

Р.: Писал.

К.: Ну так и говори об этом, а не о другом!

Р.: Но в связи с чем я это писал? Там написано, что я представляю в Партии такие буржуазные идеологические пережитки, в результате которых и появилось в Министерстве внутренних дел то-то и то-то и так далее. Вот что я имел в виду, от этого я и сегодня не отказываюсь, это я и сегодня признаю, и писал об этом даже гораздо подробнее. С тех пор я самым коренным образом проанализировал в себе все эти вещи, но одно скажу... чуть не вырвалось имя товарища – но не буду называть... одно скажу: это останется трагической ошибкой руководства Партии, если меня...

Ф.: Ах ты... *(говорят все сразу, разобрать невозможно)*.

Р.: Прошу прощения, я не утверждаю, что я – безукоризненный и... и...

Ф.: А по нашему мнению – ты именно это и утверждаешь...

Р.: Партийное руководство в конечном счете, ввиду незнания фактов здесь или там...

К.: Скажи, Райк, почему ты считаешь нас идиотами? Ну почему не Герё или Реваи или Фаркаш или я сидим на твоём месте?! Почему не по отношению к нам совершила Партия трагическую ошибку? Скажи, почему?

Ф.: Тито и его подручные тоже говорили, что Сталина неверно информировали о фактах, то есть Сталина на основе фактов подтолкнули к неправильным выводам. Ты тоже пользуешься такой тактикой, Райк!

Р.: Это совсем другое дело, это... *(заикается)*.

Ф.: Сегодня троцкисты вроде Тито открыто действуют под знаменем антисоветизма, верно ведь?

Р.: В общем, тут совсем в другом смысле... тот факт, что...

Ф.: Ты выбираешь ту же самую тактику.

Р.: Не выбираю я эту тактику.

Ф.: Видно, в одной вас школе учили.

Р.: Но, прошу прощения, у каждого человека в жизни есть две вещи. Одна, скажем, поступки, которые он совершает, которые предпринимает, и это само говорит за себя. Другая вещь, если можно так сказать, это его честное имя, честное сознание, что все эти ошибки он совершает из лучших намерений, совершает по глупости, из-за недостатка соответствующей идеологической подготовки... или же совершает их из сознательного, вредоносного стремления к подрыву. И я сказал... я... *(кто-то пытается перебить его)*... Одну минуту, я хочу еще сказать кое-что...

К.: Видишь ли, мы тут не торговки с площади Телеки.

Р.: В общем, может мне Партия дать сорок восемь часов, чтобы я написал...

К.: Не о сорока восьми часах идет речь, Райк, речь идет о тебе! Согласен ли ты рассказать все, что сделал, и как сделал, и в чьих интересах сделал, и по чьим указаниям, с чьего одобрения, в чью пользу сделал? Согласен ты все это рассказать или нет?

Р.: У меня один вопрос. Можно минутку, прежде чем... (*далее неразборчиво*). Вопрос мой вот в чем: пока со мной дело не прояснится и не будет закрыто, чтобы моей жене не было никаких ущемлений⁶⁷.

Ф.: Это зависит от твоего поведения!

Р.: [...] (*непонятно*).

Ф.: Это зависит от твоего поведения, Райк!

Р.: Ладно, спасибо.

(Пауза)

П. (Габор Петер): С этого момента ты не являешься коммунистом, не являешься членом Коммунистической партии, и слово «товарищ» больше не произноси, а если произнесешь, увидишь, что тебе будет. Это одно. И второе: согласен ли ты в течение часа изложить на бумаге все, что ты совершил, да или нет?

Р.: Я прошу дать мне возможность...

П.: Нет, я тебя спрашиваю: согласен ли ты в течение часа изложить на бумаге все, что ты совершил? Да или нет?

Р.: Я еще раз...

П.: Отвечай только на вопрос: да или нет?

Р.: Ладно, я изложу то, что знаю...

П.: Ты не это (!) мне отвечай! Согласен ли ты за один час изложить на бумаге все, что совершил, да или нет?

⁶⁷ Юлия Райк (1914–1981) была не только арестована, но и до своего освобождения в 1954 г. разлучена с сыном, отданным в детский дом в полугодовалом возрасте. В 1956 г. публично выступала с требованием восстановления полной справедливости в отношении мужа, позже участвовала в правозащитных общественных движениях кадаровской Венгрии. Сын, Ласло Райк младший (1949–2019), стал известным в Венгрии архитектором и дизайнером, в годы правления Кадара был связан с либеральными оппозиционными движениями, продолжал заниматься политикой и после падения коммунистического режима.

Р.: Я изложу, что совершил.

П.: Скажи мне: да или нет?

Р.: Да. Изложу, что совершил.

П.: Пусть садится и пишет, через час посмотрим, что у него получится... Эта ночь в твоей жизни будет самой черной, если не напишешь, что я тебе говорю.

(Пауза)

Р.: [...] (*непонятно*) чтобы дали сорок восемь часов.

П.: Послушай меня! Тем, что ты поднялся сюда, ты тратишь впустую свое собственное время. Ровно в час ты спустился, до двух я жду. Сейчас двадцать минут второго. Здесь нет необходимости, чтобы ты писал целых два дня. Мне достаточно будет нескольких фраз. Виновен в том-то и том-то, виновен в том-то и том-то... Для этого хватит и полчаса, а не целый час. А я все же дал тебе час. Еще раз тебе говорю: жду до двух, это сорок минут. Если через сорок минут не будет готово, пеняй на себя.

Р.: До тех пор будет готово, будет готово (?). Я потому пришел с этим вопросом, что хочу перечислить все.

П.: Но мне не надо подробно...

Р.: Одну минуту... Я все перечислю, но то, чего от меня сейчас ждут, я не могу, к сожалению, перечислить, потому что я этого не совершал.

П.: Ну вот что...

Р.: Вот почему я хочу, вот почему...

П.: Сорок восемь часов ты будешь писать в другой раз, когда справишься с этим. Сейчас у тебя сорок минут. За это время, если будешь писать по одной фразе, совершил то-то и то-то, виновен в том-то и том-то, ты этим многого избежишь. Если нет, то сегодня же ночью твоя жена тоже будет здесь, это я тебе обещаю. А кроме того, увидишь, что тебя ждет. Так что не теряй времени! Неси бумагу назад, и до двух часов можешь писать.

Р.: До двух часов я сделаю. Я только хотел бы сообщить здесь, и, разумеется, изложить это в форме вопроса, что, если будет такая возможность, я их получу, если не будет такой возможности, не получу, потому что, по всей очевидности, потом мне уже не удастся ничего писать.

П.: Да это уж точно, не удастся. Очень многое зависит от того, что ты сейчас напишешь.

Р.: Потом у меня не будет возможности писать, так что я еще раз заявляю – дальнейшее расследование установит, что все, что утверждали Сёни и другие, что это, так сказать, правда, я и сейчас не смог бы сказать, с чем связано...

П.: Ладно, сейчас иди обратно, у тебя тридцать семь минут, столько я подожду, а потом... (*непонятно*).

(Пауза)

П.: [...] Не перед Партией! Ты к Партии никакого отношения не имеешь. Ты перед Управлением Госбезопасности делаешь чисто-сердечное признание, так или иначе. Изложить на бумаге ты не захотел, эта игра окончена! Ступай с бумагой!

Р.: 48 часов...

П.: Никаких 48 часов!

(Пауза)

П.: Тебе об одном надо думать. Тебя будут бить, пока из тебя не выйдет все, что ты держишь в себе. Этим ты только показал, какой ты упорный враг. Ну а теперь ты сказал, что хочешь написать, о чем еще не писал. Скажи, что ты собираешься писать? Говори! У нас нет больше времени для тебя! О чем ты хочешь писать? Будешь говорить или нет?

Р.: (*тяжело дышит, что-то тихо отвечает*).

П.: У тебя есть что написать, что ты еще не сказал? Да или нет?

Р.: Есть.

П.: Есть. Тогда отведите его вниз, даю тебе еще полчаса, много не пиши, пусть это будут короткие фразы. О чем ты еще не говорил.

Р.: Не могу я сейчас писать.

П.: Не может писать. Уведите его.

Р.: (*шепчет что-то*).

П.: Нужны тебе полчаса или не нужны? Будешь писать?

Р.: Буду.

П.: Будешь писать? Уведите!

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). М.: РОССПЭН, 2002. 686 с.

Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 / отв. ред. Г. П. Мурашко. Т. 1–2. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997–1998.

Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М.: Наука, 2008. 610 с.

Желючки Б. Й. Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 125–138; № 3. С. 166–186.

Кимура К. «Дело Райка» в контексте венгерско-югославских отношений // Славяноведение. 2012. № 1. С. 3–15.

Кимура К. Под знаком дунайского содружества. Венгерско-югославские культурные связи в 1945–1948 гг. // Славяноведение. 2010. № 5. С. 53–64.

Кимура К., Стыкалин А. С. Венгерско-югославские отношения: от «дела Райка» до смерти Сталина (1949–1953 гг.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. Вып. 13. № 1–2. С. 98–120. DOI: 10.31168/2412-6446.2018.1.2.08.

«Людям свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1997. № 3. С. 108–157.

Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Советское руководство и политические процессы Т. Костова и Л. Райка // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М.: Наука, 1999. С. 23–35.

На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.) / науч. ред. А. А. Чернобаев. М.: Новый хронограф, 2008. 784 с.

Петров Н. В. По сценарию Сталина: роль органов НКВД-МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 351 с.

Последняя речь Яноша Кадара / публ. О. Якименко // Неприкосновенный запас. 2015. № 4. С. 141–159.

Сас Б. Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса. М.: Комментарии, 2003. 270 с.

Секретная советско-югославская переписка 1948 года / вступительная статья и примечания Л. Я. Гибианского // Вопросы истории. 1992. № 4/5. С. 119–136; № 6/7. С. 158–172; № 10. С. 141–160.

Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост. Е. Д. Орехова, В. Т. Серeda, А. С. Стыкалин. М.: РОССПЭН, 1998. 863 с.

Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т. 2 / отв. ред. Т. В. Волокитина. М.: РОССПЭН, 2002. 928 с.

Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума ЦК КПСС 1955 г. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 3–63.

Стыкалин А. С. Дунайские проекты Оскара Яси // Вопросы национализма. 2014. № 19. С. 189–204.

Стыкалин А., Кимура К., Якименко О. Дело Райка 1949 г.: взгляд из Югославии // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Вып. II. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. С. 243–273.

Стыкалин А. С. Столетний юбилей начала венгерской революции 1848 г. в контексте советско-югославского конфликта // Центральноевропейские исследования. 2018. Выпуск 1 (10). День в календаре. Праздники и памятные даты как инструмент национальной консолидации в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XIX–XXI вв. / гл. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 67–89. DOI: 10.31168/2619-0877.2018.1.3.

Gibianskii L. The Hungarian-Yugoslav Territorial Problem in Soviet-Yugoslav Political Contacts 1945–1946 // *History & Politics*. III. Bratislava, 1993.

Gibianskii L. The Soviet Union and the Emergence of Yugoslav Communist Territorial Claims against Italy and Austria, 1941–1945 // *The Alps-Adriatic Region, 1945–1955: International and Transnational Perspectives on a Conflicted European Region* / ed. W. Mueller, K. Ruzicic-Kessler, Ph. Greilinger. Wien: New Academic Press, 2018. 261 p.

Mindszenty J. Emlékirataim. Budapest: Az Apostoli Szentszék kiadója, 1989. 502 o.

Rainer M. J. Távirat “Filippov” elvtársnak. Rákosi Mátyás üzenetei Sztálin titkárságának, 1949–1952 // 1956-os Intézet Évkönyv. VI. Budapest, 1998. 103–118 o.

References

Gibianskii, L. «The Hungarian-Yugoslav Territorial Problem in Soviet-Yugoslav Political Contacts 1945–1946.» *History & Politics*. III. Bratislava, 1993.

Gibianskii, L. «The Soviet Union and the Emergence of Yugoslav Communist Territorial Claims against Italy and Austria, 1941–1945.» *The Alps-Adriatic Region, 1945–1955: International and Transnational Perspectives on a Conflicted European Region*, ed. by W. Mueller, K. Ruzicic-Kessler, Ph. Greilinger. Wien: New Academic Press, 2018, 261 p.

Edemskii, A. B. *Ot konflikta k normalizatsii. Sovetsko-iugoslavskie otnosheniia v 1953–1956 godakh*. Moscow: Nauka, 2008, 610 p.

Kimura, K. «“Delo Rajka” v kontekste vengersko-iugoslavskikh otnoshenii.» *Slavianovedenie*, 2012, no 1, pp. 3–15.

Kimura, K. «Pod znakom dunaiskogo sodruzhestva. Vengersko-iugoslavskie kul'turnye sviazi v 1945–1948 gg.» *Slavianovedenie*, 2010, no 5, pp. 53–64.

Kimura, K., Stykalin, A. S. «Vengersko-iugoslavskie otnosheniia: ot “dela Rajka” do smerti Stalina (1949–1953 gg.)» *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*. 2018, no 1–2, issue 13, pp. 98–120. DOI: 10.31168/2412-6446.2018.1.2.08.

«“Liudiam svoistvenno oshibat'sia”. Iz vospominanii M. Rakosi.» *Istoricheskaia arkhiv*, 1997, no 3, pp. 108–157.

Mindszenty, J. *Emlékirataim*. Budapest: Az Apostoli Szentszék kiadója, 1989, 502 p.

Murashko, G. P., Noskova A. F. *Sovetskoe rukovodstvo i politicheskie protsessy T. Kostova i L. Rajka. Stalinskie desiatiletiiia kholodnoi voiny: fakty i gipotezy*. Moscow: Nauka, 1999, 252 p.

Na priiome u Stalina. Tetradi (zhurnaly) zapisei lits, priniatikh I. V. Stalinym (1924–1953 gg.), ed. by A. A. Chernobaev. Moscow: Novyi khronograf, 2008, 784 p.

Petrov, N. V. *Po stsenariiu Stalina: rol' organov NKVD-MGB SSSR v sovetsko-iugoslavskoi stran Tsentralnoi i Vostochnoi Evropy. 1945–1953 gg*. Moscow: ROSSPEN, 2011, 351 p.

Posledniaia rech' Janosa Kadara, publ. by O. Yakimenko. *Neprikosnovennyi zapas*, 2015, no 3.

Rainer, M. J. «Távirat “Filippov” elvtársnak. Rákosi Mátyás üzenetei Sztálin titkárságának, 1949–1952.» *1956-os Intézet Évkönyv*. VI. Budapest, 1998, 103–118 p.

«Sekretnaia sovetsko-iugoslavskaia perepiska 1948 goda, introduced and commented by L. Ia. Gibianskii.» *Voprosy istorii*, 1992, no 4/5, 6/7, 10.

Sovetskii Soiuz i vengerskii krizis 1956 goda. Dokumenty, ed. by E. D. Orekhova, V. T. Sereda, A. S. Stykalin. Moscow: ROSSPEN, 1998, 863 p.

Sovetskii faktor v Vostochnoi Evrope. 1944–1953. Dokumenty. Vol. 2, ed. by T. V. Volokitina. Moscow: ROSSPEN, 2002, 928 p.

«Sovetsko-iugoslavskie otnosheniia. Iz dokumentov iul'skogo plenuma TsK KPSS 1955 g.» *Istoricheskii arkhiv*, 1999, no 2, pp. 3–63.

Stykalin, A. S. «Dunaiskie proekty Oszkara Jaszi.» *Voprosy natsionalizma*, 2014, no 19, pp. 189–204

Stykalin, A., Kimura, K., Iakimenko, O. «Delo Rajka 1949 g.: vzgliad iz iugoslavii.» *Rossia i Vengriia na perekrestkakh evropeiskoi istorii*. Issue II. Stavropol: Northern Caucasus University Press, 2016, pp. 243–273.

Stykalin A. S. «Stoletnii iubilei nachala vengerskoi revolyutsii 1848 g. v kontekste sovetsko-yugoslavskogo konflikta.» *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, 2018, no 1(10). *Den' v kalendare. Prazdniki i pamiatnye daty kak instrument natsional'noi konsolidatsii v Tsentralnoi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evrope XIX–XX vv.*, ed. by O. V. Khavanova. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2019, pp. 67–89. DOI: 10.31168/2619-0877.2018.1.3.

Szász, B. *Bez vsiakogo prinuzhdeniia. Istoriia odnogo sfabrikovannogo protsessa*. Moscow: Konntarii, 2003, 270 p.

Volokinina, T. V., Murashko, G. P., Noskova, A. F., Pokivailova, T. A. *Moskva i Vostochnaia Evropa. Stanovlenie politicheskikh rezhimov sovetskogo tipa (1949–1953)*. Moscow: ROSSPEN, 2002, 686 p.

Vostochnaia Evropa v dokumentakh rossiiskikh arkhivov. 1944–1953, ed. by G. P. Murashko. Vols. 1–2. Moscow; Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1997–1998.

Zselicky, B. «Tragicheskaiia sud'ba Laszlo Rajka. Vengriia 1949 goda.» *Novaia i noveishaia istoriia*, 2001, no 2, 3.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.21

A. S. Stykalin, Yu. P. Gusev

**“We know that you were not born a scoundrel...”.
János Kádár interrogating László Rajk, 1949**

Alexander S. Stykalin
Candidate of History, leading research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Yuri P. Gusev
Doctor of Letters, independent researcher
Moscow, Russian Federation
E-mail: gusev.yury@gmail.com

Citation

Stykalin A. S., Gusev Yu. P. “We know that you were not born a scoundrel...”. János Kádár interrogating László Rajk, 1949 // Slavic Almanac. 2024. No 1–2. P. 373–426 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.21

Received: 30.04.2023.

Abstract

In the context of the conflict with Tito's Yugoslavia, unleashed on Stalin's initiative in 1948, the Soviet Union took steps to rally all the countries of the emerging Eastern bloc on the anti-Yugoslav platform. Particularly active in the anti-Yugoslav campaign was the leader of the Hungarian communists, Mátyás Rákosi, who feared that Moscow would not forgive him for his former closeness with the leadership of the Yugoslav Communist Party. In order to prove his loyalty to Stalin, and at the same time get rid of the most powerful domestic political competitor, Rákosi organized a large show trial of László Rajk, prepared with the participation of advisers from the USSR, modeled on the great Moscow trials of the 1930s. The Rajk trial of September 1949 further escalated the campaign against the Tito regime, during which, in accordance with a new resolution of the Cominform, adopted in November 1949, Yugoslavia was declared a country which was no longer in the power of just nationalists and revisionists, but spies and killers. The reader is invited to read the protocol of interrogation of László Rajk with the participation of the future leader of Hungary, János Kádár, who himself would be subjected to severe repressions by the Rákosi regime two years later on similar charges. For the communist reformer János Kádár, involvement in the Rajk case became as indelible a stain on his political career as the suppression of the popular uprising in 1956.

Keywords

I. V. Stalin, Josip Broz Tito, Mátyás Rákosi, László Raik, János Kádár, Sovietization of Eastern Europe, Soviet-Yugoslav conflict of 1948, Hungary, show trials.

УДК 94(47)

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.22

В. А. Кретов

Польский вопрос в Российской империи в последних изданиях серии *Historia Rossica*

Кретов Владислав Александрович
Младший научный сотрудник, аспирант
Европейский университет в Санкт-Петербурге
191187, ул. Гагаринская, д. 6/1, А, Санкт-Петербург,
Российская Федерация
E-mail: vlad.kretov.97@mail.ru
ORCID: 0009-0005-9629-4545

Цитирование

Кретов В. А. Польский вопрос в Российской империи в последних изданиях серии *Historia Rossica* // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 427–453. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.22

Финансирование

Текст подготовлен в рамках гранта РНФ № 23-18-00520 «За пределами “колониальности” и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX – начало XX в.)».

Рецензия поступила в редакцию 17.07.2023.

Аннотация

В рецензии рассматриваются вышедшие в 2020–2022 гг. в серии *Historia Rossica* издательства «Новое литературное обозрение» книги Мальте Рольфа, Екатерины Болтуновой и Дарюса Сталюнаса. Концепции и подходы, используемые авторами этих работ, рассматриваются в контексте сложившихся в российской и польской исторической науке традиций историописания польского вопроса в Российской империи. В XIX в. русскими и польскими историками были созданы антагонистические по отношению друг к другу национальные нарративы. В 1950–1960-е гг. в Советском Союзе и ПНР сложилась традиция изучения русско-польских революционных связей как ключевого эпизода общей истории русского и польского народов. Этот нарратив был попыткой преодоления традиционного антагонизма. С рубежа 1990–2000-х гг. российские и польские исследователи стали чаще акцентировать внимание на сложном характере отношений империи с ее польскими подданными, которые не ограничивались

враждой и взаимным недоверием. В последние годы наблюдается тенденция к примитивизации дискуссии и возврату к антагонистическим нарративам как в польско-, так и в русскоязычной историографии. Работы М. Рольфа, Е. М. Болтуновой и Д. Сталюнаса находятся в оппозиции к традиционным конфликтным нарративам, а их оригинальные исследовательские позиции позволяют ставить интересные вопросы о сложном характере русско-польских отношений в имперский период.

Ключевые слова

Польский вопрос, исторический нарратив, М. Рольф, Е. М. Болтунова, Д. Сталюнас.

В 2020–2022 гг. в серии *Historia Rossica* издательства «Новое литературное обозрение» вышли три новые книги, посвященные различным аспектам политики властей Российской империи в отношении польского вопроса в долгом XIX веке: «Польские земли под властью Петербурга» Мальте Рольфа¹, «Последний польский король» Екатерины Болтуновой² и «Польша или Русь? Литва в составе Российской империи» Дарюса Сталюнаса³. Историки из Германии, России и Литвы предлагают читателю посмотреть на сложную природу русско-польских отношений в Российской империи с разных исследовательских позиций. При этом все трое находятся в оппозиции к устоявшимся конфликтным нарративам, которые продолжают оказывать влияние на исследования, посвященные польскому вопросу в Российской империи. Краткая характеристика этих имеющих давнюю историю тенденций в научном языке представляется необходимой для разговора об актуальности рассматриваемых изданий.

Новая жизнь старых нарративов

В польской историографии с XIX в. сложилось устойчивое представление об исключительно конфронтационной модели русско-польских

¹ *Рольф М.* Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой. М., 2020. 574 с.

² *Болтунова Е.М.* Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М., 2022. 560 с.

³ *Сталюнас Д.* Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М., 2022. 376 с.

отношений. В рамках этой модели российская власть и общество объединялись в единый образ угнетателя. Врагами в таком случае были все: «от царя до последнего русского кацапа, от Муравьева до Бакунина и Герцена», как писал в 1867 г. мэтр польской историографии краковский консерватор Юзеф Шуйский⁴. Полякам же была приписана роль угнетаемого и сопротивляющегося. В межвоенные годы Ян Кухажевский в рамках этой модели выстроил цельный нарратив российской истории «от белого до красного царизма»⁵, который оказывает значительное влияние и на современную польскую историографию⁶.

Восприятие русско-польских отношений как «польского вопроса», клубка конфликтов и противоречий, начало которого теряется в глубине веков, было практически общепринятым и в российской дореволюционной историографии⁷. Для нее центральным оставался тезис С. М. Соловьева о том, что «польский вопрос родился вместе с Россией»⁸. Польская государственная традиция воспринималась в российской исторической науке как априори враждебная России и представлялась обреченной на неизбежную гибель⁹.

После включения Польши в социалистический лагерь советская историография представила сотрудничество польского национально-освободительного движения и русской революционной демократии и их совместную борьбу против царизма в качестве главного аспекта русско-польских отношений в Российской империи¹⁰.

4 *Szujski J.* Kilka prawd z dziejów naszych ku rozważeniu w chwili obecnej. Kraków, 1867. S. 15.

5 *Kucharzewski J.* Od białego do czerwonego caratu. Gdańsk, 2000. 325 s.

6 См., в частности: *Glębocki H.* Fatalna sprawa: Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków, 2000. S. 514–521.

7 *Аржакова Л. М.* Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века. Дис. на соискание ученой степени доктора ист. наук. СПб., 2014. 543 с.; *Аржакова Л. М.* Польский вопрос в России XIX в. (трактовка и время возникновения) // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2014. № 3. С. 4–17.

8 *Аржакова Л. М.* Польский вопрос в России... С. 9.

9 *Аржакова Л. М.* Польский вопрос и его преломление... С. 469.

10 В частности, см.: Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов / под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера. М., 1960; Русско-польские революционные связи 60-х гг. и восстание 1863 г. / под ред. В. А. Дьякова, В. Д. Королюка, И. С. Миллера. М., 1962; *Кеневич С.* Польско-русский революционный союз в период восстания 1863 г. // Советское славяноведение. 1971. № 3. С. 55–64.

К работе по созданию новой традиции историописания русско-польских отношений имперского периода активно привлекались ученые из ПНР. Советскими и польскими учеными был осуществлен масштабный совместный проект публикации источников по истории восстания 1863 г. в 25-томной серии «Восстание 1863 г. Материалы и документы»¹¹, до сих пор сохраняющей научную ценность.

Нарратив русско-польских революционных связей был приспособлен к идеологическим запросам Советского государства и потерял свою актуальность с его распадом. Хотя отход от исключительно негативного восприятия империи Романовых произошел уже в 1930-е гг., в советской историографической традиции империя рассматривалась как носитель «прогрессивной роли» в истории преимущественно до 1820-х гг. В «Кратком курсе истории СССР» А. В. Шестакова (1937 г.) была выдвинута концепция перехода этой роли от царизма к революционерам-демократам с восстанием декабристов. Эта схема воспроизводилась в учебниках, по которым советские студенты учили историю, до 1991 г.¹² Изменение языка описания поздней истории Российской империи произошло в исторической науке новой России. Хотя бинарная оппозиция «царизм – национально-освободительное движение» сохранилась в позднейших работах некоторых представителей советской школы полонистики¹³, об отходе российской историографии от советской интерпретации русско-польских отношений можно говорить с рубежа 1990-х – 2000-х гг. Этому способствовали, с одной

11 Powstanie styczniowe: Materiały i dokumenty / Восстание 1863 г.: Материалы и документы. Moskwa; Wrocław, 1961–1986. Т. 1–25.

12 *Бранденбергер Д. Л.* Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб., 2009. С. 69, 292.

13 В частности, в поздних работах С. М. Фалькович и некоторых работах Б. В. Носова: Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 / отв. ред. С. М. Фалькович. М., 2010. С. 7–10, 331–429, 519–526; Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. / отв. ред. С. М. Фалькович. М., 2016. С. 9–14, 461–602, 655–740; *Носов Б. В.* Правый лагерь в политической жизни Королевства Польского накануне Январского восстания // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / отв. ред. Н. А. Макаров. М., 2014. С. 143–201; *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб., 2017.

стороны, методологическое освобождение науки в 1990-е, а с другой — формирование в 2000-е государственного запроса на выстраивание национальной идентичности вокруг идеи великодержавности, которая проецируется на всю историю России¹⁴.

В польской историографии отход от советской идеологии произошел почти моментально после выхода из-под контроля Москвы. В начале 1990-х крупнейший польский историк, координатор советско-польской серии о революционных связях, Стефан Кеневич говорил, что свой главный труд о Январском восстании 1863 г. он предпочел бы написать иначе, отказавшись от акцента на роли красных в восстании¹⁵, что ему частично удалось в очерке 1992 г.¹⁶

Новые траектории движения в формировании сложной картины русско-польских отношений в XIX в. были намечены в польской и российской историографии на рубеже 1990-х и 2000-х гг. В вышедших в 1999 г. монографиях Л. Е. Горизонтова «Парадоксы имперской политики»¹⁷ и Анджея Хвальбы «Поляки на службе у москалей»¹⁸ на материале кадровой и земельной политики империи, а также регуляции межэтнических отношений¹⁹ авторы смогли показать сложную структуру русско-польских связей. Эти связи не укладываются в упрощенную схему «угнетение — сопротивление». Так, показав степень участия поляков в управлении Царством Польским, Хвальба опроверг тезис о полной русификации чиновничества после восстания 1863 г. Польский историк оценивает политику деполонизации высших эшелонов управления в Царстве Польском после 1863 г. как общеевропейскую практику обеспечения лояльности чиновников. Он показывает, что подобной дискриминации подвергались украинцы

14 Миллер А. И., Малинова О. Ю., Ефременко Д. В. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 133.

15 Ромек З. Польское Январское восстание 1863 года в историографии Третьей Речи Посполитой (1989–2013 гг.) // Польское Январское восстание... С. 376.

16 Kieniewicz S., Zahorski A., Zajewski W. Trzy powstania narodowe – kościuszkowskie, listopadowe, styczniowe / pod red. W. Zajewskiego. Warszawa, 1992. 428 s.

17 Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. 272 с.

18 Chwalba A. Polacy w służbie Moskali. Warszawa; Kraków, 1999. 259 s.

19 В частности, Л. Е. Горизонтов останавливается на изучении законодательства о «разноверных» браках: Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики... С. 75–99.

в Галиции и Буковине, ирландцы в британской Ирландии, протестанты в Пьемонте первой половины XIX в. и многие другие считавшиеся нелояльными этнические и конфессиональные группы в Европе XIX и XX столетий. Среди них Хвальба называет и меньшинства в межвоенной Польше²⁰.

Деконструкция негативных образов «кичливого ляха», отсталой и анархической Польши, характерных для общественного и властного дискурсов имперской эпохи, была осуществлена М. Д. Долбиловым²¹. Он обнаружил в политике властей на фоне восстания 1863 г. проект дискурсивной инженерии, целью которого было насаждение образа врага²². М. В. Лескинен установила, что в российской науке XIX в. использование восходящего к тезисам парижских лекций Адама Мицкевича положительного стереотипа о «веселости» как ключевой характеристике польского характера могло, в свою очередь, быть попыткой «перепрограммирования» уже устоявшегося в общественном дискурсе образа врага²³.

Наряду с тенденцией к все более сложному пониманию русско-польских отношений в Российской империи как в польской, так и в русскоязычной историографии на протяжении двух последних десятилетий наблюдались тенденции к все большей актуализации старых антагонистических национальных нарративов XIX в.

Несмотря на то, что польская историография длительное время находилась под впечатлением от исследования А. Хвальбы²⁴, в последние годы польские исследователи могут снова с удивлением задаваться вопросом, почему поляки шли на службу в столь

20 *Chwalba A.* Polacy... S. 234.

21 *Долбилов М. Д.* Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи (1860-е гг.) // *Образ врага* / ред. Л. Гудков. М., 2005. С. 127–174; *Долбилов М. Д.* Поляк в имперском политическом лексиконе // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. II. С. 292–339.

22 На изменение официального дискурса в 1863 г. для формирования чувства угрозы со стороны польского мятежа у массового читателя также указывал польский историк Хенрик Глембоцкий: *Głębocki H.* Fatalna sprawa... S. 357–370, 376–378.

23 *Лескинен М. В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 313–316.

24 В частности, см.: *Górak A.* Narodowościowe kryterium polityki kadrowej jako narzędzie depolonizacji zarządu gubernialnego lubelskiego // *Studia Archiwalne.* 2004. Т. 1. S. 41.

ненавидимую *всеми* администрацию завоевателей²⁵. Сложные отношения имперской власти и польского общества в ряде современных исследований с легкостью подменяются идеей о колониальной природе российской власти в Польше после восстания 1863 г. Встречаются и остаются без пояснения или подведения доказательной базы тезисы о планах империи, нацеленных не только на унификацию Царства и крайне широко понимаемую русификацию, но и колонизацию польских земель²⁶. В рамках такой деградации научного дискурса возможны даже рассуждения о «царском тоталитаризме» и этнических чистках поляков в Северо-Западном крае после начала восстания 1863 г. и сравнение политики М. Н. Муравьева с политикой советских властей²⁷.

В русскоязычной историографии тенденция возвращения к историческому нарративу XIX в. о польском вопросе в Российской империи наблюдается с середины 2000-х. В частности, в работах А. А. Комзоловой и белорусского историка А. Ю. Бендина политика империи в Северо-Западном крае после восстания 1863 г. представлена как борьба с внешней польской угрозой. Западный край понимается исследователями примордиалистски: как земля, исконно связанная с Россией и отторгнутая от нее поляками, а не как пространство конфликта между двумя проектами строительства нации. Действия властей оправдываются русофобией поляков²⁸ и патриотическим чувством, охватившим широкие слои русского общества: от русских чиновников в Западном крае и образованных

25 *Smyk G.* An Attitude of Polish Society Towards Russian Bureaucracy in the Kingdom of Poland after the January Uprising // *Studia Iuridica Lublinensia*. 2021. Vol. XXX, 1. S. 303. А. Хвальба исследовал вопрос отношения польского общества к службе в российской администрации и обнаружил разные тенденции: от безусловного отторжения до стремления к сотрудничеству из веры в возможность соглашения с империей или из позиции о необходимости экономического и культурного развития страны: *Chwalba A.* Polacy... S. 74–87.

26 *Górak A., Latawiec K.* Russian Governors in the Kingdom of Poland (1867–1918). Lublin, 2016. P. 9, 11; *Горак А., Лятавец К.* Российские бюрократические элиты Царства Польского (1839–1918) // *Уральский исторический вестник*. 2022. № 2 (75). С. 37–47.

27 *Wiech S.* Litwa i Białoruś: Od Murawjowa do Baranowa (1864–1868). Kielce, 2018. S. 116.

28 *Бендин А. Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск, 2010. 439 с.

слоев в столицах империи до выразивших «наивный монархизм» белорусских крестьян²⁹. Имперская политика в польском вопросе в таком случае оказывается «освобождением» от польского влияния³⁰ или культурной «реконкистой»³¹. Такая риторика представляет собой возврат к образам «польской интриги» и «испорченности» восточнославянского населения бывшей Речи Посполитой польским влиянием³². А. Ю. Бендин зашел в этой логике так далеко, что попытался применить излюбленный некоторыми польскими исследователями колониальный дискурс наоборот, назвав русификацию Северо-Западного края *деколонизацией* внутривосточной польской колонии³³. Примером непосредственного вторжения исторической политики в историографическую дискуссию о русско-польских (в данном случае скорее русско-белорусско-польских) отношениях в XIX в. может служить книга А. Р. Дюкова «Неизвестный Калиновский»³⁴. Образ Константина Калиновского, одного из руководителей восстания 1863 г. в Северо-Западном крае, как белорусского национального героя был сформирован белорусскими националистами в начале XX в. и в таком качестве вошел

29 *Комзолова А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 143; *Комзолова А. А.* Учебники для народной школы в Виленском учебном округе в 1860-х гг. // *Российская история.* 2021. № 6. С. 127–128.

30 *Комзолова А. А.* Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев и начальное образование белорусских и литовских крестьян, 1850–1860-е гг. // *На службе Отечеству: памяти Михаила Николаевича Муравьева (1796–1866).* СПб., 2017. С. 184.

31 *Бендин А. Ю.* Проблемы веротерпимости... С. 8; *Бендин А. Ю.* Роль М. Н. Муравьева в русско-польском споре об идентичности Северо-Западного края Российской империи // *Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти.* М., 2013. Т. XV. С. 247–272.

32 Анализ дискуссии о «польской интриге» и о польском влиянии как о «портящем» культуру, религию, язык и национальную идентичность восточных славян на примере дискуссии в российской науке XIX в. об украинском языке см. в: *Лескинен М. В.* Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016. С. 203–258.

33 *Бендин А. Ю.* Роль М. Н. Муравьева... С. 251, 259.

34 *Дюков А. Р.* Неизвестный Калиновский. Пропаганда ненависти и повстанческий террор на белорусских землях, 1862–1864 гг. М., 2021. 160 с.

в советский историографический канон³⁵. Книга, посвященная развенчанию мифов о Калиновском, актуализирована не столько научной дискуссией, сколько современными политическими событиями: торжественным перезахоронением Калиновского в Вильнюсе в 2019 г. и новой инструментализацией его образа в качестве борца за свободу белорусов, поляков и литовцев от власти Москвы. Взгляд исследователя весьма избирателен и целиком сосредоточен на широко известной еще историкам XIX – начала XX в. повстанческой риторике ненависти к «москалям» и практике террора в деревне. Книга показывает только насилие со стороны польских повстанцев и остается в рамках нарратива XIX в.

* * *

Мальте Рольф, Дарюс Сталюнас и Екатерина Болтунова дистанцируются от кратко очерченной выше тенденции к упрощению представления о русско-польских отношениях в XIX в. При этом авторы исходят из различных исследовательских позиций и применяют различную исследовательскую оптику.

Конфликтное сообщество

В вышедшей в 2020 г. книге «Польские земли под властью Петербурга»³⁶ немецкий историк Мальте Рольф предложил рассматривать польское общество и имперскую бюрократию в Царстве Польском как *конфликтное сообщество*. Вводя это понятие, Рольф предложил увидеть в Привислинском крае не только антагонизм польского и еврейского общества и имперской власти,

35 Гронский А. Д. Конструирование образа белорусского национального героя из участника Польского восстания 1863–1864 гг. Викентия Константина Калиновского // Русский сборник... С. 189–208.

36 Оригинальная монография М. Рольфа вышла на немецком языке в 2015 г.: *Rolf M. Imperiale Herrschaft im Weichselland: Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915)*. München, 2015. 544 S. Русское издание дополнено главой, посвященной управлению польскими землями от первого раздела Речи Посполитой до восстания 1863 г. Также см. рецензии на русское издание: *Нарский И. В.* О роли символического измерения исторического процесса: читая книгу Мальте Рольфа о польских землях под властью Петербурга // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2020. № 4 (51). С. 156–162; *Аржакова Л. М.* Царство Польское или Привислинский край? // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2022. Т. 6. № 1. С. 241–273.

но и создаваемое столкновениями между акторами-антагонистами пространство постоянного взаимодействия, обмена и диалога³⁷. Продуктивность этого взаимодействия демонстрирует процесс городской модернизации Варшавы, которая в конце XIX в. стала третьим городом империи и даже выстроила образ восточноевропейского Парижа. Как доказывает Рольф, имперская бюрократия, участвуя в развитии инфраструктуры и освоении городского пространства, привлекая к своим проектам польских инженеров и проворачивая сделки с представителями местных элит, не стояла в стороне от превращения Варшавы «в Париж», а была одним из деятельных участников этого процесса³⁸.

Не менее важно указание Рольфа на неприменимость понятия *колонии* к Привислинскому краю³⁹. Он видит для этого несколько оснований: во-первых, это понятие не использовалось российскими чиновниками, во-вторых, власти предпринимали усилия, хотя и далеко не всегда успешные, к интеграции края в империю и, в-третьих, доминирование центра над окраиной во многих отношениях помимо военной силы и давления административного аппарата оставалось неясным⁴⁰. В среде российских чиновников Рольф отмечает устойчивое преобладание имперского надэтнического дискурса. Причем интересы империи должны были оставаться приоритетом как для симпатизантов «русского дела», так и для успешно встроившихся в местную польскую жизнь чиновников.

Колониальный дискурс присутствовал в публичном пространстве столиц, где после восстания 1863 г. все чаще были слышны требования культурной русификации окраин⁴¹. Свообразным островком колониального дискурса была «русская Варшава». Модель расселения русских в городе Рольф сравнил с сегрегацией в британских или французских

37 Рольф М. Польские земли... С. 20, 503.

38 Там же. С. 361.

39 Неудивительно, что этот тезис Рольфа вызвал резкую реакцию у некоторых польских историков, склонных соотносить русификацию и колониализм. В частности, см.: *Górak A. Modernizacja poprzez kolonizację i wynarodowienie. Uwagi o pracy Malte Rolfa pt. Rządy imperialne w Kraju Nadwiślańskim. Królestwo Polskie i cesarstwo rosyjskie, przekł. Wojciech Włoskiewicz, Warszawa 2016, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, ss. 505 // Res Historica. 2018. No 46. S. 421–432.*

40 Рольф М. Польские земли... С. 32–34.

41 Там же. С. 148.

колониальных городах⁴². Постоянное присутствие в столичном публичном пространстве радикальных поборников русского дела на окраинах позволило им с наступлением эпохи публичной политики в 1905–1906 гг. задавать тон в ведущихся на страницах столичных газет и журналов спорах о характере национальной политики на окраинах империи. По мнению Рольфа, таким образом периферия поставила центр под свое влияние. Вслед за Дипешем Чакрабартти, исследовавшим влияние британцев в Бенгалии на ведущиеся в метрополии споры о природе Британской империи⁴³, Рольф называет этот процесс «*провинциализацией*» столичной публичной сферы⁴⁴.

Рольф отмечает, что имперская бюрократия в некоторой степени впитала в себя колониальный дискурс: в частности, ей была усвоена этническая иерархия, ранжировавшая народы по степени их культурности и помещавшая поляков ниже русских в силу их неспособности сохранить свою государственность⁴⁵. Однако от русификаторской и колониальной риторики чиновники сознательно дистанцировались. Реформы в Царстве Польском в 60-е – 70-е гг. XIX в. Рольф предлагает рассматривать прежде всего как часть политики унификации империи, характерной для времени правления Александра II⁴⁶. Попытки культурной русификации поляков на практике он усматривает только в политике попечителя Варшавского учебного округа в 1879–1897 гг., А. Л. Апухтина, по указанию которого все начальное образование было переведено на русский язык и перестроено вокруг русского культурного канона⁴⁷.

Бурные события 1905–1907 гг., по справедливому замечанию Рольфа, лишний раз проявили сложную природу конфликтного сообщества поляков, евреев и имперской бюрократии в Привислинском крае. С одной стороны, они показали отсутствие у российских

42 Там же. С. 391.

43 *Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference.* Princeton; Oxford, 2000. Ср. тезис о контроле происходящих в метрополии дискуссий об экспансионистской политике акторами из колоний Британской империи в: *Evans N. "A World Empire, Sea-Girt": The British Empire, State and Nations, 1780–1914 // Nationalizing Empires / ed. by S. Berger and A. Miller.* Budapest; New York, 2015. P. 64–66.

44 *Рольф М. Польские земли...* С. 26, 527.

45 Там же. С. 145.

46 Там же. С. 148–149.

47 *Рольф М. Польские земли...* С. 152.

чиновников долгосрочной концепции управления мятежным краем⁴⁸, а с другой — гибкость имперского режима и его готовность к ситуативным союзам с отдельными группами польского общества — прежде всего с национал-демократами Романа Дмовского⁴⁹. По мнению Рольфа, непосредственная вовлеченность имперской бюрократии в местное конфликтное сообщество была той чертой, которая способствовала усилению межэтнических противоречий и радикализации конфликтов в Польше.

Эмоциональное сообщество

Совершенно иную динамику имперской политики в польском вопросе в первой трети XIX в. показывает вышедшая в 2022 г. монография Е. М. Болтуновой «Последний польский король». Изучение обстоятельств и символического оформления коронации Николая I в качестве польского короля в Варшаве в 1829 г. проявляет исследовательские проблемы, не всегда поддающиеся интерпретации при сохранении той же исследовательской оптики, что применяется для изучения национализирующихся империй⁵⁰. Важнейшей из них, как представляется, был глубоко личный характер управления империей абсолютистским режимом. Болтунова показывает различное личное отношение к Польше и полякам и, как следствие, разную польскую политику у братьев Александра I, наследовавшего ему Николая I и Константина, который был вынужден отказаться от престола из-за мorganатического брака с польской аристократкой Жанеттой Грудзинской. Второй важной проблемой можно назвать столкновение абсолютистской имперской политической культуры с более массовой польской шляхетской политической культурой, встроеной в созданный Александром в Царстве Польском конституционный режим. Третьей важнейшей проблемой, вполне знакомой исследователям наций и национализмов, было столкновение разных культур памяти, каждая

48 Там же. С. 500.

49 Там же. С. 504.

50 Т. е. империй, осваивавших национальный дискурс и переживавших процесс «присвоения» империи нацией, формирующейся в ее ядре. Начало процесса национализации монархии в России связано с утверждением концепции «народности» николаевского министра народного просвещения С. С. Уварова. См.: *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2010. С. 193–216.

из которых, в соответствии с замечанием классика, строилась вокруг воспоминания и мифологизации одних исторических событий и предания забвению других⁵¹.

Три брата выстроили разные отношения со своими польскими подданными. Александр любил своих польских подданных и чувствовал себя в Варшаве как дома. Поляки отвечали императору взаимностью, выделяя его из остальных русских, к которым относились, как правило, враждебно⁵². Поселившийся в Варшаве Константин и вовсе сформировал польскую идентичность, которую он иногда акцентировал в политических интересах. Однако великий князь не пользовался популярностью среди поляков из-за сложного характера и любви к муштре⁵³. Николай же теплых чувств к своим польским подданным не питал и не ждал от них любви в ответ. Несмотря на испытываемое «отвращение» и «унижение»⁵⁴, император предпочел подавить собственные чувства. В 1829 г. Николай I согласился на отдельную коронацию для Царства Польского и был коронован в Варшаве как польский король. Даже столкнувшись с навязываемой ему польской повесткой коронации, он не пошел на попятную. Приняв предложенное ему символическое оформление торжеств, Николай, приехавший простить поляков за преступления 1812 г., оказался в положении приносящего извинения за разделы Речи Посполитой⁵⁵.

Болтунова доказывает, что подавление Николаем собственных чувств и мыслей было не только реакцией на конкретные внешне- (соперничество с Австрией в польских делах) и внутривосточные (усиливающееся напряжение между Николаем и Константином) вызовы, но и следствием определенному *эмоциональному режиму*. Это понятие было введено Уильямом Редди, изучавшим регуляцию выражения чувств во Франции XVIII – начала XIX в., как обозначение набора нормативных эмоций и связанных с ними официальных ритуалов и практик⁵⁶. Николай, выполнив свою часть сделки, ожидал от польской аристократии столь же верного соблюдения

51 Ренан Э. Что такое нация. Лекция, читанная в Сорбонне. СПб., 1888. С. 10–13.

52 Болтунова Е. М. Последний польский король... С. 273–274.

53 Там же. С. 56–57.

54 Там же. С. 20, 90, 226.

55 Там же. С. 204–205.

56 Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, 2001. P. 112–137.

сложившегося эмоционального режима, предписывавшего им чувство благодарности за прощение старых обид и наделение государственностью и конституционными свободами⁵⁷.

Установление специфических эмоциональных режимов было следствием создания отдельного сценария власти⁵⁸ для Царства Польского, в котором император-самодержец выступал в роли конституционного монарха. Он был задан Александром I и подтвержден Николаем I в начале его царствования особым манифестом, адресованным жителям Царства. Существование двух параллельных сценариев создавало невыгодную для русского дворянства иерархию подданных империи, поскольку подразумевало подготовленность Польши и неподготовленность России к конституционному правлению⁵⁹.

Возможность установления такой иерархии Болтунова объясняет особым характером отношений, сложившихся между Александром I и польской шляхтой. Вследствие конфликта с собственной аристократией, развернувшегося на фоне вторжения Наполеона в 1812 г.⁶⁰, император сформировал с польской знатью особое эмоциональное сообщество⁶¹. Это понятие было предложено Барбарой Розенвейн для описания любых сообществ, в рамках которых складываются определенные системы чувств⁶². Болтунова удачно применяет эту концепцию к системе отношений, сложившихся между монархом и частью его подданных.

Для обеспечения устойчивого сближения имперской власти и польской аристократии Александр создал систему дискурсивной инженерии. Ее основой были регламентация эмоциональных режимов

57 Болтунова Е. М. Последний польский король... С. 226–227, 231.

58 Это понятие Ричард Уортман использует для описания индивидуальных способов презентации императорского мифа в Российской империи. См.: Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. С. 22.

59 Болтунова Е. М. Последний польский король... С. 348.

60 Впрочем, степень страха и унижения, пережитых императором осенью 1812 г. в связи с отступлением от Москвы, представляется в книге Е. М. Болтуновой несколько преувеличенной. Д. Ливен, используя те же документы, описывает императора как более решительного и последовательного правителя: Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012. С. 317–321.

61 Болтунова Е. М. Последний польский король... С. 274.

62 Rosenwein B. H. Worrying about Emotions in History // The American Historical Review. 2002. Vol. 107. P. 842.

и политика забвения в отношении прошлых прегрешений поляков – прежде всего их участия в войне 1812 г. на стороне Наполеона. Образ поляка-врага трансформировался в образ брата через акцентирование храбрости поляков вне зависимости от того, на чьей стороне они сражались. Также использовалась апелляция к категории любви – как в отношении прекрасных полек, так и в отношении самой Польши как европейской страны⁶³. Поляков же в выражении национальной гордости власти империи никак не ограничивали⁶⁴.

Причиной неудачи политики союза с польской шляхтой Болтунова считает укрепление политической субъектности Царства Польского, ставшее следствием идеологической поддержки польской аристократии, финансовых вливаний и экономических преференций со стороны центра. Именно формирование политической субъектности, а не репрессии, по мнению исследовательницы, в конечном счете привело к восстанию⁶⁵. И даже при подавлении восстания власти не сразу отошли от привычной регуляции эмоциональных режимов и придерживались дискурса прощения. Однако породившее их эмоциональное сообщество, основанное на культе императора, восстановившего польское государство, было уже мертво: с началом восстания в Польше происходит негативная трансформация образа Александра I⁶⁶.

Сегрегация вместо интеграции

Книга литовского историка Дарюса Сталюнаса «Польша или Русь?» фокусируется на вопросах характера и стратегий национальной политики империи в Северо-Западном крае после польских восстаний. Книга представляет собой обобщение многолетних трудов исследователя и основывается на его работах, выходящих ранее на английском языке. Как и Рольф, Сталюнас подчеркивает, что находится вне российской и польской историографических традиций. На с. 14–24 исследователь приводит довольно подробный обзор литовской историографии. Вследствие польско-литовского конфликта первой половины XX в. в ней сложилась традиция описания российской политики в Северо-Западном крае, отличавшаяся от польской меньшей конфликтностью по отношению к властям империи.

63 Болтунова Е. М. Последний польский король... С. 348, 380.

64 Там же. С. 326.

65 Там же. С. 441.

66 Там же. С. 469.

Сталюнас подчеркивает, вслед за А. И. Миллером⁶⁷, неоднозначность понятия «обрусение» в дискурсе властей в Северо-Западном крае. Он отмечает, что, хотя в публицистике и дискурсе чиновников встречались случаи употребления этого понятия в значении необходимости привить нерусскому населению края русскую национальную идентичность, такое понимание обрусения было довольно редким. На практике речь чаще шла о «располячении» края и его жителей в культурном и политическом смыслах⁶⁸.

Отметив многозначность понятия, употреблявшегося в русском языке XIX в.⁶⁹, Сталюнас уходит и от употребления термина «русификация». Вместо русификации как единого процесса он рассматривает конкретные стратегии национальной политики. А. И. Миллер ранее указывал на необходимость четкого различения процессов ассимиляции и аккультурации⁷⁰. Говоря о характере политики гетерогенных по своей природе империй на окраинах, он также отметил, что зачастую власти отдавали приоритет не ассимиляции или утверждению общей национальной идентичности, а обеспечению лояльности, причем не только политической, но и выражаемой в культурных формах как ориентация окраин на центр⁷¹. Сталюнас предлагает добавить к ассимиляции и аккультурации, как отдельным разновидностям русификации, стратегию *интеграции*. Интеграцию Сталюнас понимает в расширительном смысле, включая в нее вместе с институциональной или экономической интеграцией политику, направленную на обеспечение лояльности подданных. Помимо позитивных стратегий (которые, собственно, и есть «разные русификации»), он выделяет негативную стратегию *сегрегации*, направленную на ограничение прав той или иной группы и ее исключение из общественной жизни⁷².

Национальную политику империи в отношении поляков в Северо-Западном крае Сталюнас описывает как переход к стратегии сегрегации. Хотя в 1865 г. виленский генерал-губернатор К. П. Кауфман

67 Миллер А. Империя Романовых... С. 57–80.

68 Сталюнас Д. Польша или Русь? С. 129–137.

69 Или скорее понятий: о разнице между «обрусением», написанным через -е- и -ѣ-, где первое значит воздействие с целью русификации, а второе – процесс принятия черт русскости. См.: Миллер А. Империя Романовых... С. 64.

70 Там же. С. 61–63.

71 Там же. С. 70, 138.

72 Сталюнас Д. Польша или Русь? С. 41–42.

требовал от польских дворян «стать русскими»⁷³, ни его предшественник, М. Н. Муравьев, ни следующие генерал-губернаторы не разделяли его мнения о возможности обрусения польской шляхты. Следствием недоверия к попыткам части шляхты доказать свою лояльность и избежать дискриминационных мер стал высокий порог «отторженной ассимиляции»: как правило, местные дворяне оставались в глазах русских чиновников «лицами польского происхождения» даже в случае перехода в православие⁷⁴. Главной целью политики властей в польском вопросе в Северо-Западном крае еще в начале 1860-х, при генерал-губернаторе В. И. Назимове, стала защита белорусских (считавшихся русскими) и литовских крестьян от польского влияния⁷⁵. После начала восстания 1863 г. эта задача решалась репрессивными мерами в отношении польского языка и католической церкви.

Относительно последовательно стратегии ассимиляции чиновники придерживались только в отношении белорусского населения. Перевод литовского языка на кириллическую графику и учреждение народных школ для литовцев дали разный результат в Августовской (с 1867 г. — Сувалкской) губернии Царства Польского, где они были нацелены на аккультурацию литовцев и их отрыв от поляков, и в Северо-Западном крае, где была заметна тенденция к проведению политики ассимиляции, вызывавшей сопротивление литовцев.

Эти различия Сталюнас объясняет тем, что в отличие от Царства Польского в Северо-Западном крае, считавшемся частью русской национальной территории⁷⁶, власти проводили *националистическую* национальную политику⁷⁷. Исследователь предлагает определение двух различных видов национальной политики на окраинах империи: «*Имперская* стратегия — это такая политика, когда приоритетом является политическая лояльность всех подданных империи и власти не применяют насильственных мер для достижения аккультурации и тем более ассимиляции, хотя последние могут быть желательны; *националистическая* стратегия предполагает представление о том, что путь к политической лояльности лежит

73 Там же. С. 138.

74 Там же. С. 144–147, 158–159.

75 Там же. С. 121–128.

76 Д. Сталюнас отмечает, что населенные литовцами земли Северо-Западного края, за исключением Вильны и ближайших окрестностей, не считались частью русской национальной территории (Там же. С. 117).

77 Там же. С. 203.

через культурную гомогенизацию, поэтому на том пространстве империи, которое понимается как русская «национальная территория», предпринимаются попытки обеспечить лояльность нерусского населения путем применения ассимилятивной и аккультурационной политики, а в тех случаях, когда применить такую политику невозможно или применить ее не удастся, государство прибегает к мерам сегрегационной политики, при этом преимущества предоставляются тем, кого считают русскими»⁷⁸. Исследователь видит колебания в сторону имперской политики в Северо-Западном крае во время революционного кризиса 1905–1906 гг. Тогда удалось вернуть преподавание польского языка в некоторых школах Виленского учебного округа. Однако уже в 1907 г. произошел откат к антипольской политике.

Противопоставление двух типов национальной политики в Российской империи — не новое явление в историографии. Эдвард Таден писал о борьбе тенденций к административной и культурной русификации во второй половине XIX в. Под первой он подразумевал политику абсолютистской унификации, а под последней — политику языкового, культурного и религиозного давления на нерусское население империи⁷⁹. Польский историк Витольд Родкевич выделил модели бюрократического национализма и имперской стратегии, правда, в последней он видел только традиционную практику союза с элитами⁸⁰.

Выделяя два идеальных типа национальной политики на окраинах империи, Д. Сталюнас ставит интересный вопрос, однако в структуре его размышления видится несколько слабых мест. В его определении имперской стратегии стремление имперских властей к аккультурации населения окраин представлено периферийным вопросом, в то время как в действительности оно было одним из оснований имперской национальной политики, так как аккультурация рассматривалась как видимое подтверждение лояльности. Кроме того, такое определение ошибочно идеализирует практики имперского управления, поскольку политика обеспечения лояльности подданных вовсе не подразумевала отказа от насильственных мер в культурном поле.

78 Там же. С. 42.

79 Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914 / ed. Thaden E. C. Princeton, 1981. P. 8–9.

80 *Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905)*. Lublin, 1998. P. 13–16.

Имперские власти в действительности редко стремились обеспечить лояльность *всех* подданных — напротив, имперское многообразие подразумевало большие возможности использования тактики «разделяй и властвуй». В отношении националистической стратегии необходимо отметить, что ассимиляционная политика в значительной степени была направлена на тех, кто считался русскими изначально. Сталюнас отмечает, что чиновники, которые рассматривали в далекой перспективе возможность ассимиляции литовцев, к концу 1860-х гг. оказались в меньшинстве и попытки проведения ассимиляционной политики в отношении литовцев были свернуты⁸¹. В этой связи, возможно, более перспективным будет выделение стратегий национальной политики в зависимости от того, на какие группы населения (на группы, считавшиеся частью русской нации, или инородцев, на аристократию, национальную интеллигенцию или крестьян) и на какой вид общественной мобилизации (националистическую, классовую или религиозную) она была направлена.

* * *

Выход монографии Е. М. Болтуновой и переводов работ М. Рольфа и Д. Сталюнаса актуализирует в отечественной историографии старую дискуссию о характере отношений между империей и ее польскими подданными. Чтобы выйти за рамки традиционных нарративов, авторам пришлось разрабатывать или заимствовать из других исследовательских полей новый понятийный и концептуальный аппарат. Именно этот инструментарий приобретает особенную ценность в изучении русско-польских отношений на фоне наблюдаемой в последние годы примитивизации научной дискуссии и возврата к старым антагонистическим национальным нарративам как в русскоязычной, так и в польской историографии.

Источники и литература

Аржакова Л. М. Польский вопрос в России XIX в. (трактовка и время возникновения) // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2014. № 3. С. 4–17.

Аржакова Л. М. Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века. Дис. на соискание ученой степени доктора ист. наук. СПб., 2014. 543 с.

81 *Сталюнас Д.* Польша или Русь? С. 198–202.

Аржакова Л. М. Царство Польское или Привислинский край? // *Historia provinciae – журнал региональной истории.* 2022. Т. 6, № 1. С. 241–273. DOI: 10.23859/2587-8344-2022-6-1-6.

Бендин А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск: БГУ, 2010. 439 с.

Бендин А. Ю. Роль М. Н. Муравьева в русско-польском споре об идентичности Северо-Западного края Российской империи // *Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, П. Чейсти.* Т. XV. М.: Модест Колеров, 2013. С. 247–272.

Болтунова Е. М. Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 560 с.

Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб.: Академический проект, Издательство ДНК, 2009. 416 с.

Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов / под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 731 с.

Горак А., Лятавец К. Российские бюрократические элиты Царства Польского (1839–1918) // *Уральский исторический вестник.* 2022. №2 (75). С. 37–47. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-37-47.

Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М.: Индрик, 1999. 272 с.

Гронский А. Д. Конструирование образа белорусского национального героя из участника Польского восстания 1863–1864 гг. Викентия Константина Калиновского // *Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. Йованович, М. А. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти.* Т. XV. М.: Модест Колеров, 2013. С. 189–208.

Долбилов М. Д. Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи (1860-е гг.) // *Образ врага / ред. Л. Гудков.* М.: ОГИ, 2005. С. 127–174.

Долбилов М. Д. Поляк в имперском политическом лексиконе // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 292–339.

Дюков А. Р. Неизвестный Калиновский. Пропаганда ненависти и повстанческий террор на белорусских землях, 1862–1864 гг. М.: Фонд «Историческая память», 2021. 160 с.

Кеневич С. Польско-русский революционный союз в период восстания 1863 г. // *Советское славяноведение.* 1971. № 3. С. 55–64.

Комзолова А. А. Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев и начальное образование белорусских и литовских крестьян, 1850–1860-е гг. // На службе Отечеству: памяти Михаила Николаевича Муравьева (1796–1866). СПб.: Президентская библиотека, 2017. С. 184–201.

Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. 383 с.

Комзолова А. А. Учебники для народной школы в Виленском учебном округе в 1860-х гг. // Российская история. 2021. № 6. С. 127–137. DOI: 10.31857/S086956870017309-0.

Лескинен М. В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016. 680 с.

Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2010. 368 с.

Ливен Д. Россия против Наполеона: Борьба за Европу, 1807–1814. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. 679 с.

Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2016. 776 с.

Миллер А. И., Малинова О. Ю., Ефременко Д. В. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128–140. DOI: 10.31857/S086956870001569-6.

Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 320 с.

Нарский И. В. О роли символического измерения исторического процесса: читая книгу Мальте Рольфа о польских землях под властью Петербурга // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2020. № 4 (51). С. 156–162. DOI: 10.17072/2219-3111-2020-4-156-162.

Носов Б. В. Правый лагерь в политической жизни Королевства Польского накануне Январского восстания // Польское Январское восстание 1863 года: Исторические судьбы России и Польши / отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Индрик, 2014. С. 143–201.

Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. 584 с.

Ренан Э. Что такое нация. Лекция, читанная в Сорбонне. СПб.: Тип. Л. Бермана и Г. Рабиновича, 1888. 43 с.

Рольф М. Польские земли под властью Петербурга: от Венского конгресса до Первой мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 574 с.

Ромек З. Польское Январское восстание 1863 года в историографии Третьей Речи Посполитой (1989–2013 гг.) // Польское Январское восстание

1863 года: Исторические судьбы России и Польши / отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Индрик, 2014. С. 375–381.

Русско-польские революционные связи 60-х гг. и восстание 1863 г. / под ред. В. А. Дьякова, В. Д. Королюка, И. С. Миллера. М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 609 с.

Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 376 с.

Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. 608 с.

Фалькович С. М. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 320 с.

Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2000. xii, 301 p.

Chwalba A. Polacy w służbie Moskali. Warszawa; Kraków: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999. 259 s.

Evans N. “A World Empire, Sea-Girt”: The British Empire, State and Nations, 1780–1914 // *Nationalizing Empires* / ed. by S. Berger and A. Miller. Budapest; New York: Central European University Press, 2015. P. 31–97.

Głębocki H. Fatalna sprawa: Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków: Arcana, 2000. 582 s.

Górak A., Latawiec K. Russian Governors in the Kingdom of Poland (1867–1918). Lublin: ELPIL, 2016. 288 p.

Górak A. Modernizacja poprzez kolonizację i wynarodowienie. Uwagi o pracy Malte Rolfa pt. Rządy imperialne w Kraju Nadwiślańskim. Królestwo Polskie i cesarstwo rosyjskie, przekł. Wojciech Włoskiewicz, Warszawa 2016, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, ss. 505 // *Res Historica*. 2018. № 46. S. 421–432. DOI: 10.17951/rh.2018.46.421-432.

Górak A. Narodowościowe kryterium polityki kadrowej jako narzędzie depolonizacji zarządu gubernialnego lubelskiego // *Studia Archiwalne*. 2004. T. 1. S. 41–65.

Kieniewicz S., Zahorski A., Zajewski W. Trzy powstania narodowe – kościuszkowskie, listopadowe, styczniowe / pod red. W. Zajewskiego. Warszawa: Książka i Wiedza, 1992. 428 s.

Kucharzewski J. Od białego do czerwonego caratu. Gdańsk: Tower Press, 2000. 325 s.

Paszkiewicz P. W służbie Imperium Rosyjskiego 1721–1917: Funkcje i treści ideowe rosyjskiej architektury sakralnej na zachodnich rubieżach cesarstwa i poza jego granicami. Warszawa: Instytut Sztuki Polskiej Akademii Nauk, 1999. 348 s.

Reddy W. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 380, xiv p.

Rodkiewicz W. *Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905)*. Lublin: Scientific Society of Lublin, 1998. 295 p.

Rolf M. *Imperiale Herrschaft im Weichselland: Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915)*. München: De Gruyter, 2015. 544 S.

Rosenwein B. H. *Worrying about Emotions in History // The American Historical Review*. 2002. Vol. 107. P. 821–845.

Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914 / ed. Thaden E. C. Princeton: Princeton University Press, 1981. 497, xiii p.

Seton-Watson H. *The Russian Empire 1801–1917*. Oxford: Clarendon Press, 1967. 813, xx p.

Smyk G. *An Attitude of Polish Society Towards Russian Bureaucracy in the Kingdom of Poland after the January Uprising // Studia Iuridica Lublinsensia*. 2021. Vol. XXX, 1. P. 289–305. DOI: 10.17951/sil.2021.30.1.289-305.

Szujski J. *Kilka prawd z dziejów naszych ku rozważeniu w chwili obecnej*. Kraków: Druk. C. K. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1867. 20 s.

Wiech S. *Litwa i Białoruś: Od Murawjowa do Baranowa (1864–1868)*. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2018. 333 s.

References

Arzhakova, L. M. *Pol'skii vopros i ego prelomlenie v rossiiskoi istoricheskoi polonistike XIX veka*. Doctoral dissertation in pursuit of a degree in history. St Petersburg, 2014, 543 p.

Arzhakova, L. M. "Pol'skii vopros v Rossii XIX v. (traktovka i vremia vozniknoveniia)." *Vestnik TVGU. Seriiia "Istoriia"*, 2014, No 3, pp. 4–17.

Arzhakova, L. M. "Tsarstvo Pol'skoe ili Privislinskii kraj?" *Historia provinciae – zhurnal regional'noi istorii*, 2022, vol. 6, No 1, pp. 241–273. DOI: 10.23859/2587-8344-2022-6-1-6.

Bendin, A. Iu. *Problemy veroterpimosti v Severo-Zapadnom krae Rossiiskoi imperii (1863–1914 gg.)*. Minsk: BGU, 2010, 439 p.

Bendin, A. Iu. "Rol' M. N. Murav'eva v russko-pol'skom spore ob identichnosti Severo-Zapadnogo kraia Rossiiskoi imperii." *Russkii sbornik: issledovaniia po istorii Rossii*, ed. by O. R. Airapetov, M. Jovanović, M. A. Kolerov, B. Manning, P. Chaisty. Vol. XV. Moscow: Modest Kolerov, 2013, pp. 247–272.

Boltunova, E. *Poslednii pol'skii korol': koronatsiia Nikolaia I v Varshave v 1829 g. i pamiat' o russko-pol'skikh voinakh XVII – nachala XIX v.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 560 p.

Brandenberger, D. L. *Natsional-bol'shevizm: Stalinskaia massovaia kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniia (1931–1956 gg.)*. St Petersburg: Akademicheskii proekt, Izdatel'stvo DNK, 2009, 416 p.

Chakrabarty, D. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2000, xii, 301 p.

Chwalba, A. *Polacy w służbie Moskali*. Warszawa – Kraków: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999, 259 p.

Dolbilov, M. D. “Polonofobiia i politika rusifikatsii v Severo-Zapadnom krae imperii (1860-e gg.)” *Obraz vraga*, ed. by L. Gudkov. Moscow: OGI, 2005, pp. 127–174.

Dolbilov, M. D. “Poliak v imperskom politicheskom leksikone.” *“Poniatiiia o Rossii”: K istoricheskoi semantike imperskogo perioda*. Vol. II. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, pp. 292–339.

Diukov, A. R. *Neizvestnyi Kalinovskii. Propaganda nenavisti i povstancheskii terror na belorusskikh zemliakh, 1862–1864 gg.* Moscow: Fond “Istoricheskaiia pamiat’”, 2021, 160 p.

D’iakov, V. A., Koroliuk, V. D., Miller, I. S. (Eds.). *Russko-pol'skie revoliutsionnye sviazi 60-kh gg. i vosstanie 1863 g.* Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962, 609 p.

Evans, N. ““A World Empire, Sea-Girt”: The British Empire, State and Nations, 1780–1914.” *Nationalizing Empires*, ed. by S. Berger and A. Miller. Budapest–New York: Central European University Press, 2015, pp. 31–97.

Fal'kovich, S. M. (Ed.). *Mezh dvukh vosstanii. Korolevstvo Pol'skoe i Rossiia v 30–50-e gody XIX v.* Moscow: Indrik, 2016, 776 p.

Fal'kovich, S. M. (Ed.). *Pol'sha i Rossiia v pervoy treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo. 1815–1830.* Moscow: Indrik, 2010. 584 p.

Fal'kovich, S. M. *Pol'skaia politicheskaiia emigratsiia v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Evropy 30–60-kh godov XIX veka.* Moscow, St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2017, 320 p.

Gorizontov, L. E. *Paradoksy imperskoi politiki: Poliaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX – nachalo XX v.)*. Moscow: Indrik, 1999, 272 p.

Gronskii, A. D. “Konstruirovanie obraza belorusskogo natsional'nogo geroia iz uchastnika Pol'skogo vosstaniia 1863–1864 gg. Vikentiiia Konstantina Kalinovskogo.” *Russkii sbornik: issledovaniia po istorii Rossii*, ed. by O. R. Ayrapetov, M. Jovanović, M. A. Kolerov, B. Manning, P. Chaisty. Vol. XV. Moscow: Modest Kolerov, 2013, pp. 189–208.

Głębocki, H. *Fatalna sprawa: Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866)*. Kraków: Arcana, 2000, 582 p.

Górak, A., Latawiec, K. “Rossiyskie biurokraticheskie elity Tsarstva Pol'skogo (1839–1918).” *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2022, No 2 (75), pp. 37–47. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-2(75)-37-47.

Górak, A., Latawiec, K. *Russian Governors in the Kingdom of Poland (1867–1918)*. Lublin: ELPIL, 2016, 288 p.

Górak, A. “Modernizacja poprzez kolonizację i wynarodowienie. Uwagi o pracy Malte Rolfa pt. Rządy imperialne w Kraju Nadwiślańskim. Królestwo Polskie i cesarstwo rosyjskie, przekł. Wojciech Włoskiewicz, Warszawa 2016, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, ss. 505.” *Res Historica*, 2018, No 46, pp. 421–432. DOI: 10.17951/rh.2018.46.421-432.

Górak, A. “Narodowościowe kryterium polityki kadrowej jako narzędzie depolonizacji zarządu gubernialnego lubelskiego.” *Studia Archiwalne*, 2004, vol. 1, pp. 41–65.

Kieniewicz, S. “Pol'sko-russkii revoliutsionnyi soiuz v period vosstaniia 1863 g.” *Sovetskoe slavianovedenie*, 1971, No 3, pp. 55–64.

Kieniewicz, S., Zahorski, A., Zajewski, W. *Trzy powstania narodowe — kościuszkowskie, listopadowe, styczniowe*, ed. by. W. Zajewski. Warszawa: Książka i Wiedza, 1992, 428 p.

Komzolova, A. A. *Politika samoderzhavii v Severo-Zapadnom krae v epokhu Velikikh reform*. Moscow: Nauka, 2005, 383 p.

Komzolova, A. A. “Uchebniki dlia narodnoi shkoly v Vilenskom uchebnom okruge v 1860-kh gg.” *Rossiiskaia istoriia*, 2021, No 6, pp. 127–137. DOI: 10.31857/S086956870017309-0.

Komzolova, A. A. “Vilenskii general-gubernator M. N. Murav'ev i nachal'noe obrazovanie belorusskikh i litovskikh krest'ian, 1850–1860-e gg.” *Na sluzhbe Otechestvu: pamiati Mikhaila Nikolaevicha Murav'eva (1796–1866)*. St Petersburg: Prezidentskaia biblioteka, 2017, pp. 184–201.

Korolyuk, V. D., Miller, I. S. (Eds.). *Vosstanie 1863 g. i rusko-pol'skie revoliutsionnye svyazi 60-kh godov*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960, 731 p.

Kucharzewski, J. *Od białego do czerwonego caratu*. Gdańsk: Tower Press, 2000, 325 p.

Leskinen, M. V. *Poliaki i finny v rossiiskoi nauke vtoroi poloviny XIX v.: “drugoi” skvoz' prizmu identichnosti*. Moscow: Indrik, 2010, 368 p.

Leskinen, M. V. *Velikoross/velikoros. Iz istorii konstruirovaniia etnichnosti. Vek XIX*. Moscow: Indrik, 2016, 680 p.

Lieven, D. *Rossia protiv Napoleona: Bor'ba za Evropu, 1807–1814*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, 2012, 679 p.

Miller, A. I., Malinova, O. Iu., Efremenko, D. V. “Politika pamiati i istoricheskaiia nauka.” *Rossiiskaia istoriia*, 2018, No 5, pp. 128–140. DOI: 10.31857/S086956870001569-6.

Miller, A. *Imperiia Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 320 p.

Narskii, I. V. “O roli simvolicheskogo izmereniia istoricheskogo protsessa: chitaia knigu Mal'te Rol'fa o pol'skikh zemliakh pod vlast'iu Peterburga.” *Vestn. Perm. un-ta. Ser. Istoriia*, 2020, No 4 (51), pp. 156–162. DOI: 10.17072/2219-3111-2020-4-156-162.

Nosov, B. V. "Pravyi lager' v politicheskoi zhizni Korolevstva Pol'skogo nakanune Ianvar'skogo vosstaniia." *Pol'skoe Ianvar'skoe vosstanie 1863 goda: Istoricheskie sud'by Rossii i Pol'shi*, ed. by N. A. Makarov. Moscow: Indrik, 2014, pp. 143–201.

Paszkievicz, P. *W służbie Imperium Rosyjskiego 1721–1917: Funkcje i treści ideowe rosyjskiej architektury sakralnej na zachodnich rubieżach cesarstwa i poza jego granicami*. Warszawa: Instytut Sztuki Polskiej Akademii Nauk, 1999, 348 p.

Reddy, W. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001, 380, xiv p.

Rodkiewicz, W. *Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905)*. Lublin: Scientific Society of Lublin, 1998, 295 p.

Rolf, M. *Imperiale Herrschaft im Weichselland: Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915)*. München: De Gruyter, 2015, 544 p.

Rolf, M. *Pol'skie ziemie pod władzą Peterburga: ot Venskogo kongressa do Pervoi mirovoi*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, 574 p.

Romek, Z. "Pol'skoe Ianvar'skoe vosstanie 1863 goda v istoriografii Tre'tei Rechi Pospolitoi (1989–2013 gg)." *Pol'skoe Ianvar'skoe vosstanie 1863 goda: Istoricheskie sud'by Rossii i Pol'shi*, ed. by N. A. Makarov. Moscow: Indrik, 2014, pp. 375–381.

Rosenwein, B. H. "Worrying about Emotions in History." *The American Historical Review*, 2002, vol. 107, pp. 821–845.

Seton-Watson, H. *The Russian Empire 1801–1917*. Oxford: Clarendon Press, 1967, 813, xx p.

Smyk, G. "An Attitude of Polish Society Towards Russian Bureaucracy in the Kingdom of Poland after the January Uprising." *Studia Iuridica Lublinensia*, 2021, vol. XXX, No 1, pp. 289–305. DOI: 10.17951/sil.2021.30.1.289-305.

Staliūnas, D. *Pol'sha ili Rus'? Litva v sostave Rossiiskoi imperii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 376 p.

Szujski, J. *Kilka prawd z dziejów naszych ku rozważeniu w chwili obecnej*. Kraków: Druk. C. K. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1867, 20 p.

Thaden, E. C. (Ed.). *Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914*. Princeton: Princeton University Press, 1981, 497, xiii p.

Wiech, S. *Litwa i Białoruś: Od Murawjowa do Baranowa (1864–1868)*. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2018, 333 p.

Wortman, R. S. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii*. Moscow: OGI, 2002. Vol. 1: Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaia I, 608 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.22

V. A. Kretov

**The Polish Question in the Russian Empire
in the latest editions of the series *Historia Rossica***

Vladislav A. Kretov

Junior research fellow, PhD student

European University at St. Petersburg

191187, 6/1A Gagarinskaya st., St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: vlad.kretov.97@mail.ru

ORCID: 0009-0005-9629-4545

Citation

Kretov V. A. The Polish Question in the Russian Empire in the latest editions of the series *Historia Rossica* // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 427–453 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.22

Received: 17.07.2023.

Abstract

The review examines the books by Malte Rolf, Ekaterina Boltunova, and Darius Staliūnas, published in the *Historia Rossica* series by *Novoe Literaturnoe Obozrenie* in 2020–2022. The concepts and approaches used by the authors of the works are examined in the context of the established traditions of studying the Polish question in the Russian Empire that influence the Russian and Polish historiography. In the 19th century, Russian and Polish historians created antagonistic national narratives. In the 1950s–1960s, a tradition of studying Russian-Polish revolutionary connections as a key episode in the shared history of Russian and Polish peoples emerged in the Soviet Union and the People's Republic of Poland. This narrative was an attempt to overcome traditional antagonism. Since the 1990s–2000s, Russian and Polish researchers have increasingly focused on the complex nature of the empire's relations with its Polish subjects, which went beyond enmity and mutual distrust. In recent years, there has been a tendency to simplify the discussion and return to antagonistic narratives both in Polish and Russian historiography. The works of M. Rolf, E. M. Boltunova, and D. Staliūnas are in opposition to traditional conflicting narratives, and their original research positions allow for interesting questions about the complex nature of Russian-Polish relations in the imperial period.

Keywords

Polish question, historical narrative, M. Rolf, E. M. Boltunova, D. Staliūnas.

**Формирование территории Российской империи
на польском направлении, особенности и закономерности:
дискуссионные вопросы в современной историографии**

Болтунова Е. М. Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 560 с.

Борисёнок Юрий Аркадьевич
Кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация
E-mail: rodina2001@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4958-2799

Цитирование

Борисёнок Ю. А. Формирование территории Российской империи на польском направлении, особенности и закономерности: дискуссионные вопросы в современной историографии // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 454–471. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.23

Рецензия поступила в редакцию 19.01.2024.

Аннотация

Объективное исследование процессов формирования территории Российской империи за счет земель прекратившей свое существование в 1795 г. Речи Посполитой до сих пор остается актуальной историографической проблемой. Злободневность темы ярко продемонстрировала Е. М. Болтунова в своей монографии 2022 г., посвященной коронации Николая I в Варшаве 1829 г. и одновременно охватывающей целый ряд более широких аспектов польского вопроса в политике Петербурга. В книге отразились распространенные стереотипы, характерные для анализа приращения территории России в имперский период, в том числе изолированное рассмотрение западного и всех остальных направлений политики империи, а также раздельное толкование процессов разделов Речи Посполитой в XVIII в. и наследия военных кампаний первых десятилетий XIX столетия. Содержание монографии подчеркивает

необходимость выработки отвечающего современным исследовательским реалиям подхода к проблематике оформления территории Российской империи, в том числе учета такого важного обстоятельства, как рассмотрение территориальных приращений в рамках единого процесса, который можно проследить с геополитических перемен в результате Северной войны вплоть до правовых последствий заключительного акта Венского конгресса 1815 г.

Ключевые слова

Российская империя, формирование территории, Речь Посполитая, Царство Польское, историография, Е. М. Болтунова.

Вплоть до настоящего времени в статусе дискуссионных остается целый ряд проблем, связанных с трактовкой историками формирования государственной территории России имперского периода. Среди таких проблем важное место занимает оценка приращения Российской империи на польском направлении в XVIII–XIX вв. Современное состояние этих дискуссий неплохо прослеживается на примере увидевшей свет в 2022 г. в издательстве «Новое литературное обозрение» монографии историка из НИУ ВШЭ Е. М. Болтуновой¹.

Оживление упомянутых выше дискуссий проявилось в историографии 2010-х гг. В 2016 г. известный специалист по российской истории XVIII столетия А. Б. Каменский справедливо отметил, что давно существует «сфера острого идейного противостояния тех, кто рассматривает процесс расширения Московского княжества, а затем и Российской империи в контексте естественной колонизации, обусловленной в первую очередь экономическими факторами, стремлением утвердиться на международной арене и обеспечить безопасность страны, и тех, кто характеризует этот процесс исключительно как проявление агрессии и экспансии. За небольшими исключениями первое направление представлено преимущественно российскими историками, а второе – зарубежными. Историческая наука, как известно, участвует в формировании массовых представлений о прошлом и одновременно является их отражением. В массовом же сознании россиян

¹ Болтунова Е. М. Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М., 2022.

своя политика всегда виделась в основном оборонительной и безусловно “справедливой”. Не случайно в нашей общественной мысли, воспринимавшей территориальное расширение России и ее военные победы как нечто “по умолчанию” позитивное, дискуссии по этой теме практически отсутствуют... По тем же причинам оказались мало изучены идеологические основания внешней политики России, идеи и представления, которыми руководствовались ее творцы. В полной мере это относится и к истории зарождения и формирования концепции “собираания русских земель”. Она не стала предметом специального исследования и воспринимается как исторический факт, не вызывающий сомнения»².

Менее же всего по давней традиции подвержен объективному исследованию в контексте формирования территории Российской империи вопрос присоединения к России по итогам международных договоров 1772, 1793, 1795 и 1815 гг. подавляющего большинства территории завершившей свое историческое бытование Речи Посполитой. До сих пор историки склонны раздельно рассматривать итоги трех разделов Речи Посполитой конца XVIII в. и решения, оформленные по итогам побед России в наполеоновских войнах заключительным актом Венского конгресса и обеспечившие приращение территории в виде Царства Польского со столицей в Варшаве. Историческая наука XIX – начала XX в. делала упор на идеологическую сторону разделов со стороны России, присоединение к империи этнически непольских, в основном восточнославянских земель, ранее отторженных западным соседом (известная формула «Отторженная возвратих»); но территориальные приобретения 1815 г. в эту формулу уже не вписывались. Советские историки, в том числе и в послевоенные десятилетия, когда появилась необходимость не выходить за жесткие идеологические рамки «польско-советской дружбы» в области истории, предполагавшие исключительный акцент на исследование «национально-освободительных движений» поляков и поиски проявлений «польско-российского революционного союза», редко обращались к проблематике разделов и были вынуждены в своих оценках учитывать категоричные мнения К. Маркса и Ф. Энгельса, возлагавших ответственность за катастрофу Речи Посполитой на Российскую империю и персонально на Екатерину II.

² *Каменский А. Б.* «Отторженная возвратих»: разделы Польши и концепция собирания русских земель // Труды по россиеведению. Вып. 6. М., 2016. С. 224–225.

К 2000-м гг. историографическая ситуация изменилась в лучшую сторону; в частности, на богатых, в том числе рассекреченных, архивных материалах были изданы содержательные монографии П. В. Стегния и Б. В. Носова³. Но и до сих пор сохранились прежние стереотипы восприятия приращения территории России бывшими землями Речи Посполитой в канонах прежде всего «оккупации». В своей объемной, содержательной и в целом объективной статье 2016 г. А. Б. Каменский подробно доказывает главный тезис текста, опровергая традиционные еще со времени работы С. М. Соловьева «История падения Польши» трактовки процессов воссоединения восточнославянских земель под лозунгом «Отторженная возвратих» применительно к первому разделу Речи Посполитой в 1772 г.: «Представляется, что по крайней мере с 20-х годов XVIII в. и вплоть до 1792 г. идея собирания/возвращения русских земель как политическая доктрина была исключена из арсенала пропагандистских средств Российской империи и фактически предана забвению. Основанная на исторической мифологии и династических притязаниях, национально и религиозно мотивированная, она, вероятно, ощущалась как нечто архаичное, не соответствующее новому, “политическому” статусу России, правилам и нормам поведения на международной арене. Однако ее реанимировали к концу 1792 г. – сперва для внутреннего (“домашнего”) употребления: в качестве объяснения имперской политики. Осенью 1793 г. эта идея вошла в публичный дискурс»⁴.

В итоге с точки зрения А. Б. Каменского итоги первого раздела Речи Посполитой 1772 г. по сути сводились к «захвату чужих земель». Это фактически означает возвращение к трактовкам, которые содержатся в единственном и по сей день в отечественной историографии академическом многотомнике по истории Польши, первый том которого увидел свет в 1954 г. еще с цитатами из трудов И. В. Сталина. Авторы соответствующего раздела книги Г. Ю. Гербильский и И. С. Миллер оценили территориальные изменения 1772 г. весьма противоречиво: «Россия не получила по первому разделу ни пяди коренной польской земли. Для присоединенных ею латвийских и белорусских земель переход под власть России имел прогрессивное значение и должен оцениваться сам по себе совершенно

³ Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М., 2002; Носов Б. В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. М., 2004.

⁴ Каменский А. Б. «Отторженная возвратих». С. 258.

иначе, чем переход под власть Пруссии и Австрии польских и украинских земель. Нужно, однако, помнить, что лишь участие царизма в разделе Речи Посполитой сделало возможным для Пруссии и Австрии захват польских и украинских земель. Бессильная Речь Посполитая и ранее не могла бы оказать отпора захватчикам. Но ни инициатор раздела – Пруссия, ни Австрия не осмеливались захватывать территории, бывшие в составе Речи Посполитой, до тех пор, пока не получили на это санкции царского правительства. Царизм несет, таким образом, полную ответственность за начатый в 1772 году раздел Польского государства, за установление для польского и части украинского народа режима тяжелого национального угнетения»⁵.

Не менее противоречива и оценка в издании 1954 г. общих итогов всех трех разделов Речи Посполитой: «И по третьему разделу Россия не захватила ничего из этнографически польских земель... Разделы Речи Посполитой привели к воссоединению большинства украинских земель и к воссоединению всех белорусских земель в рамках Российской империи, что объективно соответствовало интересам украинского и белорусского народов. Объективно прогрессивным явлением и для литовского и для латышского народов было присоединение их к экономически более развитой, чем Речь Посполитая, России. Однако не интересами народов руководствовало правительство Екатерины II. Политика русского царизма была захватнической и преследовала контрреволюционные цели. Разделы Речи Посполитой и интервенция против французской революции реакционных режимов Пруссии, Австрии и России – это были звенья одной цепи. Разделы были реакционным актом. Неисчислимые страдания принесли они польскому народу»⁶.

Разумеется, в 2016 г. А. Б. Каменский не разделял давно ушедшие из лексикона специалистов стереотипные представления о «прогрессивном», «реакционном» и «контрреволюционных целях». Но мотив «захватнической политики» и из его современной трактовки не уходит; более того, на смену порицаемым историком мифологическим конструкциям фактически приходит новая умозрительная легенда. А. Б. Каменский полагает, что Екатерина II стыдилась содеянного в результате разделов Речи Посполитой: «Впитавшая принципы Просвещения и искренне верившая в них российская

5 История Польши. Т. I. М., 1954. С. 324.

6 Там же. С. 354.

императрица понимала, какова “нравственная сторона” случившегося. Осознавая несоответствие содеянного образу просвещенной монархини, над созданием которого она так долго трудилась, императрица, вероятно, испытывала душевный дискомфорт и укоры совести. Особенностью XVIII столетия было то, что тогда появилось общественное мнение, с которым монархам приходилось считаться. Формирующаяся под влиянием Просвещения общественная мораль противилась захватам чужих земель, общественное мнение больше не воспринимало их как нечто естественное и скорее осуждало, о чем свидетельствуют многочисленные карикатуры на разделы Польши (преимущественно английские). Там Екатерина предстала в особенно неприглядном виде⁷.

Характерно, что доказательств душевных терзаний императрицы известный специалист по екатерининской эпохе не приводит; не стоит исключать высокую вероятность того, что ни «душевного дискомфорта», ни «уколов совести» в реальной исторической действительности не было вовсе. Ведь никто не задается вопросом, испытывала ли Екатерина II муки совести на фоне территориальных приобретений своей империи, свершившихся по итогам проходивших практически одновременно с разделами Речи Посполитой победоносных русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. Историк, написавший о том, что монархиня стыдилась «покоренья Крыма» и взятия Измаила, будет тотчас же отвергнут историческим сообществом. В случае же с польским вопросом такие взгляды имеют распространение и по сей день.

Развернутым доказательством бытования подобных воззрений стали многие положения, высказанные на страницах монографии Е. М. Болтуновой. Рассмотренный в книге круг проблем гораздо шире, чем вынесенная в заглавие коронация Николая I польской короной в Варшаве в 1829 г. Заслуживают всяческого одобрения и грамотный выбор основной темы исследования, николаевской коронации, и кропотливые архивные изыскания, и попытки автора после кандидатской диссертации, посвященной гвардии Петра Великого как военной корпорации, глубоко погрузиться в подробности польского вопроса в первые три десятилетия XIX в. В итоге основная задача текста – всестороннее рассмотрение причин, хода и последствий единственной в истории варшавской коронации российского самодержца – выполнена весьма успешно.

⁷ Каменский А. Б. «Отторженная возвратих». С. 253–254.

Если бы исследовательница на коронационных процессах сосредоточилась адресно и на том остановилась, ценность ее труда была бы существенно выше. Но авторское любопытство широко простирается в различные аспекты польского вопроса в политике Российской империи. Е. М. Болтунова пытается стать первопроходцем в научном изучении не только обстоятельств николаевской коронации. Характерен весьма радикальный вывод историка о предшествующей историографии русско-польских отношений первой трети XIX в.: «...анализ произошедших событий с позиции Польши изложен исключительно хорошо. Российский же взгляд на ту или иную ситуацию, напротив, в академических работах практически не представлен»⁸. Не стоит спешить с логичными возражениями насчет того, что якобы отсутствующий «российский взгляд» на самом деле основательно представлен во множестве трудов отечественных полонистов, в том числе и цитируемых в монографии, например, в обобщающем труде Института славяноведения РАН 2010 г. «Польша и Россия в первой трети XIX века: Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830»⁹. Автору монографии специалисты по истории Польши представляются людьми, обреченными на оторванность от «широкой академической среды»: «В исследовательской литературе вторая коронация Николая I оказывалась предметом рассмотрения (а чаще только упоминания) лишь на страницах биографий императора, в искусствоведческих обзорах и каталогах... Отметим, впрочем, что церемония была известна российским полонистам... именно им принадлежат две недавно опубликованные специальные статьи по этой теме... В целом для широкой академической среды коронация осталась своего рода необычным сюжетом из биографии Николая I или примечательным эпизодом русско-польских отношений соответствующего периода. Чаще всего специалисты, изучающие имперскую Россию, о проведенном действе либо не знали, либо не придавали ему существенного значения»¹⁰.

Столь задиристый тон по отношению к коллегам, будь то полонисты или историки Российской империи, по идее должен сопровождаться глубокой осведомленностью автора и в польском, и в имперском аспектах заявленной проблематики. На деле же Е. М. Болтунова

⁸ Болтунова Е. М. Последний польский король. С. 26.

⁹ Польша и Россия в первой трети XIX века: Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830. М., 2010.

¹⁰ Болтунова Е. М. Последний польский король. С. 13–14.

довольно часто оказывается во власти мифологических конструкций – и давних, обретших форму устойчивых стереотипов, и совсем новых, порожденных собственным творчеством. К числу последних относится запоминающийся пронизательному читателю уже на первых страницах книги «Станислав Августовский Понятовский» и многократно упоминаемая именно в качестве «польской аристократки» супруга великого князя Константина Павловича княгиня Лович¹¹. Никаких доказательств аристократического происхождения Иоанны Грудзинской (1791–1831) автор не приводит, на самом деле она происходила из шляхетской семьи, никогда не относившейся к магнатскому сегменту польской дворянской иерархии. Ее дед по отцу Зыгмунт Грудзинский (1735–1804) лишь незадолго до ее рождения, в 1780 г., получил графский титул в Пруссии, после развода родителей в 1804 г. девочка осталась с матерью и отчимом, которым стал хундородный шляхтич Адам Бронец. Аристократкой Иоанна может быть формально объявлена лишь после получения титула княгини Лович при заключении морганатического брака с Константином Павловичем 12 (24) мая 1820 г.

Безусловно, мифологические конструкции авторства самой Е. М. Болтуновой могли быть устранены при грамотной редакторской работе, которой в свое время отличалось издательство «Новое литературное обозрение». Гораздо сложнее с устойчивыми стереотипами, затрагивающими в книге и авторское понимание процессов включения бывших территорий Речи Посполитой в состав Российской империи. Исследовательница делит «присоединение польских территорий» на два «раунда», хотя терминология из области бокса здесь вряд ли уместна. Известный стереотип об екатерининской «захватнической» политике изложен здесь так: «Как известно, в результате разделов Польши Австрией, Пруссией и Россией (1772, 1793, 1795 гг.) последней была аннексирована значительная территория на западных границах империи. В политическом отношении аннексия была оформлена созданием нескольких новых губерний, которые в ряде случаев формировались с включением земель, входивших в состав Российской империи до разделов Польши... Иными словами, участница разделов Польши императрица Екатерина II стремилась инкорпорировать польские земли в существующую структуру административного устройства и не планировала создание на западной границе какой-либо осойбой в политическом отношении структуры»¹².

11 Там же. С. 12, 19, 50, 56.

12 Там же. С. 16.

Вызывает недоумение применение термина «аннексия» по отношению к территориальным приращениям Российской империи вследствие разделов Речи Посполитой (их корректно именовать именно так, ибо, как хорошо известно, никаких «польских земель» с этнической точки зрения в 1772–1795 гг. не присоединялось). Устоявшиеся в юридической и исторической литературе определения не позволяют классифицировать именно как «аннексию» действия Екатерины II в период разделов. Так, «Большой юридический словарь» издания 2000 г. трактует аннексию как «насильственное присоединение государством всей территории другого государства или ее части в одностороннем порядке»¹³. Но ведь ни один из разделов Речи Посполитой не осуществлялся Россией или кем-либо другим в одностороннем порядке, разделы были коллективными геополитическими предприятиями. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 1890 г. определял аннексию уже, в традициях монархического мировоззрения, как «присоединение области или края к другому государству, не основанное на формальном акте отречения прежнего государя»¹⁴. Отречение короля Станислава Августа от престола 25 ноября 1795 г. стало именно таким «формальным актом», который не позволяет определить действия Пруссии, России и Австрии в 1772–1795 гг. как аннексию в понимании юридической науки XIX столетия.

Далее Е. М. Болтунова частично воспроизводит точку зрения А. Б. Каменского на различия в «проявлениях имперской радости»: «Если присоединение Причерноморья после Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. было ознаменовано масштабным, поразившим современников своим великолепием народным гуляньем на Ходынском поле в Москве, приобретение земель на западной границе империи не стало поводом к организации схожего мероприятия... Очевидно, что равному проявлению имперской радости по поводу присоединения турецких и польских земель препятствовали как факт получения территории на западной границе в результате политической манипуляции (а не победоносной войны), так и ориенталистская модель деления мира на две неравные в цивилизационном отношении части (Запад и Восток; цивилизованный мир и пространство варварства). Если вхождение в состав империи территорий варварского Востока достаточно

¹³ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М., 2000. С. 31.

¹⁴ Аннексия, аннектирование или аннексация // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. Iа. СПб., 1890. С. 808.

естественно осмыслялось в рамках цивилизаторской миссии России, то вопрос расширения империи на Запад, то есть в сторону Европы, был настоящей ментальной проблемой¹⁵. Ментальная проблема, как представляется, была не у Екатерины II и ее подданных, она сформировалась у исследователей, не исключая и современных, склонных абсолютизировать западноцентричную картину мира.

Представляется, что более объективным будет рассмотрение территориальных приобретений Российской империи в конце XVIII в. как единого процесса. Расширение имперского пространства при этом могло иметь различные идеологические обоснования и «проявления имперской радости», могло и обходиться без таких разъяснений гуманитарного плана. Появление «идеи собирания / возвращения русских земель» лишь во время второго раздела Речи Посполитой 1793 г. никак не влияет на общий ход развития имперских тенденций во внешней политике России. И в целом формирование территории Российской империи, а в дальнейшем и СССР, с конца XVIII в. по середину XX столетия, на наш взгляд, перспективно рассматривать именно в качестве единого процесса.

И позднюю историю Речи Посполитой, о чем свидетельствуют и исследования видных польских историков, более плодотворно оценивать также с точки зрения единого процесса, развернувшегося с первых лет XVIII в. с началом Северной войны и продолжавшегося вплоть до окончательного упорядочения территории ушедшего в историю государства на Венском конгрессе в 1815 г. Известный польский историк Ежи Скворонек (1937–1996) справедливо писал в 1994 г.: «Разделы и падение Польши явились трагическим опровержением одного из “гениальных” принципов внешней политики шляхетской Речи Посполитой. Он гласил, что именно бессилие государства – основа и условие неограниченной демократии и свободы каждого его гражданина, одновременно служащее гарантией сохранения его существования, которое никому не угрожает... На деле вышло наоборот: именно бессилие польского государства подтолкнуло соседей к ликвидации Польши». И начиналось все не при Екатерине II, а как раз в петровскую эпоху: «Польская политическая элита, втянутая в борьбу за свои узкие эгоистические интересы, не сумела почувствовать грозных симптомов кризиса, явно заметных уже в начале XVIII века». Важнейшим из симптомов было «стремление Петра I ввести строгую опеку над Польшей, реализованную в 1717 году с согласия сейма

15 Болтунова Е. М. Последний польский король. С. 16–17.

в форме признания за Россией прав гаранта нерушимости политического устройства Речи Посполитой»¹⁶.

И современные польские специалисты именно начало XVIII в. и события Северной войны считают ключевой эпохой для процесса гибели государства¹⁷. 6 (17) февраля 1720 г. в Потсдаме был заключен важнейший союзный договор с Россией с Пруссией, под которым 24 февраля (6 марта) Петр Великий поставил свою подпись в Петербурге. Важнейшей в соглашении была вторая статья: «Оба Их Величества хотят ныне и впредь на то смотреть, дабы Речь Посполитая Польская при всех своих вольностях, основаниях и конституциях, ее правах и привилегиях всегда ненарушимо содержана была»¹⁸. Речь тут шла о том, что тянущие на дно польскую государственность ее внутренние конструктивные недостатки Россия и Пруссия отныне будут совместно сохранять.

Эта вторая статья потсдамского соглашения надолго пережила Петра I, она почти дословно повторялась в договорах с Пруссией 1726, 1729, 1730, 1740, 1743, 1764 гг. Усилиями русских дипломатов и за прусские деньги срывались важнейшие сеймы, способные реформировать увядающую Речь Посполитую. По мнению современного польского историка Уршули Косинской, «зерно, посеянное в 1720 г., дало урожай в 1772-м в лице первого раздела»¹⁹. Второй и третий разделы в 1793 и 1795 гг. выросли все из того же петровского зерна. Речь Посполитая окончила свое политическое бытие по заветам Петра Великого и вряд ли вследствие душевных терзаний Екатерины Великой.

И уж совершенно точно не тяготился угрызениями совести внук Екатерины II император Александр I, когда он добился на Венском конгрессе не только присоединения к России Царства Польского с Варшавой, а также международного признания территориальных приращений 1809 и 1812 гг. – Финляндии и Бессарабии, но и придания совершенным «при бабушке» разделам Речи Посполитой строгого соответствия именно тому, о чем писал в 2016 г. А. Б. Каменский,

¹⁶ *Сковронек Е.* Удары с трех сторон. Разделы Польши как составная часть европейской истории (1772–1793–1795) // *Родина.* 1994. № 12. С. 36.

¹⁷ См., например: *Zielińska Z.* *My czy oni, czyli kto ponosi winę za rozbiory* // *Mówią wieki.* 2020. № 3. S. 58.

¹⁸ *Мартенс Ф. Ф.* *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами.* Т. V. СПб., 1880. С. 199.

¹⁹ *Kosińska U.* *Rosyjsko-pruska deklaracja poczdamska z 1720 roku* // *Mówią wieki.* 2020. № 3. S. 22.

а именно «политическому» статусу России, «правилам и нормам поведения на международной арене»²⁰.

Этим планам Александра I невольно содействовал Наполеон, вернувший себе в марте 1815 г. власть в Париже. Он обнаружил оставленный Людовиком XVIII экземпляр направленного против России секретного договора Англии, Австрии и Франции, подписанного 3 января того же года. Наполеон немедленно переслал эту бумагу Александру, после чего сговорчивость союзников царя по антинаполеоновской коалиции ускорилась почти стремительно. Прежние интриги растаяли, и 3 мая 1815 г. были оформлены договоры между Россией, Пруссией и Австрией, обозначившие новую конфигурацию разделов Польши. Примечательно, что 118-я статья заключительного акта от 9 июня 1815 г. прямо признавала законность именно этих соглашений, которые «должны быть почитаемы за неотдельные части общих постановлений Конгресса и везде будут иметь таковую же силу и действие, как если бы оные были от слова до слова внесены в сей главный трактат»²¹.

А это значит, что Александр I на Венском конгрессе помимо Царства Польского, Финляндии и Бессарабии достиг внешне незаметного, но очень крупного дипломатического успеха – обеспечил безусловную легитимность с точки зрения самого высокого уровня тогдашнего международного права присоединения к своей империи этнически польских земель, присоединенных к 1795 г. по трем разделам Польши. Этот пункт очень пригодился Российской империи во время двух польских восстаний XIX в., обеспечив невозможность дипломатической поддержки претензий поляков за пределами Царства Польского.

Примечательно, что в 560-страничной монографии Е. М. Болтуновой для важнейших итогов Венского конгресса и тем более для 118-й статьи его заключительного акта места не нашлось. Вместо этого исследовательница вслед за польской традицией транслирует стереотип о гипотетической возможности объединения Царства Польского с территориями, присоединенными в 1772–1795 гг.: «Польские земли, вошедшие в состав Российской империи в екатерининские времена, не стали при этом частью Царства Польского. Это создавало сложный комплекс отношений между Александром I и поляками, поскольку император

20 Каменский А. Б. «Отторженная возвратих». С. 258.

21 Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 33. 1815–1816. СПб., 1830. С. 176–177.

поддерживал существовавшие надежды на присоединение аннексированных Екатериной II территорий (по крайней мере Литвы) к Царству Польскому, но так и не решился реализовать данное обещание»²².

В дальнейшем тексте какие-либо отсылки к конкретным фактам или обстоятельствам, прямо подтверждающим обещания Александра I, отсутствуют. И это не случайно: император действительно «поддерживал надежды», но лишь в неформальных беседах с поляками при своих посещениях Варшавы. Представляется, что отзыв юного Пушкина об Александре I как властителе «лукавом» здесь весьма справедлив.

В реалиях действующего законодательства и практики государственного управления автономное Царство Польское, именуемое в 1-й статье заключительного акта Венского конгресса «государством, имеющим состоять под особенным управлением»²³, рассматривалось Александром I как отдельный регион Российской империи в отличие от 62 процентов территории Речи Посполитой, полученных при Екатерине II по трем разделам Польши. Еще 1 (13) января 1813 г., сразу после изгнания Наполеона из пределов России, император строго указывал в письме князю Адаму Ежи Чарторыйскому: «Не забывайте, что Литва, Подолия и Волынь до сих пор считают себя провинциями русскими, и никакая логика не убедит Россию, чтобы они могли быть не под владычеством государя России, а под каким-либо иным»²⁴.

Именно эту логику Александр I воплотил в конституции Царства Польского 1815 г., в которой оказалась коварная 29-я статья, согласно которой «государственные должности гражданские и военные могут замещаться исключительно поляками»²⁵. Учитывая значительный вес непольских землевладельцев на территориях, присоединенных по итогам разделов Речи Посполитой, обещанное присоединение этнически непольских земель могло состояться только путем изменения конституции и неизбежного протеста по этому поводу самих поляков, что создавало в этом важном для верхов польского общества вопросе безвыходную для них ситуацию. «Сложный комплекс отношений» в реальности

22 Болтунова Е. М. Последний польский король. С. 17–18.

23 Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 33. С. 146–147.

24 Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. II. М., 1913. С. 281.

25 Конституционная хартия Царства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX века. С. 529.

существовал именно для польского общества, надежды которого, питаемые вполне в стиле тогдашней романтической эпохи, были несбыточны.

Александр I осознанно сконструировал ситуацию, при которой он никак не мог «решиться» на реализацию своих неформальных обещаний, но этого не понимали или не хотели понимать ни современники событий, ни позднейшие историки. Е. М. Болтунова в части этих обещаний транслирует высказанную еще в 1900 г. точку зрения известного русского историка Н. К. Шильдера (1842–1902)²⁶. Благонамеренный биограф Николая I с письмом Александра I А. Чарторыйскому знаком не был, александровскую политику в польском вопросе порицал, противопоставляя ей точку зрения Екатерины II на присоединенные при ней территории. Однако в доказательство «непреклонного намерения» самодержца расширить Царство Польское, «возвратив ему губернии империи, некогда входившие в состав Речи Посполитой», Шильдер приводит лишь «объединение в военном отношении», при котором великий князь Константин Павлович командовал одновременно армией Царства Польского и Литовским корпусом, а также то, что «Литва и западные губернии были негласно подчинены цесаревичу и в гражданском отношении»²⁷.

Константин Павлович после смерти Александра I и вступления на престол Николая I попытался лишь прозондировать почву насчет упомянутых обещаний старшего брата. Характерно, что об объединении бывших земель Речи Посполитой он пишет не напрямую государю, а в частном письме от 22 февраля (6 марта) 1826 г. своему бывшему адъютанту Ф. П. Опочинину с просьбой передать это мнение императору: «...все поляки одних мыслей, и... желание их есть общее соединение отошедших провинций, но чтобы предпринять какие для сего произвольные действия, они от сего далеки и никак не одобряют таковых намерений»²⁸.

В течение 1827 г. в переписке с Николаем I цесаревич, которому лично в той ситуации было выгодно подобное «общее соединение», стремился получить у младшего брата поддержку этой идеи. В позиции императора четко просматривается как аргументация Александра I из письма А. Чарторыйскому, так и абсолютные логичные выводы о несбыточности мечтаний поляков. Последние аттестуются

26 Болтунова Е. М. Последний польский король. С. 63–64, 328–330.

27 Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. 1825–1831 гг. // Русская старина. 1900. № 2. С. 294.

28 Там же. С. 290.

как «идеи, которые заведомо невозможно осуществить», «это вещь неосуществимая и которая могла бы повлечь за собою самые плачевные последствия»²⁹. Тема была окончательно закрыта 12 (24) ноября 1827 г., когда Николай I исчерпывающе отрицательно ответил на специальную записку Константина Павловича по литовскому вопросу: «Литва и пр. русская провинция; она не может возвратиться к Польше, потому что это бы значило посягать на целость территории империи»³⁰.

Здесь просматривается понимание Николаем I истинной позиции Александра I по вопросу о присоединенных к Российской империи в конце XVIII в. территориях бывшей Речи Посполитой. Эта позиция не подлежала изменениям ни вследствие «надежд поляков», ни вследствие властных амбиций Константина Павловича. Этот этап формирования имперской территории на западном направлении был закончен. Судьба же автономного и конституционного Царства Польского в составе Российской империи оставляла самодержавной власти перспективу их интеграции в случае «произвольных действий», которые и последовали уже вскоре в виде польского восстания 1830 г. и польско-русской войны 1831 г.

Таким образом, поставленные в работах последних лет, и в частности в монографии Е. М. Болтуновой, дискуссионные вопросы имеют хорошую историографическую перспективу, способную продвинуть вперед важные аспекты процесса формирования территории Российской империи на западном направлении.

Источники и литература

Болтунова Е. М. Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 560 с.

Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 2000. 704 с.

История Польши. Т. I. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. 584 с.

Каменский А. Б. «Отторженная возвратих»: разделы Польши и концепция собирания русских земель // Труды по руссиеведению. Вып. 6. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 220–261.

29 Там же. С. 296, 298.

30 Там же. С. 301.

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. V. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1880. 408 с.

Носов Б. В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. М.: Индрик, 2004. 728 с.

Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. II. М.: Книгоиздательство К. Ф. Некрасова, 1913. 362 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 33. 1815–1816. СПб.: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. 1173 с.

Польша и Россия в первой трети XIX века: Из истории автономного Королевства Польского: 1815–1830. М.: Индрик, 2010. 584 с.

Сковронек Е. Удары с трех сторон. Разделы Польши как составная часть европейской истории (1772–1793–1795) // Родина. 1994. № 12. С. 36–40.

Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М.: Международные отношения, 2002. 696 с.

Шильдер Н. К. Император Николай I и Польша. 1825–1831 гг. // Русская старина. 1900. № 2. С. 277–306.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. Iа. СПб.: Семёновская Типолиитография И. А. Ефрона, 1890. 485 с.

Kosińska U. Rosyjsko-pruska deklaracja poczdamska z 1720 roku // Mówią wieki. 2020. № 3. S. 20–22.

Zielińska Z. My czy oni, czyli kto ponosi winę za rozbiory // Mówią wieki. 2020. № 3. S. 58–62.

References

Bol'shoi iuridicheskii slovar', ed. by A. Ia. Sukhareva, V. E. Krutskikh. Moscow: INFRA-M, 2000, 704 p.

Boltunova, E. M. *Poslednii pol'skii korol': koronatsiia Nikolaia I v Varshave v 1829 g. i pamiat' o rusско-pol'skikh voinakh XVII – nachala XIX v.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 560 p.

Istoriia Pol'shi. Vol. I. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1954, 584 p.

Kamenskiy, A. B. «Ottorzhennaia vozvratikh»: razdely Pol'shi i kontsepsiia sobiraniia russkikh zemel'. // *Trudy po rossievedeniuu*, issue 6. Moscow: INION RAN, 2016, pp. 220–261.

Kosińska, U. «Rosyjsko-pruska deklaracja poczdamska z 1720 roku.» *Mówią wieki*, 2020, No 3, pp. 20–22.

Nosov, B. V. *Ustanovlenie rossiiskogo gospodstva v Rechi Pospolitoi. 1756–1768 gg.* Moscow: Indrik, 2004, 728 p.

Pol'sha i Rossiia v pervoi treti XIX veka: Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo: 1815–1830. Moscow: Indrik, 2010, 584 p.

Skovronek, E. “Udary s trekh storon. Razdely Pol'shi kak sostavnaia chast' evropeiskoi istorii (1772–1793–1795).” *Rodina*, 1994, No 12, pp. 36–40.

Stegnii, P. V. *Razdely Pol'shi i diplomatiia Ekateriny II: 1772, 1793, 1795.* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2002, 696 p.

Zielińska, Z. “My czy oni, czyli kto ponosi winę za rozbiory.” *Mówią wieki*, 2020, No 3, pp. 58–62.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.23

Yu. A. Borisyonok

**Formation of the territory of the Russian Empire
in the Polish direction, features and patterns:
controversial issues in modern historiography**

Yuri A. Borisyonok

Candidate of History, associate professor

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: rodina2001@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4958-2799

Citation

Borisyonok Yu. A. Formation of the territory of the Russian Empire in the Polish direction, features and patterns: controversial issues in modern historiography // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 454–471 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.23

Received: 19.01.2024.

Abstract

An objective study of the processes of formation of the territory of the Russian Empire at the expense of the lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth, which ceased to exist in 1795, still remains a pressing historiographical problem. The relevance of the topic was clearly demonstrated by Ye. M. Boltunova in her 2022 monograph, dedicated to the coronation of Nicholas I in Warsaw in 1829 and at the same time covering a number of broader aspects of the Polish question in the politics of St. Petersburg. The book reflected common stereotypes characteristic of the analysis of the expansion of Russian territory during the imperial

period, including an isolated consideration of the Western and all other directions of the empire's policy, as well as a separate interpretation of the processes of the divisions of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 18th century. and the legacy of military campaigns in the first decades of the 19th century. The content of the monograph emphasizes the need to develop an approach to the problems of registration of the territory of the Russian Empire that meets modern research realities, including taking into account territorial increments within the framework of a single process that can be traced from geopolitical changes, from the outcomes of the Great Northern War to the legal consequences of the final act Congress of Vienna 1815.

Keywords

Russian Empire, formation of territory, Polish-Lithuanian Commonwealth, Kingdom of Poland, historiography, Ye. M. Boltunova.

Новая монография Любодрага Димича

Димић Љ. Између Истока и Запада: Југославија, велике силе и питање безбедности у Европи (1945–1975). – 2. допуњено изд. – Београд: “Филип Вишњић”, 2022. – 564 с.

Новосельцев Борис Сергеевич
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: bnovoseltsev@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4271-9780

Цитирование

Новосельцев Б. С. Новая монография Любодрага Димича // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 472–478. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.24

Рецензия поступила в редакцию 10.01.2024.

Аннотация

Используя в основном сербские архивные материалы, Л. Димич вписывает историю югославской внешней политики в более широкий контекст международных отношений периода холодной войны, политики сверхдержав, возникновения и развития Движения неприсоединения и обсуждения вопроса безопасности в Европе. Книга рассказывает о том, как достигался серьезный дипломатический и международно-политический успех небольшой страны, которую не защищали пакты или гарантии сверхдержав.

Ключевые слова

Югославия, XX век, холодная война, внешняя политика Югославии, вопрос безопасности в Европе.

Монография академика Сербской академии наук и искусств Любодрага Димича посвящена истории югославской внешней политики и международных отношений в 1945–1975 гг., отношениям со сверхдержавами и роли Югославии в Движении неприсоединения

в контексте особенно актуальной в современном мире проблемы европейских безопасности и сотрудничества.

Концептуально книга разделена на две части, так как содержит в себе еще и ряд исторических источников, выявленных автором в сербских архивах: Архиве Югославии (фонды 837 – Кабинет Президента Республики (*AJ. KPR*) и 507/IX – комиссия по международным отношениям ЦК СКЮ (*AJ. 507/IX*)) и Архиве Министерства иностранных дел Сербии (ф. Политический архив (*Politički arhiv*)).

Опираясь на обширный архивный материал, а также опубликованные документы, автор широкими мазками вписывает историю Югославии в международный контекст. Исследование носит прежде всего обобщающий характер, подводя итоги многолетнего изучения заданной проблематики в югославской и сербской исторической науке. Вместе с тем к работам российских, а также англоязычных историков автор обращается заметно реже. Также следует указать на достаточно скромное использование в монографии источников английского или американского происхождения.

Яркий, метафоричный, а местами и полемичный стиль изложения и широта охвата проблематики выдают в авторе не только кабинетного ученого, но и многолетнего университетского профессора.

Исследование построено по проблемно-хронологическому принципу; сама его структура осязательно передает колебания «маятника» югославской внешней политики в поисках баланса в отношениях не только между сверхдержавами, но также между Европой и Азией.

Так, в главах, посвященных периоду Второй мировой войны и сразу после нее, Югославия справедливо представлена как объект во взаимоотношениях Великобритании и СССР, под давлением которых ее руководители вынуждены были идти на уступки в интересах развития сотрудничества с союзниками. Ценно, что автор подробно остановился на позиции Запада, реконструируя ее на основе аналитических архивных материалов: британского Национального архива (*The National Archive*) и американского проекта «Международные отношения Соединенных Штатов» (*Foreign Relations of the United States*). В то же время о позиции Москвы написано меньше и без широкого использования материалов российских архивов, только с опорой на опубликованные документы

В соответствии со сложившимися в югославской историографии представлениями, Л. Димич уже в событиях 1944–1945 гг. усматривает корни разногласий с Москвой. В качестве важнейшей, если не исходной, причины конфликта он называет самостоятельность и аутентичность

югославской революции в годы Второй мировой войны. И с этим связывает затруднения, которые Москва испытывала, пытаясь удержать Югославию под своим контролем, позже обозначенные советскими представителями как «нездоровые тенденции» в руководстве КПЮ: попытки создания федерации с Болгарией, усиление югославского влияния в Албании, помощь греческим партизанам и позицию Югославии по вопросу Триеста. Все это воспринималось как претензии Белграда на то, чтобы играть ведущую роль на Балканах¹, и подталкивало Москву к тому, чтобы занять максимально жесткую позицию безоговорочного присоединения Югославии к советскому лагерю, особенно в условиях ухудшения взаимоотношений с Западом на фоне начала холодной войны. По словам автора, конфликт произошел из столкновения двух сталинизмов, в ходе чего югославский, пойдя на большие жертвы, освободился от гегемонии КПСС².

Обращаясь к важнейшим процессам и событиям следующего десятилетия (1950-х гг.), Л. Димић затрагивает проблематику развития сотрудничества Югославии с западными странами, объясняя это тем, что Тито в условиях конфликта с Москвой был вынужден отказаться от принципов «идеологической последовательности» и склониться к проведению «реальной политики»³. По вопросу нормализации советско-югославских отношений он отмечает, что в Белграде искренне этого желали, но не за счет конструктивных и выгодных отношений с Западом⁴. Поэтому визит Н. С. Хрущева в Белград (1955 г.) и подписание Московской декларации Тито считал своей «огромной победой», ощущая себя равным Хрущеву и чувствуя себя защитником всех реформистских сил в коммунистическом движении⁵.

Стремление распространять свой опыт, образно называемое автором атавизмом веры в миф о мировой революции, своего рода мессианство, воспринимаемое югославским руководством как некая обязанность, начиная с 1950-х гг. было важной причиной конфликтов Югославии и с Западом, и с Востоком. Исходя из этого, интерес Белграда к странам «третьего мира», выходящим из состояния колониальной

1 Димић Љ. Између Истока и Запада: Југославија, велике силе и питање безбедности у Европи (1945–1975). 2 допуњено изд. Београд, 2022. С. 71, 81.

2 Там же. С. 117.

3 Там же. С. 104.

4 Arhiv Jugoslavije. SK SKJ. IX. 119-/I-53. Pismo SK SKJ od 16.11.1954.

5 Димић Љ. Између Истока и Запада. С. 122.

зависимости и оказавшимся «между интервенционизмом Запада и интернационализмом Востока», выглядит закономерным. С точки зрения Л. Димича, югославское неприсоединение было не последовательной внешнеполитической платформой, но способом защиты своего суверенитета⁶. Сильной стороной работы следует назвать и то, что в ней удалось показать на фактическом материале взаимную обусловленность задач по нормализации отношений с Москвой, сохранению дистанции с Западом и начала сотрудничества с третьим миром.

Проблематика, связанная с оформлением внеблоковой позиции Югославии, началом сотрудничества со странами Азии и Африки и формирования Движения неприсоединения, освещена в монографии заметно более подробно, чем некоторые другие сюжеты; возможно, это объясняется тем, что автор уже обращался к ним ранее⁷. Композиционно и по вниманию, уделенному автором, I конференция неприсоединившихся стран в Белграде (1961 г.), безусловно, выглядит как одна из центральных тем монографии. Соответствующие разделы, посвященные ее подготовке и проведению, значению для югославской внешней политики и международных отношений в целом, а также позициям сверхдержав, будут особенно интересны и ценны для читателя.

Следует отметить, что основное внимание автор уделил отношениям Югославии с СССР и политике неприсоединения, в то время как о развитии сотрудничества и конфликтах со странами Запада в 1950–1970-е гг. написано более лаконично и с меньшим привлечением источников и литературы. Особенно это заметно по разделам, посвященным 1960-м гг., которые и проблематику советско-югославских взаимоотношений затрагивают более обзорно. Исключением можно назвать события Пражской весны (1968 г.) и интервенции в Чехословакию, которую Л. Димич назвал самой прямой угрозой стабильности и безопасности в Европе. В этот момент мир, где Югославия имела стабильную и определенную позицию, перестал для нее существовать⁸.

Несомненный интерес представляют заключительные разделы монографии, посвященные позиции Югославии по вопросам подготовки и проведения Сессии по безопасности и сотрудничеству в Европе.

⁶ Там же. С. 124.

⁷ См. *Dimić L.* Titovo putovanje u Burmu i Indiju 1954–1955. Prilog za istoriju hladnog rata // Tokovi Istorije. Časopis instituta za noviju Istoriju. 2004. № 3–4; *Bogetić D., Dimić L.* Beogradska konferencija nesvrstanih zemalja: prilog istoriji Trećeg sveta. Beograd, 2013.

⁸ *Димић Л.* Између Истока и Запада. С. 173.

Детант начала 1970-х гг. в Югославии воспринимали, с одной стороны, как качественно новую ситуацию в Европе и шанс для европейских стран действовать в соответствии с собственными интересами⁹. С другой стороны, отталкиваясь от того, что сверхдержавы, непримиримо соперничающие в других регионах мира, в Европе сотрудничают, югославы опасались того, что разрядка выльется в новое разделение Европы на сферы интересов¹⁰. Исходя из этого, позиция Югославии по СБСЕ – способствовать тому, чтобы подготовка совещания происходила на многосторонней основе, пытаясь сузить возможные проявления блоковой политики¹¹, – была неотъемлемой составной частью ее общей позиции, основанной на идеях неприсоединения.

Вторая часть книги – тематически подобранные автором источники из сербских архивов, подавляющее большинство которых публикуется впервые, пускай и с купюрами, – также представляет большой интерес. При этом серьезным недостатком здесь необходимо назвать полное отсутствие не только научного комментария, но в принципе каких бы то ни было пояснений и сносок. Хронологически публикуемые материалы относятся в основном к 1960–1970-м гг., то есть к менее исследованному периоду в истории югославской внешней политики. В них, в частности, отражена позиция Югославии относительно СБСЕ. Среди документов преобладают стенографические записи переговоров Тито и иностранных политических деятелей; стенограммы выступлений политиков и дипломатов на заседаниях Союзной Скупщины и Союзного Вече СФРЮ и их интервью югославским и иностранным СМИ; информационные и аналитические документы, а также телеграммы Секретариата иностранных дел.

Подводя итог, отметим, что данная книга будет полезна для ученых, специалистов по истории Югославии или международных отношений. Она рассказывает о том, как достигался серьезный дипломатический и международно-политический успех небольшой страны, которую не защищали пакты или гарантии сверхдержав, а потому условием ее существования была высокая степень вовлеченности в международные процессы¹².

9 АЈ. СК КРЈ. F 507. III/149-4. Trinaesta sednica Predsednistva СК SKJ. 16.10.1970.

10 Димит Љ. Између Истока и Запада. С. 296–297.

11 См.: АЈ. КРР. Put J. B. Tita u Finsku. 29.07–01.08.1975. Nacrt platforme SFRJ za Konferenciju o evropskoj saradnji i bezbednosti. 08.06.1973.

12 Там же. С. 308.

Источники и литература

Arhiv Jugoslavije.

Димић Л. Између Истока и Запада: Југославија, велике силе и питање безбедности у Европи (1945–1975). 2. допуњено изд. Београд: ИК «Филип Вишњић», 2022. 564 с.

Bogetić D., Dimić L. Beogradska konferencija nesvrstanih zemalja: prilog istoriji Trećeg sveta. Beograd: Zavod za udžbenike, 2013. 583 s.

Dimić L. Titovo putovanje u Burmu i Indiju 1954–1955. Prilog za istoriju hladnog rata // Tokovi Istorije. Časopis instituta za noviju Istoriju. 2004. № 3–4. S. 27–54.

References

Bogetić, D., Dimić, L. *Beogradska konferencija nesvrstanih zemalja: prilog istoriji Trećeg sveta*. Beograd: Zavod za udžbenike, 2013, 583 p.

Dimić, L. *Između Istoka i Zapada: Jugoslavija, velike sile i pitanje bezbednosti u Evropi (1945–1975)*. 2. dopunjeno izd. Beograd: IK “Filip Vishnjic”, 2022, 564 p.

Dimić, L. “Titovo putovanje u Burmu i Indiju 1954–1955. Prilog za istoriju hladnog rata.” *Tokovi Istorije. Časopis instituta za noviju Istoriju*, 2004, No 3–4, pp. 27–54.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.24

B. S. Novoseltsev

Review of the monograph by Lyubodrag Dimić “Between East and West. Yugoslavia, Superpowers and the issue of security in Europe (1945–1975).”

Boris S. Novoseltsev

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospekt 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: bnovoseltsev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4271-9780

Citation

Novoseltsev B. S. Review of the monograph by Lyubodrag Dimić “Between East and West. Yugoslavia, Superpowers and the issue of security in Europe (1945–1975)” // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 472–478 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.24

Received: 10.01.2024.

Abstract

Using mainly Serbian archival materials, L. Dimić fits the history of Yugoslav foreign policy into the broader context of international relations during the Cold War, the politics of superpowers, the emergence and development of the Non-Aligned Movement and the discussion of security in Europe. The book shows how a small country achieved serious diplomatic and international political success, which was not protected by pacts or guarantees of superpowers.

Keywords

Yugoslavia, the 20th century, the Cold War, the foreign policy of Yugoslavia, the issue of security in Europe.

УДК 94(497.1)

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.25

К. В. Никифоров

От Тито до Милошевича: от Брежнева до Горбачева

Селинич С. Србија 1980–1986. Политичка историја од Тита до Милошевића. – Београд: Институт за новију историју Србије, 2021. – 519 с.

Никифоров Константин Владимирович

Доктор исторических наук, директор

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: nikiforov@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-4436-5074

Цитирование

Никифоров К. В. От Тито до Милошевича: от Брежнева до Горбачева // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 479–486. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.25

Рецензия поступила в редакцию 28.01.2024.

Аннотация

В монографии С. Селинича рассматриваются шесть лет сербской истории – от кончины многолетнего правителя Югославии Й. Броза-Тито до утверждения во власти нового сербского лидера С. Милошевича. Это было время многочисленных кризисов – в экономике, политике, в сербском автономном крае Косово. Особенно ярко проявились новые веяния в сербской в публицистике, художественной и научной литературе, где начала подниматься волна критики титовского наследия. Было снято табу с запрещенных прежде тем – усташи, четники, Голый остров. Сербская критика прежних устоев была схожа с проходившей в те же годы перестройкой в СССР, в частности с провозглашенной Горбачевым политикой гласности.

Ключевые слова

Борьба за власть, И. Стамболич, С. Милошевич, экономический кризис, косовский вопрос, оппозиция режиму, Д. Чосич.

В Белграде увидела свет монография Слободана Селинича «Сербия в 1980–1986 гг. Политическая история от Тито до Милошевича»

(Белград, 2021. 519 с.)¹. Книга посвящена первым годам истории Сербии после кончины бессменного лидера социалистической Югославии Й. Броза-Тито. Время, которое прошло к этому моменту после принятия Конституции СФРЮ 1974 г., показало всю слабость функционирования югославской федерации по новым установленным правилам. Кончина Тито еще больше и решающим образом ослабила общее государство, лишив его главного связующего звена. В книге исследуются следующие шесть лет сербской истории – до прихода к власти С. Милошевича. Автор труда – представитель среднего поколения сербских историков, доктор исторических наук, научный советник белградского Института новейшей истории Сербии.

Монография опирается на уже изданные книги Л. Димича, К. Николича, Д. Йовича, С. Цветковича и др. В ней анализируются мемуарная литература, дневники, интервью, документы главных действующих лиц Сербии 1980-х гг. В работе также представлены результаты исследований автора в Архивах Сербии и Югославии и Историческом архиве Белграда.

Период, рассматриваемый в книге, – особый. Тогда началась своего рода сербская «перестройка» – даже чуть раньше советской, учитывая то, что Брежнев умер на два года позже Тито, и то, что до Горбачева в СССР по году правили еще Андропов и Черненко. При чем если в Сербии самоуправление все больше критиковалось, то в России в первые годы правления Горбачева оно представлялось даже как лучшая разновидность социализма. Определенная разница была и в том, что в СССР импульс к демократизации, пусть и не всегда осознанно, пошел сверху, а в Югославии все-таки снизу. До этого югославские власти выдвинули лозунг: «И после Тито – Тито». Но остановить время было невозможно ни там, ни там.

Одновременно в Сербии развернулась борьба за власть, о чем повествует первая глава книги Селинича «Политическая борьба». Главным в этот период было постепенное восхождение на политический Олимп Слободана Милошевича – основного действующего лица сербской истории в следующее десятилетие. Решающую роль в этом процессе сыграл руководитель среднего поколения сербских коммунистов Иван Стамболич, который, делая собственную карьеру, освобождал посты для своего ставленника Милошевича, как на буксире, тянул его за собой наверх.

¹ Селинич С. Србија 1980–1986. Политичка историја од Тита до Милошевића. Београд, 2021.

Фоном этой борьбы стало отсутствие правового способа решения проблемы конституции 1974 г. Это не могло не вызвать постепенной радикализации сербских настроений. Обострилась и давняя борьба в ЦК Союза коммунистов Сербии между «либералами» во главе с И. Стамболичем и сторонниками решительного разрешения существовавших противоречий. «Либералы» среди сербских коммунистов потерпели поражение, а «радикалы» привели Милошевича через несколько лет к руководству партией.

Забегая вперед, уточним, что в 1987 г. Милошевич на пленуме партии фактически отправил своего бывшего покровителя в отставку, окончательно став в Сербии человеком «№ 1». Позже Стамболич был убит, и к этому преступлению, возможно, был причастен Милошевич. В любом случае две эти фигуры неразрывно связаны, и весьма символично, что на обложку монографии Селинича вынесена фотография Слободана Милошевича и Ивана Стамболича.

Вторая глава книги Селинича посвящена экономическому кризису. Так же, как в СССР, после ухода из жизни несменяемого долгие годы лидера в стране стала резко ухудшаться экономическая ситуация. Но, конечно, у Югославии (и Сербии) была своя специфика, в частности долговое бремя и программа помощи неразвитым регионам. Последний аспект исследуется в специальной главе книги. Недостаточно развитыми считались Босния и Герцеговина, Македония, Черногория и Косово, а развитыми Хорватия, Словения, Воеводина и Центральная Сербия. Между тем, как пишет Селинич, Центральная Сербия постепенно отставала в развитии, приближаясь к неразвитым и все больше отдаляясь от развитых.

Косовский вопрос – еще одна особенность развития Сербии, и он также исследуется в специальной главе. Сразу после смерти Тито весной 1981 г. в Косово начались албанские демонстрации. Первоначальное социальное недовольство быстро переросло в националистические антигосударственные выступления, третьи по счету в социалистической Югославии. В середине 1980-х гг. положение в Косово еще больше ухудшилось. Однако сербские власти не могли что-либо предпринять, связанные по рукам конституцией 1974 г.

Проблемы, возникшие в связи с этой конституцией, были еще одним фактором, сильно отягчавшим положение Сербии в те годы. Когда-то после долгих споров о концепции будущего государства победу одержали сторонники его превращения в конфедерацию. Кстати, об этом свидетельствовала и отставка Ранковича еще в 1966 г. После принятия конституции в 1974 г. Сербия пыталась изменить ее

положения, однако дискуссии на эту тему в 1970-е гг. ни к чему конкретному не привели. В 1981 г. Сербия вновь вернулась к этим дискуссиям.

Особый интерес представляет последняя глава монографии – «Власть и противники». Нам представляется, что это самая сильная часть монографии и именно описанные в ней события больше всего напоминают советскую перестройку. В то же время сербская власть больше занималась борьбой со своими противниками, нежели столь необходимыми реформами.

Политическую монополию власти в это время постепенно разъедала деятельность идеологически и политически разнородных групп и отдельных личностей. Власть критиковалась национально ориентированными группами интеллектуалов, преподавателями философского факультета Белградского университета, а также сторонниками оппозиции в текстах литературных произведений, историографии и печати. Главными рассадниками «сербского национализма» власть полагала Сербскую академию наук и искусств, Сербское литературное объединение и Сербскую православную церковь. Самыми опасными противниками на этом направлении считались Добрица Чосич, Матия Бечкович, Атанасие (Ефтич) и Амфилохие (Радович).

Обвинения в национализме раздавались прежде всего в адрес интеллектуалов, особенно писателей. И действительно, отсутствие политического плюрализма вело к активизации литературной деятельности. Как и в России, в Сербии поэт тоже «был больше, чем поэт». По словам М. Джиласа, «в странах Восточной Европы и в Советском Союзе писатели с некоторых пор взяли на себя роль критиков и просветителей»².

С первой половины 1980-х гг. в публицистике, художественной и научной литературе начала подниматься волна критики титовского наследия. Было снято табу с запрещенных прежде тем – усташи, четники, Голый остров. Сербские писатели стали появляться на публичной сцене намного чаще, чем раньше, расширяя свою миссию с литературы на борьбу за свободу мнений, представляя политическую силу, противостоявшую правящей партии. Дошло до «своего рода

² Эссе югославского оппозиционного деятеля М. Джиласа «Вырождение национального самосознания» с описанием общественных настроений в общественно-литературных кругах // *Анатомия конфликтов: Центральная и Юго-Восточная Европа: Документы и материалы последней трети XX века*. СПб., 2012. Т. I: начало 1970-х – первая половина 1980-х годов. С. 601.

одержимости писателей историей», до того, что «все спорные места истории сербского народа в Югославии растолковывали писатели».

В этом смысле в Сербии развивались процессы, сходные с советской перестройкой. Катализатором деятельности сербских оппозиционных интеллектуалов стало запрещение книги «Шерстяные времена» Гойко Джого в апреле 1981 г. В своих стихах поэт замахнулся на самого Тито. Арест Джого вызвал волну протестов сербской интеллигенции, коллективных писем в его защиту и «вечеров солидарности». Эти акции переросли в протест против экономического положения, политического и конституционного устройства, недостатка политических свобод, несвободных СМИ и т. п. В мае 1982 г. в Сербском литературном объединении был сформирован Комитет по защите свободы мысли и слова, который быстро превратился в символ борьбы за демократические изменения.

Причем по сравнению с другими югославскими республиками общественная сцена в Сербии была более живой и свободной. Критические демократические настроения захватили в основном Белград, в то время как Загреб выглядел оплотом догматизма. Как и после «Пражской», после «Хорватской весны» в республике наступили заморозки, сродни чешской «нормализации». Отдаленно это можно было сравнить также с процессами перестройки, которые в РСФСР шли гораздо активнее, чем, скажем, в советской Украине, где они почти не ощущались.

Комитетом по защите свободы мысли и слова была предпринята попытка создания журнала «Явност», главными редакторами которого должны были стать Д. Чосич и Л. Тадич. Они направили письмо 400 югославским интеллектуалам, приглашая их принять участие в «интеллектуальных диалогах о нашей современности». Однако эта инициатива была жестко пресечена властью, которая посчитала ее «попыткой организации оппозиции», доказательством неверия в «идею социализма». В ответ на деятельность этой оппозиции в Белграде в Загребе в 1984 г. вышла провластная «Белая книга», содержащая длинный список «врагов» строя, главным образом сербов.

Постепенно рушились основные мифы социалистической Югославии. Партизаны уже не воспринимались как единственная антифашистская сила в годы войны, а сама Югославия – как государство, создавшее совершенно иной тип социализма. Признавалось, что революция в Югославии свершилась по большевистскому образцу, и даже после 1948 г. с местными действительными или мнимыми сталинистами обращались сталинскими же методами. Многие вопросы были поставлены в книгах А. Исаковича «Мгновение. 2» (1982) о Голом острове и В. Дедиера «Новые материалы к биографии товарища Тито» (1983). Особую роль сыграла в тот

период и монография сербского историка Веселина Джуретича «Союзники и югославская военная драма» (1985), в которой четники первый раз в научной литературе были показаны как антифашистская сила.

Нельзя сказать, что власти совсем бездействовали. Они пытались остановить начавшееся брожение, в том числе и привычными методами. В апреле 1984 г. на одной из частных квартир были арестованы 28 сербских интеллектуалов, в том числе и М. Джилас. Шестерых из них позже осудили (Владимира Мияновича, Миодрага Милича, Драгомира Олуйича, Гордана Йовановича, Павлушко Имшировича и Милана Николича). Но, как и в случае с Джого, практически всех из них вскоре выпустили. Это дело получило в обиходе название процесса «белградской шестерки», и это был последний большой процесс.

События в Косово в решающей степени повлияли на то, что общегославский демократизм сербской оппозиционной интеллигенции постепенно все больше стал заменяться национальными идеями. Полагают, что именно Добрица Чосич придал оппозиционному движению в Сербии национальный характер. И если раньше многие из оппозиционеров, включая того же Чосича, считали югославскую федерацию лучшим решением сербского вопроса, то теперь она начинала трактоваться ими как прежде всего механизм для подавления всего сербского. Тогда же члены Сербской академии наук и искусств в проекте своего известного меморандума фактически обвинили коммунистическую власть в 45-летней антисербской деятельности и в создании антисербской коалиции в Югославии.

Одновременно лидер сербских коммунистов С. Милошевич начал использовать такие настроения для упрочения своего положения. Ему это во многом удалось. Союз коммунистов Сербии в глазах многих сербов превратился в главного защитника сербских интересов, прежде всего в Косово.

После смерти Тито Югославию и Сербию на фоне борьбы за власть охватил экономический кризис. Новым было то, что кризису оказалась подвержена югославская самоуправленческая идеология. Повторим, в чем-то эти процессы были сходны с перестройкой в СССР. Эти кризисы, охватившие Сербию в 1980-е гг., все время отягощались событиями в Косово, где положение сербского населения неуклонно ухудшалось. Тогда же на сербской политической арене появился Слободан Милошевич. Обо всем этом, о шести годах, прошедших после смерти Тито и до возвышения Милошевича³, подробно рассказывается в монографии Слободана Селинича.

³ К. Николич пишет, что культ Тито в Сербии просуществовал до 1987 г., до момента установления всей полноты власти Слободана Милошевича.

С. Милошевич в чем-то был схож с М. С. Горбачевым. При новом сербском лидере в Сербии тоже происходила перестройка, начавшаяся несколькими годами раньше. Политика Милошевича, как и Горбачева, заключалась в попытках соединить половинчатые реформы с остатками социализма. Обе страны, куда входили Россия и Сербия, почти одновременно распались. В 1990-е гг. пути этих государств заметно разошлись. В России начались радикальные рыночные реформы, в то время как в Сербии продолжилась прежняя политика половинчатых преобразований, отягощенная антисербскими санкциями, межэтническими гражданскими войнами по соседству, а затем и прямой натовской агрессией. Только в нулевые годы после октябрьской «бульдозерной» революции и падения режима С. Милошевича, на десять лет позже России, Сербия тоже приступила к радикальным преобразованиям.

Источники и литература

Селинић С. Србија 1980–1986. Политичка историја од Тита до Милошевића. Београд: Институт за новију историју Србије, 2021. 519 с.

Эссе югославского оппозиционного деятеля М. Джиласа «Вырождение национального самосознания» с описанием общественных настроений в общественно-литературных кругах // *Анатомия конфликтов: Центральная и Юго-Восточная Европа: Документы и материалы последней трети XX века.* СПб.: Алетей, 2012. Т. I: начало 1970-х – первая половина 1980-х годов. С. 601–605.

Nikolić K. “I posle Tita – Tito”. Održavanje i rušenje Titovog kulta u Srbiji 1980–1990 // *Tito – viđenja i tumačenja. Zbornik radova.* Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije i Arhiv Jugoslavije, 2011. С. 760–778.

References

“Esse jugoslavskogo oppozitsionnogo deiatelia M. Dzhilasa «Vyrozhdenie natsional'nogo samosoznaniia» s opisaniem obshchestvennykh nastroyeni v obshchestvenno-literaturnykh krugakh.” *Anatomiia konfliktov: Tsentral'naia i Iugo-Vostochnaia Evropa: Dokumenty i materialy poslednei treti XX veka.* St Petersburg: Aleteia, 2012, pp. 601–605. Т. I: nachalo 1970-kh – pervaia polovina 1980-kh godov.

См.: *Nikolić K.* “I posle Tita – Tito”. Održavanje i rušenje Titovog kulta u Srbiji 1980–1990 // *Tito – viđenja i tumačenja.* Beograd, 2011. S. 763.

Nikolić, K. “«I posle Tita – Tito». Održavanje i rušenje Titovog kulta u Srbiji 1980–1990.” *Tito – viđenja i tumačenja. Zbornik radova*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije i Arhiv Jugoslavije, 2011, pp. 760–778.

Selinić, S. *Srbija 1980–1986. Politička istorija od Tita do Miloševića*. Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2021, 519 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.25

K. V. Nikiforov

From Tito to Milošević: from Brezhnev to Gorbachev

Konstantin V. Nikiforov

Doctor of History, director

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: nikiforov@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-4436-5074

Citation

Nikiforov K. V. From Tito to Milošević: from Brezhnev to Gorbachev // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 479–486 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.25

Received: 28.01.2024.

Abstract

S. Selinić's monograph examines six years of Serbian history – from the death of the long-time ruler of Yugoslavia J. Broz Tito to the establishment of the new Serbian leader S. Milošević in power. This was a time of numerous crises – in the economy, politics, and in the Serbian autonomous region of Kosovo. New trends in Serbian journalism, fiction and scientific literature were especially pronounced, where a wave of criticism of Tito's legacy began to rise. The taboo was lifted from previously prohibited topics – Ustashes, Chetniks, Naked Island. Serbian criticism of what previously was seen as the very foundation of society was similar to the perestroika that took place in the USSR in the same years, in particular with the policy of glasnost proclaimed by Gorbachev.

Keywords

The struggle for power, I. Stambolić, S. Milošević, economic crisis, Kosovo issue, opposition to the regime, D. Čosić.

Писатели vs цензура: словенский опыт в контексте XIX в.

Slovenski literati in cesarska cenzura v dolgem 19. stoletju / uredil M. Dovič. – Ljubljana: Založba ZRC, 2023. – 491 s.

Старикова Надежда Николаевна
Доктор филологических наук, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: nstarikova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1230-2244

Цитирование

Старикова Н. Н. Писатели vs цензура: словенский опыт в контексте XIX в. // Славянский альманах. 2024. No 1–2. С. 487–500.
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.26

Рецензия поступила в редакцию 15.02.2024.

Аннотация

В рецензии представлена коллективная монография, опубликованная в научной серии «Studia literaria» Института словенской литературы и литературоведения Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств, в которой впервые комплексно, в мультидисциплинарном ключе представлено функционирование государственной цензуры как института официального контроля за социокультурной жизнью словенцев в период с 1789 по 1918 г. на территориях Габсбургской империи, а затем Австро-Венгрии. На протяжении всего рассматриваемого столетия словенские писатели, ученые, редакторы, издатели, критики, журналисты сталкивались с имперской цензурой как важнейшим фактором, регламентирующим их деятельность. Сам институт цензуры пережил в этот период ряд трансформаций: от секуляризации и бюрократизации во время правления Марии Терезии до репрессивной агрессивности цензурных практик при Франце Иосифе. Опираясь на широкий историко-культурный и литературный контекст, авторы – литературоведы, историки, искусствоведы, музейные работники, библиографы – исследуют влияние цензуры на процесс национального возрождения и творчество выдающихся словенских

литераторов А. Т. Линхарта, Ф. Прешерна, И. Цанкара, на издательское и библиотечное дело, периодическую печать, национальный театр. Монография состоит из предисловия, обширного введения и двух расположенных в хронологическом порядке разделов, первый из которых охватывает период от Великой французской до Мартовской революции, второй – от Мартовской революции до Первой мировой войны. Каждый раздел включает десять авторских глав. Книга снабжена именным указателем, информацией об авторах и развернутым англоязычным резюме, включающим постатейные аннотации. Весьма информативен и полезен имеющийся в книге эксклюзивный архивный иллюстративный материал (копии документов, рукописей, писем, газетных страниц, цензурных заключений, судебных решений, географических карт, выписок из библиотечных каталогов и пр.), который не только служит доказательной базой, но и погружает читателя в атмосферу времени.

Ключевые слова

Австрийская империя, внутренняя политика, цензура, словенская литература, периодическая печать, издательское дело, библиотеки, театр.

Цензура так же стара, как и литература.

Д. Пониж¹

Коллективная монография, вышедшая в 2023 г. в научной серии «*Studia literaria*» Института словенской литературы и литературоведения Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств (НИЦ САНИ), – первое в словенском литературоведении комплексное историко-литературное и культурологическое исследование функционирования государственной цензуры как института официального контроля за социокультурной жизнью словенцев на территориях Габсбургской империи, а затем Австро-Венгрии в период с 1789 по 1918 г., т. е. на протяжении векового становления и развития национальной литературы и всей ее инфраструктуры. Предмет исследования тесно связан с генеалогией развития литературной жизни, чем обусловлен широкий историко-культурный

¹ Poniž D. Cenzura in avtocenzura v slovenski dramatik in gledališču 1945–1990. Del 1: Obdobje 1945–1964. Ljubljana, 2010. S. 9.

и литературный контекст труда, обращение авторов к крупнейшим именам периода национального возрождения (А. Т. Линхарт, Ф. Прешерн, И. Цанкар) и явлениям литературного процесса (издательское дело, периодическая печать, библиотеки, театр). Проект поддержан Государственным агентством науки Республики Словении, исследовательская работа была начата с проведения одноименного симпозиума в марте 2022 г. В состав авторского коллектива вошли ведущие литературоведы Института словенской литературы и литературоведения (ИСЛЛ) и историки Института истории имени М. Коса (ИИМК) НИЦ САНИ, преподаватели философского факультета Люблянского университета (ФФ ЛУ), факультета гуманитарных наук университета в Новой Горице (ФГН УНГ), а также университета г. Тур (Франция), сотрудники Национальной и университетской библиотеки (НУБ) Словении, музейные работники, независимые исследователи из Словении и Австрии.

Монография состоит из предисловия, главы-введения «Словенские писатели и имперская цензура в долгом девятнадцатом веке», написанной ответственным редактором издания М. Довичем, и двух расположенных в хронологическом порядке разделов: «I. 1789–1848: цензура от Французской до Мартовской революции» и «II. 1848–1918: цензура от Мартовской революции до великой войны», включающих по десять глав. После каждой главы следуют рубрики «Источники» и «Литература». Книга снабжена именованным указателем, информацией об авторах и развернутым англоязычным резюме с постатейными аннотациями.

В предисловии представлен авторский коллектив проекта и дана краткая характеристика его структуры. Вводная глава определяет предмет исследования – «цензуру [...] как узаконенную форму контроля за распространением текстов, [...] существенным измерением которой является возможность применения карательных санкций»², его задачи и концепцию. На протяжении всего рассматриваемого столетия словенские интеллектуалы, имевшие отношение к печатному слову, – не только профессиональные писатели, но и ученые, редакторы, издатели, критики, журналисты, – сталкивались с имперской цензурой как важнейшим фактором, регламентирующим их деятельность. При этом сам институт цензуры пережил за это время ряд трансформаций: от секуляризации и бюрократизации во время правления

2 Slovenski literati in cesarska cenzura v dolgem 19. stoletju. Ljubljana, 2023. S. 13.

Марии Терезии до репрессивной агрессивности цензурных практик при Франце Йосифе. Авторы книги поднимают ряд принципиальных для заявленной проблематики вопросов: как менялась функция цензуры с течением времени, как государственный надзор за художественным словом влиял на процесс национального возрождения, распространение либеральных идей и собственно писательские стратегии, как позиционировали себя словенцы, которым властью была доверена роль цензоров, какую службу цензура сослужила в деле развития национального театра, какие превращения претерпел сам жанр цензурного вердикта.

Главы первого раздела проблемно-тематически можно разделить на три группы: посвященные конкретным персоналиям (как первого ряда, так и более маргинальным), цензурной политике на отдельных территориях, а также влиянию цензуры на издание литературной продукции и периодики. Раздел открывает глава М. Дежелак-Трояр (ИСЛЛ НИЦ САНИ) «Линхарт лицом к лицу с цензурой: драматургия и историография», в которой представлен биографический и творческий путь первого словенского драматурга А. Т. Линхарта (1756–1795). Его пьесы – трагедия на немецком языке «Мисс Дженни Лав» (1780), словенские комедии «Жупанова Мицка» (1789), по мотивам произведения австрийского автора Й. Рихтера «Сельская мельница», и «Веселый день или Матичек женится» (1790), адаптация комедии П. Бомарше «Женитьба Фигаро», а также двухтомный историографический труд «*Versuch einer Geschichte von Krain und den übrigen Ländern der südlichen Slaven Oestérreiches*» («Опыт истории Краины и других южнославянских земель Австрии», 1788, 1791) были подвергнуты цензурской проверке. На заре своей литературной карьеры Линхарту, в то время государственному чиновнику, самому пришлось проводить цензурский аудит, сверяя протокол поправок чужой рукописи с опубликованным текстом. С тех пор он крайне настороженно относился к любым цензурным проявлениям, что нашло отражение в его переписке. Прямым доказательством вмешательства цензоров в судьбу произведений Линхарта является, по мнению автора статьи, тот факт, что из двух необходимых разрешений, на издание и постановку пьесы «Веселый день...» при жизни автора получила только первое.

Следующая глава «Цойс и цензура», написанная Л. Видмаром (ИСЛЛ НИЦ САНИ), посвящена современнику Линхарта, просветителю и меценату, барону Ж. Цойсу (1747–1819). Не будучи профессиональным литератором, Цойс сталкивался с цензурой косвенно: как покупатель книг, отправитель и получатель писем, покровитель

театра. И всегда старался, как мог, ее избежать. Автор главы приводит ряд документированных примеров: в переписке на немецком языке Цойса и его секретаря, впоследствии выдающегося лингвиста и цензора Е. Копитара (1780–1844), имена высокопоставленных лиц шифруются, используются аббревиатуры, псевдонимы или словенские выражения. Выбор бароном для любительской постановки 1803 г. «нейтральной» одноактной пьесы А. Коцебу, по мнению Видмара, также указывает на осторожность Цойса, его желание не ставить под сомнение свою благонадежность. На основании собранных фактов литературовед делает вывод, что его героя можно назвать «прагматиком цензуры» (с. 77), ибо Цойс как имперский просветитель никогда не представлял себе Австрийскую монархию без цензуры.

М. Огрин (ИСЛЛ НИЦ САНИ) фокусирует внимание на судьбе рукописного наследия эпохи барокко – глава «Рукописное тиражирование запрещенных текстов: словенские рукописи об Антихристе». Речь идет о переводе на словенский язык книги «Leben Antichristi» («Жизнь Антихриста», 1682) немецкого барочного литератора, священника Дионисия Люксембургского (1652–1703), запрещенной имперской цензурой в 1774 г., а до этого пользовавшейся, благодаря своей увлекательной нарративной стратегии, большим спросом у читателей. Автор главы исследует все сохранившиеся рукописные варианты перевода книги. Первый был сделан М. Жегаром в 1767 г., т. е. еще до внесения ее в «черный» список, и впоследствии продолжал подпольно распространяться по Штирии и Каринтии почти столетие. Второй, более точный, переводчик которого неизвестен, относится к середине XIX в. Автор также рассматривает еще одну сохранившуюся адаптацию – несколько рукописных текстов с кратким пересказом содержания первоисточника. По его мнению, словенская «биография» барочной антиутопии о конце света – выразительный пример того, как народная рукописная культура способствовала преодолению цензурных запретов.

В четвертой главе «Превентивная цензура в Иллирийских провинциях: администрация Мармона», написанной Ф. Бушаром (университет г. Тура, Франция), представлено авторское видение того, как в период с 1809 по 1813 г. французские власти Иллирийских провинций во главе с генерал-губернатором маршалом О. де Мармоном осуществляли там цензурную политику. В своих наблюдениях автор опирается на эпистолярное наследие итальянского литератора Б. Бенинкаса (1746–1816), с июня 1810 по июль 1811 г. занимавшего должность генерального цензора Иллирийских провинций и выказавшего крайнюю

осторожность в отношении произведений, которые могли бы быть восприняты как оскорбительные для верующих.

Е. Кодрич-Дачич (ФФ ЛУ, НУБ) в своей главе «Запрещенные книги в библиотеке Люблянского лицея» рассказывает о предупредительных мерах, которые в конце XVIII – первой половине XIX в. предпринимались властями, чтобы контролировать распространение и ограничить использование вольнодумной, с их точки зрения, литературы. Для этого вся печатная продукция классифицировалась по 4 категориям: штамп «разрешено» получали произведения, которыми можно было открыто торговать и которые допускалось рекламировать в газетах; «разрешено с ограничениями» – тексты, непригодные для продажи, но входящие в официальные каталоги; печатью «использовать ограниченно» помечались труды, знакомство с которыми требовало полицейского разрешения и которые были доступны лишь узкому кругу экспертов; наконец, издания, подрывавшие основы государства и христианской морали, попадали под гриф «запрещено». К последним в эпоху Марии Терезии относились сочинения Руссо, Вольтера, Филдинга, Боккаччо, Лессинга, позднее, при Меттернихе, к ним добавились Дефо, Дидро, Гофман, Вальтер Скотт.

Далее, в шестой, восьмой и девятой главах, рассматриваются сюжеты, связанные с судьбой периодических изданий. А. Жейн (ИСЛЛ НИЦ САНИ) реконструирует историю проекта словенской газеты «Slavinja», в итоге не реализованного, – «Газета, раздавленная в зародыше: дело о цензуре “Slavinji”»; А. Пастар (независимый исследователь, Словения) анализирует работу газеты «Carniola» и другой немецкоязычной периодики в Крайне – «“Carniola”, Леопольд Кордеш и немецкие газеты в Крайне первой половины XIX века»; М. Дович (ИСЛЛ НИЦ САНИ) выявляет историко-культурные и политические факторы, повлиявшие на национальную новостную периодику, – «Предмартовская цензура в Крайне и рождение “Novic”». Все три автора подчеркивают влияние цензуры на формирование не только газетного рынка, но и собственно литературного поля, отмечая как негативную роль конкретных представителей института цензоров (например, главы венской цензурской канцелярии Й. Седлницкого), так и позитивный опыт редакторов-интеллектуалов Я. Циглера, Л. Кордеша, Я. Блейвейса. При этом Дович высказывает любопытную мысль: одной из мотиваций действий венских чиновников по надзору за печатным словом «была забота о качестве прессы, проистекающая из типичного просветительского патернализма» (s. 221), т. е. имперская цензура следила не только за благонадежностью,

но и за престижем периодических изданий, претендующих на высокое право публиковаться в границах Габсбургской монархии.

Седьмая глава «Ирония и сентиментальность литературного поля: сонеты Прешерна и словенская алфавитно-цензурная война», одна из интереснейших в книге, принадлежит член-корреспонденту САНИ М. Ювану (ИСЛЛ НИЦ САНИ) и обращена к поэтике иронического в сонетной лирике словенского поэта, рассматриваемой как способ художника противостоять цензуре, о чем упоминал еще Г. Гейне. Таким образом, «медиативный троп иронии, – подчеркивает автор главы, – это [...] возможность писать, находясь под надзором цензуры» (s. 158). Тому, как блестяще эту опцию использовал Ф. Прешерн (1800–1949), отстаивая свое эстетическое видение национальной поэзии в идейной борьбе с Копитаром, в бытность цензором открыто использовавшим служебное положение для ограничения публикационных возможностей своих оппонентов, и посвящен анализируемый материал. Опираясь на ряд поэтических примеров (сонеты середины 1830-х гг. «Поставил как-то Апеллес-художник...», «Relata refero», «In Meeres Tiefen, auf der Erde Fluren», «Ihr horet von der Zwerge argem Sinnen», «Sonett» и др.), Юван демонстрирует художественную реакцию поэта-романтика на принудительное ограничение поэтической свободы, выражавшуюся в широком использовании сатирических приемов, иносказаний, подтекста, акростиха, т. е. парадигму того, как лирическое произведение становится орудием свободомыслия.

Завершает первый раздел монографии глава Н. Дитмайер (ИСЛЛ НИЦ САНИ) «Цензура “Событий земли Штирийской” А. Кремпла в Граце и Загребе», рассматривающая цензурные перипетии первой истории Штирии, написанной на словенском языке священником и литератором Антоном Кремплом (1790–1844). Загребская цензура разрешила напечатать лишь небольшой отрывок этого историографического опуса в журнале С. Врза «Коло», в Граце полное издание вышло после четырех редакторских правок с большими купюрами в 1845 г., уже после смерти автора. На основании анализа документов и фактов Дитмайер приходит к выводу о необъективности и пристрастности имперской цензуры в лице ее австрийских и венгерских цензоров в отношении словенских авторов.

Второй раздел представлен главами, в которых рассматривается цензурная практика в Крайне и в империи в целом на разных этапах заявленной в разделе хронологии: 1848–1918 гг., цензурная история отдельных книг и газет, театральная цензура и, наконец, роль цензуры в творческой и человеческой судьбе выдающегося национального

прозаика и драматурга И. Цанкара. С. Свольшак (НУБ) в главе «Мартовская революция и свобода печати: отголоски и реакция в Крайне (март – май 1848)» описывает ситуацию на страницах крайнской периодики сразу после провозглашения политических свобод. Так, 21 марта 1848 г. в газете «*Laibacher Zeitung*» была опубликована первая статья о свободе печати, в которой констатировалось, что ранее запрещенные мастера пера теперь, без сомнения, выйдут на авансцену и смогут поднимать актуальные проблемы. А 22 марта газета «*Novice*» вышла с подзаголовком «Первая словенская газета без цензуры», в передовице ее учредитель Я. Блейвейс попытался максимально доходчиво объяснить читателям, что всемилостивейший император своим указом дал позволение печатать все книги, новости и газеты без предварительного цензорского прочтения и обязательного ранее разрешения. Автор главы обращает внимание на в целом умеренный, далекий от революционного характер словенских газетных публикаций и подчеркивает, что новых радикально настроенных либеральных периодических изданий в Крайне после мартовских событий учреждено не было.

Более локальный, но весьма занимательный сюжет лежит в основе исследования И. Кордиша (историк, музейный работник, Словения) «Перипетии издания “Карты земли словенской и ее областей” Козлера». Петер Козлер (1824–1879), юрист и картограф-любитель, воодушевленный первой словенской политической программой «Объединенная Словения», ставшей показательной реакцией национальных либералов на мартовские события, взялся за создание географической карты всех словенских областей. Медная пластина для офорта была готова в 1852 г., в газетах вышло объявление о возможности предзаказа, был сделан и одобрен пробный оттиск, началась работа в типографии, но тут австрийские военные власти конфисковали все напечатанные экземпляры. Они обвинили инициатора в государственной измене, поскольку изображенные на карте границы между словенскими и австрийскими территориями ставили под сомнение законность единства имперских земель. Судебный иск, правда, был вскоре отозван, карта же, выпущенная в итоге в 1861 г., сразу привлекла внимание географов Европы – в 1866 г. Императорское русское географическое общество приняло Козлера в свои ряды.

Следующие три главы второго раздела обращены к проблемам культурной политики в газетной сфере. Это штудии Т. Домея (историк, независимый исследователь, Австрия) «Короткая жизнь и финал газет “*Stimmen aus Innerosterreich*” и “*Slovenec*”», Т. Жигон (ФФ ЛУ) «Суды над прессой в Крайне в 60-е гг. XIX в.» и Д. Глобочника

(искусствовед, независимый исследователь, Словения) «“Brenčelj” и “Juri s rušo” – первые словенские сатирические газеты перед судом присяжных». В центре внимания Домея – сюжет о судебных разбирательствах и скандальном закрытии двух выходивших в Целовце в 1860-е гг. новостных политических изданий: немецкоязычного и словенскоязычного, доказывающий факт силового давления на региональную прессу накануне провозглашения двуединой монархии. Репрессии властей были связаны с призывами к административной автономии Каринтии, публиковавшимися на их страницах. В обоих случаях судебным преследованиям, заключению и штрафам подверглись редакторы газет, каринтийские священники и политические деятели А. Айншпилер (1813–1888) и Я. Божич (1829–1884). Жигон дает обзор судебных тяжб, через которые после принятия в империи в 1852 г. нового закона о печати, возвращающего цензуру, прошли редакторы и авторы трех видных словенских политических газет: «Naprrej» (1863), «Triglav» (1865–1870) и «Slovenski narod» (1868–1943). Иски властей против этих изданий были связаны с конкретными заметками и фельетонами и, как правило, заканчивались обвинительными приговорами. Объединяло все эти процессы то, что в них участвовали не только издатели М. Вилхар, П. Грацелли и А. Томшич, но и представители литературной элиты своего времени Ф. Левстик (1831–1887) и Й. Юрчич (1844–1881), открыто призывавшие Вену учитывать интересы национальных меньшинств империи. «Австрия будет сильна только тогда, – писал Левстик в статье о геополитических границах, ставшей поводом к возбуждению судебного дела («Naprrej» от 17 февраля 1863 г.), – когда отдельные ее народы будут укрепляться и развиваться, двигаясь по конституционному пути, для словенцев этот момент приблизится лишь тогда, когда их раздробленные земли вновь соединятся, когда мы получим школы на родном языке» (с. 330). Глобочник описывает перипетии, связанные с деятельностью, преследованием и закрытием двух первых словенских сатирических газетных изданий, выходивших в Любляне и Триесте в 1870–80-е гг. Материалом для статьи послужили не только репортажи, фельетоны и карикатуры из газет «Brenčelj» и «Juri s rušo», но также данные о конфискациях, судебные протоколы и отчеты, статьи из других периодических изданий, открытые письма и речи обвиняемых, свидетельствующие о бескомпромиссности их позиции. Несмотря на неоднократные судебные преследования, сроки заключения и штрафы, редакторам газет Я. Алешовцу и Г. Х. Мартеланцу удалось на некоторое время отстоять жанр карикатуры как средство

политической сатиры и тем самым заложить основы практики визуального обличения в национальной журналистике.

Диапазон рассуждений о влиянии цензуры на словенское общество в следующих двух главах расширяется за счет введения нового дискурса, связанного с репертуарной политикой театров империи. Глава «“Безнравственно само по себе”: театральная цензура и нравственное воспитание в долгом XIX веке» К. Михурко-Пониж (ФГН УНГ) освещает этические критерии надзора за театральными постановками, на которые опирались имперские цензоры. В качестве доказательств исследовательница приводит статистику и выдержки из архивных документов (в архиве Драматического общества сохранилось свыше 370 заключений о разрешении пьес к постановке). Один из характерных примеров: из канонической комедии конца XVIII в. «Веселый день, или Матичек женится» Линхарта цензором в середине XIX в. были вычеркнуты реплики барона Налетела типа «Пока мне нравится любить свою жену, я люблю ее, а как надоест, так поищу другую» (s. 372) как подрывающие моральные устои семьи. Цензурные ограничения сопровождали словенские драматургические тексты на протяжении всего рассматриваемого столетия, последним упомянутым в главе подобным примером является драма А. Крайгера «Раковина», проходившая экспертизу в 1911 г., но инсценированная лишь в 1923 г., т. е. уже после краха Австро-Венгрии. Глава «“Постановка разрешена при изъятии мест, отмеченных красным”: цензура иностранного репертуара в театрах Любляны (1898–1912)» Т. Смолея (ФФ ЛУ) дает представление о том, каким цензурным «ножницам» и почему подвергались произведения зарубежных авторов, рекомендовавшиеся для словенской сцены. Проанализировав тексты пятидесяти пьес, получавших разрешение на постановку, автор приходит к выводу, что цензоры продолжали руководствоваться указом министра внутренних дел А. фон Баха 1850 г., согласно которому с театральных подмостков не могло звучать ничего оскорбляющего главу государства, правящую династию, чувство патриотизма, вероисповедание и мораль граждан империи. Рвение цензоров, особенно некоего О. Врацка, было так велико, что купюрам подвергались не только малоизвестные произведения, но и «Вильгельм Телль» Шиллера, «Гамлет» Шекспира, романтическая драма Гюго «Лукреция Борджиа», инсценировка романа Л. Толстого «Воскресение» и трагедия О. Уайльда «Саломея». Однако, по мнению Смолея, цензурную политику в Любляне можно в целом назвать либеральной – случаи полного запрещения пьес к постановке были редкостью.

Объектом изучения Е. Хабьяна (ИСЛЛ НИЦ САНИ) и А. Ежа (ИСЛЛ НИЦ САНИ, ФФ ЛУ) в главах «От сборника “Эротика” XIX в. до пьесы “Холопы” XX в.: цензура Цанкара» и «Цанкар и гонения на социалистическую печать в период Австро-Венгрии» являются разные аспекты взаимодействия с цензурой выдающегося словенского писателя И. Цанкара (1876–1918). Наблюдения Хабьяна показывают, как цензура на формальном и сущностном уровнях влияла на судьбу и востребованность произведений Цанкара. Реакция цензуры неофициальной – епископа А. Б. Еглича, отдавшего приказ уничтожить тираж дебютного поэтического сборника Цанкара «Эротика» (1899) – стала для молодого автора прекрасной рекламой и стимулом к переизданию книги, а запрет постановки драмы «Холопы» в 1910 г. – большим разочарованием. Оно усугублялось тем, что на пути пьесы к сцене оказались коллеги по перу – эксперты цензурного совета поэт А. Фунтек, прозаик и драматург Ф. Мильчинский и директор люблянского театра прозаик Ф. Говекар. До премьеры, которая, в конце концов, состоялась в Триесте в 1918 г., Цанкар не дожил полгода. В главе Ежа подробно представлен культурно-политический контекст жизни писателя, его увлечение социал-демократическим движением и идеями социализма. Доказательной базой для автора служат публицистические тексты Цанкара «Очищение и омоложение», «Как я стал социалистом», «Кровавые дни в Любляне», «Словенцы и югославы», многократно подвергавшиеся цензурным ограничениям и запретам. Цензурные препоны, связанные с публикациями и театральными постановками, констатирует Еж, сменяются открытым политическим преследованием писателя, закончившимся двумя кратковременными сроками тюремного заключения. Первый раз Цанкар был осужден весной 1913 г. за «нарушение спокойствия и общественного порядка» (s. 435), второй – в августе 1914 г. как «политически неблагонадежный элемент, симпатизирующий сербам» (s. 436).

Заключительная глава второй части и монографии в целом «Австрийская цензура во время Первой мировой войны: от обороны к наступлению» написана П. Свольшак (ИИМК НИЦ САНИ), которая анализирует цензурную политику австрийских властей в период введения чрезвычайного положения. Для этого периода было характерно ужесточение контроля за информацией и настроениями граждан в стране, для чего было создано специальное Управление военного наблюдения (Kriegsüberwachungsamt), осуществлявшее надзор и цензуру всех источников информации: изданий, периодики,

частной переписки, почтового сообщения, радио, кинопроизводства, любых видов визуальной продукции (карикатур, картин, книжных иллюстраций, фотографий). Главной целью этой деятельности являлось препятствование свободному перемещению потока информации за границу и из-за границы, а также создание информационного барьера между фронтом и тылом. Превращение цензуры в аппарат насилия, по мнению автора главы, стало одним из факторов снижения лояльности граждан к властям империи и тем самым приблизило ее конец.

Рассмотренная монография представляет бесспорный научный интерес как для исследователей истории словенской словесности и национального литературного процесса в целом, так и для ученых, занимающихся феноменологией европейского литературного и культурологического поля. «Проблема свободы слова, – подчеркивает автор “Истории цензуры в России XIX–XX вв.” Г. В. Жирков, – одна из тех, которые называются вечными, во все исторические времена для общества она остается наиболее актуальной, так как человек не удовлетворен тем ее уровнем, который ему предоставляется обществом»³. Многоаспектный взгляд авторского коллектива на цензуру как неотъемлемую составляющую диахронии национальной литературной жизни привлекает глубиной и аргументированностью. Стереоскопичность общей картине придает разнообразная оптика рассмотрения: взгляд на цензуру глазами историков, литературоведов, искусствоведов, библиографов, музейщиков. Очень полезен включенный в книгу эксклюзивный архивный иллюстративный материал: копии документов, рукописей, писем, газетных страниц, цензурных заключений, судебных решений, географических карт, выписок из библиотечных каталогов и пр., который не только служит доказательной базой, но и погружает читателя в атмосферу времени. Жаль, что избранный авторами хронологический, а не типологический принцип изложения в ряде случаев приводит к досадной интерференции и повторам (например, история запрета драмы Цанкара «Холопы» и комедии Линхарта «Веселый день...» представлена дважды в разных главах), что, однако, не снижает общего глубоко положительного впечатления от труда словенских ученых.

³ Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. URL: <https://textarchive.ru/c-1868087-pall.html> (дата обращения: 17.12.2023).

Источники и литература

Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. URL: <https://textarchive.ru/c-1868087-pall.html> (дата обращения: 15.01.2024).

Poniž D. *Cenzura in avtocenzura v slovenski dramatik in gledališču 1945–1990. Del 1: Obdobje 1945–1964*. Ljubljana: Slovenski gledališki muzej, 2010. 133 s.

Slovenski literati in cesarska cenzura v dolgem 19. stoletju / uredil M. Dovič. Ljubljana: Založba ZRC, 2023. 491 s.

References

Poniž, D. *Cenzura in avtocenzura v slovenski dramatik in gledališču 1945–1990. Del 1: Obdobje 1945–1964*. Ljubljana: Slovenski gledališki muzej, 2010, 133 p.

Slovenski literati in cesarska cenzura v dolgem 19. stoletju, ed. by M. Dovič. Ljubljana: Založba ZRC, 2023, 491 p.

Zhirkov, G. V. *Istorija tsenzury v Rossii XIX–XX vv*. Moscow, 2001. URL: <https://textarchive.ru/c-1868087-pall.html> (accessed: 15.01.2024).

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.26

N. N. Starikova

Writers vs censorship: Slovenian experience in the context of the 19th century

Nadezhda N. Starikova

Doctor of Letters, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: nstarikova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1230-2244

Citation

Starikova N. N. Writers vs censorship: Slovenian experience in the context of the 19th century // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 487–500 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.26

Received: 15.02.2024.

Abstract

The review presents a collective monograph published in the scientific series “*Studia literaria*” of the Institute of Slovenian Literature and Literary Studies of the Research Center of the Slovenian Academy of Sciences and Arts, which for the first time presents in a comprehensive, multidisciplinary manner the functioning of state censorship as an institution of official control over sociocultural life Slovenes in the territories of the Habsburg Empire, and then Austria-Hungary in the period from 1789 to 1918. Throughout the century under review, Slovenian writers, scientists, editors, publishers, critics, and journalists faced imperial censorship as the most important factor regulating their activities. The institution of censorship itself experienced a number of transformations during this period: from secularization and bureaucracy during the reign of Maria Theresa to the repressive aggressiveness of censorship practices under Franz Joseph. Based on a broad historical, cultural and literary context, the authors – literary scholars, historians, cultural scientists, museum workers, bibliographers – explore the influence of censorship on the process of national revival and the work of outstanding Slovenian authors A. T. Linhart, F. Prešeren, I. Cankar, publishing, periodicals, national theater. The monograph consists of a preface, an extensive introduction and two sections arranged in chronological order, the first of which covers the period from the Great French to the March Revolution, the second from the March Revolution to the First World War. Each section includes ten author’s chapters. The book is equipped with a name index, information about the authors and a detailed English-language summary, including article-by-article annotations. The exclusive archival illustrative material included in the book is very informative and useful: copies of documents, manuscripts, letters, newspaper pages, censorship reports, court decisions, geographical maps, extracts from library catalogs, etc., which not only serves as an evidence base, but also immerses the reader into the atmosphere of time.

Keywords

Austrian Empire, domestic politics, censorship, Slovenian literature, periodicals, publishing, libraries, theater.

УДК 821.161.3

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.27

Н. М. Куренная

**Тереза Станиславовна Голуб.
Текстология и текстологи**

Тэрэза Станіславаўна Голуб. Тэксталогія і тэксталагі / сост. В. Ф. Назаров, науч. ред. А. А. Василевич. – Мінск, Беларуская навука, 2022. – 143 с.

Куренная Наталия Михайловна
Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: ikurennoy@gmail.com
ORCID:0000-0002-4118-3697

Цитирование

Куренная Н. М. Тереза Станиславовна Голуб. Текстология и текстологи // Славянский альманах. 2024. No 1–2. С. 501–506.
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.27

Рецензия поступила в редакцию 19.01.2024.

Аннотация

В научном сборнике о жизни и деятельности Т. С. Голуб, известного белорусского литературоведа и текстолога, лауреата литературной премии имени М. Горецкого, прослеживаются основные этапы ее научного пути, анализируется вклад исследовательницы в развитие национальной текстологии. Издание содержит биографические и библиографические сведения о Т. С. Голуб, а также описана ее методика текстологической подготовки публикаций многотомных академических собраний сочинений классиков белорусской литературы – Якуба Коласа, Янки Купалы, Максима Горецкого, Ивана Шамякина и др., осуществленные коллективом ученых Института белорусской литературы НАН Беларуси. Издание завершается аналитической статьей Т. С. Голуб «К столетнему юбилею текстологии белорусской литературы: истоки, достижения, перспективы».

Ключевые слова

Белорусская текстология, методика, собрание сочинений.

В рецензируемом труде столетняя история белорусской текстологии, как одной из значительных ветвей гуманитарной науки, представлена в контексте научной деятельности и жизненной судьбы к. ф. н. Т. С. Голуб, руководившей в течение долгого времени отделом текстологии Института литературоведения НАН Беларуси. В книгу включены биографические и биобиблиографические материалы о Т. С. Голуб, известном белорусском литературоведе, авторе нескольких монографий, лауреате Литературной премии им. Максима Горьцкого. Даже поверхностное знакомство с библиографией трудов исследовательницы дает представление о масштабе ее научных интересов, позволяет оценить новаторство и глубину методов, которые она использовала в своей научной работе.

Книга открывается статьей д. ф. н. Т. Дасаевой «Веги лесавызначальнага шляху» («Веги судьбоносного пути») о главных событиях в научной и личной жизни Т. С. Голуб, исследовательская деятельность и интересы которой развивались в двух направлениях белорусской гуманитарной науки – литературоведческом и текстологическом. Автор статьи отмечает большой вклад Т. С. Голуб в фундаментальные и научно-практические исследования, которые проводились Институтом литературоведения НАН Беларуси на протяжении последних десятилетий. По мнению Т. Дасаевой, «с приходом Т. С. Голуб в науку в белорусском литературоведении начался новый этап теоретического осмысления проблем текстологии».

Второй раздел книги состоит из статей, отзывов, воспоминаний коллег Т. Голуб, среди которых – член-корреспондент М. Мушинский, академик Р. Горецкий, текстолог Э. Золава, Вл. Лившиц и многие другие сотрудники Института литературоведения НАН Беларуси, в которых обоснованно констатируется масштаб и значение научных работ исследовательницы для белорусской гуманитарной науки.

Расширение методологических рамок традиционного подхода к исследованию текста, осуществленное сотрудниками отдела текстологии под руководством Т. Голуб, сказалось и на степени выявления тех или иных черт поэтики, оригинального авторского языка многих выдающихся белорусских литераторов. Новые принципы подготовки к изданию собраний сочинений и отдельных произведений классиков национальной литературы позволили текстологам погрузиться в «условную лабораторию» создания авторских текстов, чему отчасти способствовала новаторская научно-поисковая деятельность самой Т. С. Голуб, а также ее книги – «У творчай майстэрні класіка» («В творческой мастерской классика», 2002), «Услед за лініяй жыцця»

(«Вслед за линией жизни», 2006), «Тэксталогія беларускай літаратуры ХХ стагоддзя» («Текстология белорусской литературы ХХ века», 2013), «Летапіс жыцця і творчасці Аркадзя Куляшова» (Летопись жизни и творчества Аркадия Кулешова), 2012),

Интенсивная деятельность сотрудников отдела, руководимого Т. Голуб, нередко вызывала изумление у коллег своей сосредоточенно стремительной работой, приносящей достойные результаты. Так, в течение 2011–2015 гг. ими была осуществлена одновременная подготовка и публикация академического 20-томного собрания сочинений Якуба Коласа и 23-томного собрания сочинений Ивана Шамякина.

Из последних по времени работ Т. С. Голуб особого внимания заслуживает научное исследование «Напярэдадні 100-гадовага юбілею тэксталогіі беларускай літаратуры: вытокі, набыткі, перспектывы» («Накануне 100-летнего юбилея текстологии белорусской литературы: истоки, достижения, перспективы»), опубликованное в рецензируемом труде. Историю текстологии в Белоруссии принято датировать 1925 г., когда началась подготовка к публикации двухтомного академического издания произведений Максима Богдановича («Творы М. Багдановіча»). Инициатива этого значительного для белорусской культуры события исходила от председателя Литературной комиссии Инбелкульта (Института белорусской культуры) проф. И. Замотина и секретаря комиссии М. Горецкого (к тому времени уже известного писателя). Перед коллективом, готовившим этот труд, были поставлены следующие задачи: представить творческое наследие М. Богдановича в максимально возможной полноте, сопроводив издание по возможности полным научно-справочным материалом. Как отмечает Т. С. Голуб, «именно в период подготовки “Твораў М. Багдановіча” были заложены основы теоретического осмысления текстологических проблем и публикаторской практики в белорусском литературоведении»¹.

В своей аналитической статье исследовательница отмечает неравномерность развития белорусской текстологии, что в основном было вызвано сложной общественно-политической ситуацией 1930-х гг., затем войной 1941–1945 гг. Новый послевоенный период в истории белорусской текстологии начался с подготовки в 1951–1954 гг. научно комментированного шеститомного собрания сочинений Янки Купалы.

¹ Тэрэза Станіславаўна Голуб. Тэксталогія і тэксталагі. Мінск, 2022. С. 118.

В процессе совершенствования исследовательских тактик работы над текстами классиков белорусской литературы и комментариев к ним, подчеркивает Т. С. Голуб, неопределима роль и опыт ее предшественника и наставника, выдающегося литературоведа, чл.-корр. НАН Республики Беларусь М. Мушинского, руководившего отделом текстологии на протяжении 23 лет. Под его началом увидели свет больше десяти научно комментированных изданий. «Выход полных собраний сочинений – значительное научное достижение белорусского литературоведения. Для текстологов – это определяющее направление дальнейшей деятельности»², – считает Т. Голуб.

По справедливому мнению исследовательницы, внутрисполитическая обстановка в 1950–1980-х гг. отличалась «заидеологизированностью советской системы», что не могло не отразиться и на издании произведений многих белорусских писателей разных поколений. До середины 1980-х гг. многие из них были «покалечены купюрами». Однако эти тексты, отредактированные и скрупулезно восстановленные сотрудниками отдела текстологии в соответствии с первоначальным авторским вариантом, были опубликованы в течение последующих лет. Среди них – собрания сочинений классиков белорусской литературы: М. Богдановича, Тетки (А. Пашкевич), Я. Коласа, И. Мележа, П. Бровки, З. Бядули, К. Черного, М. Горецкого, М. Зарецкого, В. Караткевича, К. Крапивы, А. Макаенка, М. Лынькова, П. Пестрака, Я. Пушчи, М. Танка, И. Шамякина, И. Науменко.

К XXI веку белорусская текстология подошла со значительным теоретическим и практическим опытом. «Выход каждого издания, каждого его тома – это результат предварительной исследовательской работы, теоретического осмысления путей решения текстологических проблем, выработка и реализация принципов издания. Довольно долгое время изучение творческой лаборатории писателя, связанное с многогранными проблемами (атрибуции, датировки, определения дефинитивного текста, цензуры и автоцензуры и пр.), не находило соответствующего освещения...»³ Однако развитие и совершенствование текстологических методик, новые информационные технологии, сочетание богатого опыта исследователей старшего поколения и молодых ученых, использующих инновационные методы, сделало возможным публикацию максимально полных, научно комментированных собраний сочинений белорусских классиков. В свое время академик НАН

2 Там же. С. 120.

3 Там же. С. 121.

Беларуси Р. Горецкий, наблюдавший работу текстологов под руководством Т. С. Голуб над творческим наследием своего брата – Максима Горького, выразил свое мнение о ее работе: «Яркое проявление творческой любви к делу, которым талантливо занимается Тереза Станиславовна Голуб, ее работоспособность вызывают восхищение».

Очевидно, что высокий уровень белорусской текстологии, ее успехи и открытия были бы невозможны без таких эрудированных, увлеченных и глубоких исследователей, как к. ф. н. Тереза Станиславовна Голуб, талантливый текстолог и литературовед.

Источники и литература

Тэрэза Станіславаўна Голуб. Тэксталогія і тэксталагі / сост. В. Ф. Назаров, науч. ред. А. А. Василевич. Мінск: Беларуская навука, 2022. 143 с.

References

Tereza Stanislavovna Holub. Tekstolohiia i tekstolahi. Minsk: Belaruskaiia navuka, 2022, 143 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.27

N. M. Kurenaya

Tereza Stanislavovna Holub. Textual criticism and textualists

Natalia M. Kurenaya

Doctor of Letters, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: ikurennoy@gmail.com

ORCID:0000-0002-4118-3697

Citation

Kurenaya N. M. Tereza Stanislavovna Golub. Textual criticism and textualists // Slavic Almanac. 2024. No 1–2. P. 501–506 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.27

Received: 19.01.2024.

Abstract

The scientific collection about the life and work of T. S. Golub, a famous Belarusian literary critic and textual critic, winner of the M. Goretsky Literary Prize, traces the main stages of her scientific path, analyzes the contribution of the researcher to the development of national textual studies. The publication contains biographical and bio–bibliographic information about T. S. Golub, as well as describes her method of textual preparation of publications of multi-volume academic collections of works by classics of Belarusian literature – Yakub Kolas, Yanka Kupala, Maksim Goretsky, Ivan. Shamyakin et al., carried out by a team of scientists from the Institute of Belarusian Literature of the National Academy of Sciences of Belarus. The publication ends with an analytical article by T. S. Golub “On the centenary of the textual history of Belarusian literature».

Keywords

Belarusian textology, methodology, collected works.

УДК 821.163
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.28

П. Д. Гаврилова

Просто и строго – Конеский. Классика в интерпретации молодых

Антоновски И. Просто и строго – Конески. – Скопје: Матица Македонска, 2023. – 216 с.

Гаврилова Полина Данииловна
Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация
E-mail: gavrilo97@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0828-6827

Цитирование

Гаврилова П. Д. Просто и строго – Конеский. Классика в интерпретации молодых // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 507–511.
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.28

Рецензия поступила в редакцию 15.02.2024.

Аннотация

И. Антоновский делает первую попытку новой интерпретации творчества гиганта македонской литературы и культуры Б. Конеского. Его книга является бесспорно ценным вкладом в развитие македонского литературоведения и вряд ли останется без должного внимания. Антоновский доказал, что Конеский – вечный автор, который привлекает и будет привлекать внимание, что глубина его творчества неисчерпаема, это позволит ученым-македонистам обращаться к нему в будущем и дополнять исследование Антоновского.

Ключевые слова

Блаже Конеский, македонская литература, новый взгляд, интерпретация.

К тридцатой годовщине смерти одного из основоположников македонской национальной литературы, выдающегося ученого и кодификатора македонского языка, государственного деятеля Блаже Конеского (1921–1993) была опубликована монография «Просто

и строго – Конеский». Ее автор Иван Антоновский (р. 1990) – представитель литературоведческой школы основанного в 1946 г. Б. Конеским филологического факультета университета им. свв. Кирилла и Мефодия в Скопье. Молодой ученый обратил на себя внимание как один из наиболее талантливых исследователей национальной литературы (в 2022 г. ему присуждена премия Президента Республики Северная Македония). В рецензируемой монографии он ставит задачу выявить новые аспекты в изучении произведений классика.

Название монографии – «Просто и строго – Конеский» – вольная цитата из программного стихотворения Конеского «Вышивальщица» (1955): «Скажи, вышивальщица, как рождается / простая и строгая македонская песня». В ней выражен основной творческий принцип поэта – совершенство простоты и связь с народной традицией. Монография состоит из трех разделов. В основе некоторых текстов лежат исследования, написанные Антоновским совместно с В. Мойсовой-Чепишевской.

В первом разделе «Просто и строго о литературном опыте Конеского» анализируются драматургия, малая проза, модификация жанров молитвы и жития в его лирике. Рассматривая начало творческого пути Конеского, Антоновский анализирует его единственную опубликованную пьесу «Голодной курочке все просо снится» (1945), сюжет которой строится на высмеивании тщетных надежд сторонников монархии на возвращение старых порядков. Одноактная комедия была поставлена на сцене Македонского народного театра в 1945 г., но в репертуаре не задержалась и до последнего времени практически не изучалась. И. Антоновский при анализе ее проблематики (вопрос македонской идентичности), сюжета, конфликта и персонажей справедливо подчеркивает, что пьеса обладает рядом художественных достоинств, свидетельствующих о том, что молодой тогда автор, опираясь на опыт Н. В. Гоголя и Б. Нушича, обратившись к злободневной теме, попытался изобразить полнокровные характеры. Отмечено также значение пьесы для исследования процесса становления македонского литературного языка.

Прозаическим дебютом Конеского стал его сборник из десяти рассказов «Виноградник» (1955), в которых И. Антоновский выделил наличие лирических элементов, что было естественным для поэта и существенно повлияло на стиль повествования («“Виноградник” как (не)случайность в македонской литературе»). В то же время автор монографии выделяет ряд рассказов, которые являют собой синтез рассказа и эссе. Появившаяся в разгар полемики о путях развития национальной литературы, новеллистика Конеского не содержит,

по мысли Антоновского, явных признаков принадлежности ни к реализму, ни к модернизму, что говорит о поисках собственного пути, позволивших соединить глубину содержания и кажущуюся простоту формы, обратиться к «обычному» человеку и мотивам повседневной жизни.

Касясь анализа лирики Конеского, И. Антоновский обращается к недостаточно изученным жанрам. К их числу относится идущая от средневековой традиции молитва, существенно модифицированная у автора XX в., но сохраняющая в своей структуре характерные для жанра элементы. Стихотворения-молитвы были написаны в разные периоды творчества македонского поэта и отражали эволюцию его поэтики («Молитвы Конеского»). Антоновский анализирует ряд стихотворений («Молитва о сне» (1979), «Молитва» (1988), «Молитва» (1991), «Молитва об успокоении» (1993) и др.), выделяя черты жанра поэтической молитвы: у Конеского они, как правило, не обращены напрямую к Богу, но отражают особое состояние души лирического героя, рассказывая о высоком и сложном простым и доступным языком. Так же и в цикле «Проложные жития» (1990), отмечает И. Антоновский, поэт предпринимает смелый эксперимент с жанром краткого жития («Простое и строгое македонское стихотворение как современное житие»). Героями цикла стали великие по своим внутренним качествам, но скромные и незаметные люди, свет души и доброта которых помогают жить и верить в человека. В то же время в этом тексте были высказаны, на наш взгляд, полемические суждения: вслед за видным теоретиком А. Вангеловым, который связал воспоминания Б. Конеского о детских обидах с возникшим у него чувством «аутсайдера», И. Антоновский полагает, что и некоторые персонажи «Проложных житий» наделены чертами, делающими их не вполне полноценными в глазах окружающих (бездетная женщина, очень маленький рост у мужчины). Создается впечатление, что пафос цикла Конеского – подчеркнуть не физические недостатки, а величие духа этих героев, поскольку именно в незаметности, их обычных поступках, которые на первый взгляд не привлекают внимания, Конеский находил вдохновение: он видел желание жить и стремиться к спокойной жизни, которая превращала обычного человека в героя и практически святого.

Во втором разделе монографии отмечается, что становление Конеского как поэта, формирование и изменение взглядов на литературу может быть воспроизведено на основании анализа его лирики («Простое и строгое македонское стихотворение как лирическая биография Конеского»). И. Антоновский считает, что личность поэта

сама по себе являет целую систему, и одна из задач исследователей – одновременно «реконструировать и деконструировать эту систему посредством анализа творчества Конеского» (с. 78).

Поэзия Конеского, с одной стороны, вобрала в себя опыт мировой литературы, а с другой – сохраняет самобытность и уникальность. По мысли автора монографии, многие стихотворения выстраиваются в единый смысловой ряд: каждое последующее стихотворение продолжает предыдущее, объединяющими мотивами при этом являются любовь к родине и одиночество.

Выдающийся вклад Конеского в изучение и преподавание македонской литературы отмечен в главе «Просто и строго о первом обзоре истории македонской литературы», где подчеркивается, что он первым предложил подход к систематизации и преподаванию истории македонской литературы, выделил этапы развития литературы XIX в., основных авторов и произведения этого периода. Его опыт продолжает учитываться и в наши дни («Пионерский и революционный шаг для македонских учебников»). В честь Конеского названа серия учебников по македонскому языку для иностранных студентов. Так, учебник, подготовленный В. Мойсовой-Чепишевской, носит название «Вышивальщица». В нем собраны основные программные литературные тексты, в которых были заложены основы для дальнейшего пути развития литературы (с. 145).

В статье «Является ли первый роман о Блаже Конеском автобиографией?» Антоновский анализирует роман «Вышел сеятель сеять» П. Гилевского, где впервые появляется фигура Конеского как литературного персонажа и используется прием мистификации автобиографии: в произведении много намеков, которые говорят о том, что автором мог оказаться сам Конеский. Однако исследования доказали, что произведение было написано Гилевским.

В заключении монографии И. Антоновский приходит к выводу, что всю свою поэтическую жизнь Б. Конеский выстраивал по принципу «просто и строго». Он опирался на художественный опыт народа (фольклор) и своих предшественников, переосмысливая его и закладывая основы новой традиции, на которой базируется современная македонская литература. Именно поэтому, подчеркивает И. Антоновский, с позиции нового поколения читателей и ученых Конеский – «начальная точка» македонской литературы, а его творчество вызывает сегодня и будет вызывать в будущем потребность возвращаться к его осмыслению. Рецензируемая книга является попыткой такого осмысления.

Источники и литература

Антоновски И. Просто и строго – Конески. Скопје: Матица Македонска, 2023. 216 с.

References

Antonovski, I. *Prosto i strogo – Koneski*. Skopje: Matica Makedonska, 2023, 216 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.28

P. D. Gavrilova

Simple and strict – Koneski. About the interest of the young generation in the giant of Macedonian literature

Polina D. Gavrilova

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119991, 1-51 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation

E-mail: gavriilova97@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0828-6827

Citation

Gavrilova P. D. Simple and strict – Koneski. About the interest of the young generation in the giant of Macedonian literature // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 507–511 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.28

Received: 15.02.2024.

Abstract

I. Antonovski makes his first attempt at a new interpretation of the work of the giant of Macedonian literature and culture B. Koneski. His book is an undeniably valuable contribution to the development of Macedonian literary studies and is unlikely to be left without due attention. Antonovski has proven that Koneski is an eternal author who attracts and will continue to attract attention, that the depth of his work is inexhaustible, which will allow researchers to turn to this work and supplement it in the future.

Keywords

Blaže Koneski, Macedonian literature, new view, interpretation.

УДК 93/94

М. Ю. Дронов, С. М. Слоистов

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.29

**Международная научная конференция
«XVI Чтения памяти митрополита
Литовского и Виленского Иосифа (Семашко)»**

Дронов Михаил Юрьевич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3284-4924

Слоистов Сергей Михайлович

Младший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: centrum821@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-4591-4223

Цитирование

Дронов М. Ю., Слоистов С. М. Международная научная конференция «XVI Чтения памяти митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко)» // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 512–516.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.29

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.29

Текст поступил в редакцию 25.02.2024.

6–7 декабря 2023 г. на базе Минской духовной семинарии (МинДС), расположенной в агрогородке Жировичи Слонимского района Гродненской области, прошли очередные научные чтения, посвященные памяти митрополита Иосифа (Семашко; 1798–1868). На этот раз мероприятие было также посвящено годовщинам преставления преподобной Евфросинии Полоцкой (1173), святого благоверного князя Александра Невского (1263) и преподобномученика Афанасия Брестского (1648). Кроме МинДС в качестве организаторов выступили Синодальная историческая комиссия (СИК) Белорусского экзархата РПЦ, Минская духовная академия (МинДА) и Центр евразийских исследований филиала Российского государственного социального университета в г. Минск.

6 декабря в преддверии начала чтений в актовом зале семинарии состоялось мероприятие, посвященное заключению договора между

МинДС и Президентской библиотекой России имени Б. Н. Ельцина. Со стороны минских духовных школ в церемонии завершения его подписания участвовали ректор МинДС к. б. протоиерей Виктор Василевич, заведующий библиотекой МиДА к. б. И. Ю. Перченко, ответственный за работу семинарской библиотеки к. б. архимандрит Никодим (Генералов), от Президентской библиотеки – и. о. директора департамента по библиотечному взаимодействию к. пед. н. Ю. Г. Селиванова и начальник отдела международных связей М. С. Чернов. В своем видеообращении генеральный директор библиотеки Ю. С. Носов подчеркнул, что теперь, с открытием в семинарии центра удаленного доступа, у преподавателей и студентов появился доступ ко всему фонду библиотеки, который измеряется более чем миллионом единиц хранения. Присутствующие смогли также посмотреть фильм о библиотеке. Ю. Г. Селиванова выступила с докладом «Ресурсы по истории и культуре Беларуси в цифровом собрании Президентской библиотеки», в котором был дан обзор соответствующих материалов, в том числе и о деятельности митрополита Иосифа (Семашко). Координирующий сотрудничество с Президентской библиотекой И. Ю. Перченко поблагодарил всех тех, чьими усилиями минские духовные школы получили полноценный доступ к столь богатому собранию, особо подчеркнув при этом роль председателя СИК к. б. протоиерея Александра Романчука.

В этот же день перед началом работы конференции состоялась лития по приснопамятному митрополиту Иосифу и его сподвижникам. Затем в читальном зале библиотеки МинДС состоялось открытие выставки по теме чтений.

В рамках торжественного открытия конференции были оглашены приветствия, направленные в адрес чтений Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, Патриаршим экзархом всея Беларуси, митрополитом Минским и Заславским Вениамином и Чрезвычайным и Полномочным Послом РФ в РБ Б. В. Грызловым. Приветствия со стороны священноначалия зачитал архиепископ Новогрудский и Слонимский Гурий. Предстоятель Русской Православной Церкви выразил надежду, что чтения «будут и впредь значимой научной площадкой, на которой церковные и светские исследователи из разных стран смогут делиться результатами своих изысканий и определять актуальные направления работы». Патриарший экзарх отметил особую роль митрополита Иосифа в истории белорусского народа, личность которого является символом церковного и народного единства, что в наши дни приобретает особое значение. При этом работа

церковных и светских историков из разных стран на чтениях важна также «для недопущения превратного толкования конфессионального прошлого народов Восточной Европы». Приветственное слова Посла России зачитал и. о. советника-посланника В. И. Ваньке. Наряду с перечислением заслуг митрополита Иосифа Б. В. Грызлов подчеркнул, что «в наших силах отдать должное этому выдающемуся деятелю, воздвигая ему памятники, называя его именем улицы, проводя конференции, публикуя о нем книги». В завершение этой вводной части конференции к присутствующим с пожеланием успешной работы на чтениях обратился Генеральный консул России в г. Гродно Ф. А. Владышевский.

Пленарное заседание открыл доклад президента Фонда изучения исторической перспективы, члена Общественной палаты РФ д. и н. *Н. А. Нарочницкой* «Религиозно-культурное основание Союзного государства России и Беларуси». Вышедший по видеосвязи белорусский ученый с Белосточкины проф., д. и н. *Антоний Мироневич* (Университет в Белостоке, Польша) выступил с сравнительным обзором «Два жизненных пути: Иосафат Кунцевич и Афанасий Филиппович, игумен Брестский». Проф. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета к. и. н., д-р церковной истории *В. И. Петрушко* осветил тему «Константинопольский патриархат и судьбы православия на территории Украины и Польши». Проф., д. и н. *А. Ю. Полунов* (МГУ им. М. В. Ломоносова) дистанционно представил доклад «Православие в контексте современной этноконфессиональной ситуации в России».

Во второй части пленарного заседания заместитель директора Института политических исследований проф., д-р социологии *Зоран Милошевич* (г. Белград, Сербия) сделал презентацию «Фанар и Сербская православная церковь». Проф. Софийского университета им. св. Климента Охридского д-р *Дарина Григорова* на блестящем русском языке сделала дистанционный доклад «Болгарский церковный вопрос и Константин Леонтьев». Доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова к. и. н. *О. Р. Айранетов* поведал о декларациях и реальных действиях англо-франко-австрийской дипломатии в 1863 г. Доцент, д. филос. н. *В. А. Щипков* (Московский государственный институт международных отношений МИД России, Российский православный университет св. Иоанна Богослова) выступил с сообщением «Давление США на Русскую Православную Церковь как средство геополитической борьбы: сфера науки и образования».

7 декабря конференция продолжила работу в читальном зале семинарской библиотеки. Организаторы приняли решение объединить две секции, посвященные истории православия в Белоруссии и истории православия в России и у других славянских народов. Первым прозвучал доклад зав. кафедрой церковной истории и церковно-практических дисциплин МинДА к. и. н. *В. А. Теплово* «Русская история в лекционных курсах М. И. Кояловича и П. Н. Жуковича». Н. с. Институт славяноведения РАН, ведущий эксперт Российского института стратегических исследований *О. Б. Неменский* выступил с темой «Концепция истории Русской церкви Льва Кривы и Иосафата Кунцевича». Доцент Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина к. и. н. *В. В. Сушко* постаралась осветить государственно-религиозные взаимоотношения в РБ в контексте трансформации аксиологических ценностей современного общества. Всеобщий интерес вызвал доклад проректора Смоленской духовной семинарии д. и. н., к. филос. н. *А. Ф. Гавриленкова* «Социальный портрет ссыльного грекокатолического священника Смоленской губернии в 30–60-е гг. XIX в.». Доцент, к. и. н. *А. Н. Свирид* (БрГУ им. А. С. Пушкина, г. Брест) рассказал о роли А. Неманцевича и альбертинских иезуитов в конфессиональной истории белорусских земель. Н. с. Институт славяноведения РАН к. и. н. *М. Ю. Дронов* сделал сообщение «Протоиерей К. Л. Кустодиев как исследователь церковной истории Угорской Руси (1870–1875 гг.)». М. н. с. Институт славяноведения РАН *С. М. Слоистов* проанализировал отношение будущего епископа Требишевского Мефодия (Канчуги) к Московскому патриархату и СССР в 1944–1946 гг. С. н. с., к. и. н. *А. А. Комзолова* (Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва) выступила с докладом «Проект Жировицкого народного института (1863)». Заключительным пунктом научной программы стала обзорная презентация минского независимого исследователя к. полит. н. *Н. Н. Малишевского*, посвященная Брестской унии как части проекта иезуитов. Практически все доклады сопровождались вопросами.

В течение конференции в аудиториях кроме зрелых ученых присутствовали также учащиеся МинДС, которые не стеснялись участвовать в дискуссиях.

На прощание ректор МинДС протоиерей Виктор Василевич вручил всем участникам чтений памятные подарки. С. М. Слоистов от имени собравшихся искренне поблагодарил организаторов во главе с отцом ректором за теплый славянский прием.

Хочется отметить также высокий уровень подготовки прошедших чтений. Организаторы встретили участников в белорусской столице, довели в Жировичи, а по окончании конференции отвезли обратно в Минск. Значительная часть оргработы легла на плечи председателя СИК протоиерея Александра Романчука и его заместителя, доцента МинДА к. и. н. А. Д. Гронского. Следующие чтения должны состояться в декабре 2024 г.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.29

М. Yu. Dronov, S. M. Sloistov

International Scientific Conference “XVI Readings in Memory of Metropolitan Joseph of Lithuania and Vilna (Semashko)”

Mikhail Yu. Dronov

Candidate of History, research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3284-4924

Sergei M. Sloistov

Junior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: centrum821@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-4591-4223

Citation

Dronov M. Yu., Sloistov S. M. International Scientific Conference “XVI Readings in Memory of Metropolitan Joseph of Lithuania and Vilna (Semashko)” // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 512–516 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.29

Received: 25.02.2024.

**XL Всероссийское диалектологическое совещание
«Лексический атлас русских народных говоров – 2024»**

Шалаева Татьяна Владимировна
Кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: koulkuk@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9836-0105

Цитирование

Шалаева Т. В. XL Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2024» // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 517–520. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.30

Текст поступил в редакцию 21.02.2024.

29–30 января 2024 года в Русском географическом обществе в Санкт-Петербурге прошло ежегодное Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2024». Оно было посвящено разнообразным аспектам русской диалектологии, хотя основное внимание закономерно уделялось вопросам, связанным с подготовкой атласа (ЛАРНГ), над которым ведут работу сотрудники Института славяноведения РАН, Института лингвистических исследований РАН и ведущих российских вузов.

Основные итоги работы над ним были изложены в докладах *Т. И. Вендиной* (Москва) «Лексическая дифференциация русских диалектов (по материалам 3 тома ЛАРНГ “Ландшафт”)», *С. А. Мызникова* и *М. Д. Корольковой* (Санкт-Петербург) «О ходе работы над проектом ЛАРНГ», *М. Д. Корольковой* и *И. М. Егорова* (Санкт-Петербург) «Электронная база ЛАРНГ: этапы создания».

Результаты анализа отдельных карт атласа были представлены в докладах *Е. В. Кузнецовой* (Волгоград) «Типология диалектных различий на лингвогеографической карте в аспектах частотности и продуктивности», *М. В. Флягиной* (Ростов-на-Дону) «Многозначность народных географических терминов: проблемы верификации и отражения на картах “Лексического атласа русских народных говоров”», *С. С. Токаревой* (Воронеж) «Наименование берега в русских

народных говорах: материалы к карте ЛАРНГ ЛСЛ 499. Берег (о. н.)», Т. С. Власовой (Санкт-Петербург) «Наименования ямы с водой в русских говорах», Н. В. Шевченко (Санкт-Петербург) «Значение слова *заводь* в русских говорах», Н. А. Красовской (Тула) «Репрезентация понятия *дерновая почва* в русских говорах».

Исследованию лексических особенностей конкретных русских диалектов были посвящены сообщения Н. А. Тупиковой и Н. А. Стародубцевой (Волгоград) «Использование обозначений ландшафта местности в речи донских казаков», Н. Ю. Грибовской (Тверь) «Зооморфная метафора как способ характеристики человека (на материале говоров Тверской области)», Ю. В. Каменской и А. И. Бурановой (Саратов) «Традиционный календарь в говорах Саратовской области», М. В. Пановой (Воронеж) «*Гробница, весёлка, дужка*: о названиях радуги в воронежских говорах», Д. Н. Гальцовой (Воронеж) «Наименования жилых построек в русских говорах Воронежской области в этнолингвистическом аспекте», М. М. Кондратенко (Санкт-Петербург) «Номинация времени суток в севернорусских говорах (на общеславянском фоне)».

Вопросы лексических явлений общерусского масштаба были затронуты в докладах Е. В. Колосько (Санкт-Петербург) «Мотивационная основа метафоры *штун*», Е. В. Тишиной (Москва) «Названия мукомольных приспособлений и устройств в русских говорах: деривационный и этимологический аспекты», А. А. Соколовой (Санкт-Петербург) «Подземные воды и питьевое водоснабжение в лексике русских говоров».

Лексикографического представления диалектной лексики касались в своих докладах А. В. Приображенский (Петрозаводск) и М. Д. Королькова (Санкт-Петербург) «Свод диалектных и региональных словарей: новые подходы и перспективы», А. В. Тер-Аванесова (Москва) «Проект “полного” словаря говора села Роговатое Белгородской области», И. Б. Качинская (Москва) «Этнолингвистический словарь Кенозерья, пробные словарные статьи: Ветер», М. В. Боброва (Санкт-Петербург) «Об окказиональных словах в говорах Пермского края».

Также на конференции прозвучали доклады о следующих разделах русской диалектологии:

– фонетика (С. В. Дьяченко, Москва, «Мосальское яканье: есть ли оно в Мосальске?»);

– словообразование (Е. Н. Ильина, Вологда, «Отономастическое словообразование в современных вологодских говорах»;

Т. В. Шалаева, Москва, «Географическая локализация суффиксов в русских диалектных названиях самок и детенышей животных»);

– грамматика (*Д. А. Анненкова*, Москва, «Предлоги со значением ‘между’ в архангельских говорах»; *В. А. Закревская*, Тюмень, «Некоторые особенности употребления глаголов будущего совершенного в диалектной речи»);

– фразеология (*В. М. Мокиенко*, Санкт-Петербург, «Областная фразеология как объект русской фразеологической неографии»);

– ономастика (*И. И. Муллонен*, Петрозаводск, «Лексические архаизмы в описании Шунгской межи (Заонежье) XVII века»; *Е. В. Цветкова*, Кострома, «Микрогидронимия костромского края (названия излучин)»; *В. Л. Васильев*, Великий Новгород, «Некоторые топонимические дополнения и уточнения к “Русскому диалектному этимологическому словарю” С. А. Мызникова»; *А. А. Петров*, Санкт-Петербург, «Антропонимия народов Севера: история изучения и особенности бытования»).

Системное описание диалектов стало темой докладов *А. Д. Черниковой* (Воронеж) «Языковая ситуация в сельских населенных пунктах Воронежской области», *С. М. Рудометовой* (Волгоград) «Особенности говора с. Верхнепегромного Волгоградской области» и *Д. А. Коваль* (Воронеж) «К проблеме характеристики языковой личности диалектоносителя».

Источники сведений о диалектных данных были рассмотрены в докладах *В. С. Картавенко* (Смоленск) «Фольклорные произведения – источник диалектной информации», *Н. С. Ганцовской* и *Г. Д. Негановой* (Кострома) «Макарьевский период деятельности А. В. Громова: материалы для ЛАРНГ», *А. Б. Коконовой* (Москва) «“Дневник Ивана Глотова” как источник диалектной лексики», *Е. В. Брысиной* и *В. И. Супруна* (Волгоград) «Номинация затонувших деревьев в русских художественных текстах», *С. С. Волкова* (Санкт-Петербург) «Диалектная лексика в текстах М. В. Ломоносова», *В. Б. Колосовой* (Санкт-Петербург) «Русские диалектные фитонимы: ранние фиксации».

Всего в совещании приняли участие диалектологи из 14 городов России, представляющие 19 академических и образовательных учреждений. Тексты докладов будут опубликованы в ежегодном сборнике «Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)» под редакцией С. А. Мызникова.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.30

T. V. Shalaeva

**XL All-Russian Dialectological Meeting
“Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects – 2024”**

Tatyana V. Shalaeva

Candidate of Letters, research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: koulkuk@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9836-0105

Citation

Shalaeva T. V. XL All-Russian Dialectological Meeting “Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects – 2024” // *Slavic Almanac*. 2024. No 1–2. P. 517–520 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.30

Received: 21.02.2024.

УДК: 811.163.3

Е. В. Степаненко

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.31

К 90-летию со дня рождения Р. П. Усиковой (1933–2018)

Степаненко Елена Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент

Военный университет им. Александра Невского

123001, ул. Большая Садовая, д. 14, стр. 1, Москва, Российская
Федерация

E-mail: els_philology@mail.ru

ORCID: 0009-0008-4218-9864

Цитирование

Степаненко Е. В. К 90-летию со дня рождения Р. П. Усиковой
(1933–2018) // Славянский альманах. 2024. № 1–2. С. 521–526.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.31

Текст поступил в редакцию 14.02.2024.

11 марта 2023 г. исполнилось бы 90 лет со дня рождения Рины Павловны Усиковой, доктора филологических наук, профессора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, выдающегося отечественного ученого-слависта, балканиста, педагога, переводчика, крупнейшего в мире специалиста в области македонского языка.

С именем Рины Павловны Усиковой неразрывно связано становление и развитие македонистики в нашей стране. Русская наука одной из первых обратила внимание мировой научной общественности на историю македонских славян, на специфику развития македонского языка, историю македонских диалектов на южнославянском и общеславянском фоне. Авторитет русской научной мысли сыграл важную роль в развитии македонистики по всему миру. Первые последовательные шаги лексикографического описания македонского литературного языка были предприняты в нашей стране. «Македонско-русский словарь», составленный Д. Толовским и В. М. Иллич-Свитиычем, под редакцией Н. И. Толстого, с приложением краткого грамматического справочника, составленного В. М. Иллич-Свитиычем (М., 1963; объем 30 000 слов), и в наши дни является уникальным изданием. Идеи, заложенные в трудах А. М. Селищева, С. Б. Бернштейна,

В. М. Иллич-Свитыча, Н. И. Толстого, получили развитие и продолжение в научной и педагогической деятельности Р. П. Усиковой.

Истоки глубоких знаний и широты научных интересов Рины Павловны Усиковой были заложены в годы ее учебы в Московском государственном университете на славянском отделении филологического факультета (1950–1955). Окончив филологический факультет МГУ по специальности «болгаристика», Р. П. Усикова работала редактором, преподавателем болгарского языка на кафедре славянской филологии, переводчиком-синхронистом на высшем уровне. Научные интересы Р. П. Усиковой складывались под влиянием выдающихся ученых – А. М. Селищева, автора фундаментальных трудов по проблемам исторической диалектологии македонского языка и сравнительно-исторической грамматики славянских языков, и С. Б. Бернштейна, лингвиста-слависта и балканиста, изучавшего македонский язык и македонскую культуру в историческом развитии. С. Б. Бернштейн внес выдающийся вклад в подготовку филологов-славистов, в изучение современного болгарского языка, описал особенности македонского литературного языка, кодифицированного в 1945 г. В 1947–1970 гг. С. Б. Бернштейн возглавлял кафедру славянской филологии МГУ, с 1947 по 1997 г. работал в Институте славяноведения Академии наук СССР. Под научным руководством С. Б. Бернштейна, предложившего Р. П. Усиковой в качестве предмета исследования выбрать македонский литературный язык, Р. П. Усикова заканчивает аспирантуру Института славяноведения Академии наук СССР по специализации «македонский язык» (1960–1964).

После защиты кандидатской диссертации «Морфология имени существительного и глагола в современном македонском литературном языке» (1965) Р. П. Усикова стажировалась в Скопье под руководством известного македонского ученого и общественного деятеля, одного из ведущих кодификаторов македонского языка, автора первой научной грамматики македонского литературного языка, профессора Блаже Конеского (1921–1993).

Вернувшись в Москву, Рина Павловна организует на филологическом факультете МГУ преподавание македонского языка, которое было введено в 1966 г. В 1975 г. на кафедре славянской филологии филологического факультета МГУ с привлечением носителей македонского языка – лекторов из Университета имени свв. Кирилла и Мефодия в Скопье – открывается специализация «македонский язык и литература». Р. П. Усикова возглавила это направление и начала

профессиональную подготовку научно-преподавательских кадров специалистов-филологов – македонистов-славистов и балканистов.

Р. П. Усикова была основателем и заведующей межфакультетской кафедрой славянских языков для нефилологических факультетов МГУ (1971–1989). В связи с открытием в МГУ факультета иностранных языков, куда была включена и межфакультетская кафедра славянских языков, Р. П. Усикова в начале 1990 г. вернулась в штат кафедры славянской филологии филологического факультета, чтобы полностью посвятить себя македонистике.

Научно-педагогическая деятельность Р. П. Усиковой была высоко оценена Македонской академией наук и искусств, которая в 1979 г. избрала ее своим членом. Труд Рины Павловны Усиковой отмечен многими наградами: правительственной наградой Социалистической Федеративной Республики Югославии – «Орденом югославского знамени с золотым венцом» (1989) и государственной наградой независимой Республики Македонии – «Медалью за заслуги перед Македонией» (2007).

Научное наследие Р. П. Усиковой на русском и македонском языках огромно. Достаточно пересмотреть перечень ее трудов (монографии, учебники, словари, статьи, рецензии). В области македонистики ей принадлежат многочисленные научные публикации, посвященные системе грамматических форм и категорий в македонском языке, особенностям становления и типологии македонского литературного языка, современной языковой ситуации, проблемам лексических заимствований, функционирования современного македонского языка, методике преподавания практического курса македонского языка, истории македонского языка и теоретической грамматики.

Рина Павловна была филологом широкого профиля. О разнообразии научных интересов свидетельствуют ее учебники и публикации в авторитетных научных изданиях: «К вопросу о характере категории переходности / непереходности глаголов в македонском языке» (Славянская филология, вып. XI, М., 1979); «Языковая ситуация в Македонии и современное состояние македонского языка» (Славяноведение, 1997, № 2); «Учебник болгарского языка» (в соавторстве с Ст. Гининой и И. В. Платоновой, под редакцией Р. П. Усиковой, М., 1985); «Состояние и проблемы македонской лексикографии» (Вестник Московского университета, серия «Филология», 1991, № 1); «Б. Видоеский. Диалекты македонского языка. Т. I, Скопье, 1998» (Славяноведение, 1999, № 5, рецензия); «К вопросу о сопоставительном изучении близкородственных славянских языков: македонский и болгарский» (Исследование

славянских языков в русле сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания, М., 2001); рецензия «Капитальный научный труд о стилистике современного македонского языка» на книгу Л. Миновой-Гурковой «Стилистика на современниот македонски јазик», Скопје, 2003 (Македонски јазик, Скопје, LIV–LV, 2003–2004); «С. Б. Бернштейн и развитие македонистики в нашей стране» (Филологический сборник памяти профессора Самуила Борисовича Бернштейна: К пятилетию со дня кончины, М., 2002).

В 1993–1997 гг. Р. П. Ускова преподавала практический русский язык студентам-русистам филологического факультета в Скопье. Под ее руководством в Скопье в 1966 г. был создан и опубликован учебник для носителей македонского языка «Русский язык для всех. Курс для продвинутого этапа» (Руски јазик за сите: курс за напреднати / Рина Ускова, Таисија попспирова, Роза Тасевска. Скопје, 1996). В 1996 г. Р. П. Усковой было присвоено звание Почетного доктора Университета им. свв. Кирилла и Мефодия в Скопье.

В коллективных монографиях и энциклопедических изданиях опубликованы статьи Р. П. Усковой: «Македонский язык» (Основы балканского языкознания. Ч. 2. Славянские языки, СПб., 1998); «Македонский язык» (Языки мира. Славянские языки, М., 2005; 2-е изд., исправленное и дополненное, М., 2017); «Македонский язык» (Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990; Большая советская энциклопедия, 3-е изд., т. 15, М., 1976; Большая российская энциклопедия, т. 18, М., 2011).

Р. П. Ускова – автор первых в России учебников и учебных пособий по македонскому языку, а также фундаментальной научной монографии «Грамматика македонского литературного языка» (М., 2003). Этот ценный труд, представляющий собой научное описание современного македонского языка как южнославянского и балканского, используется как учебник по македонскому языку, как справочное учебное пособие при преподавании македонского языка и база для сопоставительных и типологических исследований.

Важной научной публикацией в области македонистики является «Македонско-русский словарь» под общей редакцией Р. П. Усковой и Е. В. Верижниковой (М., 2003). Руководитель проекта и составитель грамматического справочника – Р. П. Ускова. Основой для данного Словаря послужил трехтомный «Македонско-русский словарь» – итог огромной и кропотливой работы большого авторского коллектива под руководством Р. П. Усковой, содержащий 65 000 слов, терминологических сочетаний и фразеологизмов с разнообразным

иллюстративным материалом (составители Р. П. Усикова, З. К. Шанова, Е. В. Верижникова, М. А. Поварничина, Скопје, 1997).

Публикации Р. П. Усиковой носят фундаментальный характер и уже стали неотъемлемой частью российской и мировой македонистики. Ряд работ Рины Павловны Усиковой переиздаются, что свидетельствует об их широком научном и общественном признании. В 2005 г. по совокупности трудов ею была защищена докторская диссертация «Современный литературный македонский язык как предмет славяноведения и балканистики». Данный труд издан на македонском языке на филологическом факультете им. Блаже Конеского Университета им. свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Современиот литературен македонски јазик како предмет на славистиката и балканистиката, Скопје, 2008).

Переводческая деятельность в нашей стране также связана с Риной Павловной Усиковой. Она подготовила несколько поколений высококвалифицированных специалистов-переводчиков, среди них мастера – практики перевода Е. В. Верижникова, О. В. Панькина и др. Научные исследования Рины Павловны в области македонистики и балканистики, глубокие знания македонской истории и культуры, свободное владение македонским языком стали надежным фундаментом для переводческой практики в области художественного перевода. Известны переводы Р. П. Усиковой драмы Г. Стефановского «Дикое мясо», романа Г. Абаджиева «Пустыня», рассказов Т. Момировского, С. Дракула, Й. Бошковского, Г. Абаджиева. Перу Р. П. Усиковой принадлежат блестящие переводы на русский язык научных статей и эссе Б. Конеского: «Современное состояние изучения македонского литературного языка» (Формирование славянских литературных языков: теоретические проблемы, М., 1983), «Обстоятельства и личная позиция (превод од македонски)» («Памяти Блаже Конеского (1921–1993)», Вестник Московского университета, серия «Филология», 2002, № 3).

Поколения отечественных македонистов были учениками Рины Павловны Усиковой. Студенты и аспиранты слушали лекции Рины Павловны, ходили на ее занятия и семинары, учились и продолжают учиться по ее книгам и учебникам. В 1990–1995 гг. мне посчастливилось учиться у Рины Павловны, работать под ее руководством над дипломной работой, выступать с докладом на Второй научной конференции молодых македонистов в период преддипломной практики в Скопье (1995), консультироваться по поводу кандидатской диссертации по проблемам перевода на материале македонского

и русского языков, выполненной в 2007 г. на кафедре лексикографии и теории перевода факультета иностранных языков и регионоведения МГУ под руководством профессора Ю. А. Бельчикова (1928–2018). С удовольствием и благодарностью вспоминаю лекции Рины Павловны на первом курсе, ее неторопливую манеру изложения учебного материала, ее воспоминания о великих ученых, мои встречи и беседы с Риной Павловной, ее ценные замечания и предложения. Рина Павловна воспитывала в нас профессиональные качества, пользовалась заслуженным авторитетом и уважением, была открыта для общения и консультаций.

До последних лет своей жизни Рина Павловна внимательно следила за новейшими научными исследованиями в области македонистики и славистики, стремилась передать накопленный опыт и знания своим ученикам. Она испытывала огромное уважение к своим учителям, последовательно отстаивала свои научные взгляды. В ней сочеталось все – огромное обаяние и большая жизненная энергия, жизнелюбие и высокая работоспособность, историческое мышление и научная широта, требовательность и внимание к ученикам. Память о Рине Павловне Усиковой сохранится в нас навсегда.

DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.31

Е. В. Степаненко

To the 90th anniversary of the birth of R. P. Usikova (1933–2018)

Elena V. Stepanenko
Candidate of Letters, associate professor
Prince Alexander Nevsky Military University
123001, 14/1 B. Sadovaya st., Moscow, Russian Federation
E-mail: els_philology@mail.ru
ORCID: 0009-0008-4218-9864

Citation:

Stepanenko E. V. To the 90th anniversary of the birth of R. P. Usikova (1933–2018) // *Slavic almanac*. 2024. No 1–2. P. 521–526 (in Russian).
DOI: 10.31168/2073-5731.2024.1-2.31

Received: 14.02.2024.

Научное издание

Славянский альманах

1·2 2024

Издательство «Индрик»

Начиная с 2019 г. в нашем журнале введены новые правила представления рукописи, доступные по электронному адресу:
<https://slavicalmanac.ru/index.php/slavicalmanac/authors>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7 977 905-58-01
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.

33,0 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

